

63.4(24)

К 95

Б.А. КУФТИН

МАТЕРИАЛЫ
К
АРХЕОЛОГИИ
КОСМИДЫ
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТЕХНИКА» ДА ПРОМ

63.4(24)
К95

Б. А. КУФТИН

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИИ КОЛХИДЫ I

8059

Корректор Биладзе Т. И.

Подписано к печати 19/IX-49 г. УЭ 104340. Печат. л. 26,5. Заказ № 1638. Тираж 2000.

Комбинат Печати Управления по делам Полиграфии и Издательств при Совете
Министров Грузинской ССР. Тбилиси, ул. Марджанишвили, 5.

Клише к рисункам и таблицам выполнены фото-цинкографией Управления по
делам Полиграфии и Издат. при Совете Министров Грузинской ССР.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТЕХНИКА ДА ШРОМА“
ТБИЛИСИ

1 9 4 9

БИБЛИОТЕКА
АВХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

მასალები კოლხეთის
არქეოლოგიისათვის I

აფხაზეთის

1934 წლის არქეოლოგიური
ექსპედიცია

აკადემიკოს ი. ი. მუხრანოვის
ხელმძღვანელობით

წინაფეოდალური აფხაზეთის
კულტურული და ეთნური
ისტორიის სამი ეტაპი
ბ. ა. კუფტინი

გამომცემლობა „ტექნიკა და შრომა“
თბილისი 1949

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИИ КОЛХИДЫ I

АБХАЗСКАЯ
археологическая
экспедиция 1934 года

под руководством академика
И. И. МЕЩАНИНОВА

ТРИ ЭТАПА ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО
И ЭТНИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ
ДОФЕОДАЛЬНОЙ АБХАЗИИ

Б. А. КУФТИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТЕХНИКА ДА ШРОМА“
ТБИЛИСИ 1949

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Д. П. ГОРДЕЕВ

Николаю Яковлевичу МАРРУ,
которому автор лично обязан карди-
нальными поворотами (1918 и 1933 г.г.)
к Кавказу и к Грузии его исследова-
тельского пути, с благодарной памятью
посвящается этот труд.

«Метехи», 1935 г.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Список иллюстраций в тексте	X
Перечень таблиц	XV
Предисловие	XVII
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	1

I. Селища и погребения эпохи греческой колонизации в Эшери.

1. Характеристика подъемного материала с поселений	5
2. Инвентарь двух разнотипных погребений на холме Верещагина	21
3. Семантика изображений на перстнях из второго погребения	55
4. Обряды погребений через кремацию и ингумацию	92
5. Местоположение эшерских поселений на исторической карте античной Колхиды	96

II. Могильник эпохи поздней бронзы.

1. Памятники кобаньского типа Западной Грузии	133
2. Кувшинный оссуарий в Эшери и обряд вторичных захоронений	178
3. Кобаньская поздне-бронзовая культура и киберо-сперская этническая стадия Кавказа	192
4. Послекобаньский инвентарь эпохи образования Колхского этнического слоя	236

III. Дольменная культура Абхазии.

1. Некоторые замечания в связи с открытием дольменов в Абхазии	258
2. Рясковка двух дольменов в Кюр-Дере и сравнительная характеристика погребального инвентаря	272
3. О характере инвентаря северо-кавказских дольменов	298
4. Вопрос об этническом оформлении дольменной стадии Восточного Черноморья	310

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ.

I. Указатель предметный	323
II. Указатель географический	344
III. Указатель именной	351
IV. Указатель лингвистический	357
IX	

Список иллюстраций в тексте.

Рис.	Стр.
1. Местоположение двух древних селищ на территории поселка Ам- жасари в сел. Эшери	6
2. Изображение вертикального ткацкого станка с пирамидальной формы отвесами на древне-греческой чернофигурной фазе VI в. д. э.	16
3. Золотой пояс, украшенный зернью, от полой бусы	19
4. Образцы керамики с восточного склона Верещагинского холма (а) и с античного селища (в)	20
5. Два соседних погребения эллинистической эпохи, через кремацию (пепел в урне) и ингумацию, на южном конце Верещагинского холма	22
6. Верхняя часть амфоры с двустовальными ручками и красочной ор- наментацией („киматием“) из скифского кургана № 11 станицы Некрасовской	25
7. Амфора с двустовальными ручками из скифского кургана № 11 станицы Некрасовской	27
8. Пять бронзовых круглопроволочных браслетов с выгибом из урны с поплом и рядом с ней	35
9. 1, 2—булавка и браслет с Бомборской поляны; 3—браслет из Аб- гархука; 4—5—два браслета из Дабла-Гоми	38
10. Чернотаковая чашечка—часть фрагментированного сосуда	41
11. Схематическое изображение древне-греческого чернотакового кув- шинчика (по В. Д. Блаватскому)	42
12. Два кувшинчика с волнообразным узором (гребенкой) по корпусу из грунтовой могилы и из урны с поплом на Верещагинском холме	43
13. Два бронзовых браслета и пара бронзовых височных колечек из погребения на Верещагинском холме	46
14. Золотой браслет из женского царского погребения в Сузах (по Моргану)	47
15. Сложный лук: 1—монгольский со спущенной тетивой (по Анучину); 2—лук с персепольного барельефа, с лебединными головками и предполагаемая его форма при спущенной тетиве	48

Рис.	Стр.
16. Два бронзовых перстня и два изображения на их щитах, из по- гребения на Верещагинском холме	55
17. Грифон на каменной печати древне-хеттской эпохи из Алишар- ского холма (по Е. Шмидту)	59
18. Грифон на халцедоновой печати с персо-арамейской надписью Кабинета Медалей в Париже	61
19 а. б. Четырехпроемные ажурные бронзовые бляхи из Имеретии с изображениями фантастических быков и змей (по Эйхвальду и Монпере)	82
20. Бронзовая поясная бляха с быкообразным существом, терзаемым тремя драконовидными собаками со святилища из Никор-Цминда . .	85
21. Инвентарь погребений ранневизантийской эпохи из Бзыбской Аб- хазии. 1—4 находки в сел. Мыцары 1928 г.: серебрянная фибу- ла и пружина с иглой от нее, в $\frac{1}{3}$ н. в.; бронзовая ромбо- видно-уплощенная концевка, около $\frac{1}{2}$ н. в.; бусы стеклянные, синяя и зеленая: железное копье в $\frac{1}{7}$ н. в. 5—7 находки в с. Мыцары 1929 г.: браслеты в $\frac{1}{3}$ н. в.; фрагмент браслета в $\frac{2}{5}$ н. в. 8—9 предметы из погребения на Новом Афоне (сел. Сушка): ян- тарная буса и бронзовый браслет в $\frac{1}{3}$ н. в.	94
22. Сухумская латинская надпись Флавия Арриана (по М. Ростовцеву) .	125
23. Карта Кавказа с культурно-производственными границами эпохи поздней бронзы	135
24. Лопасть бронзового топора из с. Приморского с изображением „твора“	139
25а. Шлем бронзовый из Фаскау (по Уваровой)	141
25в. Шлем бронзовый ассирийский из Нимруда (Британский Музей) .	141
26. Изображение жрецов с топорами колхидских типов на сиро-хет- тском цилиндре (по Контено)	143
27. Бронзовый кинжал с антенной рукоятью и широкопластный пин- цет в $\frac{1}{3}$ н. в. из находки в сел. Агудзера	148
28. Изображение головы „хищника“ с двойными баранчиками в пасти, на рукояти бронзового кинжала (по Уваровой)	154
29. Находки в Абгархуке и Новом Афоне. 1—2 бронзовая фибула с пластинчатым расширением дужки и привеска из Абгархука; 3—4 бронзовая фибула ранне-аттического типа (a navicella) и фраг- ментированный бронзовый сосудик, из находки с кобанским то- пором в Новом Афоне	160
30. Бронзовые манжеты негров Бенина (Зап. Африка)	162
31. Реконструкция бронзового пластинчатого культового облачения в форме двойного змеино-го протомы с изображением змей, из пер- вого Эшерского кувшинного оссуария	165

Рис.	Стр.
32. Ухо баттакской женщины (о. Суматра), с продетыми в него бронзовыми массивными украшениями (по Гагену)	166
33. Изображение львиной пасти на фрагменте электрового сосуда и меандровая грануляция на золотой подвеске, из находок с. Носири	170
34. Слиток меди из с. Носири в $\frac{1}{4}$ н. в.	177
35. Схематический рисунок кувшинного оссуария в сел. Эшери на первой стадии его расчистки	179
36. Схематический рисунок кувшинного оссуария в сел. Эшери на второй стадии его расчистки	181
37. Топор из кувшинного оссуария с гравированным орнаментом	193
38. Развертка гравированной композиции на кобанском топоре из раскопок Антоновича (по Куфтину)	194
39. Развернутый рисунок двух «коньков» на втулке бронзового копья из с. Эшери	213
40. Профильная реконструкция тонкостенной глиняной ситулы, содержащей клад бронзовых орудий из с. Зенита (Батумский музей)	217
41. Бронзовая литейная форма для топора и топор соответствующий ей из Боржомского района (рисунок напечатан в перевернутом положении)	220
42. Медная лопатообразной формы «сечка» с горы Чернявского в г. Сухуми, в $\frac{1}{2}$ н. в.	221
43. Медные орудия из «клада литейщика» в Цихидзири (инв. Муз. Груз. 93—07). 1—3 прокованные пластинчатые медные орудия; 4—пяточная часть литого тесла с боковыми выступами; 5—фрагмент медного серпа; 6—8 мотыги; 9—11 полулунной формы «сечки». В $\frac{1}{3}$ н. в.	222
44. Кройка обуви сапожным ножом полулунной формы на древне-греческой чернофигурной вазе из Орвието	223
45. Бронзовое кельтообразное орудие с узкой втулкой из Артвина (по Биттелю)	224
46. Два бронзовых топора из Месхети и Кларджети (Артануджи)	226
47. Медный топор из кургана станицы Воздвиженской в $\frac{1}{2}$ н. в.	228
48а. Хронологически разнородные находки из разных мест Абхазии (Абхазский Музей 1935 г.) в $\frac{1}{5}$ н. в. 1—2 очковидная и якоревидная бронзовые пряжки из с. В. Яштух; 3—топор из Пиленкова; 4—три медных полутороспиральных завитка из с. В. Яштух; 5—инкрустированная треугольниками (из сурьмяного сплава) бронзовая пряжка, отсюда же; 6—бронзовая скульптура быка из с. Абгархук	229
48б. Топор из с. Пиленково Новороссийского музея (теперь в музее г. Сочи) в $\frac{1}{2}$ н. в.	229

Рис.	Стр.
49. Два генетическо-типологических ряда медно-бронзовых топоров. Левый ряд: 1—клевек из Ура, аккадской эпохи; 2—топор из Ассура (слой Е); 3—топор из Бетсана; 4—топор из Албании (по Шантру); 5—топор из Кобани (по Уварову); 6—топор из Пицунды (1935 г.). Правый ряд: 7—топор из Ура аккадской эпохи; 8—топор из Ассура (слой Е); 9—топор из Абхазии (с. Пиленково); 10—топор из Аджарии (Батумский музей); 11—топор из Сурами (инв. муз. Гр. 11—32: 21); 12—топор из с. Зекари (Кутаисский музей)	231
50. Два колхидско-кобанских топора с молоточным и остросереберным обухами из с. с. Джвари и Хета (Зугдидский музей)	232
51. Древне-греческий фигурный терракотовый сосуд, изображающий силена с гигантским питьевым рогом	237
52. Бронзовая фигура «винопейца» из культового клада Бомборской поляны (Гудаутский район)	239
53. Бронзовая подвеска, в виде летящей птицы, на ажурной ленте из культового клада Бомборской поляны (Гудаутский район)	240
54. Бронзовые браслеты и фибулы из Бзыбской Абхазии: 1—находка в с. Абгархук; 2—из культового клада Бомборской поляны; 3—из погребения в Гудаутах; 4—5 из другого погребения в Гудаутах; 6—8 находка в с. Мыцары. Около $\frac{1}{2}$ н. в.	241
55. Бронзовый ритуальный предмет с фигурой божества-всадника на платформе, с головками баранов и колокольчиками из с. Абгархук, $\frac{1}{2}$ н. в.	244
56. План расположения дольменов по склону в Кюр-Дере	261
57. Бронзовая булава с куполообразной прорезной головкой из сел. Ачандара	269
58. Поперечный разрез затянутого землей дольмена II (в $\frac{1}{30}$ нат. вел.)	274
59. План раскопанного дольмена II (в $\frac{1}{30}$ нат. вел.)	276
60. Поперечный разрез дольмена IV (в $\frac{1}{30}$ нат. вел.)	277
61. План раскопанного дольмена IV (в $\frac{1}{30}$ нат. вел.)	279
62. Медный крюк с человеческими фигурками из первого дольмена станицы Новосвободной бывш. Царской (Моск. Ист. Музей)	282
63. Профильная реконструкция медных сосудов из курганных дольменов станицы Новосвободной (бывш. Царской): 1—горловая часть сосуда из второго дольмена и 2—котел из первого дольмена	291
64. Коричнево-красный и голубой пастовый бисер и каменные голубовато-серые бусы из дольмена II в нат. вел.	296

Рис.	Стр.
65. Две группы предметов из дольменных погребений. 1—3, из станицы Абадзехской (в $\frac{2}{3}$ нат. вел.); 4—6, из многогранного дольмена станицы Нововободной (бывш. Царской), в $\frac{2}{5}$ нат. вел.	301
66. Башнеобразный многогранный дольмен в курганный насыпи станицы Нововободной (по обмерам, описаниям и зарисовке Е. Фелицына и Н. Каменева)	306
67. Округлоконечный медный клинок („бритва“), шило, золотое височное кольцо и белый бисер из кургана станицы Костромской (в $\frac{2}{3}$ нат. велич.)	307

Перечень таблиц

	Между страницами
Табл. А. Группа участников экспедиции у дольмена в Кюр-Дере. Слева направо: проф. Б. А. Куфтин, А. Л. Лукин, нач. экспедиции академик И. И. Мещанинов и М. М. Иващенко	XIV—XV
Табл. I. Холм „Дача Верещагина“ в Эшери. Южный склон. (Черными треугольничками указаны места раскопок)	XVIII—1
Табл. II. Подъемный керамический материал с селищ античной эпохи в Эшери	20—21
Табл. III. Античная урна-амфора с пеплом покойника	28—29
Табл. IV. Четыре амфориска и два кувшинчика из урны с пеплом из грунтового погребения античной эпохи в Эшери	32—33
Табл. V. Чашечковидный фрагмент чернолакового сосуда, бронзовые браслеты и железный кривой ножичек из погребения античной эпохи в Эшери	48—49
Табл. VI. Бронзовые перстни и изображения на их щитках; браслет с лебедиными головками и низка бус, из погребений античной эпохи в Эшери	64—65
Табл. VII. Инвентарь погребений ранне-византийской эпохи в Цебельде	80—81
Табл. VIII. Фрагменты бронзовых античных шлемов с устья Келасури и бронзовые псалии от удиц Сухумского музея	128—129
Табл. IX. Кувшинный оссуарий эпохи поздней бронзы в Эшери, подготовленный к препарировке	132—133
Табл. X. Бронзовый инвентарь из „кувшинных“ погребений в сел. Приморском	144—145
Табл. XI. Бронзовый инвентарь из грунтового погребения в сел. Мгудзырхва	148—149
Табл. XII. Бронзовые украшения из грунтового погребения в сел. Мгудзырхва	156—157
Табл. XIII. Бронзовый (и золотой) инвентарь из разрушенных погребений в Эшери	160—161

	Между страницами
Табл. XIV. Бронзовый инвентарь из размытых погребений в Кюр-Дере и в Эшери	164—165
Табл. XV. Бронзовое оружие из разрушенного кувшинного оссуария в Эшери	172—173
Табл. XVI. Бронзовые пластинчатые изделия и черепок кувшинного оссуария из разрушенного погребения в Эшери	176—177
Табл. XVII. Бронзовые украшения и бусы из разрушенного кувшинного оссуария в Эшери	176—177
Табл. XVIII. Кувшинный оссуарий эпохи поздней бронзы в двух стадиях препарировки в Эшери	180—181
Табл. XIX. Глиняный сосуд, служивший оссуарием эпохи поздней бронзы в Эшери, после реставрации	188—189
Табл. XX. Железный, бронзовый и оловянный инвентарь кувшинного оссуария в Эшери	192—193
Табл. XXI. Деталь ornamentовки сосуда, служившего оссуарием в Эшери, и два бронзовых топора из Пицунды и из Сухумского музея	208—209
Табл. XXII. Бронзовые орудия и булава Батумского музея	224—225
Табл. XXIII. Бронзовые фигурки из культового клада Бомборской поляны, близ Гудаут (Коллекция А. Л. Лукина и Московского Исторического Музея)	240—241
Табл. XXIV. Золотой и бронзовый инвентарь из культового клада Бомборской поляны близ Гудаут (коллекция А. Л. Лукина и Московского исторического музея)	256—257
Табл. XXV. Фасад дольмена у Амткельского озера в Цебельдинском районе	258—259
Табл. XXVI. Общий вид на террасу, где расположена группа дольменов поселка Кюр-Дере, и освобожденная от земли покровная плита дольмена I	260—261
Табл. XXVII. Детали внутренней камеры дольмена I: угол потолка и желобчатый паз в боковой плите	268—269
Табл. XXVIII. Бронзовый инвентарь из дольмена I	276—277
Табл. XXIX. Фасад дольмена V с разрушенной покровной плитой и дно дольмена IV с отпрепарированными костями в углу	284—285
Табл. XXX. Меднобронзовый инвентарь из дольмена V	288—289
Табл. XXXI. Инвентарь из дольмена II	288—289
Табл. XXXII. Медный инвентарь из дольмена IV	292—293
Табл. XXXIII. Керамика из дольмена IV	300—301

Группа участников экспедиции у дольмена в Кюр-Дере. Слева направо: проф. Б. А. Куфтин, А. А. Лукин, нач. экспед. академик И. И. Мещанинов и М. М. Иващенко.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа, составляющая первый выпускаемый том «Материалов к археологии Колхиды» является выполненным автором зимой 1934 — 1935 года отчетом отряда, по исследованию памятников родового общества, — Абхазской археологической экспедиции 1934 года, проведенной под общим руководством академика И. И. Мещанинова.

Принятая в 1936 году Институтом Абхазской Культуры для напечатания XIII-м томом Трудов Института рукопись, под названием «Три исторических этапа в этническом оформлении дофеодальной Абхазии», осталась неизданной и по истечении трехлетнего срока была в конце 1939 года передана нами Отделу Охраны Памятников Культуры при Управлении по делам искусств ССР Грузии и Музею Искусств Метехи, включившими ее в предполагавшуюся тогда ими серию «Материалов» по археологическим раскопкам на территории ССР Грузии. Однако, военные события последующих лет еще надолго отложили возможность опубликования этой работы, к изданию которой удалось приступить лишь в 1946 году, а довести печатание книги до конца только в 1949 году, преодолевая послевоенные затруднения и сложность набора, проводившегося в разных типографиях, частью линотипом, частью ручным способом, чем и объясняются вкравшаяся местами невыдержанность пунктуации, типографские ошибки и разноречивость в шрифтах.

За этот большой почти пятнадцатилетний период времени с 1934 года, благодаря всемерной поддержке со стороны партии и правительства, археологические исследования в Грузии получили небывалое еще развитие. Достаточно указать на колоссальное научное значение результатов Мцхетской Археологической Экспедиции АН ССР Грузии, дманисских материалов Л. В. Мусхелишвили, алазанских и ряда других.

Нам лично пришлось руководить в предвоенные и послевоенные годы целым рядом археологических работ и на территории исторической Колхиды: так еще осенью и зимой 1935 года, по поручению Отдела Охраны Памятников Культуры Грузии, автором было поставлено исследование холмов с культурными слоями в районе строительства Очамчирского порта в Абхазии, и тогда же, по заданию Научного Отдела Наркомпроса провести подробное ознакомление с результатами и ходом раскопочных работ, проводимых Зугдидским Музеем в Анаклии; летом в 1936 году была нами организована и проведена экспедиция Института им. Н. Я. Марра в селении Дабла-Гоми Самтредского района; в 1937 году

продолжено по линии Института Абхазской Культуры и Отдела Охраны Памятников Культуры Грузии исследование абхазских дольменов в Кюр-Дере и весной 1939 года произведена раскопка могильника медной эпохи в Сачхери.

С окончанием войны археологические работы на территории Западной Грузии нами были возобновлены в систематической форме «маршрутных археологических экспедиций» по плану Гос. Музея Грузии: так в 1945 и 1946 г.г. осуществлена раскопка могильного холма Царцис-Гора в Сачхери и кургана в Корети. В 1946 году продолжена раскопка абхазских дольменов в Кюр-Дере и у Амткельского озера, проведены исследования береговой промысловой стоянки с текстильной керамикой у Красного маяка близ Сухуми и ряд разведочных работ в Цхалтубском районе.

Параллельно с этими работами, проводимыми в Западной Грузии, на долю автора выпала за это время еще большая задача, руководя в течение пяти сезонов 1936 — 1940 г.г. раскопками Тriaлетской Археологической Экспедиции Отдела Охраны Памятников Культуры Грузии, провести систематическое археологическое обследование территории Храмегестроа в верхнем бассейне р. Храма в Цалкинском районе, и возобновить эти работы в послевоенные годы, пока еще в уменьшенном масштабе, по линии Академии Наук ССР Грузии, в 1947 и 1948 г.г.

В 1945 и 1948 годах маршрутная археологическая разведка была осуществлена нами и в Восточной Грузии, обнаружив там ряд интересных памятников: во Внутренней Картли и Юго-Осетии, а также на территории Сквирети (Вера) Алтетского водораздела в районе селений Кикети, Табахмела и Телети.

Все эти перечисленные работы дали в распоряжение автора огромный материал, освещающий с новых сторон и многие вопросы, затронутые в публикуемом ныне первом, по времени, отчете автора об археологических раскопках в Грузии. Однако, включить теперь возникшие на этой основе и в значительной части опубликованные автором новые положения в законченную редакцию «отчета», касающегося конкретной работы и материалов, не является теперь возможным, да и целесообразным, тем более, что нам неоднократно приходилось уже ссылаться в этих напечатанных работах на различные места данного труда, как находившегося в печати под названием «Материалы к истории культурного и этнического оформления дофеодальной Абхазии».¹ Тем более, что и сами эти новые

¹ Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. Краткие сообщения ИИМК 1940, VIII, стр. 8.

Его же. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестн. Гос. Музея Грузии т. XIII, Тбилиси, 1943, стр. 51, литер. указ. № 85.

Его же. Археологические раскопки в Тriaлети I, Тбилиси, 1941, стр. 6, 32, литер. указат. №№ 28, 120.

положения и выводы, позднее полученные из несуществовавших еще тогда материалов и фактов, не столько оказываются колеблющимися занятиями здесь автором позиции, сколько показывают, как даже сравнительно ограниченный, количественно, вещевой материал экспедиции 1934 г. мог стойко выдержать напор скептиков и сторонников ходячих расистско-миграционных учений, будучи обработанным на основе этногенетических концепций Н. Я. Марра и марксистского понимания исторического процесса. В этом отношении основные подожения «отчета» о трех этапах этнического и культурного формирования населения дофеодальной Абхазии, начиная с дольменной стадии (древнейшего местного медно-бронзового производства), в кругу широких взаимодействий Западного Кавказа с Северным и Западным Черноморьем, Средиземноморьем и Древним Востоком, сами послужили значительной опорой для разрушения, с одной стороны, укоренившегося в те времена, среди археологов и историков Грузии, представления иностранных ученых Вирхова, Шантра, Вейле и др. о внезапном появлении лишь к концу бронзовой и началу железной эпохи, «культурных» народов на территорию Грузии и на Южный Кавказ¹ и, с другой стороны, получившей распространение к этому времени обратной внеисторической, отвлеченно социологизирующей, тенденции объяснять конкретно исторические факты схематично, как чисто стадийные проявления внутри будто бы полностью замкнутых обществ.

Именно эта сторона данного «отчета», отмеченная несколько позднее, уже сочувственно, в специальной рецензии на него грузинского писателя Геронтия Кикодзе,² была тесно связана в годы работы над этим трудом с научным освещением старых археологических фондов «Кавказского Музея», которые в 1934 — 1935 г.г. разрабатывались нами для первой археологической, существующей и ныне, экспозиции Музея Грузии,³ требующая и с указанной стороны подлинной по возможности фиксации основных положений, защищавшихся автором, в связи с этой ответственной работой, в ряде служебных и публичных докладов в Музее Грузии и Институте Кавказоведения (затем ИИМК Груз. Филиала АН) и сыгравших в дальнейшем определенную роль в деле постановки и развития последующих археологических разысканий на территории Грузии.

¹ Цит. соч. стр. 3 — 6.

² Рецензия Г. Д. Кикодзе, сделанная в 1939 году по заданию Отдела Охраны Памятников Культуры Грузии, на переданную туда для печати нашу рукопись, хранится в архиве Отдела.

³ Куфтин Б. А. Развернутая программа археологической экспозиции в Гос. Музее Грузии (доклассовое общество на Кавказе), 1 — 24 стр. (рукопись 1934 года).

⁴ Джавахишвили И. А. Письменные соображения о программе археологической экспозиции Музея Грузии, 1 — 14 стр. (рукопись 1934 г.). Обе рукописи хранятся в делах Музея.

Все эти соображения и заставляют нас, ограничившись лишь немногими справочного характера ссылками на позднее появившиеся работы (отмечены звездочкой), печатать настоящий труд в том самом виде, как он первоначально оформился у нас и был сдан в издательство Института Абхазской Культуры, предоставив самостоятельным публикациям более широкого круга материалов, в частности и дальнейших исследований в Абхазии, вводить все необходимые коррективы и разрешать получающиеся противоречия в трактовке разрастающихся археологических фактов.

Все это вместе взятое позволяет сохранить в неприкосновенности и яфетидологические установки, в отношении к анализируемым нами археологическим объектам, в той их исторической стадии (с четырьмя еще элементами) и в той самой форме, как сложились они у нас в год тяжелой болезни и смерти великого творца нового учения о языке (яфетической теории) академика Н. Я. Марра, которому с чувством благодарной памяти посвящается эта работа.

Б. А. Куфтин.

Тбилиси

7 марта 1939 и 25 июля 1949 гг.

Табл. I.

Холм "Дача Верещагина" в Эшери. Южный склон. (Черными треугольничками указаны места раскопок).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Работа Абхазской Археологической Экспедиции, проходившая под общим руководством академика И. И. Мещанинова в составе двух отрядов, по дороговому обществу (С. Н. Замятнин и Л. Н. Соловьев) и по родовому и античному обществу (академик И. И. Мещанинов, М. М. Иващенко, А. Л. Лукин и проф. Б. А. Куфтин), охватила в 1934—35 году четыре главные рода памятников: палеолит, мегалитическую культуру ранней поры меднобронзовой эпохи на Кавказе, бронзовую культуру типа Кобани, и памятники, связанные с древне-греческой колонизацией края. Три последние являются предметом настоящего отчета.¹

¹) Обработка материала экспедиции производилась зимой 1934—1935 года в Тбилиси в помещении, предоставленном мне для этого Институтом имени Н. Я. Марра. Реставрация и склейка керамики выполнена под моим руководством лабораторией Гос.Музея Грузии. Крайняя бедность библиотечных фондов Тбилиси соответствующей археологической литературой обусловила необходимость прибегать в исследовании часто не к основным работам по затрагиваемым в отчете вопросам, а к случайно оказывающимся в наличии публикациям. Некоторое количество книг мне удалось получить за время работы из Ленинграда в порядке межбиблиотечного обмена. Однако, за полным отсутствием в Тбилиси, я не имел возможности для работы над настоящим отчетом пользоваться совсем, ни такими капитальными изданиями, как *Mémoires de la Délégation en Perse*, как основные работы О. Montelius'a, Menghin'a, Gordon Childe'a, A. J. Evans'a, Fl. Petrie и пр. или как Ebert-Reallexikon, ни такими журналами, совсем не представленными здесь, как *Archiv für Orientforschung*, *Wiener Prähist. Zeitschrift*, *Anthropologie*, *Revue Archéologique*, *Journ. of the R. Anthropol. Inst.*, *Journ. of Archeologie*, *Liverpool Annals*, *Jahrbuch d. Deutsch. Arch. Inst.*, *Mannus*, *Man* и пр., не говоря уже о большинстве публикаций, за редкими исключениями, новейших крупных археологических раскопок в Передней Азии, Греции, Египте и Индии. Этим обстоятельством обусловлена часто недоработка ряда затрагиваемых в работе вопросов, опускать которые мне не хотелось в отчете, должном по своему характеру заострить внимание местных исследователей на всем разнообразии встающих проблем для их более углубленного изучения и проверки при дальнейшем расширении начатых археологических работ,

В самом начале работ для отряда по изучению памятников родового общества была поставлена задача, не ограничиваясь детальным исследованием какого-либо одного памятника, зачерпнуть для первого года работ материал из нескольких последовательных стадий развития родового общества, чтобы иметь возможность уловить общий ход исторического процесса, опираясь на отдельные конкретные его моменты. Это было тем более необходимо, что, с одной стороны, оказывается уже накопленным значительный новый археологический материал, требующий освещения и использования его, как исторического документа, с другой, отсутствуют совершенно работы, которые охватывали бы более или менее в целом этот процесс в отношении доклассового общества не только специально Абхазии или Грузии, но даже Закавказья и Кавказа. Вместе с тем именно памятники Абхазии, связанные с той территорией древней Колхиды, которая ранее других областей Закавказья вошла в близкое соприкосновение с классическим миром, могут явиться базой для точной хронологизации памятников послеурартской эпохи и больше того, стать ключом к пониманию самого процесса образования государственных форм на территории Грузии, тем более, что наряду с памятниками материальной культуры для этой территории имеются особенно богатые литературные свидетельства античных авторов. В то же время изучение хозяйственно-общественной жизни местных родоплеменных обществ Колхиды эпохи греческой колонизации позволит полнее подойти и к истолкованию фактов предшествующих стадий, хотя, быть может, и протекавших во взаимодействии с иными, до греческого морского господства на Черном море, цивилизациями восточного Средиземноморья, но принадлежащих тому же этногенетическому субстрату и относящихся к той же географической среде. Поэтому в целях обеспечения ортономического единства экспедицией были затронуты разнородные памятники с одной узкой территории, входящей ныне в одно Эшерское сельское общество. Это давало достаточную гарантию сразу иметь дело не с различными географическими фациями, а с последовательными хронологическими звеньями в развитии одного и того же общественного коллектива.

Можно было бы говорить здесь, в известной мере, и об этническом единстве, если с понятием этноса не связывать исключительно представлений о застывших неизменяемых в корне народах и расах, а видеть в нем совокупность последовательных закономерных типов общественно-языкового оформления некоторого человеческого агрегата в определенных географических условиях на различных стадиях его хозяйственного развития. Дело касается здесь, как мы упомяну-

ли выше, этногенетического субстрата и возникающих в нем исторических перемен. Конечно, было бы близоруким приписывать эти исторические перемены исключительно автохтонным силам данного общественного коллектива, т. к. известно, что ни одно общество не развивается изолированно и сами явления общественной изоляции и взаимодействия являются функциями исторического развития и получают различную выраженность и форму в условиях разных хозяйственно-общественных стадий и формаций. Сам материал археологический нельзя поэтому рассматривать изолированно: в географическом распространении однородных фактов необходимо находить опору для понимания размаха структурных границ той хозяйственно-общественной системы, определенное место в которой принадлежит изучаемому району. При огромном разнообразии человеческих обществ и географической среды сходство одностадиальных явлений усугубляется или ослабляется в зависимости от отсутствия или наличия однородных конкретно действующих в пределах той или иной хозяйственно-общественной системы исторических традиций, особенно экстенсивно проявляющих себя в условиях огромной продолжительности первобытных общественных состояний, о которых у нас идет речь.

Таким образом уже перед началом работ у нас, естественно, были поставлены вопросы о социально-экономической подготовленности местного населения к процессам эллинизации, о различных формах последней, о хронологической увязке памятников местного производства с проявлениями греческой торговой экспансии, о месте, занимаемом в истории древней Колхиды поздне-бронзовой индустрией, так называемого кобанского типа, наконец о хронологических взаимоотношениях и взаимоположении культуры «кобанской» и дольменной, а также и вопросы о приурочении этих памятников к различным фазам племенных оформлений Восточного Черноморья, как они рисовались в свете яфетической теории. Конечно, в первый год работы Абхазской экспедиции не удалось еще вполне разрешить все эти кардинальные, не только для Абхазии, но всего Кавказа, археологические вопросы, но собранный экспедицией материал и проработка коллекции Абхазского Музея в Сухуми, археологического отдела Гос. Музея Грузии, краеведческих музеев Батумского, Потийского и Зугдидского и, наконец, частной коллекции члена экспедиции краеведа Гудаутского района А. А. Лукина,¹ дает возможность значительно их

¹) Пользуюсь здесь случаем, со своей стороны, выразить благодарность Александру Лукичу Лукину, предоставившему нам не только возможность подробно ознакомиться с его собранием, но и снабдившего нас для отчета рядом фотографий с принадлежащих ему археологических находок.

продвинуть. Поэтому в настоящем предварительном отчете о результатах первого года работ при обзоре самого материала придется в известной мере затронуть и те более общие вопросы, которые составят предмет дальнейших исследований.

Местом работ экспедиции был избран один из ближайших к Сухуми районов, где, по имевшимся уже данным,¹ памятники античной колонизации связаны своим расположением с памятниками кобаньской культуры и куда сравнительно близко подступают дольменные сооружения в пос. Кюр-Дере. Таким образом отдельные пункты работ оказались отстоящими друг от друга не более, чем на расстоянии 6 — 7 километров, входя в одно широко раскинувшееся отдельными усадьбами сельское общество Эшери.

Выбор именно этого района обуславливался кроме того и необходимостью тщательной проверки наблюдений М. М. Иващенко, поскольку они приводили к ошибочным заключениям о стратиграфических взаимоотношениях указанных слоев между собой, в частности к отнесению бронзовой культуры кобаньского типа в Абхазии к эллинистическому времени, что коренным образом нарушало наиболее приемлемые археологические и исторические представления.

¹ Ivašenko M. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens B: Eurasia Septentrionalis Antiqua, Bd. VII, Helsinki, 1932, стр. 110.

1. СЕЛИЩА И ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В РАЙОНЕ ЭШЕРИ.

1. Характеристика подъемного материала с поселений.

Работы свои экспедиция начала с осмотра двух античных селищ, расположенных на территории поселка Амжасара на двух изолированных холмах, примыкающих к морскому побережью один за другим параллельно берегу с небольшой, в пол километра ширины, долинкой между ними. Северо-западный холм, известный под именем дачи Верещагина (табл. I) т. к. на нем находилась некогда усадьба известного художника Верещагина, достигает двухсот метров высоты над уровнем моря и отличается сильно вытянутой с юга на север формой и хорошо выраженными со всех сторон склонами.

Юго-восточный холм, ниже первого, имеет пологий северо-восточный скат, занятый табачной плантацией, и довольно круто обрывается с юго-западной стороны, образуя здесь сверху естественное обнажение почвы, дающее возможность местами наблюдать выступающий наружу культурный слой. На вершине этого второго холма имеются ямы, откуда, по словам местных крестьян, брался строительный камень для фундамента кооператива, и заросшие кустарником кучи камней (с примесью кусков шлака), напоминающие какие-то могилы хотя, скорее всего, это просто груды камней, брошенных при подготовке участка к пашне. Местами вершина холма по бугоркам сплошь усеяна обломками керамики и земля окрашена в красный цвет пережженной глиной.

В целях предварительной датировки этого холма на нем был собран подъемный материал из размытого на вершине культурного слоя и по пашне с табачной плантацией. Собранный материал близко напоминает, по характеру и составу, подъемный материал с других античных селищ восточно-черноморского побережья, в частности прибрежных холмов Потийской низменности. Он состоит из многочисленных обломков остродонных амфор, многочисленных черепков крупных, грубых сосудов с штрихованной наружной, а нередко и внутренней поверхностью, наконец обломков мелких сосудов из тонко отмученной серой глины, глиняных «грузил» усеченно лира-

мидалльной формы и пр. Осколков чернолаковой посуды на этот раз обнаружено не было, но по свидетельству М. М. Иващенко им был поднят здесь ранее чернолаковый фрагмент, доньшко чернолакового сосуда. Весь этот инвентарь в целом ясно свидетельствует о том, что селище относится к эпохе античной колонизации. Наличие черепиц

Рис. 1. Местоположение двух древних селищ на территории поселка Амжасара в сел. Эшери.

указывает на существование каких то сооружений на вершине холма, где сохранились следы древних фундаментов каменной кладки, разрушенной в последнее время крестьянами в поисках строительного материала. Рассмотрим несколько подробнее этот инвентарь.

Кровельная черепица представлена в проведенных нами сборах, к сожалению, исключительно фрагментами, не только не дающими возможности судить о размере, но и о деталях формы, в частности о способе взаимного соединения черепиц одного горизонтального ряда с другим при укладке их на крыше, что является одним из важнейших признаков, характеризующих черепицу известных производственных центров. На основании собранных фраг-

ментов удастся только сказать, что черепица лепилась из грубоватой, с примесью песка, глины толщиной 2,3—2,5 см. с характерным широким, слегка наклонно внутрь поставленным бортом около 5,4 см. высоты по наружному и 2,5—2,7 см. по внутреннему краю. Наверху борт слегка расширяется в сторону внутренней его стенки, которая образует легкий навес, и достигает 3,0-3,2 см. толщины. Дно черепицы и наружная стенка борта сохраняют на себе следы песчаной присыпки в то время, как внутренние поверхности просто сглажены вдоль, причем у самого борта заметно желобчатое углубление, стойко удерживающееся и на ранне феодальной черепице южного Кавказа, как это легко видеть по образцам кровельной черепицы например, с ранних храмов района Ани (Ереруйская базилика и др.).¹ Это дает возможность учесть некоторые моменты в технике изготовления кровельной черепицы. Повидимому глиняное тесто первоначально расплющивалось на посыпанной песком поверхности и затем уже сгибались и формировались борта при помощи боковых стенок деревянной формы. При этом грань борта делалась ровной и образованное ею с дном ребро—острым, а не округлым, как это можно видеть на черепице позднего римского времени из Мцхеты, где борт часто представляет собой просто отогнутый край днища одинаковой с ним толщины. Клейм на черепице обнаружено не было. На одном из поднятых фрагментов (Э-32) имеется на верхней поверхности днища «графити» в виде петлеобразного росчерка острой палочкой по сырой еще глине. Цвет черепицы в свежем изломе яркий, кирпично-красный.

От глиняных «калптеров» среди обломков черепицы не было подобрано ни одного фрагмента. При редкости находок калптеров² и на других античных селищах восточного Черноморья можно думать, что к ним прибегали только в декоративных целях в отдельных лишь случаях, пользуясь обычно для покрытия щелей меж черепичными бортами соседних рядов той же черепицей, перевернутой вверх дном. При этом вероятно вертикальные, по отношению к нижнему краю крыши, ряды укладывались не вплотную друг к другу, а на расстоянии, которое могло быть покрыто перевернутым рядом. Укладка рядов в притык все равно не достигала бы цели, так как

¹) Марр Н. Я. Описание дворцовой церкви в Ани. В: Анийские древности, I. Петроград, 1916, стр. 21, рис. 8—11.

²) Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 г. В: Изв. Арх. Ком., вып. 13, стр. 68. Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. В: Изв. Гос. Ак. Ист. Мат. Культ., вып. 104, 1935, стр. 286—287, 225 и 243.

отмеченный выше наклон бортов черепицы внутрь не позволил бы пригнать их плотно друг к другу. Зато при размещении черепицы указанным способом наклоненные внутрь борта, при существовании еще легкого выступа наверху внутренней их стенки, могли служить как бы замком, плотно укрепляя черепичный покров. Только в этом случае этот наклон борта внутрь может получить свое оправдание и объяснение.

Что касается вопроса о датировке черепичных фрагментов, то помимо того, что эти фрагменты слишком недостаточны для восстановления всех характерных особенностей черепицы, ее отдельные виды вообще с трудом поддаются хронологизации, т. к. общие представления о древних и более новых типологических признаках черепицы часто нарушаются применением в отдельных районах явно архаических типов и в более позднюю римскую эпоху. В то же время до сих пор в достаточной степени еще не учтен и типологически не изучен за исключением появившихся недавно тщательных работ В. Ф. Гайдукевича колоссальный черепичный материал наших причерноморских античных колоний, несмотря на огромный интерес, какой представляет этот массовый продукт, бывший экспортным для целого ряда античных производственных центров. Трудность хронологизации видов черепицы усугубляется чрезвычайно длительным использованием черепицы, туго поддающейся разрушению и попадающей в мусор нередко более чем через сотню лет по ее изготовлении. Поэтому даже в случаях особенно благоприятных для датировки черепицы, когда она служит материалом для гробницы, нельзя полагаться на определение ее возраста погребением, т. к. нередки случаи употребления для устройства могилы черепицы, уже прожившей сотни лет от времени ее изготовления, как показывают примеры приведенные Гайдукевичем.¹ Поэтому требуется при раскопках тщательная регистрация, собирание и описание всей находимой в определенных условиях черепицы, чего до сих пор совершенно не делалось, чтобы накопился материал, необходимый для изучения у нас как истории черепичного производства, так и путей ее торгового оборота.

Сравнивая характер и размеры борта нашей черепицы с описанной В. Ф. Гайдукевичем боспорской черепицей эллинистической эпохи мы видим известное сходство, но и существенную разницу, прежде всего в отсутствии у нас характерного валика на поверхности между бортами у верхнего края боспорской² черепицы.

¹) Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. В: Изв. Гос. Ак. Ист. Мат. Культ., вып. 104, 1935, стр. 264 — 265 и 217.

²) Гайдукевич В. Ф. Цит. соч. стр. 222. рис. 60 и 61.

Сходными и во всяком случае близкими оказываются средняя толщина черепицы (2,0—2,5 см.) и высота борта по наружному краю 5,5 см. Зато форма борта, утолщающегося кверху и наклонного внутри, не имеет ничего общего с боспорской черепицей, у которой борт не превышает по ширине толщину черепицы и представляет собой как бы загиб ее днища. Внутренняя стенка борта у боспорской черепицы не только не образует навеса, а напротив округло переходит в плоскость дна. Эти же особенности, за исключением вышеупомянутого валика, боспорская черепица сохраняет в еще более подчеркнутом виде и в римское время, как показывают образцы Камыш-Бурунской черепицы, ставшей более грубой по техническому выполнению.¹

Еще дальше наша черепица по наличным признакам отстоит от черепицы с астиномными клеймами, которую согласно Б. И. Гракову можно считать синопской и которая в большом количестве ввозилась в греческие колонии северного Черноморья, особенно в Ольвию и Херсонес. По схематическому рисунку поперечного разреза через борт этой черепицы у Б. Н. Гракова² можно видеть, что борт имеет сильно покатуую внутреннюю стенку и суженный верхний край. По приведенному В. Ф. Гайдукевичем описанию черепица с астиномными клеймами из неопубликованной рукописи В. В. Шкорпила в Керченском музее³ видно, что глина этой черепицы имеет свой характерный облик: она «грязно-желтого цвета, с большой примесью черных и светло-желтых крупинок» в то время, как боспорская и наша черепица имеет кирпично-красный цвет.

Таким образом можно сказать, что эшерская черепица не подходит по строению своих бортов к наиболее хорошо известным черепицам, как к привозной синопской, имевшей широкое распространение по городам северного Черноморья и Малой Азии, так и Пантикапейской. К сожалению у меня не оказалось материала для сопоставления нашей черепицы с черепицей Гераклеи Понтийской, которая, судя по распространению ее клейм, вывозила черепицу в Ольвию, Херсонес и на Киммерийский Боспор.⁴ Во всяком случае, поднятые нами на эшерском селище фрагменты черепицы указывают на значительный ее интерес и необходимость в дальнейшем поставить вопрос

¹) Гайдукевич В. Ф. Цит. соч. стр. 222 и стр. 240—241, рис. 67 а, б.

²) Граков Б. Н. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов. Москва, 1929, стр. 68. табл. 19. рис. 1.

³) Шкорпил В. В. Керамические надписи, найденные и приобретенные Керченским Музеем в 1906—1907 гг., стр. 145—146; цит. по В. Ф. Гайдукевичу.

⁴) Граков Б. Н. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. В: Изв. АИМК, 104, стр. 203.

как о месте ее изготовления, так и о традициях, действовавших на образование ее формы.

Тем более, что есть основание предполагать существование своей собственной, на восточном Черноморье, выработки черепицы, хотя бы в таком крупном городском центре, каким являлся Фазис в античную эпоху. Позднее, на основании прямого свидетельства Страбона,¹ мы знаем какую огромную роль в архитектурном оформлении покрова домов и общественных зданий играла черепица, создавая характерный облик поселений даже далеких от морских пристаней материковых частей Иберии.

Водопроводные трубы обнаружены в промыве в юго-западной части холма у его подошвы. Собранные фрагменты (Э-1) дают возможность лишь до известной степени выяснить форму труб и способы их соединения. Длина труб определена быть не может, так как обломки не превышают 20 см. Трубы вылеплены из глины с небольшой примесью мелкого песка и хорошо обожжены. Цвет их красный кирпичного оттенка. Форма труб приблизительно цилиндрическая с легкой вздутостью в середине. На одном конце имеется обычное расширение в форме легкого раструба, тогда как на другом, напротив, сделано ступенчатое сужение, позволяющее на узкий конец одной трубы одевать расширенный конец другой трубы. Глубина вложения достигает 5,5 см. и определяется уступом около 1 см. высотой на указанном расстоянии от конца трубы. Найденные фрагменты повидимому принадлежат трубам двух различных размеров. Внутренний диаметр расширенного конца трубы меньшего размера имеет 10,5 см., а большего размера достигает 15 см. Толщина стенок трубы имеет до 13,5 см.

К какому времени существования селища относится этот водопровод в настоящее время сказать трудно, возможно, что он значительно более поздний. Водопроводы подобного типа хорошо известны, начиная с римского времени, хотя и в древне-греческих городах наряду с 4-х гранными каменными, также и глиняными, трубами² начали употребляться очень рано и круглые гончарные трубы.³ Относительно того, как устроены водопроводы в северно-черноморских греческих колониях, существующие печатные отчеты не приводят нужного материала.

Остродонные амфоры представлены в сборах несколькими фрагментами ручек и одним донышком. Доннышко (Э-31) принадле-

¹ Страбон. География, кн. XI, 3. В: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, том I, вып. I, СПб., 1893, стр. 139.

² Изв. Арх. Ком., вып. 9, СПб., 1904, стр. 60—61, рис. 37.

³ Daremberg et Saglio. Dict. des antiquités gr. et rom., 3 fasc., Paris, 1874, стр. 338 со ссылкой на Hahn, Ausgrab. auf der Homer Pergams. 1865.

жит остродонной амфоре, которая характеризуется широким внизу корпусом, резко переходящим в узкую и короткую ножку с уплощенно-округлой головкой 4,5 см. в диаметре без следов выемки внизу (табл. II₃).

Последнее обстоятельство является для античных амфор менее обычным признаком. Что же касается формы перехода корпуса в ножку, то этот тип встречается уже среди амфор с вздутым горлом V-го века наряду с другой формой с вытянутым узким основанием, едва расширяющимся у самого дна, как это можно видеть на образцах в нижнем слое Елисаветовского городища.¹ То же было наблюдаемо и в Ольвии, где, например, подобными двумя типами был заложен вход в могилы № 38 и 51 из открытых в 1912 году.² Но особенно тип с широким корпусом получил развитие в IV веке, встречаясь опять таки наряду с другим более обычным типом с сухим вытянутым контуром. Так подобные амфоры были найдены у западной стены склепа кургана Солохи, как это можно видеть по рисункам у А. Федоровского,³ восполняющим отсутствующие в отчете Веселовского сведения о них. Но во всех упомянутых случаях донышки как широких так и узких амфор имели хорошо выраженное углубление, которого в нашей находке, как сказано, совсем нет. В верхних слоях Елисаветовского городища, наиболее тщательно изученного в отношении амфорных фрагментов памятника, исключительно представлены днища узких амфор с вытянутым основанием. Эта форма следовательно становится господствующей здесь в эпоху раннего эллинизма. Она связана с усиленным экспортом амфор, как тары для вина и масла с островов греческого архипелага и малоазийского побережья, где амфоры с вытянутым коническим корпусом особенно характерны в это время для Фазоса, Хиоса,⁴ Синопа,⁵ Гераклеи Понтийской (? с английскими клеймами)⁶ и пр.

¹ Княпович Т. Н. Опыт характеристики городища у ст. Елисаветовской. В: Изв. Ак. ИМК, вып. 104, стр. 125—126, рис. 28, 1—2.

² Pharnakowsky B. Archeologische Funde im Jahre 1912. В: Arch. Anz. 1913, 3.

³ Федоровский О. Инструкції та програми. Харків, 1927, рис. 46.

⁴ Граков Б. Н. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI — V веке до нашей эры. В: Изв. Гос. Ак. ИМК, вып. 108, 1935, стр. 177—178.

⁵ Егго же. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов. Москва, 1929, табл. 19.

⁶ Егго же. Английские клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. В: Тр. Ист. Музея, I, Москва, 1926, стр. 169—170, рис. 1 и 7.

С какими центрами производства связана широкая яйцевидная форма амфор, возможно, имевшая местами и иное назначение, чем узкая, сказать труднее. Известные по клеймам родосские и херсонесские амфоры примыкают к этому типу. Но более полному изучению амфорных типов чрезвычайно препятствует почти исключительное накопление в музеях фрагментов ручек и горлышек с клеймами и игнорирование в отчетах находок полных амфор, не получавших, как правило, ни зарисовок, ни описаний.

Поэтому, несмотря на колоссальное количество находок амфор, относящихся к самым различным эпохам на территории нашего Причерноморья, мы в настоящее время располагаем только единичными экземплярами в музеях и то лишенными большей частью точных данных об условиях их нахождения; в дореволюционной литературе мы не имели у нас ни одной публикации, где было бы дано хотя бы сколько-нибудь расчлененное описание этого характернейшего памятника массового античного производства. Особенно плохо обстоит в этом смысле дело с периодом позднего эллинизма, когда клеймение амфор уже было прекращено и не осталось и этой детали, привлекавшей к себе внимание. Только за последние годы, с проявлением с одной стороны более широкого интереса к явлениям хозяйственной жизни и с другой с углублением методологических приемов археологического исследования, появилось у нас несколько ценных работ Б. Н. Гракова, а также Т. Н. Книпович, в которых почти впервые в печати остродонная античная амфора получила должное к себе внимание и освещение, хотя неизбежно пока еще неполное и фрагментарное, вследствие дефектности музейного материала. Так нам не удалось, как это ни странно, познакомиться по литературным источникам с полной формой и донышком херсонесской эллинистической амфоры, хотя по клеймам эта амфора хорошо известна. Рисунки, приведенные Б. Н. Граковым¹ и В. Ф. Гайдукевичем² дают лишь верхнюю ее часть (горло и ручки). Судя по аналогии с амфорой из Керчи Музея Грузии,³ соответствующей вполне по величине, пропорциям, профилю, форме венчика с резким нижним краем, характеру и размеру ручек с выпуклым средним тягом и пальцевыми вдавлениями у основания, верхней части амфоры, приведенной В. Ф. Гайдукевичем, можно думать, что эта амфора имеет донышко с силь-

¹) Граков Б. Н. Эллинистические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. В: Тр. Ист. Музея, I, Москва, 1926, табл. II, 3.

²) Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи. В: Изв. Гос. Ак. ИМК, вып. 80, стр. 11 и 13, рис. 1.

³) Уварова П. С. Археология. В: Коллекция Кавказского Музея, т. V, Тифлис, 1902, стр. 172, № 181.

но расширенным до 7 см. в диаметре валикообразным краем и глубокой выемкой.

Найденное нами донышко не удастся таким образом связать с какой-либо известной цельной амфорной формой. На основании посланной мною фотографии и описанию Б. Н. Граков¹ мог лишь установить, что донышко принадлежало амфоре IV—III века до нашей эры.

К IV-му веку относится по мнению Б. Н. Гракова найденная здесь же амфорная ручка (Э-5) с клеймом, положенным на верхнюю ее часть за поворотом к горлышку. Сохранился от этой ручки именно этот верхний ее фрагмент с частью стенки амфорного горлышка, позволяющего выяснить его внутренний диаметр, который достигает на уровне верхнего прикрепления ручки 6-7 см. Уплощенная форма этой ручки отличается желобчатым вдавлением вдоль ее верхней поверхности, так что края ручки выступают двумя округлыми тягами. Ручка довольно сильно расширяется к горлу, где имеет 4,8 см. ширины, тогда как в середине ширина ее достигает лишь 5 см. Клеймо представляет собою почти прямоугольное вдавление 2,9 × 1,8 см. с рельефной эмблемой внутри, именно грубым изображением какой-то фигуры, напоминающей дельфина с рыбьим хвостом и двумя боковыми лапами-плавниками. Никаких буквенных знаков на клейме нет. Цвет ручки красно-розовый (табл. II).

Остальные три ручки, записанные под одним полевым номером (Э-30), не имеют клейм. Одна из них сохранилась с фрагментом шейки и венчика, дающим возможность определить приблизительно диаметр горла около 6 см. Амфора была слеплена из красновато-розовой глины со стенками до 1 см. толщиной. Ручка в поперечном разрезе имеет закругленно сегментовидную форму с выпуклой наружной и уплощенной внутренней стороной около 37 мм. ширины и 17 мм. толщины. От места прикрепления ручки к горлу ее верхнее колено отходит слегка наклонно вниз. Бортик венчика имеет форму округлого тяга, более или менее определенно отделяющегося снизу от стенки горла.

Другой фрагмент, отличающийся более красным цветом глины, имеет совсем иной заостренный сверху венчик с бортиком, отделяющимся снизу от горла более или менее резким углом. Ручка, имеющая в разрезе более овальную форму, значительно массивнее предыдущей (в 50 мм. шириной и 23 мм. толщиной), образует после отхода ее от горла резко заметный выгиб сверху. Толщина стенок горла имеет около 6,5 мм.

¹) За сделанные определения приношу Б. Н. Гракову мою благодарность.

Подобного размера и формы ручка встречается на синопских эллинистических амфорах. К сожалению единственное доступное мне изображение синопской амфоры у Б. Н. Гракова¹ не имеет венчика и описание его также отсутствует.

Амфора с венчиком подобным нашему фрагменту и массивными ручками в 55 мм. шириной без клейма была найдена В. Л. Бернштамом² в скифском погребении ранне эллинистического времени в кургане № 7 группы В станицы Некрасовской, о котором ниже. Широкое и сравнительно короткое горло этой амфоры не имеет суженного перехвата в середине, а постепенно расширяясь все время, переходит в пологие плечики, подобно тому, как на херсонесских амфорах с печатью астинома Истропа, сына Аполлония, найденными в Херсонесе в 1899 году Косцюшко-Валюжиничем³ в обжигательной печи, в связи с которой верх такой амфоры опубликовал теперь В. Ф. Гайдукевич.⁴ Амфора из Некрасовского кургана № 7 отличается лишь несколько большими размерами: так длина ручек достигает 147 мм. при ширине 55 мм. Ножка этой Некрасовской амфоры с розовато-кирпичного теплого тона, как удалось установить подбором черепков, отличается крупным размером головки (7,5 см. в диаметре), отделенной довольно резким уступом от шейки, и со слабо выраженным углублением снизу. Любопытно, что горло этой амфоры как и упомянутой ниже амфоры из другого Некрасовского кургана несет необычный для подобных амфор узор черной и белой краской в виде «киматия» и прямоугольного меандра, разложившегося на отдельные кассеты (рис. 6).

Третий фрагмент ручки принадлежит не амфоре, а крупному красно-глиняному кувшину.

Глиняные отвесы 4-х гранно-пирамидальной формы найдены в двух экземплярах (табл. II₂). Они имеют усеченную вершину и слегка вогнутые внутрь ребра граней, что увеличивает массивность основания и облегчает верхнюю их часть. Леплены оба отвеса без формы от руки из довольно грубого глиняного теста. Длина по боковому

¹) Граков Б. Н. Древне-греческие керамические клейма с именем астиномов. Москва, 1928 г., стр. 65, табл. 19.

²) Бернштам В. Л. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 г. В: Пятый Археолог. Съезд в Тифлисе. Проток. Подготов. Комит., Москва, 1879, стр. 317.

Уварова П. С. Археология В: Коллекции Кавказского Музея, т. V, Тифлис, 1902, стр. 151, № 3177—3178.

³) Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г., В: Изв. Арх. Ком. вып. 1, 1901 г., стр.

⁴) Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи. В: Изв. Гос. Акад. ИМК вып. 80, стр. 11, рис. 1.

ребру достигает 55 мм, а ширина основания у одного 40, у другого 47 мм., ширина вершины 17 мм. Отверстие прокалывалось у вершины в мягкой глине гибкой веточкой не всегда достаточно правильно.

Подобные глиняные пирамидальные отвесы хорошо известны из древне-греческих слоев Херсонеса и других греческих колоний Черноморского побережья. Они часто несут на себе клейма мастерских, дающих возможность установить для многих мест их привозное происхождение. Обычно их называют грузилами и относят к рыболовному хозяйству.¹ Однако, с этим вряд ли можно согласиться. Как грузила для рыболовных снастей они крайне нецелесообразны, особенно неудобно для этого их назначения положение отверстия на тонком, легко ломающемся конце. Еще Сизов,² нашедший их в древне-греческих слоях Сухуми с чернолаковой посудой, сомневался в их применении, как грузил и называл их отвесами. Вряд ли однако это отвес для каменщика, как он думает. С одной стороны их массовое нахождение во время раскопок, например в Херсонесе по отчету 1899 года до 350 штук, с другой, нередко тщательное клеймение их³ указывает скорее на совсем иное их назначение. Это всего скорее отвесы для основы вертикального древне-греческого ткацкого станка.⁴ Их можно хорошо различить, например, на приведенном изображении (рис. 2) такого станка на греческой вазе VI-го века.⁵ Но они несомненно всходят к еще более древней эпохе: во Фракии, Семигрии, Венгрии находят в слоях даже ранне-бронзовой эпохи. Совершенно такие же глиняные отвесы пирамидальные, а кроме того и полусферические известны в Гиссарлыке-Трое, начиная с 6-го города.

¹) Косцюшко-Валюжинич К. К. Цит. Соч. стр. 35 и его же, Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1902. В: ИАК, 9, стр. 58.

Hatt Gudmund. Emplacement d'incendie d'une maison de l'âge du fer dans l'île de Mors. В: Mem. de la Soc. R. des Ant. du Nord, Copenhagen, 1929—1930, стр. 334—335, рис. 24—25 (вдвое крупнее наших).

²) Сизов В. Восточное побережье Черного моря. В: Мат. по Арх. Кавк. вып. II, Москва, 1889, стр. 14, 17, фототип. табл. I, 16.

³) Мальмберг В. К. Описание классических древностей, найденных в 1888 и 1889 гг. В: Мат. по Арх. России, № 7, СПб, 1892, стр. 29—30.

⁴) Нидерле Л. Человечество в доисторические времена, перев. Ф. К. Волкова. СПб, 1898, стр. 168, рис. 127. Предположение Л. Нидерле о возможности видеть в этих изделиях очажные подставки относится только к предметам иных размеров.

⁵) Façon Harriet. A model of an ancient greek loom. В: Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, v. XXVII, New York, 1932, стр. 70—71, рис. 1 2.

Richter Gisela M. A. A stand by Kleitias and an Athenian jug, там же, v. XXVI, 1931, стр. 292—294.

Arne T. I.,¹ публикующий отвесы той же формы и величины (37 — 67 мм.) из древних стоянок медной эпохи в районе Боспора (фракийского), также считает их гирьками ткацкого станка «vavtingderna».

Наличие подобных отвесов в культурном слое нашего городища не может, таким образом, явиться вполне самостоятельным датирующим

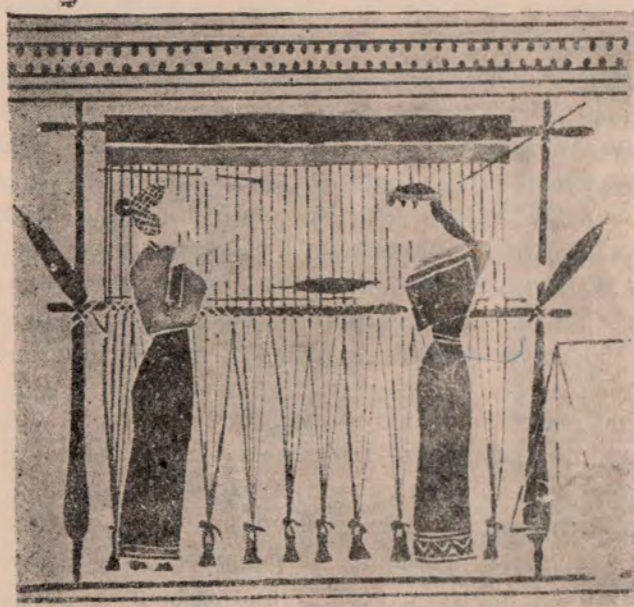

Рис. 2. Изображение вертикального ткацкого станка с пирамидальной формы отвесами на древне-греческой чернофигурной вазе VI в. до н. э.

фактором, но наряду с фрагментами амфор и кровельных черепиц, присутствие этих отвесов может стать для городища показателем его существования, скорее всего, в ранне-эллинистическую эпоху, так как в поздне-эллинистическую эпоху вышеуказанный ткацкий станок уже выходит из употребления.

Поэтому вряд ли прав Гошкевич, относящий эти отвесы, для городищ низового Днепра, к эпохе не ранее II-го века до нашей эры, преимущественно к римскому времени.²

А. А. Миллер находил подобные поделки, но, вместо пирамидальной, усеченно-конической формы, в римских слоях Усть-Лабинского

¹) Arne T. I. Den äldsta bebyggelsen vid Bosporen (Древнейшее поселение на Боспоре). В: Fornvännen, 1922, стр. 122—123, рис. 58.

²) Гошкевич В. И. Древние городища по берегам низового Днепра. В: ИАК, вып. 47, СПб, 1913, стр. 131, рис. 24 и стр. 133.

городища и приводит в своем отчете для объяснения их значения, хотя с заслуженным сомнением, гипотезу Кимаковича-Виницкого,¹ что это — подставки для веретен.

Чернолаковые керамические фрагменты на этот раз не были подняты на городище, но как сказано выше, по свидетельству М. М. Иващенко, ранее им был найден здесь обломок доньшка чернолакового сосуда,² указывающего на принадлежность одного из культурных слоев городища к эпохе, во всяком случае, не позднее конца раннего эллинизма, что подтверждает возможную уже на основании выше рассмотренного материала, датировку IV—III веком до нашей эры.

Посуда из тонко-отмученной глины представлена в подъемном материале фрагментом доньшка плоской чаши или тарелки светлогрифельно-серого цвета Э—8. В этом фрагменте сохранилась плоская часть дна толщиной 5 мм. и половина сильно выступающей кольцевидной подставки в 75 мм. диаметром. Нижний край подставки слегка утолщен и отогнут наружу для придания большей устойчивости сосуду. Подобная тонкая грифельно-серая керамика, повторяющая нередко формы чернолаковой посуды, составляет довольно значительную примесь в составе черепков и других древне-греческих поселений Черноморья. Но известная под именем «простой тонкостенной керамики», она в отчетах не останавливала на себе достаточного внимания. Более подробно рассмотренная Т. Н. Книпович³ среди находок на Елизаветовском городище, эта керамика определяется там как продукция местных мастерских Боспорского царства.

Посуда простой выработки принадлежит несомненно продукции местных керамических мастерских, как это между прочим доказывается находкой двух спекшихся при обжиге черепков, Э—12. Здесь следует прежде всего отметить многочисленность осколков от очень крупных толстодонных сосудов. Толщина фрагментов в среднем колеблется от 14 до 16 мм., но в отдельных случаях достигает 19, а по краю венчика и до 30 мм. Глиняное тесто грубое с песчаной примесью, особенно отчетливо выступающей на поверхности обветренных черепков. Внутренняя поверхность фрагментов обычно красноватая гладкая, верхняя темная и покрыта более или менее глубокими бороздками в горизонтальном и косом направлениях. Так в образце Э—10 (табл. II₉) на 10 мм. приходится 4 глубоких бороздки,

¹) Kimałowicz-Winnicki M. (von) Spinn- und Webewerkzeuge. Würzburg, 1910, стр. 43 по А. А. Миллеру: Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции 1924—25 гг. В: Сообщения РАИМК, т. I, стр. 123.

²) Иващенко М. М. Цит. соч. стр. 109.

³) Книпович Т. Н. Цит. соч. стр. 155.

Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

полученных видимо, благодаря обработке верхней поверхности сосуда по влажной глине особой щеткой или метелкой из коротких и грубых стеблей. На другом фрагменте бороздки более мелкие (9 на 10 мм.), но кроме них на внутренней его стороне имеются более правильные крупные (3 на 10 мм.), возрастающие в одном направлении желобчатые бороздки, как бы нанесенные сосновой щепкой, на конце которой чередуются плотные и рыхлые слои годовичных колец (табл. II₁₂).

Фрагмент Э—33 отличается сплошным светло-красноватым цветом, имеет толщину 16 мм и покрыт также не очень правильными горизонтальными бороздками (5 на 10 мм.) с наружной и внутренней поверхности. Кроме того на наружной поверхности этого фрагмента проходит часть горизонтального пояска, намеченного елочко расположенными довольно глубокими вдавлениями, полученными от ударов концом деревянной лопатки вокруг слепленного сосуда (табл. II₁₁).

О размере таких сосудов отчасти позволяет судить фрагмент Э—9 из бурой глины. Он представляет собою часть венчика с отогнутым наружу сильно утолщенным (до 25 мм.) краем, горизонтально гофрированным снаружи. Внутренний диаметр горла достигает 40 см. Следует еще упомянуть о фрагменте, представляющем собою часть доньшка и ножку своеобразного сосуда местной работы из сильно сухой с грубой песчаной примесью светло-серой глины. Сосуд, видимо, имел форму круглодонной чаши или бокала на высокой, до 53 мм. конической ножке с плоской стопой в 45 мм. в диаметре. Кривизна дна достигает в диаметре 20 мм., толщина стенок 5 мм.

Дача Верещагина так же как и рассмотренный холм, обнаруживает на вершине во многих местах хорошо сохранившийся культурный слой. Как видно по подъемному материалу, собранному на его поверхности, здесь представлен тот же приблизительно комплекс предметов (табл. II₄, «в») как и на первом холме, хотя кровельная черепица в данном случае, повидимому, отсутствует.

По восточному склону холма в небольших оползнях возможно было наблюдать выходы культурного слоя около $\frac{1}{2}$ метра мощностью. Вымытый из него инвентарь покрывает местами восточный склон, занятый табачными плантациями. Кроме фрагментов керамики, часть которой явно относится уже к иному культурному слою, здесь был подобран нами в пашне небольшой кольцевидный предмет из золота, представляющий собой, повидимому, поясok от шаровидной полой золотой бусы диаметром около 15 мм. (рис. 3). Поясок украшен зернью (18 горок из пяти золотых зернышек каждая) и обрамлен двумя рубчатыми проволочками, имитирующими мелкую зернь. По

краям пояска сохранились обрывки гладкой тонкой золотой пластинки, видимо от стенок бусы (табл. XIII₄). Однако считать этот предмет принадлежащим к рассматриваемому культурному слою у нас нет достаточных оснований.

Рис. 3. Золотой поясok, украшенный зернью, от полой бусы.

По этому склону у его вершины была заложена пробная площадка в 4×2,5 м. на месте скопления керамических обломков. Здесь были собраны осколки трех сосудов различной величины и выяснено сползание культурного слоя и перекрытие его галькой.

Но в отличие от первого селища на восточном склоне Верещагинского холма к этой крупной керамике античной эпохи примешивается керамика совершенно иного облика (рис. 4). Эти обломки также крупных, но значительно более тонкостенных сосудов обыкновенно 7—8, самое большее, 9 мм. толщины. Их характерной особенностью является украшение гребенчатым штампом или непосредственно поверхности сосуда или наlepных горизонтальных и косых лент. Среди керамики античных слоев этот прием встречается местами лишь в выродившихся грубых формах. Небольшой фрагмент с гребенчатым узором, опубликованный Сизовым,¹ как происходящий из средневекового культурного слоя, раскопанного им близ Сухумских казарм, по моему мнению, не синхроничен ему и скорее свидетельствует о существовании потревоженного строительством стены феодальной эпохи значительно более древнего слоя, вероятно, еще доантичной эпохи. Неразличение этих двух типов керамики друг от друга, при недостаточном учете существующих археологических материалов и их стратиграфии, вообще, и привели к вышеупомянутому заключению об одновременности эллинистической и кобаньской культуры в

¹) Сизов В. Цит. Соч. стр. 31, фототип, табл. VII, 11.

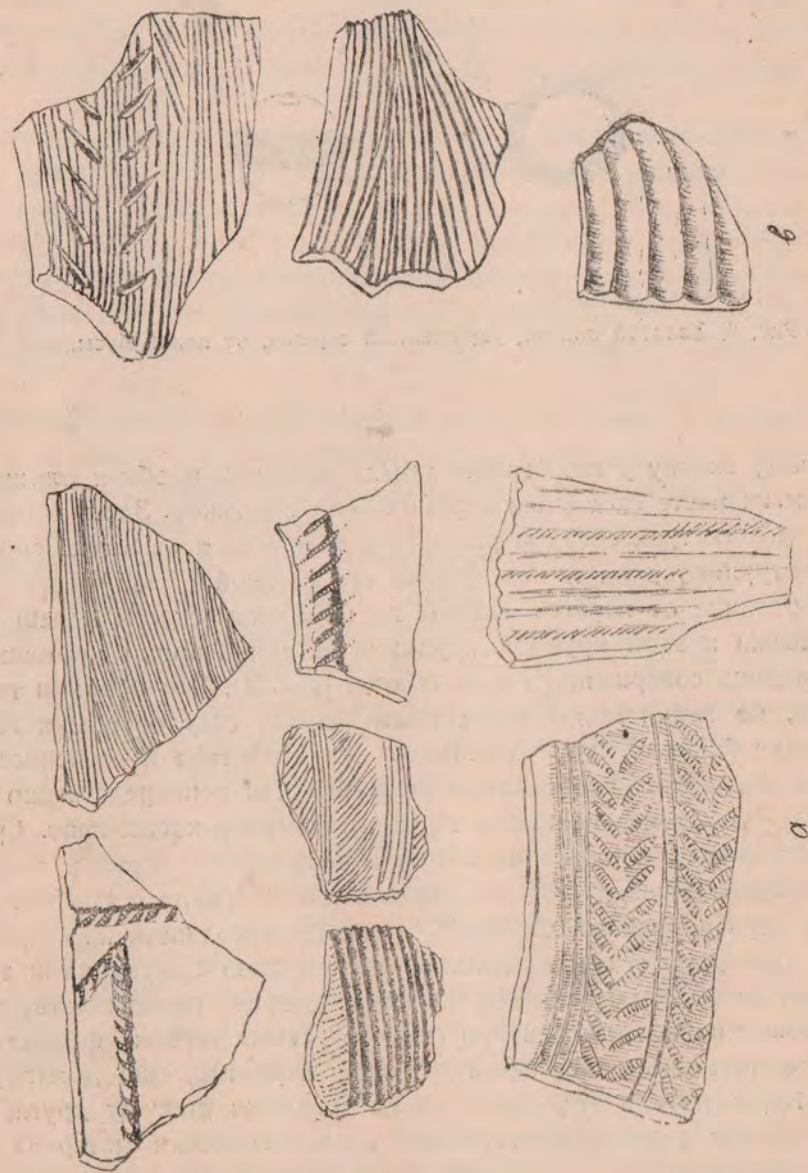
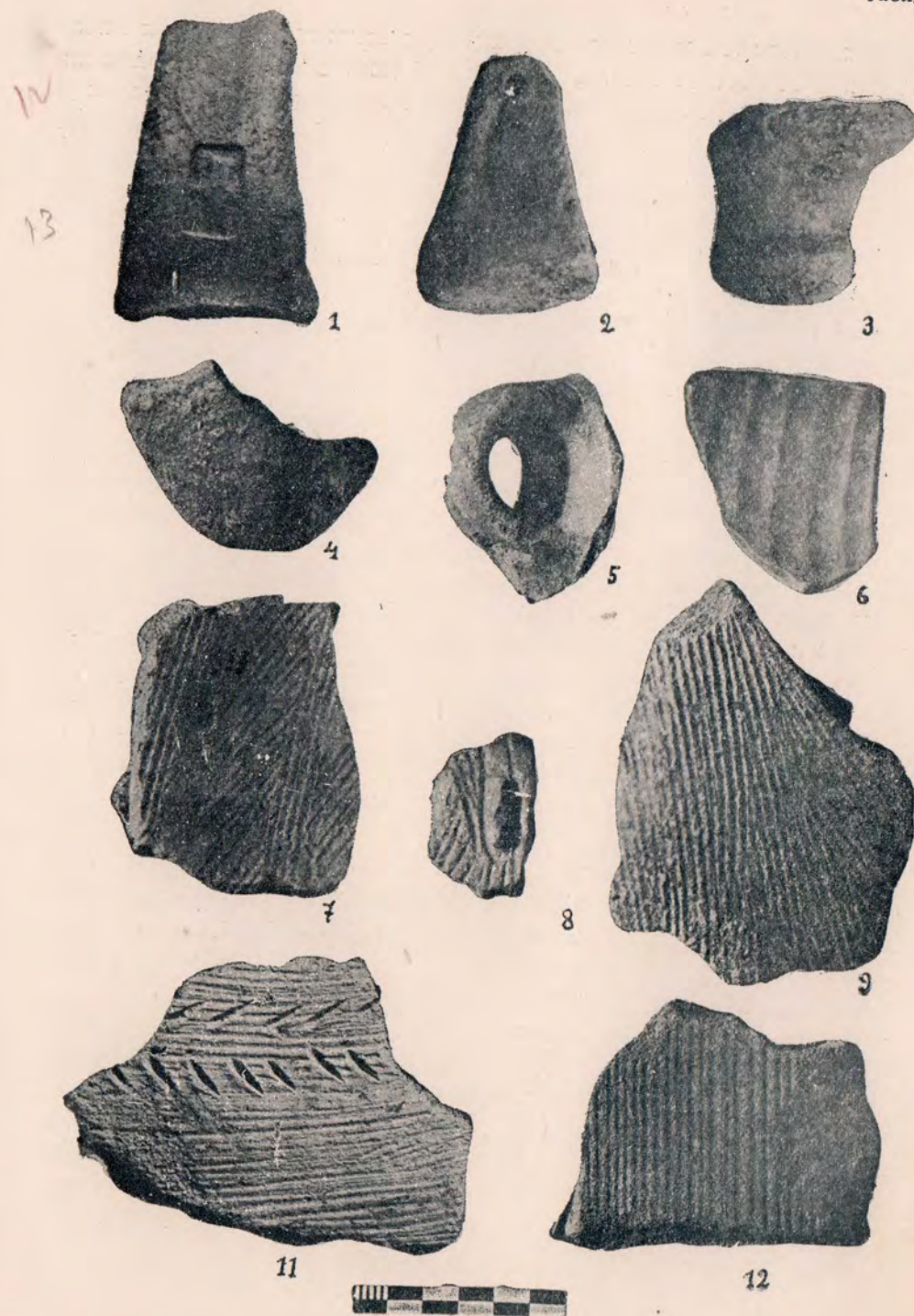

Рис. 4. Образцы керамики с восточного склона Верещагинского холма (а) и с античного селища (б).

Подъемный керамический материал с селищ античной эпохи в Эшери.

Абхазии, ошибочность чего отметил Тальгрэн в примечании к опубликованной им статье М. М. Иващенко¹.

Подробнее характер этой керамики будет рассмотрен ниже при описании погребений поздне-бронзовой поры в глиняных урнах, осколками которых она и является. На вершине «Дачи Верещагина» эта керамика нами обнаружена пока не была.

2. Инвентарь двух разнотипных погребений на холме Верещагина

Оба конца холма «дачи Верещагина» северо-восточный и юго-западный заняты двумя могильниками. В северо-восточной части в пашенном слое легко можно видеть обломки человеческих костей, сравнительно хорошо сохранившихся. Действительно под самой пашней находятся довольно густо расположенные погребения на спине, ориентированные в большинстве случаев головой на запад без сопровождающего их какого-либо инвентаря.

На юго-западном конце холма, представляющем собою узкую площадку, расположенную метров на 5 ниже поверхности остального холма и отделенную от него как бы широким валом, экспедицией было раскопано два погребения эллинистического времени. Поводом к раскопке в этом месте послужило сообщение крестьянина—хозяина этого участка, Нарсия. Им еще в 1930 году при работе плугом был обнаружен красный глиняный кушин, шейка которого была обломана плугом. В этом кувшине оказались по его словам медные проволочки и меньшего размера глиняные сосуды. Нарсия оставил кувшин на месте и завалил его вновь землей.

Нами было осмотрено место находки и намечена к раскопке площадь в 5×5 метров. При послойном снятии земли уже на втором штыке лопаты в юго-западном углу площадки был обнаружен фрагмент амфоры с остатками пережженных костей вместе с ним. Основ-

¹) Iwašenko M. M. Цит. соч. В: ESA, Bd. VII, Helsinki, 1932, стр. 110. Однако те же положения сохранены и в русской редакции этой статьи, вышедшей из печати уже после наших общих наблюдений, установивших неосновательность подобных заключений. См. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, Тифлис, 1935, стр. 64—66 и 77. А. А. Иессен, работавший в Абхазии в 1935 году, в свою очередь, отметил методологическую нечеткость этих наблюдений (Отчет Сухумской экспедиции 1935 г., ГАИМК им. Н. Я. Марра, рукопись 1936 года, стр. 37—38).

Что касается сообщения в заметке «Археологическая экспедиция Ак. Наук СССР и Абннк'а в 1934 г. в Абхазии» (Тр. Абх. Научн. Иссл. Института Краеведения. II, Сухуми, 1935, стр. 168) о нахождении будто бы греческих изделий в «кобаньском» погребении, то оно является полностью плодом недоразумения, как и вся эта заметка в целом, касающаяся Абхазской Археологической Экспедиции под руководством акад. И. И. Мещанинова.

ная часть амфоры оказалась в расстоянии полутора метра отсюда к середине площадки. Она стояла непо потревоженной на месте своего первоначального погребения (рис. 5). Разбор содержимого амфоры выяснил, что амфора, служившая погребальной урной для пепла была осмотрена первым находчиком почти до дна. Поэтому внутри урны все было в беспорядке: вложенная, а частью видимо поставленная снаружи у плечиков урны посуда была разбита и вместе с разбитыми осколками верхней части амфоры находилась частью на самом

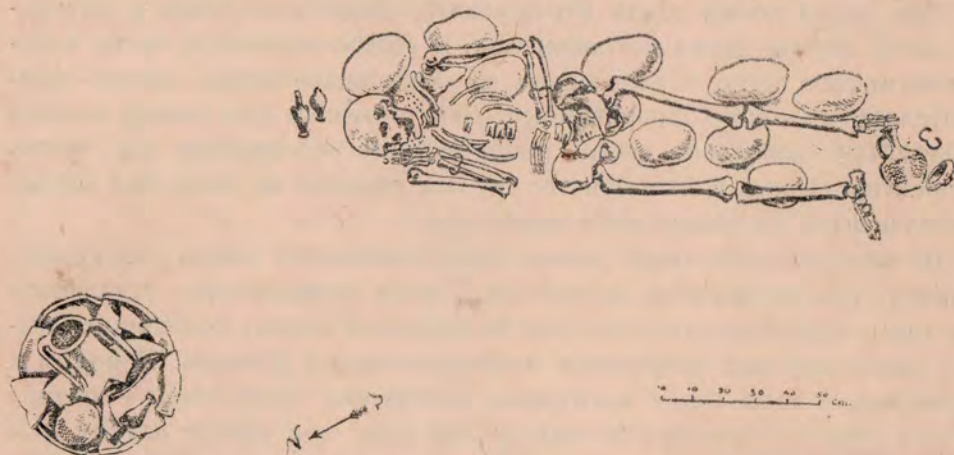

Рис. 5. Два соседних погребения эллинистической эпохи через кремацию (пепел в урне) и ингумацию на южном конце Верещагинского холма.

дне вместе с пеплом покойника. В то же время кусочки обожженных костей попадались и в верхних частях вместе с засыпавшей разбитую урну землей и камнями. Из урны были извлечены довольно крупный кувшин с плоским дном и отбитой шейкой, другой узкогорлый кувшинчик в обломках, два разбитых красно-глиняных амфориска, четыре тонких проволочных бронзовых браслета, наконец железный фрагмент. Кроме того в самой глубине урны под осколками посуды находилась каменная плита, видимо, прикрывавшая некогда горло урны.

В 80 см. к югу от урны было найдено еще 2 светло-красно-глиняных амфориска и железный фрагмент, оказавшийся частью железного предмета, найденного в урне. Эти предметы оказались лежащими близ головного конца второго, совершенно не потревоженного, погребения, без сожжения, через простую ингумацию (см. рис. 5). После расчистки этого последнего выяснилось, что покойник был положен на спине головой на СВ, левая рука была согнута в локте и покой-

лась на животе, правая рука находилась кистью у самого лица. На каждой руке имелось по тонкому бронзовому браслету, аналогичному найденным в урне. На пальцах правой руки были одеты два бронзовых перстня. В ногах погребения стоял узкогорлый кувшинчик из темно-серой глины одного типа с найденным в урне, третий проволочный браслет и наконец чернолаковая чашечка с обломанной полый ножкой.

Весь инвентарь обеих могил и характер погребальных обрядов свидетельствуют, что мы имеем здесь дело с погребениями античной эпохи. Отсутствие до сих пор примеров подобных погребений по восточному Черноморскому побережью делает их особенно интересными. Погребения, на которые наткнулся Сизов¹ в Сухуми близ Ольгинской улицы к сожалению не были им исследованы. Могильник же, расположенный по дороге от Ново-Афонского монастыря на гору, отнесется, судя по инвентарю, собранному А. В. Комаровым², к позднеримской и ранне-византийской эпохе. А. В. Комаров³ его правильно датирует III—IV в. нашей эры. Новые находки из Нового Афона с северного склона Иверской горы, поступившие в Сухумский музей, повидимому из того же могильника, свидетельствуют, что он примыкает по времени к могильнику близ Гагр, опубликованному⁴, как могильник V-го века нашей эры А. А. Спицыным⁵ и позднее частично обследованному А. А. Миллером.⁶

Таким образом античные погребения, открытые экспедицией на холме Верещагина, пока остаются единственными, относящимися к этой эпохе. Известно, что J. de Morgan, сам много работавший в Закавказье, отрицал даже совсем существование здесь погребений в период между V-м веком до нашей эры и первым веком нашей эры, объясняя это явление, якобы господством маизнизма и обычаем в это время, выбрасывать покойников⁷.

Обратимся к более подробному рассмотрению найденного инвентаря обоих погребений.

¹) Сизов В. Восточное побережье Черного моря. В: Мат. по арх. Кавказа, вып. II, Москва, 1889, стр. 15.

²) Уварова П. С. Археология. В: Коллекции Кавказского Музея, т. V, Тифлис, 1902, стр. 196.

³) Комаров А. В. Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае. В: Изв. Кавк. Общ. Ист. и Арх., т. I, вып. I, Тифлис, 1882, стр.

⁴) Спицын А. А. Могильник V века в Черноморье. В: Изв. Арх. Ком., вып. 23, 1907, стр. 103—107.

⁵) Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа. В: Изв. Арх. Ком., вып. 33, 1909, стр. 82.

⁶) Morgan J. (de) Mission scientifique au Caucase, t. I, Paris, 1889, стр. 205.

Античная остродонная амфора, служившая урной для пепла покойника в первом погребении, была нами реставрирована полностью, хотя для шейки и верхних частей ручек и не хватило нескольких кусков (таблица III). Форма и пропорции амфоры оказались не совсем обычными и не получавшими совершенно отражения в литературе. Характерным для этой амфоры является кубаревидная ножка, заканчивающаяся острым сосочком, весьма широкий биконический корпус, сравнительно небольшая цилиндрическая шейка и двуствольные ручки. Наибольшей ширины корпус достигает в верхней своей трети, где имеет в диаметре 44,5 см, превышая половину высоты всего сосуда в 85,5 см. Длина же шейки составляет всего лишь менее $\frac{1}{3}$ этой последней. Благодаря такой большой ширине плечиков и относительно малому диаметру горла (внутренний диаметр 9 см), амфорные ручки расположены очень далеко от края сосуда и не образуют той органической конструктивной связи с корпусом, какую можно наблюдать на других более известных типах древне-греческой и эллинистической амфоры.

Некоторыми своими пропорциями особенно малой величиной шейки сравнительно с крупным корпусом, эта амфора приближается к формам, получившим распространение в римское время, но по характеру своеобразной ножки она отличается от них. Подобная, повидимому, амфора была найдена В. Сизовым¹ при раскопке им городища «Ногай-Кале» близ станции Раевской по дороге из Новороссийска в Анапу. На рис. 2-м фототипической таблицы XXII им издана ручка этой амфоры по величине и форме тождественная с нашей. На литографированной таблице XI эту амфору можно видеть целиком в правом нижнем углу на рис. А, дающем представление о месте и условиях ее нахождения. К сожалению рисунок не достаточно точен, чтобы вполне судить по нему о форме этой амфоры.

Ввиду того, что мне известен только этот единственный случай упоминания в литературе амфоры, подобной нашей,² рассмотрим подробнее условия, в каких она была найдена и сопровождающий ее инвентарь.

¹ Сизов В. Восточное побережье Черного моря. В: МАК, вып. II. Москва, 1889, стр. 114—116, лит. табл. XI, и фототип. табл. XXII.

² В атласе иллюстраций, приложенном ко 2-му тому публикации Gjerstad'a раскопок на Кипре имеется изображение амфоры, близкой формы с таким же в точности донышком, как наша, но к сожалению описание ее и сведения о точном месте нахождения ее отсутствует, а также нет возможности установить, двуствольны ли ручки. См. Gjerstad Einar, The Swedish Cyprus Expedition, 1927—1930, vol. II, Stockholm, 1934, pl. CXLVIII.

Интересующая нас амфора находилась на дне одной из трех комнат, сложенных из подтесанных плит без цемента на простой глине, обнаруженных раскопом в самом высоком, увенчанном валом северо-восточном углу городища у неприступного обрыва над долиной реки.

Комната эта представляла собою, видимо, кладовую для хранения вина или масла, так как на дне ее был обнаружен целый ряд врытых в землю остродонных амфор и скученная группа двухручных кубков типа варварского «канфара» из темно-серой глины. Здесь же был найден прижатый к стене железный клинок узкого меча и маленький, прекрасно полированный из светло-зеленого камня клиновидный топорик. В покрывавшем дно комнаты мусоре, среди черепков от амфор, попала одна ручка с греческим клеймом с двухстрочной надписью, плохо сохранившейся.

Под завалами камня и щебня на дне двух других комнат были найдены: железные наконечники копий, железные двусторонние топоры-секиры, бронзовое плоское зеркало, бронзовый перстень с грубым изображением пылающего факела на овальном щитке, маленькая бронзовая чашечка и большое количество глиняных пряслиц. Кроме того здесь же оказался обломок от второго, также прекрасно полированного, плоского клиновидного топора из светло-зеленого камня.

Рис. 6. Верхняя часть амфоры с двуствольными ручками и красочной орнаментацией («киматием») из скифского кургана № 11 станции Некрасовской.

Характерным для всего этого инвентаря является прежде всего полное отсутствие следов чернолаковой античной керамики, чем и устанавливается *terminus post quem* для всего этого комплекса, не заходящего глубже позднего эллинизма, хотя наличие вышеуказанной амфорной ручки с клеймом не позволяет в то же время далеко уво-

дить его в римскую эпоху. «Оливковая» форма амфор,¹ с утонченным днищем, имевшим часто оригинальную форму жолудя, также как и находившиеся здесь варварские канфары и прочий инвентарь, как например, круглое бронзовое зеркало типа Керченских гробниц поздне-эллинистического времени свидетельствуют скорее всего о II—I веке до нашей эры.

Другой известный мне случай нахождения амфоры с близким нашей типом ручки и горла указывает на несколько более древнюю дату. Эта амфора (рис. 6), хранящаяся в Тбилиси в Музее Грузии² была найдена Бернштамом³ в одном из четырех раскопанных им курганов из курганной группы В, расположенной на возвышенности под правым берегом Зеленчука, недалеко от Кубани близ 2-ой станции Некрасовцев в 10 верстах от первой Некрасовской. Эту группу, повидимому, не следует смешивать с той, которую исследовал в том же районе Н. И. Веселовский в 1905—1906 году и которая относится к поздне-эллинистическому времени.⁴

В курганах Бернштама еще сохраняется древний скифский погребальный обряд с массовым захоронением лошадей, столь характерный для степных и кубанских курганов эпохи расцвета V—IV веков до нашей эры. Позднее с эпохой эллинизма захоронение целых лошадей заменяется положением в могилу покойнику только уздечного набора и кусков лошадиного мяса.

В частности курган № 11 с интересующей нас амфорой содержал только голову коня с железными удилами и медными псалиями и медным уздечным набором. По дневнику Бернштама он имел небольшую высоту 1,65 м. и 55 метров окружности. На глубине 2,55 метров деревянный настил из дубовых досок прикрывал могильную яму. В северо-восточной части могилы находились скелеты 4-х лошадей головой на юго-запад. У каждой в зубах железные удила, у одной мундштук с медными взнуздками и медный набор пуговиц, бубенчиков и бус. В северной части могилы железная кирка или боевая секира. В юго-западной части много крупных черепков от больших глиняных амфор со следами выцветших цветных узоров, (рис. 6), наложенных на поверхность уже обожженных сосудов, возможно, перед их погребением. В южной части могилы отдельный скелет пя-

той лошади и след покойника (человеческие зубы). Под могилой твердая настилка из известковой земли и следы деревянного пола.

Сохранившиеся фрагменты принадлежат двум античным амфорам, из которых амфору (Ув. 3172) с двухствольными ручками удалось восстановить полностью (рис. 7). От другой (Ув. 3174) имеется только цилиндрическое с легким боченковидным расширением горло (19 см. высоты) с двумя вертикально-ствольными ручками овального сечения и монограмным круглым клеймом на верхнем перегибе одной из них. Просвет горла сужен (9,7 см. в диаметре), борты венчика утолщены.

Эта амфора (рис. 7) с совершенно той же формы и величины (180 мм. длиной) двухствольными ручками, как на эшерской урне, имеет

Рис. 7. Амфора с двухствольными ручками из скифского кургана № 11 станции Некрасовской.

однако иной формы доньшко, хотя и без углубления внизу, но с более широкой (6,5 см. в диаметре) головкой и округло оформленным, не сосочковидным, основанием ее. Цилиндрическое горло этой амфоры с легкой бочкообразной выпуклостью в средней части под ручками, слегка суживается при переходе в плечики, образуя ступен-

¹) Сизов В. Цит. Соч., I, стр. 124.

²) Уварова П. С. Археология. В: Коллекция Кавказского Музея, т. V, Тифлис, 1902, стр. 151, № 3172.

³) Бернштам В. Л. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 году. В: Пятый Археологический Съезд в Тифлисе. Протоколы Предварительного Комитета, Москва, 1879 г., стр. 316—317.

⁴) Ростовцев М. И. «Скифия и Боспор», 1925, стр. 572 сл.

чатую складку, резко отделяющую его от корпуса. Венчик имеет рас-
трубовидную форму, благодаря отогнутости кнаружи его краев. Этих
особенностей также нет на нашей амфоре с простым цилиндрическим
очертанием горла.

Вопрос о датировке Некрасовского кургана встречает некоторые
трудности. Кроме самих амфор и обряда погребения, мы имеем еще в
кургане конские удила. К сожалению скифские удила, как это ни
странно, не были до сих пор еще предметом специального рассмотре-
ния. За исключением Стефани¹ конский уздечный набор останавли-
вал на себе внимание археологов-искусствоведов только в отношении
его художественной декорировки. Напротив, форма удили, особенно
их железных частей, оказывается в огромном большинстве случаев
даже не отраженной в отчетах. Вопросы об удилах не касаются почти
совершенно и такие сводные работы как «Скифские древности»
А. Лаппо-Данилевского, «Скифия и Босфор» М. И. Ростовцева, даже
«Курганы скифов пахарей» А. А. Спицина.

Только Bela Posta² останавливается более подробно на распростра-
нении в России исключительно поздних кольчатых удили эпохи Рим-
ской Империи, считая их результатом влияния Латенской культуры.

Среди осколков однотипных железных удили из Некрасовской ста-
ницы, находящихся в Музее Грузии, к сожалению, сохранили этикет-
ку собирателя лишь те, которые были извлечены из другого сосед-
него кургана № 1. Поскольку однако все удила имеют одну форму,
а курган № 1 по устройству и обряду погребения тождественен №
11-му, можно считать данную форму удили несомненно присущей на-
шему кургану. Эти удила очень типичны: их характерной особенно-
стью являются нанизанные с каждой стороны на удильные стержни
«железные крестовидные «нажимы» с загнутыми внутрь четырьмя ши-
пами и двугвоздые изогнутые в противоположные стороны псалии³
с двумя сближенными отверстиями и перемычкой между ними,
охваченной петлевидно согнутым наружным концом удильного зве-
на. Псалии частью железные, частью бронзовые, имеют все одну фор-
му, восходящую к псалиям, более известным по образцам с изобра-
жением копыта и головки животного старших скифских курганов на-

¹ Стефани Л. Объяснения некоторых вещей, найденных в 1865 году в
Южной России. В: Отчет Археологического Комитета за 1865 год, стр. 186—190.

² Posta Bela, Archäologische Studien auf russischen Boden, Bd. I—II, Buda-
pest, 1905, стр. 350 сл.

³ Уварова П. С. Археология. В: Коллекции Кавказского Музея, т. V, Тифлис,
1902, стр. 150. №№ 3151—3152.

Античная урна-амфора: с пеплом покойника.

чала V-го века, типа 2-го Семибратного кургана,¹ 400-го Кургана Чигиринского уезда,² 188-го между Смелой и Прусой³ и подобных. Сами удила в полном виде вместе с шипастыми прижимами известны из более поздних скифских курганов Днепровской и Кубанско-Таманской групп IV—III века до н. э. Именно такие удила лишь с прямыми железными псалиями найдены и воспроизведены в цельной форме А. А. Спицыным⁴ из его находки в кургане № 6 по дороге из Екатеринослава в Знаменку, который хорошо датируется указанной эпохой на основании типа погребения и золотых бляшек.⁵

В огромном количестве именно эти удила также с прямыми двухгвоздыми псалиями были найдены и в Чертомлыкке,⁶ погребения которого относятся уже к середине III-го века. В Александропольском кургане того же времени были найдены исключительно железные псалии этого типа.⁷ В курганах более позднего времени этот тип удил перестает совсем регистрироваться. В поздне-эллинистическую эпоху мы встречаемся с удилами уже иного типа с колесовидными псалиями шести или четырех-спичными, как например, в верхнем грунтовом погребении кургана Воздвиженской станицы⁸ и в 10-ой могиле, раскопанной А. А. Миллером⁹ в Усть-Лабинской станице и там же в кургане 32-ом Веселовского.¹⁰ Псалии стержневые, хотя и сохраняются, но принимают совершенно иную форму и новый технический прием украшения накладной серебряной и золотой фольгой.

Таким образом удила с острыми прижимами с архаичными изогнутыми железными и бронзовыми двухгвоздыми псалиями из 2-ой гробницы Нимфея (Эль-Тегеня),¹¹ очень близкими изогнутым бронзовым псалиям второй половины IV века, не позволяют датировать эту группу Некрасовских курганов, характеризующихся также, как курган № 7, массовыми погребениями лошадей, эпохой более поздней, чем IV—III век. Эта датировка подтверждается отчасти и тем, что

¹) Отчет Арх. Ком. 1875, стр. IV—XIV и 1876, стр. 116—152.

²) Изв. Арх. Ком., вып. 14, 1905, рис. 12 и 25, стр. 10—13.

³) Бобринский А. Курганы близ Смелы, т. II, табл. IV, 4, 12, стр. 85—86.

⁴) Спицын А. А. Раскопки, произведенные в 1897 году близ д. Башмачки, Екатеринославского уезда. В: Изв. Арх. Ком., вып. 1, стр. 78, рис. 20.

⁵) Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, 1925. I, стр. 432, 454.

⁶) Древности Геродотовой Скифии. 1872, табл. XXIII 8, 9, стр. 82, 83.

⁷) Лазаревский Я. Александропольский курган. В: Зап. Арх. Общества, т. VII, стр. 30, табл. IV—53. Древн. Герод. Скифии. 1872, табл. VII—9.

⁸) Отчет Арх. Ком. за 1899 г., табл. 2 и стр. 45—46.

⁹) Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции 1924—25 гг. В: Сообщения ГАИМК, т. I, 1926, стр. 92, рис. 17.

¹⁰) Отчет Арх. Ком. за 1902 год, стр. 80.

¹¹) Отчет Арх. Ком. за 1877 год, стр. 231, рис. изогнутого бронзового псалия. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, 1925, стр. 393.

вторая амфора кургана № 11 имела монограмное клеймо наверху ручки, а самый большой недокопанный Бернштамом курган № 19, этой группы, наряду с золотыми наваршиями, содержал и чернолаковую керамику, от которой сохранились фрагменты ручек килика с хорошим блестящим лаком.¹

В таком случае и интересующая нас амфора с двустольными ручками из 11-го Некрасовского кургана несомненно восходит к ранее эллинистической эпохе, открывая достаточный простор для датировки нашего погребения в амфоре-урне этого самого типа.

Замечательным для нашей амфоры из эшерского погребения является возможность доказать ее не только не местное, но даже и не связанное с Черноморскими колониями происхождение. В изломе одного фрагмента мною был замечен отпечаток в глиняном тесте небольшой раковинки, определенной проф. Богачевым, по отпечатку, снятому по моей просьбе и посланному ему М. М. Иващенко, как Turitella Turris Link., обыкновенный вид Средиземного моря, не достигающий, по его словам, до Дарданелл и отсутствующий также в древних отложениях Черного моря. Этот факт явно свидетельствует о существовании в Эшерском городище иностранного импорта со стороны Средиземного моря именно масла или вина, для которых амфоры являлись обычной тарой. К сожалению у нас нет материала, который позволил бы установить ее более точное местопроисхождение. Б. Н. Граков, видевший фотографию этой амфоры, считает вероятным ее происхождение с о-ва Фазоса. Я не знаю мотивов для этого предположения, но в таком случае является интересным установить очень резкое изменение в эллинистическое время в форме фазоской амфоры, известной по клейменным образцам с биконическим корпусом и тонкой длинной ножкой начала IV-го века. Согласно схематичному рисунку, приведенному у Rayet et Collignon)² фазоская амфора, из красной глины вероятно эллинистической эпохи, имела более округлую форму корпуса и ручки с выгибом наверху. Она служила, повидимому, для торговли белым вином, крепчавшим к старости, о котором упоминает Атеней (1,52).

Вполне вероятно, что для масла и вина изготавливались амфоры специальных форм и размеров и было бы существенным знать назначение той или иной тары.

¹) Уварова П. С. Археология. В: Коллекция Кавказского Музея, том V, Тифлис, 1902, стр. 151, № 3179.

Бернштам. Цит. Соч. стр. 318.

²) Rayet et Collignon. Histoire de la céramique grecque, Paris, 1888, стр. 359 сл.

В данном случае одно только является несомненным, что в качестве урны для пепла был использован сосуд хозяйственного назначения. При этом остается возможным еще одно предположение, что погребение в урне могло быть вызвано смертью на чужбине, где тело подверглось сожжению и прах был доставлен на родину в местном сосуде.

Но предположение это становится невероятным, так как найденное недалеко на этом могильнике донышко второй амфоры, повидимому от разрушенного погребения, имеет тот же характер и принадлежит совершенно аналогичному привозному сосуду.

Амфориски из светлой глины находились в урне в количестве двух (Э—55, 56). Остальные два (Э—62, 63) были найдены непосредственно под пахотным слоем в головах второго погребения, но, судя по тому, что с ними вместе оказался там фрагмент железного предмета, другая часть которого была найдена в урне, оба последние амфориски следует отнести к погребению в урне, откуда они видимо были выброшены при первом открытии урны крестьянином в 1930 году и, попав в борозду плуга, были засыпаны сверху землей, пролежав там до работы экспедиции.

Почти полностью удалось восстановить только один амфориск (Э—62). У остальных трех оказались целиком или частью отсутствующими шейки (табл. IVa).

Три амфориски обладают каждый двумя дугообразными из тонких круглых валиков ручками, расположенными не в одной плоскости вертикального осевого сечения как у амфоры, а в двух тангентальных корпусу плоскостях, поднимаясь от плечиков петлями вверх. Один амфориск (Э—63), повидимому ручек не имел. Все четыре сосуда хотя и сделаны на гончарном кругу из тонкой глины, по установившемуся шаблону, но небрежно без последующей обработки и сглаживания поверхности, характеризуя продукцию большого массового спроса. Все они имеют то несколько вздутый, то более сухой бокаловидный корпус, вытянутый в узкую ножку с значительно выступающей дисковидной подставкой и длинную с очень тонкими стенками шейку без всякого утолщения у края венчика.

По светлой желтовато-розовой глине местами заметны потеки красной краски, окрашивающей внутреннюю поверхность амфорисков. Возможно, что это следы их бывшего содержимого, которым могли быть употреблявшиеся греческими женщинами жидкие румяна из растительного сока, державшиеся в алавастровых и других узкогорлых, миниатюрных сосудах, как это можно видеть по изображениям сцен жизни в гинекее на греческих вазах, начиная с V—IV века до нашей эры.

По величине все четыре амфориска близки друг другу. Размеры в целом восстановленного экземпляра (Э—62) следующие: общая высота 163 мм., длина шейки 63 мм., диаметр корпуса 59 мм., диаметр подставки 32 мм. и диаметр горла 22 мм. Диаметр корпуса наибольший у амфориска (Э—63) достигает 68 мм. Подобные амфориски в последнее время были встречены в верхних слоях некоторых малоазиатских городищ, например Алишар-Гуйюк, где они начинают появляться по свидетельству Erich F. Schmidt'a в течении V-го периода охватывающего эпохи Фригийскую и Мидо-Персидскую. Невозможность точно отделать эллинистические слои VI-го периода от последних отложений V-го века затрудняют приурочить точно некоторые находки к той или иной эпохе. Поэтому в вышедшем за год перед этим отчете по раскопчному сезону 1927 года² все найденные амфориски (little pottery bottles) описываются, как относящиеся, правда под вопросом, к VI-му периоду. Некоторые из описываемых сосудиков особенно близко подходят к нашим находкам. Например, за № 510 описан амфориск с отломанным венчиком немного большего размера, чем наш (высота 189 мм., диаметр корпуса 75 мм. и диаметр подставки 34 мм.), но имеющий ту же форму корпуса и ножки, дисковидную подставку, ту же характерную несглаженную поверхность с следами вращения на гончарном кругу, то же тонкое глиняное тесто, наконец следы двух отпавших ручек на верхней части сосуда. К сожалению в описании не указано, как расположены следы ручек в вертикальном или горизонтальном, как у нас, положении и это отнимает у нас возможность к более полному отождествлению. Отличается алишарский амфориск от эшерского только более красно-кирпичным цветом глины.

В Керченском районе, повидимому, подобные амфориски довольно обычны. Они не удостаивались только публикации, а часто даже и регистрации в отчетах, что в значительной степени затрудняет их точную датировку прежде специального изучения. В Музее Грузии имеется таких три амфориска из Керчи. По печатному каталогу Музея³ они значатся за №№ 149—151 без сведений о них. Отличаются они от эшерских полным отсутствием ручек, более плотной шейкой с утолщенным и отогнутым кнаружи венчиком горла и цветом глины: один из них № 151 больший (высота 19.6 см.) кирпично-красный,

¹) Schmidt Erich F. *Anatolia through the ages. Discoveries at the Alishar mound 1927—29*, Chicago, Illinois, 1931, стр. 135—136, рис. 189.

²) Vander Osten H. H. and Schmidt Erich F. *The Alishar Hüyük. Season of 1927, part I. B: Oriental Institute Publications. Vol. VI. Chicago, 1930, стр. 251—252.*

³) Цит. соч., Коллекции Кавказского Музея, т. V, Тифлис, 1902, стр. 171.

Четыре амфориска и два кувшинчика: из урны с пеплом и из грунтового погребения античной эпохи в Эшери.

другой, меньший (высота 14,2 см.) имеет серый цвет, видимо, зависящий от особой обмазки поверхности сосуда.

Простая местная керамика в своем составе содержит прежде всего широкогорлый кувшин (Э—51) из красной глины с сильной песчаной примесью и сравнительно хорошего обжига. Широкая шейка, в которую постепенно переходит кузов, в верхней части сломана и не найдена. Доньшко сосуда образует низкую (10 мм.) расширяющуюся вниз подставку, резко отделенную от корпуса. На пологих плечиках узор в виде пояса, в 1 см. шириной, с косыми вдавлениями, сильно стершимися от употребления. Ручки, повидимому, кувшин не имел. Несмотря на изношенность поверхности, на корпусе сосуда чуть заметны горизонтальные следы выравнивания при лепке на гончарном кругу. Высота сосуда без горла 20 см., диаметр дна 10,3 см. толщина стенок 0,5 см. Кувшин является продуктом местного производства широкообиходной посуды.

Узкогорлый кувшинчик (Э—53) фрагментированный из темно-серой глины со стенками в 0,4 см. толщины сохранился не в полном виде. Удалось склеить только корпус. Шейка и ручка отломаны и не найдены (таб. IVб₂). Корпус имеет шаровидную форму около 12 см. в диаметре с плоским дном 7,4 см. в диаметре. Характерен резко волнообразный узор (рис. 12₂), нанесенный на поверхность корпуса во круг в 3—4 яруса помощью широкой (в 2,7 см. ширины) гребенки с 16—17 зубьями, которую мастер, приставив в плоскости сагитального сечения, к стенке только что вылепленного сосуда до укрепления на нем ручки, приводил в быстрое размеренное покачивание вверх-вниз в вертикальном направлении, в то время, как другой рукой равномерно вращал круг с стоящим на нем сосудом. Пока круг поворачивался один раз, гребенка успевала сделать до 50-ти полных колебаний. По получении одного ряда фестонов, гребенка чуть опускалась и тем же способом наносился под ним следующий. Когда корпус был таким образом весь покрыт волнообразным узором, прилеплялась дугообразная ручка. На месте отвалившегося нижнего ее конца хорошо заметен не уничтоженный вполне прилепом ручки узор. После просушки до обжига низ корпуса и шейка были подвергнуты еще лощению, затронувшему немного верхний и нижний край орнамента. Если колебания гребенки были мелкими и частыми, узор получал характер текстильного, с которым его легко смешать, особенно на потертых слегка черепках.

Было бы теперь в высшей степени интересно проследить, в границах его распространения, этот любопытный тип местной керамики, впервые обнаруженный в нашем комплексе и сразу получивший более или менее определенную датировку с помощью амфоры и другого

З. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

сопровождающего инвентаря. Однако до сих пор эта керамика не обращала на себя внимания, и образцов ее не собрано в местных музеях. Одно можно сказать, что на Северный Кавказ, где исследовано большое количество археологических памятников соответствующей эпохи, как могильных сооружений, так и культурных пластов в городищах и поселениях, эта керамика не проникает. Можно даже отметить, что отдельные технические приемы, как лощение поверхности сосудов, хорошо известное там на керамике, лепленной от руки до внедрения культуры эллино-скифских городов,¹ исчезают, как бы, в период широкого ввоза античной керамики и ее влияния на туземное производство, появляясь однако вновь в конце эллинистической эпохи на керамике известной под именем «сарматской».²

Что касается волнообразного орнамента гребенкой, то он, видимо, совершенно чужд керамике соответствующей эпохи, как Кубанской, так и Нижне-Донской, Таманской и Керченской. Напротив, на юг от Сухуми керамика с очень близким нашему кувшинчику узором наблюдалась мною в античном слое, обнаруженном на месте строительства нового Очемчирского Порта. В то же время в Поти, где в Музее собрано довольно большое количество образцов керамики разного времени, подобного орнамента не оказывается. Опубликованный до сих пор керамический материал из верхних слоев малоазийских городищ также пока не дает примера этого типа, вероятнее всего являющегося западно-грузинским.

Бронзовые украшения, найденные в урне, состоят из четырех незамкнутых браслетов (табл. V, 4, 5) одной характерной формы: овал браслета имеет особый выгиб внутрь в средней части браслета против разомкнутых концов. Этот выгиб придает браслетам форму, соответствующую форме сечения предплечья с его двумя костями локтевой и лучевой, благодаря чему браслет более плотно может облекать руку (рис. 8). Возможно однако, что эта форма браслета имитирует собою очертание сложного лука со спущенной тетивой (рис. 15). Как известно, распространенные в древней иранской и древне-греческой культуре луки принадлежали типу, который выво-

рачивался в обратную сторону при спуске с него тетивы, подобно монгольскому,¹ проникшему как известно на юг до Индии, и принимавшему форму, близкую описываемому браслету.² Форма последнего в таком случае могла передавать собою хорошо знакомый предмет, тем

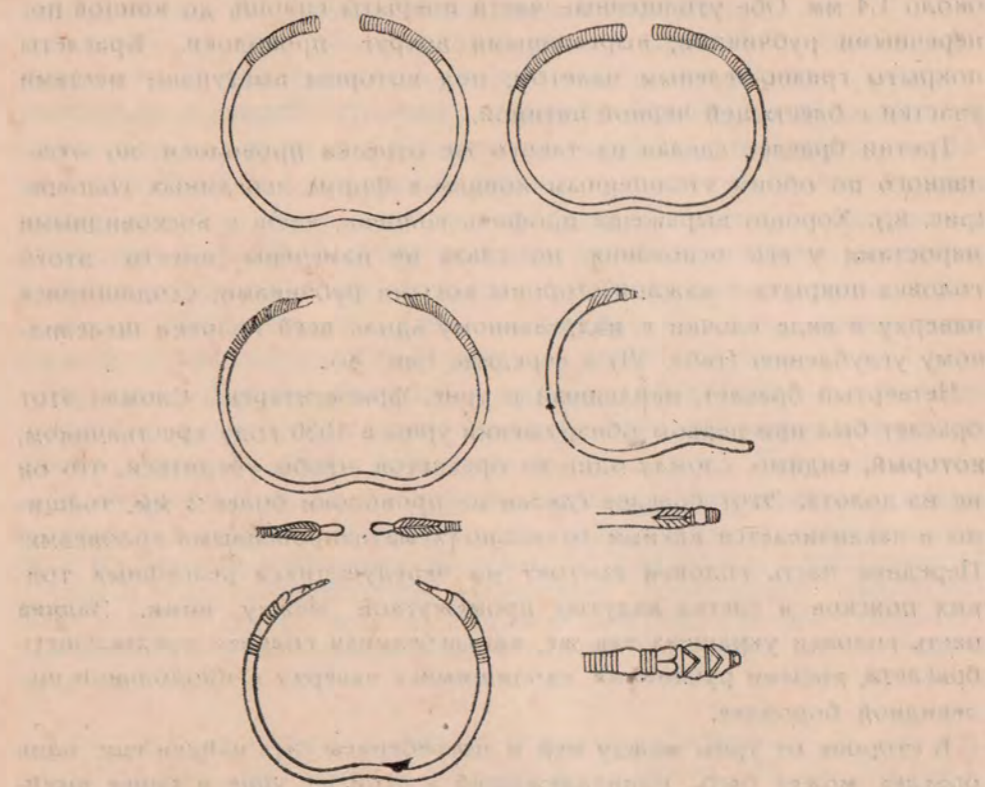

Рис. 8. Пять бронзовых кругло-проволочных браслетов с выгибом из урны с пеплом и рядом с ней.

более, что именно этого рода лук был в употреблении у населения Закавказья еще в более раннюю эпоху, судя по изображению его на бронзовых поясах Лелвара.³

¹) Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции 1924 и 1925 гг. В: Сообщения ГАИМК, том I, стр. 130—131. Непонятно только, почему автор считает, что лощение производилось горячим гладким камнем, в то время, как всякое лощение глиняной посуды всегда достигается только холодной гладкой галькой. Никаких следов нагревания находимых лощил также никогда не наблюдалось.

²) Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК-а в 1928 г. В: Изв. ГАИМК, вып. 104. 1934, стр. 175—176.

¹) Rawlinson George, M. A. History of Herodotus, vol. IV, London, 1880, стр. 64, прим. 8. рисунок скифского (азиатского) лука по изображению с античной вазы.

Reichel W. Homerische Waffen, 2-te Aufgabe, Wien, 1901, стр. 112—113.

Buchner Max. Das Bogenschiessen der Aegineten. B: Zeitschr. f. Ethnol. 1908, стр. 852.

²) Анучин Д. Н. Лук и стрелы. В: Труды V-го Арх. Съезда в Тифлисе, стр. 351, рис. 11.

³) Morgan J. (de) Mission scientifique au Caucase, T. I, Paris, 1889, стр. 99, рис. 54.

Два браслета (рис. 8_{1,2}) совершенно сходны между собой и различаются лишь слегка по величине. Они состоят каждый из отрезка тонкой круглой проволоки, постепенно утолщающейся к концам, которые ровно обрублены. Толщина проволоки в самом узком месте около 1,4 мм. Обе утолщенные части покрыты сплошь до концов поперечными рубчиками, вырезанными вокруг проволоки. Браслеты покрыты грязно-зеленым налетом, под которым выступают местами участки с блестящей черной патиной.

Третий браслет сделан из такого же отрезка проволоки, но отделанного по обоим утолщенным концам в форме лебединых головок (рис. 8₃). Хорошо выражены профиль головки, клюв с восковидными наростами у его основания, но глаза не намечены; вместо этого головка покрыта с каждой стороны косыми рубчиками, сходящимися наверху в виде елочки к надрезанному вдоль всей головки щелевидному углублению (табл. VI) в середине (рис. 8₄).

Четвертый браслет, найденный в урне, фрагментарен. Сломан этот браслет был при первом обнаружении урны в 1930 году крестьянином, который, видимо, сломал один из браслетов, чтобы убедиться, что он не из золота. Этот браслет сделан из проволоки более 3 мм. толщины и заканчивается какими то сильно схематизированными головками. Передняя часть головки состоит из чередующихся рельефных тонких поясков и слегка вздутых промежутков между ними. Задняя часть головки украшена так же, как лебединая головка предыдущего браслета, косыми рубчиками, сходящимися наверху к продольной щелевидной бороздке.

В стороне от урны между ней и погребением был найден еще один браслет, может быть, принадлежащий к этой же урне и ранее выкинутый из нее. Браслет покрыт черной блестящей патиной и не имеет почти совсем зеленого налета, существующего на остальных браслетах. Он имеет ту же форму обратно выгнутого лука, как прочие, и сделан из проволоки толщиной до 4 мм. Он заканчивается двумя уплощенными, но широкими около 5,7 мм. ширины головками, которые, всего скорее, можно принять за змеиные: выражен выступающий носик с двумя ноздрями, плоский головной щиток с перехватом в середине и узором в форме двух уголков, направленных вершинами вперед, и легкое раздвоение в затылочной части головки; шейка покрыта поперечными рубчиками и черточками (рис. 8_{5,6}).

Все описанные браслеты соответствуют по своему контурному очертанию двум браслетам (рис. 14), найденным J. de Morgan-ом в царском женском погребении ахеменидской эпохи в древних Сузах со статерами Мелькарта из Арады.

Эти браслеты из золотого круглого прута имеют ту же, как наши, характерную форму разогнутого лука с выгибом внутрь в средней части обруча и заканчиваются головками львов с тупой мордой и выступающими ушами. Вслед за головками стержень браслета имеет на себе рубчатый узор, аналогичный нашим браслетам.

К этому же типу принадлежит и золотой браслет из Алеппо, хранящийся в Лувре,¹ а также и браслет из Музея в Карлсруе, заканчивающийся с каждой стороны головками газелей, выступающих из пасти льва или дракона.² Совершенно такой же изгиб имеет и роскошный браслет с протомами крылатых грифонов из Аму-Дарьинского клада³ и очень крупные золотые браслеты, найденные в 1927 году на о. Кипр в одном кладе вместе с четырьмя золотыми дарийками⁴. Замечательно, что браслеты даже близких типов, находимые в греческих черноморских колониях и скифских курганах, никогда не сохраняют указанной детали в своем очертании.

На южном Кавказе браслеты с данной особенностью, ленточные и круглые в сечении, известны из ряда находок, между прочим из одного каменного ящика близ станции Гурджаани⁵ (Кахетия) вместе с железными орудиями (трезубцем, серпами и наконечниками копий и трехногой светло-глиняной чашкой ялойлутапинского типа), а также в Казбекском могильнике во вскрытой в 1879 году Антоновичем⁶ могиле и в поздне-кобаньском погребении, раскопанном Филимоновым⁷ в 1877 году. Во всех трех случаях браслеты связаны с инвентарем эллинистической эпохи, лишь в случае Гурджаани переходящим за ее конец.⁸

¹) Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV, стр. 764.
Dalton O. M. The treasure of the Oxus, 2 ed., London, 1926, стр. XV, рис. 2.

²) Dalton O. M. Цит. Соч. стр. XVII, рис. 3.

³) Цит. Соч. Табл. I, 116, стр. 32—34.

⁴) Gjerstad Einar. Summary of swedish excavations in Cyprus. B: Syria, t. XII, Paris, 1931, стр. 60—61, табл. XXIV, рис. 1.

⁵) Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., вып. IV, стр. 2, прот. 68.

⁶) Антонович В. Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года. В: Пятый Археологический Съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного Комитета, Москва, 1879, стр. 254.

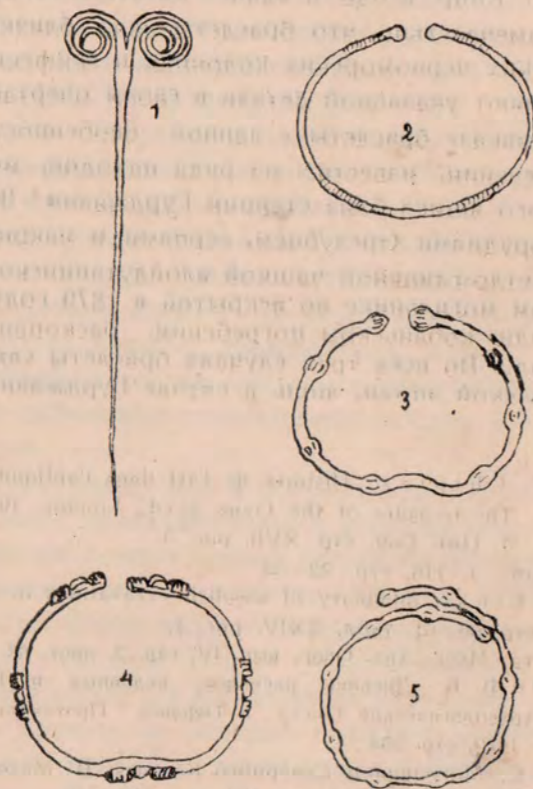
Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. В: Материалы по Археологии Кавказа, вып. VIII, Москва, 1900, стр. 152, рис. 142—148.

⁷) Филимонов Г. Д. О доисторической культуре в Осетии. В: Приложение к XXXI тому Известий Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Москва, 1878, стр. 29, пункт 8.

Уварова П. С. Цит. соч. (МАК. VIII), стр. 84, табл. XLIV (опеч. LXIV) 2, 3 и 5.

⁸) В 1936 году браслеты, близкие к обнаруженным в гурджаанских каменных ящиках, были найдены в Телавском районе Кахетии в сел. Сакобиано вместе с местным подражанием статуэтке Лизимаха, что датирует их поздне-эллинистической эпохой. (С. Макалатия, Археолог. находки в Грузии, В: Вестник Гоос. Музея Грузии, вып. XI—В, стр. 81, рис. 2).

Эти браслеты (рис. 9_{а,б}) совершенно подобные трем кутаисским Музея Грузии (катал. Уваров. №№ 2517—2519), также принадлежат к

двум разновидностям: одной с призматическими на трое рассеченными участками, выступающими 3—5 раз на круглопроволочном ободе браслета, и другой с равномерно расположенными, вместо этого,

Что касается распространения этого типа браслетов по северному Черноморскому побережью, в частности в греческих колониях, то литературные данные недостаточны для решения этого вопроса. Во всяком случае, указаний на существование интересующего нас типа браслета я не встречал.

²⁾ Не следует смешивать описываемый тип браслетов с ломбардскими бронзовыми замкнутыми браслетами с полым обручем из Пьемонта (Mortillet G. et A. Musée préhistorique, Paris, 1881. Pl. LXXXIX № 1069), хотя они также имеют не круглый или овальный контур, а резко выраженный вгиб с одной стороны.

³⁾ Schmidt E. F. Tepe Hissar excavations 1931. B: Museum Journl, Vol. XXIII, Philadelphia, 1933, табл.

⁴⁾ Schmidt Hubert, The Archeological excavations in Anau and Old Merv. B: Pampelly R. Explorations in Turkestan. Vol. I, Washington, 1908, стр. 151, рис. 251., табл. 37₃.

(без отверстия) с головками из двух спиралей, но свернутых в этом случае не наружу, а внутрь.¹

Железный серповидный предмет (таб. V₁₀), находившийся в урне, представляет собой небольшое кривое лезвие, укреплявшееся в роговой или костяной рукоятке. Найденный отдельно, выброшенным из урны, фрагмент восполняет орудие, представляя ту его часть, которая входила в щель рукоятки и скреплялась с ней железным штифтом, сохранившимся в этом фрагменте. Размер штифта и широкая прямоугольная форма укреплявшейся части исключает возможность предполагать, что рукоять могла быть деревянной: необходим гораздо более крепкий и твердый материал, однако исчезнувший, таковым скорее всего мог быть рог. По своему назначению железное орудие, вероятно, являлось садовым кривым ножом, значительно более сильно коленчато искривленным, чем, например, железный нож (I-23:8) из Банзы² из кувшинного погребения, датированного серебряным денарием Антонина Пия (138-161) II в. нашей эры или более древние прототипы последней формы из Лелвара,³ а также из древних скифских курганов VI-V вв. до н. э. северного Черноморья⁴ с костяными рукоятками.⁵

Положенный в урну, вместе с ассортиментом браслетов и амфорисков, этот слегка искривленный нож, несомненно, принадлежал женщине, служа ей, вероятно, для снятия винограда. Не исключена, конечно, возможность, что подобного рода нож мог употребляться и для срезания созревших колосьев, но в таком случае форма его нарушит наиболее явный ход в развитии местного серпа и не найдет также места среди античных форм жатвенного орудия.

¹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, стр. 177, табл. LXXVI; Napéar Franz. Die Nadelformen des prähistorischen Kkasusgebietes. В: Eur. Sept. Ant., VII, Helsinki, 1932, стр. 167—168, рис. 30, 31.

² Макалатия С. И. Заметка о датировке некрополей, открытых в Грузии в 1920 по 1924 годы. В: Bull. du Musée de Géorgie, том IV, Тифлис, 1928, стр. 183, табл. IX—22.

³ Morgan J. (de) Mission scientifique au Caucase, Paris, 1889, t. I, стр.

⁴ Ср. напр. Бобринский А. А. Курганы и случайные находки из местечка Смелы, т. 1, СПб., 189—2, стр. 68, 75, 76 и пр.

⁵ Об этой последней, мало искривленной, разновидности железных ножей, я кратко говорю (Археологические раскопки в Триалети, I, рис. 43, стр. 46—47) в связи с находками их в Триалети (Бешташени, Геряк, Манглиси). Железные ножи, очень близкие по форме ножу из Банзы, поступили в 1939 году в Потийский Музей из обнаруженных директором Музея В. М. Гоголишвили погребений через сожжение в Чхороцку, ранне-римской эпохи. О них упоминает Хоштария Н. (Чхороцку. В: Материалы по истории Грузии и Кавказа, 1941, вып. II, Тбилиси, стр. 80, 86—87) с ошибочным указанием, что будто бы севернее Казбеги кривые железные ножи уже неизвестны.

Интересно отметить, что кривые серповидные железные ножи оказались положенными в могилу во всех трех вышеупомянутых случаях, вместе с браслетами с вогнутой спинкой, что указывает на распространенность в это время в обиходе подобных орудий, которые в Гурджаани действительно могли играть роль серпов, судя по величине их и форме.

Чернолаковая фрагментированная чашечка (рис. 10) среди инвентаря второго погребения с ингумацией покойника может дать наиболее прочную базу для датировки могилы. Положенная в ноги покойнику, она представляет собою собственно только верхнюю часть какого-то сосуда и имеет вид круглой чашечки диаметром 80 мм. и высотой 23 мм. с загнутыми внутрь краями и отломанной полый ножкой, так что на дне найденного фрагмента имеется круглое отверстие в 15 мм. в диаметре (табл. V_{11,2}). Сосудом видимо дорожили, и он подвергался ремонту. Дно чашечки вокруг центрального отверстия просверлено в четырех местах. Круглые сквозные дырки служили для того, чтобы привязать чашечку к отломанной части полного сосуда, которого однако в могиле не оказалось. В каком виде была положена покойнику чашечка сказать трудно — в виде ли простого обломка или может быть скрепления с какой либо импровизированной подставкой, в таком случае деревянной, так как от

Рис. 10. Чернолаковая чашечка — часть фрагментированного сосуда.

нее не сохранилось никаких следов. Если чашечка, прежде чем быть положенной в могилу, еще служила, то отверстия на месте швов должны были быть замазанными скорее всего смолой или воском. Во всяком случае, починка была очень грубой, об этом говорит и несимметричное расположение просверленных отверстий.

Что касается возможности установить, частью какого именно сосуда являлась найденная чашечка, то это оказывается не простой задачей. Ни к одному из установившихся типов античной посуды фрагмент не подходит. Киликом, с которым легче всего с первого взгляда можно было связать фрагмент, он быть не мог, так как совершенно очевидно, что в донышко чашечки открывалось отверстие полый ножки; снизу чашечки, кроме того, хорошо заметен отлом одной довольно массивной ручки, которая укреплялась верхним концом под чашечкой у ее ножки. Запрошенный мною по поводу этой чашечки В. Д.

Блаватский, осмотрев ее, сообщил следующее: «Чашечка, мне кажется, должна быть датирована эпохой раннего эллинизма (конец IV начало III вв. до н. э.) и представляет собою горло чернолакового кувшинчика (см. рис. 11). Сосуды с таким горлом встречаются крайне редко: мне пришлось видеть их всего лишь три. Место изготовления кувшинчика трудно поддается определению, возможно, что это Атика, но более вероятно, что Малая Азия».

Сосуд вылеплен из тонкой отмученной глины, содержащей в себе лишь органические соринки, от которых остались местами после обжига мелкие поры. По сравнению с образцами аттической керамики классической поры глиняное тесто нашего сосуда имеет более светлый, холодновато-розовый цвет, будучи лишено характерного для первой интенсивного теплого оранжевого оттенка. Особый тщательности работы также не заметно. Несмотря на правильные общие очер-

Рис. 11. Схематическое изображение древне-греческого чернолакового кувшинчика (по Д. В. Блаватскому).

тания чашечки, в прилепе ручки наблюдается некоторая поспешность и грубоватость. То же надо сказать и относительно лака, который наложен на внутреннюю и наружную поверхность нашего фрагмента без предварительного их сглаживания и шлифовки, отчего сквозь лак проступает типичная горизонтальная бороздчатость, получаемая при лепке сосудов на быстро вращающемся гончарном кругу. Сохранившийся в одном месте отпечаток пальца и следы мазков в горизонтальном направлении позволяют легко установить, что лак представлял собой клейковатую жидкость, наносимую, повидимому, кистью на поверхность сосуда. Цвет лака на нашем фрагменте отличается тусклым сероватым оттенком и почти лишен блеска. Он не обладает и той тонкой кройкостью, которая была присуща аттическому лаку еще в начале IV века.

¹⁾ Пользуюсь случаем принести В. Д. Блаватскому благодарность как за любезно присланные соображения по поводу моих вопросов, так и за принятый им труд переговорить о них с Б. Н. Граковым.

Вопрос об уточнении датировки связан отчасти с невозможностью установить определенно местопроисхождения сосуда, так как, если он изготовлен в одном из периферийных к территории производства греческой чернолаковой керамики центров, присущие ему особенности в отношении качества теста и лака могут иметь источником не столько поздний возраст, сколько местные ремесленные навыки. Известно, например, как в этом отношении отличается пониженным качеством лака продукция Пантикапейских мастерских, выделенная Т. Н. Книпович, по характеру глиняного теста, среди керамических находок в Елизаветовском городище. Даже образцы, которые стратиграфически принадлежат границе V-IV века, обнаруживают небрежность в выделке и жидкий тусклый, бурого цвета лак.¹

Серый узкогорлый кувшинчик с ручкой (Э-65), находившийся в ногах покойника рядом с чернолаковой чашечкой, прина-

Рис. 12. Два кувшинчика с волнообразным узором (гребенкой) по корпусу из грунтовой могилы и из урны с пеплом на Верещагинском холме.

длежит тому же самому типу простой местной керамики, как и выше-описанный кувшинчик из урны. Он отличается от последнего несколько большей величиной, менее шаровидным, явно суживающимся к доньшку корпусом, более декоративной орнаментацией и тщательной отделкой (табл. IVб). В высоту кувшинчик имеет 19,5 см., наибольший диаметр корпуса 14,6, диаметр доньшка 6,2 см. Цвет его темно-серый, переходящий на горлышке в буроватый, что зависит от неоднородности обжига.

¹⁾ Книпович Т. Н. Цит. Соч. стр. 145.

Глиняное тесто, в изломе светло-бурого оттенка, приготовлено из грубой неотмученной глины. Узкая шейка, расширяясь, образует у горла раструб с неровно отогнутым кнаружи венчиком около 5 см. в диаметре.

Весь корпус сосуда покрыт аналогичным кувшинчику из урны орнаментом из ряда заходящих, частью друг на друга, волнообразных поясков, нанесенных по сырой глине вокруг сосуда колеблющейся деревянной «гребенкой» с 16 зубцами общей ширины в 27 мм. В отличие от кувшинчика из урны, гребенка делала более глубокие и в то же время более редкие колебания: числом около 35 на полный поворот круга. Благодаря этому орнамент оказался характера более размашистого и четкого.

Так же, как в вышеописанном случае, кувшинчик после высыхания подвергся лощению слегка влажной галькой: в нижней трети корпус сосуда был зашлифован полосками в вертикальном направлении, а у самого дна в горизонтальном направлении. Лощению подверглась и шейка сосуда: лощенные вертикальные ленты покрывают ее со всех сторон. Кроме этого лощилом были заполированы два взаимно пересекающиеся косые ряда полос сверх всего волнообразного узора на корпусе, образовав как бы накиннутую на него ромбическую сетку (рис. 12а). Эта деталь придает орнаментальному украшению кувшинчика из 2-го погребения своеобразный стереометрический характер, отсутствующий в декорировке кувшинчика из урны, но сходный с подобными кувшинчиками, выловленными землечерпалкой в Очемчирском порту, очевидно из соответствующего культурного слоя с чернолаковой керамикой, хорошо там представленного.

Указанные особенности каждого из обоих эшерских сосудов не дают, однако, достаточных оснований объяснить их хронологическими различиями обоих погребений. Эти два сосуда настолько, все таки, близки между собой, что могут быть отнесены к одному и тому же времени, хотя, безусловно, сделаны не в одной и той же мастерской. Измельченный орнамент кувшинчика из урны, как бы подражающий ткани текстильного орнамента, совершенно лишен той уверенности и свободы, которые бросаются в глаза на другом сосуде.

Приблизительно то же самое придется сказать и относительно хронологических отношений, выводимых из сравнения браслетов обоих погребений.

Бронзовые браслеты найдены во втором погребении в количестве трех: два на руках и один в ногах вместе с чернолаковой чашечкой и серым кувшинчиком. Все они имеют ту же общую форму с выгибом внутрь, какой мы отметили на браслетах из урны (табл. V^а, 7).

Браслет (Э-72) с правой руки покойницы сделан из круглой проволоки в 3 мм. толщины и покрыт сплошь густой поперечной кольцевой нарезкой (рис. 13а). Только оба слегка утолщенных конца обработаны иначе в виде сильно схематизированных головок какого то животного. При этом здесь так же, как и в ряде браслетов из урны, в обработке задней части головки имеется характерная продольная щелевидная вырезка, к которой сходятся елочкой косые рубчики. Эта деталь особенно сближает данный браслет с браслетом из урны.

Браслет (Э-74) с левой руки не имеет на концах звериных головок, а заканчивается двумя утолщениями округло биконической формы (рис. 13а), напоминающими биконические головки двух золотых браслетов Ахалгорийского клада, но без имеющейся там на них легкой зубчатости¹. Он согнут из круглой бронзовой проволоки в 2,5 мм. толщины и лишен какого бы то ни было орнамента (рис. 20 в). Точно такой же браслет (Э-71) был положен и в ногах погребения.

Можно указать ряд мест не только в западной, но и в восточной Грузии, где были найдены подобные браслеты (например, в точности такой браслет имеется в коллекциях Музея Грузии из с. Хидистави Горийского уезда), зато вне Грузии такие браслеты и близкие им формы, повидимому, не встречаются. Это указывает на то, что переработка вышеупомянутых ахеменидских форм браслета с выгибом внутрь происходила на территории Закавказья и независима от античной колонизации и эллинизации туземного населения. Тем более представляет интерес выяснить происхождение и понять значение орнаментальных концовок на этих браслетах. При сравнении между собой тех из них, которые сохранили еще фигурные формы (именно у браслетов Э-60, 61, 72, 75), не трудно заметить одну общую традицию в оформлении их, несмотря на крайний схематизм приемов. Вся работа сводится к выявлению общих очертаний головки и расчленению ее ограниченным числом косых, поперечных и продольных рубчиков, причем обязательно наблюдается вышеуказанная продольная щелевидная бороздка, проходящая через затылочную и шейную ее область, независимо от того, чье изображение представляет собою головка. Это указывает на существование одного исходного для нее прототипа. Этим прототипом является, повидимому, голова льва в ее поздне-иранской обобщенной трактовке.

Я напому для сравнения львиную головку с сибирской золотой

¹ Смирнов Я. И. Ахалгорийский клад, Тифлис, 1934, стр. 3. Табл. I, 1.

гивны¹ того, так называемого «сарматского» полихромного стиля, который пропитан не греческими, а с Востока идущими художественными традициями. Сопоставляя с этим изображением головку нашего браслета (рис. 13₂) не трудно усмотреть в характерных косых валиках у его концов передачу напряженной мускулатуры щек с верхней губой и лобных надбровий львиной головы лишь в крайне схематизованном виде. В тем большей степени наш браслет оказывается связанным с вышеупомянутыми ахеменидскими браслетами, у которых головки льва характеризуются лишь реалистичностью исполнения. Несомненно, самый обычай украшать браслеты, серьги и гривны львиными головками и цельными фигурами животного, как это мы видим, например, на серебряных браслетах и золотых серьгах из Ольвии²

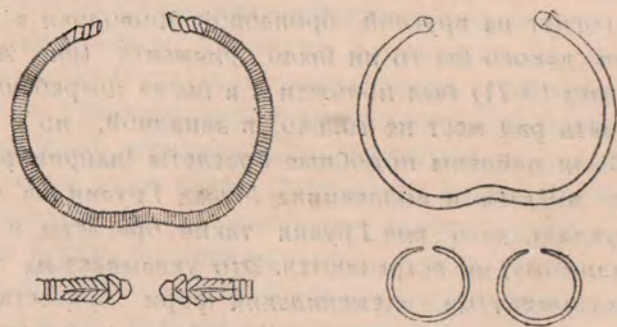

Рис. 13. Два бронзовых браслета и пара бронзовых височных келечек из погребения на Верещагинском холме.

и Емчихи,³ на браслетах и гривнах из Аму-Дарьинского клада, из курганов Большой и Малой Близницы, Солохи, Куль-Обского, Карагадеуаша,⁴ на упомянутой сибирской гривне и пр., так же, как обычай украшать платье бляшками с изображением львов имеет религиозно-символическое значение и, по всей вероятности, преследует апотропеические, профилактические цели. Родиной этого обычая, несомненно, был Передний Восток, где лев являлся символом многих богов, знаком могущества и силы. Самый прием заканчивать головками

¹) Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3, СПб, 1890, стр. 49, рис. 51.

²) Фармаковский Б. В. Архангелский период в России. В: Материалы по археологии России, № 34, Петр. 1914, стр. 32, Табл. IX, 1—5, XII 7, 8.

³) Орешников А. В. Обзор раскопок... В: Археологические Известия и Заметки, 1893, № 1, стр. 20, рис. 2 и 3.

⁴) Лаппо-Данилевский А. Курган Карагадеуаша. В: Материалы по археологии России, № 13, СПб, 1894, стр. 71.

животных концы обручных украшений, в частности, браслетов, также хорошо знаком ассирийским ювелирам: изображения подобных браслетов можно видеть на барельефе VIII века из дворца Нимруда в числе предметов, приносимых в дань царю.¹

У Perrot et Chipiez² приводится рисунок такого массивного бронзового браслета (диаметр 13 см.), хранящегося в Лувре. Вместо львиных головок он заканчивается головками драконов, что является менее характерным и для позднейшей диаспории этих форм. Львиными же головками оканчиваются вышеупомянутые (стр. 59) золотые браслеты с выгибом из погребения царицы в Сузах (рис. 14).

На Южном Кавказе браслеты, заканчивающиеся львиными головками, совершенно неизвестны в ранне-железных культурах, кобаньской и современных ей, хотя змеинные головки, повидимому, начинают уже иногда оформляться, вероятно не без влияния шедших с юга образ-

Рис. 14. Золотой браслет из женского царского погребения в Сузах (по Моргану).

цов, так как для более ранних памятников даже самый прием украшения концов браслетов и гривен головками животных был совершенно чужд. Наиболее древний из известных мне опубликованных примеров закавказских браслетов с головками львов происходит из бывшей Карской области сел. Заким бывшего Ольгинского округа.³ Браслет этот датируется довольно точно VI-м веком до нашей эры, на основании найденного вместе с ним орнаментированного пояса, совпадающего по рисунку с художественными мотивами Мельгуновского клада. По своему характеру этот браслет в свою очередь близко совпадает с бронзовыми браслетами из могильника с пеплом покойников

¹) Layard A. H. The monuments of Nineveh from drawings made on the spot, illustrated in one hundred plates, London, 1849, серия I, табл. 41.

²) Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. II, Paris, 1884, стр. 764, рис. 430.

³) Отчет Археологической Ком. за 1904 год, стр. 131.

в урнах, раскопанных П. Ф. Петровым в 1914 году у подошвы Ара-
яата в Малаклю, близ Игдыря.¹ На основании присутствия в инвентаре
печатей Ванского типа, эти браслеты также могут быть датированы
эпохой урартской экспансии на Южный Кавказ. Любопытно также
сопоставить трактовку львиных головок на браслетах из Малаклю
с таковыми на бронзовом браслете из Луристана, опубликованном
впервые А. У. Роу.²

В Грузии браслеты с львиными головками даже в эллинистическую
эпоху являются редкими. Гораздо обычнее в это время браслеты,
заканчивающиеся головками, которые всего скорее считать головками

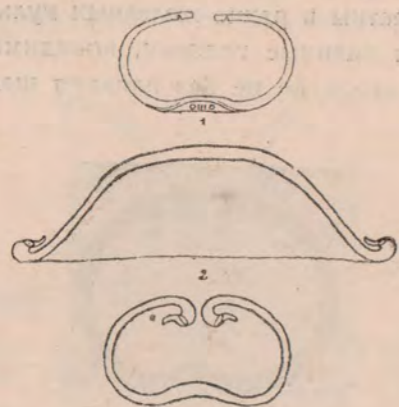

Рис. 15. Сложный лук; 1—монгольский со спущенной тетивой (по Анучину);
2—лук с персепольского барельефа, с лебедиными головками, и предполагаемая
его форма при спущенной тетиве.

драконов с узкими мордами и прижатыми вдоль шеи длинными
ушами. Здесь мы, повидимому, имеем дело с позднейшей трансформа-
цией местного образа змея, издавна хорошо известного в орнамен-
тальной практике, но не без влияния восточных иранских образцов,³
которые особенно хорошо известны по их отражению, как показал
М. И. Ростовцев, на поздне-скифских, в частности сибирских гривнах.⁴

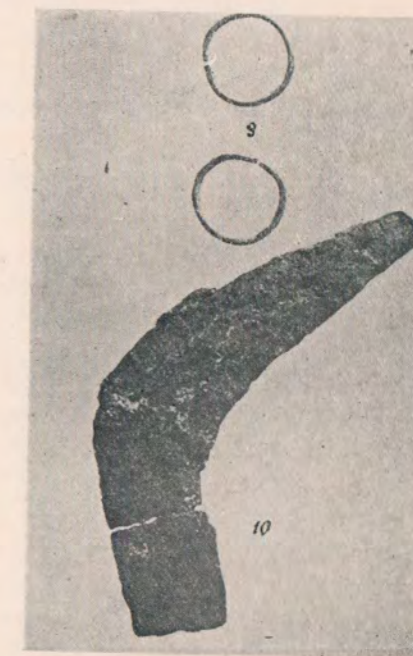
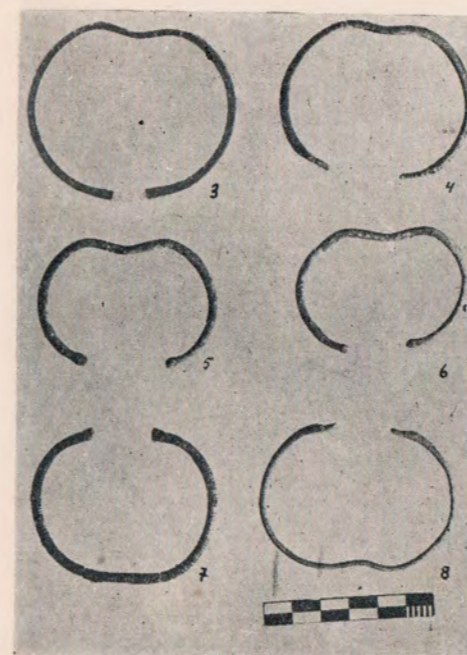
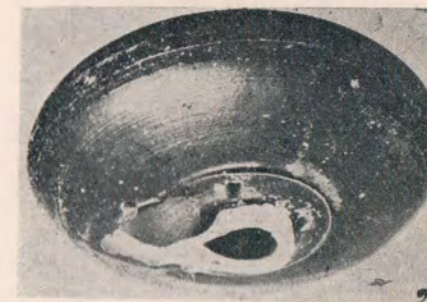
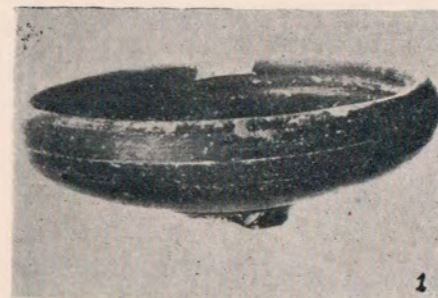
*¹) Материал издан в 1943 году; см. Куфтин Б. А. Урартский „колумбарий“ у
подошвы Араата и Куро-Аракский энеолит. Отт. из Вестн. Гос. Муз. Груз., т.
XIII В. Тбилиси, 1943, стр. 39—40, рис. 28—29.

²) Роу Arthur Upham, Remarkable „Finds“ from Luristan. В: Ill. London
News, 6/X, 1930.

³) Dalton O. M. The treasure of the Oxus, 2 ed., London, 1926.

⁴) Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи ран-
него и позднего эллинизма. В: Материалы по Археологии России, № 37, Пг.,
1918, стр. 34—36.

Табл. V.

Чашечковидный фрагмент чернолакового сосуда, бронзовые браслеты и желе-
зный кривой ножичек из погребения античной эпохи в Эшери.

Что касается головки, которую мы описали выше, как головку лебедя на браслете Э-60 из эшерского погребения в урне. (табл. VI, в середине), то в ней мы, повидимому, встречаемся опять таки с новым мотивом. В противоположность головкам льва, дракона, грифонов и некоторых других животных (барана, быка, козла), которые часто играют роль орнаментальных концовок в древнем передне-азиатском искусстве, голова лебедя и других водяных птиц встречается очень редко в этом применении.

Правда, известные мне случаи представляют для нас особый интерес, так как один касается браслета Амударьинского клада¹ из золотой трехгранной проволоки, другой — сложного лука, изображенного в руках Дария и его оруженосца на Бисутунской скале,² на плече вооруженных по мидийски (Геродот VII-62) воинов персидской гвардии Ксеркса на персепольских барельефах,³ наконец, у сидящего на троне или на омфалосе царя на реверсе парфянских монет.⁴ Как в случае с браслетом, так и на персидских изображениях лука, головка лебедя находится, следовательно, в аналогичном применении, если примем во внимание вышеуказанную возможность отражения на наших браслетах формы сложного лука со спущенной тетивой. Но оба эти случая, не имея, повидимому, местной традиции в прошлом, сами являются новообразованиями в ахеменидском и послеахеменидском искусстве и требуют своего объяснения.

Что касается ранних парфянских монет до митридатовского периода, то там изображение царя в персидском одеянии с поднятым луком может быть возведено, судя по некоторым селевкидским образцам (но с опущенным луком), к образу Аполлона,⁵ статуя которого была доставлена Ксерксом в Экбатаны (Павзаний I 16,3, VIII 46,3)⁶; на более поздних же образцах, после возвращения Селевком статуи в Афины, ту же интересующую нас деталь лука мы видим у безбородого династа, сидящего на традиционном ахеменидском троне,⁷ в соответствии с вышеуказанным бисутунским рельефом Дария.

¹) Dalton O. M. Цит. соч. стр. 38, Табл. XIX, № 142.

²) King L. W. and Thompson Campbell R. The Sculptures and Inscription of Darius the Great, London, 1907, pl. IV.

³) Стрелков А. С. Рельеф из Персеполя собрания Музея Изыщных Искусств. В: Памятники Музея Изыщных Искусств, вып. V, Москва, 1926, стр. 22, 25, Табл. V.

⁴) Wroth W. Catalogue of the coins of Parthia, London, 1903, Pl. I, 5, 8, 10 и пр., стр. XXIV.

⁵) Wroth W. Цит. соч. стр. LXVII—LXX.

⁶) Павзаний. Описание Эллады, перев. Г. Янчевецкого, СПб, 1887—1889, стр. 180, 669.

⁷) Longprier (de) A. Explication d'une coupe Sassanide inédite. Oeuvres, t. I, Paris, 1883, стр. 83, рис. на стр. 81.

4. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

Значительно более обычен в это время мотив изогнутой лебединой или гусяной шеи $\chi\rho\iota\sigma\iota\omicron\varsigma$ в древне-греческом искусстве, где он особенно используется для украшения концов ручек бронзовых ситочек и черпал¹ для вина.

Украшался „хениском“ также очень часто и изгиб кормовой части корабля, судя по многочисленным изображениям на чернофигурных вазах.² Л. Стефани еще в 1863 году посвятил лебединой символике в греческом искусстве значительную часть отчета, однако, объяснения, даваемые им вряд ли можно считать теперь приемлемыми. Он исходит из существовавших у древних греков представлений о лебеде, как птице, отличающейся особой смелостью и способностью к божественному восторгу, что само, несомненно, является простой рационализацией фактов, имеющих более глубокие корни. Гораздо существеннее для понимания роли лебедя в древне-греческом мировоззрении факт его отношения к Аполлону Гиперборейскому и циклу солнечных мифов (о героях, носивших имя Кикнос), приуроченных к северу. В обоих случаях лебедь оказывается в культах солнечных божеств, ориентированных на северные страны, где естественно искать их источник.

Многочисленные изображения Аполлона Гиперборейского³ рисуют его сидящим на лебеди или в колеснице, запряженной ими в ежегодном его путешествии от Гипербореев на о. Делос. С Гелиосом Фаефонтом, упавшим солнцем, находится в родстве Кикнос,⁴ сын Лигурийского царя Сфенела, превращенный Аполлоном в созвездие Лебедь. Самое греческое представление о поющем лебеде,⁵ известное по свидетельству Гигина (Nug. fab. 154) еще Гезиоду (fr. 1994), может иметь своим источником игру словами в названии лебедя „лигурийским“ $\lambda\iota\gamma\upsilon\omicron\varsigma$ что одновременно читается „певучий лебедь“, т. к. самый факт предсмертной песни лебедя считался спорным уже в древ-

¹) Фармаковский Б. В. Архаический период на юге России. В: Материалы по Археологии России, № 34, Петроград, 1914, стр. 31, рис. 2—3.

Лаппо-Данилевский А. Курганы Карагадеуаш. Там же № 13, СПб, 1894, табл. VI_{2,3}. Древности Геродотовской Скифии, вып. III. СПб, 1872, табл. 30, рис. 1 и 2.

²) Стефани Л. Объяснение вещей, найденных близ Керчи в 1862 году. В: Отчет Археологическ. Ком. за 1863 год, стр. 47.

³) Roscher W. H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. I, Leipzig, 1890.

⁴) Pauly-Wissowa. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Bd. X, Stuttgart, стр. 2441.

⁵) Wilamowitz U. (von) Heracles² I, стр. 31; Цит. по Pauly-Wissowa, стр. 2441.

ности. Во всяком случае, как показал J. Déchelette¹, с территории древней Лигурии происходит большое количество археологических памятников, указывающих на солнечный характер культа лебедя, существовавшего там и в более северных европейских странах еще с конца эпохи бронзы. Бронзовые сосуды, пояса и шлемы из могильников северной Италии, Дунайских стран и восточной Галлии начала железной эпохи часто покрыты изображениями солнечной ладьи (с диском солнца), заканчивающейся лебедиными протомами. Такой же орнамент характерен для бронзовых бритв и особых ножей, предназначенных для врачебных целей из Скандинавии, куда доходят эти формы, находящие замечательные параллели в бронзовых ножах из Египта, эпохи нового царства,² с хенисками вместо ручек и иероглифическими надписями, иногда с заменой головки лебедя головкой коня, в соответствии с нормами первобытного мышления, связывающего часто, как показал Н. Я. Марр, в частности и для германских языков,—птицу с конем и коня с зарей-солнцем.

Вполне естественно, что именно на севере, где перелет водяной птицы так явно связан с годовым движением солнца и особым хозяйственным значением сезонных перемен, солнечный культ лебедя мог получить свое специфическое развитие на основе дифференциации тотемических образов и более общих представлений о птице, — существе неба, как верхнего, так и нижнего. С расширением греческой торговой экспансии и более интенсивного вовлечения населения северной Европы, начиная с торговли янтарем, в хозяйственную жизнь Средиземноморья, этот культ оказался выплывшим там из глубины тотемно-космического мировоззрения и нашел вышеуказанное отражение в верованиях и мифологии древних греков.

На Кавказе изображение лебедя или гуся не имеет такого распространения, хотя среди многочисленных в южном Закавказье бронзовых ажурных фигурок птиц³ эпохи урартской военной экспансии некоторые из них и считаются, иногда, изображениями гуся. Однако, ничего специфически гусяного, тем более лебединого, в них нет и они с большим правом могут рассматриваться, как изображения перепела или голубя.⁴ Несомненно изображением гусей являются только два

¹) Déchelette Joseph. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et galloromaine, t. II, Paris, 1910, стр. 418—444.

²) Morgan J. (de) La préhistoire Orientale. t. II, Paris, 1926, рис. 273.

³) Virchow R. Verhandl. der Berl. Gesel. f. Anthropol. Ethnol. u. Urgesch. 1895, стр. 550.

Пассек Т., Латынин Б. Ходжалинский курган № 11. В: Изв. Об-ва Обследования и Изучения Азербайджана № 2, Баку, 1926, стр. 19—20 (отд. отт.).

⁴) Ивановский А. А. По Закавказью. В: Мат. по Арх. Кавказа, т. VI, стр. 119.

навершья из Сасиретского клада бронзовой эпохи, опубликованного С. И. Макалатия¹ и Г. К. Ниорадзе.² Менее четко выражен род птицы на фигурке, венчающей крышечку маленького бронзового сосуда, вроде курильницы, несомненно культового назначения из того же клада.

Эта единственная находка не дает достаточного материала, чтобы уяснить специфический мифологический смысл гусиных изображений. Можно, мне кажется, лишь сказать, что они составляют часть ритуального комплекса, в который входят, именно, судя по находящимся в кладах двум парам бронзовых удил с колесовидными псалями и полый фигурке козла с погремком, подобного козлу, украшавшему дышло колесницы-арбы, найденной Лалаяном,³ — упряжь четверки лошадей. Увенчанные же фигуркой птицы траурные знамена до сих пор являются у местных горских племен призом на конских ристалищах по покойнике.

Второй известный памятник — Казбегская серебряная чаша, ахеменидской эпохи,⁴ украшенная двойным завитком, в виде изогнутых лебединых или гусиных шеек с головками, несомненно привозного происхождения, греко-финикийской работы,⁵ как свидетельствует стиль изображения и нацарапанная финикийско-арамейская надпись IV-VI в. до н. э. (с характерной древней формой буквы yod).⁶ Подобный орнаментальный мотив парных завитков с лебедиными головками в это же время известен и на скифского типа изделиях, например, на золотых ножнах меча из Амударьинского клада⁷. Наконец, лебединые головки входят в орнаментацию бронзовых ручек сосуда из Мцхета, также привозного, греко-римского времени и работы, с изображением героя каледонской охоты на вепря.⁸

¹) Makalatia Serge. *Decouvertes archéologiques en Géorgie en 1930*, В: *Mitteilungen der Anthrop. Gesellschaft in Wien*, Bd. LXII, 1932, стр. 103, рис. 7 и 8.

²) Nioradze G. *Der Verwahrfund von Kvemo-Sasirethi*, В: *Eurasia Sept. Ant.*, VII, стр. 93, рис. 12—14.

³) Лалаян Е. А. *Раскопки курганов в Советской Армении* (на арм. яз.) Ереван, 1931, стр. 100 и 196.

⁴) Смирнов Я. И. *Восточное серебро*, СПб, 1909, табл. III, рис. 13, стр. 6.

⁵) Poulsen F. *Der Orient und die frühgrichische Kunst*, Berlin, 1912, стр. 87.

⁶) Schlottmann K. *Письмо В. Ф. Миллеру*, В: *Изв. Общ. Люб. Ест. Антроп. и Этн.* том XXXV, Москва, 1879, стр. 34—35.

⁷) Его же. *Zur semitischen Epigraphik VII: Persisch-aramäische Inschrift auf der Silberschale von Moskau*, В: *Zeitschr. der Deutsch. Morgenland. Gesellschaft*, Bd. 33, Leipzig, 1879, стр. 292.

⁸) Dalton O. M. *The treasure of the Oxus*, 2 ed. London, 1926.

⁹) Макалатия С. И. *О культе Митры в Грузии* (на груз. яз.). В: *Bulletin du Musée de Géorgie*, t. III, Tiflis, 1927, табл. VIII. Автор иначе интерпретирует изображение на ручках: см. об этом Amiranashvili A. *Zwei Henkel eines silbernen Gefäßes aus Mzchetha*. Berlin, 1934, стр. 1—10. *Sonderabdr. aus Archäologische Anzeiger*.

Таким образом, известный пока южно-кавказский материал не дает достаточной возможности установить для нашего браслета сколько-нибудь заметную связь с местными традициями, и скорее всего в лебединых головках браслета следует видеть непосредственное отражение греческих любимых мотивов, широко распространившихся в эллинистическое время, но и ранее еще успевших проникнуть в иранские изделия ахеменидской эпохи, где привился прием украшать концевками в форме лебединых головок „хениксами“ некоторые предметы, как это мы видели на вышеупомянутых изображениях лука в руках персидского царя и воинов, где древко лука заканчивается скульптурно оформленными головками лебедя или гуся.

Бронзовые серьги (табл. V_а), обнаруженные под черепом погребения, представляют собою два простые колечка, диаметром в 1,2 см., свернутые из круглой проволоки толщиной 1,2 мм., с незамкнутыми грубо-обрученными концами (рис. 13_а). Пatina, покрывающая эти колечки, отличается от патины браслетов темно-зеленым цветом. Поверхность ее блестящая, без следов порошкообразного налета.

Бусы в количестве более 40 штук, собранные в области шеи все мелкого размера (табл. VI внизу). Из них 28 округло кольцевидной формы диаметром 3,6 мм. и толщиной 1,3 мм. выделаны из черного гагата или гишера. Девять бус шаровидных диаметром 4,2 мм. — из голубой стекловидной непрозрачной пасты. Четыре бусы овальной формы с продольным диаметром в 6 и поперечным 4,2 мм. — из красного сердолика с хорошо отшлифованной поверхностью и продольными, почти правильной цилиндрической формы, хотя и встречно просверленными, отверстиями. Одна шаровидная буса диаметром 5,5 мм. из прозрачного белого стекла. В числе этих бус имеется одна очень тонкая дисковидная пронизка диаметром в 4 мм. из перламутровой пластинки. Наконец, вместе с бусами находились очень тонкие ооломки стенок мелких шаровидных бусинок из дутого стекла, покрытого внутри тончайшим слоем золотой фольги, которая в виде блестящих чешуек отделялась от вогнутой поверхности стекляных осколков.

К сожалению ввиду отсутствия точных погребальных описаний находимых бус в большинстве могильников Причерноморья и Закавказья является невозможным, впредь до накопления точно документированного материала, дать сравнительную характеристику бус нашего ожерелья, как со стороны хронологического значения отдельных типов, так и в отношении районов их изготовления и распространения.

Остановлюсь я несколько лишь на мелких бусах из гишера, так называемого черного янтаря, который получил на Кавказе особенно ши-

рокое распространение, как материал для изготовления бус в римскую эпоху. Действительно, большинство ожерелий этого времени в могильниках Закавказья, начиная с раскопок Байерна в Самтавро в 1872 году,¹ содержат мелкие и крупные бусы разных форм из гишера, остающегося здесь и до настоящего времени одним из распространеннейших материалов для разного рода украшений. Разработки гишера, главным образом для местной кустарной промышленности, имеются и теперь в Грузии, главным образом в Кутаисском и Тквибульском районах. Наибольшей известностью пользуется Дзированское месторождение в верховьях реки Цхал-Цитела. Насколько давно оно существует, трудно сказать; сведения о нем имеются только с XVIII-го века. Следов старых разработок довольно много.² В римскую эпоху несомненно пользовались местными залежами.

Однако в ранне-эллинистическое время гишер являлся, повидимому, еще редким минералом и тщательная отделка мелких бус нашего ожерелья подтверждает это. Одной из наиболее ранних находок Грузии, где появляются бусы из гишера, может считаться пока Ахалгорийский клад, содержащий в своем составе несколько мелких овальной формы тщательно отделанных бус.³

В южно-кавказских могильниках ранне-железной эпохи даже в тех более поздних, где появляется янтарь, гишер, повидимому, еще отсутствует. Правда, в Историческом Музее имеется, по указанию Е. Г. Пчелиной,⁴ большое количество гишеровых бус в коллекции Филимонова из Казбеги, но принадлежность их к „кладу“ остается неясной, так как сам Филимонов в своем списке не упоминает о них совсем, хотя хронологическая близость Казбегского клада к Ахалгорийскому не исключает этой возможности. Труднее решить вопрос об отнесении двух крупных гишеровых бус из собрания Virchow'a⁵ к древне-кобаньскому могильнику.⁶

¹) Bayern Fr. Ausgrabungen von Samthawro im Jahre 1872. В: Mittheil. der Anthropol. Gesellschaft in Wien, 1874, Bd. IV стр. 224.

²) Минеральные ресурсы ССР Грузии, Тифлис, 1933, стр. 103.

³) Смирнов Я. И. Ахалгорийский клад, Тифлис, 1934, стр. 17.

⁴) Пчелина Евг. Отчет о раскопках близ деревни Сагурамо. В: Bulletin du Musée de Géorgie, f. III, Tiflis, 1927, стр. 136.

⁵) Virchow Rud. Das Graberfeld von Koban. Berlin, 1883, стр. 102 — 103, табл. VII, 15.

⁶ * Раскопки последующих лет засвидетельствовали наличие гишеровых бус в единичных богатых погребениях и еще более ранней эпохи: напр. курганный кенотафий (?) с бронзовой шпагой в Самтаврском некрополе, открытый в 1940 году Мцхетской Археологической Экспедицией. Ак. Наук Гр. ССР, см. Куфтин Б. А. О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. В: Вестник Гос. Музея Грузии, вып. XII В. Тбилиси, 1944, стр. 311.

Что касается пластинчатой пронизки из перламутра, то она, напротив, имеет чрезвычайно глубокие традиции на Кавказе, восходя к началу металлической эпохи. Дисковидные, несколько изогнутые по плоскости пронизы, костяные или перламутровые,¹ более крупных размеров, известны, например, из могил с ранним бронзовым инвентарем около Пятигорска, из 1-го кургана близ Константиновской,² из IV-го кургана там же.³ В данном случае она является лишь очень миниатюрной и тонко отшлифованной.

Бронзовые перстни-печати (табл. VI) являются наиболее замечательными памятниками из второго погребения. Оба перстня с пальцев правой руки несут на себе вырезанные по металлу зооморфные изображения (рис. 16). Их понимание требует специального рассмотрения, к которому мы и перейдем.

3. Семантика изображений на перстнях из второго погребения.

На перстне, не имеющем щитка, изображение вырезано на округлой поверхности самого обода в расширенной слегка средней его части против просвета между незамкнутыми суживающимися концами. Изображение напоминает собаку в раздраженной лающей позе. Несмотря на сравнительно грубую фактуру резьбы, передача образа жи-

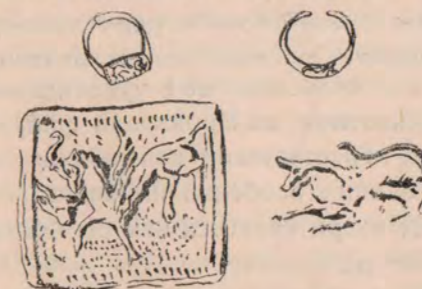

Рис. 16. Два бронзовых перстня и два изображения на их щитках из погребения на Верещагинском холме.

вотного отличается известной жизненностью и правдивостью. Торчащее ухо и густая шерсть по загривку позволяют даже угадывать в изображении некоторые черты местной овчарки. Однако преувеличенно большой гладкий закинутый за спину хвост, общие пропорции фигуры и существующая, наконец, местная художественная традиция, заставляют скорее видеть здесь не простую передачу реальной соба-

¹) Tallgren A. M. Zu der nordkaukasischen Bronzezeit. В: Eurasia Septentrionalis Antiqua, t. VI, 1931, стр. 131.

²) Самоквасов Д. Могильные древности Пятигорского округа. В: Труды V-го Археологического Съезда. Тифлис, стр. 56, табл. I, 15.

³) Tallgren A. M. Цит. соч. стр. 134, рис. 29.

ки, а образ фантастического хищника, хорошо известного по многочисленным его изображениям на значительно более древних изделиях кобаньского типа. Правда и там некоторые исследователи были склонны видеть лишь искусственную стилизацию реальной собаки, как части полной охотничьей сцены, составлявшей основное содержание данного художественного творчества. В этом направлении интерпретировал весь кобаньский орнаментальный материал А. А. Миллер в работе «Изображения собаки в древностях Кавказа»,¹ не отличая действительных изображений реальной собаки, травящей оленя, на бронзовой булавке от совершенно иного характера форм, выгравированных, главным образом, на кобаньских топорах, где принимаемое автором за собаку животное никогда не встречается в связи с изображением оленя, а почти исключительно в окружении змей, рыб и небесных светил. Но даже и в том случае, когда подобное изображение находится там в ряду с одним из крупных травоядных животных, в нем скорее можно видеть крупного хищника, а не собаку, то есть весь сюжет возводить к хорошо известному на более высокой, чем примитивное охотничье хозяйство, стадильной ступени матриархально родового общества (древние цилиндры печати, майкопский сосуд, калакентские пояса)² представлению животного круговорота в природе, когда жанровые сцены охоты играют лишь роль частей иной по содержанию композиции. Особенно явным значение кобаньской «собаки» становится при сопоставлении ее с чудовищным хищником, пожирающим копытное животное на бронзовой фибуле из Беотии,³ где трактовка чудовища с характерными для кобаньских топоров перистыми кистеобразными лапами особенно им близка. Изогнутый же вдоль спины длинный хвост зверя является как бы прототипом для изображения нашей «собаки» на перстне.

В дальнейшем при анализе изображения собаковидного существа на бронзовом топоре из эшерского погребения кобаньской эпохи нам придется более подробно остановиться на характере и значении этого образа, но сейчас для понимания изображения на перстне необходимо сказать о нем еще несколько слов. Уже П. С. Уварова, отмечая характерное сочетание на кобаньских топорах изображения фантастического животного с разинутой пастью и перистыми лапами с изображением рыбы, видела в первом морское чудовище.⁴ И. И. Мещанинов

¹) Известия Рос. Акад. Ист. Мат. Культуры, том II, Птб. 1922, стр. 287—324.

²) Фармаковский Б. В. Архаический период в России. В: Материалы по Археологии России, № 34, Петроград, 1914, стр. 42.

³) Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, T. VII, стр. 251.

⁴) Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. В: Мат. Арх. Кавказа, том VIII, Москва, 1900, стр. 18.

в посвященной этому вопросу специальной публикации¹ показал, что образ этот есть отражение более общей семантической мифологической связи собаки, воды и змеи, что подтверждается также и местным лингвистическим материалом, хотя бы приведенным академиком Н. Я. Марром этимологическим рядом по сибилантной группе: *ṣaqi* «собака» ← *tkal* «вода». В кругу этих фактов получает особое значение другое указание Н. Я. Марра², что волк и змея отождествляются между собой в тотемной основе племенного названия иберомегрелов т. е. геров и гуров, поскольку грузинскому *gegi* в значении «волк» соответствует мегрельское *guegi* «змея» при чанском *gwegi* «волк». Это позволяет интерпретировать указанный комплекс изображений на кобаньской бронзе, — чудовищной собаки, змеи и рыбы, как отражение подобного представления. Исходя из него мы в дальнейшем сохраним за указанным образом, условно, западно-грузинское наименование *guegi* «змее-волк» или «драконо-волк».

Таким образом, для понимания нашего изображения на кольце существенным является возможность установить его более ранний местный характер и преемственную связь с древнейшими верованиями, продолжавшими жить и в условиях заметной эллинизации коренного населения, о чем свидетельствует и опубликованный Е. М. Придилом³ бронзовый перстень из Бори с подобным же изображением, определяемым им условно, как рысь (г), среди богатого местного и привозного инвентаря римской и эллинистической эпохи.

Правда, в самой художественно-технической трактовке изображения помощью глубокой резьбы, типа резьбы на печатях, в металле и в помещении изображения на перстне, несомненно с апотропеическим назначением, мы имеем нечто существенно новое, но это новое обязано не столько непосредственно греческому влиянию, сколько обусловлено развитием местной тесно связанной с иранским Востоком художественной промышленностью, которая ярко проявляется в это время в самом эллинистическом искусстве в виде характерных ориентализирующих тенденций.

Второй перстень с печатью свидетельствует об этом еще ярче. Он также представляет собой незамкнутый обод (в данном случае с заходящими концами), но снабженный прямоугольным щитком, расположенным длинной осью вдоль его, то есть поперек пальца. На щитке выгравировано изображение фантастического животного, снабжен-

¹) Мещанинов И. И. Змея и собака на вещевых памятниках Кавказа. В: Зап. колл. Востоковедов, Том I, 1925, стр. 245—256.

²) Марр Н. Я. Термин «Скиф». В: Яфетич. Сборник. Том I, Петроград, 1922, стр. 130—131.

³) Придик Е. М. Новые Кавказские клады. В: Материалы по Археологии России, № 34, Петроград, 1914, стр. 104, Табл. III₁₅ и VI₁₅.

ного крыльями. С первого взгляда это изображение я принял за пегаса, однако, более внимательное изучение изображения по оттиску и сделанным с него фотографическим увеличениям заставило признать в изображении—крылатого грифона. Действительно, длинное сухопарое туловище с мягкими задними лапами не имеет ничего лошадиного. Снабженная длинным изогнутым рогом голова с клювовидной мордой и короткими треугольными ушами посажена на широкую сильную шею. Фантастическое животное как бы только что спустилось передней частью тела на землю и, наклонив напряженно голову и подняв одну ногу, выступает вперед. Крыло с острым, несколько загнутым концом поднято вверх. Перед самой мордой грифона явственно различается грубо оформленная голова быка en face. Хорошо видны два уха и рог с одной стороны, другой рог находится за мордой грифона. Все изображение выполнено выемчатой резьбой на подобие геммы. Фон покрыт неровными пунктирными ударами (рис. 16).

Изображение грифона довольно обычно в греческом искусстве, но история и происхождение его спорны. Furtwaengler¹ полагает, что тип грифона впервые был выработан в Малой Азии у хеттов, проник в Египет и с египетскими чертами вновь получил распространение в Малой Азии, оказавшись уже оттуда в искусстве греко-финикийском и греческом. René Dussaud,² основываясь на неиспользованном Furtwaengler-ом материале рукояток из слоновой кости для зеркал, найденных в Энкоми, и других образцах кипрского, собственно, микенского искусства, утверждает местную для греческого искусства традицию в выработке типа грифона и зависимость финикийских форм от кипрских. Однако Fr. Poulsen³ утверждает, что древнейшее изображение грифона имеется на доисторической египетской шиферной пластинке в совершенно особом виде. Традиция же сирийского и финикийского изображения берет начало из Месопотамии, где происходило первоначальное оформление образа грифона, имевшего еще сумерский прототип, который можно видеть на рельефе, украшающем кубок Гудеа середины III тысячелетия.⁴ Poulsen обращает внимание на характерные спиральные локоны, спускающиеся с головы вдоль затылка на рельефе сумерской вазы. Именно эти локоны наблюдаются на большинстве хеттских и связанных с ними, например, ранне-ио-

¹) Furtwaengler A. Gryps. В: Roscher's Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, стр. 1742 сл.

²) Dussaud René Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée, Paris, 1910, стр. 185—186, рис. 130 и 191.

³) Poulsen F. Der Orient und die frühgriechische Kunst. Berlin, 1912, стр. 14 — 15.

⁴) Poulsen F. Цит. Соч. стр. 48, рис. 38.

Contenau G. (Dr.) Manuel d'archéologie orientale, t. II, Paris, 1924, стр. 181.

нийских изображений грифонов и „безкрылого грифона“ из тронного зала Кносского дворца,¹ где спиральные завитки спускаются вдоль шеи до самых плеч. Однако существенным является следующее, что в сумерском и древне-вавилонском искусстве, где получают оформление представления о крылатых четвероногих, атрибуты птицы ограничиваются крыльями и не касаются головы фантастических существ. Орлиноголовые типы грифонов известны здесь только в поздне-ассирийском искусстве. Напротив в Малой Азии то же, как и в микенском искусстве, древнейшие изображения грифонов имеют уже, обязательно, орлиную голову с клювом. Очень характерно в этом смысле изображение грифона на каменной печати, найденной при раскопках Алишарского холма и опубликованной Е. F. Schmidt-ом² в 1931 году. Эта печать относится, по словам исследователя, к так называемому

Рис. 17. Грифон на каменной печати древне-хеттской эпохи из Алишарского холма (по Е. Шмидту).

второму слою, стратиграфически оказавшемуся третьим, который датируется клинописными «каппадокийскими» таблетками кюль-тепийского типа, то есть эпохой древнего хеттского государства (рис. 17).

Таким образом, уже в XX-ом веке до нашей эры в Малой Азии оформился тип грифона с орлиной головой, несущий на затылке длинный спиральный завиток, традиционно связанный, как остроумно заметил Poulsen, с первоначально боковыми спиральными локонами, бывшими в моде у древних шумеров. Но если мы сравним алишарскую печать с нашим изображением на кольце, мы заметим, что на месте древнего спирального хохолка находится крепкий рог, изогнутой формой своей напоминающий эту первоначальную деталь. Несмотря на все это сходство, правда при разнице в стилях этих двух изображений, отделенных друг от друга промежутком в 17 веков, конечно невозможно их непосредственно сопоставлять друг с другом без учета ряда иных традиций, сказавшихся на образовании типов грифона в Передней

¹) Bittel Kurt Prähistorische Forschungen in Kleinasien. Istanbul, 1934, стр. 89—90 и 14—15.

²) Schmidt Erich F. Anatolia through the ages. Chicago, 1931, стр. 69, 88 и 91, рис. 135.

Азии и в греческом искусстве. В этом смысле чрезвычайно существенным является рассмотрение тех образов грифона, которые установились в древнем Иране. Здесь, в противоположность рассмотренным грифонам, в большинстве случаев, в облике существ, хотя и могучих, но спокойных стражей входа, обыкновенно геральдически трактованных, получил развитие львиноголовый грифон, демон смерти и уничтожения, восходящий к образу ассирийской Тиамат, как она изображается на печатях или на известном барельефе IX-го века из храма Нин-Урта дворца Нимруда, представляющим борьбу Мардука с Тиамат.¹ Последняя представлена здесь в виде львиноголового крылатого чудовища, стоящего на двух орлиных лапах. Совершенно подобного грифона мы находим далее на ахеменидских барельефах Персеполиса, например, в сцене сражения царя с чудовищем.² Но здесь наблюдается в образе последнего один новый элемент—изогнутый рог на лбу, как бы указывающий, по Furtwängler-у, на сочетание вместе элементов льва и козла, как в ликийских греческих мифах, а на самом деле, согласно сказанному выше о типах грифона с хохлом на голове, заставляющим подозревать совсем иное свое происхождение.

Действительно, стоит сопоставить с данным барельефом аналогичные сцены борьбы в том же Персеполисе, чтобы убедиться, что рог, за который схватил герой грифона, в других случаях заменяется просто пучком волос или хохлом на голове животного,³ да и сам собственно лишен присущей рогу заостренной верхушки или же, в других случаях, например, у грифона на изразцовой стене во дворце Дария в Сузах⁴ и грифона того же времени (начала V-го века) на каменной плитке Кабинета Медалей Национальной библиотеки в Париже⁵, трактован, как завиток с закрученным в спираль острием, в противоречии с устрашающим видом чудовища.

Несомненно, что оформление иранского грифона, особенно в ахеменидскую эпоху, происходило под сильным стилистическим влиянием ионийско-греческого искусства, что сказывается между прочим в изо-

¹) Contenau G. (Dr) Manuel d'archéologie orientale, t. I—III, Paris, 1924—1931, стр. 308, 1184.

²) Цит. соч. стр. 1434, рис. 869.

³) Dalton O. M. The treasure of the Oxus, London, 1926, стр. XLIV, рис. 26.

⁴) Contenau G. Цит. соч. стр. 1441, рис. 879.

Dalton O. M. Цит. соч., стр. XVIII, рис. 4.

⁵) Dalton O. M. Цит. соч. стр. XIX, рис. 5.

Przeworski, St. Dzieje i kultura starożytnej Persji, B: Wielka Historia Powszechna, t. I, Warszawa, 1932, стр. 758.

Perrot et Chipiez. Цит. соч., t. II, рис. 277. Здесь эта плитка опубликована с ошибочным отнесением ее к халдейскому или ассирийскому искусству (стр. 572, примеч. 1).

бражении иранских грифонов с типичными для ранне-греческих крылатых изображений серповидными крыльями.

Perrot et Chipiez¹ неправы, считая, что греки переняли из Ассирии через Финикию или финикийский Кипр идею подобных крыльев. Но ассирийское искусство их не знает, и для финикийских изделий такие крылья совсем не характерны, тогда как для Греции имеются многочисленные примеры их раннего появления в VIII-VII веке до н. э.²

Но наряду с этим проникновением греческих изобразительных приемов в древне-персидское искусство, происходит и обратный процесс

Рис. 18. Грифон на халцедоновой печати с персо-арамейской надписью Кабинета Медалей в Париже.

распространения и ассимиляции иранского образа грифона в Греции и Греческом Архипелаге, где уже существовал другой более древний выработанный непосредственно из малоазиатских источников тип грифона. Халцедоновая печать, найденная в Спарте³ (Berl. Mus. № 7409) с изображением грифона, совпадающего с рогатым грифоном на халцедоновой печати с персидско-арамейской надписью (рис. 18) из Кабинета Медалей Национальной библиотеки в Париже (№ 1086)⁴ свидетельствует об этом новом источнике, явно сказавшемся на выработке типа идущего грифона с поднятой лапой на архаических тетрадрамах⁵ фракийской Абдеры VI века до нашей эры. Ф. Розенберг в специальной статье⁶ обратил внимание на одно место в аристофановой комедии «Лягушки» (936-38), где говорится о распространении в Греции в V-м веке ахеменидских (мидийских) тканей с изображением полиморфных фантастических зверей. В результате происходит взаи-

¹) Perrot et Chipiez. Цит. соч., 1884, том II, стр. 747, том IX, стр. 10.

²) Poulsen, F. Der Orient und die Frühgriechische Kunst, Berlin, 1912, стр. 90—91, 103—104.

³) Furtwängler A. Grips, B: Roscher's Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, стр. 1775.

⁴) Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. II, Paris, 1884, стр. 688, рис. 347.

⁵) Head V. Barclay. Historia Numorum, Oxford, 1911, стр. 253, рис. 159.

⁶) Розенберг Ф. Аристофан о персидских тканях. В: Восточные Записки, том I, Ленинград, 1927, стр. 45.

модействие обоих типов грифона, но оба они продолжают жить самостоятельно и хорошо известны по классическим греческим и эллинистическим памятникам.

На территории северного Причерноморья особенно получает распространение тип грифона с сухопарым львиным телом, орлиной головой, увенчанной длинными острыми ушами и зубчатым гребнем, спускающимся вдоль шеи и реально трактованными птичьими крыльями, направленными назад. Такого грифона можно видеть на монетах Херсонеса, на металлических сосудах и серебряных и золотых обкладках вооружения скифских курганов классической поры (Чертомлык, Куль-Оба, Солоха и прочие), в виде вполне канонизированного типа.¹

Второй вид фантастического животного с львиной головой, снабженной рогами, трактуется очень часто с поворотом головы en face, так что видны обыкновенно два рога, по форме козлиные. Таковы грифоны на Пантикапейских золотых статерах IV века до нашей эры с головой Пана или сатира на лицевой стороне. Характерной для грифонов этого типа является установившаяся традиция изображать их с серповидными и, во всяком случае, с загнутыми вперед крыльями, что наблюдается даже в случаях таких свободных композиций, как сцены борющихся животных в поздне-скифском искусстве III-II века до нашей эры (см. напр. серебряный золоченый пояс из Майкопа² и золотая сибирская бляха с тем же сюжетом).

Переходя теперь к нашему изображению грифона, мы видим, что он не подходит ни к одному из установившихся и хорошо известных в северном Причерноморье типов и, следовательно, не может представлять собой какое-либо местное подражание одному из них.

Грифон на бронзовом перстне из эшерского могильника можно скорее рассматривать как местный тип, выработавшийся не менее под восточным, чем под западным влиянием. В этом смысле прежде всего останавливает внимание характер головы и ее посадка на мощной дугообразной шее. В некоторых отношениях эта форма напоминает фигуру крылатого быка из Аму-Дарьинского клада с подогнутой головой и направленным вперед сильным рогом.³ Судя по изображению толь-

¹) Minns E. H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913 и Rostovtzeff. M. *Iranians and Greeks in S. Russia*, 1922 г. (См. указатель над словом „griffin“).

²) Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. В: Материалы Археол. России № 37 Петр., 1918, табл. VIII, 1—2; также Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Петр., 1918 г. Табл. XIII, 2—3.

О происхождении пояса см. Изв. Арх. Ком. в. 65, 1918, стр. 173.

³) Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, СПб., 1889, стр. 128, рис. 109.

ко одного из двух крыльев, как у аму-дарьинского быка, так и у нашего грифона и у грифона на халцедоновой печати из Спарты, можно подозревать, что в этих случаях мы имеем дело с образом, как двурогого, так и двукрылого существа, далеко следовательно отходящего от упоминавшихся выше его прототипов на барельефах Персеполиса, где вся композиция предполагает в изображенном фантастическом животном существо однорогое, — единорога.

Не отрицая вышесказанной возможной зависимости, в развитии графического типа грифона, формы завитых рогов от первоначальных локонов, мы должны поставить вопрос о процессе самого как изобразительного, так и идеологического, осмысления традиционно живущих пластических образов в условиях меняющейся общественности и мышления. Но прежде этого попытаемся еще установить, чисто формально, какому же реальному животному могут принадлежать эти рога. Если мы сравним наше изображение рогов, по их форме и посадке, с рогами бегущих фантастических козлов на бронзовом поясе халдской эпохи, найденном А. А. Ивановским,¹ мы увидим полное их сходство, которое особенно увеличивается благодаря тому, что и там козлы изображены в профиль с одним рогом. Если этим козлам опустить голову, рог с загнутой вперед верхушкой займет совершенно то же положение, как на нашем изображении, в котором вообще строение головы напоминает нечто козлиное, если бы не изогнутая клювовидно верхняя челюсть. Но эта клювом заканчивающаяся голова четвероногого животного в свою очередь известна в Закавказьи на подобных же поясах халдской эпохи. Так на опубликованных R. Virchow'ым бронзовых поясах, найденных Belck'ом в районе Кедбека, можно видеть фантастических зверей с львиным телом и головами грифонов, которых автор публикации называет грифо-козлами.² Эти существа выступают здесь, между прочим, врагами змей.³ Любопытно, что крыльев эти грифообразные существа не имеют, как вообще неизвестно среди многочисленных изображений фантастических животных этой эпохи на Южном Кавказе крылатых четвероногих существ, что указывает на значительную независимость искусства его родовых общин от современных ему изобразительных традиций в ассирийском, хеттском и других классовых обществах Передней Азии. Факт этот недостаточно оценивается, так как стремление найти

¹) Ивановский А. А. По Закавказью. Москва, 1911 год. Материалы по Археологии Кавказа, вып. VI, Табл. I, стр. 112.

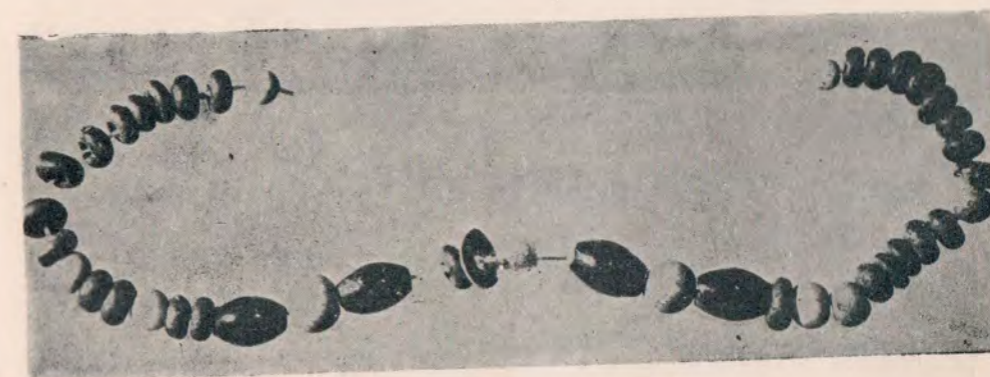
²) Virchow Rud. Ueber die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus unter besonderer Berücksichtigung der ornamentierten Bronzegürtel aus Transkaukasischen Gräbern, Berlin, 1895, стр. 36, 39, 40, Табл. I № 2, и табл. II № 3.

³) Цит. соч. стр. 41.

сходства и связи отвлекает внимание от моментов различия, которые требуют специального анализа и выяснения конкретных исторических и общественно-хозяйственных корней. Но не настало еще время решать эти вопросы для Южного Кавказа. Слишком мало мы имеем еще работ по изучению отдельных материальных элементов его культуры в стадияльных и хронологических взаимоотношениях, несмотря на глубокие уже борозды, проведенные яфетидологией в отношении понимания этносоциальной дифференциации и идеологических напластований в языках Кавказа на основе древнейших хозяйственно-общественных сдвигов. Тем более неуместно останавливаться на этом в настоящем отчете, целью которого является лишь преподнести для дальнейших развернутых работ собранные экспедицией отдельные факты, в частности, подчеркнуть в отношении занимающего нас сейчас изображения на кольце, моменты, определяющие значение находки для освещения культурно-исторической судьбы, переживавшейся населением современной Абхазии, и шире, древней Колхиды, в эпоху эллинизма. Мы видим уже, что это изображение не оказывается простой пересадкой классических мотивов и в то же время несет в себе нечто существенно новое в сравнении с тем, что представляло собой древнее наследие кобаньской и синхроничных ей культур, не знавших еще образа крылатого грифона. Но древний местный культ тура и горного козла, так ярко проявлявшийся здесь в период до греческой колонизации, вошел в готовый образ грифона новым элементом, воспользовавшись тем изобразительным мотивом завитка, хохолка, наконец одиночного рога, которые мы рассматривали выше и которые можно наблюдать в одной из первоначальных стадий у безкрылых грифонов южно-кавказских бронзовых поясов.

Что же касается отношения самого крылатого грифона к мифологическим представлениям местного населения, то выяснение этого вопроса возможно вести по следующим направлениям. С одной стороны путем изучения мифологического образа грифона у окружающих древне письменных народов, с другой, уяснения стадияльных хозяйственно-общественных импульсов, послуживших к образованию данного представления вообще и его семантических изменений при переходе из одной общественной стадии и культурно-исторической среды в другую. Необходимо при этом учитывать частую несогласованность между собой различных видов выражения данного представления, как в порядке выражения художественного, — поэтического, пластического, так и нехудожественного, — номиналистического, культово-обрядового, и взаимодействие их всех между собой.

В греческой классической мифологии грифон занимает особое место. Несмотря на раннее появление образа грифона в живописи уже

Бронзовые перстни и изображения на их щитках; браслет с лебедиными головками и низка бус из погребений античной эпохи в Эшери.

на родоских вазах первого стиля в VIII-VII веке до нашей эры¹ и на роль, какую он играет в изобразительном искусстве, грифон остается чуждым для Греции представлением, приуроченным к далеким странам востока, к Скифии и Кавказу. У Гомера нет совсем упоминаний о грифонах. Ионийский поэт Аристей Пропоннезский, живший в VIII веке, помещал, по свидетельству Геродота (IV 13), грифонов за скифами и исседонами, не доходя до гипербореев, и считал их хранителями золота. Эту же роль признает за грифоном и Плиний, повторяющий уже в I веке н. э. сведения Аристее и Геродота и отводящий им место за Рифейскими горами, хотя в другом случае (кн. X, гл. 49) приводит, подобно тому как позднее Филострат (Vita Apoll. VI), совершенно иную традицию о местообитании грифонов на юге в Эфиопии, что отражается в известной мере на знаменитой вазе афинянина Ксенофонта,² найденной в Пантикапее в пятидесятых годах и относящейся к началу IV века. В сложной и связной композиции, покрывающей стенки сосуда, здесь можно видеть охоту на кабанов туземного населения в скифских костюмах с иранскими именами, написанными под каждым, и сражение их с грифонами обоих вышеописанных греко-скифских типов, с головою птицы и гребнем на шее и хребте и с головою льва, увенчанной рогами, на фоне ландшафта, охарактеризованного художником, не северными, а южными чертами, с финиковой пальмой посредине.

Таким образом представление греческих и римских писателей о территории, к которой приурочивается происхождение грифона менее устойчиво, чем отношение его к золоту и, может быть, к солнцу по связи с ним золота, о чем говорит Филострат (III 48) «грифы выкапывают золото, посвящая его солнцу», и свидетельствует впервые опубликованная Л. Стефани³ сердоликовая гемма Венского Музея с изображением грифона вместе с бородатым сирийским божеством солнца, как оно описано Лукианом⁴ под именем Аполлона (De dei syr. 35) По этому и Аполлона Гиперборийского доставляет в середине лета на Делос не только лебедь, но и грифон, как это показывают многочисленные изображения на греческих вазах и печатях.⁵

¹) Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, Paris, t. IX, табл. XIX, стр. 439.

²) Стефани Л. Объяснения... В Отч. Арх. Комис. за 1886 г. стр. 140, табл. IV. Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. 2. СПб, 1889, стр. 79—80, рис. 57.

³) Стефани Л. Объяснения вещей найденных в 1863 г. в Южной России. В Отч. Арх. Ком. за 1864 г., стр. 102.

⁴) Лукиан, Сочинения, т. I, Москва, 1915, стр. 308.

⁵) Древности Босфора Киммерийского СПб, 1854. Табл. LVIII.

Sibirsky A. Catalogue des médailles du Bospore Cimmérien, St. Pet., 1859. t. I, part. 1, стр. LXV—LXVI, прим. 8.

Б. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

Два треножника Аполлона, помещенные на вершинах священных деревьев, изображены и на указанной Ксенофоновой вазе в сцене борьбы с двумя грифонами, которые из существ хранителей превратились здесь в преследуемых героями. Но эта двойственность становится понятной, если вспомнить роль грифонов в восточной иранской и месопотамской традиции, когда излюбленными изобразительными сюжетами, например, в ассирийской глиптике, оказываются одновременно два различных, как бы, противоположных аспекта одних и тех же параллельных крылатых существ львов, грифонов, быков с человеческими головами, то в их борьбе под крылатым диском солнца с божеством-героем, то в качестве хранителей священного дерева¹.

Здесь мы встречаемся с хорошо известным и разъясненным яфетической палеонтологией явлением схождения, на более ранних стадиях человеческого мышления и мифотворчества, кажущихся нам противоречивыми понятий, которые однако являются продуктами последующего, семантического расчленения некогда цельного слова-образа². Так простой анализ мифологической сущности указанных демонических представлений легко вскрывает, даже на основе прямых клинописных свидетельств, их космогоническую природу, как олицетворений первичного хаоса в его, сначала, двухэтажном расчленении на небо-верхнее и нижнее (преисподнюю) с последующими тремя разделами каждое: небом-твердью (с верхними пресными водами), землей и океаном (нижними водами)³. Мы видим на изобразительных памятниках как львиноголовый грифон и дракон ящер „mušḫu“ являются одновременно противниками олицетворенного мироздания, демиурга Мардука, и его древнейшими архетипами. На ассирийских барельефах и на цилиндрах-печатах это обыкновенно животные, на которых стоит он сам или его заместители⁴. В то же время в форме гениев хранителей львиноголовые и грифоголовые существа, известные в ассирийских текстах под именами „šedu“ и „lamāssu“

¹) Contenau G. (Dr) Manuel d'archéologie orientale, t. III, Paris, 1931, стр. 1314.

²) Марр Н. Я. К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем. Ленинград, 1931, стр. 11.

³) Jeremias Alfred. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur, Berlin—Leipzig, 1929, стр. 127—129.

⁴) Thureau-Dangin F. Les sculptures rupestres de Malat. В: Revue d'Assyriologie, 1924, стр. 185—197.

Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. II, Paris, 1884, стр. 642, рис. 313.

Jeremias Alfred. Цит. соч., стр. 383, рис. 210.

соответствуют, как показал еще Lenormant¹ древне-еврейскому kerub², образу, обнаруживающему в себе ту же двойственность, в содержание которой библейская поэзия, типологически в некоторых отношениях более древняя, чем вавилонские мифы в их литературной обработке, позволяет еще глубже проникнуть. Сошлюсь на анализ И. Франк-Каменецкого³ образа Яхве, носимого Керубом, вооруженного молниями в борьбе с бушующей водной стихией. «По аналогии с воззрениями других народов имеем основание полагать, — пишет И. Франк-Каменецкий — что и здесь божество первоначально тождественно с мифическим зверем, на котором оно восседает, а последний, т. е. керуб, в свою очередь, есть ни что иное, как раздвоение дракона, олицетворяющего водный хаос. Лишь за счет последующей дифференциации следует отнести образ «крылатого керуба», как олицетворения, носящегося в небесном пространстве облака, первоначально неотделимого от неба «верхних вод», в отличие от «дракона», как воплощения «нижних вод», лишь вторично противопоставляемых «верхним».

К сожалению мы не имеем еще полной яфетидологической проработки самого древне-еврейского слова kerub собственно krūb и его сородичей, чтобы вскрыть указанные элементы в нем самом, но Н. Я. Марр уже наметил для него вполне определенное место⁴. W. Gesenius⁵ в 8-м издании своего словаря сам признает негодными сделанные до него формальные попытки понять слово kerub в древне-еврейском, исходя из арабского كرب в значении 'пахать' или 'изображать', считая таковой же и свою собственную этимологию еврейского kerub от санскритского grībh, персидского گرفن немецкого greifen, в значении 'хватать', якобы связанного с греческим γρῦψ. Но γρῦψ, добавляет Гезениус, само есть в греческом заимствованное слово. Во всяком случае обычно приводимая этимология греческого γρῦψ от санскритского rgabh, минуя семантические архетипы 'небо' || 'птица', 'небо' || 'рука', совершенно не убедительна.

¹) Lenormant Fr. Les origines de l'histoire d'après la Bible et les traditions des peuples orientaux, Paris, 1880, стр. 118.

²) Delitzsch, Fr. Wo lag das Paradies? eine biblisch-assyriologische Studie, Leipzig, 1881, стр. 153.

Jeremias Alfred. Цит. соч. стр. 413—414.

³) Франк-Каменецкий И. Вода и огонь в библейской поэзии (отголоски яфетического мировоззрения в поэтической речи Библии). Яфетический сборник, III, 1924 год, стр. 136, 157.

⁴) Марр Н. Я. Арабский термин ḥanīf в палеонтологическом освещении. В: Изв. Акад. Наук СССР, 1929, стр. 94.

⁵) Gesenius W. Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch über das Alte Testament, Leipzig, 1878, стр. 408.

тельны,¹ в то время как связь $\gamma\acute{r}\acute{o}\phi$ и $kerub$, $kr\ddot{u}b$ может быть оправдана, как реальным содержанием слова, так и его формой,² особенно если учесть ассирийский и вавилонский материал. Действительно в клинописных текстах слово $k\ddot{a}ribu$ „ $k\ddot{a}r\ddot{u}bu$ “ (крылатый бык, гений хранитель) в форме „ $karubu$ “ используется в значении 'великий, могучий', удерживая также значение 'ветер'³ „ $kuribi$ “ (надпись Ассурбанипала) и 'коршуна'⁴ „ $kurubu$ “ синоним „ $ku-gu-uk-ku$ “ и „ $ka-rak-ku$ “ закономерных семантических дериватов неба.

Не тот же ли термин мы имеем в тексте второй категории ахеменидских надписей (Bh., III 62) в сочетании $u\acute{r}am\ddot{a}šta karpi$ (или $kurpi$), согласно переводу Н. Я. Марра⁵ «Ормузд бог». Здесь $karpi$ есть ни что иное, как эквивалент иайского $kerp$, наличного в грузинском $kerp$ -1 и означающего 'языческий бог', подобно как заимствованное из эфиопского⁶ «языческое святилище» (ጊክሳጽጽ) арабское $m\ddot{i}-ḥab$ (не от корня $ḥrb$, а $k\ddot{r}b \parallel k\ddot{r}m$ 'чествовать', или⁷ может быть, как в южно-арабском 'возжигать').⁸

Представителем полной двухэлементной формы грузинского $kerpe$ являются, по Н. Я. Марру⁹ сванское $\acute{g}\acute{e}rmeḥ/\acute{g}\acute{e}rbeḥ$ — 'бог', полногласное $keremeḥ$ — 'злой дух' у приволжских народов чуваш и че-

¹ Delitzsch Fr. Wo lag das Paradies Eine biblisch-assyriologische Studie, Leipzig, 1881, стр. 151.

² Lewy H. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen, Berlin, 1895, стр. 11-12.

³ Unger E. Harper, B: Ebert's Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. VIII, стр. 208 В. Замечательно, что божество ветра и бури Адад на известной ляпис-лазуревой бусине Асаргаддона держит на поводу двух символических животных, из которых одно телец, другое грифон в его ассирийской форме, см. Contenau G. Manuel d'archéologie orientale, Paris, 1927—1931, t. I, стр. 228, рис. 199 и t. III, стр. 1286 и 1281.

⁴ Delitzsch Fr. Wo lag das Paradies? Eine biblisch-assyriologische Studie, Leipzig, 1881, стр. 154.

⁵ Марр Н. Я. Определение языка 2-ой категории Ахеменидских клинообразных надписей. В: Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. том XXII, 1914, стр. 78.

Марр Н. Я. Еще о слове „челеби“ (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии). Там же том XX, 1911, стр. 106, 109, 118 и 150.

⁶ Praetorius Franz. Äthiopische Etymologien. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft Bd. 61, Leipzig, 1907, стр. 621.

⁷ Fraenkel Siegmund. Die aramäischen Fremdwörter im arabischen, Leipzig, 1886, стр. 274.

⁸ Landberg. Etudes sur les dialectes de l'Arabie méridionale. Bd. I, стр. 701. Цит. по Praetorius F. Цит. соч.

⁹ Марр Н. Я. О числительных (к постановке генетического вопроса). В: Сборник „Языковедные проблемы по числительным“, 1927. Цит. по Избр. раб. т. III, 1934, стр. 251—265.

ремис и с разнобойной огласовкой армянское теофорное имя $ka\acute{r}apet$ ¹ с дериватным от «неба» значением 'лебедь' ($\sqrt{*}$ птица), подобно ассирийскому $kurubu$ с значением 'коршун'.

В значении 'коршуна' слово $\gamma\acute{r}\acute{o}\phi$ $kurbi$ указывается Чубиновым² и в грузинском со ссылкой на Библию (Второз 14, 14). Судя, однако, по передаче этого слова в Мцхетском списке Библии (лист 95) через $kurte$ (в армянском $k\ddot{u}rt$), можно предполагать в печатном тексте и искажение, тем более, что в словаре Саба Орбелиани³ слова $\gamma\acute{r}\acute{o}\phi$ совсем нет, а $\gamma\acute{r}\acute{o}\phi$ переводится как 'большая птица' 'очень черный'; нет слова $\gamma\acute{r}\acute{o}\phi$ и у Эристави⁴. Однако нельзя не учитывать и возможности удержания печатной версией некоторых не сохранившихся в существующих рукописях древних разночтений (ср. например грузинское $or-b/\acute{k}or-b$ в значении 'орел'⁵ фантастическая птица, имеющая по сванскому сказанию щенка $kur\ddot{a}$ — крылатую собаку Амирана⁶ или, может быть, и новых вкладов из народных говоров в литературный язык. Последнее можно полагать, например, в отношении другого, нас особенно интересующего термина в том же месте Библии. Я говорю о переводе на грузинский греческого $\gamma\acute{r}\acute{o}\phi$ словом $\acute{f}askund$ -1 в печатной версии Библии. В Афонском списке (судя по копии А 471 рукописного отдела Музея Грузии) этого слова нет совсем, хотя оно оказывается в Мцхетском списке А51 также восходящем к переводам V-го века, в форме $\acute{f}asquḍ$ -1. Семасиологии этого слова, известного кроме грузинского также в армянском, древнеармянском и в осетинском, посвящена отдельная работа Н. Я. Марра,⁷ вскрывающего под его диалектовой мегрело-чанской формой, с перерождением r в \acute{d} и подъемом $m > p > b > \phi$ в грузинском, сванском ($\acute{f}a\acute{u}skud$), армянском $paskuḥ$ и осетинском $\acute{f}akond$, первоначальный вид и значение $maskur$ 'звездочет', 'вещун', 'маг' (древнеармянск. $margareu$ — пророк), откуда название птицы-вестника, вестей птицы, посредника между верхним и нижним небом (лат. $Mer + kur$ - 1 Меркурия), синонима иранского симурга (по грузинскому переводу Шах-Наме) и птицы души, греческой сирены. Однако в позднейшей

¹ Марр Н. Я. Яфетическая теория, Баку, 1928 г. стр. 104.

² Чубинов Д. Грузино-русский словарь. СПб, 1887, стр. 1388.

³ ორბელიანი სებასტოპოლისის (სულხან) ქართული ლექსიკონი, Тифлис, 1928, стр. 388.

⁴ Эристов. Краткий грузино-русско-латинский словарь из трех естественных царств природы, Тифлис, 1884.

⁵ Марр Н. Я. Арабский термин $\acute{h}anif$ в палеонтологическом освещении. В: Изв. Акад. Наук СССР, 1929, стр. 90.

⁶ ჯავახიშვილი ს. ქართველ ერის ისტორია. ტფილისი, 1913, том I, стр. 152, 157.

⁷ Марр Н. Я. Ossetica-Japhetica, I, $\acute{f}akond$ -1 осетинских сказок и яфетический термин $\acute{f}askund$ „маг“, „вестник“, „вещая птица“. В: Изв. Акад. Наук, 1918, стр. 2069—2100.

своей работе «О числительных», напечатанной в 1927 году, Н. Я. Марр,¹ оставляя связь мегрельского m-squr в значении 'знахарь', 'гороскоп' с вещью птицей фа-skund, ведет эту связь по семантическому архетипу, 'небо' и указывает, что вообще работа Ossetica-Jarhetica подлежит коренному пересмотру с точки зрения палеонтологии и семантической и формальной.

Сделанная нами находка перстня местной работы с изображением грифона не греческого типа в Эшерском могильнике эллинистической эпохи обязывает нас вновь подойти с этой стороны к пересмотру местных как древне-литературных, так и устных традиций, связанных с термином, «паскундж», который, не только благодаря использованию его для перевода в Библии греческого γρύψ в значении птицы и «грифона», но и по обнаруженным его этимологическим эквивалентам, вводит нас в тот круг религиозных представлений, который уже очертился сделанными выше сопоставлениями греческого термина гриф-грифон с вавилонским, ассирийским и древне-еврейским керубом—птице-зверем, расщеплением дракона, сохраняющим черты последнего, в качестве страшного чудовища олицетворенного хаоса (Тиамат), с которым борется и отождествляется божество и божественный герой на многочисленных изображениях ассирийских и ахеменидских. Действительно термин фaskud в его фонетических разновидностях bakur || masqur || margareu оказывается входящим в эту идейную среду и по формальному строению из тех же двух элементов (лишь в обратном расположении), какие мы находим в древне-еврейском термине «kerub», термине 2-й категории ахеменидских надписей «kegr», в полногласной усеченной ассирийской форме „kur+u-bu“, наконец в прачанском „gogm.θ“, при наличии в этом строении (с усечением основы и озвончением заднеязычных согласных) древне-грузинского термина qur-m и древне-армянского qur-m (род. мн. qur+m-a) с тем же дериватным значением 'жреца'² как и мегрельское mas-qur 'вещун', 'маг' с его семантическим ответвлением фaskud 'вещающая птица'³.

Надо однако помнить, что во всем этом анализе терминов мы, хотя и связаны все время с интересующим нас образом грифона на перстне, но оказываемся в столь глубоких пластах идейно-речевого оформления, что не в состоянии разъяснить во всей конкретности

¹ Марр Н. Я. О числительных (к постановке генетического вопроса). Сборник „Языковедные проблемы по числительным“ 1, Ленинград, 1927 год, цит. по Избр. раб., том III, стр. 256, прим. 1.

² Марр Н. Я. Цит. соч. О числительных (к постановке генетического вопроса). В: Избр. раб., том III, стр. 260.

³ Егоров-Же. Яфетическая теория, Баку, 1928 год, стр. 106.

зрительный образ, сложившийся, благодаря использованию этих древнейших точно сохраняющихся в языке и культуре мифологических элементов в совершенно иной, хронологически и стадийно, общественной среде, не только с определившимися уже общественно-племенными организмами, но и в какой то степени оформившейся, как показывает чеканка местной монеты (колхидок), государственной жизнью. Нашей задачей должно быть теперь, поскольку нам удалось подойти к местному относящемуся к рассматриваемому изображению яфетическому термину фaskud, общему для яфетического слоя армянского («сомехского»), сванского и мегрело-чанского языков, вскрыть в нем те конкретные черты, которые непосредственно вошли в интересующий нас материальный памятник, чтобы с помощью его, с одной стороны, уяснить закрепленный в изображении этап идейного оформления данного мифологического образа в общественной среде, захороненной в могильнике, и с другой, по возможности, проникнуть этим путем в ее идеологическое содержание.

Конечно, большим недостатком является оказавшаяся у нас невозможность привлечь особенно необходимый в данном случае абхазский словарный и фольклорный материал, но предварительный характер отчета не только не отнимает, но предполагает необходимость дальнейшего более углубленного развертывания предпринятых экспедицией исследований, как в сторону чисто археологической добычи памятников, так и не в меньшей мере в сторону их социологической и культурно-исторической расшифровки на основе дальнейшего продвижения этнографических и лингвистических работ.

Теперь же, ограничиваясь имеющимся под руками материалом, попытаемся разъяснить наше изображение на перстне, исходя из найденного нами термина фaskud. Термин этот, литературно закрепленный в грузинской и армянской версиях библии, в существующих ныне списках, скрадывающих, значительно, по словам Н. Я. Марра, древний местный колорит изложения, сохраняется в двух, причем различных для грузинского и армянского переводов, местах: в книге Второз 14, 14 (в грузинском переводе) и в книге Левит 11, 13 (в армянском переводе), свидетельствуя своим культурным пережиточным характером о древнем религиозном синкретизме. Обыкновенно, местные языческие термины, попавшие в переводы библии, в дальнейшем изгонялись оттуда при позднейших переработках и только в отдельных случаях, оказавшись литературно приспособившимися, они могли вновь попадать в библейский текст, как мы видим это в отношении интересующего нас термина, отсутствующего совсем в Афон-

ском списке Библии 978 г., но наличного в Мцхетском (рукопись Гос. Музея Грузии: А 51, лист 95) в форме *qasq* 1, а также и в печатной грузинской редакции, с носовым наростом при африкате *q*, как этот термин продолжает жить и в современной грузинской речи (*qas-qund*) и в осетинском фольклоре. В печатном тексте Библии, где согласно заявлению в послесловии первого ее издателя царевича Бакара, 1 названия зверей, рыб, растений и собственные имена оставлены неизменными, слово *qasqund* является, как сказано, непосредственной передачей термина *γρῦς* греческого перевода 70 толковников, бывшего оригиналом для грузинских переводчиков XII-го века, и не дает ничего сверх этого для уяснения соответствующего образа. Но в толковом грузинском словаре Саба Орбелиани (умер в 1725 г.) мы находим достаточно пространное толкование этого термина, которое указывает на существование в отношении к нему различных книжных и устных традиций, живших в образованных слоях поздне-феодального общества Грузии. Вот что пишет Саба Орбелиани: 2 «*qasqund* водится в Эфиопии» (сравни вышеупомянутые версии о грифоне у Филострата и Плиния), «телом похож на льва, голова, клюв, крылья и ноги подобны орлиным, сильно оперены. Некоторые из них четвероноги, некоторые двуноги. Может поднять слона, вредит лошадям. Бывают и другого рода похожие целиком на орла и очень крупные».

Любопытно сопоставить последнюю часть определения Саба Орбелиани с описанием птицы «Рух» (*Ruh*) в сказках 1001 ночи и у Марко Поло: 3 «Видом она похожа на орла, но несравненно больше его... схватывает когтями слона и уносит его с собой на воздух, а оттуда роняет на землю... спускается и пожирает его». Марко Поло, полагая, что это грифоны, полуптицы и полульвы, спрашивал об этом, но рассказывавшие утверждали, что это совершенные птицы. Замечанию, что паскундж вредит лошадям соответствует описание грифа (*grupes*) 4 у Сервия, комментатора Вергилия IV века н.э. «по своей внешности они суть львы, но крыльями и головой подобны орлам, очень враждебны лошадям». Образ легендарной птицы, враждебной лошадям, возможно восходит еще к книге Иова (XXXIX¹⁵), где говорится о

1 Джанашивили М. Описание рукописей Церковного Музея, том III, Тифлис, 1908 г. стр. 223.
2 *თბელობი, სულხან-საბა. ქართული ლექსიკონი*, Тифлис, 1928 г., стр. 352.
3 Поло Марко. Путешествие в XIII столетии, Москва, 1863, стр. 473—474.
4 *Servius Honoratus Maurus. In Vergili Aeneidem Commentariis*. В: Латышев В. В. Изв. Древн. писателей о Скифии и Кавказе, том II, СПб., 1904, стр. 195, 201.

птице, надсмехающейся над конем и всадником его, что Ефрем Сирий (ум. 373) толкует, ссылаясь на физиологов, именно из представления о птице, поднимающей на воздух всадника 1.
Этот же образ вошел и в древне-русскую паломническую литературу: «а из гор аравийских летает Нагуй птица, а емлет по лошади с человека на всяк день» 2.

Для нас сейчас имеет значение тот образ паскунджа, в котором соединяются черты орла и четвероногого и который мы находим на нашем изображении. Древний характер именно этого понимания образа отчасти может быть подтверждается и использованием термина паскундж для передачи в грузинском переводе Шах-Наме понятия Симург, восходящего к представлениям о благой птице *Sinamgū* (*Si-pamgū*), владыке космического дерева *Jad-bīsh* ('отрешенного от бед') парсийской космогонии 3, (буддийско-санскритского дерева *jambu*, местообитания птицы Гаруды) 4, а затем, в более поздней редакции Бундегеш, просто к мифической полиморфной птице с собачьими зубами *Sēnmurgv* 5, именно к 'собаке-птице' согласно новому переводу (*si < sen*, по соответствию арм. *шш.* род. п. — *шал*, курд. *sa*, род. п. — *sen*, авест. *sra*, род. п. — *sunō*, в значении 'собака') и толкованию К. В. Тревер 6. Во всяком случае, если и трудно согласиться с возможностью подобного этимологического осмысления самого термина *S(n)amgū* из яфетич. *saēno* *məgəyō* (Яшт), первая часть которого явно соответствует санскр. *syēna-h*, в значении 'орел', 'сокол' (в Риг-Веде встречается 6 раз), 7 откуда армянское *šm* (*yřm*) 'коршун', а вторая действительно значит 'птица', но также 'дикое животное вообще', 'газель', 8 то несомненным является широкое распространение в сасанидском изобра-

1 Nau François. Etude sur Job XXXIX¹³ et sur les oiseaux fabuleux qui peuvent s'y rattacher. Journ. Asiatique, t. CCXV², Paris, 1929, стр. 195, 201.
2 Лопарев Хр. И. Слово о некоем старце. В: Сб. Отд. Рус. Языка и Слов. Акад. Наук, вып. 12, СПб., 1890, стр. 9.
3 West E. W. The book of the Mainyo-i-khard, Stuttgart—London, 1871, стр. 186.
4 Levi Sylvain. Pour l'histoire au Ramáyana. В: Journ. As. t. XII, Paris, 1918, стр. 22.
5 Spiegel Fr. Grammatic Parsisprache nebst Sprachproben, Leipzig, 1851, стр. 140—143 (текст) и 170—172 (перевод).
6 Тревер К. В. Собака-птица: Сэнмурв и Паскундж. Сборник к 40-летию ученой деятельности Н. Я. Марра. Изд. ГАИМК, вып. 100, 1933 г. стр. 303, 307 сл.
7 Charpentier Jarl. Beiträge zur indischen Wortkunde. В: Le Monde Oriental, Vol. XXVI—XXVII, Uppsala, 1935, стр. 167—169.
8 Boisacq Emile. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Paris, 1938, стр. 372 (*κτινος*).
9 Скорее поэтому следовало бы пересмотреть вопрос об этимологии первой части имени Симург в семантическом кругу небо || птица. Тогда могла бы получить иное освещение и отмечавшаяся связь санскр. *syēna* и славянского *синь*, *синева*, (греч. *χρῖνος*, латин. *syāneus* 'синий'), а также сделанное W. Prel-

зительном искусстве и в зависивших от него художественных течениях образа собако-, а равно, верблюдо-птицы (в двуногой форме и без намека на священное дерево), воплощавших в себе представления, родственные симургу-паскунджу, как это показывает богато предложенный К. В. Тревер материал.

Однако изначальная двойственность образа зверо-птицы с изживанием в народном сознании древних космических представлений, давала возможность последовательно использовать термин паскундж (ср. украинское, 'паскудь' — 'пресмыкающееся')¹ и в еще более разнообразных направлениях: и в отношении местного грифона, и, в отношении чудовищной птицы симурга, и, наконец, вещей птицы, существа выше людей, но ниже ангелов, как переводится осетинское слово *ṭākōvdz* в осетинском словаре В. С. Миллера².

Не менее стертыми, чем книжно-литературные, оказываются в на-

Иввиз'ом (Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, Bd. 30, стр. 170 и Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, Göttingen, 1892, стр. 195) сопоставление греч. *ἰκτίνοσ* = арм. *ḡin* (*ḡin*) 'коршун' с санскр. *śyāmā-h* 'темно-зеленый', 'черный' и с санскр. *śyāva-h* 'темно-коричневый', 'сизый', 'серый' (англ. сакс. *haevan* 'голубой'), но не по окраске птицы, а по отношению ее к небу, его сиянию (сравни также евр.-арам. *zīw* 'блеск'), 'сияние', днем, и 'черноте', ночью, особенно если учесть выявленное Н. Я. Марром наличие в этнонимике и топонимике Кавказа того же корня *sin* / *ḡin*, в значении 'синий', 'зеленый цвет' (как груз. с префиксом *m* слово *m'ṭvane* 'зеленый') в наименованиях озер — у Страбона (XI 14a) Урмийского озера по переводом *Κουζυή* 'Голубое', — или озера *Sev-an*, в турецком переводе Гёкча то же 'Голубое' и пр., по архетипу небо (Марр Н. Я. Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба'. В: ДАН, 1924, стр. 30—31. Ср. также: Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян. В: Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., (т. XXV, Петербург, 1921, стр. 247—248).

Тогда не трудно будет узнать имя Симурга и двойника его небесную птицу Хамроса, Камроша (ср. также хеттского загадочного персонажа в 'весеннем мифе' Камрушпа, имя которого может быть сопоставлено с хеттским *ḡamṣar*, по J. Friedrich'у. 'свет' 'воздух' и с греч. *καὶ ἀρ*, при разъясненной Н. Я. Марром в *Quelques termes d'architecture, désignant 'voût' ou 'arc' в Яфетич. Сб. II, Петрогр. 1923, стр. 140 — 147. 165, этимологии: 'свод' — 'небо'), вместе с возможным груз.-сванским соответствием последнему *ḡurṣa* < **ḡawroṣ* (крылатая собака Амирапа), в русском переосмыслении, в 'Сивке-бурке вещей кавурке' (< **Syāvo-muruk*), сказочном посреднике между двумя мирами, небесном коне-птице, вторая часть имени которого сохранилась, как об этом уже говорил Н. Я. Марр (Китайский язык и палеонтология речи, V. В: ДАН, 1926, ноябрь-декабрь, стр. 131), в названии коня *al-burak*, на котором Магомет вознесся на небо, а конечный эпитет, возможно, в названии чудесного острова *Komor*, местообиталища гигантской птицы Гох, арабских мореплавателей (Gabriel Ferraud. *Les îles Rāmny... Komor des géographes arabes et Madagascar*. В: Journ. As., 1907, стр. 551).*

¹ Marr N. et Smirnov J. *Les Vichaps*. Leningrad, 1931, стр. 22—23.
² Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь, том 1, 1929, стр. 907.

стоящее время и чисто народные представления о паскундже, как сохраняют их сказочный пшавский, сванский и осетинский фольклор. Особенно это надо сказать о сванском *ḡaysqud*, от которого сохранился только термин, однажды записанный Н. Я. Марром¹, в отношении к сказочному кожанному ремню у героя Бежана (ср. талмудического посланца царя Соломона *Benaja* с крепкой цепью для связывания Асмодея и для добычи чудесной птицы *Nagartura*)², так называемому, ремню *ḡaysqud*'а необычайной прочности. Большей полнотой отличается представление о Пашгуде (*ḡashqud*'e) в пшавской сказке³, относящей к нему мотивы, обычно связанные с симургом (симургом узбекской сказки,⁴ симуром курдских сказок,⁵ синмар-ком⁶ и зюмруд-гушем⁷ армянских сказок), как посреднике между двумя мирами (в армянской легенде о Сатане и Гаврииле)⁸, переносящем героя на своих крыльях за спасение детенышей от змея (гвелашапи в грузинской сказке) с выемкой мяса из ноги героя для кормления птицы-гонца, подобно абхазской сказке о нарте Сасырхва⁹ (*Səzrəko*), где паскунджа и симурга заменяет просто орел, в связи с позднейшей натурализацией образа, что мы видим также в передаче аналогичных мотивов в сказках удинской,¹⁰ аварской,¹¹ грузинской,¹² и ме-

¹ Марр Н. Я. Известия Акад. Наук, 1918, стр. 2088.

² Веселовский А. Н. «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. В: Собрание сочинений, т. 8, вып. 1, Петроград, 1921, стр. 184.

³ Разикашвили Ф. Народные сказки, собранные в Кахетии и Пшавии (на груз. языке), Тифлис, 1909 г. стр. 7, также грузинскую сказку «О фиалке и розе», там же стр. 51.

⁴ Сартовские сказки «Джековой палван» В: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 36, отд. III, стр. 179, 181.

⁵ Егиазаров С. А. Курманджинские тексты, сказки «Махмуд охотник», «Озман богатырь», «Асад воитель» В: Зап. Отд. Русск. Геогр. Общ. том XIII, стр. 89, 106—107.

⁶ Тониев П. Сказки, собранные в сел. Баян Елизаветп. у. Сказка «Коровий сын» В: Собрн. матер. для описания местностей и племен Кавказа, вып. 9, отд. II, стр. 196.

⁷ Востряков В. Сказки, записанные в Елизавет. г. «Царевич Клхазан», там же, вып. 42, отд. II, стр. 77—78.

⁸ Марр Н. Я. Сборник притч Вардана. Матер. для изучения средневеков. арм. литер. ч. II, СПб., 1894, стр. 317, № 334 (на арм. яз.).

⁹ Абхазские сказки, под редакцией Хашба и Кукба, Сухум, 1935, стр. 42—43.

¹⁰ Бежанов М. Рустам (удинская сказка). Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа, в. 6, прилож. ко II отд. стр. 25.

¹¹ Абдулаев Б. Аварские сказки. Сказка «Медвежье ухо» там же в. 14, отд. II, стр. 133—134.

¹² Грузинские предания и сказки. Сказка «Судьба», там же, вып. 10, отд. III, стр. 60.

грельской,¹ хотя в других сказках, например, в мегрельской² и грузинской³ за орлом удержался запечатленный еще в Библии, рядом с наскунджем, термин «орби», (соответствующий, вероятно, урартскому *ârîbî*, в значении ворон, — покровителю города Мусасира, по новому толкованию, исходящему от еврейского *ôrêb* ורעב надписи на печати Урцуна, Thureau-Dangin'ом)⁴, в армянской — «рох»⁵ (*roq*, спиратная разновидность названия лошадь-птицы *гаши*,⁶ подобно как в арабских сказках «1001 ночь» и в описании гигантской птицы «рух» (*ruck*) у Марко Поло⁷ (ср. египетское *gh* название хохлатой птицы *Vanelus Cristatus*)⁸, наконец, в русских и многих западно-славянских сказках «птица грип», «гриф»,⁹ чаще называемая «ногуй», «нога» (*noh*) или «нага», вряд ли в зависимости от талмудической *Nagar-tura*, птицы «каменотеса», как полагал А. Н. Веселовский,¹⁰ а скорее, может быть, от библейского имени рода исполинов Енаков (Числа XIII₃₄) — *Anak* примененному арабами для названия гигантской птицы, *Ankâ* الانكا, соответствующей пехлевийско-сирийскому *Simûr*, индийской царь-птице *Garuda* (в переводах Калила и Димна и в Пань-

¹ Мингрельская сказка «Яблочный великан», там же в. 33, отд. 3, стр. 5.

² Машурко М. Из области народной фантазии и быта. Мингрельская сказка «Каджани» В: Сб. матер. для описания местност. и племен Кавказа. в. 18, отд. III, стр. 398—399.

³ Разикашвили Ф. Народные сказки, собранные в Кахетии и Пшавии (на груз. яз.) Тифлис, 1909, стр. 18.

⁴ Thureau-Dangin, F. Huitième campagne de Sargon, 1912, стр. XII, примеч. 3.

⁵ Лопатинский Л. Г. Предисловие к сказке «Богатырь Гасан». В: Сборн. матер. для описания местностей и племен Кавказа, вып. 21, стр. VI, отд. II, стр. 6—7.

⁶ Марр Н. Я. «Лошадь-птица» — тотем урарто-этрусского племени и еще два этапа в его миграции. В: Яфетический сборник, I. СПб, 1922, стр. 133—136.

⁷ Марко-Поло — Путешествие в XIII столетии, по нем. переводу Авг. Бюрка, Москва, 1863, стр. 473.

⁸ Casanova J. M. В: Bulletin de l'Inst. Français d'Arch. Orientale, Caïre, 1922, t. XX₂ цит. по Nau F. Etude sur Job XXXIX₁₂ (Journ. As. t. CCXV₂, Paris, 1929, стр. 223).

⁹ Бутова Е. Станица Бороздинская, Терск, Обл., сказка «Несчастный сад» В: Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа, вып. 7, отд. 1, стр. 138—140.

¹⁰ Веселовский А. П. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине В: Собр. соч. том 8, вып. 1. Петроград, 1921, стр. 246—248 и 134.

чатантре)¹ и вообще гигантской птице южно-азиатской древней географии.²

Здесь однако не место входить в рассмотрение сложного вопроса о происхождении, как соответствующего сказочного мотива, так и указанных терминов,³ применяемых по отношению к этой мифической птице, напоминающей одновременно и индийскую *gar-ud-a* истребительницу змеев-демонов *nâga*,⁴ носящую на себе солнечного бога Вишну⁵ и одновременно древне-египетского чудовищного грифа *srgr* или грифона *sgr* с чертами льва и сокола, восходящего к началу II тысячелетия до н. э.⁶ Несомненно одно: древность и жизнь этих мотивов не определяется временем и местом их первого литературного закрепления, будь это демотический папирус о принце Сет-на⁷, Псевдокаллистеноса Александрия, с полетом Александра Македонского на двух крылатых зверях, направляемых копьем с куском мяса на конце (ср. изобразительную интерпретацию, повидимому, персидских тканей⁸ на рельефе северного фасада собора св. Марка в Венеции и на ряде других византийских памятниках),⁹ или Зенд Авеста (Хорда Авеста, Яшт, 15), где в легенде о Такмурупсе (Такмô-шупра) древне-парсийскую птицу, по позднейшей редакции Шах-Наме, «Си-

¹ Аттая М. О. и Рябинин М. В. Книга Калила и Димна, Москва 1889, стр. XXV.

² Ferraud G. Le K'ouen-Louen et les anciennes navigation interocéaniques dans les mers du Sud. В: Journ. As., t. XII, Paris, 1919, стр. 331—332.

³ Casarteli L. C. Cyéna-Simourgh-Roc, un chapitre d'évolution mythologique et philosophique. Compte rendu du Congrès scientifique international des catholiques. Paris, 1891, philologie, стр. 78—87.

⁴ Charpentier Jarl. Die Suparnasage, Uppsala, 1920, стр. 342, 352, 362—367.

⁵ Lévi Sylvain. Pour l'histoire du Ramayana В: Journ. As., t. XI, Paris, 1918, стр. 145.

⁶ Grünwedel Alb. Mythologie des Buddhismus, Leipzig, 1900, стр. 25—26. Куфтин Б. А. — Краткий обзор пантеона северного буддизма и ламаизма в связи с историей учения, Москва, 1927, стр. 19, 35, 56.

⁷ Milloué L. (de). Petit guide illustré au Musée Guimet, Paris, 1904, стр. 102, рис. на стр. 102 и 117.

⁸ Spiegelberg W. Mythos von Sonnensage. В: Sitzungsbericht. Preus. Ak. d. Wissensch., Berlin, 1915, стр. 885.

⁹ Printz W. Garuda und der ägyptische Greif. В: Zeitschrift Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft, N. F. Bd. XI₁₋₂, Leipzig, 1932, стр. 112.

¹⁰ Pieper Max. Das ägyptische Märchen, Leipzig, 1935, стр. 62 сл., 80.

¹¹ Банк А. В. Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо. Труды Отд. Истории Культуры и Искусства Востока, т. III, Ленинград, 1940, стр. 181—194 (с библиограф. вопроса).

¹² Millet, G. L'Ascension d'Alexandre. В: Syria, t. IV, Paris, 1923, стр. 86—133.

мурга», заменяет в этом эпизоде злой дух Ариман, на котором «Такмоурупис» ежедневно облетает землю¹. Для нас сейчас имеет значение установить лишь возможность замещения древнего образа, в народном понимании паскунджа, новыми книжными представлениями. Так пашконди в пшавской сказке вполне отвечает употреблению термина паскундж в грузинском переводе Шах-Наме. Тогда, как образ паскунджа в сказках осетинских отличается гораздо более архаическими чертами. Здесь героем, связанным с паскунджем является Амиран, стоящий в совершенно иных отношениях к паскунджу, чем герои предыдущих сказок, — ближе к сагам о Такмоуруписе и Аримане. В осетинской сказке об Амиране из рода Дерезановых, как видно по названию, грузинского происхождения, хотя в одноименной грузинской героической повести XII века Мосе Хонели,² нет упоминания о паскундже, этот последний под именем пакондзи (paqondi) является одним из враждебных Амирану чудовищ драконообразного вида, по одному осетинскому варианту,³ с семью головами, из которых 6 были обрублены у него Амираном. Здесь пакондзи явно замещает гвелешапа в пшавском и сванском сказаниях об Амиране. Несмотря на это в осетинской сказке пакондзи оказывается еще обладающим функцией посредника между двумя мирами, доставляя Амирана с земли к себе в дом, правда благодаря хитрости героя, который прячется в шкуру убитого им «морского быка»⁴ и таким образом уносится паскунджем,⁵ подобно тому, как уносится грифом в немецко-чешской легенде король Брунцвик (Генрих Брауншвейгский),⁶ зашитым в шкуру коня, распоров которую мечом, он убивает детенышей грифа и его самого. Амиран также убивает паскунджа и, разостлав его чудесный ремень (радугу), спускается по нему на землю.

¹ Windischmann Fr. Zoroastrische Studien. Abhandlungen zur Mythologie und Sagen Geschichte des alten Iran. Berlin, 1863, стр. 197 и 211.

² Хаханов А. С. Очерки по истории грузинской словесности, вып. 1, Москва, 1895, стр. 330.

³ Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. I, Москва 1881, стр. 146.

⁴ Сравни с этим фантастический рассказ путешественника раввина XII века Вениамина Тудельского о том, как моряки в Китае, застигнутые морозом в замерзающем море, зашиваются в шкуры тельцов и выносятся грифом на сушу. Три еврейские путешественника XI и XII века. Перевод П. Марголина, СПб, 1881, стр. 124.

⁵ Миллер В. Ф. Цит. соч. стр. 65. Амиран. Перев. обработ. и коммент. Дзахо Гатуева, Изд. Academia, 1932, стр. 132, 137.

⁶ Петровский М. История о славном короле Брунцвике. В: Памятники Древней Письменности, т. LXXV, СПб, 1888, стр. 18, 62—63. Н. (Напка) W. Stará pověst o Stojmírowi a Bruaswjkwí knížatech českých v Praze, 1827, стр. 30—31.

Это сохраненное в осетинском фольклоре сказание, уклоняющееся от тенденции смешивать паскунджа с симургом и тем более просто с крупным орлом, имеет тот местный независимый от древне-иранской литературной традиции колорит, который доказывает существование чисто местного народного, а не только книжного, образа паскунджа, именно в виде крылатого четвероногого чудовища, ярко очерченного в словаре Саба Орбелиани и находящего свое отображение на перстне из Эшери, эпохи эллинизации прибрежного населения древней Колхиды.

Отмечаемое осетинской сказкой отношение пакондзи к быку, заметя тушу которого со спрятавшемся в ней Амираном, он восклицает: «вижу среди поля что то годное мне на жратво» подтверждается и одной деталью на перстне: ясно различимой под мордой грифона головою быка en face. Гиератический характер изображения обуславливает подобную трактовку отношения грифона к быку, который, видимо, являясь продуктом его питания, изображается здесь, как приносимая грифону жертва, подобно как на фризе над входной дверью в храм парфянской эпохи древнего города Хатра.¹

Я не стану останавливаться теперь на более глубокой связи быка и грифона, поскольку эта связь частью была намечена при идентификации самого грифона-паскунджа с керубом, в одном из аспектов, крылатым быком вавилоно-ассирийской и библейской мифологии. Замечательный анализ академика И. И. Мещанинова² закавказских поясных блях, которые могут быть датированы, на основании ряда вполне достоверных могильных находок, эпохой непосредственно прилегающей сверху к нашему могильнику,³ с достаточной убедитель-

¹ Rawlinson J. The Sixth Great Oriental Monarchy or the Geography, History, Antiquities of Parthia. London, 1873, стр. 374.

² Мещанинов И. И. Закавказские поясные бляхи. Опыт яфетедологического анализа памятников материальной культуры. Махач-Кала, 1927, стр. 28, 36—37.

³ Все известные мне находки сопровождались инвентарем поздне-эллинистической эпохи: одна из Манглиса, поступила в 1908 году в Музей Грузии от Вейсенгофа (две бляхи в одинаковых рамках: одна с фантастическим оленем, повернувшим голову назад, другая обычным драконовидным волютно-ветвисторогим зверем), другая находка сделана Д. Е. Шульцем (с коневидным существом и бычком над ним) в каменном ящике близ Александерсгильфа, современного с. Розенберга Цалкинского района (Уварова П. С. Коллекции Кавказского Музея, т. V, Археология, Тифлис, 1902 г. стр. 98, №№ 2309—2311), наконец третья находка бляхи, почти тождественной со второй манглисской была доставлена в Юго-Осетинский Музей в г. Сталинире (инв. 910 и 1052) Е. Г. Пчелиной в 1926 году из погребения № 3 могильника эллинистической эпохи в сел. Сохта, откуда происходит еще другая подобного рода крупная бляха из разрушенного погребения № 1. Вместе с бляхой в погребении № 3 находился следующий хорошо датирующий бляху инвентарь: поздне-эллинистическая фи-

ностью намечает историческую сущность своеобразных приемов образительной символики родовых обществ Южного Кавказа, отражающих на себе процессы развития обще-человеческого мышления и мировоззрения «доисторических эпох».

Я приведу здесь в целях регистрации один из типов таких блях, несколько необычного учетверенного строения, по рисунку, сделанному Эдуардом Эйхвальдом¹ в Кутаисе во время его путешествия по Имеретии и Мегрелии в 1825—1826 годах (рис. 19а). Подобная же бляха воспроизведена в атласе Дюбуа де Монпере с указанием о происхождении ее из Gvime,² то есть, видимо, из сел. Гвимев в Квириль-

була с подвесным преемником, типа борийской одночленной фибулы, но с пружинной петлей под дужкой (полев. опись № 25); массивный разомкнутый проводочный перстень с утолщенными концами; бусы исключительно стеклопастовые, как то: шаровидная (Д—1,9) черная с молочно-белой широкой лентой-прослойкой, стеклянная боченковидная с золотистой амальгамой, голубые и синие стеклянные, коврово-мозаичная (типа клдетских), шаровидная беломолочная с красными глазками, меридионально-ребристая и пр.

Этот вполне достоверный материал, происходящий из Восточной Грузии, подтверждает со своей стороны полную правдоподобность свидетельства Е. С. Такайшвили в отношении находок в Западной Грузии, в Имеретии (протокол 53, Е: Изв. Кавказск. Отд. Моск. Археолог. Общ. вып. (III, Тифлис, 1913, стр. 48) именно о происхождении двух таких же блях, доставленных им от Давида Леонидзе в Музей Общ. Ист. и Этн. (инв. №№ 141 и 142), из погребений в каменных ящиках Квирильского ущелья, одной, как вторая манглисская, с драконом (типа МАК VIII табл. СXXXIV.), из сел. Кацхи и другой, с конем, подобно бляхе Д. Е. Шульца (типа МАК VII, рис. 277), из сел. Сачхере, и полностью устраняет, таким образом, возникшие подозрения (ср. Сообщ. ГАИМК 1931 г. № 1, стр. 33—37) в поддельности всей серии подобных изделий. Для подтверждения можно еще упомянуть об одной недавней находке 1930 г. Габашвили в Квирильском же ущелье, в сел. Джалаурта, близ Чиатур, погребального комплекса с подобной бляхой, уступленной профессору Винклеру, и с совершенно подобными вышеуказанному ассортименту (из Юго-Осетинского погребения) характерными для «парфянской эпохи» бусами (большая шаровидная меридионально-ребристая из голубовато-серой пасты, тонкослойно глазурованная, другая прозрачная голубовато-стеклянная боченковидная продольнодольчатая, далее шаровидная из чередующихся молочных и черных лент-прослоек стекловидного сплава, небольшая шаровидная стеклянная с золотистой амальгамой и, наконец, двух типов, глазчатые: крупная, молочнобелого цвета с синими глазками и среднего размера зеленовато-стеклянная с бело-синими глазками) хранящимися в Археологическом Отделе (инв. 21—30) Музея Грузии. (См. Куфтин Б. А. Археологические разведки и наблюдения в Рионской низменности и на Черноморском побережье. Тбилиси, 1949, табл. 21).

¹ Eichwald Eduard. Reise auf dem Caspischen Meere und den Kaukasus unternommen in den Jahren 1825—1826, Bd. I, Stuttgart, 1837, стр. 216—218, таб. I.

По тексту неясно эта ли именно бляха была получена автором в собственность и она ли происходит из одной старой церкви, недалеко от гор. Они.

² Dubois de Montpéroux Frédéric. Voyage au Caucase, tome IV, стр. 276, Atlas, Neuchâtel en Suisse—Paris, 1843, IV série, tab. XXXIII, рис. 2.

Табл. VII.

Инвентарь погребений ранне-византийской эпохи в Цебелде.

ском ущелье (рис. 19 б). Подлинников этих блях или, менее вероятно, одного подлинника для обоих уклоняющихся друг от друга изображений не сохранилось, но корректирующие друг друга рисунки дают полное представление об оригиналах. Обыкновенные быкоподобные фигуры с лировидными рогами, заполняющие каждое из четырех просветов бляхи, снабжены характерными, вообще для стиля этих блях, закинутыми на спину спирально-закрученными хвостами и трехпалыми, а не двукопытными лапами, указывающими на стремление художника подчеркнуть необычные атрибуты изображаемых им существ нездешнего мира. Над и перед этими быками размещены фигуры змей, повторяя древнюю идейную композицию калакентских поясов поздне-бронзовой эпохи¹. Уже это последнее обстоятельство не позволяет расценивать факт замещения оленя или дракона на подобных бляхах, как показателя их более позднего происхождения. Сама уже сравнительно поздняя дата всей серии этих изделий заставляют исходить при толковании содержания изображений на них не из предполагаемой хронологической последовательности появления (в хозяйстве и мировоззрении, а не в конкретно данной продукции) различных образов, а из отражения, во всем одновременном многообразии, существовавшего в эпоху изготовления этих блях на территории Западной Грузии сложного представления о фантастическом драконообразном существе, раздваивающемся и принимающем то вид оленя, то быка, то лошади, в зависимости от направления магического или апотропеического действия, вкладываемого в изображение. Поэтому может быть не случайно, что именно подобная бляха с быкообразным существом, терзаемым тремя драконовидными собаками || змеями (на пряжках Эйхвальда и Монпере), оказалась обнаруженной проф. П. З. Виноградовым-Никитиным² на чтимом до сих пор культовом холме в Никор-Цминде³ (к востоку,

¹ Virchow Rudolf. Über die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. Berlin, 1895, табл. № XVIII.

² Бляха эта вместе с другой, в том же обрамлении, но с изображением драконовидного зверя хранится в Боржомском Краеведческом Музее.

³ Подобного же, повидимому, типа бляхи с овнообразной фигурой сохранились также в расположенном недалеко отсюда сел. Ахал-Сопели в дупле древнего дуба, вокруг которого ежегодно в 3-ий день пасхи совершался обряд *ფეთობა* (ფეშობა) описанный И. Л. Бахтадзе (Экономический быт госуд. крестьян Рач. у. В: Материалы для изучения экономического быта госуд. крестьян Закавказского Края т. II, Тифлис, 1888, стр. 84 примеч.).

6. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

слева от дороги), поскольку в самом названии селения и древней церкви «святой Никора» мы имеем свидетельство о местном культе священного быка, так как «Никора» вовсе не является, как отмечает

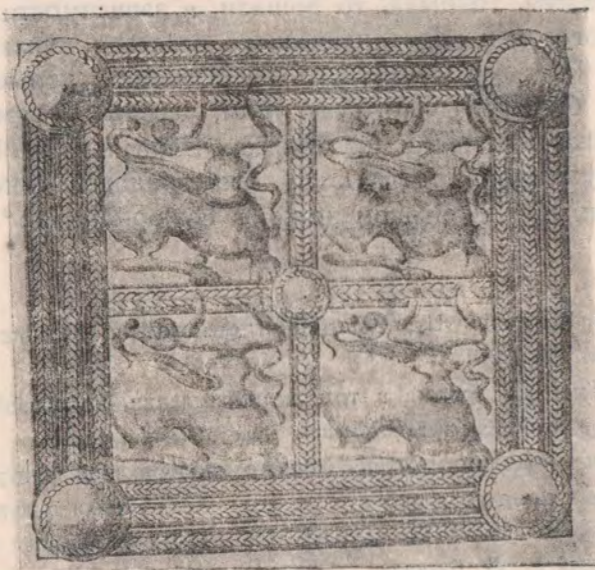

Рис. 19 а,б. Четырехпроемные ажурные бронзовые бляхи из Имеретии с изображениями фантастических быков и змей (по Эйхвальду и Монпере).

Н. Я. Марр¹, искажением, по Броссе,² имени «Николая», а словом, означающим, по грузински, меченого белым пятном на лбу быка, собственно (по словарю Д. Чубинова)³ сам этот естественный знак *пикор*, *пикора* (как перс. *piḡar*, 'писание' и арм. *pēkar*, *պիկար*, 'картина' 'образ'), в смысле, по Н. Я. Марру 'знамение', 'тотем', каковыми и являются сказочная пара быков с именами Ниша и Никора, взмахом хвоста останавливающих солнце⁴.

Поэтому не случайно и то, что построенный в этом месте христианский храм (начала XI века) включает в своих рельефах, наряду с другими изображениями птиц и фантастических животных (крылатых львов, коней, грифонов и сенмурвов подобных Атенским),⁵ также стоящего у дерева быка⁶ правда не местной породы, но, путем миграции художественного образа, проникшего сюда индо-иранского быка-зебу, в стиле всего остального декоративного ассортимента, выяснять происхождение которого здесь не место. Для нас существенным сейчас является возможность проэцировать в эллинистическую эпоху самое понятие священного быка Никора и связать его с зафиксированными там для данного места религиозными представлениями о первозданном быке, с атрибутами дракона (трехпалые лапы, спирально свернутый хвост), терзаемого враждебными ему существами «нижнего неба»: змеями или драконо-волками «гверами» (рис. 20), о которых мы выше упоминали, в связи с изображением на щитке другого эшерского перстня, выясняя историю оформления их образа еще на бронзовых поясах и топорах кобаньской эпохи.

Процесс сложного раздробления единой космической идеи неба-воды и борьба расчлененного первичного божества с самим собой в его олицетворениях, позволяет легко понять и борьбу Амира-быка (взлезшего в шкуру быка при натурализации передаваемого мифа) с семиголовым, по принадлежности к 7-ми небесам, пакондзи осетинской сказки. Пакондзи становится здесь на место олицетворенного нижнего неба, дракона, гвелешапа, проглатывающего солнце во вре-

¹ Марр Н. Я. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, Москва, 1931, стр. 63—64, примеч. I.

² Brosset M. Wakhoucht, Description géographique de la Géorgie, St. Pt. 1842, стр. 375.

³ Чубинов Д. Словарь грузино-русский, СПб., 1887 г. стр. 983 и 985 (*пиша*).

⁴ Тихая-Церетели М. Г. Женский образ *mzediḡar* грузинских сказок В: Труды Инст. Языка и Мышления II, Тристан и Исолда, Ленинград, 1932, стр. 157—158.

⁵ Тревер К. В. Собака-птица, Сенмурв и Паскундж. В: Изв. ГАИМК, вып. 100, Сборник к XLV-летию Н. Я. Марра, М.-Л., 1933, стр. 320, табл. VIII.

⁶ Уварова П. С. Христианские памятники. В: Мат. Арх. Кавк. IV, Москва, 1894, стр. 134, рис. 110—117.

мя затмений,¹ в то время как Амиран, влезший в шкуру быка морского, хотя и остается в данном случае, связанным еще с водной стихией, (по осетинскому преданию он брат гвелешапов-драконов),² но является по существу олицетворением верхнего неба, солнца, «прожигającego», по пшавскому сказанию, брюхо гвелешапа (распарывающего его алмазным ножом), когда тот, проглотив Амирана, отправился на запад в Черное море.

На связь с солнцем Амирана указывает и его имя, собственно А-шəга,³ по абхазски означающее «солнце» (а-шга, а-шəг) или тоже микрокосмически солнце-глаз «свет+зрение, в действии, то есть 'видеть' а-бə-га,⁴ при абхазском двойнике Амирана Abər-skil'e, Amər-skil'e⁵ то есть сыне глаза-солнца (ср. греческое осмысление имени хеттского солнечного божества Teleripu в аркадско-ахейском герое Τήλεφος «далеко светящийся», сыне Αὐγής, то есть «Глаза») с общим для восточного и южного Черноморья скифским термином ska → ski в значении «сын»,⁶ как и в эквивалентном гностическом слове Abraxas, Abrasax.⁷

Вместе с тем связь Амирана с быком проявляется и в отношении его имени Amiran ↔ Amihran ↔ Mihran (арм. Mheri), ↔ как показал проф. И. А. Джавахишвили,⁸ к божеству Mithra, борцу с духами зла иранской мифологии, который в свою очередь в своем, получившем широкое распространение, культе, остается тесно связанным с быком, по обычному для раннего религиозного сознания отождествлению бога-жреца с его жертвой.

Попадая таким образом, по связи Амирана с Митрой, в круг популярной на Ближнем Востоке в поздне-эллинистическое и особенно римское время религии, мы могли бы заподозрить в нашем перстне с изображением грифона свидетеля его непосредственного отношения к культу Митры, который знал в числе своих мистических посвящений земной, воздушной, солнечной и божественной ступени, посвящение в степень грифона, первую солнечную ступень.⁹ Однако, отсут-

¹ ჯავახიშვილი ივ. ა. ქართველი ერის ისტორია. ტფილისი. 1913 წ. том I, стр. 152.
Джавахишвили Ив. А. История грузинского народа.

² Marr N. et Smirnov J. Les Vichaps, Leningrad, 1931, стр. 22.

³ Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык. В: журн. Мин. Нар. Пр. новой серии XIII, Петр. 1916, № 5, отд. 4, стр. 22.

⁴ Его же «В тупике ли история материальной культуры», Изв. ГАИМК, вып. 67, 1933, стр. 66.

⁵ Гулия Д. И. История Абхазии, т. I, Тифлис, 1925, стр. 88.

⁶ Марр Н. Я. Термин «скиф» В: Яфет. Сборн. I, Петербург, 1922, стр. 101—103.

⁷ Его же. Значение и роль изучения нацменьшинств в краеведении. Цит. по Избр. Работы, I, стр. 239.

⁸ Джавахишвили И. А. Цит. соч., стр. 159.

⁹ Lajard Felix. Recherches sur le culte public et les mystères de Mithra, Paris, 1867, стр. 377 сл.

ствие каких-либо свидетельств о существовании и форме специальных знаков всех этих посвящений; нахождение в погребении одновременно двух колец с изображением грифона и собаки нижнего неба, заставляют скорее связывать находку с коренными местными религиозно-мифологическими представлениями о паскундже и «гвере» т. е. «драконо-волке», круг и генезис которых я пытался очертить, исходя из характера найденных изображений. К сожалению мне не удалось в достаточной степени, вследствие затянувшегося обзора, коснуться чисто хозяйственных моментов, получивших отражение на выработке художественно-мифологического образа, не только в силу их общего воздействия на развитие общественных форм и связанной с ними идеологии, в частности космологии, но и благодаря вторичному приспособлению пережиточно сохраняющихся представлений к непосредственному их производственно-магическому использованию.

Рис. 20. Бронзовая поясная бляха с быкообразным существом, терзаемым тремя драконовидными собаками со святилища из Никор-Цминда.

В данном случае, в найденных нами изображениях на двух перстнях, мы можем, повидимому, различить существующие в переходный момент разложения первобытно-родовых связей и образования первых классовых отношений, одновременно два хозяйственно-различных оформления космических представлений, одного, оставшегося в наследие от прошлого (еще от «кобаньской» культуры с полухотничьим хозяйством), другого, повидимому, появляющегося теперь впервые. Так собакообразное изображение «гвера», безкрылого дракона нижнего неба, сохраняет черты его традиционного исполь-

зования от стадии охотничье-пастушеского скотоводства, когда дракон принимал образ собаки или его злого двойника волка, в силу отображения важной хозяйственной ее функции на живущие в языке и фольклоре представления космического характера, значение которых ощущается в меру их воздействия на окружающую жизнь. Дракон-волк или дракон-собака становился врагом и в то же время хозяином стад, диких и домашних, требуя в отношении себя особого культа, приспособленного в целом ко всему сложному мифологическому содержанию образа. Напротив, изображение крылатого паскунджа, неизвестного на более древних памятниках Южного Кавказа, несет в себе, как мы видели, новые черты общие широко распространенным образам, грифона и керуба, в сложившихся, на основе плужного земледелия с искусственным орошением, рабовладельческих государствах Переднего Востока и Средиземноморья. В данном случае особые местные черты этого образа, отличные, как от греческого, так и восточных оригиналов, указывают не на простое их механическое перенесение и воздействие на страны Южного Кавказа, а на широкое приобщение этих стран к новой социально-хозяйственной системе.

Помещенная перед мордой паскунджа голова быка говорит о возможности использования данного изображения в культовых целях в хозяйстве, где бык играет в это время значительную роль. Судя по общему типу изображений, помещенных на перстнях, предназначенных для ношения на руке и, возможно, исполнявших кроме того функции печатей, мы, видимо, имеем здесь дело с изображениями апотропеического характера, носимыми в целях охраны личной и, вероятно, всего домашнего хозяйства, поскольку эти перстни оказались на руках старой женщины, возможно, старшей хозяйки дома, облеченной известной властью с неразлучно связанной с ней в общинно-родовом сознании магической функцией, знаком чего и являются, в этом случае, оба перстня-печати. Огромные перспективы к пониманию общественно-исторических функций перстня-печати не только в широко отвлеченном разрезе, но и непосредственно в отношении самих интересующих нас изображений, открывает работа Н. Я. Марра «Происхождение термина 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории». Печать-перстень (абх. а-тӑʒ, древне-армянск. та-тап) «восходит в своей реальной значимости не к пальцу и не к руке (в их физическом восприятии) как это ошибочно было сделано в статье 1912 года,¹ а к 'знамению', 'знаку', 'образу', символу трево-

¹ Марр Н. Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. СПб, 1912, стр. 31—32.

жащих или экстазом наполняющих сил природы, сил недоступных познанию первобытного человека, 'страшилищу', 'небу', 'тотему', ибо дело идет о договоре с ними, посвящением ему», говорит Н. Я. Марр.²

Действительно само появление печатей-перстней материально является более поздним способом ношения магических знаков на предметах производства (не говоря о татуировке их на теле), какими обычно служили на древнем Востоке пронизки и бусы. Потому и связь с пальцем, рукой в абхазском термине восходит не к руке физической, а к руке, как орудию речи, магическому знаменю, в конечном же счете к самому предмету магического действия, смотря по эпохе и среде,—чудовищу, тотему, впоследствии богу.³ Поэтому не совсем может быть случайно, что для названий печати и перстня до сих пор продолжает использоваться у грузин слово, созвучное с аварским beʒed в значении 'божество' и несомненно родственное семитическому древне-еврейскому ֆֶּ֫טֶךְ 'перстень' от основы ִפֶּחַ 'отпечатывать' ('форма', 'свойство', 'естество', 'природа') именно грузинское be-ʒed, 'печать-перстень', мегрельское mar-ikind, чанское ma-ikind, сванское ma-skād и абхазское ma-ʒaz, связанные, если признать в nd → nʒ эквивалент, г, по норме шипящей группы, с живущим в мегрельском языке термином ma-squr, в значении 'гороскоп', 'звездочет' разновидностью которого, как мы видели, Н. Я. Марр считает и армянское ra-skut, грузинское ʒa-skud, название вещей птицы.³ Таким образом найденный нами перстень в материальной форме отражает позднее разорванное единство предмета, перстня-печати, и магической функции, им осуществляемой. Действительно, перстень и грифон оказываются более тесно связанными между собой на почве Южного Кавказа, чем это можно было бы ожидать. Дело в том, что самое первое появление перстня-печати здесь является, сравнительно, поздним. Мы не знаем совсем подобных перстней ванской эпохи в кобанской и синхроничных ей культурах; магические изображения помещаются там обычно на других частях костюма: фибулах, поясах, пряжках, булавах, браслетах, особых привесках или на орудиях производства и оружия (топоры, мечи и пр.). Древнейшими мне известными перстнями-печатами, найденными на территории Грузии, являются, повидимому, золотые и серебряные перстни Ахалгорийского клада, датируемые ахеменидской эпохой. Таких перстней описано четыре: два серебряных и два золотых. Из них три перстня

² Марр Н. Я. Происхождение термина 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории. Избранные работы, т. III, стр. 243.

³ Цит. соч. стр. 229.

³ Марр Н. Я. Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян. В: Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., т. XXV, Петербург, 1921, стр. 246, 238, прим. 3.

вае связь с племенем абазгов-абхазов, а также месхов-мошохов¹ по линии *paskund* → *pask* || *bask* || *mask*, если только функциональный придаток в этих этнических названиях рассматривать как переживание элемента А, а не С, так как согласно сказанному выше, п является носовым наращением перед d.

В таком случае мы будем иметь в нашем памятнике одновременное бытование двух племенных тотемов, мегрело-чанского *gwer*-а и мехского *paskund*-а, причем более древним на данной территории является *gwer*, преемственно связанный с памятниками еще «кобаньской» культуры, в то время как крылатый паскундж изобразительно является собственно впервые на территории Южного Кавказа, по существующим материалам, не ранее как за два века до нашего перстня. Повидимому, древний мегрело-чанский массив издревле занимавший юго-восточную и восточную часть Черноморского побережья и уходивший вглубь материка, претерпел какие-то перемены, связанные с образованием нового этнического слоя абхазского, овского (осетинского) и далее на запад пхойского (*ṭqoel-n-i*) то есть, по Вахушты, пшаво-хевсурского, как это указывает, по Н. Я. Марру,² и этимология термина — пшавы, с тотемом *paskund*-ем.

Чем бы не были вызваны эти социально-этнические перемены, вторжением ли в это время новых народностей или внутренними перергруппировками хозяйственно-общественного порядка, обращает внимание тот факт, что тотемно-племенной термин, закономерно фонетически измененный в *var-gär*, по типу армянского *marg-ar-ey*, соответствующего грузинскому *me-marg-e*, 'пророк' (в мегрельском *masq-ur*), у сванов до сих пор употребляется в значении сословия, 'дворян',³ указывая на положение, в каком оказались тогда абасхimosки в отношении чанов, шонов, сванов, а также и мегрелов, если действительно усмотреть в замечательной опубликованной А. Цагарели⁴ мегрельской сказке „о Герия-сыне бедняка“ отражение борьбы мегрел (ме-гер'ов), в лице их эпонимного героя Герия, (т. е. прозываемого 'волком' — *geri*), с абасками.⁵

¹ Марр Н. Я. *Ossetica-Japhetica*, В: Изв. Акад. Наук, 1918, стр. 2094.

Марр Н. Я. Термин „скиф“ В: Яфетич. сборник, I, 1922, стр. 132.

Мещанинов И. И. Закавказские поясные бляхи. Опыт яфетидологического анализа памятников материальной культуры, Махач-Кала, 1927, стр. 21.

² Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели, П, 1922, стр. 2—5.

³ Марр Н. Я. Об яфетической теории, В: журн. Новый Восток, 1924, № 5, стр. 318.

⁴ Цагарели Ал. Мингрельские этюды, вып. I, Мингрельские тексты с переводом и объяснениями, СПб, 1880, стр. 18—26.

⁵ Марр Н. Я. Термин „скиф“. Яфетический сборник, т. I, 1922, стр. 132.

Во всяком случае несомненным является тот факт, что в эпоху существования могильника уживались среди туземного населения традиции старых верований, связанных с тотемом мегрело-чанского племенного субстрата, и вновь появившиеся представления о звероптице паскундже, несущем в своем названии свидетельство о принадлежности к иному этническому слою, который здесь получил к этому времени свое выражение, впервые отразившись в племенной номенклатуре Плиния (24—79 н. э.) в имени абсиллов (VI, 14), неизвестных еще Страбону (23 н. э.) и не упомянутых Пампанием Мелой, позднее (у Арриана в 134 н. э.) в имени авазгов, отсутствующих еще у Страбона и Плиния, и, наконец, отложил свое наименование на до сих пор живущих западно-кавказских народах абхазах (*āṣwa*), так называемых „черкесах“ - абазинцах (*abaza*, по черкесски¹ *basxeh*) убухах (по черкесски² *abaḏe*) наконец черкесах абадзехах (*abḏaḥ*).³

Конечно, сейчас еще трудно и преждевременно говорить о сложном ходе племенного переформирования, происходившего в это время в восточном Черноморье, но мы должны все же учесть в этом процессе и те внешние факторы, которые связаны прежде всего с эллинизацией прибрежного населения, втянувшегося в тесные экономические взаимоотношения с греческими торговыми центрами и вступившего тем самым на путь более быстрого разложения первобытно родовых отношений.

Близкая связь могильника с городищем и даже двумя городищами, в которых античные пласты оказываются еще несколько более древними (согласно возможной датировке подъемного материала), чем раскрытые нами могилы, позволяет надеяться получить при дальнейших исследованиях необходимый материал для освещения этих вопросов, тем более, что городище было использовано туземным населением и в эпоху, значительно предшествующую появлению на черноморском побережье первых признаков древне-греческой цивилизации, как об этом говорит расположенный на его склонах могильник „кобаньской эпохи“. Но и рассмотренные нами в настоящее время погребения в достаточной мере знакомят нас с процессом приобщения именно туземного населения к греческой культуре. Об этом более всего говорят новые, чуждые для местных традиций черты в погребальных обрядах.

¹ Ган К. Ф. Опыт объяснения Кавказских географических названий. В: Сборник для описания местностей и племен Кавказа, вып. 40, Тифлис, 1909. Это сведение остается пока не проверенным.

² Люлье Л. Я. Черкессия, Краснодар, 1927, стр. 9.

³ Яковлев Н. Ф. Материалы для Кабардинского словаря, вып. I, Москва, 1927, стр. IV.

4. Обряды погребения через кремацию и ингумацию.

В раскрытых нами могилах мы встречаемся с двумя видами погребений кремацией и ингумацией, практикуемыми почти одновременно. Особенно показательным в этом смысле является обряд трупосожжения. Еще Геродот¹ заметил в рассказе о разговоре Дария с греками (кн. III. 38), насколько этот греческий обряд погребения может казаться неприемлемым и ужасным для народа незнакомого с ним. Правда, археология показывает нам много случаев, когда обряд трупосожжения на одной и той же территории несколько раз чередуется в разные эпохи с другими видами погребений.

В частности и в южной зоне Южного Кавказа существование обряда кремации было зарегистрировано неоднократно еще для конца бронзовой эпохи, одновременно с трупоположением. Чаще всего это сожжения бревенчатого помоста над могилой с неполным обугливанием человеческих и животных костей под слоем угля и пепла, как описанные Э. А. Рёслером погребения в Гянджинском² и Шушинском³ районах, но известны случаи полного сожжения покойника с захоронением пепла в урнах, как это можно видеть в упомянутом некрополе ванской эпохи, раскопанном П. Ф. Петровым близ селения Игдыр⁴.

¹ Геродот. История в девяти книгах, пер. Ф. Т. Мищенко, т. I, Москва, 1888, стр. 237, 224.

² (Рёслер Э. А.) Археологические исследования в Елизаветпольской губернии в 1901 г. В: Изв. Арх. Ком., вып. 12, 1904, стр. 44, 50 сл. и вып. 16, 1905, стр. 6 сл., Его же. Отч. Арх. Ком. за 1899 г., стр. 80.

Bössler Emil, Bericht über archäologische Ausgrabungen in Transkaukasien. В: Zeitschr. für Ethnologie, 1905, стр. 138.

³ (Рёслер Э. А.). О раскопке близ Ходжалы. В: Отч. Арх. Ком. за 1894 г., стр. 17 сл.; за 1895 г. стр. 50 сл.; за 1897 г. стр. 151 сл.

Rössler Emil. Archäologische Untersuchungen in Transkaukasien 1894—1895, В: Zeitschr. für Ethnologie, Verhandl., Berlin, 1896, стр. (82) (172).

⁴ Исследование об этом некрополе опубликовано мною в 1943 году в вып. XIII Вестника Музея Грузии: „Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит“. По своему характеру этот некрополь имеет ближайшую аналогию в Каркемишском некрополе у сел. Юнус, который, возникнув после XII века (когда кремация появилась и в Рас Шамра), практиковал захоронения пепла в урнах вплоть до разрушения города Набухаднесаром в 604 году. Здесь мы видим также сходную с игдырским колумбарием бронзовую посуду и печати с изображением месяца, птиц, грифонов и охотничьих животных (Woolliey Leonard. The Iron-Age graves of Carchemish. В: Annals of Archaeology and Anthropology, Vol. XXVI, 2, Liverpool, 1939, стр. 11—37, Pl. XVII, XX, IV сл.). После VII века до нашей эры население Сирии вновь возвращается к старым своим традициям ингумации: таковы погребения в каменных ящиках с аттической посудой начиная с VI века до нашей эры.

Но на территории Грузии, за исключением восточного Причерноморья обряд трупосожжения и в частности захоронения урн с сожженным пеплом покойника, пока не обнаружен. Что касается восточного Черноморского побережья, то здесь обряд кремации зарегистрирован уже начиная со свидетельств Taitbout de Marigny в 1818 году¹ в нескольких местах в районе между Туапсе и Новороссийском, но исключительно для эпохи средневековья. Он практиковался у черкесов натухайцев вплоть до XV-го века и был сменен уже мусульманским погребальным обрядом.²

Когда этот обряд появился у них и с чем был связан, не вполне ясно. Во всяком случае, если даже согласиться с датировкой Сизова,³ его наиболее ранние могилы не древнее IX-го века нашей эры. Имел ли этот обряд античные традиции, как отчасти можно было бы предположить по амфороподобной форме яйцевидных и грушевидных урн иногда с амфороподобными ножками и парными ручками (погр. № 9, раск. А. И. Комарова в Мысхако), пока за неимением данных о нем в промежуточную эпоху, ничего не можем сказать, если не подтвердится, что предметы, доставленные Ю. Н. Вороновым в 1915 году в Кавказский Музей из Цебельды со склона горы с древними развалинами близ Юрьевского, действительно связаны с погребением пепла покойников в урнах. Однако, судя по составу инвентаря, состоящего из железных мечей с длинным (не менее 65 см) лентовидным клинком, топора (табл. VIII^{10, 11}) со свисающей лопастью лезвия,⁴ укоренившегося в Закавказьи типа, давшего современный западно-грузинский плотничный топор «наджахи», более сильный, чем геленджикский Сизова, из наконечников копий (до 40 см. длины) и из двучленных („арбалетных“ по строению пружины) фибул с подвесным приемником, бронзовых и серебряных (табл. VIII^{2, 4, 5}) с крестовидной ленточной дужкой типа гагринских А. А. Спицына,⁵ погребение это относится уже к эпохе не ранее 2-ой полови-

¹ Taitbout de Marigny, Voyage en Circassie fait en 1818, Bruxelles, 1821, стр. 109—110, 113.

² Сизов В. Восточное побережье Черного моря. В: Материалы по археологии Кавказа, вып. II, стр. 66—67, 75—76, 86, 100—101, рис. 16 и 22, табл. V³, стр. 146—147.

Саханеев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 году. В: Изв. Арх. Ком. вып. 56, 1914, стр. 175—206.

³ Сизов В. Цит. соч. стр. 147.

⁴ Osborne W. Das Beil und seine typischen Formen in vorhistorischen Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des Beiles, Dresden, 1887, табл. XIX⁵⁻⁷ (образцы подобных форм железного топора из Германии и Богемии).

⁵ Спицын А. А. Могильник V-го века в Черноморье В: Изв. Арх. Ком. вып. 23, СПб, 1907, стр. 103—107.

ны I-го тысячелетия нашей эры, что подтверждается вскрытыми недавно проф. А. Греном и сотрудниками Абхазского Музея на Новом Афоне (сад «Сушка») погребениями с серебряной монетой имп. Анастасия (491—518), с большими янтарными плоско-выпукло дисковидными бусами до 5 см в диаметре (рис. 21⁸) и характерными

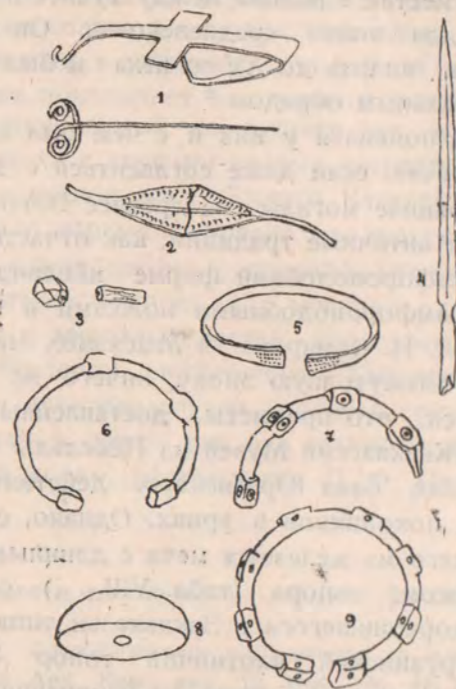

Рис. 21. Инвентарь погребений ранневизантийской эпохи из Бзыбской Абхазии. 1—4 находки в сел. Мыцары 1928 г.: серебряная фибула и пружина с иглой от нее, в $\frac{1}{3}$ нат. вел.; бронзовая ромбовидно уплощенная концевка, около $\frac{1}{2}$ н. в.; бусы стеклянные, синяя и зеленая; железное копье в $\frac{1}{7}$ н. в.; 5—7 находки в с. Мыцары 1929 г.: браслеты в $\frac{1}{3}$ н. в.; фрагмент браслета в $\frac{2}{3}$ н. в.; 8—9 предметы из погребения на Новом Афоне (сад «Сушка»): янтарная буса и бронзовый браслет в $\frac{1}{3}$ н. в.

незамкнутыми литыми бронзовыми браслетами с призматическими (украшенными по внешним трем граням глазками) утолщениями вдоль обода (рис. 21⁶), совершенно такими, какие находились уже в Бзыбской Абхазии (рис. 21⁷), совместно с длинными ромбического сечения железными копьями (рис. 21⁴), с упомянутого типа серебряными крестовидными фибулами¹ (рис. 21¹) и с ромбическими плоскими кон-

¹ Не следует смешивать этих фибул с одночленными крестовидными фибулами позднего Гольштадта, известными из погребений через сожжение в Боснии: см. Гернес М. Культура доисторического периода, часть III, железный век, Москва, 1914, рис. 19³⁵.

цевками булавок¹ или скорее бронзовых гривен (рис. 21²), типа гагринской,² как например в сел. Мыцары, в коллекции А. Л. Лукина, и, по его же свидетельству, в сел. Калдахвары.

В то же время наличие в составе цебельдинского ожерелья, наряду с хрустальными (14-ти гранными и миндалевидными гладкими двусторонне просверленными) бусами, таких же, как в ново-афонском погребении, крупных янтарных дисков, не выдерживающих огня, говорит против возможности считать инвентарь Ю. И. Воронова связанным с кремацией.

Действительно до сих пор известные памятники эпохи I тысячелетия н. э. в этом районе знакомят нас исключительно или с погребениями в каменных ящиках,³ как показывает хорошо изученный Борисовский могильник VI по IX век, в 9-ти верстах от Геленджика,⁴ или просто в грунте, как в Агойском могильнике VI—VII в. в районе Туапсе⁵ и в Ново-Афонском у Комарова,⁶ эпохи с III-го века (монета Адриана 117—138 нашей эры.) до VII века. На чуждый характер для населявших территорию Грузии племен обряда трупосожжения, не привившегося местному населению и в римское время, указывает

¹ Репников Н. Каменные ящики Байдарской долины В: Изв. Арх. Ком. вып. 30, СПб, 1909, рис. 28 и 48, стр. 141 и 151 (предмет, напоминающий вышеприведенный, трактован как головная булавка).

² Спицын А. А. Цит. соч. рис. 11.

³ В 1939 году был случайно открыт при разработке виноградника в сел. Чхороцку, в верхнем бассейне р. Хопи, могильник с глиняными урнами, содержащими пережженные кости и погребальный инвентарь. Бусы, бронзовые провололочные браслеты с двумя перевязанными концами и провололочные одночленные «протоарбалетные» фибулы с привесным приемником и наружной поперечной петлей пружины, известного ольвийского, пантикапейского, а также фасидского типа, как находки в Ольвии, по Б. В. Фармаковскому II—I в. до нашей эры, (Изв. Арх. Ком. вып. 8, стр. 61, рис. 69), в Херсонесе у Г. А. Белова (Римские приставные склепы, в Херсонесском Сборнике II, Севастополь, 1927, стр. 134, рис. 19¹⁰, стр. 237, рис. 16²), в Танаисе на хуторе Недвиговка (Отч. Арх. Ком. за 1908 г., стр. 127, рис. 184), в Крыму в сел. Скелня, по Репникову (Изв. Арх. Ком. вып. 30, стр. 134—152, рис. 28 № 29) около 100 г. н. э. и пр. датируют этот могильник с кремацией эпохой парфянской и римской от I века до н. э. до I века нашей эры. Отнесение фибул из Чхороцку к IV—III в. до н. э. в статье Нины Хоштария о Чхороцку (Сб. Матер. по истории Грузии и Кавказа, 1941 г. вып. II, Тбилиси, стр. 86) совершенно ошибочно и ни на чем не основано, также как и ряд других содержащихся в статье сопоставлений и противоположений.

⁴ Саханев В. В. Цит. соч. стр. 86.

⁵ Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа, В: Извест. арх. Ком. вып. 33, 1909, стр. 87—95.

⁶ Комаров А. В. Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае. В: Известия Кавказского Общества Истории и Археологии, том I, вып. I, Тифлис, 1882, стр. 1.

Мцхетский могильник, где среди многих сотен вскрытых не оказалось ни одного погребения, свидетельствующего о применении кремации, хотя этот обряд для римского населения был особенно характерен. Правда, Плиний в одном месте (VII, 51) говорит о сожжении, как не древнем обычае, но в XIV книге (XIV, 12) возводит к Нуме Помпилию существовавшее некогда запрещение заливать кострище вином. Во всяком случае в конце Римской империи сожжение стало господствующим видом погребения, исчезнувшим только с распространением христианства, и урны с пеплом и остатками костей в растворе вина, масла и благовоний (Ovid. Fasti, III 561; Tibull. I. 3, 7) хорошо известны из гробниц в Помпеях и в других римских колумбариях.

Таким образом, открытые в Эшерском погребении захоронения урн с пеплом покойника, датируемые эллинистической эпохой, могут быть приписаны здесь исключительно влиянию греческих обычаев на прибрежное население. Возможно, конечно, еще предположение, что в данном случае мы имеем дело с погребением грека, но местный характер всего инвентаря, бронзовых украшений и глиняной посуды, за исключением самой урны и амфорисков, а также тесная связь этого погребения через трупосожжение со вторым через трупоположение, где туземная принадлежность кроме того доказывается характером изображений на перстнях, связанных с местными религиозными традициями, заставляют склоняться к одному предположению: об эллинизации местного населения и заимствовании им греческого погребального обряда.

Действительно погребение через сожжение является характерным способом, практиковавшимся древне-греческим населением еще в Гомеровскую эпоху: Ахилл сжигает царя Геттона (Ил. VI¹⁴⁸), на костре сжигается тело Патрокла и насыпается над могилой курган (Ил. XXIII²³⁷). Позднее наряду с сожжением наблюдалось и положение покойника в землю, причем в Аттике в более древнее время труп просто зарывали в землю, а место засеивали, но также в большом употреблении были там и могилы из глиняных черепиц. В Спарте и Сикионе обычно покойников сжигали, а пепел хоронили в деревянной или глиняной урне.

Оба погребальных обычая трупосожжения и трупоположения наблюдаются и в черноморских греческих колониях: Ольвии, Херсонесе и Пантикапее. Правда, основным типом погребения надо считать здесь ингумацию в рядовых могилах, но кремация спорадически встречается все время, чаще всего в эпоху архаическую и в эпоху позднего эллинизма. По М. И. Ростовцеву¹ в Пантикапее количество трупосожжений

¹ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, 1925, стр. 211.

значительно увеличивается по мере продвижения вглубь в эпоху эллинизма. В эпоху позднего эллинизма оно, повидимому, даже сделалось преобладающим, но с 1-го века до нашей эры заметно стало падать, что М. И. Ростовцев приписывает сильному притоку в среду гражданства местных элементов.

Урнами для пепла в большинстве случаев служили различные сосуды бытового назначения, например, глиняные горшки для хранения соленой рыбы, хотя возможно, что в поздне-эллинистическую эпоху изготовлялись и специальные четырехручные сосуды с росписью и надписями.¹ Крышки, закрывавшие урны, случайные или специально изготовленные, примазывались гипсом. В Ольвии в качестве урн для пережженных костей использовались и обычные остроногие амфоры, в раннее время архаических форм. Открытое в 1926 году в Ольвии место трупосожжения было обставлено кольцом девяти десятков амфор V—IV в. донышками к центру круга, занятому огромным центральным кострищем и заключало кроме того несколько амфор содержащих обугленные кости, пепел и остатки вина.²

Эшерское погребение вполне отвечает греческим погребальным обычаям, хотя и имеет некоторые свои особенности. Место трупосожжения не удалось установить, хотя на расстоянии двух метров от урны в пределах площади раскопа были открыты под пахатым слоем скопления древесных углей и следы кострища, но отсутствие в последнем каких-либо датирующих остатков ничего не позволяет говорить о его происхождении и древности. Пепел и состояние остатков перегорелых костей, находившихся в урне, показывают что сожжение, повидимому, было полным, а не частичным, как это иногда наблюдалось в греческих погребениях, когда костер гасился вином или водой и омытые вином кости, обернутые кусками жира, укладывались в урну.³

Урна с пеплом и положенными в нее бронзовыми браслетами, без следов действия огня, железным серповидным ножом и амфориска-ми была зарыта, повидимому, не очень глубоко, но во всяком случае дальше от поверхности, чем это обнаружено раскопками, так как поверхностный слой значительно снесен продолжительной вспашкой и выравниванием гребня холма. Опущена урна была, видимо, в округлое колодезного типа углубление без всякой обкладки. Покры-

¹ Ростовцев М. И. Цит. соч. стр. 181, 213.

² Фармаковский Б. В. Розкопування Ольвії 1926, Одесса, 1929, стр. 66—69.

Мещанинов И. И. Кромлехи В: Изв. Гос. Акад. Ист. Мат. Культ., том VI, вып. 3, Ленинград, 1930, стр. 20, 21 сл.

³ Велишский Ф. Ф. Быт греков и римлян, Прага, 1878, стр. 621.

7. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

вавшая горло урны каменная плита из мажущегося в руках светло-серого глинистого сланца вытянутой неправильно четырехугольной формы, слегка искусственно подправленной теской ножом, длиной 24 см, шириной 11—12,5 см и толщиной 2,2 см, была просто положена без всяких следов замазывания горла гипсом или известью. Сверх урны, видимо, на ее плечики были поставлены серый узкогорлый кувшинчик и широкогорлый сосуд с пищей, после чего все было засыпано землей.

Соседнее, открытое нами погребение, через трупоположение, также, в общем, ничем особенно не противоречит греческим формам подобных погребений. Обычным для них являлось вытянутое положение покойника на спине. Ориентировка по странам света у греков не играла роли. Так как кладбища, большей частью, располагались за городскими воротами вдоль дорог, стремились класть покойника так, чтобы ногами он был обращен к дороге. В данном случае, поскольку мы имеем вскрытым только одно погребение, и вопрос о том, руководствовались ли направлением по странам света, или другими признаками, не может быть решен. Следов деревянного гроба в нашем погребении не обнаружено. Покойница была положена, видимо, непосредственно на дно могилы, устланное не очень тщательно булыжными камнями.

Монета (обол), которая обычно клалась в греческих погребениях в рот покойнику, в данном случае, несмотря на тщательные поиски, обнаружена не была. Это одно в данном погребении указывает на некоторое отступление от греческих обычаев, так как положение монеты в рот покойнику в после-гомеровское время было почти обязательным и связывалось с господствующим тогда представлением о царстве мертвых и о необходимости платить Харону за переправу через реку обол взамен более древней медовой лепешки, которую прежде бросали адскому стражу, псу Керберу.¹ Действительно положение медной монеты в рот покойнику, даже в богатых погребениях, можно наблюдать в греческих могилах Пантикапея,² хотя оно далеко не обязательно. Отсутствие монеты в эшерском погребении может объясняться отчасти и редкостью монеты местной чеканки в Диоскурии, сравнительно с Босфорским царством и с предшествовавшей эпохой распространения колхидок, хорошо определявших своим присутствием кувшинные погребения в Даблагоми с инвентарем ранне эллинистической эпохи. Позднее в императорское римское и визан-

¹ Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der classischen Altertums-Wissenschaft, Bd. XI, Stuttgart, 1921, стр. 276.

² Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, 1925 г., стр. 206.

тийское время монеты чаще, повидимому, оказываются в погребениях, как в западной, так и в восточной Грузии.¹

5. Местоположение эшерских поселений на исторической карте античной Колхиды.

Скажем еще несколько слов о том, представителями какой социальной группы могли быть погребенные в раскрытых нами могилах. Тесная связь могил с городищем указывает нам прежде всего на то, что погребения не принадлежали чисто сельскому населению. Правда, неисследованность еще городищ не дает нам возможности осветить их характер и хозяйственный тип. Но наличие водопровода, сравнительно большое количество обломков кровельной черепицы на поверхности второго холма, присутствие шлака и обломков глиняной посуды, сварившейся при обжиге, глиняные грузила для ткацких станков древне-греческого типа, а также сравнительно значительное количество привозной греческой тары (осколки амфор), достаточно свидетельствуют уже об известном социальном расслоении живущих на городище и на существование здесь какого-то ремесленного слоя, обслуживающего хозяйство поселения. Но вряд ли все-таки возможно преувеличивать его городской тип.

Во всяком случае античные авторы не оставили нам какого-либо упоминания о нем. Надо полагать, что наше поселение находилось на пол пути между Севастополем и речкой Никофой (Анакопией) средневековых компасных карт (начиная с карты П. Висконте 1318 года),² так как первый несомненно помещался на берегу Сухумской бухты, а вторую «Накопия-пха-лбаа»³ т. е. крепость девы Накопии Накофия-φῆα-βαῖα надо приурочить к Новому Афону, Псырххе, как это полагал правильно Dubois de Montpereux⁴ и за ним М. Brosset,⁵ сделавший однако ошибку, отождествив Никофу (Анакопию) с Никописей. Это последнее недоразумение, повторяемое В. И. Чернявским,

¹ Makalathia S. Notice sur les dates des necropoles decouvertes en Géorgie de 1920 a 1924. В: Bull. du Musée de Géorgie, tome IV, Tiflis, 1928, стр. 161—188 (по грузински с франц. резюме).

² Ср. факсимиле карты П. Висконте и сводный список карт, табл. 3-я: Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России, часть II, Одесса 1880.

³ Чернявский В. И. Записки о памятниках Западного Закавказья. В: Пятый Археологический Съезд. Протоколы Предварительного Комитета, Москва, стр. 20.

⁴ Dubois de Montpereux, Fr. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide en Géorgie, en Arménie et en Grèce V. I, Paris, 1839, стр. 273.

⁵ Brosset M. Histoire de la Géorgie, 1-re partie, St. Pt, 1849, стр. 61, прим. 3.

К. Д. Мачавариани¹ и многими до сих пор,² поконлось кроме созвучия еще на приурочении к Новому Афону могилы Симона Кананита, которую автор путешествия в VIII—IX столетии по южному берегу Черного моря и Босфору монах Епифаний,³ „бегавший иконоборцев“ указывает в Никопсисе Зикхийском. Однако, согласно Константину Багрянородному,⁴ от пограничной с Зикхией речки Nikoris по берегу моря на протяжении 300 миль простирается Авазгия ('Αβασγία) до города Сотириуполя, Сотирополя, как по Кодину⁵ называлась с рубежа IX—X века древняя Πύθια т. е. по всей вероятности Питиунт,⁶ современная Пицунда, а не Севастополь, как иногда почему-то считают.⁷ Следовательно Никопсис Зикхийский надо искать далеко на севере, а не в Новом Афоне, что вполне подтверждается так называемым периплом⁸ Безымянным (V в. н. э.), сохранившим наиболее древнее упоминание Никопсиса на месте старой Лазики перипла Арриана, недалеко от реки, которую Безымянный называет Псахапсий, а В. В. Латышев на карте, приложенной ко 2-му тому его Известий древних писателей о Скифии и Кавказе, отождествляет ошибочно с рекой Псеуапсе, отказавшись впоследствии⁹ от этого мнения в пользу старой гипотезы Dubois de Montpéroux и С. Müller'a, подержанной Ф. Бруном¹⁰ и Tomaschek'-ом,¹¹ которые усматривают в

¹ Чернявский В. И. Цит. соч. стр. 20.

Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по Сухуму, 1913, стр. 228.

² Гулия Д. История Абхазии, т. 1, Тифлис, 1925, стр. 61, 136, 155.

³ Васильевский В. Г. Русско-Византийские отрывки, V. Хожение ап. Андрея в стране Мирмидонян. В: Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CLXXXIX, 1877, февраль, стр. 164. = Труды, т. I, вып. 1, СПб., 1909, стр. 268.

⁴ Багрянородный Константин. В: Чтения Общ. Истории и Древностей Российских, предисловие Гавр. Ласкина. В: Москва, 1899, кн. 1, стр. 153, 154.

⁵ Parthey G. (edition) Hieroclis Synecdemus et notitiae graecae episcopatum. Berolini, 1886, стр. 315.

⁶ Брун Ф. Черноморье, часть II, Одесса, стр. 245.

Кулаковский Ю. А. Где был построен импер. Юстинианом храм для авазгов. В: Археол. Изв. и Заметки, Москва, 1897, № 2, стр. 36.

Меликсет-Беков Л. М. Древняя Пицунда у Понта Евксинского. В: Зап. Кавк. отд. Р. Геогр. Общ. XXIX, в. 4, Тифлис, 1916, стр. 84.

⁷ Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и сухумскому округу, с историко-этнографическим очерком. Сухум, 1913, стр. 223.

⁸ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, том 1, СПб., 1893, стр. 278.

⁹ Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи у Н. Афонского монастыря. В: Сборн. археолог. статей, поднесенный А. А. Боринскому, СПб., 1911, стр. 173.

¹⁰ Брун Ф. Восточный берег Черного моря по древним периплам и компосовым картам. В: Черноморье, том II, Одесса, 1880, стр. 259.

¹¹ Tomaschek. Abaska В: Pauly-Wissowa, Realenzyklopädie der klassische Altertumswissenschaft, Bd. I, Stuttgart, 1896, стр. 20.

Никопсии нынешнюю речку Негопсуху (черк. Неҭеҭсәҭоҭе «галечникова речка»), где сохранилось близ с. Ново-Михайловского большое поросшее лесом городище¹ по реке Псебе, водоразделом отделенной от притока Кубани Псекупсе, т. е. древнего Псахапсия. Что же касается могилы Симона Кананита, то уже в VIII—IX веке, по словам монаха Епифания, существовала еще другая могила, также приписывавшаяся ему же, в Боспоре,² и нет ничего странного, что на карте системы Риона у Gamba³, на которую ссылается Brosset, «могила апостола Симона» оказалась нанесенной на правый берег речки без имени, видимо, Гумисты, между Кодором и другой безымянной речкой (Псырцха), близ устья которой указана старая крепость Анакопия.

Также необходимо совершенно исключить сделанное автором книги «Абхазия и Ново-Афонский монастырь» (архимандритом Леонтием Кавелиным) отождествление реки Псырцха с рекой 'Αφρος византийских и античных писателей. Согласно с перипломом IV века до нашей эры псевдо-Скилака Кариандского,⁴ сохранившим древнейшее упоминание этой реки, Флавий Арриан помещает ее южнее устья Фазиса к северу от современного турецкого местечка Архаве ('Αρὰβις Скилака и 'Αρχαρις Арриана) в 1000 стадий, то есть 133½ мили (по периплу Безымянного) от Трапезунта.⁵ На том же почти расстоянии 140 миль от Трапезунта указывает реку и крепость Плиний, в 70 римских милях от Фазиса.⁶ Поэтому несомненно, под Апсаром надо разуметь реку Чорох, позднее более известную у греков в нижнем ее течении под именем Акампис «непреклонная», в переводе на армянский «чотохиели» (totoḡiēli), откуда может быть современный Чорох, тогда как город в 15 стадиях к югу (по Арриану) от устья реки продолжает и в эпоху Прокопия Кессарийского (Bell. Goth. IV, 467 В = 568—569Р) носить название Апсарунт (Αψαρὺνς), сохраняя, следовательно, далеко на юге национальное самоназвание современных абхазов Аҭс-wa⁸.

¹ Записки Музея Природы и Истории Черноморского побережья Кавказа, вып. 1, Новороссийск, 1916, стр. 11.

² Джавахов И. Проповедническая деятельность ап. Андрея и Св. Нины в Грузии. В: Журн. Мин. Нар. Просв., 1901 г. Янв., стр. 110.

³ Gamba. Voyages dans la Russie meridionale, t. I, Paris, 1826, стр. 339.

⁴ Скилак Кариандский. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии. В: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, том 1, СПб., 1893, стр. 86.

⁵ Латышев В. В. Цит. соч. стр. 219, 273, 276.

⁶ Плиний Секунд. Естественная история. В: Латышев В. В. Цит. соч. т. II, СПб., 1904, стр. 178.

⁷ Tomaschek. Akampsis В: Pauly-Wissowa. Realenzyklopädie der klassische Altertumswiss., Bd. I, Stuttgart, 1896, стр. 1146.

⁸ Март Н. Я. Термины из абхазо-русских этнических связей «Лошадь» и «Тризна», Ленинград, 1924, стр. 18.

Отмеченный Птолемеем¹ между реками Фазисом и Апсаром город Севастополь, конечно, нельзя смешивать с одноименным городом на месте Диоскурии, именем которой у Птолемея и отмечен этот пункт в ту эпоху, когда Диоскурия уже давно не существовала. Скорее Севастополь Птолемея можно идентифицировать с городом Фазисом, который, согласно Киперту,² (правда вряд ли с эпохи Траяна, как он думает, а, видимо, позднее) стал также называться Севастополем.³ Именно этот Севастополь указывается в перечислении мест, якобы, посещенных апостолом Андреем в «Каталоге апостолов» Епифания, епископа Кипрского (IV веке н. э.), на который ссылается вышеупомянутый монах Епифаний (VIII—IX в. н. э.),⁴ как это видно из совокупности названных пунктов: «Севастополь Великий, где находится укрепление Апсар и гавань Исса (современная Сюрмене между Офом и Трапезунтом) и река Фазис». Ламберти⁵ также упоминает о Севастополе, близ устья Фазиса, разрушенном и находящимся под водой.

Таким образом, никакого другого более древнего, чем Никофанакопия, названия, относящегося к античному времени, для Нового Афона или Псыртхи неизвестно и во всех дошедших до нас древне-греческих периплах непосредственно после Диоскурии называется только Питиунт, то есть Пицунда, соответствующая, видимо, «Сильной крепости» — «Картеронтих» у Птолемея⁶ на расстоянии 360 стадий, по Страбону, и 350 стадий по Флавию Арриану, друг от друга. Диоскурию же следует искать на месте более позднего Севастополя, имя которого и помечено в некоторых древних рукописях

¹ Hansen. De gentibus in Ponto orientali inde a Thermodonte fluvio ad Phasim usque habitantibus, Kiel, 1876, стр. 43.

² Kiepert H. Lehrbuch der alten Geographie, Berlin, 1878, стр. 88.

³ Miller Konrad. Itineraria Romana, Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana, Stuttgart, 1916, стр. 653.

⁴ Васильевский В. Г. Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян. В: Журн. Минист. Народн. Просвещения ч. CLXXXVIII—CLXXXIX янв. стр. 51; фев. стр. 162. — Труды, т. II, вып. 1, СПб, 1909, стр. 226, 266.

Джавахов И. Проповедническая деятельность ап. Андрея и св. Нины в Грузии. В: Журн. Мин. Народ. Просвещ., 1901 г., янв. стр. 110. Автор, повидимому, не различает упомянутых двух лиц: монаха Епифания, путешествовавшего на Босфор Кимерийский в VIII—IX в. и Епифания, епископа Кипрского, умершего в 403 году.

⁵ Ламберти Арканджело. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, перев. с итальянского. В: Сборн. Материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 43, Тифлис, 1913 г., стр. 2 и карта.

⁶ Ptolomei Claudii. Geographiae, ed. Dr. Frid. Guil. Wilberg, I, fasc. 1 Es-sendiae, 1838, стр. 335.

Географии Птолемея рядом с названием Диоскурии, при чем на карте в этом случае оба названия оказываются заключенными в одну общую четырехугольную рамку, отмечающую наименования городов.¹ Действительно на принадлежность обоих названий одному пункту имеется прямое указание еще у Арриана, совершившего лично плавание по Черному морю до Севастополя в 134-ом году нашей эры.

В своем отчете императору Адриану об этой, видимо, инспекторской поездке по гарнизонам он пишет:² «Миновав реку Астелеф, мы раньше полудня прибыли в Севастополь, в 120 стадиях от Астелефа, двинувшись от Хоа. Поэтому мы в тот же день успели выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров. Севастополь основан милитянами и прежде назывался Диоскурией... Крепость Диоскурия представляет собою конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт». При этом Арриан дважды приводит расстояние от Трапезунта до Севастополя: сумма расстояний от Трапезунта до Диоскурии, ныне называемой Севастополем, составляет 2260 стадий. Это расстояние переведенное в современные меры из расчета, что аттический стадий, который обычно полагают в основе перипла Арриана, равняется по Н. Nissen'у³ 177,4 метрам, достигает около 400 километров, что лишь немного превышает морской береговой путь от Трапезунта до Сухума. Однако, вопрос о приурочении Севастополя к Сухуму этим не решается и требует специального рассмотрения. Но прежде, чем перейти к нему необходимо остановиться еще на той неясности, какая вносится Плинием в вышеуказанную связь Диоскурии и Севастополя. Упомянув Севастополь впервые (Страбон о существовании его не знает совсем). Плиний несомненно не предполагает о том, что римская крепость была построена на развалинах древней Диоскурии, о которой он говорит со слов Тимосфена (III в. до нашей эры). Эта неосведомленность Плиния вполне естественна, так как Севастополь, первоначально крепость, мог появиться не ранее анексии Римом Черноморского побережья,⁴

¹ Ptolemaeus. Geographie de Ptolémée, reproduction photolithographique du manuscrit grec de monastère de Vatopédi au mont Athos, exécutée sous la direct. de Pierre de Sévastianoff, Paris, 1867, лист XCIV.

² Арриан Флавий. Объезд Евксинского Понта. В. Латышев, В. В. Цит. соч. том 1, стр. 222.

³ Nissen H. Griechische und römische Metrologie. В: Müller Iw. Handbuch d. klass. Altertumswissenschaft, Bd. 1, (2 Aufl.) стр. 857.

⁴ Ростовцев М. И. Военная оккупация Ольвии Римлянами, В: Изв. Археол. Комис., вып. 58, Петербург, 1915, стр. 5.

то есть после изгнания Митридата, от которого Плиний видимо получил в Риме некоторые новые сведения о восточном Черноморьи.¹ Сам же Плиний лично не был на месте, и его описание является ученой компиляцией многообразных источников новых и старых, которые он стремился объединить, не обращая часто достаточного внимания на их разновременность. Нередко у него имена давно исчезнувших и легендарных народов и мест переплетаются с современными ему и достоверными сведениями, значительную часть которых Плиний почерпнул, как думают Detlefsen и Klotz из официального путеводителя эпохи Митридатовских смут на Босфоре. Но несомненно, что и эти последние сведения оказываются у Плиния подновленными, как видно по упоминанию им ряда совершенно новых римских укреплений (*castellum*) по южному и восточному побережью Черного моря. М. И. Ростовцев² считает, поэтому, что сам основной итинерарий, использованный Плинием, должен датироваться эпохой более поздней, чем полагают упомянутые немецкие исследователи Плиниевой географии, и что этот путеводитель лег в дальнейшем в основу Аррианова перипла. Однако, если присмотреться к интересующему нас тексту Плиния можно видеть, что дело обстоит еще сложнее. Та часть описания Плиния, которую М. И. Ростовцев сравнивает с Аррианом, скорее совсем не принадлежит упомянутому путеводителю эпохи Клавдия, поскольку в этой части отсутствуют данные о расстояниях, характерные для основного итинерария, содержащего указания римских миль в двойных шагах по следующим пунктам:³ Амис, Фарнакия (прежний Керасунт Страбона), Трапезунт, Абсар, Фасид, Севастополь, Гераклея (явно расположенная на север от Севастополя, а не на юг, как ошибочно иногда думают,⁴ отождествляя Гераклею с современной Анаклией) город и река Иер, государство Синдов и Боспор Киммерийский. Город Полемоний, очевидно, к этому ряду уже не принадлежит и назван отдельно с исчислением расстояния от Амиса. Также, повидимому, вне ряда упомянуты новые римские укрепления, как Триполь, Ливиополь, Филокалия, сведения о которых, несомненно, почерпнуты Плинием из самых свежих источников в эпоху, когда эти пункты, занятые римскими гарнизонами получили особое значение для Рима. Вместе с тем Плинием внесен в это описание сов-

¹ Klotz A. *Questiones Plinianaе geographicae*, В: Sieglin, *Quellen und Forschungen z. alten Geschichte und Geographie* 11, Berlin, 1907, стр. 34 и 174.

² Ростовцев М. И. *Скифия и Босфор*. 1925, стр. 55.

Латышев В. В. *Цит. соч.* том II, стр. 178—180.

⁴ Ивашенко М. М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. В: *Извест. Абхазского Научного Общества*, вып. IV, Сухум, 1926, стр. 96.

сем иной древний ряд приморских мало-азийских городов, исходя от реки Фермодонта,—Котиоры, Керасунт, Кордула, в тесной связи с древней скалой племен, восходящей к ионийским географам и сохраненной эллинистическим периплом, источником Плиния, который Detlefsen¹ приписывает предположительно Исидору из Харакса.

Указанным характером работы Плиния и объясняется, почему его описание побережья Черного моря с нашей точки зрения лишено планомерности. Плиний стремится все свои многочисленные сведения поставить на свое место, но ему это не всегда удается. В частности и с Диоскурией у него получается курьез. Цитируя описание Диоскурии Тимосфена, он не знает об отношении ее к новому Севастополю, местонахождение которого ему прекрасно известно из приводимого им итинерария, в котором ничего не говорится также и о Пиндунде. Поэтому оба эти города Плиний считает разрушенными, не зная об отношении этих городов к племени иниихов и ахейцев он пытается приблизительно этим, видимо, путем локализовать их в своей географии восточного Черноморья. Поэтому, несомненно, что из описания Плиния ни в коем случае нельзя делать каких либо выводов, как положительных, так и отрицательных об отношении друг к другу Диоскурии и Севастополя.

Но не подозревая, таким образом, о связи Севастополя с Диоскурией, Плиний сохраняет один ценный для нас топонимический термин, относящийся к реке, на которой стояла Диоскурия. В приведенном им названии этой реки *Anthemunta*² не трудно усмотреть попытку в греческом источнике Плиния, осмыслить и транскрибировать туземное название реки *ἄνθιμον* (по русски р. Гумиста) в экающей форме с местным абхазским префиксом и носовым наращением после него, вызванным, возможно, диффузным характером следующего транскрибируемого звука, то есть в виде *A+n-ἄνθιm(us)*, параллельном современному абхазскому в спирантной форме наименованию Сухума *A-kwa*. Это тем более интересно, что по остроумной догадке академика И. А. Орбели³, греческое наименование города в честь близнецов Диоскуров может иметь подкладку в туземной этимоло-

¹ Detlefsen. *Die Anordnung der "geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen*. В: Sieglin, *Quellen und Forschungen zu alten Geschichte und Geographie*, 18, Berlin, 1909, стр. 63—65.

² *Plinius Secundus. Nat. Hist. lib. VI*. В: Латышев В. В. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе*, т. II, СПб., 1904, стр. 179.

³ Орбели И. А. Город близнецов *Διοσκουρίη* и племя возниц *Ἰνίοι*. В: *Журнал Министерства Народного Просвещения* 1911, май, стр. 207. (Учесь: Марр Н. Я. *Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян*. В: *Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ.*, т. XXV, Петерб. 1921, стр. 254).

гии местного названия Цхум в смысле близнецов в виде *tkum, с чем близко родственно мегрело-чанская форма ik-b 'близнецы' 'двойня', 'пара' при обще-семетическом корне t-m, используемом для термина 'близнецы' в арабском ٲٲٲٲ, ٲٲٲٲ, в еврейском ٲٲٲٲ¹ и пр.

Однако именно этот последний факт, делающий возможным распространение топонимического наименования с основой Цхум, не дает еще сам по себе достаточного основания приурочивать Диоскурию к современному Сухуму.

В этом отношении более можно получить из рассмотрения очертавший восточно-черноморского побережья у Птолемея, позволяющего заметить, в то же время, и связь Диоскурии с Севастополем Плиния и Арриана, несмотря на разницу источников, которыми они пользовались. Город Диоскурия отделяется у Птолемея² от Фазиса теми же реками с некоторыми пропусками и изменениями, как у Арриана Севастополь-Диоскурия и у Плиния Севастополь. В его описании перечисляются река Хариуста (Хариент, у Арриана и Плиния), затем город Сиганей, соответствующий реке Сигания, у Плиния, и река Сингам, у Арриана (с характерным наращением *n* на последующий *g*), в которых почти все авторы узнают Ингур (Sin-gan V !h'in-gur³) и далее идут реки Кианей и Ипп, вместо которых у Арриана река Тарсур (у Плиния Thersos) и Ипп. Так как в Безымянном перипле реки Ипп (лошадиная) и Тарсур имеют еще второе наименование Лагумпса и Мохы, их легко идентифицировать с современными реками Лагвашем и Моквой, хотя сейчас наименование «лошадиной» — Цхенис Цкали приурочивается к речке, расположенной между ними. К югу от устья Моквы на берегу старого ее протока, речки Джукмур в районе Очемчирского порта удалось обнаружить сейчас на трех холмах сверх значительно более древнего энеолитического культурного слоя, остатки древне-греческого поселения (с чернолаковой аттической керамикой IV—V века), в котором возможно признать древне-греческий город Гиин

¹ Марр Н. Я. О числительных. В: Языковедные проблемы по числительным 1, Ленинград, 1927, стр. 67.

² Птолемей. География IX₂. В: Латышев, В. В. Цит. соч., т. 1, стр. 240.

³ Марр, Н. Я. Из поездок в Сванию. В: Христианский Восток, том II, СПб, 1913, стр. 2, прим. 2. Праформа *hengur для названия Энгур, как произносят Ингур грузины, восстанавливается здесь независимо от вышеприведенных названий реки у римских писателей, а как двухсоставный этнический термин санегеры, двойник эгер-сванов или мегрело-сванов, согласно, теории автора.

или Гуен (Γουέν)⁴, названный в перипле IV века (Псевдо-Скилака) между Диоскурией и Фазисом и, повидимому, разрушенный вскоре, так как его уже нет в более поздних упоминаниях, если не считать разночтений⁵ в географическом словаре Стефана Византийского, пользовавшегося старыми источниками. Приурочение колхидского города Гиина к устью Моквы сделал еще Dubois de Montpéroux³ (хотя он неверно отождествил р. Мокву с Астелефом, а не Тарсуром Арриана), на основании того, что именно здесь, на карте Арканджело Ламберти, помечено селение Тгуанас (Tguanass), созвучное греческому Γουέν. В настоящее время от этого селения незаметно и следа, но по свидетельству Д. И. Гулия,⁴ живет еще до сих пор в этой местности название урочища Дуана.

Находка на реке Мокве, то есть Тарсуре Арриана древне-греческого поселения, соответствующего древнему Гиину, дает основание предполагать, что и река Кианей или Куаней (Κυανέος) Птолемея может оказаться лишь иной транскрипцией того же имени, как река и город Гиин (Γουέν) в перипле Псевдо-Скилака, а следовательно река Кианей может действительно соответствовать, если не р. Тарсуре-Мохы Безымянного перипла, то расположенной в пяти километрах к югу от нее реке Гализге. Действительно отметку обоих названий Кианей и Тарсура мы видим на карте, приписываемой К. Miller'-ом римскому географу Касторию, VI века нашей эры, и известной под именем Tabula Peutingeriana. Здесь между Фазисом и Севастополем назван ряд пунктов, в которых легко узнаются имена рек периплов Плиния, Арриана и Птолемея, а именно, начиная от Фазиса, — Phasin, Cariente (Charien Плиния), Chobus, Sicanabis (Sigania Плиния) Cyanes, Tassiros (Thersos Плиния) и Stemplo (Astelephus Плиния).⁵

Станным образом Птолемей за рекой Ипп до Диоскурии не ука-

¹ Куфтин Б. А. Докладная записка об осмотре места древнего поселения в районе Очемчирского портстроя (Рукопись от 1 ноября 1935 г., Отдел Охраны Памятников Культуры Грузии и Абхазский Краеведческий Музей), стр. 5—6.

Куфтин Б. А. Отчетный доклад об организации и ходе археологической работы на территории Очемчирского портстроя в ноябре-декабре 1935 года. (Рукопись от 1 января 1936 г. Там же). Ныне обе эти записки вошли в «Материалы к археологии Колхиды» II.

² Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881, стр. 461.

³ Dubois de Montpéroux Fr. Voyage autour du Caucase, t. I, Paris, 1839, стр. 309 и 336.

⁴ Гулия Д. И. История Абхазии, том I, Тифлис, 1925, стр. 162.

⁵ Miller K. Itineraria Romana. Stuttgart, 1916, стр. 631—634, карты 205—206.

зывает более реки, совершенно пропуская реку Кодор, которой у Плиния и Арриана, согласно приводимому расстоянию, соответствует река Астелеф, Астелф (Стемпло Пейтингеровой карты). Возможно поэтому, что река Ипп Птолемея не означает ту же реку, что Ипп Арриана, а отмечает собою именно реку Кодор. Это предположение подтверждается очертанием берега на карте Птолемея, где легко заметить между Диоскурией и Фазисом, помещенным в глубоких заливах, соответствующих Сухумской бухте и озеру Палеостому, три выступающих мыса, в которых узнаются, в этом случае, Потийский маяк, мыс Анаклия и мыс Искурия или Кодорский, а в заливах между ними Редут-Кале (Кулеви) и Очемчиры. Река Chrysorroas (золототечущая) Плиния, в таком случае, будет соответствовать современной реке Келассури, протекающей на 4 км к югу от Сухума. Причем возможно, что как первое, так и второе название с греческого *χρυσόροος* 'теснины', 'ущелье', одинаково являются одновременными осмыслениями какого-то созвучного туземного названия, вроде груз.-мегр. *qega-tkari* 'золотистая', 'рыжая'¹ 'река'. Реке Гумисте, которая, согласно Чернявскому,² некогда впадала в море южнее маяка по старому руслу близ Сухума, соответствует по вышеприведенным соображениям другая река Плиния Anthemunta, упомянутая им в связи с Диоскурией.

Здесь необходимо заметить только, что указанное приурочение приводимых перечисленными авторами рек к современным возможно, если признать вместе с Ф. К. Бруном,³ что устье древнего Фазиса эпохи Арриана не совпадало с устьем современного Риона, а находилось южнее. Действительно лишь в этом случае становится с одной стороны понятным, почему в перипле Арриана расстояние между Севастополем и Фазисом оказывается значительно преувеличенным, сравнительно с расстоянием от Поти до гор. Сухума, и с другой возможным совместить реку Хоб (Плиния и Арриана) и соответствующую ей в перипле Псевдо-Скилака реку Хорс с речкой Хопи у

¹ Ср. этимологию *χρυσό-ς* у Марра Н. Я. Скифский язык. В: По этапам развит. яфет. теории, М—Л 1926, стр. 345—346. Примеч. 1.

² Чернявский В. И. Из исследований в юго-западном Закавказье В: Изв. Ин. Рус. Геогр. Общ. т. XIII—5, 1877, стр. 341—345.

³ Брун Ф. К. Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасным картам. В: Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., том IX, 1874.—Черноморье, том II, Одесса, 1880, стр. 250.

с. Кулеви (Редут-Кале) и с селением Хорга, занимающим ныне значительную часть берега этой реки.¹

Напротив совершенно неосновательно, как правильно замечает Tomaschek,² ради некоторого сходства в наименовании относить сюда же реку Конб (Cohibus) Тацита (Hist. III, 48), где он помещает не упоминаемое здесь более никем, вероятно синдское, племя седохезов (sedochezi).

Следуя указанному Аррианом расстоянию между реками Хоб и Харриент, именно в последней реке следует видеть современный Рион, а в названии Харриент „Приятная“ вероятное осмысление его туземного имени может быть именно, как думает Kiessling,³ *Rien* в значении „река“ с префиксом *ha* ⁴ поскольку в других источниках вместо Харриент стоят Хариуст (Птолемей) Хариен (Плиний) и Арий (Псевдо-Скилак). Но где в таком случае искать самый Фазис?

Нельзя не обратить прежде всего внимания на любопытный факт, что древние авторы расходятся в локализации самого крупного в Восточном Черноморье города Фазиса в отношении устья одноименной реки. Так, согласно Арриану, статуя городской богини стоит *при входе с моря* в устье Фазиса *по левую сторону ἐν ἀριστερᾷ*⁴ и ничто не указывает, чтобы она могла быть отделенной рекой от крепости и примыкающего к последней городского поселения, которые следовательно также расположены к северу от устья Фазиса. Это положение подтверждается Безымянным периплом, прямо говорящим об этом:⁵ *Εἰς ὅκων δὲ εἰς ποταμὸν ἀριστερᾷ τοῦ Φάσιδος παράκλιτα: Μιλήσιον πόλις Ἑλληνὶς Φάσις λεγόμενη.* — «При входе в реку слева Фазиса расположена эллинский город, называемый Фазис». Напротив Птолемея помещает город Фазис на четверть градуса южнее

¹ Ельницкий А. В. в статье „Из исторической географии древней Колхиды“ (Вестник Древней Истории 1938 года № 2), не допуская возможности значительных перемещений устья Риона после античной эпохи (стр. 314) и полностью доверяя Дюбуа де Монпере в том, что он нашел действительно развалины крепости Фазис, описанной Аррианом (стр. 312 — 314), принужден отказаться, в своем размещении древних названий на современную карту восточного побережья Черного моря, от каких бы то ни было звуковых соответствий, за исключением Моква-Мокха и „архангелская Диоскуриада“—мыс Искурия, которую он, таким образом, отрывает от Диоскурии Птолемея, Диоскурии-Севастополя Арриана и современного Сухума (стр. 318).

² Tomaschek, Cohibus В: Pauly-Wissowa, Realenziklopädie d. klass. Alt., Bd. IV, Stuttgart, 1901, стр. 231.

³ Kiessling, Roan. Там же, Stuttgart, 1914, стр. 943.

⁴ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, том I, СПб., 1893, стр. 274.

⁵ Латышев В. В. Цит. соч., том I, стр. 274.

устья реки Фазиса. Прокопий же Кесарийский¹ уже в VI веке решительно заявляет, что по южную сторону реки Фазиса нет ни одного города, укрепления и селения, кроме крепости Петры, построенной римлянами, и на этом основании отвергает даже возможность согласиться с древним преданием о том, что золотое руно, находившееся на азиатской стороне Фазиса, могло в то же время быть не отделенным от царского дворца рекой. Вместе с тем младший современник Прокопия, Агапий (III в.)² совершенно определенно говорит, что река Фазис протекает на север от города.

Указанные противоречия не могут объясняться только недостаточным соответствием исторически слагавшихся представлений об общей географии Восточного Черноморья с действительностью и трудностями, возникающими на этой почве у отдельных авторов, приспособлять к существующей географической концепции отдельные и разновременные конкретные сведения. Прекрасным образчиком последнего действительно может являться, например, детальное описание Прокопия³ пути, по которому, оставляя справа (εὐ δεξιᾷ) реку Фазис, лазские проводники вели персидское войско из Иберии к крепости Петре,⁴ при явном недоучете того, что в восточный угол Черного моря впадают две крупных водных артерии Риони и Чорох, а не одна река Фазис (текущая из Армении), о которой только и говорит Страбон (Geogr. XI гл. 17; гл. 14, 7) в описании Колхиды, упоминая для Армении второй Фазис, также впадавший в Черное море вместе с рекою Лик, согласно, видимо, раннему эллинистическому источнику, общему с использованным Аполлоном Родосским (Arg. IV 132 — 135).⁵

Действительно, точно описывая р. Боас, т. е. верхний Чорох, берущий «начало в Армении у Фарангия близ чанов», текущий вправо, параллельно побережью, и резко сворачивающий затем к морю, Прокопий (de rebus persarum),⁶ неожиданно, называет его здесь Фа-

¹ Procopius Caesariensis. Procopii historiarum temporis sui. Venetiis, 1729, tetras altera, стр. 182.

² Agathias Myrinaeis, Historiae. В: Historici Graeci Minores, ed. L. Dindorf, II, Lipsiae, 1871, стр. 272. = Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, pars III, Bonnae, 1828, стр. 183.

³ Procopius Caesariensis. Цит. соч., tetras prima, стр. 188.

⁴ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Перев. С. Дестуниса, кн. 2, СПб, 1876, стр. 230.

⁵ Латышев В. В. Цит. соч. т. I, стр. 422 и 433.

⁶ Procopii Caesariensis historiarum temporis sui. Venetiis, 1729, tetras prima, стр. 188.

зисом, на что уже обратил внимание русский издатель Прокопия С. Дестунис.¹ Правда после (de rebus gothorum),² не вспоминая о сделанной ошибке, он дает нижнему течению Боаса правильное название Акампис, «непреклонная», под каким именем известна в периплах Арриана и Плиния река, соответствующая по местоположению современному Чороху, хотя последний автор сам и оказался не в состоянии идентифицировать Акампис (Акампеон) с другим для того же Чороха названием Апсар, каковое имелось для этой реки уже в IV веке до н. э. в перипле псевдо Скилака и сохранилось у Птолемея. В эпоху Арриана, лично совершившего морской путь мимо этих берегов³ и проплывшего устье Чорохи ночью, название Апсар (якобы от могилы Апсирта) осталось, видимо, только за укрепленным местечком с пятью римскими когортами в 15 стадиях к югу от Акампися, где-то недалеко от нынешней крепости Гонии, и конечно автор Безымянного перипла ошибается, когда цитируя почти дословно Арриана, вместо местечко Апсар, пишет река Апсар.⁴

Совсем иного мне кажется происхождения вышеуказанные противоречия, относительно взаиморасположения города и реки Фазиса. Арриан, производивший в Фазисе укрепительные работы, дал несомненно вполне точные сведения о том, на каком берегу реки находился город. Трудно также заподозрить в ошибочности и утверждение Агапия, связанное с детальным описанием хода военных событий, передвижения войск по Фазису и переправ через реку между так называемым «Островом» и городом Фазисом, поскольку и самый «Остров» удастся вполне точно узнать и локализовать, согласно его описанию. Между тем картина Агапия отличается от Арриановой; вместе с тем она совпадает с данными Птолемея. Несомненно мы имеем в этом указание на совершившиеся перемены во взаимном расположении города и реки скорее всего в связи с изменениями русла древнего Фазиса, поскольку устье Фазиса Плиния и Арриана, как мы видели выше, не совпадает с устьем современного Риони. Если согласиться с этим, можно думать, что еще в эпоху Арриана главные воды Риони имели другое русло, именно реку Пичеру, являющуюся наиболее пониженной осью Колхидской долины. Современное же русло Риона, питаюсь во всяком случае водами Циви и Техура, представляло собою как раз ту реку, которую Плиний и Арриан отмечают между Фазисом и Хобом (т. е. рекой Хопи) под именем Ха-риен. При-

¹ Прокопий Кесарийский. Цит. изд. кн. 1, СПб, 1876, стр. 190, 192—199 примеч. 13, 14 а, б.

² Procopius Caesariensis. Цит. соч., tetras altera, стр. 180.

³ Латышев В. В. Цит. соч. т. I, стр. 218, 219 и 222.

⁴ Латышев В. В. Цит. соч. т. I, стр. 273.

родный характер местности, повидимому, допускает возможность подобных крупных изменений в течении Риони в историческое время, поскольку очень низкая Колхидская низменность, залив геологически древнего замкнутого Черноморского (Чаудинского и Эвксинского, по Н. Андрусову)¹ бассейна, представляет собою область энергичного накопления осадков, которые, с одной стороны, постоянно повышают ложе главной артерии, с другой, заполняя древнюю морскую бухту, приводят к постепенному нарастанию морского берега в районе устья Риона со скоростью более 6 м в год, что следует из сравнения планов с очертанием береговой линии (и прибрежных глубин) в 1804, 1870, 1892 и 1923 г.г.,² а также и из непосредственного наблюдения расстояний, на которые отодвинулись, например (около 2½ км. от моря), турецкая крепость, построенная в 1578 году у самого устья Риона (теперь в городском саду), или укрепление Малое Поти, показанное еще на карте 1804 года вблизи самого моря, а ныне отстоящее от него на целый километр. В результате указанного процесса русло Риони оказывается лежащим ныне выше окружающих болотистых низин, затопляемых полыми водами и несущих на себе многочисленные следы старых русел в виде подковообразных озер.

Бифуркация Риони и Пичеры в разное время могла осуществляться в разных местах и в частности выше впадения Техура там, где правый приток Пичеры Деда Скурда близко подходит к одному из загибов русла Риони. При производстве физико-географических изысканий в Колхидской низменности, в связи с вопросами мелиорации, в 1928 году в этом месте, между урочищем Богорони и Бакуром, исследователями³ были отмечены следы древних рвов, соединяющих Риони с рекой Скурдой, как бы с целью осуществлять частичную бифуркацию Риони в Пичеру после того, как Пичера стала терять свою первоначальную роль. Если эти сведения удастся подтвердить в дальнейшем, в этих рвах возможно усмотреть следы гидротехнических работ римского времени подобных тем, о которых упоминает Агапий (II₂₁)⁴ в описании „Острова“, говоря, что «река Фазис и Докон, отдельно вытекающие с Кавказских гор подходят друг к другу так

¹ Androussoff N. Le Pliocène de la Russie méridionale d'après les recherches récentes. Отт. из Věstn. král. čes. spol. nauk. Tr. II, Prague, 1927, стр. 8, (карта).

² Сахаров В. В. Потийский порт. Материалы для описания русских портов, вып. XIII, 1894 г. стр. 30, черт. 6.

³ Зунтуриди И. Г. Физико-географический очерк Колхидской низменности и мелиорация ее заболоченных районов, Тифлис, 1928, стр. 21.

Agathias Myrinaeis. Historiae libri quinque. В: Corpus script. histor. Byzantinae, pars III. Bonnæ, 1828, стр. 111=Hist. Gr. Min., II, Lipsiae, 1871, стр. 216.

близко, что римляне вырыли канаву и отвели воды Фазиса в Докон так, что, соединяясь на восточной стороне острова, реки окружают местность, изгибаясь же и разделяясь далее, охватывают довольно большое поле, наконец сливаются на западе и образуют настоящий остров». Этот „остров“ как раз и находится вблизи указанного места по другую сторону Риона. Именно здесь угол между Рионом и Техуром, отрезаясь с восточной стороны двумя протоками речки Судгар, впадающими как в Рион, так и в Техур, носит грузинское название Исулети (ისულეთი), от латинского insula¹ „остров“ и здесь ныне находится селение Исула.

Действительно сюда же приводит и указанное Агапием расстояние от города Фазиса до Острова в 6 парасангов, с замечанием, что размер парасанга считается в 30 стадиев, то есть, следовательно, не по бинарной римской системе, исчисляющей часовой путь (4 мили по 8 стадиев каждая) в 32 стадия, а по принятой в это время в восточных странах сексагезимальной системе, получившей начало в египетской и вавилонской астрономии, с делением часа на 30 ступеней.

Кладя в таком случае в основу размер обычного «геодезического» (не «царского») египетского локтя в 462 мм ($\frac{1}{2000}$ периметра пирамиды, равной $\frac{1}{2000}$ «проекции» диска солнца на земле), широко распространившегося и в греческих странах, особенно в виде аттического фута (по Плутарху $\frac{1}{100}$ ширины ступени Парфенона т. е. 308 мм)² в $\frac{2}{3}$ этого локтя, и применяя последовательно не греческую, а восточную практику, то есть повторяя локоть 360, а не 400 раз (как $\frac{2}{3}$ от множителя 600, используемого в случае греческого фута), мы получаем для стадия величину в 166,32 м. Шестьдесят этих стадиев составляют по Геродоту (II₆) один египетский схен (σχοῖνος)³ то есть (itur) «атер», половиной которого и является парасанг в 30 стадиев, именно, 4989,6 метров. На практике парасанг мог быть и еще меньше, что следует из замечания Эратосфена о существовании еще так называемого путевого греческого стадия, исчисляемого в 240 ($\frac{2}{3}$ от 360) простых шагов (βῆμα), то есть в 157,5 м. С другой стороны в эпоху

¹ Kiessling, Ris B: Pauly-Wissowa, Realencyklopädie d. klass. Alt., Zweite Reihe. Bd. I, Stuttgart, 1914, стр. 922.

² Petrie Flinders. Heights and Measures, ancient and historical. В: Enciclopedia. Birt. 13-th ed. London, Vol. 28, стр. 482.

Hultsch F. Griechische und römische Metrologie, Berlin, 1882, стр. 33.

³ Nicholson E. Men and Measures, a History of Weights and Measures ancient and modern, London, 1912, стр. 17.

8, Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

арабского халифата был известен парасанг Ибн-Хардабдеха¹ в 20 стадиев из расчета 25 парасангов в одном градусе то есть, согласно, видимо, принятой Хардабдехом системы Птолемея (Посидония, Страбона), а не Эратосфена, с градусом в 500, а не 700 стадиев. Очевидно это не столько приводило к иному в корне пониманию величины парасанга, издавна зафиксированной на территории подвластной персам неоднократными измерениями путей, расположениями станций и размерами взимаемых на основании этих измерений налогов (Геродот, V 52, 53; VI 42), сколько отражалось на принятой в данное время системе мелких делений. Только таким образом может найтись объяснение и другое замечание о парасанге Агапия, что современное ему местное население Кавказа, именно, иберы, лазы и персы считают в парасанге не 30, а 21 стадий, иначе говоря делят его на 3 мили по 7 стадиев в каждой. Следовательно мы получаем здесь от Агапия еще одно новое указание: именно, на применение в расчетах линейных мер на территории Колхиды также еще и септенарного деления, которое несколько позднее было зафиксировано в задачнике армянского математика Анания Ширакского,² исчислявшего армянскую милю (milon) в 7 «ристалищ» (аспарэзов) по 107 (двойных) шагов (qayl) в каждой³. Этот факт семикратности в строении местного парасанга указывает на возможность ожидать в скале связанных с ним мер александрийско-пергамского семиладонного локтя в 540,5 мм (вспомним еще у Иезикиила в главе 40: «локоть в локоть с ладонью»), который согласно Fl. Petrie⁴ был принят в эпоху Птолемея в Египте и распространился в поздне-эллинистическое время по всей Передней Азии, почти соответствуя по размерам персидскому arasni

¹ Sprenger A. Die Post- und Rieserouten des Orients, Leipzig, 1864 = Abh. d. Morg. Gesellsch., Bd. III.

² Орбели А. Вопросы и решения вардапета Анания Ширакца армянского математика VII века, Петроград, 1918, стр. 63.

³ Дальнейший размер шага (qayl) исчислялся по греческой, но не по римской квинарной системе, не в 5, а в 6 футов (otn, буквально, по армянски, нога, как и греч. πούς), по 16 пальцев в каждом, иначе, следовательно, в 4 локтя (арабск. δsiraс — ذراع) по 24 пальца. Н. М. Токарский (Об основной армянской линейной мере. В: Изв. Акад. Ист. Мат. Культ. том III, Ленинград, 1924, стр. 330—331) принимает для армянской измерительной единицы вдвое меньшую величину, чем следует, так как неправильно понимает шаг qayl простым, а не двойным. Исходя из полученной Н. М. Токарским мелкой измерительной величины (16 — 17 см), армянский фут (otn) можно считать около 320 мм, то есть крупнее аттического фута (πούς) на 12 мм, и в точности совпадающим с арабской величиной 2/3 малого локтя дзира в 480 мм, согласно с размером арабского пальца в 20 мм как это установил еще Saigey (Traité de métrologie ancienne et moderne, Paris, 1834, стр. 78—80).

⁴ Petrie Fl. Цит. соч. стр. 483, 484.

(543,6 мм) и особенно арабскому, так называемому «черному» локтю, введенному ученым халифом Аль Мауном (ум. 833) в арабском халифате. В греко-эллинистическом мире этот локоть, несмотря на свое септенарное происхождение (возможно в связи с мистическим значением числа 7),¹ всецело подчиняется чуждой ему греческой скале, делясь, как обычно, на 6 ладоней, следовательно с увеличением их размера, что приводит к увеличенному футу, в четыре таких ладоней, и дает для соответствующего стадия в 600 футов величину 216 метров. Именно этот последний стадий помещается в парасанге действительно 21 раз, давая его размер в 4536 метров. Этот, таким образом, полученный местный парасанг менее чем на 200 м будет отличаться по абсолютному размеру от 30-ти стадийного парасанга, исчисленного по «путевым стадиям» Эратосфена (в 157,5 м); а именно в 4725 м.

Приняв, таким образом, во внимание все приведенные соображения для расчета указанного Агапием расстояния от города Фазиса до Острова в 6 парасангов, мы получим не менее 28 км., что полностью совпадает с расстоянием от устья Техура до линии древнего берега моря, которую для VI века следует проводить, при вышеупомянутой скорости нарастания дельты Риона, в среднем около 6 метров в год, километрах в семи-восьми восточнее нынешней береговой линии. В таком случае, как это правильно предположил еще в свое время кутаисский краевед Н. И. Шафранов,² в местечке Наджихур (в переводе с грузинского «место, где была крепость») около Черной речки, где Дюбуа де Монпере³ пытался узнать в следах развалин, выступавших из под болота, крепость Фазис, описанную Аррианом, надо видеть, скорее, укрепление Фазис эпохи Агапия. Это в настоящее время четыре курганообразных холма, из которых только в двух западных, а не четырех, как рисовалось Дюбуа, удалось Шафранову в 80-тых годах, несмотря на бурения до сажени в глубину, зарегистрировать остатки строений (стен и башен) из древнего кирпича (по Дюбуа размером 26,7×15×2,5 см) на красном (от примеси шамота) цементе и со-

¹ Nicholson E. Цит. соч. стр. 21.

² Шафранов Н. И. Образование Рионской низменности в течении исторического периода. Материалы для древней географии Колхиды. В: Сборн. сведений о Кутаисск. губ. вып. 1, Кутаис, 1885, стр. 42. Вопрос об «острове» на котором по Агапию был расположен римский лагерь, Шафранов рассматривает совсем иначе, неосновательно приближая его местоположение к устанавливаемому им устью Фазиса, по максимальному расчету, в 10 км, что никак не может соответствовать 6 парасангам Агапия.

³ Dubois de Montpéreux Fr. Voyage autour du Caucase etc., Vol III, Paris, 1840, стр. 67 сл.

брать сведения о существовавшем на площади между холмами скрытом уже в его время возвышении с погребениями и найденными там серебрянными «треугольными» монетами, вероятно «рубленными», (как это было принято) диргемами.

Если это действительно так (это могут установить лишь раскопки указанного места), то надо предполагать, что впадающий в Палеостом из Риони проток «Черная речка», видимо служивший незадолго перед этим руслом Риони, так что крепость Физис находилась на правом его берегу, в описываемое Агапием время уже затянулся наносами, и Риони нашел себе прямой выход к морю на север от селения. Следовательно, в VI веке нашей эры Риони имел почти тот же характер и течение как ныне.

Что же касается приведенного Агапием названия реки Do-qon ← * Do-qond, то в нем слышится, с озвончением начального согласного и перебоем конечного плавного во втором элементе, по типу языков шипящей группы, современное наименование Te-ḡur.

Все это заставляет искать местоположение древнего греческого города Фазиса еще далее на восток по Рионской низменности и ближе к современной долине реки Пичеры, то есть реки Фазиса Страбона, Плиния и Арриана, но не Птолемея, когда Фазис уже получил вероятно теперешнее свое устье, оставив город Фазис на четверть градуса, т. е. 125 птолемеевских стадий южнее от себя, в юго-восточном углу существовавшей все еще в эпоху Птолемея глубокой морской бухты, хорошо видной на составленных по данным Птолемея картах.

Однако вопрос о городе Фазисе, не решается конечно этим, а требует специальных изысканий на месте с учетом всех физико-географических изменений в прибрежной части Рионской долины и датировки их отдельных фаз археологическими памятниками.¹

В этом отношении необходимо прежде всего иметь в виду, что наряду с вышеупомянутыми явлениями заполнения осадками древней бухты, в которую впадал Риони, и продвижения в море его дельты и устьевых концов других рек Колхидской низменности, происходит по всему восточному Черноморскому побережью (как и северному его, украинскому)² иной еще процесс, — опускания берега и насту-

¹ Куфтин Б. А. Общая проблематика комплексного археологического и физико-географического изучения Колхидской низменности и план очередных работ (Рукопись доклада от 5-го января 1936 года, Наркомпрос ССР Грузии) стр. 9—10, 14 (см. Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1949).

² Выржиковский Р. Р. Современная трансгрессия Черного моря. В: Вестник Украинского Відділу Геологічного Комітету, вып. II, Киев, 1928, стр. 182—183.

пания моря на сушу. Несмотря на свою противоположность, это последнее явление, в условиях, когда Рион ежегодно доставляет в море не менее 9,5 миллионов кубометров¹ взвешенных веществ (не считая перемещаемого по дну реки материала), еще более усиливает первые, повышая базис эрозии и расширяя тем аккумуляционную зону в глубь страны. Этот же процесс опускания берега подпором со стороны моря грунтовых вод создает условия для заболачивания низин Колхидской низменности.

О положительном (в смысле Зюсса) перемещении морского берега в современный геологический период свидетельствуют многочисленные факты, в первую очередь, непосредственного погружения под уровень моря различных молодых континентальных образований, как-то переуглубленных (ранее эпохи последнего оледенения)² концевых русел ряда рек и отложенного ими аллювия, например в устьях рек Кубани (на 40—50 метров ниже уровня моря)³, Туапсе,⁴ Шахе, Мацесты,⁵ Сочи,⁶ Гумисты, Беслеты и Маджары в Сухуме;⁷ Кодора,⁸ Супсы⁹ и пр., торфяных отложений в районе Сухума,¹⁰ Поти

¹ Зунтуриди И. Г. Физико-географический очерк Колхидской низменности и мелиорация ее заболоченных районов, Тифлис, 1928 г. стр. 35—40.

² Ренгартен В. П. Геологический очерк окрестностей мацестинских и агурских минеральных источников. В: Матер. по общ. и прикладн. геологии вып. 56, Ленинград, 1927, стр. 21.

³ Мирчинк Г. Ф. Соотношение четвертичных континентальных отложений Русской равнины и Кавказа. В: Изв. Асс. Научн. Иссл. Инст. I МГУ, том II 3—4, Москва, 1928, стр. 346.

⁴ Петропавловский В. Н. К вопросу о Черноморской трансгрессии. В: Изв. Гос. Географ. Общ. том LXIV 4—5, Ленинград, 1932, стр. 353 и 358.

⁵ Ренгартен В. П. Цит. соч. стр. 20.

⁶ Петропавловский В. Н. Цит. соч., стр. 353—355.

⁷ Козлов А. Л. Предварительный отчет о геологических исследованиях в бывш. Сухумском у. в 1929 г. В: Изв. Всесоюз. Геол. Разв. Объедин., том LI, вып. 68, 1932, стр. 1015.

⁸ Ильин С. И. и Эберзин А. Г. Очерк геологического строения полосы третичных отложений Южной Абхазии. Тр. Нефт. Геол. разведов. Инст. сер. Б, вып. 54, Л—М 1935, стр. 20.

Михайловская О. Н. Четвертичные террасы Абхазии. В: Тр. Первого Всесоюзного Геогр. Съезда, вып. 3, Ленинград, 1934 г. стр. 89, (4-ая терраса Кодора обрывается над морем 17 метровым уступом).

⁹ Михайловский С. И. Геологические исследования в средней части нефтяных месторождений Турии (предв. отчет.) Изв. Геол. Комит. том XLVI, 1, 1927, стр. 1036.

Его же. О некоторых современных отложениях, террасах и ракушниках Черноморского побережья Кавказа и Крыма. Изв. Геол. Комит. 1927 г., том 46, № 7, Ленинград, 1928, стр. 744.

¹⁰ Руммель В. Ю. Материалы для описания русских коммерческих портов. вып. XXX, 1900 г., лист XI, XII.

(бз. Палеостома),¹ в Кобулетском торфянике² и пр., а также и береговых морских террас, в частности террасы, соответствующей вюрмскому оледенению, которая по последним данным находится, по видимому, на значительном протяжении восточно-черноморского побережья под уровнем моря, на глубине до 25—30 метр.³

В тех случаях, когда наличие палеонтологического материала позволяет точнее синхронизовать отдельные части одной морской террасы, удается проследить значительные нарушения горизонтальности и параллельности в них по восточно-черноморскому побережью⁴ и наблюдать, таким образом, наряду с последствиями евстатических колебаний уровня моря, приведших в сочетании с широкими эпейрогенетическими движениями⁵ к образованию единой для Средиземноморья системы морских террас,⁶ и отражение на береговой линии Кавказа взаимодействия сводовых (и глыбовых) вспучиваний Кавказского хребта⁷ и Аджаро-Триалетского нагорья⁸ с компенсацион-

¹ Шафранов Н. И. Образование Рионской низменности в течении исторического периода. В: Сборн. сведений о Кутаисской губернии, вып. 1, Кутаис, 1885, стр. 28—32.

² Докторовский В. С. О торфяниках Закавказья. В: Торфяное Дело, 1931, № 2, стр. 31.

Его же. Торфяные болота, изд. 2-ое М—Л 1935, стр. 188.

³ Рейнгард А. Л. Некоторые геоморфологические проблемы Кавказа и пути их разрешения (к вопросу о возрасте черноморских террас). В: Труды Первого Всесоюзного Географического Съезда, вып. 3, Ленинград, 1934 г. стр. 97—98.

Петропавловский В. Н. К вопросу о черноморской трансгрессии. В: Изв. Гос. Географ. Общ., том LXIV 4—5, Ленинград, 1932 г. стр. 355—358.

⁵ Добрынин Б. Ф. О террасах восточного Средиземья. В: Землеведение, том XXXIV 3—4, Москва, 1932, стр. 162, 169, 171.

Православлев П. А. Условия залегания послетретичных ракушников Азовского и Черного морей. В: Труды Геол. Муз. Акад. Наук СССР том. IV, Ленинград, стр. 165—169.

Depéret Ch. La classification du Quaternaire et sa corrélation avec les niveaux préhistoriques. В: Compte-Rendue de la Soc. Géol. de la France, Paris, 1921.

Павлов А. П. Неогеновые и послетретичные отложения Южной и Восточной Европы. В: Мемуары Геол. Отд. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этн., вып. 5, Москва, 1925, стр. 116—126.

Рейнгард А. Л. Несколько слов о причерноморских и долинных террасах Кавказа. В: Ежегод. по Геологии и Минералогии России, 1916 г., том XVII 4—5 стр. 81—84.

Рейнгард В. П. Геологический очерк окрестностей мацестинских и агурских минеральных источников. В: Матер. по общ. и прикл. геологии, вып. 56, Ленинград, 1927, стр. 21.

⁸ Кузнецов С. С. Аджаро-Триалетская складчатая система, М—Л 1937 г., стр. 152—156.

ными опусканиями Черноморской геосинклинали.¹ Такова наиболее типичная из морских террас Черного моря — «Карангатская»² (с солено-тепло-любивой средиземноморской фауной, типа мощных ракушников Дагомыса), вюрмской эпохи, по Григоровичу-Березовскому,³ рис-вюрмской, по Архангельскому, и рисской, по Б. Л. Личкову,⁴ которую Андрусов⁵ в посмертной специально посвященной этой террасе работе идентифицирует с тирренской и с значительным вероятием датирует, в отличие от более ранних своих представлений,⁶ миндель-рисской эпохой, что ныне подтверждается находками в ней С. Н. Замятинным⁷ под Очемчирами, в нижней толще охристых глин, мустьерских орудий, не позднее рисского оледенения, когда, следовательно, терраса эта уже существовала. Эта именно терраса и позволяет обнаружить в своих участках между Новороссийском и Очемчирами колебания высот: 12—15 метров в Туапсе,⁸ к северу от Ту-

¹ Личков Б. Л. К последним страницам геологической истории Черного моря. В: Проблемы Советской Геологии, том I, М—Л 1933 г. стр. 89—96.

² Архангельский А. Д. и Страхов Н. М. Геологическая история Черноморья. В: Бюлл. Моск. Общ. Испыт. Природн. Отд. Геол. том XI Москва 1932 г. стр. 58—60.

Архангельский А. Д. Краткий очерк геологической истории Черного моря. Путеводитель экскурсий II четвертично-геологической конференции, Л—М 1932, стр. 298.

³ Григорович-Березовский Н. А. Постплиоценовые морские отложения Черноморского побережья. В: Зап. Новор. Общ. Естеств. т. XXIV, Одесса, 1902, стр. 113—118.

⁴ Личков Н. А. К последним страницам геологической истории Черного моря. В: Проблемы Советской Геологии, т. I, М—Л, 1933, стр. 98—99.

Варданянц Л. А. Сейсмоструктика Кавказа. В: Тр. Сейсмич. Инст. АН СССР, № 64, М—Л, 1935, стр. 14.

⁵ Андрусов Н. И. Послетретичная Тирренская терраса в области Черного моря. В: Bull. International de l'Acad. de Science de Boheme, Praga, 1925, Отд. отт. стр. 6, 10 и 12.

⁶ Андрусов Н. И. Террасы окрестностей Судака. В: Зап. Киев. Общ. Естеств. том XXII, Киев, 1912 г. стр. 40. Автор относит террасу с этого типа фауны ко 2-ой межледниковой эпохе.

⁷ Мирчинк Г. Ф. Корреляция континентальных четвертичных отложений русской равнины и соответствующих отложений Кавказа и Понто-Каспия. В: Матер. по Четв. периоду, СССР Л—М 1936 г. стр. 24—25.

⁸ Пчелинцев В. Ф. Гидрогеологические исследования в Туапсинском районе Черноморского побережья. В: Тр. Всесоюз. Геол. Разв. Объедин. ВСНХ СССР, вып. 171, М—Л, 1931, стр. 10. Автор считает эту фауну и террасу постплиоценовой.

айсе (с. Небуг, фауна Л. Ш. Давиташвили),¹ к югу от Сочи (р. Бит-ха), 20—25 м к югу от Туапсе (фауна Л. Ш. Давиташвили), 29—30 метров в Сочи (Ботанический сад),² также между Сухумом и Очам-чирами, где наблюдается соответствие ее самому верхнему дну лед-никового трога реки Кодора³ и, следовательно, цебельдинской конеч-ной морене, и даже до 52 метров у устья Шахе и севернее у Матрос-ской щели,⁴ являясь, следовательно, то 2-ой; то 3-ей морской терра-сой Восточного Черноморья. В западном Крыму, Новороссии и Кер-чи карангатские слои уходят даже под уровень моря.⁵

О том, что указанное состояние береговой линии есть результат ни одних прошлых, хотя бы и геологически молодых колебательных движений, но и действующего в настоящее время процесса опуска-ния морского берега, особенно явно свидетельствуют такие явления, как отмеченный еще А. Неймом,⁶ между Новороссийском и Сочи, абразионный берег с висячими бороздами рек, не могущими успеть, в выработке своих долин, за береговой эрозией моря, песчаные дюны по Колхидскому побережью, образование которых возможно там, где на опускающийся берег моря доставляется избыточный песок, береговые бары, выдвинутые в море дельтовые низменности⁷ и ха-рактерные параллельные морю нижние течения рек,⁸ вроде Чаквис Цкали и др.

¹ Архангельский А. Д. Цит. соч. Путеводитель экскурсий II четвертич-но-геологической конференции, М—Л, 1932 г., стр. 294, рис. 3 (схема залегания морских отложений).

Архангельский А. Д. и Страхов Н. М. Цит. соч. стр. 28.
Мирчин Г. Ф. Цит. соч. стр. 23.

² Петропавловский В. Н. Цит. соч. стр. 357.

³ Рейнгард А. Л. Гляциально-морфологические наблюдения в бассейнах Куба-ни и Кодора на Кавказе летом 1924 г. В: Изв. Русск. Геогр. Общ. LVIII, М—Л, 1926 г. стр. 16—17.

⁴ Петропавловский В. Н. Цит. соч. стр. 358.

⁵ Архангельский А. Д. и Сахаров Н. М. Геологическая история Черного моря. В: Бюлл. Моск. Общ. Испыт. Природы, Отд. геологии, т. X Москва, 1932 г., стр. 31. Андрусов Н. И. Цит. соч.: Тирренская терраса, стр. 8—11.

⁶ Heim Albert. Geologische Nachlese № 9. Querprofil durch Central-Kauka-
sus längs der grusinischen Heerstrasse, vergleichen mit den Alpen. В: Vierteljahr-
schrift der naturforschenden Gesellschaft in Zürich, 43 Jahrgang. Erstes Heft, 1898,
стр. 27.

Рейнгард А. Л. К вопросу о четвертичном оледенении Кавказа. Докл. Ак.
Н., 1927, стр. 382.

⁷ Добрынин Б. Ф. Террасы Абхазии (Геоморфологический очерк) В:
Ученые записки МГУ, вып. V, География, Москва, 1934, стр. 140.

⁸ Кузнецов С. С. Геологический очерк Аджаристана. В: Тр. Совета по
изучению природы, ресурсов (СОПС), вып. 14, Материалы по геологии и петро-
графии Грузии, 1, М—Л, 1935, стр. 29.

Необходимо учесть также в этом вопросе и систематически проис-
ходящие сейсмического характера вертикальные смещения отдельных
участков суши восточно-черноморского побережья в сторону то по-
вышения, то опускания в зависимости от их тектонического строе-
ния и принадлежности к той или иной из сейсмотектонических зон
Кавказа.¹

На фоне всех этих явлений приобретают особое значение собран-
ные В. И. Чернявским² еще в 70-х годах в Сухуме факты, которыми
он доказывал, в противовес Дюбуа де Монпере, наличие процесса
опускания побережья Кавказа в историческое время. Так по его сло-
вам против северной части г. Сухума, на глубине 10 метров в море,
на расстоянии 200 саженей от берега, имеется основание огромной
башни, со стен которой рыбаки руками собирают устриц; между р.
Беслеты и так называемой Турецкой крепостью, заключающей в себе
фрагменты древних стен византийского и римского времени,³ выхо-
дят в море из под мощных наносов берега толстые стены, сложенные
из голыша с обломками античных черепиц и плоского кирпича на
„греческом“ красноватом цементе. На плане В. И. Чернявского, при-
ложенном к путевым записям П. С. Уваровой,⁴ эти стены отмечены
уходящими далеко, метров 60—100, от берега в море. Сюда же сле-
дует отнести и наблюдавшийся В. Сизовым⁵ погруженным ниже уро-
вня грунтовых вод упоминавшийся выше культурный слой с древне-
греческой керамикой на Ольгинской улице Сухума в 1886 г.

Насколько быстро происходит процесс опускания берега и как этот
процесс складывается из перемежающихся с отрицательными поло-
жительных движений, приведших к образованию в ряде мест самого
нижнего берегового уступа над пляжем (как наприм. гагринская 4½

¹ Бюс Е. Вопросы сейсмологии Закавказья В: Труды Тбил. Гос. Университета,
IV, Тбилиси, 1936, стр. 38.

Варданянц Л. А. Сейсмотектоника Кавказа В: Труды сейсмологического
института Ак. Наук СССР, № 64, М—Л, 1935, стр. 38, 78—80.

² Чернявский В. И. Из исследований в юго-западном Закавказье. В:
Изв. И. Рус. Геогр. Общ., 1877 г., том XIII, СПб, стр. 341—343.

Прендель Р. А. Отчет об экскурсии, произведенной летом 1878 г. в при-
брежной полосе Абхазии и Черноморского округа. В: Зап. Новорос. Общ. Ес-
теств. том V, Одесса, 1879.

³ Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года.
В: Изв. Абхаз. Науч. Общ. вып. IV, Сухуми, 1926, стр. 9—10.

⁴ Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки ч. II, Москва, 1891 г., стр. 90, 91.

⁵ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. В: Мат. по Арх. Кавказа,
вып. II, Москва, 1889 г. стр. 15—16.

метровой террасы),¹ нельзя сказать без специальных работ, в которых точной археологической датировке вертикальных отметок должно принадлежать одно из видных мест; к сожалению в этом направлении почти не производилось необходимых исследований.

Мы знаем лишь отдельные случаи, когда, например, найденный при бурении в Сухумской бухте, под 9 метровой толщей отложений ила и крупно-зернистого песка в нижнем горизонте последнего, фрагмент керамики был определен профессором А. А. Миллером, как относящийся к эпохе бронзы, середины II тысячелетия, и дал возможность А. Л. Козлову² приблизительно установить возраст 6 метровой морской террасы Сухумской бухты в 3500 лет, по соответствию толщи песка регрессивной фазе, которая последовала за образованием этой террасы, еще не достигнутой морем при наступившей затем и протекающей ныне морской трансгрессии.

Обнаруженная Н. В. Малиновским,³ путем непосредственной обработки гидрометрического материала Потийского порта за 24 года (с 1894 по 1917 г.), тенденция к повышению уровня Черного моря относительно берега на 1 см. в год слишком еще недостаточна для более широких выводов, несмотря на весь свой интерес. Если действительно принять, что указанное повышение уровня в течении тысячелетия происходило без перерывов и равномерно, мы имели бы те 10 метров, на глубине которых по Чернявскому⁴ находится вышеупомянутая в Сухумской бухте башня и могли бы заключить о ее построении не позднее, чем в византийскую эпоху, когда следовательно 200 метрового расстояния моря, отделяющего ныне башню от берега не существовало и башня находилась на берегу. Прилагая подобного рода соображения к выяснению местоположения античного города Фазиса, мы получили бы, при учете возрастающего там, с повышением базиса эрозии, накопления осадков, линию древнего бе-

¹ Михайловский С. И. О некоторых современных отложениях, террасах и ракушниках Черноморского побережья Кавказа и Крыма. В: Изв. Геол. Ком. 1927 г., том 46, № 7, Ленинград, 1928 г., стр. 741—743.

² Козлов А. Л. Предварительный отчет о геологических исследованиях в б. Сухумском уезде, вып. 1929 г. В: Изв. Всесоюзн. Геолог. Развед. Объедин. том 1, вып. 68, 1932 г. стр. 1016.

³ Малиновский Н. В. Колебания уровня в Потийском порту. Цит. по Зунтуриди И. Г. Физико-географический очерк Колхидской низменности, Тифлис, 1928 г. стр. 12, 21, 113 (табл. 14) и 119 (графическая кривая).

Шафранов Н. И. Отложения наносов Риона в море. В: газ. „Кавказ“, 1884, № 73, стр. 2—3 (по поводу данных Жаринцова).

⁴ Чернявский В. И. Цит. соч. стр. 343.

рега, проходящей близь канала Надорты¹ и город, погруженным ныне под наносы мощностью до 20 метров. Однако при настоящем состоянии наших знаний, мы не имеем права делать столь решительных заключений, но в то же время не должны также и игнорировать этих возможностей при решении вопросов древней географии восточно-черноморского побережья Кавказа.

Нашей настоящей задачей было лишь уяснить в какой мере необходимы тщательные и многосторонние исследования вопроса о месте древнего устья Фазиса для понимания свидетельств античных авторов о Колхиде и в частности также для решения вопроса о Севастополе-Диоскурии.

Следующую реку, лежащую за Диоскурией, Птолемей называет Корак. Дюбуа де Монпере,² следуя своему представлению о местонахождении Диоскурии к югу от Кодора (о чем ниже), считает ее этим последним. В таком случае Птолемею «Сильную крепость» Картеронтих пришлось бы отнести к Сухумскому мысу, не оставив у Птолемея места для Пицунды (существовавшей, по свидетельству Зосима,³ как сильная крепость, еще 255 году), так как Птолемея река Вурка, тождественная с Воргием Аррианового перипла, несомненно соответствует реке Мзымте у Адлера, поскольку Безымянный⁴ перипл сохранил для нее близко звучащее ей другое название Мизиг Μίζυγος. Это последнее имя обладает кроме того сходством с этническим наименованием азэгского (черкесских абхазов) племени Mdazo⁵ т. е. медозюев (по-русски медовеевцев) недавно еще населявших долину этой речки. Так думает и W. Tomaschek⁶, транскрибирующий название аула последних „Muduges“ очень близко к Μίζυγος Безымянного. Еще лучше это же, повидимому, имя сохранилось в более древнем перипле IV века до нашей эры псевдо-Скилака Кариандского в назва-

¹ Шафранов. Образование Рионской низменности в течении исторического периода В: Сб. свед. о Кутаисской губ. вып. 1, Кутаис, 1885 г., стр. 44—45 и карта очертаний берега 1 в. по Р. Хр.

Его же. Образование Палеостомы и истока его Капар-Чая. В: Сб. мат. по опис. местн. и плем. Кавказа, вып. II, Тифлис, 1882, стр. 45—58 и карта № 2.

² Dubois de Montpereux, Цит. соч. т I, стр. 315.

³ Zosimi Historia nova, кн. I, В: Латышев В. В. Цит. соч. т. I, стр. 790.

Брун Ф. Г. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Юж. Росии. Черноморье, ч. II, Одесса, 1880, стр. 190.

Васильевский В. В. Русско-Византийские отрывки VII, В: Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, январь, стр. 87—88.

⁴ Латышев В. В. Цит. соч. том I, стр. 278.

⁵ Tomaschek, Borgys. В: Pauly-Wissowa, Realenziklopädie der klass. Altertumswissenschaft, Bd. III, Stuttgart, 1899, стр. 732.

нии реки Метасорий (Μετασώρις) на той же территории между Диоскурией и Торетами (в районе Меланхленов «черноризцев»), то-есть в Колике, при чем на ряду с другой рекой Эгипием (Αἰγίπιος) имя которой, как заметил еще Услар,¹ также напоминает главное ответвление медозюев Аибга (Айбу) с одноименным селением рядом на реке Псоу.

Эта последняя река, возможно, соответствует реке Абаска перипла Арриана и может быть совсем в другой транскрипции реке Фессирий Птолемея. Но в последнем случае придется принять во внимание, что Инанфия Ουνανφία Птолемея, в которой Tomaschek вполне основательно видит Гагры, называемые в перипле Арриана Нитикой, а у Безымянного Стеннитикой (ошибочно при переписке из εἰς τὴν Νιτικῇ по С. Müller'у) и Триглитом, конечно, не Паграми, как иногда ошибочно принимают, окажется в несоответствующем положении. Поэтому, скорее можно думать, что Фессирий Птолемея, это северный рукав, т. е. современное русло Бзыби, тогда как Корака южный рукав, древнее русло этой реки, захватывавшее некогда в свое течение озера Инкит и Аныцхцара.²

Таким образом, если река Вурка Птолемея действительно оказывается рекой Мзымтой, а Инанфия Гаграми, устье Корака, отстоящее от последней, по Птолемею, на 15' южнее и 50' восточнее, никак не может быть устьем Кодора, в действительности отстоящим от Гагр на пол градуса широты, что равняется целому градусу Птолемея, если принять во внимание, что в очертании этого берега Птолемей один градус широты принимал за два. Следовательно, вероятнее, что Корака Птолемея есть Бзыбь, а Диоскурия попадает на место Сухума — Севастополя.

Но имеются еще значительно более положительные данные о связи древнего Севастополя с современным Сухумом. Непосредственным доказательством этой связи является интересная полузабытая у нас находка фрагмента известковой плиты с латинской надписью, сделанная еще в 1896 году³ при постройке Сухумской набережной на месте древнего мола, связанного с турецкой крепостью, в ее стене, как сообщает В. Пирогов профессору Э. Р. Штерну. Этот фрагмент, теперь утерянный, представлял собою нижнюю часть посвятельной

строительной надписи и имел ширину 17 см., высоту 16,5 см. и толщину 12 см. Буквы глубоко выдолбленные и окрашенные в красный цвет достигали от 26 до 36 мм высоты. Впервые эта надпись была опубликована в батумской газете «Черноморский Вестник» в передаче В. И. Чернявского с искажением в последней строке. Почему то, в этой форме надписью воспользовался и М. М. Иващенко в 1926 году,¹ хотя фотографическое воспроизведение подлинника появилось в 1907 году² в Одессе и затем вновь в Известиях Археологической Ко-

Рис. 22. Сухумская латинская надпись Флавия Арриана (по Ростовцеву).

миссии в 1909 году.³ Сохранившуюся часть надписи М. И. Ростовцев транскрибирует следующим образом *per Fl. A...* Слова отделяются *leg*

друг от друга интерпункцией, в виде листочка плюща.

Содержание надписи нетрудно понять в связи с упомянутой выше командировкой легата Флавия Арриана в царствование императора Hadrian'a для осмотра гарнизонов по южному и восточному берегу Черного моря. Согласно докладу Арриана императору им были осмотрены римские крепости в Трапезунте, Апсаре, Фасизе и, наконец, в Севастополе, при чем кроме осмотра делался местами ремонт укреплений и производилась установка надписей, как например в Трапезунте. Найденная в Сухуме надпись совершенно очевидно содержит в верхней строке часть имени императора Адриана, во второй указа-

¹ Иващенко М. М. Цит. соч. стр. 98.

² Ростовцев М. И. Надпись из Сухума В: Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. Росс. том XXVII, 1907, приложение к протокол. 365-го заседания Общ. 31 января 1905 года, стр. 4—6.

³ Ростовцев М. И. Новые латинские надписи с юга России. В: Извест. Археологич. Комиссии, вып. 33, СПб. 1909, стр. 12, табл. 1.

¹ Услар, П. К. Древнейшие сказания о Кавказе. В: Сборник сведений о Кавказских горах, вып. X, Тифлис, 1881, стр. 459.

² Ростовцев А. А. Пицундская сосновая роща. В: Зап. Кавказ. Отделен. Географич. Общ. том XXIX, вып. 4, Тифлис, 1916, стр. 19.

³ „Черноморский Вестник“ от 27-го июня 1896 года. Корреспонденция из Сухума. Цит. по Иващенко М. М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. В: Изв. Абхазск. Научн. Общ., вып. IV, Сухум, 1926, стр. 98.

ние на произведенный акт через некоего Fl. A., то есть именно Флавия Арриана и наконец в последней строке, или титул leg (atus) или принадлежность упомянутого в средней строке лица какому-нибудь легиону leg (ionis) в качестве трибуна или центуриона.¹

Так как Севастополь был конечным пунктом путешествия Арриана, эта надпись, найденная в новом Сухуме, окончательно устанавливает местонахождение римской крепости и вместе с тем древней Диоскурии. Имеющиеся, правда, незначительные археологические находки в еще большей степени подтверждают тот факт, так как доказывают, что на месте этой римской крепости несомненно имелось более древнее греческое поселение. В то же время существование следов византийского и римского строительства в нижних частях турецкой крепости² служат еще косвенным доказательством того, что центр некогда оживленной морской торговли, Севастополь компасовых карт XIV—XVI веков, рисуется именно на месте Сухума, всегда в непосредственном соседстве с Nicoffa (Анакопией), то есть Новым Афоном, т. е., если бы существовал между ними еще какой либо другой значительный пункт с крупным строительством, он несомненно попал бы на одну из этих карт, для которых характерна также отметка Кодорского мыса именем Goto, значительно южнее Севастополя, со вставкой между ними еще одного пункта Cichoba, Ciscaba, то есть Цхюбына.³

Все это делает довольно непонятной живучесть старой гипотезы Клапрота, Дюбуа, Броссе и Услара о положении Диоскурии к югу от Кодора, на берегу Скурчинской бухты.⁴ Единственным основанием для нее является созвучие в названиях города Диоскурии и реки Скурчи (к северу от Кодора) и Скурчинской бухты, а также засвидетельствованного Шарденом⁵ в 1677 году и Ротье⁶ в 1817 году бедного абхазского селения Исаур, Искурия в устье реки Мармар (Мармарскари) или Цхузамели. Но одно это сходство являлось бы слишком недостаточным даже в том случае, если бы удалось доказать, что название Скурча не есть туземное слово, а отголосок гре-

¹ Ростовцев М. И. Надпись из Сухума. В: Запад, Одесск. Общ. Ист. и Древн. Росс. том XXVII, 1907, Приложение к протоколу 365-го заседания, стр. 5.

² Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. В: Изв. Абх. Научн. Общ. вып. IV, 1926, стр. 7—12.

³ См. сводную таблицу показаний компасовых карт в прилож. III к: Брун Ф. Черноморье, часть II, Одесса, 1880.

⁴ Гулия Д. Сухум не Диоскурия, Сухум 1926, История Абхазии, т. 1, Тифлис, 1925, стр. 147—148.

⁵ Фадеев А. Краткий очерк истории Абхазии часть 1, Сухум, 1934, стр. 56—57, 129.

⁶ Chardin. Voyages en Pers et autres lieux de l'Orient, t. I. Amsterdam, 1735, стр. 54.

⁷ Rottiers Itinéraire de Tiflis à Constantinople. Bruxells, 1829, стр. 23.

ческой Диоскурии, так как перенос и повторение названия не является чем-нибудь необычным. Однако не исключена возможность, что имя греческой Диоскурии появилось в результате осмысления распространенного туземного названия (сравни спирантизованное Керчь, а также A-ikig- в Грузии), нарицательно означавшего просто 'населенный пункт', 'страна' подобно шумерскому kur, в сирийском kur+u 'селение'.¹

Существует, наконец, и прямая древняя традиция, датируемая X веком (когда по мнению проф. И. А. Джавахишвили² в грузинскую летопись Картлис Цховреба было внесено сказание о хождении ап. Андрея) и называющая прямо город Севаст (в греч. подлиннике Севастополь Великий) в Абхазии Сухумом (ჭჳთმ). Это отождествление тем более является веским, что местоположение города Севастополя, вновь отстроенного Юстинианом (Procop. De aedificiis III) после разрушения его в 532 году (Procop. De rebus goth. IV), так что он стал, по словам Прокопия «первым в тех местах городом, как по красоте, так и по величине», оставалось хорошо известным и в IX веке, когда Севастополь упомянут в списке епархий Константинопольского патриархата, в качестве резиденции абхазского архиепископа, хотя вскоре, к началу X века, по неизвестным причинам, Севастополю была предпочтена для этой цели Пицунда (Сотирополь).³

Существенным для отрицательного отношения к этой гипотезе, кроме вышеприведенных положительных доказательств, о связи Севастополя с современным Сухумом, служит и факт полного отсутствия каких-либо находок и следов построек, указывающих на принадлежность к этой территории столь продолжительно существовавшего крупного торгового и военного центра, каким был Севастополь в ранне-византийскую эпоху (Procop. De aedificiis III) и особенно позднее, когда с водворением на Черном море итальянцев, он стал в XIV веке резиденцией католического епископа и генуэзского консулата и не прекратил своего значения даже после разграбления его турками в 1451 году.⁴

¹ Марр Н. Я. Абхазоведение и Абхазия. В: Восточный Сборник, Ленинград, 1926, стр. 125—126.

² Джавахов, И. Проповедническая деятельность ап. Андрея и св. Нины в Грузии. В: Журн. Мин. Нар. Пр., 1901, янв., стр. 103.

³ Жордания Т. Описание рукописей Тифлисского Церковного Музея. Тифлис, 1903, кн. 1, стр. 391 ошибочно читает „Охуми“ ოხუმი вместо „Цхуми“ ცხუმი, стоящего в рукописи на стр. 83.

⁴ Brosset M. Histoire de la Géorgie, 1-re partie, StPt., 1849, стр. 61.

⁵ Кулаковский Ю. А. Где был построен имп. Юстинианом храм для авазгов. В: Археологические Известия и Заметки, год V, Москва, 1897, стр. 36.

⁶ Brosset M. Histoire de la Géorgie I-re partie, StPt., 1849, стр. 684.

Брун Ф. Черноморье, часть II, Одесса, 1880, стр. 246.

Упоминание Dubois de Montpéreux каких то «замечательных руин» Диоскурии в устье реки Мармар совершенно неопределенно. Специально произведенный В. Сизовым¹ осмотр местности, указанной Dubois, через 50 лет после посещения ее последним, не дал никаких положительных указаний: «Мы все, говорит В. Сизов, производили розыски по всему берегу в продолжении целого дня, но эти разыскания следов древней жизни не были удачными: только в середине бухты на берегу был замечен земляной вал в несколько сажень длиной. Вал этот очевидно мог служить только защитой для легких судов во время бури: вероятно суда втаскивали на этот вал, который и принимал на себя удары волн... Поворот от мыса к бухте весьма слабый и самая бухта очень мало вдается в берег. Самый берег повсюду представляется песчаной отмелью, так что и маленькой лодке трудно было подойти к нему. По берегу, у самой воды, среди песку и мелкого гравия не встречалось нигде никакого намека на древнюю жизнь». Дальнейшие поиски вглубь от берега в поросшей лесом болотистой местности также не обнаружили ничего похожего на развалины древнего города. В. И. Чернявский,² тоже осматривавший эту местность, уверяет, что за древнюю Диоскурию принимают здесь развалины башни на берегу речки Тамаша так называемое «Сатамашо», то есть «место гульбища», отмеченное на карте Ламберти³ под именем «Sata-mascia» у устья „Marmar-scarl“, возможно искаженное Манча-Квара.

Напротив, сделанные тем же В. Сизовым уже небольшие раскопки на Сухумской набережной близ бывшей Ольгинской улицы недалеко от берега, где издавна вымывалось морем много древних предметов особенно керамики в частности чернолаковой, обнаружили на уровне моря в слое сероватой мокрой глины античный культурный пласт, насыщенный осколками черепицы, амфор и чернолаковой посуды настолько, что, по словам В. Сизова,⁴ его можно сравнить по обилию фрагментов греческих сосудов только с насыпными частями горы Митридата в Керчи.

В этом слое под плотным покровом битых черепков оказались и следы античного рядового могильника, местами с признаками кремации.⁵ К сожалению эта пробная раскопка, своевременно не продол-

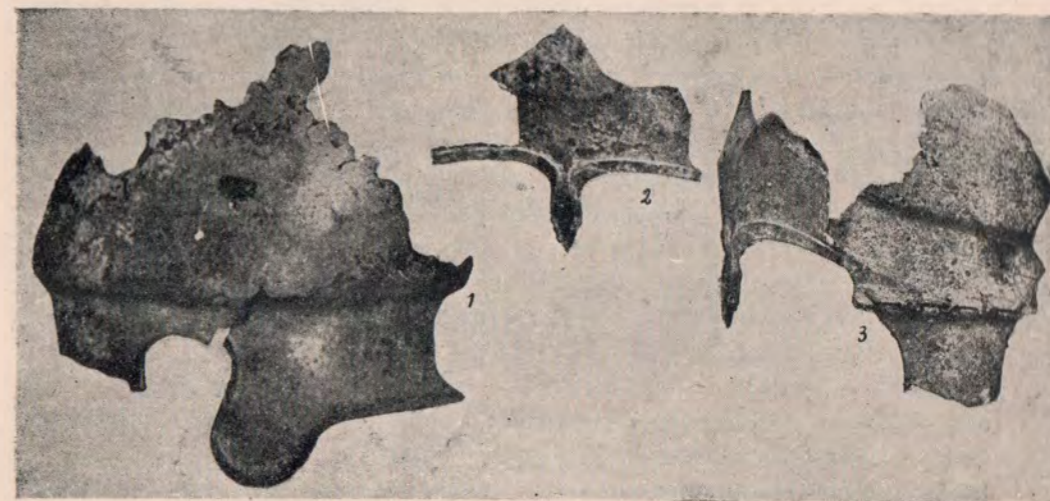
¹ Сизов В. Восточное побережье Черного моря. В: Материалы по Археологии Кавказа, вып. II, Москва, 1889, стр. 40—41.

² Чернявский В. И. Записки о памятниках Западного Закавказья. В: Пятый Археологический Съезд в Тифлисе, Протоколы Подготовительного Комитета, Москва, 1879, стр. 19.

³ Ламберти Арканджело. Описание Колхиды В: Сб. материалов для Опис. мест. и пл. Кавказа, вып. 43, Тифлис. 1913, facsimile карты Ламберти.

⁴ Сизов В. Цит. соч. стр. 17.

⁵ Сизов В. Цит. соч. стр. 15.

Фрагменты бронзовых античных шлемов с устья Келасури и бронзовые псалии от удил Сухумского музея.

женная¹ и теперь трудно осуществимая, вследствие застройки улиц и набережной, осталась единственной попыткой получить археологический материал из древней Диоскурии. Гамзуров

Следует, может быть, здесь также упомянуть об одной ценной старой находке к югу от г. Сухуми в устье р. Келасури, у приморского участка Келасурской стены, двух древне-греческих, именно, аттических² шлемов классической поры (табл. VIII). Шлемы эти, целиком выкованные с округлым оголовьем, с пластически моделированным затылочнo-шейным выступом, со стреловидным наносником и привесными на шарнирах нащечниками, хранятся в сильно фрагментированном виде в Сухумском Музее. По форме они тождественны кутаисскому шлему Московского Исторического Музея (инв. 61071) и принадлежат к тому же типу, как ольвийский шлем³ (покупка 1908 года), посеребренный шлем из Кубанской области⁴ (с двойным желобчатым уступом и выбитым линейным бордюром, имитирующим хорошо известный на Кавказе и Греции древний орнамент из системы проникающих друг в друга спиральных S-видных завитков) и близкий последнему, по свидетельству М. И. Ростовцева,⁵ неопубликованный шлем из погребения, относимого им к V веку до н. э., Макушевской станицы.

Более определенную датировку сухумских (а также и кутаисского) шлемов можно получить из сравнения их с хорошо датированными сопровождающим инвентарем IV века до н. э. находками таких же шлемов: Ашиком,⁶ в 1839 году, в одном из керченских курганных склепов, с пеликом начала IV века; В. В. Хвойком, в Галущинском кургане Чигиринского уезда,⁷ в сопровождении двух узкотелых амфор с (энглифическими) клеймами, и наконец из Курджипского кургана,⁸ где, правда, наряду с основным инвентарем IV века, присутствует

¹ Попытка А. С. Башкирова (Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. В: Изв. Абх. Научн. Общ., в IV, Сухум. 1926, стр. 5—6), произвести проверочную раскопку на Ольгинской улице оказалась мало продуктивной.

² D a r e m b e r g e t S a g l i o. Dictionaire des antiquité grecques et romaines. Paris. вып. 20, слово Galea, стр. 1443 сл.

³ Отчет Арх. Ком. за 1908 г. СПб, 1912, стр. 80, рис. 64—66.

⁴ Отчет Арх. Ком. за 1906 г. СПб, 1909, стр. 128, рис. 185.

Спицын А. А. Фалары Южной России. В: Изв. Арх. Ком., вып. 29, СПб, 1909, стр. 23, рис. 3.

⁵ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, 1925, стр. 319.

⁶ Древности Босфора Киммерийского, том I, СПб, 1854, табл. XXVIII 4.

⁷ Ханенко Б. И. и В. И. Древности Приднепровья, Киев. 1898, вып. II, стр. 10, табл. IX, № 218.

⁸ Отчет Арх. Ком. за 1896 г., СПб, 1898, стр. 61, рис. 293.

9. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

пергамская художественная продукция III и даже II веков до нашей эры.¹

Имеется еще один момент, препятствующий искать Диоскурию-Севастополь к югу от Кодора, эта незначительность расстояния между ним и Питиунтом т. е. Пицундой, как это расстояние засвидетельствовано Страбоном и Аррианом. Разница в 10 стадиев между цифрами, приводимыми для этого расстояния у обоих авторов, свидетельствуя о независимости их источников, в то же время указывает на имевшееся достаточно ясное представление об этом расстоянии. Даже преувеличенная цифра Страбона, переведенная на метры, дает величину весьма близкую к действительному расстоянию от Сухума до Пицунды, а именно: вместо 62 клм., 66,24 километра, если исходить при вычислении из эквивалента (1 стадий — 184 метрам), полученного путем сравнения других расстояний, приводимых Страбоном от Амиса до Трапезунта и от Трапезунта до Фазиса (даже если помещать его в устье современного Риона). Во всяком случае цифра Страбона никак не годится для расстояния от Пицунды до Скурчинского мыса.

Вторая известная нам цифра, Аррианово расстояние поразительно совпадает с действительным, особенно, если принять во внимание, что стадий перипла Арриана никогда не достигает размера стадия Страбона. В своем перипле Безымянный, переводя расстояния Арриана в мили, отмечает здесь $46\frac{2}{3}$ мили² и также, как мы выше (стр. 113) отмечали относительно Агапия, пользуется он при этом не квинарно-бинарной римской системой (1 стадий=125 двойным шагам=625 футам), которую, обыкновенно, применяют, согласно Страбону,³ считающему на 1 милю 8 стадиев, то есть 32 стадия на часовой путь в 4 мили, а той, о которой упоминают, например, Схолии к Дионисию,⁴ с исчислением мили в $7\frac{1}{2}$ стадиев,⁵ следовательно 30 стадиев на часовой путь. Так как стадий по этой последней системе будет содержать 360 локтей,⁶ то

¹ Гриневич-К. Э. Бронзовый сосуд из Курджипского кургана. В: Изв. Арх. Ком., вып. 65, Петроград, 1918, стр. 68—69.

Латышев В. В. Цит. соч. том I, стр. 277.

³ Полибий. Всеобщая история в 40 книгах, перевод Ф. Г. Мищенко, том III, Москва, 1899, стр. 241.

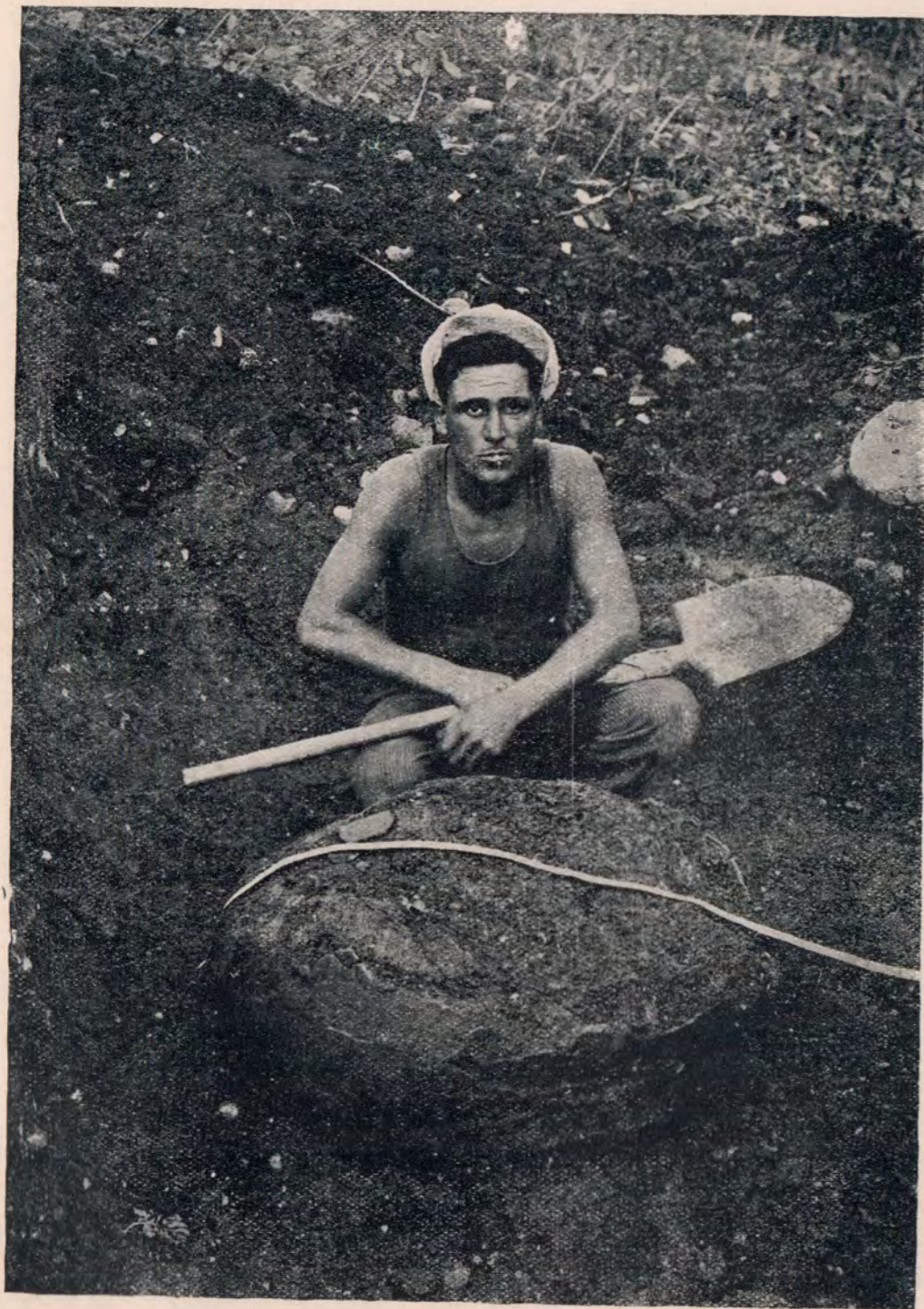
⁴ Схолии к „Землеописанию“ Дионисия В: Латышев В. В. Изв. древних писателей о Скифии и Кавказе, том I, СПб., 1893, стр. 216.

⁵ Это же исчисление существовало и в вышеупомянутой арабской системе Ибн-Хардабдеха, принимавшего, повидимому, по Птолемею, в земном градусе 500 стадиев или $66\frac{2}{3}$, (а не $56\frac{2}{3}$, как Аль Мамун) арабских миль, что и дает $7\frac{1}{2}$ стадиев в миле.

⁶ Viedebantt Oskar. Altes und ältestes Weg und Langenmass. В: Zeitschrift für Ethnologie, 1913, стр. 959, 961.

миля в $7\frac{1}{2}$ стадиев достигнет, если пользоваться вавилонским локтем в 498 м.—1,344 км., что дает, для указанного в перипле расстояния в $46\frac{2}{3}$ мили, 62,720 километра, то есть истинное расстояние от Сухума до Пицунды.

Установив таким образом связь Севастополя-Диоскурии с Сухумом, мы определяем более точно местоположение Эшерского городища в античной географии восточного побережья Черного моря, как одного из ближайших местных поселений в расстоянии 11 клм, т. е. в 62 аттических стадиях к северу от древней Диоскурии.

Кувшинный оссуарий эпохи поздней бронзы в Эшери, подготовленный к препарировке.

II. МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

1. Памятники кобаньского типа Западной Грузии

Второй затронутой экспедицией темой явилась так называемая бронзовая культура типа кобаньской. Впервые получившие освещение, в этом направлении, В. И. Стражевым в 1926 г. бронзовые памятники Абхазии явились первым несомненным свидетельством широкого распространения и развития этой культуры по восточному Причерноморью.

Более ранние литературные упоминания о находках бронзовых предметов кобаньского типа (кинжального клинка, фибулы и топора) в Батумском районе близ Цихис-Дзири у генерала Смекалова¹ и в Абхазии близ села Саберио в Самурзакани, по сообщению Комарова,² не останавливали на себе достаточного внимания или даже просто встречались с недоверием, как вещи, например, виденные R. Virchow'ым у генерала Смекалова (с Чурук-Су), которые Байерн считал просто ошибочно относимыми к Батуму, куда они, по его мнению, были лишь привезены Смекаловым с места его прежней службы во Владикавказе.³ Несмотря на то, что в декабре 1881 года А. В. Комаров⁴ сообщал в Кавказском Обществе Истории и Археологии о „раскопках“, произведенных по его поручению урядником Гуль Ахмедом у моста через Кинтриши между Кобулету и Хуцубани, где перед этим делались находки с 1879 г. бронзовых топориков (два переданы редактору газеты Дрозба С. С. Месхи),⁵ бронзовых фибул, грубой бронзовой же

¹ Virchow R. Kaukasische Prähistorie B: Zeitschrift für Ethnologie, Vorhandl, 1881, стр. (419) и 1882, стр. (355).

Анучин Д. Н. — Доисторическая археология Кавказа, В: Журн. Мин. Нар. Просв., 1884, январь, стр. 225.

² Комаров А. В. Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае В: Изв. Кавк. О-ва Ист. и Арх. т. I, вып. I, Тифлис, 1882, стр. 1-2.

³ Bayern Fr. Bemerkungen und Ansichten über den Kaukasus und seine Vorhistorischen Verhältnisse, seine Völker und deren Industrie, B: Zeitschr. für Ethnol., Vorhandl., 1882, стр. (351).

⁴ Комаров А. В. Цит. соч. стр. 2.

⁵ Сравни. сообщение А. В. Комарова (Заметки о курганах и раскопках по Рионской долине, В: Протоколы Предв. Комит. V Арх. съезда, Москва. 1879, стр. 337) о передаче тому же Месхи бронзового топора из окрестностей Цихис-Дзири.

фигурки „льва“, „глиняного тигля с ручкой“ и пр. „Раскопки“ урядника дали инвентарь нескольких погребений с плохо сохранившимися костями: 1) кинжал с рисунком посредине в виде трех кривых полос, начерченных параллельными бороздками и с дыркой для рукояти, 2) обломок длинного ножа (по контексту видимо бронзового), что является очень редкой находкой для подобного комплекса, 3) фибула, 4) пряжка поясная гладкая, 5) обломки (3-х) поясных пряжек с рисунками из кружков в раме из 3 лошадиных голов (к сожалению, описание недостаточное для уяснения предмета), 6) обломки тонких браслетов, 7) спираль конической формы, 8) две выбитые из тонкой бронзы «овальные чашки» (?) с отверстием посредине, в сообщении J. Mourier¹ (об этой, видимо, находке) называемые «умбонами» (ср. крышку для сосуда? Кутаисского музея, инв. 1447, найденную в 1926 г. в Кутаисе, в местности Гочоура, с изображением свастики и всадников выпуклым пунктиром), 9) булавки с массивной головкой, покрытые елочным орнаментом, с отверстием, 10) остроклинный обух от топора, 11) три куса бронзы, 12) бусы из оникса, тождественные с «казбекскими», 13) стеклянные бусы, 14) обломок железного кинжала. Все эти предметы несомненно должны были находиться в собственной коллекции А. В. Комарова, которая, влившись, во всяком случае частично, в собрание Щукина,² почти целиком попала теперь в Исторический Музей, но, к сожалению, повидимому, без точных указаний для мест отдельных находок.

Обзор коллекций в Абхазском Музее ставит нас лицом к лицу с богатой и сложной бронзовой индустрией кобаньского типа у населения Абхазии в эпоху, предшествующую греческой колонизации, указывая тем на значительное развитие хозяйственной жизни туземного населения Колхиды, вошедшей с начала 1-го тысячелетия до н. э. в круг интересов ионийских племен и получившей затем прочное отражение в древне-греческой мифологии и литературе.

Надо понять генезис кобаньской культуры в кругу синхроничных ей культурных типов и источники их возникновения на территории Кавказа, чтобы в достаточной степени очертить исторические условия, в которых проходило хозяйственно-общественное развитие этой далекой периферии средиземноморского и переднеазиатского культурных миров.

¹ Mourier J. L'archéologie au Caucase, Paris, 1887, стр. 40—41. Ср. палестинские „умбоны“ с пунктирным же орнаментом из Наблуса (S. Przaworski. Altorientalische Altertümer in skandinavischen Sammlungen. B: Eur. Sept. Ant., X, Helsinki, 1936, стр. 96, рис. 19).

² Zacharov A. A. Etudes sur l'archéologie de l'Asie Mineure et du Caucase. B: Revue Hittite et Asiatique, fasc. 5, Paris, 1931.

На прилагаемой к этой главе карте мы попытались наметить основные границы главных культурно-производственных областей Грузии в конце бронзовой эпохи в том виде, как они рисуются нам в настоящее время на основе изучения имеющихся литературных источников, и богатой археологической коллекции Музея Грузии, подробная проработка которой легла в основу осуществленной нами археологической экспозиции в Музее. Сложный рост Музея и разнородный характер поступлений, среди которых огромное место занимают случайные находки, требовал особой тщательности в отношении документации и выявления степени достоверности комплексных поступлений, долженствовавших дать указующие вехи для синхронизации главных производственных типов и выделения культурно-истори-

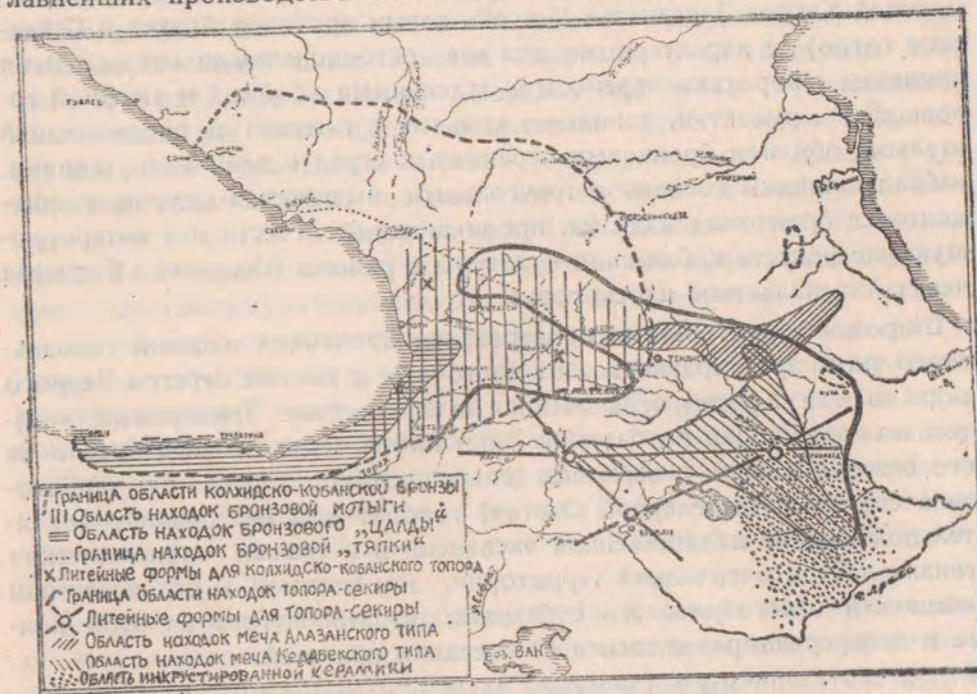

Рис. 23. Карта Кавказа с культурно-производственными границами эпохи поздней бронзы.

ческих этапов на базе относительной и абсолютной хронологии. Отмеченное на карте пересечение двух разнородных границ вдоль долины верхней Куры, особенно в Горьском районе, богато представленном комплексными находками, позволило с уверенностью синхронизировать две главные производственные области Центрального Закавказья, сосуществовавшие в это время. По взаимно исключаящим руководящим формам бронзового оружия эти области характери-

зуются: одна, распространением топоров и кинжальных клинков кобаньского типа с сопровождающими их, в южной части, мотыжками и серпо-топорами (цалди), в северной, дугообразными фибулами и пр. Это область Западного Закавказья и Центральной части главного хребта. Другая, распространением тяжелых секировидных топоров, бронзовых мечей, литых с рукоятью, северного (Алазанского) и южного (Ганджинского) типов, и таких же кинжалов, — это область Центрального Закавказья (бассейна средней и верхней Куры) с двумя подразделениями: район бассейна левых притоков средней Куры, т. е. южного склона восточной половины Большого Кавказа и район крайних хребтов Малого Кавказа, входящий одновременно в сферу влияния третьей, не отмеченной на карте производственной области, занимающей Южное Закавказье (бассейн левых притоков Аракса и Севанское озеро) с характерными для нее остроконечными кинжальными клинками с коротким черенком и отдельными обоймой и ажурной головкой для рукоятки, длинными копьями с тяжелой не расщепленной втулкой, обилием бронзовых черенковых стрел с длинными шипами, набалдашниками посохов и треугольным выемчатым ажуром в орнаментовке бронзовых изделий, проникающими отчасти и в интересующую нас область кобаньской культуры в районы Ахалциха и Боржома через Ахалкалакское плоскогорье.

— Широкая территория распространения бронзовых изделий кобаньского типа, простирающаяся от восточных и южных берегов Черного моря до реки Арагвы, ограниченная на юго-востоке Тriaлетским хребтом и переходящая по бассейну реки Риона через главный хребет на его северный склон в верховья левых притоков Терека (на территорию современной северной Осетии) говорит нам не только о значительной силе ее хозяйственной экспансии и о тесных экономических связях внутри очерченной территории, но, видимо, и об известной общности этногонического субстрата, оформившегося на этой почве и дифференцировавшегося от соседних областей.

— Действительно мы встречаемся здесь с поразительным единством в культурном обиходе, как например: с одной стороны, с отсутствием, всюду тяжелого вооружения (рубящего меча и секиры), с другой с чрезвычайно малым употреблением боевого лука, даже в горных частях центрального хребта при развитом охотничьем хозяйстве, очевидно осуществляемом путем ловчих приспособлений, организованных облав, собачьей травли, как она изображена на знаменитой кобаньской булавке.

— Вряд ли иначе возможно объяснить и замечательные идеологические совпадения, выражающиеся в едином стиле и содержании художественных и религиозных проявлений, поскольку они прослеживаются

по рисункам и скульптурным формам на бронзовых находках из различных районов этой территории. Так особенно обращает на себя внимание украшение оружия, именно топоров, как знаков определенной общественной и религиозной власти, одними и теми же, в Абхазии и Северной Осетии, изображениями, явно связанными, как увидим ниже, с производственно-магическими и пережиточно тотемическими представлениями воспроизводящего их населения, или может быть его определенного общественного слоя. Во всяком случае мы присутствуем здесь при оформлении какого-то реального для данной эпохи племенного массива, хотя впоследствии и распавшегося на отдельные части, но продолжающего хранить в отложениях языка и в материальной культуре память о своем историческом прошлом. В этом отношении, может быть, любопытно вспомнить предложенную Dirr'ом¹ этимологию самоназвания абхазов \dot{a} -apš-uā и своей страны Абхазии \dot{a} -apš-nə, где \dot{a} член, корень же apš с восстановленным инициалом *hapš. (Dirr вспоминает здесь также древнее наименование абиссинцев ḥabaš), параллельный древне-грузинскому наименованию осетин \dot{c} vs < *hoys и хевсур *kevs, тем более, что и Н. Я. Марр² в одной из последних работ, полагая, между прочим, возможным находить различное происхождение и состав древне-документированного византино-греческого \dot{a} -baz-g и нынешнего грузинского и русского \dot{a} b-ḡaz, видит, в то же время в o-v+s или o-s названия одного «определенного господствующего слоя и осов-осетин, и сванов, и турок-балкаров, и абхазов, и хевсуров, но в различных разновидностях, как ныне сохранились они этнографически, то во взаимных, то в собственных национальных наименованиях: \dot{a} -φ-ṣa-ā || \dot{a} -φ+ṣa-ḡa || \dot{a} -φ+sa-ḡa 'абхазы', o 'v' + s 'осетины', e-φ+s 'сваны' и 'малкары-турки', ḡe-v+s-ur и т. п.».

Конечно, эти последние соображения Н. Я. Марра напоминают нам прежде всего, о сложностях в пользовании этимологическим материалом и о невозможности вполне остановиться на одном каком-либо решении: так как выбор зависит не от исключительно лингвистических, но и исторических, в частности историей материальной культуры приобретенных положений, в свою очередь требующих правильного истолкования путем привлечения лингвистического и этнографического материалов.

Однако, несомненно, в данном случае очерчивается для нас, на основе распространения по территории памятников одного типа, опреде-

¹ Dirr A. Zum Ethnicon „Abchas“. В: Caucasica, fasc. 2, Leipzig, 1925, стр. 120.

² Марр Н. Я. В тупике ли история материальной культуры. Изв. ГАИМК, вып. 67, 1933, стр. 38.

ленная граница и было бы близоруким не видеть в ней конкретного общественно-исторического факта, могущего быть понятым лишь на основе развития хозяйственных форм, диктующих в конечном итоге и процессы племенного формообразования. Указанное нами наличие технологического и идеологического единства в данных территориальных границах тем более является поразительным, что географические и природные условия всей отмеченной находками территории выказывают резкие районные различия от субтропических областей побережья до суровых горных долин северного склона хребта. Это последнее, конечно, не может способствовать развитию единообразного хозяйственного обслуживания на всей этой территории, обуславливающей своей разнохарактерностью значительную районную дифференциацию хозяйственных типов, но, несмотря на это, уже широко развитые, видимо, формы внутреннего обмена преодолевают природные препятствия и создают тесную хозяйственно-экономическую сплоченность отдельных районов, ведущих к поддержанию и развитию племенного единения.

При этом даже элементы костюма, которые, как известно, особенно часто используются обществом, сознающим свое племенное единство, для целей внешнего обособления от окружающих, сохраняют на всей этой территории в некоторых отношениях общие черты, отсутствующие в синхроничных культурах вне указанных границ. Сюда относятся поясные пряжки с инкрустацией полукруглой формы с двумя петлями и крючком, массивные пряжки-крючки из медного прута со спирально завитыми концами, массивные шейные гривны с завитками на концах, отчасти, крупные булавы, не снабженные отверстием, с завитком на конце, спирально свернутые биконические и цилиндрические пронизки и наконец одночленные дугообразные фибулы для войлочной и плотной одежды. Эти последние, хотя и не обладают в это время к югу от хребта таким разнообразием в размерах и формах, как на севере, встречаются однако в Западной Грузии в обоих характерных типах как с простой умеренно вздутой дужкой, так и дужкой «пиявочной» формы (a sanguisuga)¹ то есть круглого сечения, сильно вздутой и перехваченной у обоих суженных концов резко выпуклыми поясками, подчеркивающими переход дужки в пружинку иглы и пластинку влагалища. Замечательно, что эти черты

¹ Chantre E. Recherches Antropologiques dans le Caucase, t. II, Paris—Lyon, 1886, стр. 66.

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, Москва, 1900, стр. 54, табл. XXXII, а, в.

Уваров А. С. Каталог Собрания древностей. Москва, 1887 г., №№ 387, 408, 412, 418.

оказываются заложенными уже на целом ряде греческих фибул, датированных субмикенской керамикой XII—XI века до н. э.¹ Пиявочный тип фибулы был встречен с кобанскими вещами в бассейне Ингура: так в Отчете Археологической Комиссии за 1905 год² была опубликована находка такой фибулы в с. Джувр (Джвари) Зугдидского уезда с кобанским топором и бронзовой мотыгой, типичной для западно-грузинских комплексов этого времени. В Музее Грузии имеется находка такой же фибулы тоже с кобанским топором и ножным массивным кольцом из Самурзакани (инв. 3—21:1). Самурзаканская находка лишней раз подтверждает бытование типичного кобанского комплекса по южному склону Кавказского хребта.

Однако, наряду с этим сходством наблюдаются в костюме и некоторые существенные различия на которые мы укажем при рассмотрении отдельных памятников Абхазского Музея. Из этих последних мы остановимся на комплексных находках, дающих возможность судить, по крайней мере, о нескольких одновременно служивших в быту предметах.

Обратимся прежде всего к погребальному комплексу села Приморского (бывшего Петропавловского) Гудаутского района с участка крестьянина Репях, особенно близкому к верхне-кобанскому (табл. X). Эти вещи случайно открытые при вспахивании земли под табак бы-

Рис. 24. Лопасть бронзового топора из с. Приморского с изображением «гвера».

ли привезены и описаны В. И. Стражевым, который на месте находки обнаружил на каменном ложе из плиток песчаника остатки костей человека, несколько бронзовых фрагментов и осколки большой урны (собственно двух сосудов), в которых, по словам находчиков, были сложены вещи.³

¹ Undest Ingvald. Archäologische Aufsätze über südeuropäische Fundstücke B: Zeitschrift für Ethnologie, 1884, стр. 215.

Blinkenberg Chr. Fibules grecques et orientales. B: Historisk-filologiske Meddelelser, Bd. XIII, Kobenhavn, 1926, стр. 67, рис. 43.

² Отчет Археологической Комиссии за 1905 г., СПб, 1908 г., стр. 103.

³ Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. Известия Абхазского Научного Общества, вып. 4, Сухум, 1926, стр. 106—107.

Среди этих вещей два целых и два обломанных топора повторяют два главных типа топоров из аула Кобани: с гвоздеобразным обухом, опущенной вниз лопастью и выпуклым лезвием и с клиновидным обухом, с лопастью, более или менее, симметрично очерченной, с полукругло отточенным лезвием, причем один из топоров (табл. X₃) имеет на лопасти изображение безкрылого дракона-волка «гвера», совершенно кобаньского типа, по всем деталям и стилю изображения (рис. 24). Только некоторая грубость, техническая в данном случае, и отсутствие других орнаментальных украшений, отличают его от лучших кобаньских образцов.

Характерный для аула Кобани кинжал (табл. X₅) с бронзовой на готовое лезвие отлитой рукоятью, снабженной отверстием для подвешивания, принадлежит в этом погребении также к более простым типам. При этом обращает внимание особый орнамент из мелких кружков с точкой в середине, нанесенных на рукоять ударами трубчатым чеканом, из более твердого материала чем кинжал, и из ряда косо заштрихованных треугольных фестонов поперек основания рукоятки. Орнамент этот в целом имеет несколько чуждый Кобани характер, но в Абхазской бронзе получает применение, особенно, в более поздних образцах. Совершенно тождественна кобаньским—фибула (таблица X₄) с несколько вытянутым узколопастным влагалищем и елочным насечным орнаментом. Не отличается от сравнительно редких кобаньских по форме более часто встречающаяся в Закавказьи массивная шейная гривна с закрученными концами (табл. X₈). Наконеч, биконические спиральные пронизки (табл. X₇) и каменный брусок довершают типичный для Кобани комплекс. Тем более обращает внимание присутствие бронзовых наконечников копий, табл. X_{1,2}), лишь в очень редких случаях зарегистрированных в погребениях Северной Осетии. Зато их явление характерно для абхазской бронзы кобаньского типа.

К комплексу села Приморского принадлежат три копья. Одно, с длинной узкой почти до верху расчлененной втулкой и почти треугольным с прямым основанием лезвием (табл. X₁), совершенно напоминает копье из Эшери в Музее Грузии (табл. XIII₇) и три копья из другого Эшерского погребения в Абхазском Музее (табл. XV_{3,7}). Два других копья (одно сильно фрагментированное) отличаются относительно более широкими толстостенными тоже расщепленными трубками и более узкими крыльями лезвия, с оттянутым по стержню основанием. Наружная поверхность втулки у обоих копий покрыта орнаментом из косо пересекающихся поперек заштрихованных ленто-видных полос (табл. X₂). Глубокой, почти заменившей металл, эмалевидной светло-зеленой патиной эти копья отличаются от первого копья с темно-зеленым тонким налетом и, видимо, сделаны из спла-

ва близкого тому, из которого вылит кинжал. Первое же копье сходное с эшерским скорее принадлежит иной мастерской.

Сближает с эшерским описываемое погребение и обнаруженные в нем остатки листовой бронзы и фрагменты конусовидной верхушки с прошитой бронзовой тесьмой швом, длиной в 30 см. (табл. X₉). Возможно они составляют часть бронзового шлема, подобного коническому шлему из могильника селения Фаскау¹ в Северной Осетии, также свернутого из бронзового листа и прошитого совершенно такой же бронзовой тесьмой тремя редкими стежками (рис. 25а). Близ-

Рис. 25-а. Шлем бронзовый из Фаскау (по Уваровой)

Рис. 25-б. Шлем бронзовый ассирийский из Нимруда (Британский Музей)

кого типа конической бронзовый шлем, украшенный в греко-восточном орнаментальном стиле поставленными в ряд животными и сфинксом был найден еще археологом Pigorini² в Верхней Италии в Оппеано. Он датируется поздней ступенью периода Вилланова, т. е. около VI века до н. э.³ Кроме богатого орнамента этот шлем отличается тщательностью работы, особой кнопкой „репьем“ на вершине и особенно тем, что составлен из двух бронзовых кусков, не сшитых, а склепанных между собой; другой конический (слегка колоколо-видный) шлем, также с заклепанным продольным швом, происходит из Поречья (Parenza) в Истрии,⁴ где он был обнаружен, в качестве

¹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, Москва, 1900, стр. 276—277, рис. 211.

² Bullettino di Paleontologia Italiana, IV, 1878, стр. 105, табл. VI. Montelius O. Civilisation primitive en Italie, Vol. I, Stockholm, 1895, табл. XLIX, рис. 2.

³ Bertrand et Reinach. Les celtes dans les vallées du Pô et Danube, Paris, 1894, стр. 97, рис. 68.

⁴ Нидерле Л. Человечество в доисторические времена, СПб, 1898, стр. 381, рис. 265.

урны для пепла покойника, в могильнике поздне-венетской эпохи (550—450 до нашей эры).

Судя по ассирийским барельефам Ассурназирпала (884 — 870) и Сеннахериба (705—681) конический шлем (кожаный или бронзовый) был обычным головным убором солдат-лучников, но этот шлем даже в тех случаях, когда он не имеет формы шишака, как например на барельефах Тиглат-Пилессара III в Нимруде,¹ характеризуется тульей не прямой, а гнутой по форме головы.

Онакомиться ближе со строением бронзового ассирийского шлема можно по экземпляру Британского музея из Нимруда², где видно, что он состоялся из нескольких частей помощью заклепок с крупными круглыми головками (рис. 25). Был ли это обыкновенный солдатский шлем или имел какое иное назначение, трудно сказать. От обычных изображений он отличается, судя по фотографическому воспроизведению, присутствием в нижней его части, какого-то орнамента как бы имитирующего завитки волос, тогда как на барельефах он гладкий и имеет гладкие выступы, закрывающие уши. К сожалению, сколько нибудь подробного описания этого шлема мне не пришлось иметь. Сообщение Геродота (VII 63) об «ассирийских» шлемах, сплетенных непонятным способом из медных проволок, судя по замечанию Геродота, что у эллинов эти ассирийцы называются сириянами, вероятно относится к последним; так как «плетеные шлемы» пользовались видимо распространением в М. Азии и Эгее.

Наиболее древние экземпляры металлических шлемов с шишаковидной тульей и гребнем известны в Европейской поздней бронзе³ и особенно характерны для этрусских могил в Италии, где бронзовыми шлемами или их терракотовыми имитациями покрывались погребальные урны с пеплом воинов⁴. По форме эти шлемы очень близки изображению шлема на хеттском иероглифе означающем царя⁵, от куда вероятно в демократизованном уже виде этот шлем проник, послужа образцом, наряду с другими металлическими изделиями (особенно посудой) в Италию и даже в Среднюю Европу, где, как изве-

стно, в поздне-гальштатскую эпоху подобные предметы особенно характерны.¹

Наш «шлем» своей прямой конической формой и острой верхушкой будет скорее походить на острый высокий колпак, который можно видеть на хеттских рельефах в Язили-Каия, у большинства мужских персонажей, имеющих высокие рубчатые головные уборы, особенно на голове гигантской, более чем трехметровой, гопплатрической фигуре², во втором внутреннем дворике ущелья, облаченной в латы с изображением львиных голов на плечах, с двумя подвешенными, за заднюю ногу каждый, убитыми львами по бокам и с нижней половиной туловища в форме огромного кинжального клинка, заставляющего вспомнить почитаемое в Тибете олицетворение заклинательного кинжала p'ur-bu, по санскритски kila, обладающего магической силой отгонять злых духов.

Рис. 26. Изображение жрецов с топорами колхидских типов на сиро-хеттском цилиндре (по Контено).

Возможно, что в данном случае «шлем» не столько является атрибутом воина и вождя, сколько иного, может быть, жреческого достоинства, как это видно по одеянию жрецов в высоких конических головных уборах на сиро-хеттском цилиндре-печати, опубликованном

¹ Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien, 1925, стр. 542 сл.

² Bittel Kurt. Die Felsbilder von Yazilikaya, B: Istanbuler Forschungen, Bd. 5, Bamberg, 1934, табл. XXX, рис. 82 и 83.

Couissin Paul. Le Dieu-épée de Jasili-Kaia et le culte de l'épée dans l'antiquité, B: Revue Archéologique, t. XXVII, Paris, 1928, стр. 107—135.

¹ Unger E. Die Reliefs Tiglatpilesars III aus Nimrud, Constantinople, 1917.

Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. II, Paris, 1884, рис. 26.

² Hunger John. Altorientalische Kultur in Bilde, Leipzig, 1912, рис. 169, стр. 54.

³ Déchelette Joseph. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, t. II, Paris, 1910, стр. 230—232.

⁴ Körte G. Etrusker. B: Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Bd. VI, Stuttgart, 1909, стр. 746.

⁵ Messerschmidt Corpus Inscr. Hett. tabl. IV.

Garstang J. The Hittite Empire, London, 1929, стр. 96, табл. XXXVII.

Г. Контено,¹ особенно, если принять во внимание, что жертвенные топоры в их руках имеют совершенно кобаньский и протокобаньский характер (рис. 26) и по размеру рукояти полностью соответствуют топору, найденному в одном из эшерских погребений с бронзовым топором, явно культового назначения (табл. XV₁). Это тем более вероятно, что, судя по свидетельству Геродота² и Ксенофонта,³ даже в их время у народов, населявших восточный и юго-восточный берег Черного моря боевые металлические шлемы и панцыри еще не были в широком употреблении. Так мосхи, тибарены, макроны шли в поход в войсках Ксеркса, вооруженные небольшими щитами, копьями с крупными наконечниками, в деревянных шлемах на головах. Точно также деревянные шлемы носили и колхи, имевшие небольшие щиты из сыромятной кожи, короткие копья и кинжалы. Такой же точно воинский наряд был у алародиев и саспиров (Геродот VII 78 и 79), занимавших страну между Колхидой и Мидией (Геродот I, 104; IV, 37). Соседи моссинов мары имели на головах, по Геродоту, плетеные туземные шлемы. Согласно Ксенофону даже прославленные металлурги халивы вступали смело в рукопашные бои с греческим отрядом, одетые в холщевые панцыри до живота с плотным слоем крученных шнуров, вместо металлической чешуи *πτέρυγες* (Анаб. IV, 7, 15), покрывавшей обычно у греческих воинов того времени особые кожаные передники (*ζώνη*).

Макроны и моссины (Анаб. IV, 8, 3; V, 4, 12, 13) сражались одетыми просто в волосяные или холщевые хитоны с плетеными щитами в руках. Подобные плетеные из прутьев щиты, круглые, четырехугольные, в форме плющевого листа и пр. обтянутые сырыми, иногда косматыми воловьими шкурами были широко распространены от Мизии (Анаб. V, 9^о) до Персии (сравни Геродот VII, 61, IX, 61, 99) и Ассирии, судя по отчетливым их изображениям на ассирийских барельефах.⁴

Что касается «деревянных» шлемов Геродота, их Ксенофонт уже не упоминает, а говорит о моссинах, вооруженных железными секирами в кожаных шлемах «в роде пафлагонских» с пучком волос похожих на тиару (Анаб. V 4, 13). Так как пафлагонские шлемы, по Геродоту, были «плетеные» (VII 72) можно полагать, что здесь разуме-

¹ Contenau, G. La glyptique Syro-Hittite, Paris, 1922, рис. 177.

² Геродот. История в девяти книгах. Перев. Ф. Т. Мищенко, том II, Москва, 1888, стр. 169—171.

³ Ксенофонт. Анабазис, Перев. Т. Янчевецкого, СПб. 1887, стр. 134, 135.

⁴ Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, t. II, Paris, 1884, рис. 220, 238.

Бронзовый инвентарь из «кувшинных» погребений в сел. Приморском.

ются особые шлемы крито-микенского типа,¹ плетеные из кожаных ремней, вместе с которыми вплетались для прочности пластинки из более твердого материала, например, кобаньих клыков, как это отмечено у Гомера (X 267—265).²

Кожанный шлем возложил он на голову сыну Тидея,
Шлем без султана и гребня; зовут его плоскою каской,
Голову им защищают в сраженьи бойцы молодые.
А Мерион Одиссею свой лук предоставил с колчаном,
Дал ему меч и на голову *шлем* возложил свой *из кожи*,
Сделанный крепко. Внутри этот шлем неразрывно смыкался
Множеством тонких ремней, а снаружи держался клыками
Белыми от сереброзубого вепря, усаженный ими
Дивно с искусством большим,—по середине ж был войлоком выстав-
лан.

Не исключается возможность, что вплетение вместе с кожей древесных прутьев могло дать основание Геродоту³ называть такие шлемы «деревянными», подобно тому, как он пишет об одежде индейцев, что она сделана из дерева ξύλον τεταπημένον (VII 65), тогда как, судя по его сообщению в другом месте (III 106), материалом для нее служили волокна плода «дикорастущих деревьев» (м. б. имеется в виду хлопчатник).

Здесь следует еще вспомнить ценное сведение, сообщаемое Павсанием,⁴ о виденном им в храме Асклепия в Акрополе панцире савроматов, туземного коневодческого меотийского племени, известного Геродоту (IV 116, 117), Псевдо-Гиппократу (Περὶ Αἰσρ. 24) и под иными названиями Помпонию Меле (De chorogr. I, 114). Для изготовления такого панциря вырезаются из лошадиных копыт пластинки, пробуравливаются и сшиваются воловьими и лошадиными жилами, так что по красоте и прочности такой панцирь не уступает эллинским.

Тем более трудно предполагать существование бронзового шлема и панциря, как военного снаряжения для гораздо более древней эпохи эшерского могильника, с бронзовым инвентарем кобаньского типа.

¹ Лихтенберг Р. Доисторическая Греция, перев. под редакц. Б. В. Фармаковского, СПб, 1913, стр. 83.

² Гомер. Иллиада. Перевод М. П. Минского, Петроград, 1917, стр. 138.

³ Геродот. История в девяти книгах. Перевод Ф. Т. Мищенко, Москва, 1888, том II, стр. 170—171.

Павсаний. Описание Эллады. Перев. Г. Янчевецкого, СПб, 1887—1889, стр. 191.

Латышев В. В. Извест. древних писателей о Скифии и Кавказе, том I, СПб 1900, стр. 570.

Действительно описываемый классическими авторами воинский наряд народов Черноморского побережья в значительной степени соответствует тому, что дают поэмы Гомера для эпохи героической Греции, когда железо начинало входить в употребление. В Одиссее существование панцыря $\theta\acute{o}\rho\eta\zeta$ не засвидетельствовано совсем. Всюду в состав вооружения входит только щит, копье и шлем. В Илиаде, хотя мы и имеем неоднократное упоминание героев в панцырях (8 со стороны греков и 11 со стороны Трои, всего в 25-ти местах поэмы), панцырь $\theta\acute{o}\rho\eta\zeta$ является всюду, как показал подробным анализом текстов Райхель,¹ несомненной интерполяцией, вызванной в Илиаде, сравнительно с Одиссеей большей фиксацией внимания на изображении непосредственных воинских подвигов уже в эпоху, когда металлические латы и шлемы были в широком употреблении и когда художники, особенно VI—V века до н. э., помощью их интерпретировали образы поэмы.

Так и Павзаний,² приводя описание картины Полигнота о завоевании Трои описывает это панцырное вооружение, ссылаясь со своей стороны только на одно упоминание Гомера о „гиалопанцыре“ у второстепенного героя поэмы фригийца Форкида.

На самом деле оборонительное вооружение греческого воина состояло в конце II-го, начале I-го тысячелетия, как можно судить по изображениям на известном фрагменте поздне микенской глиняной вазы с воинами,³ по расписям дипилонского стиля, наконец, по остаткам погребального инвентаря этого времени, из кожаных щитов $\sigma\acute{\alpha}\chi\omicron\varsigma$ или $\beta\omicron\sigma\epsilon\iota\eta$, поножей $\chi\upsilon\mu\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$, тоже кожаных, с металлическими держателями, кожанного шлема $\chi\upsilon\mu\acute{\epsilon}\eta$, $\chi\omicron\rho\upsilon\varsigma$ с султаном или кожаным гребнем, короткого хитона с рукавами $\lambda\upsilon\omicron\theta\acute{o}\rho\eta\zeta$ и кожанного передника $\zeta\acute{o}\rho\mu\alpha$ с бахромой. Кроме этого; древнейшей частью воинского снаряжения являлись по Райхелю⁴ особая толстая, легкая, стеганая повязка $\mu\acute{\iota}\tau\tau\eta$ на живот, покрытая иногда металлической пластинкой и одевавшаяся на голое тело под хитон или реже сверх него, а также часто упоминаемый в Илиаде пояс $\zeta\omega\sigma\tau\acute{\eta}\rho$, иногда, вследствие металлических украшений, получавший там вместе с $\mu\acute{\iota}\tau\tau\eta$ наименование панцыря $\theta\acute{o}\rho\eta\zeta$, как например, в стихах о вооружении Менелая (Илиада IV 132—139).

Упоминаются в Илиаде и льняные панцыри $\lambda\upsilon\omicron\theta\acute{o}\rho\alpha\zeta$ в качестве, например, вооружения Аякса Локрского и Амфея (II 529, 830). Два та-

ких льняных панцыря роскошно вытканых послужили даже в VI веке, по сообщению Геродота (II 182; III, 47), в качестве ценных подарков от египетского фараона Амасиса лакедемонянам и острову Родосу в храм Афины.

Павзаний говорит, что льняные панцыри можно было видеть в его время (II в. н. э.) в разных храмах Греции. Повидимому, эти панцыри простегивались на льняной пеньке или пакле,¹ почему, по словам Павзания, они хороши на охоте, так как в них завязают зубы львов и барсов.

Из того же села Приморского происходит другая старая находка, сделанная еще в 1912 году на участке крестьянина Бахмача. Ни в публикации В. И. Стражева, ни в архиве Музея нет сведений о принадлежности происходящих оттуда предметов к одной находке. Сюда относятся пять предметов, опубликованных В. И. Стражевым², булава с крученым стержнем и петлей-завитком на конце, пряжка-крючок с дисковидными спиралями из четырехгранного прута (табл. X*), цилиндрическая спираль из трехгранного прута ребром наружу и обломки двух браслетов с насечным орнаментом.

В коллекции А. Л. Лукина имеется из Приморского третья находка 1931 года из трех предметов также не отличимых по типу от кобанских. Однородная серо-зеленая полублагородная патина подтверждает их совместное происхождение. Это, во первых, массивный бронзовый топор 17 см. длины, с довольно узким вытянутым гвоздеобразно обухом и опущенной вниз лопастью; боковые поверхности покрыты орнаментом, состоящим из довольно крупного шахматного узора на расширенной части лопасти и вышеупомянутых кружочков, нанесенных трубчатым штампом, параллельными рядами в двух полях по шейке топора до обойменной его части. Во вторых, клинок бронзового кинжала наиболее обычного для Кобани типа с характерным строением входящей в рукоять части, в виде центрального шипа и двух треугольных перепонок с отверстиями для гвоздей; длина всего клинка 25 см, ширина близ основания 4,5 см. Наконец, шейная гривна более тонкая, чем из собрания Музея, но со столь же широкими лентообразно уплощенными и свернутыми в спиральные завитки концами.

Следующая группа предметов Музея, извлеченных из одного погребения, также происходит из Гудаутского района села Мгудзырхва в урочище Аагста. Погребение, найденное случайно в 1929 году при

¹ Reichel Wolfgang. Homerische Waffen. 2 Aufl, Wien, 1901, стр. 69—86.

² Павзаний. Описание Эллады. Пер. Г. Янчевецкого, СПб, 1887 — 1889, стр. 801.

³ Schuchardt Karl. Schliemanns Ausgrabungen, Leipzig, 1891, рис. 300, 301.

⁴ Reichel W. Цит. соч. стр. 91—93.

¹ Оленин, А. Н. Переписка с разными лицами по поводу предпринятого Н. И. Гнедичем перевода Гомеровою Илиады. В: Археологические труды А. Н. Оленина, т. I, вып. 1, СПб, 1881, стр. 181—182, 184.

² Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. В: Изв. Абх. Научн. Общ. вып. IV, Сухум. 1926, стр. 111, №№ 13, 16, 17 (рисунки) и 20.

рытье канавы, было докопано А. Л. Лукиным и затем обследовано Г. П. Барачом (б. директором Музея Абхазии). Происхождение вещей из одного погребения является несомненным, хотя могила и была несколько нарушена оползнем. Погребение представляет собой, повидимому, труположение в грунте. К этому погребению принадлежат три бронзовых топора, (табл. XI^ю) одного, в общем, профиля с клиновидным обухом и полуовальной лопастью. Самый большой топор, длиной 19,5 см отличается изящной, сильно вытянутой формой и лишен орнамента. Второй самый маленький около 16,5 см длины по-

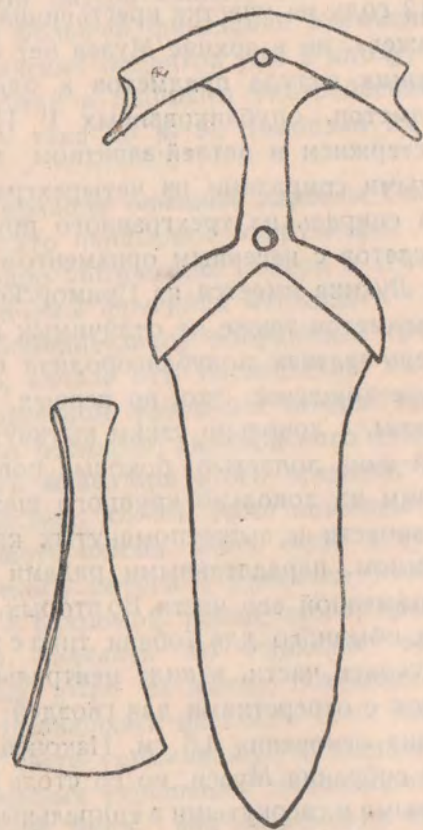
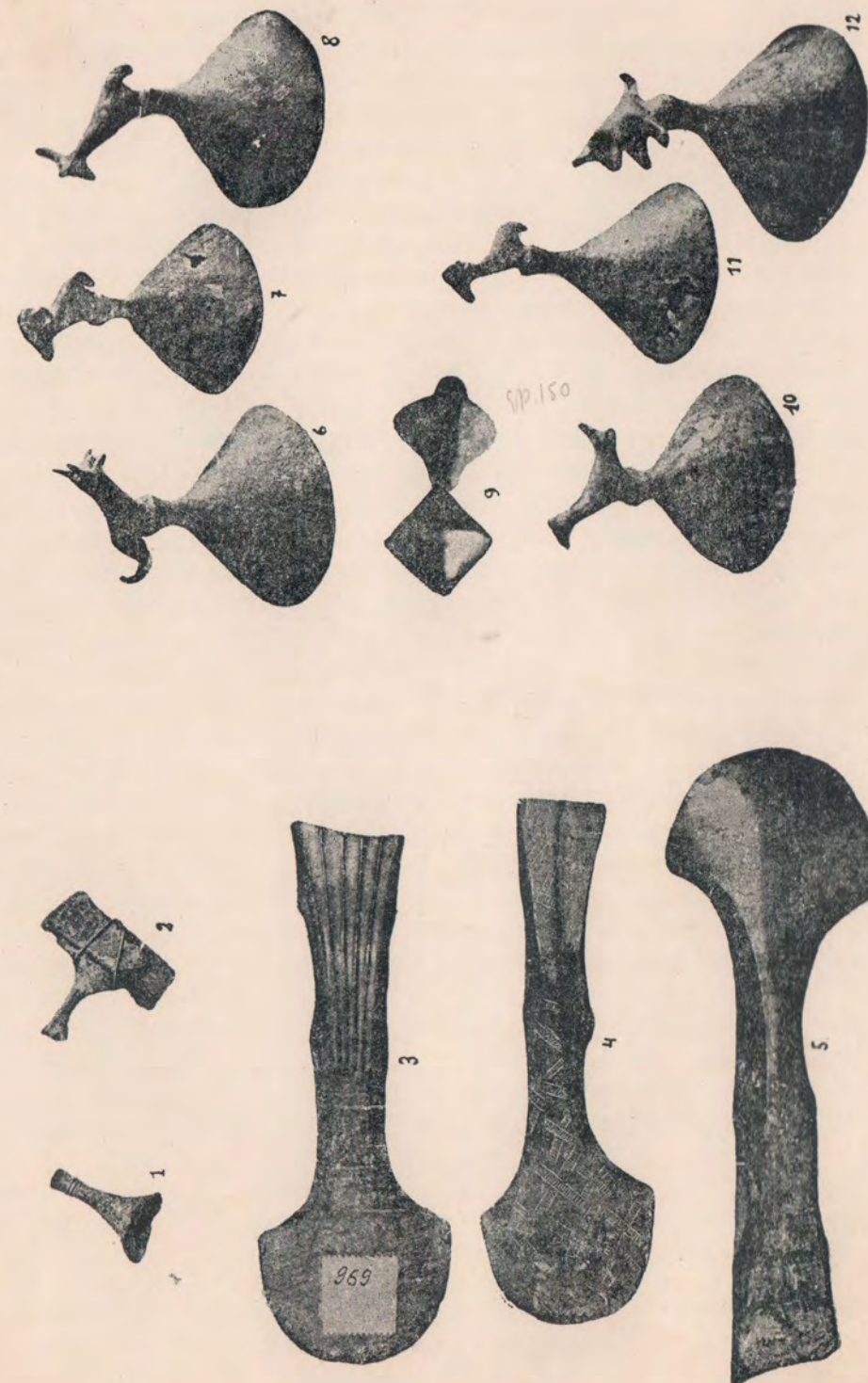

Рис. 27. Бронзовый кинжал с „антенной“ рукоятью и широколопастной пинцет в $1/3$ нат. вел., из находки в с. Агудзера, (хранится у К. Кудрявцева в Сухуме).

крыт орнаментом из перекрещивающихся заштрихованных поперек лент, образующих как бы отдельные, не всегда вполне правильные, крестовидные фигуры, заполняющие поверхности лопасти и боковые и верхние грани шейки и обуха. Третий топор, 17 см длиной, по отделке является редким гибридом с первым типом кобаньского то-

Бронзовый инвентарь из грунтового погребения в сел. Мгудзырхва,

пора, отличаясь несвойственной для клинобушного типа, (с симметричной лопастью), ребристой отделкой обушно-обойменной половины топора, покрытой пятью широкими продольными¹ желобками, отделенными друг от друга острыми выступами, как на топоре с гвоздеобразным обухом из собрания Уварова.

Все три топора, как видим, имеют полную аналогию среди кобанских, хотя по форме и принадлежат к более редкому там типу. Напротив, предметы украшения за исключением сердоликовых бус из этого погребения, большею частью неправильно округленной формы, представляют собою местную особенность абхазской бронзы. Сюда, прежде всего, принадлежат шесть колоколовидных конических бляшек с петлей внутри и фигуркой животного на вершине (табл. XII^{6,12}). Они имеют 6 см в диаметре и около 4,3 см высоты, не считая фигуры. Две из (7, 11) них несут изображения баранчиков с завитыми рогами и опущенным коротким хвостом, две другие (6, 12) вместо баранчиков имеют изображения двух собак с стоячими ушами и поднятым хвостом, причем в одном случае у собаки изображены поднятые вперед передние лапы; наконец последние две несут, одна (10), птичку с раздвоенным хвостом и головкой, снабженной по бокам роговидными выступами, другая, фигурку бычка (8) с таким же коротким хвостом, как на замечательной бронзовой скульптурке быка (рис. 48*) только что поступившей в Абхазский Музей из случайных находок на Абгархуке. Изучение этих животных, особенно сравнительно с аналогичными фигурками, украшающими булавы, навершия, бляхи и пр. на Северо-Кавказских бронзах, если учесть, что в выборе животных для изображения отражаются в известной мере хозяйственные интересы, можно дать некоторый материал по вопросу о ведущих типах хозяйства в соответствующих районах. Так в нашем случае отсутствуют изображения диких животных, оленей, горных баранов, козлов обычные для Кобани² и напротив получает место бык, сравнительно реже фигурирующий в соответствующих памятниках Северной Осетии.³

Вместе с этими фигурными коническими бляшками был найден еще также обломок верхушки подобного же предмета, но меньшего размера и не снабженного фигуркой животного, вместо чего вершина конуса вытянута в столбик с расширением наверху (табл. XI₁). Подобная

¹ Уварова П. С. Цит. соч. Могильники Северного Кавказа, табл. IV.

² Анучин Д. Н. Доисторическая археология Кавказа, В: Журн. Мин. Народ. Просвещ., 1884, янв. стр. 230.

³ Virchow Rudolf. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus, Berlin, 1883, стр. 137.

же колоколовидная бляха имеется среди случайных находок в Кюр-Дере, собранных нашей экспедицией (табл. XIV_{1,2}).

Далее к описанному погребению из поселка Аагсты принадлежат очень крупные биконические бронзовые бусы (табл. XI₁ и табл. XII) двух форм: одни в виде сложенных основанием двух правильных конусов и другие в виде также сложенных конусов, образующая которых представляет вогнутую внутрь дугу. Размер первого типа, найденного в количестве 4-х штук, колеблется вокруг 3-х сантиметров в длину и в ширину, второго же от 4-х до 2,5 см длины, около 2,5—2 см ширины. Оба эти типа бус неизвестны на Северном Кавказе, а в Закавказьи имеют аналогии пока только среди боржомских находок в коллекции проф. П. З. Виноградова-Никитина, где они меньше по величине и менее тщательной выделки. В Абхазии, напротив, эти бусы, видимо, типичны и встречены также в первом эшерском погребении, о котором ниже, и среди случайных находок в Кюр-Дере.

Специфической южно-кавказской надо считать принадлежащую к этому же комплексу пряжку, с звериной головкой на длинной крючковидной шее, (табл. XI₂) от узкого лентовидного бронзового пояса, который вставлялся в продольный расщеп этой пряжки и прочно заклипывался в ней. В Аагстинском погребении эта пряжка найдена в фрагментированном виде, но легко восстанавливается по находке в первом эшерском погребении (табл. XVI₁). Она принадлежит поясу, который имел в ширину 4,4 см. В известной мере к этим формам примыкают найденные в Кобани пряжки с головками туров.¹

Наконец, в Аагстинском погребении найдены еще отдельно А. Л. Лукиным, но *in situ* в могиле две пары крупных колец, обычно рассматриваемых в качестве ножных аналогов браслетов. В этих кольцах, попарно сложенных вместе, действительно находились остатки ножных костей. Они имеют 12 см во внешнем и 6 см во внутреннем диаметре и 3 см в толщину, не замкнуты, с расщелиной между двумя концами до 0,5 см шириной (сравн. подобное же кольцо из эшерского погребения: табл. XVII₂, нижнее). Замечательным является то, что эти кольца отлиты из бронзы не целиком, а имеют более легкую сердцевину, как бы из обожженной глины или шлака. Повидимому отливка производилась по способу «утериваемой формы» по восковой модели. Воском покрывалась и по воску моделировалась поверхность из глины вылепленной кольцевидной сердцевины, после чего приготовленная модель заливалась в глину. На месте расщелины кольца внутренняя сердцевина сливалась с наружной обкладкой формы и скреплялась с ней, так что при растаивании восковой обо-

¹ Уварова П. С. Цит. соч., табл. XXVI, и XXXVII₅.

лонки продолжала оставаться на своем месте внутри формы. В приготовленную таким образом и высохшую форму в проделанное специально отверстие наливалась расплавленная бронза, заливавшая пространство освобожденное от воска. После извлечения из формы кольца, сердцевина прорезалась на месте получившейся в бронзе расщелины. Подобного типа кольца, встреченные также и в первом эшерском погребении, совершенно неизвестны в других местах Кавказа и Закавказья и представляют своеобразную особенность Абхазской бронзы.

Относительно способа употребления этих колец, оказавшихся одетыми на ногу покойника, можно думать, что они могли одеваться только в детском возрасте и оставаться на ногах не снимаясь до смерти, т. к. техника их изготовления не допускает возможности их разятия и заковки в них ноги взрослого как в других случаях.

Ближайшей известной мне аналогией этим кольцам являются два полых бронзовых кольца приблизительно такого же размера, но более тонких по форме (наружный диаметр = 11,3 см, внутренний 8,3 см), найденных в большом кладе бронзовых кельтов в Гродненской губернии у деревни Падуковная Калиновка.¹ Эти браслеты также представляют собою не сплошное кольцо, а имеют расщеп служащий местом скрепления сердцевины с наружной формой при литье. Несколько иного типа, но подходят к нашей группе, полые, достигающие иногда огромного, вдвое большего размера, чем описанные, кольца из западно-дунайской провинции Гальштаттской зоны.² Эти кольца, находимые также всегда парами, отличаются отсутствием расщепа и наличием вместо него особых окошечек для скрепления сердцевины с литейной формой. Кольца эти часто покрыты характерным кружковым орнаментом, нанесенным трубчатым штампом. Некоторые из этих колец, повидимому, относились к лошадиной упряжи, так как находились с остатками телег,³ но другие, приближающиеся размером к нашим (внешний диаметр 13 см, внутренний 7 см, толщина 3 см)⁴ и зарегистрированные в несомненно женских погребениях, являются ручными и ножными браслетами. Синхроничность Гольштатта с Кобанью заставляет внимательно отнестись к указанной аналогии, может быть лишней раз подчеркивающей возможность ка-

¹ Отчет Археологической Комиссии за 1909—1910 г.г., СПб., 1913, стр. 198.

² Šimek, E. Die prähistorischen Bronzehohlringe. B: Wiener Prähistorische Zeitschrift, Bd. IV, 1917, стр. 69.

³ Mahr, A. Grabhügel der Hallstattzeiten in Thalung bei Enns. B: Mitt. d. Anthrop. Gesellsch. in Wien, Bd. LVI, 1926, стр. 362—363.

⁴ Karnitsch Paul. Gräberfunde von Trankirchen (Oberösterreich) B: Mitt. d. Anthrop. Gesellsch. in Wien, Bd. LVI, 1926 г., стр. 366—368.

ких-то культурных связей между странами, расположенными на восточных и западных окраинах Черного моря в эпоху, предшествующую древне-греческой колонизации.

Следует упомянуть, еще о собранных А. Л. Лукиным на месте этого погребения мелких бронзовых фрагментах от выпуклых стенок какого-то бронзового сосуда и неровного обжига черепках грубой глиняной посуды.

Интересная группа предметов того же характера, происходящая из селения Эшери, находится на археологической выставке Гос. Музея Грузии (табл. XIII). По собранным мною в селении Эшери сведениям эта коллекция, переданная в Музей Грузии в 1933 году Микальяном Мушегом, была найдена в 1927 году на табачном поле Хачиком Маркосяном и состояла из бронзового топора кобаньского типа с клиновидным обухом, наконечника дротика с тонкой расщепленной втулкой (большая часть ее отломана) и треугольной формы пером скрутыми бородками под прямым углом к стержню, бронзового пинцета, поясной скорлупчатой бляшки с крючком, двух колоколовидных бляшек с петлями, как в аагстинском погребении, но с другого характера зооморфными украшениями, оригинального типа двумолоточковой головки с отверстием от бронзовой булавки (табл. XIII₆) и сломанной „глиняной кружки“. К сожалению последнюю я в музее найти не мог, но в инвентарной книге она действительно значится. Вследствии давности находки установить с полной достоверностью принадлежность всех вещей к одному погребальному комплексу мне не удалось, хотя все предметы за исключением, может быть, бронзовой булавки, синхроничны друг другу и встречаются в подобных сочетаниях в других находках. Так, бронзовый пинцет подобной формы принадлежит инвентарю самой богатой древней могилы нижнего этажа в Самтавро (мог. 591), из раскопок Байерна, с бронзовым мечом, бронзовой секирой (амазонским топором), бронзовой дугообразной фибулой и пр. Часто находились пинцеты и в синхроничных могилах южного Закавказского производственного центра (Калакент, Джеваншир, Севанское озеро), также в мужских погребениях, служа вероятно для выщипывания волос, или же в качестве хирургического инструмента, как думает Байерн.¹ Имеются бронзовые пинцеты также из Кобани,

¹ Bayern Fr. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien, Berlin, 1885, стр. 36, табл. VII, 14.

Ивановский А. А. По Закавказью. В: Материалы по Археологии Кавказа VI, Москва, 1911 г.

Belck W. Раскопки Rösler'a B: Verh. Anthropol. Gesellschaft-Zeitschrift für Ethnologie, 1894, стр. (224) сл.

и Уварова¹ напрсно сомневалась в возможности относить их к древнейшим ее слоям; золотой пинцет вместе с ухверткой и резцом был найден, например, в одной из царских могил в Уре,² датируясь таким образом рубежом 3-его и 4-го тысячелетия до н. э. Правда пинцет этот имеет иное строение: он спаян из двух пластинок, но и пинцеты, как наши, согнутые из одного куска были известны очень рано в Египте и Эгейской культуре,³ проникнув несколько позднее в Агадскую эпоху, и в Южную Месопотамию.⁴ В Музее Грузии имеется пинцет из Зиндиси (Сурам), орнаментированный типичными для кобаньских предметов изображениями фантастических хищников, в коллекции же Сен-Жерменского Музея, один пинцет из Кобани украшен изображением змеи, также характерным для кобаньской бронзы. Наш пинцет из Эшери несет на себе солярный мотив в виде трех кружков с точкой в центре, как и на европейских пинцетах гальштаттской эпохи. Следует упомянуть также недавно найденный в Абхазии, вместе с бронзовым кинжалом (см. стр. 158), широколопастной пинцет (рис. 27) у с. Агудзеры.

Но в составе абхазской бронзы этого времени оказываются чуждые для Северной Осетии предметы. Эшерская круглая пряжка с семилучевой звездой, рельефно выступающей на вырезанном фоне хотя и примыкает, по общему характеру и техническому приему выборки поля рисунка и затопления его инкрустирующей массой, которая в описываемом случае видимо выпала, к богатым пряжкам Кобани, но в данном виде там не встречалась. Колоколовидные бляшки с петлей внутри приближают комплекс к аагстинскому погребению, но отличаются совершенно иного характера зооморфным мотивом. Здесь уже не целые фигурки животных, посаженных на верхушку, а только отдельные головки при чем парные, как бы вырастающие из вершины конусов. Эти бляшки совершенно тождественны с колоколовидными бляшками другого Эшерского комплекса, описанного М. М. Иващенко. В обоих комплексах каждая фигурная бляжка сделана по своей восковой модели, но животные всего только двух типов (табл. XVII₄): головки с широкими тупыми мордами, на которых отмечен рот, и головки с узкими мордами. Уши у всех стоячие, острые. Конечно, для

¹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, Москва, 1900 год, стр. 82, табл. XXX, 7.

² Contenau G. Manuel d'archéologie orientale, t. III, Paris, 1931, стр. 1515, рис. 924.

³ Déchellète J. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, T. II, Paris, 1910, стр. 340.

⁴ Childe G. Die Bedeutung der altsumerischen Metalltypen für die Chronologie der europäischen Bronzezeit. B: Mitteil. d. Anthropol. Gesellschaft in Wien, LXIII, 1933, стр. 19.

нас самое важное было бы определить какие именно животные получили здесь свое изображение. Каждый тип парных головок мог бы быть принят в отдельности за «коньков», поскольку парные изображения конских головок известны среди Кобаньского инвентаря, например на булавке Сен-Жерменского Музея,¹ где конские головки трактованы очень близко к описываемым с узкой мордой, но уши там мельче, а главное, имеется характерный признак большинства местных изображений лошади, стоячая подстриженная грива, даже намек на которую нет на наших изображениях обоих типов. Это обстоятельство и не дает нам оснований поддерживать предположение об отношении их к лошади.

Рис. 28. Изображение головы „хищника“ с двойными баранчиками в пасти, на рукояти бронзового кинжала (по Уваровой)

Можно еще предположить, что более узкие головки принадлежат собаке, или может быть ее злому двойнику — волку, в таком случае широкие придется приписать какому то иному хищнику, врагу и в то же время лесному «хозяину» стад, которого можно видеть, например, на знаменитом кинжале Исторического Музея из бывшего собрания А. С. Уварова,² где рукоять заканчивается двойной головой подобного хищника с большими торчащими ушами (рис. 28), несущего в пасти с каждой стороны по барану с двойным телом и головками

¹ Chantre Ernest. Цит. соч. том II, pl. XX.

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Москва, 1900 год. Табл. XXXIX, 5.

² Уварова П. С. Цит. соч. стр. 24, рис. 30, Табл. IX.

в разные стороны, подобно итальянским бронзовым баранчикам-привескам и таким же бычкам из фрако-иллирийского могильника со скорченными погребениями в Бальмонте-Пичене,¹ на Адриатическом побережье, датируемым фибулами, ранне этрусской эпохи, одновременной с Гальштаттом.²

Совершенно особое место, весьма пока неясное, занимает в эшерском комплексе Музея Грузии бронзовая булавка, сохранившаяся в нем лишь в виде фрагмента, именно верхней части (табл. XIII₆). Головка этой булавки, снабженная отверстием, украшена четырьмя гвоздеобразными кнопками, расположенными попарно так, что можно подозревать происхождение этого мотива из удвоения молотовидной головки булавок более древнего культурного слоя, о которых будет речь при анализе дольменного инвентаря, именно булавок из Сачхери и подобной последним с Северного Кавказа.³

Я не буду подробно останавливаться на втором погребальном комплексе из Эшери, хранящемся в Абхазском Музее, так как его описание находится в вышеупомянутой работе М. М. Иващенко,⁴ но коснусь его общего характера и отдельных деталей. Прежде всего следует заметить, что не удастся окончательно установить, происходят ли все вещи из одного, или двух разных погребений. По собранным мною на месте дополнительным сведениям, будто бы в одном глиняном сосуде, обнаруженном Микальяном Гургеном, Дванджаном Арутюном и Эшаном были найдены: кости от „двух человек“, большой бронзовый лист, орнаментированный точками, около 30 см ширины (ср. табл. XVI₃), и бронзовый топор с вдетой в него бронзовой же рукоятью (ср. табл. XV₁), 99 шаровидных „красных“ бус (ср. табл. XVII₁), несколько бронзовых копий (ср. табл. XV₅, 7), массивные бронзовые кольца (ср. табл. XVII₃), „бронзовая большая трубка“ (бронзовые поручи) (ср. табл. XVI₂) и, наконец, бронзовые колокольчики с головками (ср. табл. XVII₄). Так как в перечислении не достает собственно только двух бронзовых клинков, не упомянутых, может быть по за-

¹ Baglioni S. Beitrag zur Vorgeschichte des Picenums B: Zeitschrift für Ethnol., 1905, стр. 262, рис. 25, 26.

Фармаковский Б. Н. Архаический период в России. В. Матер. по Археол. России, вып. 34, Петроград, 1914 год, Табл. XIV, 4—6, стр. 43 прим. 2. Здесь опубликован один такой бычок, найденный в Этрурии из коллекции А. Н. Оленина у А. А. Бобринского.

² Hoernes M. Die Hallstattperiode B: Archiv für Anthropologie, 1905, стр. 276.

³ Сальдау П. Я. и Гущина А. Ф. Применение металлографии в археологии В: Сообщ. ГАИМК, 1932, вып. 3/4, стр. 60, рис. 3. (к сожалению без указания на ее местонахождение).

⁴ Ivašenko M. M. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens. B: ESA, VII, Helsinki, 1932, стр. 103—108 и в русской редакции: Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, Тифлис, 1935, стр. 58—64.

бывчивости, можно думать, что все доставленные в Музей предметы составляли одно сложное погребение двух человек, хотя полной уверенности в этом нет. Но и в таком случае часть предметов несомненно относится к мужскому, другая же часть, особенно ножные кольца, может быть, к совместно с ним положенному женскому погребению.

Сравнивая инвентарь с аагстинским погребением, где отсутствуют кинжалы и копья, явные атрибуты мужского снаряжения, можно думать, что ожерелье из биконических и сердоликовых бус, ножные кольца, узкий бронзовый пояс с звериной головкой и, наконец, колоковидные украшения с фигурками или головками животных, то-есть предметы общие этим обоим погребениям, являются принадлежностью женского костюма. Но и в таком случае придется предполагать, что бронзовые топоры, даже в количестве нескольких штук могли класться и в женскую могилу.

Шейная гривна являлась скорее характерным мужским украшением, так как мы находим ее в несомненно мужском комплексе, с копьями, кинжалом и топором из погребения в Приморском на участке Репях, а также и в другом, состоящем из кинжального клинка вышеописанного типа, найденного нами в Эшерах, топора с шахматным узором и шейной гривны, в коллекции Лукина, оттуда же. Е. Chantre¹ утверждает это и относительно Кобани, хотя не дает доказательств в погильных описаниях. В данном эшерском погребении также повидимому имела шейная гривна, но из олова, как и в ниже описанном, вновь открытом экспедицией погребении в Эшерах. О найденных оловянных фрагментах М. М. Иващенко² сообщает, что один из них трубковидный (вероятно это поворот спирального завитка гривны), другой же имеет форму «дуги или ручки», как подобную гривну склоняются рассматривать П. С. Уварова³ и В. И. Стражев⁴. К сожалению этих фрагментов в Музее уже не сохранилось.

Что касается трех бронзовых кинжальных клинков, они принадлежат в общем к одному представленному у П. С. Уваровой⁵ единственной находкой из могильника Верхней Кобани типу, который характеризуется редкой для Северного Кавказа формой, близко соответствующей современным местным железным кинжалам с прямым длинным равношироким лезвием, в нижней трети переходящим по-

¹ Chantre Ernest. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I, Paris-Lion, 1885, ст. 56.

² Иващенко М. М. Цит. соч., стр. 106.

³ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. В: Матер. по Арх. Кавказа, VIII, 1900, стр. 282.

⁴ Стражев В. И. Бронзовая культура Абхазии. В: Изв. Абх. Научн. Общ., вып. IV, Сухум, 1926, стр. III.

⁵ Уварова П. С. Цит. соч., стр. 27, табл. XIII.

Бронзовые украшения из грунтового погребения в сел. Мгудзырхва.

ступенным изгибом краев в колюще-режущее острие. Для скрепления с рукоятью служат у описываемых клинков черенки, в одном случае узкий и более длинный, в двух других расширенный плоский с отверстием на конце (табл. XV_{3, 4}). Эта их особенность указывает на известную зависимость кинжалов из с. Эшери от традиций южно-закавказского производственного района¹ этой эпохи (Закавказское плоскогорье с Эриванской котловиной, главным образом в бассейне левых притоков среднего Аракса и Севанского озера), где бронзовые клинки с продырявленным язычком пользуются особенным распространением,² сохраняя, повидимому, какую то связь с древними переднеазиатскими прототипами, начиная с древнейших шумерских³ и до Трои II,⁴ в то время как Западное Закавказье вместе с центральной частью Главного хребта и его северным склоном с одной стороны, центрально-закавказские производственные районы левобережья и правобережья средней и верхней Куры, с другой, и даже юго-восточное Закавказье (Талыш)⁵, успели выработать совершенно иные типы треугольных, листовидных и «пламевидных» клинков с широкой базой скрепления с рукоятью (что сохраняется и при имитации этого скрепления в обычно практикуемых здесь случаях отливки бронзовой рукояти кинжала на готовый клинок), подобные ранне-бронзовым формам Египта,⁶ Крита, Греции,⁷ Италии и Восточных Альп,⁸ вплоть

¹ Ивановский А. А. По Закавказью. В: Мат. по Арх. Кавказа, вып. VI. Москва, 1911, табл. III, рис. 1—13.

Лалаян Е. Раскопки курганов в Советской Армении (на арм. яз.) Эривань, 1931, стр. 157, рис. 109.

² Пассек, Т. и Латынин, Б. Очерк доистории Северного Азербайджана. В: Изв. О-ва Обслед. и изучения Азербайджана, № 3. Баку, 1926 г., стр. 124, рис. 8, стр. 135, рис. 17.

³ Mackay Ernest. A Sumerian palace and the „A“ cemetery at Kish, Mesopotamia, Chicago, 1829, стр. 162—163, табл. XXXIX, 5, 8 и табл. LXII 15, 17—20.

⁴ Bittel Kurt. Prähistorische Forschung in Kleinasien, Istanbul, 1934, стр. 51—53, табл. XIX_{1, 5}, XXI₁₋₇.

⁵ Morgan (de) Jacques. La préhistoire orientale, t. III, Paris, 1927, стр. 203—204, рис. 197, 198₁₋₂.

⁶ Petrie Flinders W. M. History in Tools. From the Smithsonian Report for 1918, Washington, 1920, стр. 570, рис. 33 и 32.

⁷ Childe Gordon, V. The dawn of european civilization, London, 1927, стр. 35—36, рис. 14₁ и 15, стр. 46, рис. 21₃, 22₃, 38₁.

Dussaud René. Les civilisations préhellénique dans le bassin de la mer Egée, Paris, 1910, стр. 32—33, рис. 16.

Déchelette J. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, t. II, Paris, 1910, рис. 57₇₋₈.

⁸ Déchelette J. Цит. соч. стр. 191—193, 195, рис. 57 и 49.

Montelius Oscar. Die Chronologie der ältesten Bronzezeiten in Nord-Deutschland und Scandinavien. В: Archiv für Anthropologie, Bd. XXVI, Brunswick, 1900, стр. 479, 480.

до северной Европы.¹ Таков, например, недавно найденный случайно при выборке песка кинжал близ с. Агудзеры, хранящийся ныне у К. Кудрявцева в Сухуме. Его рукоять, подобно рукояти от вотивного кинжальчика из Эшери (табл. XIII²), снабжена „антенной“ и плотно скреплена плечиками с широким основанием клинка (рис. 27). С ним вместе находились такое же лезвие без рукоятки и вышеупомянутый (стр. 153) пинцет.

Теперь, конечно, не время входить в рассмотрение сложного вопроса о хронологических взаимоотношениях и происхождении этих различных типов кинжала на Кавказе и в Закавказье, в связи со своеобразной встречей здесь экономических интересов Средиземноморского Запада и Месопотамского Востока, но можно только отметить, что кинжалы последней группы без черенка и с отверстиями для скреп, расположенными поперек, характеризуют момент замещения в вышеуказанных районах их распространения более древних пластинчатых клинков со стержнем без отверстия, о которых нам предстоит еще говорить в 3-й части отчета при рассмотрении дольменного инвентаря. В то же время в период расцвета индустрии кобаньского типа наблюдается значительное проникновение в нее многих форм из южных производственных центров Закавказья и влияние их на местное производство. К этим явлениям и относятся найденные в первом эшерском комплексе кинжалы, уже очень развитых форм с резко дифференцированными стерженьками, с отверстием и без него. Один из этих клинков с более длинным и узким черешком в 3 см, сходный по своим пропорциям с вышеупомянутым из верхней Кобани, хотя крупнее его, имеет еще редкую особенность, известную на некоторых бронзовых закавказских клинках (Музей Грузии инв. 12—32:50, Зиндиси) три резко выступающих вдоль всего лезвия до острия срединных ребра, в то время как ровные слегка выпуклые поверхности двух других несколько более широких (3, 2 см.) и коротких, около 21 см. (восстанавливая отломанный кончик) кинжалов снабжены, вместо этого, как на кобаньском, гравированными тонкими бороздками, параллельно краям лезвия в числе двух пар на каждом клинке, обычными на многих поздне-бронзовых европейских, а также и различных кавказских бронзовых клинках.

Одно уже это наличие трех кинжалов одного типа, но различных форм, в эшерском погребальном комплексе и четвертого, объединяющего их черты в верхней Кобани, до известной степени указывает на возможную принадлежность их к продукции местного производства, тем более, что вполне подобные кинжалы неизвестны пока из каких-либо иных местностей. При этом их связь с последующими железны-

¹ Mortillet G. et A. Musée préhistorique, Paris, 1881, Pl. LXVIII.

ми формами, которые, до сих пор находясь в быту у местного населения, удерживают совершенно тождественные очертания клинков, указывает на установившиеся уже для бронзовых прототипов приемы пользования ими, как очень острым колюще-режущим оружием.

Еще более замечательным является своеобразный наконечник копья (табл. XV₂), происходящий из этого комплекса и своей формой подтверждающий только что сказанное о вероятности местного изготовления кинжалов. В этом копье мы имеем дело с редким образцом копейного «пера» в форме вышеописанного развитого кинжального клинка с тремя выгравированными продольными бороздками. Копье обладало щелевидной разомкнутой узкой трубчатой втулкой, к сожалению, в большей своей части отломанной и утерянной. Сохранившийся на копье ее кусок украшен от краев щели узором в виде гофрировки в косом елочном расположении. Переход втулки в расширенную часть самого копья подчеркнут пояском из пяти глубоких кольцевых нарезок. Это копье по своему назначению не следует смешивать с так называемыми «втульчатыми кинжалами», известными, например, по находкам в поздней западно-европейской бронзе (Сев. Франция, Британские о-ва)¹. У последних, сообразно назначению оружия, втулка отличается массивностью, значительно более коротка, широка и толстостенна,² напоминая, между прочим, древнейшую шумерскую находку в Кише, кинжал, снабженный такой специальной втулкой и относящийся к рубежу IV—III тысячелетия до н. э.³ В нашем же случае разомкнутая тонко-трубчатая втулка предназначена лишь для прямых колющих ударов копья и не пригодна для сильных боковых режущих движений, чем эта, видимо, очень молодая форма резко отличается от известных ранее бронзовых британских копий с треугольным кинжальным лезвием типа Arretton Down⁴, где крепкая втулка получила происхождение из специальной первоначально отдельной трубчатой обкладки конца древка под копьем.⁵ Наше копье, напротив, примыкает к обычным местным длинновтульчатым копьям с настоящим копейным срединно-остро-реберным пером, разделяя в ряде

¹ Déchelette Joseph. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, t. II, Paris, 1910, стр. 196.

² Mortillet Gabriel et Adrian, Musée préhistorique, Paris, 1881, табл. LXXX, рис. 895 и 896.

³ Mackay Ernst. A Sumerian Palace and the „A“ Cemetery at Kish, Mesopotamia, B. Anthropology, Memoires Field Museum of Nat. Hist. vol. I, № 2, стр. 162, табл. LXII, рис. 16.

⁴ Déchelette Joseph. Цит. соч., стр. 217—218, рис. 69.

⁵ Childe Gordon, V. The dawn of european civilisation, London, 1927, стр. 299.

случаев с последним одну характерную черту, особые симметричные округлые выемки с обеих сторон в основании бородок пера, как на копье из селения Джомаг в Юго-Осетии Музея Грузии (инв. 83-14), на копье неизвестного местонахождения того же музея с орнаментальными фигурами лошадей на втулке, на копье Потийского Музея из холма Наохваму со втулкой, украшенной ленточным орнаментом, того же характера, как на вышеописанных копьях из сел. Приморского с участка Репях.

Несомненно промежуточное место занимает и копье с кинжаловидным лезвием (16 см длины и 3,2 см ширины у основания) другого типа с срединным острым ребром из Нового Афона в коллекции

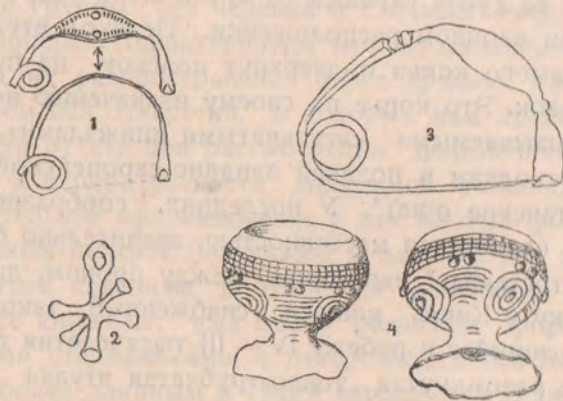
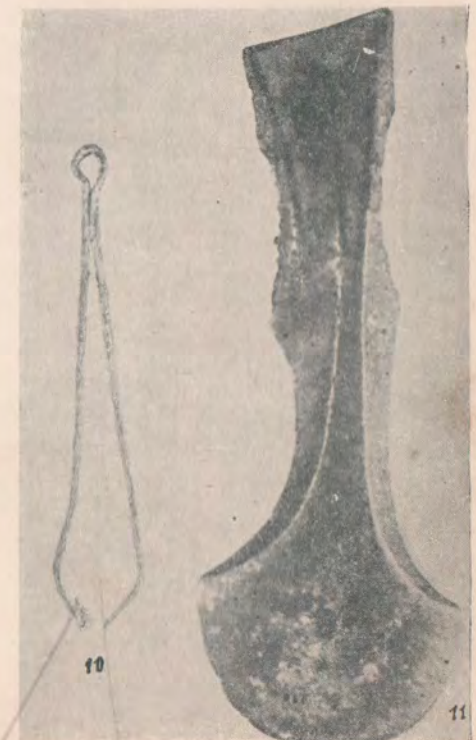
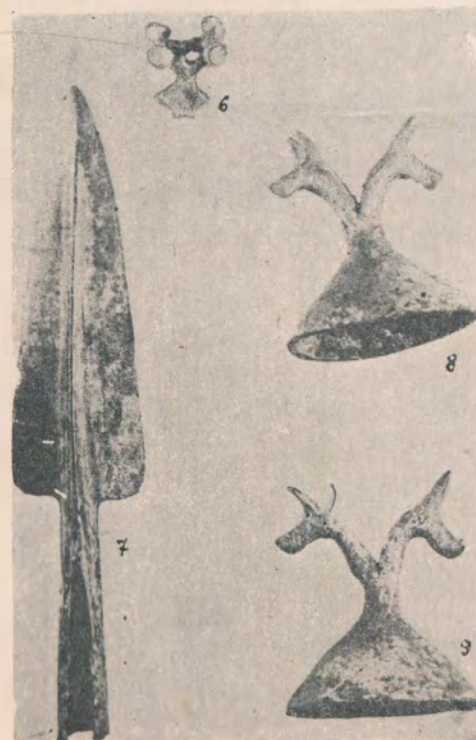
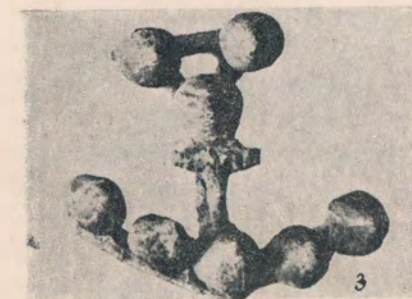

Рис. 29. Находки в Абгархуке и Новом Афоне. 1—2 бронзовая фибула с пластинчатым расширением дужки и привеска из Абгархука; 3—4 бронзовая фибула ранне аттического типа (a pavisella) и фрагментированный бронзовый сосудик, из находки с кобанским топором в Новом Афоне.

А. Л. Лукина. Узкая (диаметром 1—1,2 см.) расщепленная втулка (частью отломанная) также как на описываемом копье отделена в последнем случае от пера пояском из пяти кольцевых нарезок. Остальная часть орнаментирована поясками из елочно расположенных мелких косых нарезок. Наряду с этим копьем особой формы в этом комплексе оказались и три бронзовых малого размера копья, обыкновенного типа с треугольной формы пером и длинными расщепленными втулками, как в эшерском комплексе Музея Грузии и в селении Приморском. Кобанский характер ново-афонского инвентаря удостоверяется, если верить в происхождение его из „одной копки“, по словам А. Л.

Бронзовый (и золотой) инвентарь из разрушенных погребений в Эшери.

Лукина,¹ двумя характерно орнаментированными (на одном повернувшая назад голову «драконовидная собака» в типичной остроугольной геометрической стилизации) фрагментами топоров и одночленной бронзовой фибулой (рис. 29₃), отличающейся, однако, от известных северо-осетинских своеобразной разделкой дужки на четырехгранную ножку над пружиной и отчлененное астрагалами ложковидное или ладьевидное расширение (a navicella) перед пластинкой влагалища, что позволяет говорить о прямой связи этой фибулы с аттическими фибулами эпохи геометрического стиля² X—IX века до нашей эры. Как увидим ниже форма этой фибулы укоренилась в Бзыбской Абхазии и дала там местную производную фибулу со скорлупчатыми вздутиями на дужке (рис. 55).

Особый интерес представляют в описываемом эшерском погребении длинный цилиндрический литой бронзовый браслет (табл. XVI₂) и фрагментированные остатки какого то облачения из листовой бронзы. Что касается бронзового браслета, он мог представлять собою и поручи, служившие для защиты правой руки. В таком случае надо предполагать наличие щита для левой. Но скорее этот браслет является просто украшением и заменяет собою широкие спиральные браслеты из Кобани, встречающиеся там в женских погребениях, точно также как и в некоторой степени аналогичные эшерскому боченковидные бронзовые браслеты или поручи из Западно-Альпийской области приблизительно той же эпохи³.

Формально еще ближе к описываемому браслету такие же трубчатые разомкнутые бронзовые браслеты некоторых негрских племен Западной Африки из внутренних частей Бенина (рис. 30). Эти браслеты, точно также как наши, отливаются еще и теперь, напр., в Адамауа в глиняных формах по утериваемой восковой модели. Не имея возможности сколько-нибудь коснуться здесь специального вопроса о происхождении и глубине традиций бронзового литья по Верхне-Гвиней-

¹ Этому утверждению противоречит лишь, очевидно, случайно попавший в данную группу предметов явно поздний браслет, типа приведенного нами выше (стр. 94, рис. 21₅), также из коллекции Лукина. Что же касается принадлежащего к этой же находке загадочного литого из бронзового сплава, черно патирированного рюмкообразного фрагмента (рис. 29₄), видимо, горловой части «сосуда» с бороздчато выемчатым, сетчатым и круговым орнаментом, то ему не удастся найти пока удовлетворительного объяснения.

² Blinkenberg Chr. *Fibules grecques et orientales*, Kobenhavn, 1926, стр. 159, 171, рис. 189, 202.

³ Déchelette Joseph. *Цит. соч. t. II*, Paris, 1913, стр. 838, рис. 340.

скому побережью, напомним лишь об устанавливаемых в последнее время все явственнее доказательствах существования культурных переносов между древнейшим Средиземноморьем и внутренними областями Африки¹ независимо от проникновения до западного Африкан-

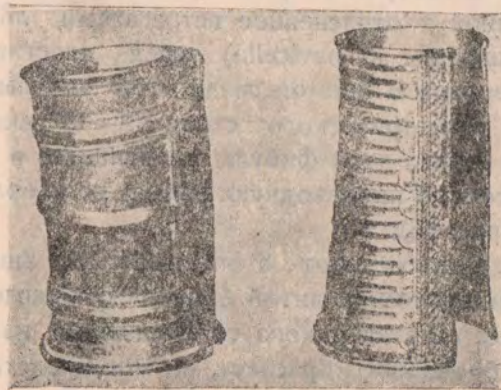

Рис. 30. Бронзовые манжеты негров Бенина (Зап. Африка).

ского побережья нилотических элементов, в частности и бронзовой техники из древнего Египта². На необходимость обратить внимание на поразительные совпадения форм оружия украшения и посуды негров Верхней Гвинеи, Камеруна и доисторической Европы указывал еще в 1910 году крупный африканист Felix Luschan³ в противовес господствовавшим представлениям о новом европейском (XVI—XVII века н. э.) происхождении⁴ бронзовой металлургии у негров Африки, в то время как на самом деле за все это время нам известны лишь факты разлагающего воздействия европейской цивилизации именно на указанные территории.

Проведенная Н. Я. Марром речевая увязка, правда касающаяся лишь отдельных хамитических племен, как марроканские берберы и кабилы⁵, но уходящая за ними вдоль восточной Африки вплоть до намайского языка готтентотов⁶, с древнейшими насельниками евро-

¹ Frobenius L. Und Afrika sprach. Bd. 1—3, Berlin, 1912—1914.

² Luschan Felix. Die Alterthümer von Benin, Berlin, 1919.

³ Luschan Felix. Afrika B: Buschans G. Illustrierte Völkerkunde, Stuttgart, 1910, стр. 362—365.

⁴ Haberlandt Artur. Afrika B: Buschans G. Illustrierte Völkerkunde, Bd. I, Stuttgart, 1922, 495—497.

⁵ Марр Н. Я. Карфаген и Рим, fas и jus B: Сообщения ГАИМК, 11, Ленинград, 1929, стр. 372—415.

⁶ Марр Н. Я. Готтентоты-средиземноморцы B: Изв. Акад. Наук СССР, 1927, № 5—6 стр. 405—416.

пейского и азиатского Средиземноморья, тем более не позволяет оставаться равнодушным к вышеуказанным встречам в области материальной культуры именно в своеобразных и сложных приемах бронзового литья, а также и в самих предметных формах, и требует планомерного вовлечения и африканского материала в круг анализа древних памятников Кавказа не только в меру стадияльных соответствий, но и значимости реальных исторических связей.

Учитывая полную недостаточность изолированных сопоставлений и не имея в то же время возможности разрабатывать здесь сколько нибудь подробно этот вопрос, я должен буду ограничиться лишь напоминанием о существовании и в Центральной и в Северной Европе (Боснии, Богемии, Силезии, Дании, Швеции) уже в первый период северо-европейской бронзы, по Montelius'y¹, что соответствует по времени унетицкой ступени медно-бронзовых браслетов в виде длинных расщепленных трубок, близких к рассматриваемому типу, чаще всего с явно выраженной поперечной ребристостью и уплотнением краев, как на африканских. Подобного типа «манжетные» браслеты изготовлялись в это время даже из золота, как показывают знаменитые золотые клады Дании². Восточнее в пределах России мне известны два случая нахождения манжетных (но не литых, а гнутых) медных браслетов исключительно в лесной зоне. В виду отсутствия публикации этих редких находок, сделанных в 1929 году молодым археологом О. Н. Бадэром, позволю сообщить о них следующее. Один из браслетов с насечным орнаментом, состоящим из косоклетчатой каймы, парных поперечных елок у двух концов и поперечной штриховки по спинке, был найден в Мытищах Иваново-Вознесенского района в одиночном ямном погребении, содержавшем в себе типичный фатьяновский инвентарь³: кремневый пластинчатый, трехгранный нож⁴, небольшой кремневой клиновидный топор с шлифовкой⁵, ладьеобразный каменный топор-молот со сверлиной⁶ и, наконец, шаровидные глиняные сосуды двух типов: с более широким раструбным

¹ Montelius Oscar. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Scandinavien. B: Archiv für Anthropologie, Bd. XXVI, Brunswick, 1900, стр. 473.

² Montelius Oscar. Цит. соч., стр. 31.

³ Спицын, А. А. Медный век в Верхнем Поволжье. B: Зап. Отд. Русск. Сл. Арх. Русск. Арх. Общ., т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 77—93.

⁴ Типа рис. 42, стр. 82 в цит. соч.

⁵ Типа рис. 53, там же.

⁶ Типа рис. 48, там же.

горлом¹ и штампованным узором из заштрихованных ромбиков² и крупной величины со суженным горлом и мелкогребенчатым характерным орнаментом полотенцами по плечикам³. Таким образом, этот браслет вполне, очевидно, принадлежит расцвету старшей бронзовой эпохи верхнего Поволжья и датируется первой половиной 2-го тысячелетия, в полном соответствии с западно-европейскими упомянутыми выше браслетами.

Вторая находка сразу 2-х таких же браслетов была сделана близ сел. Владычино Спас-Клепиковского района (бывш. Рязанской губернии) на женском костяке в толще культурного слоя с ямочно гребенчатой керамикой. Кроме браслетов отсюда происходит колечко с пальца руки и своеобразная гривна из округлой медной (или бронзовой) проволоки, свернутой в форме пружинки, вокруг продольной оси в редкую спираль, с одним расплюснутым и закрученным концом. Возможно, проволокой был обвит кожаный, или из другого сохранившегося материала, жгут кольцевидной формы, одевавшийся на шею. Посуды при погребении не было, что затрудняет его датировку, но судя по браслетам, оно принадлежит той же эпохе.

Эшерский бронзовый браслет относится, как мы видели, к совсем иному, хронологически и стадияльно, более позднему слою, и вопрос о появлении его в причерноморском комплексе кобаньского типа, должен решаться в общей связи с анализом этого комплекса в целом, на основе образования и развития самого производственного коллектива с его окружением в конкретных исторических условиях. Сравнительное же рассмотрение отдельных сходных типов, выводя из территориальной замкнутости, содействует пока лишь накоплению материала для суждения о последних.

Среди бронзовых фрагментов, подобранных с поверхности пахотного слоя во время наших раскопок в Эшери, в районе данного погребения, обращают внимание несколько кусков, подходящих, по общему характеру, толщине, обработке и качеству благородной патины с характерным сизеватым налетом, к некоторым фрагментам, относящимся к инвентарю описываемого погребения. Повидимому, они были разбросаны находчиками этого погребения в 1930 году. Сопоставляя эти куски между собою, удалось установить принадлежность некоторых из них к одному предмету (табл. XVI₃), явно представляющему собой часть культового облачения. Это нечто вроде нагрудника, во-

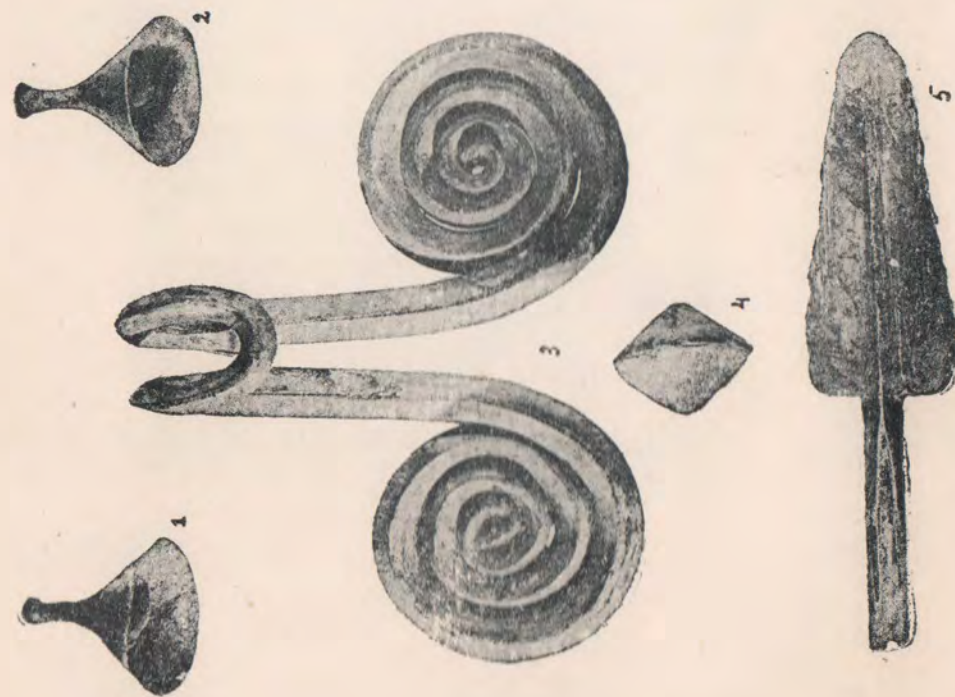
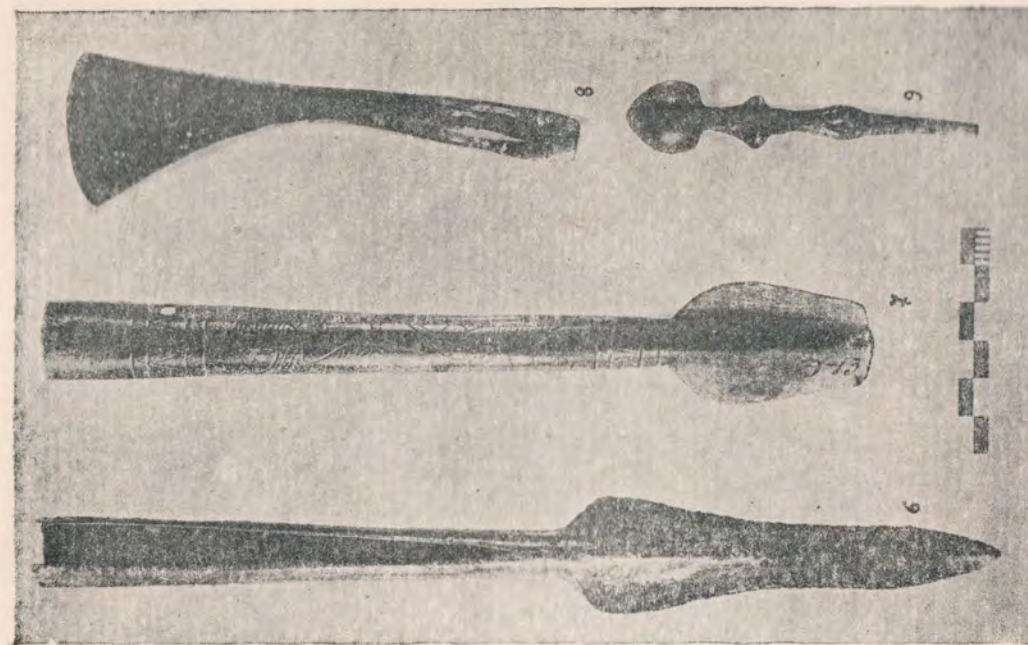
¹ Типа рис. 43, там же.

Tallgren A. M. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland, I. B. Finska Forn. Tidskrift, XXV, Helsingissä, 1911, стр. 48.

² Типа рис. 69, стр. 92 у Спицына, А. А. в цит. соч.

³ Типа рис. 52, стр. 85, там же.

Табл. XIV.

Бронзовый инвентарь из размытых погребений в Кюр-Дере и в Эшери.

ротника, или наплечника, выкроенного из бронзового листа в форме соединенных вместе двух змеиных протоков, как бы вырастающих из общего тела (рис. 31). Эти симметрично расположенные змеевид-

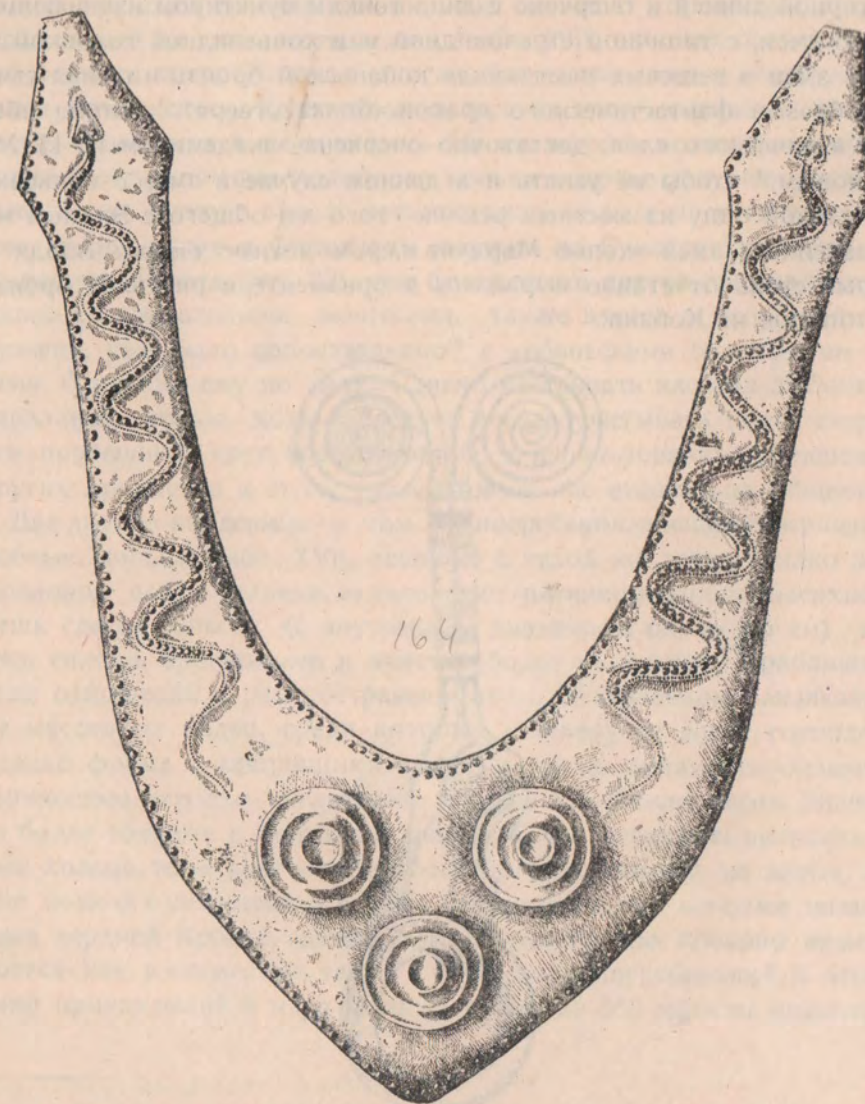

Рис. 31. Реконструкция бронзового пластинчатого культового облачения в форме двойного змеиного протома с изображением змей, из первого эшерского кувшинного оссуария, в $\frac{2}{3}$ нат. вел.

ные выступы ограничивают полукруглое пространство около 19 см в диаметре. Края предмета орнаментованы вдоль со всех сторон пунктирной линией из выбитых точек. В средней его части размеще-

ны три крупных выдавленных четырьмя концентрическими уступами выпуклости, которые выломались и найдены отдельно. Вдоль каждого змеевидного выступа на их поверхности выбито с изнанки толстой пунктирной линией и очерчено с лица тонким пунктиром извивающееся тело змеи, с типичной стреловидной или копьевидной головкой.

Роль змеи в вещевых памятниках кобаньской бронзы и тесная связь ее с образом фантастического драконо-болка „гвера“, тотема иберского этнического слоя, достаточно очерчена академиком И. И. Мещаниновым,¹ чтобы не узнать и в данном случае в змее с копьевидной головой одну из местных реплик того же общего с Эламом мировоззрения („змея—копье Мардука и громоносные стрелы Адада“)², которые столь отчетливо выражены в орнаменте и рисунках бронзовых топоров из Кобани.

Рис. 32. Ухо баттакской женщины (о. Суматра), с продетыми в него бронзовыми массивными украшениями (по Гагену).

¹ Мещанинов И. И. Змея и собака на вещевых памятниках Кавказа В: Записки Коллегии Востокведов, том I, Ленинград, 1925, стр. 241—256.

² Мещанинов И. И. Цит. соч. стр. 243.

Следует еще обратить внимание на ряд вещей эшерского комплекса близких и даже тождественных с предметами предыдущего аагстинского погребения. Сюда принадлежат, прежде всего, очень толстое правильно круглого сечения незамкнутое „ножное“ бронзовое кольцо с сердцевинной из глинистого шлака (табл. XVII, нижнее), очевидный способ отливки которого выше описан. Это кольцо имеет те же размеры, как и аагстинское. Если оно носилось на ноге, одевалось на нее с детского возраста и не снималось. Не исключена, может быть, вполне и возможность ношения подобного кольца в мочке уха, если учесть, что близкие по размеру полые металлические кольца носят вдетыми на всю жизнь в уши у баттакских женщин на Суматре,¹ как это видно на рисунке Гагена (рис. 32), тем более, что и другое громоздкое украшение со спиральными завитками, также вдетое в ухо с помощью кузнеца, уже было сопоставляемо² с кобаньскими бронзовыми крючками, близкими ему по виду. Однако настаивать на этих любопытных параллелях нельзя, хотя и следует всегда учитывать более широкий, чем привычный, круг возможностей в использовании украшений и других предметов в столь удаленном от нас стадиально обществе.

Два другие найденные в том же погребении, внешне совершенно подобные, кольца (табл. XVII, верхнее) с такой же точно гладко зашлифованной после отливки, великолепно патинированной, поверхностью, лишь слегка тоньше (с внутренним диаметром около 6,5 см) оказались сплошь бронзовыми и заметно более тяжелыми, приближаясь в этом отношении к распространенному в Центральном Закавказье типу массивных колец, среди которых к северу от Куры господствует однако форма с заходящими концами, часто, орнаментированной поверхностью, нередко гигантского размера в 2—3 кило весом. Значительно более тонкими и большего диаметра, чем эшерские, являются ножные кольца, тоже круглого сечения, но, повидимому, не литые, а гнутые ковкой с уплощенными³ или закругленными⁴ концами из могильника верхней Кобани, где они находились обычно попарно на ножных костях как в «женских», так и в «мужских» погребениях⁵. К этому же типу принадлежит и пара ножных колец из 565 могилы нижнего эта-

¹ Hagen B. Die künstlichen Verunstaltungen des Körpers bei den Batta B: Zeitschrift für Ethnologie, Bd. XVI, 1884, табл. X, 5, стр. 222—223.

² Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, Москва, 1900 г., стр. 367.

³ Virchow Rud. Das Gräberfeld von Koban, Berlin, 1883, стр. 42, табл. V, 5.

⁴ Уварова П. С. Могильники Северн. Кавказа, В: Мат. по Арх. Кавк. VII, 1900, стр. 59, табл. XXXIII, 10.

⁵ Chantre Ernest. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. II, Paris-Lyon, 1885, стр. 30—31, рис. 6, 7, табл. XV, 2 и стр. 58.

жа в Самтавро (Мцхета), которые Байэри,¹ называя не основательно „кольцами богатырей“, относит к культу Геракла, и отмечает, что носились они на икрах ног.

Несколько более приближаются к абхазским, хотя бы по весу, около одной ассирийской мины, но не достигают обычно их толщины и правильности, массивные ножные кольца из Лелвара, где они были находимы *in situ* иногда по 4 — 5 штук на каждой ноге покойника, т. е. общим весом до 4,5 — 5 килограмм. Это последнее обстоятельство заставило Моргана² видеть в них не украшение, а богатство, принадлежащее покойнику. Однако, его собственные наблюдения регистрировали эти кольца одетыми на ножных костях³ для чего требовалось бы, если отрицать за ними одновременно и функцию украшения, участие кузнеца-медника при одевании их на ногу покойника, т. к. кольцо, имеющее внутренний диаметр не более 7 см, не может быть одето на ногу. К сожалению в этом отношении кольца не были исследованы, хотя автор и пишет о них как о грубо кованых и шлифованных, а не литых, как абхазские, для которых разъятие технически не могло применяться.

Во всяком случае абхазские кольца с сердцевинной или массивные, имитирующие друг друга, остаются пока единственными в своем роде представителями кавказской группы «ножных» колец и тем более сближают друг с другом оба погребения.

Совершенно тождественными являются в этих погребениях также описанные выше круглые биконические бронзовые бусы, обеих разновидностей (табл. XVI, е), и узкий бронзовый пояс, вклепанный в рещелину пряжки, снабженной крючком, в виде длиннеей головки животного с торчащими в стороны ушами (табл. XVI). Оба эти предмета также представляют местную особенность абхазской бронзы этой эпохи. Наконец, сюда же относятся и вышеупомянутые в обоих эшерских комплексах аналогичные аагстинским колоколовидные конические бляшки с петлей внутри и зооморфными изображениями на вершинах (табл. XVII).

Упомяну еще о прекрасных сердоликовых бусах, найденных в количестве до 99 штук. Эти бусы отличаются своей величиной и необычной точностью шлифовки, в форме правильного шара, и тонкой по-

лировкой поверхности (табл. XVII 1). Крупные из них достигают диаметром до 20 мм. Все они выточены из однородного темного коричневого полупрозрачного сердолика, окрашенного, или природно, — гидратной окисью железа, или же, может быть, искусственно, — продолжительным пропитыванием медом и последующим обжигом. Судить об этом возможно только расколов одну из этих бус.

В западно-европейской литературе, этого рода сердолик известен, в отличие от менее ценимых красных, по Теофрасту, «женственных»¹ разновидностей корнеола (*corneolus, carnerina*), под древне-греческим его названием «сард» *σαρδιος* или *σαρδίου*, у французов *sardoine*², для чего в древне-русской письменности, а также и в грузинской, армянской, служит полная транскрипция этого греческого слова — сардион *სარდიონი* или «камень сарданский»,³ в то время как за русским этимологическим производным, от греческого *σαρδωνυχος*, — «сердоликом» (ср. «сердоничный», в рукописях XIV в., в значении «сердоликовый»),⁴ осмысленным под влиянием слова «сердце»⁵ или, может быть, персидского слова *zerd*, оранжевый (*crocei coloris*, ср. парс. *zairita* «золотистый»),⁶ укоренилось значение разности этого минерала, «кирпичного цвета»⁷ (ср. по Плинию *testaceus*).⁸

На Северном Кавказе подобные сардионовые или сардовые бусы единичны (Комунта), в то время как сердоликовыми бусами красноватых и розовых оттенков, всегда более или менее грубо обработанными, богат Верхне-Кобаньский могильник.⁹ Неизвестны эти бусы и в могильниках Южного Закавказья в Армении. Напротив, в Западной Грузии сардовые бусы были находимы несколько раз в большом количестве с золотыми украшениями, которые, по нашему мнению, следует датировать эпохой не позднее ахеменидской, а скорее более ранней. Так 129 таких шаровидных бус из темного коричневого сардиона (сарда), принятого в печатном каталоге Кавказского Музея П. С. Уваровой¹⁰ за гранат, происходит из сел. Парцханакане-

¹ Theoprasti, ed. G. Schneider, I, Lipsiae, 1818, стр. 694.

² Brand C. P. Mineralogie appliquée aux arts. Paris, 1821, v. III, стр. 272.

³ Ср. напр. переводы Библии: Исх. XXVIII 17; XXV 7; Иезек. XXVIII 7.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка, т. III, СПб, 1903, стр. 335 и 263.

⁵ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка, Москва, 1907, стр. 145.

⁶ Vullers I. A. Lexicon persico-latinitum, t. II, Bonnae ad Rhenum, 1864, стр. 126.

⁷ Саввантов Павел. Описание старинных русских утварей, СПб, 1896, стр. 48.

⁸ Plinii Secundi Naturalis Historiae, Paris, 1778, t. XII, стр. 320.

⁹ Virchow Rud. Das Gräberfeld von Koban, Berlin, 1883, стр. 103—104.

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, Москва, 1900, стр. 69.

¹⁰ Museum Caucasicum, Тифлис, 1902, том V, стр. 109—110, № 2545.

¹ Bayern Frédéric Contributions l'archéologie du Caucase. Lyon, 1882, стр. 38—39.

Уварова П. С. Археология В: Museum Caucasicum, V, Тифлис, 1902, стр. 67, №№ 1663 и 1664.

² Morgan J. (de) Mission scientifique au Caucase, t. I, Paris, 1889, стр. 107—112, рис. 71.

³ Morgan J. (de) Цит. соч., стр. 60, 72, 74, рис. 18, 19, 20, 72.

ви в 15 клм и к Ю-З от Кутаиси и доставлено в 1868 году в Музей¹ вместе с обломком бронзового сосуда, крупным золотым (электровым), пронизанным трубкой, полым шаром (в 50,7 mgr. весом) ажурной работы с зернью в сетку и треугольниками (9-ти лучевая звезда на полюсах), меньшими шаровидными ажурными украшениями из сканых золотых шнурков и двумя золотыми, к сожалению утерянными Музеем, височными привесками, изогнутыми в три оборота, т. е. с двойным обратным выгибом и спиральными концами, поднятыми вверх² (согласно сохранившемуся описанию их Н. Schmidt'ом), совершенно подобными бронзовым, происходящим из несомненно древних погребений Верхне-Кобаньского могильника,³ и золотым из Кумбулты, без сведений о сопровождающем последние инвентаре.

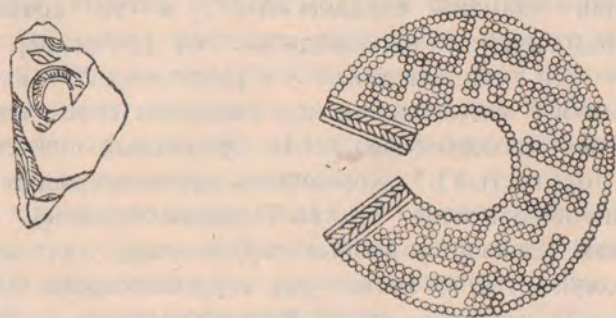

Рис. 33. Изображение львиной пасти на фрагменте электрового сосуда и меандролабиринтовая грануляция на золотой подвеске, из находок с. Носири.

Более двухсот совершенно таких же бус было найдено в 1929 году в одном замечательном кладе в с. Носири в Мегрелии совместно с крупными дисковидными слитками чистой меди и тоже в сопровождении совершенно оригинальных золотых вещей, из которых сохра-

¹ Анализ одной из этих бус, проделанный по моей просьбе лабораторией Института Минерального Сырья (аналитик Р. Накашидзе) дал следующий ее состав: SiO_2 —94,98; Al_2O_3 —0,84; Fe_2O_3 —1,71; CaO —0,96; MgO —0,62, что указывает, по мнению А. А. Твалччелидзе, что бусы эти сделаны из естественно окрашенного сердолика. Пользуюсь случаем принести Ал-дру Антоновичу Твалччелидзе мою благодарность за предоставленную возможность произвести указанный анализ.

² Schmidt Hubert. Troja-Mykene-Ungarn. B: Zeitschrift für Ethnologie, 1904, стр. 621, прим. 2.

³ Антонович В. Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года В: Пятый Археологический Съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного Комитета, Москва, 1879, стр. 243, 245.

Chantre Ernst Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I, Paris—Lyon, 1886, стр. 24, 27, рис. 2 и 3.

нились лишь немногие, большей частью, обломки, попавшие в Музей Грузии. Среди этих вещей особый интерес представляют: а) маленький кусочек, всего скорее, какого-то сосуда электрового с профильным изображением раскрытой пасти льва (рис. 33а), выполненного чеканкой легким рельефом, оконтуренным тупой иглой и детализированным острой иглой, б) изображение змейки с выплетенным из тонких проволок туловищем и головкой с разинутой пастью из двух щитков с накладной отделкой из скани и зерни, в) привеска ромбической формы со свастикой, нанесенной зернью в шнуровой рамке, г) серьга в виде разомкнутого кольца из полой внутри широкой трубки с поверхностью, украшенной зернью сплошным свастического типа узором (рис. 33б) и, наконец, ажурные буски и привески. Отдельные черты в трактовке львиной пасти несомненно связаны с образами льва хеттского искусства: круглый очерк пасти двойной линией и передача зубов штриховкой, отсутствие языка, выдающиеся снизу подбородочный бугор, противопоставление крупных верхнего и нижнего клыка, наконец миндалевидная форма глаз без зрачка, заставляют вспомнить, несмотря на разницу материала, о барельефных изображениях львов из Мараша и Керхемыша, но общий тип стилизации рисунка, отличающегося схематичностью линейной характеристики и способностью к передаче движения, напоминает графические приемы центрально-закавказских бронзовых поясов.¹

Также и свастический узор продолжает местную традицию орнаментовки кобаньской бронзы в зерновой ювелирной технике, соответствующей, в свою очередь, меандровой грануляции роскошных золотых фибул VIII—VII века до н. э. Этрурии,² искусство которой, как известно, в эту эпоху вообще несет следы влияния со стороны Малой Азии, где, возможно, придется искать культурных источников и для указанных западно-грузинских памятников. На Кавказе среди находок эллинистической и римской эпохи этот тип орнаментации геометрического стиля уже совсем не встречается. Не видим мы его отражения и на золотых украшениях ахалгорийского (из Садзегури) клада, явно обнаруживающего уже иные стилистические черты орнаментации, хотя грануляция еще господствует.³ Также почему то исчезают окончательно и описываемого типа коричневые сердоликовые шаровидные бусы. Вне Западной Грузии эти бусы мне известны только в казбегском кладе в числе предметов извлеченных Филимо-

¹ Фотографии с предметов из Носири и Париханаканеви опубликованы были нами в 1941 году в „Археологические раскопки в Триалети“ I, стр. 133—135, рис. 129—132.

² Rosenberg Marc. Geschichte der Goldschmiedkunst auf technischer Grundlage, Franf. A. M., 1918, стр. 54.

³ Цит. соч. стр. 54.

новым.¹ Таллгрен, изучавший этот клад,² так описывает их; в числе 8 штук хранящихся в историческом Музее за № 1792: почти шаровидные темно-коричневые, непрозрачные сердоликовые бусы, одна из которых достигает 30 мм, три 20 мм, одна 18 мм и две 12 мм в диаметре. Наличие в казбегском кладе подобных бус подтверждает вполне данную выше их хронологическую характеристику от конца кобаньской и до ахеменидской эпохи.

К этому же роду бус несомненно принадлежат и крупные до 2 см в диаметре бусы из полупрозрачного коричневого сарда, изящно отполированные,³ найденные В. Б. Антоновичем⁴ в Казбегском могильнике в тройном поребении под общей крышкой из плит, вместе с архаичными бронзовыми дугообразными одночленными фибулами и золотой височной подвеской вышеописанного типа, но иной разновидности, с односторонним обратным выгибом и без спиральных концовок, а с лепестковидными выпуклыми расширениями по краям и на среднем повороте завитка. Эта последняя подвеска, как показывают вообще известные мне случаи находок подобных предметов на Кавказе, хронологически тяготеет также к вышеуказанной же эпохе. Так, кроме десяти золотых подвесок, относящихся к Кобаньскому могильнику⁵ и значительного числа совершенно таких же золотых и бронзовых, происходящих из Кумбулты, Фаскау, Чми и неопределенных находок,⁶ имеются: две золотых из одного характерного клада, найденного в 1890 г. в Абхазии в сел. Чубурихинджи⁷ в бронзовом сосуде вместе со слитками серебра и меди и обломками бронзовых пластинчатых сечек „бронзовых зеркал“?). Этот последний клад примыкает по времени к вышеописанным находкам в Носири и Парцханаканеви и мог бы дополнить их рядом бронзовых находок, к сожалению, не сохранившихся. А. А. Иессен вполне правильно отнес этот клад к своему третьему этапу бронзы⁸. Два серебряных завитка известны среди находок

¹ Филимонов Г. Д. О доисторической культуре Осетии В: Приложение к XXXI тому. Изв. Общ. Люб. Естеств. Антропол. и Этногр., Москва, 1878, стр. 31.

² Tallgren A. M. Caucasian monuments. The Kazbek Treasure. В: Eurasia Septentr. Antiqua, V, Helsinki, 1930, стр. 146.

³ Museum Caucasicum, V, Тифлис, 1902, стр. 18, №№ 338—339, табл. III, IV.

⁴ Антонович В. Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. В: Пятый Археологич. Съезд в Тифлисе. Протоколы Предварительного Комитета, Москва, 1879 г. стр. 255.

⁵ Museum Caucasicum, V, Тифлис, 1902, стр. 17, № 311—320, табл. III и IV.

⁶ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, стр. 222, табл. XXXIX, 20, 18, стр. 281—282, табл. CXVIII₁ и табл. CXXIV₅.

⁷ Отчет Арх. Ком. за 1889—92 г., стр. 120. К сожалению обычного в конце отчета указания на место поступления находки в данном случае не оказывается.

⁸ Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. В: Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 126.

Бронзовое оружие из разрушенного кушинного оссурия в Эшери.

с места Ахалгорийского клада¹ и, наконец, совершенно такие же по бронзовые подвески найденные Ерицовым² в 1871 году в Лорийском ущельи по р. Дбеды вместе с инвентарем поздне-урартской эпохи и там же J. de Morgan'ом³ в могильниках Ахталы и Уч-Килиса того же времени.

Напротив, в более поздних могильниках Кавказа петельчатые подвески данного типа уже совсем не встречаются, а вне Кавказа известные в Богемии, Моравии и Семиградьи совершенно тождественные формы вообще не выходят за пределы древнейших фаз бронзовой эпохи, т. е. хронологически за начало 2-го тысячелетия.⁴

К середине 1-го тысячелетия до н. э. принадлежит еще одно известное мне местонахождение интересующих нас бус, в раннем скифском кургане с трупосожжением в «Острой Могиле» Каневского уезда Киевской губернии, раскопанном Д. Н. Самоквасовым⁵ в 1876 году. Три крупных (одна до 27 мм в диаметре и две других по 18 мм) шаровидной формы бусы, превосходно шлифованных из темнокоричневого сардиона, ошибочно «гранатовых»,⁶ находились в основном погребении, содержащем остродонную амфору с раздутым, по свидетельству Б. Н. Гракова, горлом, эпохи поздней греческой архаики, фрагменты двух чернофигурных киликов с пальметками и разных украшений, среди которых мы упомянем еще скарабея типа березанских, вероятно, греко-египетской продукции из Навкратиса⁷ и голубую пастовую бусу с глазками синими с белым, совершенно такую же, как описывает Г. Д. Филимонов вместе с вышеупомянутыми сардовыми бусами из Казбегского клада. Вопрос о датировке этого погребения, которое М. И. Ростовцев⁸, не отделив предметов впускного погребения от

¹ Смирнов Я. И. Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934, табл. X 23а и 23в, стр. 20—21.

² Museum Caucasicum, V, Тифлис, 1902, стр. 102, № 2396.

³ Morgan J. (de) Mission scientifique au Caucase, t. II, Paris, 1889, стр. 104, рис. 66—67.

⁴ Schmidt Hubert. Troja-Mykene-Ungarn. В: Zeitschrift für Ethnologie 1904, стр. 623—624, рис. 13а, в, стр. 618.

⁵ Самоквасов, Д. Я. Могилы русской земли, Москва, 1880, стр. 117.

⁶ Самоквасов Д. Я. Каталог собрания древностей, Москва, № 1882, табл. VIII.

Граков Б. Н. Древности яблоньской курганный группы из собрания Д. Я. Самоквасова. В: Труды секции Археологии, II, Москва, 1928 г. таб. VI, стр. 73.

⁷ Тураев Б. Н. Скарабеи с о. Березани В: Изв. Арх. Комиссии, вып. 40, 1911 со ссылкой на Flinders Petrie, Naukratis, I (VI Memoir of the Egypt. Expl.).

⁸ Ростовцев, М. И. Скифия и Боспор, 1925 г., стр. 497.

основного, относил к поздне скифской поре III — II до н. э., был пересмотрен вновь Б. Н. Граковым¹ и уточнен сопоставлением фрагментов киликов с несомненно поздне-архаическим эрмитажным (№ 19882) киликом из Керчи и украшений с находкой в одном Чигиринском кургане, где сходные бусы, в том числе и сердоликовые, датируются (помощью прекрасного ионийского аска, вещей раннего скифского звериного стиля и ионийского бронзового зеркала с ручкой) ранним V-м веком.

Малое количество пунктов с находками этих бус не дают пока возможности установить более точно место их происхождения, тем более, что у нас не имеется материалов, чтобы проследить их распространение на территории вне СССР. Но сравнительно большое обилие их в Восточном и Севером Черноморье, в частности в Западной Грузии, где они сверх того известны в памятниках разного возраста на протяжении, во всяком случае, нескольких веков, наводят на мысль искать, именно, в этом направлении, если не производственный их центр, для установления которого необходимо обнаружение месторождения сердолика этой разновидности и соответствующих приемов его обработки, то, во всяком случае, территории, посредствующей в их распространении.

Следует прежде всего, может быть, вспомнить в этом отношении указание Плиния (N. H. XXXVII)² на возможную связь греческого названия камня сарда и родственного ему сардоникса с главным городом Лидии Сарды, который был, по Плинию, источником их первого распространения в Греции. Однако, сам Плиний утверждает тут же, что более прославленным являлся вавилонский сард, называемый так и Епифанием Кипрским³, а также прозрачные индийские сорта и крупные аравийские разности, по видимому, известные позднее под именем «иemenского камня»,⁴ по армянски ямани յամանի, по грузински იამანის ქვა (иаманис ква).⁵ Действительно уже Ктезий⁶ (жив-

¹ Граков Б. Н. Цит. соч. стр. 72—74.

² Plinii Secundi Naturalis Historiae, Paris, 1778, t. XII, стр. 312.

³ Джанашивили М. Г. Драгоценные камни, их название и свойства (из груз. сборника X века) В: Мат. опис. мест. плем. Кавказа, в XXIV, Тифлис, 1898, стр. 6.

Blake P. Robert, Eriphani de Gemmis, London, 1934, стр. 103 и 237 (по Коптской версии).

⁴ Патканов К. П. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII веке. В: Тр. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., часть XVII, СПб., 1874, стр. 32—33.

⁵ Вахушти География Грузии. Перев. М. Т. Джанашивили, Тифлис, 1904, стр. 51.

⁶ Stesiae Cnidii et chronographorum Castoris, Eratosthenis etc. fragmenta В: Herodotus, ed C. Muller, II, Parisiis, 1877, стр. 80 и 82.

ний в Персии в V — IV в. до н. э.) знает о существовании в Индии больших гор, где добывается сард и оникс. Автор перипла по Эритрейскому морю и Птолемей (VII, 1, 20) называют эти горы «Сардониксовыми» (Σαρδόνιξ ὄρος) и последний помещает их между Уджейном (древней Озеной)¹ и теперешней Раджпутаной, славящейся и ныне сердоликовыми залежами² и гранильными мастерскими в Камбее,³ откуда, именно из древней Баригаены (нынешнего Барода), экспортировался, по сведению эритрейского перипла⁴, оникс. Христиан Лассен⁵ пытался даже узнать в имени «Сардониксовые горы» индийское название sâtrupa, однако мало вероятно, чтобы имя этих гор могло отразиться на греческом названии минерала, с древнейших эпох искусно обрабатываемого в древнем Египте и Месопотамии (ступень Джемдет-Наср). Скорее, поэтому, можно ожидать в греческом названии семитическую основу, которую еще Бохарт (Hierozoicon III 623) полагал видеть в евр. shered, — «красный грифель» от корня shârad «быть красным» или, может быть, даже скорее от корня shrt — «вырезать» по особой связи сардового камня с искусством резьбы печатей⁶, тем более, что и греческое название агата ἀγάτης, (akāt, akad—օգոց в армянской и грузинской передачах) легко узнается не только в библейском (Быт. 30 35) αἰκόδ, «полосатый», «ленточный» (по ассирийски ekdu, также, «крепкий»)⁷ но, может быть, и в еврейском эпитете, «светлоцветный» ākdaḥ в отношении к камням-гемам אבני אֶקְדָּח (abni ākdaḥ), и, конечно, не может объясняться наименованием сицилийской реки Ахат, как представлял Плиний (N. H. XXXVI 10)⁸ и как это утверждает А. Е. Ферсман,⁹ не ссылаясь на источник.

В Грецию, почти не знавшую, судя по Гомеру, культуры цветного камня, эти названия могли прийти с Востока, или из речи финикий-

¹ Geographie de Ptolémée, reproduction photolithographique du manuscrit grec de monastère au mont Athos, Paris, 1867, лист. CIV.

² Bauer Max, Edelsteinkunde, Leipzig, 1896, стр. 75.

³ Фелькерзам А. Халцедон и его применение в искусстве. В: Старые Годы, 1916, № 2, стр. 7 и 9.

⁴ Arriani. Erytrai Periplus ad Adrianum imp. Romanum, Lugduni, 1577, стр. 16 (не пагинированная и стр. 76 (coment. Guiliemo Stuckio Tigurino).

⁵ Lassen Chr. Indische Altertumskunde, Bd. III, 1861, стр. 123.

⁶ Lewy H. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen, Berlin, 1895, стр. 57.

⁷ Цит. соч. стр. 56 (автор предлагает для слова агат еще иной семитический прототип, связанный с араб. ḥatta «чертить»).

⁸ Plinii Secundi Naturalis Historiae, Paris, 1778, t. XII, стр. 340.

⁹ Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни России, том I, Петроград 1920, стр. 260.

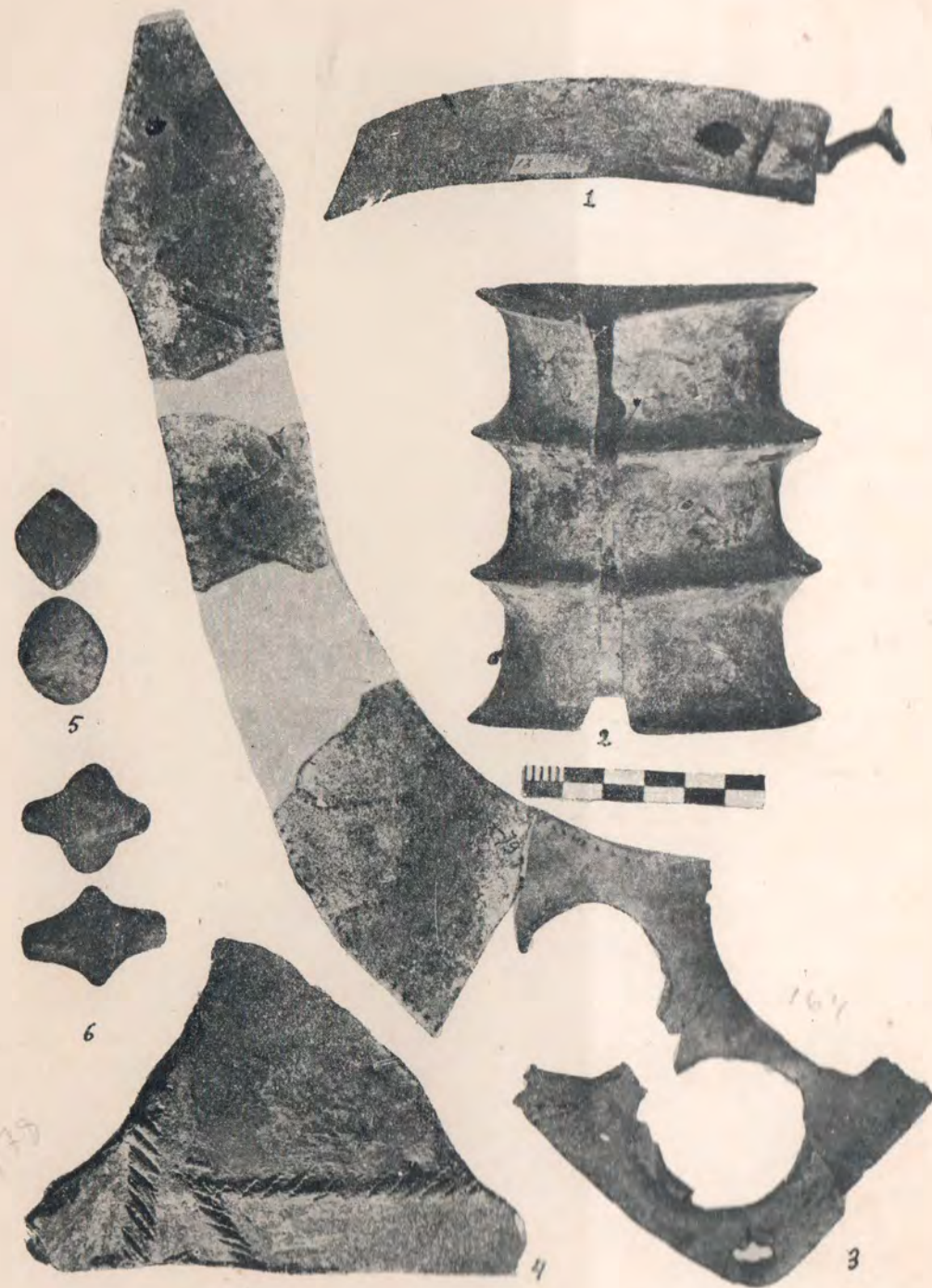
ских торговцев или еще и иным более древним путем, поскольку в конце минойской эпохи в крито-микенскую культуру проникло, наряду с тайной производства стекла, и собственное мастерство резьбы гемм из твердого камня: сарда, агата, сардоникса и горного хрусталя, как это показывают многочисленные находки в камерных могилах Микен.¹ Где добывался для этих изделий камень, был ли он местным или привозным, смогут сказать лишь детальные минерологические исследования, как самих изделий, так и ближайших месторождений материала. Но эта работа еще до сих пор никем не выполнена, несмотря на огромные количества прекрасно датированного материала.

Возвращаясь к нашим бусам, нам следует обратить еще внимание на одну техническую деталь, выступающую при сравнении сардовых бус из эшерского погребения (бронзовой эпохи) с таковыми же из Носири и Парцханаканеви. При полном их сходстве в цвете минерала, в величине бус, тщательности отточки и тонкости полировки, производимой уже после получения отверстия, так как на полюсах нередко сохраняются не отшлифованные участки, нельзя не заметить разницы в форме самого отверстия, которое у большинства бус первой группы, обыкновенно, имеет характер двух явно выраженных встречных воронок, иногда параболической формы, тогда как во второй группе бус отверстие, хотя и сверлилось также с двух противоположных полюсов навстречу друг другу, но, повидимому, более твердой трубкой или штифтом, дававшим сверлины более приближающиеся к цилиндрической форме. Это различие вряд ли следует приписывать разному происхождению тех и других бус, а скорее техническому совершенствованию, какое пережило ремесло в орудиях производства к эпохе эллинской колонизации восточного Черноморья, когда эти бусы стали проникать и в более удаленные территории, прекратив, однако, вдруг свое существование, вследствие возросшей конкуренции со стеклянным товаром.

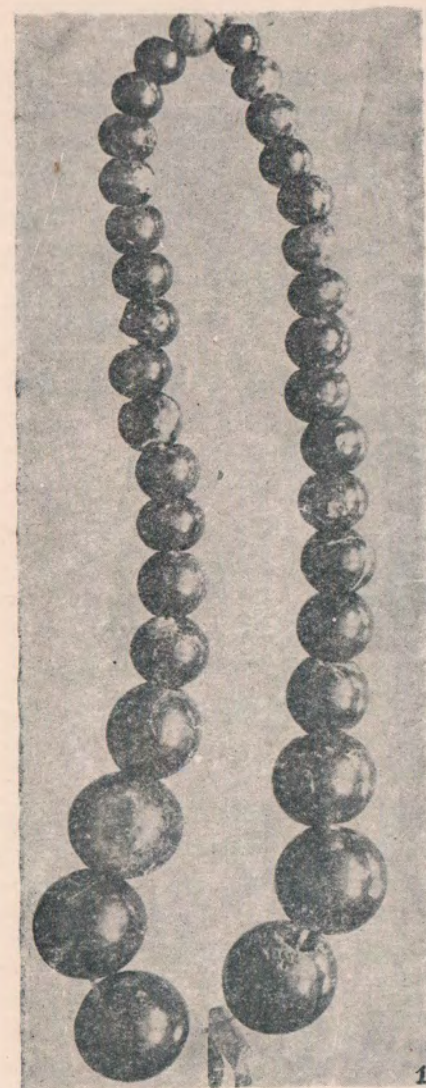
В эпоху поздней бронзы кобаньского типа стеклянные бусы были еще большей редкостью. В рассматриваемом эшерском комплексе оказалась только одна маленькая стеклянная синяя пронизка пирамидальной формы (табл. XVII, внизу), позднее получившая более широкое распространение на Кавказе. Три подобных синих пирамидальных пронизки были найдены напр. Д. Н. Анучиным² в одном бедном курганном погребении близ с. Воздвиженского на Сев. Кавказе.

¹ Montelius Oscar. La grèce préclassique, partie 2, Stockholm, 1928, стр. 233, рис. 781—783, 785, 791—795.

² Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Отд. оттиск из Изв. Русск. Географ. Общ., т. XX СПб, 1884, стр. 21.

Бронзовые пластинчатые изделия и черепок кувшинного сосуда из разрушенного погребения в Эшери.

Бронзовые украшения и бусы из разрушенного кувшинного оссуария в Эшери.

Остается упомянуть еще о входящих в состав погребального инвентаря в эшерском погребении двух слитках меди. Эти слитки являются весьма типичными предметами, сопровождающими часто комплексные находки бронзовых вещей Кобаньской и примыкающей к ней послекобаньской эпохи на территории Западной Грузии. На Северном Кавказе эти слитки встречаются, повидимому, очень редко. Они представляют собою обычно более или менее массивные диски различной величины или их обломки, состоящие из чистой меди без примеси олова. Боль-

Рис. 34. Слиток меди из с. Носири, в $\frac{1}{4}$ н. в.

шое количество таких слитков (рис. 34) было найдено между прочим и в Носири вместе с вышеупомянутыми золотыми украшениями и шаровидными сердоликовыми бусами. Один из наших слитков имеет форму дна сосуда, видимо глиняного, с коническими стенками. Высота слитка 2 см, диаметр, нижний и верхний 12 и 13 см. Наличие этих слитков в данном случае в несомненно погребальном комплексе заставляет с некоторой осторожностью относиться к частым находкам бронзовых предметов со слитками в глиняных кувшинах, как ккладам литейщиков: в отдельных случаях они могут оказаться и могильным инвентарем.

Самый факт, что медные слитки клались с мертвым в могилу вместе с предметами его личного костюма и вооружения указывает, при отсутствии данных заподозрить в покойнике профессионального литейщика, на значительное развитие на этой стадии собственности и на возможность обладания имуществом в виде металла в слитках помимо металлических украшений и оружия, хотя в то же время наследственному накоплению богатства препятствует именно этот погребальный обычай.

Таким образом, эшерское погребение при всем его своеобразии (по существу один только топор и то с необычной для Кобани бронзовой рукоятью (табл. XV¹) связывает это погребение с Северным Кавказом) укладывается вполне в общие с Кобанью идеологические формы, лишь обогащая материальное содержание кобаньской культуры необычными для нее деталями и особенностями. В этом отношении более всего обращает на себя внимание присущий Абхазским погребениям данной эпохи обряд. Уже первая значительная находка в селении Приморском заставляла подозревать, на основании свидетельства очевидцев и частью произведенного В. И. Стражевым обследования места находки, что вещи находились вместе с костями человека, в огромной глиняной урне, разбитой при вспашке поля. Находка в Эшерах, обследованная М. И. Иващенко (черепок урны, табл. XVI₁), подтвердила это первое сообщение; даже была восстановлена в своей нижней части разбитая погребальная урна¹, в которой по словам крестьян-находчиков были обнаружены вещи.

Однако, значительность самого факта требовала и окончательной проверки его достоверности и выяснения всей картины подобного погребения. С этой целью экспедицией и были предприняты раскопки в северной части восточного склона холма, где были до этого обнаружены погребения и где, судя по частным находкам отдельных предметов и осколкам крупных глиняных сосудов, можно было предполагать существование могильника.

2. Кувшинный оссуарий в Эшери и обряд вторичных захоронений

Из ряда заложенных в разных местах восточного склона Верещагинского холма площадок в 20 кв. метров, на одной, недалеко от места находки, нам удалось напасть уже на втором штыке под пахотным слоем на глиняную урну большого размера, никем еще не тронутую (табл. IX). После окончательной расчистки урны вокруг, выяснилось, что урна была поставлена горлом вниз на каменную плитку; дно ее находилось наверху под самым пахотным слоем и, возможно, подвергалось частичному разрушению, так как некоторых кусков самого днища, а с одной стороны, и прилегающей к дну части стенки не оказалось, как это выяснилось в лаборатории при склейке фрагментированного под тяжестью земли сосуда (табл. XIX). На месте же, картина рисовалась таким образом, что наклонившиеся вниз черепки от верхних стоящих стенок сосуда прикрывали сплошь

¹ Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, Тифлис, 1935, стр. 63—64, рис. XVIII.

вход в урну, целиком заполненную землей. Когда были подняты эти черепки, почти непосредственно под ними, на высоте около 50 см. над подстилающей посудой плиткой, обнаружился бронзовый топор, лежащий вверх отверстием в таком положении, как бы он находился в урне вниз топором (табл. XVIIIa). Конец последнего, вероятно, упирался в дно плитки и таким образом удерживал топор в положении в каком он был найден до тех пор, пока дерево не сгнило, а наполнившая за это время сосуд земля не закрепила его. В таком случае местоположение топора дает и некоторое основание предполагать, что рукоять могла быть длиной не более полуметра. Эта длина значительно отступая от употребляемых ныне в Абхазии и

Рис. 35. Схематический рисунок кувшинного оссуария в сел. Эшери на первой стадии его расчистки.

Аджарии длинных топорниц до метра длиной, приближается к тому относительному размеру топорница, какая выясняется на основании найденного в первом эшерском погребении топора небольшого размера (16 см. длины) с бронзовой рукоятью в 29 см. длины. Для нашего топора более массивного (длина 17,4 см.) естественно, рукоять должна быть несколько длиннее. По общей пропорции она приближается к топорам в руках жрецов на изображении с сирокеттского цилиндра (рис. 26).

Дальше, при удалении остальных упавших черепков, из слоя земли, наполнявшего урну, в нижней ее части был обнаружен череп плохой сохранности, нижняя челюсть под ним и длинные кости обеих ног и одной руки, лежавших ниже черепа по обеим его сторонам и расположенных так, как бы бедро и берцовая кость были сложены суставами вместе (табл. XVIIIb). Вместе с левой бедренной костью, уходя основанием вниз под череп, наискось вверх острием, находился бронзовый кинжал, а у места, соответствующего правому колену, лежал небольшой бронзовый наконечник копья. Другой наконечник

бронзового копья находился под кинжалом вместе с третьим наиболее длинным наконечником копья из железа (рис. 36).

Когда был удален череп, указанные кости и предметы, обнаружилось еще две кости второй руки, лежавшие поперек к направлению костей правой ноги. Под черепом по его сторонам находились две лопаточных кости, а под ними три шейных позвонка и несколько фрагментов ребер.

Здесь же лежали мелкие бронзовые буски, которых было собрано 31 штука, при чем часть бус оказалась расположенной в правильный ряд отверстием к отверстию, указывая, что нить, на которую они были нанизаны, долго сохранялась. В районе бус лежало несколько брусковидных кусочков серебристого серого металла, которые по произведенному анализу оказались чистым оловом. Эти фрагменты были расположены по окружности 12 см. в диаметре и соединялись друг с другом серыми пятнами совершенно разрушившегося в порошок металла. Оказалось, что все это были остатки массивной шейной гривны, сделанной из олова (табл. XX).

Окончательная очистка содержимого урны более ничего не обнаружила, кроме маленького железного стерженька, сильно покрытого окислом, неясного назначения.

Естественно, наше внимание было остановлено отсутствием ряда костей скелета. Не было обнаружено совсем тазовых костей и большинства позвонков. Даже, принимая во внимание, что кости были вообще недостаточно хорошей сохранности, что и у длинных костей эпифизы были сильно разрушены, трудно допустить, чтобы недостающие части скелета могли подвергнуться полному разрушению и уничтожению. Явно, мы имели в данном случае не захоронение в большом глиняном сосуде покойника целиком, а вторичное погребение костных остатков человека, не в полном уже их составе.

Действительно, дальнейшее исследование урны и полученные, после полного восстановления из кусков, ее размеры вполне подтвердили это предположение. Урна представляла собой крупный овальной формы сосуд, типа „гидрии“, если применить сюда древне-греческий термин, с сравнительно узким горлом, почти столь же узким основанием и широким корпусом, имеющим наибольшую ширину, на уровне несколько выше половины роста сосуда (табл. XIX). Общие размеры его таковы: высота 76,5 см., наибольший диаметр 67,2 см., диаметр горла 22 см., диаметр дна 24 см.

Совершенно очевидно, что в такой сосуд взрослый человек не может быть помещен, даже если предполагать, что труп укладывали через отбитую нижнюю часть сосуда. При том, сосуд, несмотря на сравнительно крупные его размеры, поражает значительной тон-

Кувшинный оссуарий эпохи поздней бронзы, в двух стадиях препарировки в Эшери.

костью стенок, не более 0,7 см. — 0,8 см. толщины, что при очень недостаточном обжиге, какому подвергался сосуд, делает его крайне хрупким, безусловно неспособным выдержать такую тяжесть и давление, какую мог бы представлять человеческий труп. При реставрации урны черепки пришлось пропитать желатином.

Поэтому, несомненно, мы имеем здесь дело не с погребением в урне, а с захоронением костей в оссуарии, каковым является, следовательно, открытый нами сосуд. Таким образом картина использования сосуда нам представляется в следующем виде. Кости покойника уже освобожденные от мяса, укладывались в сосуд, видимо, через горло. Прежде всего, вероятно, был опущен туда череп. После черепа укладывались кости конечностей и некоторые другие кости. Затем был опущен взятый за конец рукоятки топор и размещены кинжалы и копья; наконец поместилась гривна и нитка бус. В виду того, что на железном копье сохранились в окислах остатки довольно грубой ткани (табл. XX^a), можно предполагать, что сосуд или заранее обкладывался внутри какой либо одеждой или материей, или же материей покрывалось все положенное во внутрь.

Рис. 36. Схематический рисунок кувшинного оссуария в сел. Эшери на второй стадии его расчистки.

Возможно, что ткань сохранилась в корке окислов на копье после первичного погребения, но это требовало бы достаточного времени от первичного до вторичного погребения, что вряд ли могло быть, так как нитка, на которую были нанизаны бусы, как мы видели, не успела истлеть, если считать, что она вместе с другими вещами сопутствовала первому погребению.

После того, как все было уложено в сосуд и горло закрыто каменной плиткой, сосуд был перевернут дном вверх, установлен в вырытом, видимо, на склоне горы нишевидном углублении и заброшен землей сверху.

Для нас остается теперь невыясненным только, как происходил в данном случае обряд захоронения костей. Возможны два предположения: или мы имеем здесь дело с обычаем искусственной декарнации трупа с частичным погребением костей, или с погребением вторичным. Что касается первого, то на существование этого обычая в странах, связанных с древним распространением маздеизма имеется целый ряд указаний, правда, относящихся исключительно к позднему времени. Первым на этот обычай обратил внимание академик Х. М. Френ,¹ который привел интересное описание арабского автора XIII века Казвини об этом обряде у предков современных кубачинцев в Дагестане, народности зирихгеран (выделователи кольчуг) близ Дербента, упоминаемой еще в сасанидскую эпоху. В этом описании он говорит, что трупы умерших поступали у них в особые подземные помещения, отдельные для мужчин и женщин, где специальные люди очищали мясо от костей, извлекали из последних мозг и собирали их уже сухими и чистыми в мешок с именем умершего. Снятое же мясо относилось на специальные возвышенные места, отдельные для мужчин и женщин, и отдавалось первое воронам, второе коршунам.

На основании этого известия Френ делает заключение, что кубачинцы были не чужды парсийским верованиям.² Несколько более древнее известие об этом обычае Абу Хамид-Андалузи или Ил-Гарнати XII в., к которому, по мнению В. В. Бартольда,³ восходит и описание Казвини, приводит Бернард Дорн.⁴ Из этих двух источников ци-

¹ Fraehn Ch. M. Ueber ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi. В: Bulletin Scientifique. t. IV, SPt., 1838, стр. 33—45.

² Fraehn Ch. M. Цит. соч., стр. 36.

Dorn B. Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu-Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen Volksstamm. В: Mélanges Asiatiques, t. VI, стр. 717.

³ Бартольд В. В. Еще о самаркандских ассуариях. В: Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. т. XIII. 1901 г., стр. 0102.

⁴ Dorn Bernard. Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angrenzende Länder. В: Bulletin de l'Acad. Imp. des Sciences, t. XVII, стр. 309—310. = Mélanges Asiatiques, t. VI, St. Pétersb., 1869 — 1873, стр. 70 — 1.

тирует описание обычаев Д. Н. Анучин,¹ повидимому, ранее вспомнивший о них, чем А. С. Уваров, не упомянувший об этом в своем сообщении на V-ом Тифлисском Археологическом Съезде,² но включивший их в свой печатный доклад о расчлененных погребениях близ Дербента.³ Здесь Уваров, между прочим, ошибочно возводит описанные известия к Масуди (X в.), у которого однако ничего не говорится о подобном обряде. За то нечто сходное находится в известиях Табари и Нершахи об убиении владетеля Бухары Тугшадэ в 121 г. Гиджры (739 г. н. э.): «от него отделили мясо, а кости отвезли в Бухару».⁴ Любопытно, что в близкое к этому время подвергся подобной же операции, как известно, и труп Фридриха Барбароссы, утонувшего в 1190 году в Восточной части Малой Азии: мясо его погребено в Антиохии, а кости в Палестине. Конечно, в последнем случае этот странный способ погребения был вызван особыми условиями смерти, на чужбине, но он, конечно, не мог не иметь каких-то местных предпосылок, натолкнувших на его применение в данном случае.

Еще у К. Сиция-Италика,⁵ римского писателя I века н. э., имеется упоминание в поэме о пунической войне, что «в Понте установлено очищать головы мужчин, вынимая мозг, и посредством снадобий сохранять на долгий век», но и очищение от мяса костей для погребения их в оссуариях было также широко распространено во многих местах Средиземноморья и Переднего Востока. У древних евреев этот обычай вторичного погребения костей хорошо известен под специальным названием *l'kut el-anef* в талмуде (Мишне и Тосефте)⁶ и особенно во внеканоническом трактате о трауре, в так называемом

¹ Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Отт. из Изв. И. Русск. Географ. Общ. т. XX, СПб., 1884, стр. 47—48.

² Virchow Rud. und Dolbeshew, W. Der archäologische Kongress in Tiflis, 1881, в Zeitschrift für Ethnologie, 1882, стр. 97—98 не упоминают, в подробном реферате доклада А. С. Уварова о Дербентских курганах, относительно сообщений Казвини о кубачинцах.

³ Уваров А. С. Курганы с расчленением близ Дербента. В: Труды V-го Арх. Съезда в Тифлисе. Москва, 1887, стр. 74.

⁴ Бартольд В. В. К вопросу об оссуариях Туркестанского Края. В: Изв. Русск. Комит. для изучения Средней и Восточной Азии в истор., арх. лингвист. и этнограф. отношениях, № 8, СПб., 1908, стр. 53—54.

Бартольд В. В. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. В: Среднеазиатский Вестник, 1896, июнь, стр. 25.

⁵ Латышев В. В. Известия Древних писателей о Скифии и Кавказе, Том II, СПб., 1904, стр. 216.

⁶ Талмуд. Перевод Переферковича Н., том II, СПб., 1903, стр. 505, том VI, стр. 273, 274.

Семахот, относящемуся к I—II в. н. э.¹ Так Элезар бен Садак пишет: «сказал мне мой отец, когда умру, похорони меня сперва в долине, а потом собери мои кости, но не собственноручно, и положи их в ящик *ḥšššḥḥḥ* в „газин“. Повидимому, последнее слово сильно испорчено и понимание его колеблется, хотя некоторые читают „в Кедры“, по мнению П. К. Коковцова, без достаточного основания.²

Во всяком случае в европейских гробницах Иерусалима, Лидды и Александрии находят обычно кости сложенными в маленькие около 59 см. длины, 23 см. ширины и 26 см. высоты каменные четырехугольные ящики, с крышками.³

Действительно, в Месопотамии, в Южной Персии, а также близ озера Урмии, часто находят погребения костей в особых глиняных и каменных оссуариях, не могущих вместить целого покойника. Часть из этих оссуариев несомненно относится к парфянской эпохе и явно связана с маздеизмом, воспрещавшим осквернять трупом землю и предполагающим, следовательно, существование каких-то способов освобождать кости умершего от мяса и погребать только последние. Одним из более старых способов, применявшихся с этой целью в маздеизме, можно считать способ описанный еще Геродотом (I, 140):⁴ «что труп умершего перса погребается не раньше как его разорвет птица или собака». К. Силий Италик (кн. XIII, ст. 471—474) упоминает, что и в «иверской земле» говорят: таков древний обычай — поганый коршун уничтожает бездыханные тела, в то время, как у ирканцев в обычае употреблять собак, когда царские тела покинут свет.⁵ О специально содержавшихся подобных собаках могильщиках *ḥtḥḥḥḥḥḥ* в Бактриане сообщает Страбон (XI, II, 2)⁶ со слов Онесикрита, историка Александра Великого, и китайский посол в Са-

¹ Коковцов П. К. По поводу сообщения Н. И. Веселовского о глиняных оссуариях. В: Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. т. XIII в. I, 1900, стр. XXII.

² Коковцов П. К. Цит. место, стр. XXIII. Винников И. П. в своих работах придерживается этого последнего перевода, см. Winnikow J. N. Die Doppelbestattung und die Überreste des Kultus der Zeder bei den Hebräern der talmudischen Periode. В: Mitt der Anthropol. Gesellschaft in Wien. Bd. LX, 1930, стр. 210—212.

³ Clermont-Ganneau. Mission en Palestine et en Phénicie, 5-e rapport. Paris, 1884, Série I N. 12, Série II N. N. 77—79. Цит. по Krauss Sam. Talmudische Archéologie Bd. II, Leipzig, 1911, стр. 490, прим. 547, см. также рис. 32, стр. 78—79.

⁴ Геродот. История в 9 книгах, пер. Ф. Г. Мищенко, том I, Москва, 1888, стр. 75.

⁵ Sili Italici Punica В: Латышев В. В. Цит. соч., стр. 216.

⁶ Страбон. География. Москва, 1879 г., стр. 527.

марканд (в страну K'ang) Вэй-Цзе уже в VII веке нашей эры, согласно древней китайской энциклопедии VIII века Ту Йеу.¹ Современные «дахмы», так называемые башни молчания, продолжают служить до сих пор для этой цели.

К одному из подобных же способов может быть отнесен и обычай — просто оставлять труп на воздухе и, только после освобождения таким образом, костей от мяса, помещать кости в оссуарии или предавать земле.

Любопытно, что в той же Средней Азии, где пережиточно долго сохранялся обычай декарнации, применялся и этот способ, заключающийся в том, что трупы подвешивались на деревья. Картинно описывает этот обычай, существовавший еще в начале прошлого столетия, правда в виде временной меры погребения зимой, Ф. Назаров.² «Проезжая зимой по Киргизским степям, с ужасом встречаешь подобные развешенные на деревьях, покрытые инеем обледенелые тела, качаемые бурным ветром». К той же, собственно, территории К. Силий Италик в I-ом веке н. э. относит свой (гл. XIII) стих: «а у скифского племени медленный день погребает трупы, прикрепленные к древесным стволам и истекающие гниющей сукровицей». Подобный же способ был записан мной самим в 1922 году со слов стариков в мордовском селении Оркино Саратовской губернии, где, таким образом, временно подвешенные на деревья трупы имели и свое особое название «урля». При этом там существовал обычай общинного в один определенный день предания земле всех накопившихся, таким образом, покойников, каждая семья в свою могилу. Как происходило вторичное погребение воспоминаний не сохранилось, но по всей вероятности кости очищались от истлевшего и высохшего мяса тем простым способом ножом, как это наблюдал, опять таки у киргиз (казаков), купец Афросимов, ездивший из Астрахани в Хиву.⁴

Погребение покойников на деревьях без указания на вторичное погребение костей еще недавно было известно в Абхазии. О существовании подобных погребений подробно рассказывает целый ряд путешественников XVII—XVIII веков. Одно из наиболее ранних,⁵ относя-

¹ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turs) occidentaux. В: Сборник Трудов Орхонской экспедиции, т. VI, St. Pt. 1903, стр. 133.

² Назаров Ф. Записки о народах Средней Азии в 1813 г. СПб., 1821 г., стр. 14.

³ Sili Italici Punica В: Латышев В. В. Цит. соч., стр. 216.

⁴ Афросимов. В степях Средней Азии, СПб., 1872 г., стр. 26—27. Выдержки из Афросимова помещены также в журн. Этнограф. Обзорение XX—XXI, 1907 г., стр. 373.

⁵ Luca Jan (de). De Landschappen der Percopitize en Nogaize Tarters, Circassien, Mingrelianen en Georgianen, bereyft en beschreven in't Jaar 1633, Leyden, 1707, Pieter Vander стр. 21.

щихся к этому времени свидетельств принадлежит итальянскому монаху Giovanni de Luca, посетившему восточное побережье Черного моря в начале XVII века, не позже 1633 года, и оставившему записки, которые сохранились лишь во французском и голландском переводах. Он говорит, согласно последнему, что у «абхазцев специальные священники (Papari), не имеющие других обязанностей кроме как хоронить мертвых и заботиться о их душе, кладут покойников в долбленные колодки, служащие им гробом и привязывают их к стойкам свободно висеть наверху». По французскому переводу гроб привязывают (от шакалов) к четырем столбам.¹ Об этом же обычае сообщает турецкий турист Эвлия-Эфенди в 1641 году,² он пишет «Этот абхазский народ странным образом хоронит своих беков; тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева; над головою в ящике оставляется отверстие, дабы бек мог, как они говорят, видеть небо; пчелы же входят в ящик и делают мед, совершенно покрывая находящийся в ящике труп».³ Подобное же известие о способе погребения было опубликовано в Неаполе в 1654 г. католическим миссионером Арканджело-Ламберти, 18 лет прошедшего в Мегрелии.⁴ Он пишет, что «у абхазов есть удивительный обычай, являющийся их особенностью. Они не погребают и не сжигают тела своих покойников, но помещают их в выдолбленные деревянные колоды, служащие гробом, и привязывают их с помощью виноградной лозы к верхушкам деревьев. Тут же помещают его оружие и одежду, а, чтобы отправить вслед за хозяином его лошадь, гоняют ее вокруг дерева до тех пор, пока она не околеет». Знал об этом погребальном обычае и Вахушти.⁵

¹ Luca Jean (de) Relation de tatars, perses et nogaïs de circassiens, mingréliens et géorgiens, B: Thevenot, Relation de divers Voyages curieux qui n'ont pas été publiés, 1-re partie, Paris, 1664. Юрченко П. Перевод с французского издания Thevenot B: Зап. Одесск. Общ. Истории Древностей, т. XI, Одесса, 1879, стр. 493.

² Брун, Ф. К. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. Зап. Одес. О-ва Древн. т. IX, стр. 178.

³ Вряд ли последняя подробность о меде могла быть навеяна смутными сведениями о практиковавшемся в древности обычае покрывать труп воском (Геродот, I, 140 и Страбон, География кн. XV, гл. 3, § 20) или даже погружать в мед, согласно, например, Сервию Грамматике (IV в. н. э.) в комментарии к Энеиде, VI 420; здесь мы имеем просто рассказ о вполне естественном случае.

⁴ Ламберти Арканджело. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, перевод с итальянского. В: Сборн. Мат. для Опис. Местн. и Племен Кавказа, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 189—190.

⁵ Wakhoucht. Description géographique de la Géorgie, publiée par Brosset, St. Pt., 1842 стр. 408—409. Вахушти царевич. География Грузии. В: Зап. Кавк. Отд. РГО, том XXIV 5, Тифлис 1904 г. стр. 234—235.

Некоторые из этих сообщений вспоминает В. Сизов для объяснения обряда погребения в черкесских курганах XIV—XVI веков, в которых он видел свидетелей будто-бы распространившегося сюда маздеизма. Приведенные нами выше северные параллели среди народов Поволжья и Средней Азии, конечно, сами по себе несколько не противоречат этому предположению, особенно, если учесть тесную связь древностей Приуралья с сасанидской Персией и близкие взаимоотношения финских, особенно волго-финских, племен с кавказским языковым миром и помимо того древнейшего слоя, в котором отложились однородные проявления ранних стадий языкового процесса.

Но вопрос об историческом маздеизме, даже при учете в нем всего его генезиса и приспособления к местным более древним чем он сам традициям, не может нас несколько в данном случае касаться, и приведенный нами материал имеет для нас значение лишь с точки зрения принципиальной необходимости искать объяснения изучаемого нами типа погребения во всевозможных бытовавших здесь обрядовых формах, хотя бы и зарегистрированных лишь в культурных течениях, по времени значительно более поздних. Гораздо существеннее, что мы сверх всего имеем значительно более древнее сообщение Аполлония Родосского, писателя III-го века до нашей эры, о способе погребения на деревьях в древней Колхиде.¹ На берегу, куда высадились Язон со своими спутниками «росло рядами множество ракит и ив, на верхушках которых висели привязанные веревками трупы». По этому поводу Аполлоний² замечает, что «еще теперь считается у колхов святотатством предавать огню трупы умерших мужчин; нельзя даже зарывать их в землю и насыпать сверху могильные холмы: их завертывают в недубленные шкуры и вешают на деревьях вдали от города... женщин же хоронят в земле».³ Как свидетельствуют схолии к Аполлонию, он заимствовал эти сведения в свою поэму у старшего своего современника Нимфодора Сиракузского, сочинением которого, в частности периплом, он пользовался. Откуда были у Нимфодора эти данные сказать трудно, во всяком случае, источником их не мог быть Эфор, которым через посредство Нимфодора, вообще, широко пользовался

¹ Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археолог. экскурсии. В: Материалы по Археологии Кавказа, в. II. Москва, 1889, стр. 162.

² Apollonius, Argonautica III 204 — 209, В: Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, том I, стр. 418.

³ Станным образом этим сообщением Аполлония, без указаний источника, воспользовался E. Zichy (Voyages au Caucase et en Asie Centrale, t. I, Budapest, 1897, стр. 72—73), отнеся его почему-то к осетинам и приурочив к культу деревьев.

Аполлоний, так как в таком случае это интересное свидетельство попало бы и в Географию Страбона, не сообщаящего, однако, о колхах ничего подобного. Но если мы примем во внимание весь вышеприведенный материал о наличии сходных обычаев у абхазов в XVII—XVIII веке, мы не будем иметь основания сомневаться в полной достоверности источника Аполлония в этом случае. Как ни расценивать древность свидетельства Нимфодора, существование обычая воздушных погребений уже в ранне-эллинскую эпоху на Черноморском побережье является замечательным. Поскольку же о подобном способе осуществлять требования маздеизма нет для этого времени никаких указаний в отношении стран, где маздеизм был исторически засвидетельствован, и даже напротив, поскольку современные данному сообщению формы погребения в Персии, Бактрии и Парфии не имеют ничего общего с колхидскими, нет никаких оснований видеть в этом обычае отражение восточных культурных влияний. Напротив, мы имеем здесь одно из убедительных свидетельств автохтонного происхождения своеобразных отклонений, какие наблюдаются нередко в жизни литературно зафиксированных религиозных систем.

Рассмотрение костных остатков человека, уложенных в глиняный сосуд в эшерском погребении, не дает никаких оснований предполагать пользование животными для очистки костей от мяса: несмотря на сравнительно плохую сохранность костей эпифизы показывают отсутствие каких-либо следов их обглаживания; повидимому, нельзя предполагать и извлечение мозга из костей, хотя все эти наблюдения требуют дальнейшей проверки на новом раскопочном материале. Скорее всего раскрытое нами захоронение костей в урне может доказывать, что погребальный обычай, описанный Аполлонием, мог быть значительно более древним, чем время его литературного засвидетельствования и, что подвешиваемые в шкурах покойники не оставались без дальнейших забот о них, а напротив, по истечении известного срока подвергались вторичному погребению.

Судя по взаимному расположению ножных костей, как кажется, сохраняющих естественные соотношения между собой, благодаря сохранности коленных связок, в момент укладки костей в урну, срок отделявший вторичное погребение от первого (подвешивания) не мог быть большим. Об этом свидетельствует и отмеченный порядок бус, если только ожерелье не было впервые положенным покойнику только при погребении его костей. Вполне объяснимым оказывается в этом случае и недостаток некоторых костей, которые могли быть по-

Табл. XIX.

Глиняный сосуд, служивший оссуарием эпохи поздней бронзы в Эшери, после реставрации.

¹ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, 1925 год, стр. 32.

терянными при выборке их из шкуры или утащенными кем либо в лесу.

Самый факт вторичного погребения находит опору в очень позднем переживании этого обычая у абхазов в случае погребения убитого молнией. А. А. Миллер¹ в своем очерке из поездки по Абхазии в 1907 году вспоминает старое сообщение Званбая в газете «Кавказ» за 1855 год об абхазском обряде воздушного погребения быка, убитого молнией. Ценный очерк природного абхаза, полковника С. Званбая, убитого в турецкую войну, содержит в себе наряду с подробным описанием этого обычая параллельные указания на применение его также в случае подобной же смерти человека. В виду малой доступности этой статьи я позволю себе привести из нее необходимые выдержки до некоторой степени, может быть, восстанавливающие древний обряд.² Хозяин убитой громовым ударом скотины устраивает на четырех столбах настил такой высоты, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звери. Собравшееся сельское общество без различия пола совершает вокруг убитой скотины пляску и разделившись на два хора, с песней поднимают ее на вышку. Там остается она на жертву хищным птицам. Подобный обряд под именем «шибласха» известен и черкесам.³

«Если гром поразит человека, свидетельствует в той же статье С. Званбай, то и над его телом совершают подобный же обряд, и без пляски и песни не решаются поднять тело убитого человека. Во время круговой пляски родственники убитого не должны плакать... Тело остается на вышке в гробу до тех пор, пока не останутся от него одни кости. После этого гроб снимают и предают его с костями земле при обычном обряде погребения».⁴ Об этом же обычае в Абжуйской Абхазии сообщает Н. С. Джанашия.⁵ Убитое животное с почестями при пении двумя хорами wāu etlar и Aūdā etlar (у Званбая „чаупар-оу“), убирают на вышку «ашвамкят», правильное а-шамкәд по мегрельски ლაშაშა, чтобы не осквернить «царицу землю», а по мнению других, чтоб не осквернить самой убитой богом

¹ Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 году. В: Материалы по Этнографии России, том I, СПб, 1910, стр. 66.

² Званбай Соломон. Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии. В: Газета „Кавказ“, 1855, № 81, стр. 351.

³ Люлье Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. В: Материалы для истории черкесского народа, вып. 4, Краснодар, 1927 стр. 32—33.

⁴ Это сообщение Званбая пересказано М. Г. Джанашиви в статье Абхазия и Абхазы (В: Зап. Кавк. Отд. И. Географ. Общ. кн. XVI, Тифлис, 1894, стр. 51—52) без указания на источник.

⁵ Джанашия Н. С. Абхазский культ и быт. В: Христианский Восток, т. V, Петр. 1917, стр. 165—166.

грома Afə твари. Пляска совершается с очажными цепями на шеях. В отношении человека остается по словам автора невыясненным, клали ли его на а-швапкѣ навсегда, или, как теперь, совершив обряд поднятия на вышку, хоронили затем в земле только без гроба.

Если наше предположение о вторичном характере эшерских погребений правильно, они в свою очередь являются показателем, что описанный абхазский обряд с убитым молнией является пережитком, в случаях особой смерти, древнего местного погребального обряда, описанного античными авторами. Следует при этом обратить внимание и на факт, что известные нам пока в Абхазии три погребения с кобаньским инвентарем в урнах, являются погребениями мужскими, в одном случае возможно совместно с женским, погребение же в Аагсте, которое может быть женским, представляет собою простую ингумацию. Если бы это подтвердилось и дальнейшими исследованиями, мы бы видели здесь новое доказательство правильности показаний Нимфодора и Аполлония о различиях в погребениях мужчин и женщин и о живучести этого обычая.

Еще один вопрос в рассматриваемом типе погребения требует некоторого рассмотрения: чем объяснить использование здесь для вторичных захоронений останков умерших, хотя бы только мужчин, именно, глиняных урн. Хотя в конечном итоге идея эта может быть сопоставлена с широко практиковавшимся, в случае кремации, обыкновением употреблять в качестве хранилища пепла покойника обычные хозяйственного типа глиняные сосуды, вряд ли следует в данном случае усмотреть непосредственное соприкосновение этих двух погребальных форм, столь различно воздействующих на человеческое воображение. Предполагать возможность обмена подобным опытом мешает и реальная чуждость для всей соседней территории восточного, северного и южного Причерноморья, до самого конца эпохи бронзы, обычая сжигать покойников, так как единственный, насколько мне известно, случай, открытый военным топографом П. Ф. Петровым в 1914 году у северной подошвы Арарата своеобразный колумбарий (Муз. Грузии инв. 30—14), находится уже целиком в железном веке и может быть датирован концом урартской (Ванской) эпохи.

Гораздо естественнее поэтому видеть в абхазских кувшинных оссуариях отражение господствовавшего в III и начале II тысячелетия на территории древне-хетского государства обыкновения перемежать грунтовые и каменно-ящичные могилы с погребениями детей в кувшинах и взрослых в огромных глиняных пифосах¹ со следами несо-

¹ Bittel Kurt. Prähistorische Forschung in Kleinasien, B: Istanbul Forschungen, Bd. 6, Istanbul, 1934, стр. 63 и 64.

вершенного мумифицирования, хотя разъятия членов, подобно доисторическим египетским погребальным глиняным цистам¹ здесь зарегистрировано и не было.

В этом направлении может получить в дальнейшем объяснение и специфическая в Колхиде подготовка покойника к помещению его останков в урну, особенно, если принять во внимание общее вышеупомянутое состояние местной гончарной техники, затрудняющейся, повидимому, в изготовлении сосудов слишком крупного размера. Таким образом открытые нами в Эшерах кувшинные оссуарии окажутся модификацией того общего с Пиренейской Иберией² погребального обычая, который пришел там на смену, подобно как и у нас, мегалитического типа надгробным сооружениям и коллективным погребениям в в дольменах и, в особой форме, удержался до эпохи древнегреческой колонизации на Балеарских островах, где по словам Диодора Сицилийского существует «особый и странный обычай: разбив члены покойника ударами палки, бросают его в кувшин, который покрывают кучей камней».³

Что касается идеологических представлений, лежащих в основе описанного нами типа эшерских погребений, с ними знакомят нас сравнительно этнографические параллели так называемых вторичных погребений у целого ряда народов, находящихся на стадии родового общества, начиная с самых ранних его ступеней. Так Frazer'у,⁴ собравшему в этом направлении большой материал, удалось подтвердить, что всюду, где этот обычай встречается, он вызван первобытным представлением о тесной связи души с телом; до полного разрушения последнего, именно освобождения костей от мяса, душа не может стать самостоятельной,⁵ и остается в кругу живых, нуждаясь в пище и заботах о ней. Все разнообразие приемов удаления мяса,

¹ Morgan Jacques (de) La préhistoire orientale, t. II, Paris, 1926, стр. 115, рис. 141.

Анучин Д. Н. Каменный век и доисторическое население Египта по новейшим исследованиям В: Археологические Известия и Заметки, VI 3—4, Москва 1898, стр. 108—109, рис. 12.

² Déchelette J. Essai sur la chronologie préhistorique de la péninsule Iberique В: Revue Archéologique, Paris, 1909.

Гернес М. Культура доисторического прошлого, часть II, Москва, 1914, стр. 86, 88, рис. 41.

³ Diodore de Sicile В: Bibliothèque historique, trad. du grec par Ferd. Hoefer, t. II, Paris, 1865, стр. 18.

⁴ Frazer J. G. Belief in immortality I, 1913, стр. 165.

Его же. The fear of the dead in primitive religion, vol. II, London, 1934, стр. 68 сл.

⁵ Dussand René. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée Paris, 1910, стр. 258 и 24—25.

как естественных так и искусственных, направлено в конечном счете к одной главной цели, дать умершему с большей или меньшей быстротой осуществить эту возможность, получаемую при окончательном погребении костных останков. Хотя идеологические основы кремации во многих случаях имеют тот же смысл, почему нередко в одном и том же обществе, например, у древних греков и римлян наблюдаются неоднократные переходы от обряда захоронения останков к трупосожжению и обратно, в них привнесены еще совсем новые моменты, — огонь, в сильной мере усложняющий содержание.

Те же собственно воззрения о тесной зависимости души и тела приводят местами, как известно, и к противоположному погребальному типу, — мумификации, стремящейся сохранить, таким путем, длительно обитель души. Вместе с тем и самые представления о душе вовсе не остаются однородными. Нередко наблюдается верование в наличие одновременно нескольких категорий души, находящихся в различных взаимоотношениях с телом. При этом обряд вторичных погребений особенно способствует развитию таких представлений в многоставность души. Это все до известной лишь степени позволяет проникнуть в древнее мировоззрение, отголоски которого сохраняются в сказочных мотивах и обрядовых пережитках у мегрелов, сванов и абхазов.

3. Кобаньская поздне-бронзовая культура и киберо-сперская этническая стадия Кавказа.

Рассмотрим подробнее найденный нами в урне погребальный инвентарь (табл. XX). Бронзовый топор представляет собой классический образец топора чисто кобаньской формы прекрасной работы. Он принадлежит к типу с клиновидным обухом и полуовальной, более или менее симметричной, лопастью и отличается простым строгих пропорций контуром. Прекрасная блестящая черная патина, лишь местами испорченная диким зеленым налетом, легко позволяет судить о приемах обработки поверхности топора после его отливки: очень тонкой проковкой и шлифовкой. Специальной отточке лезвие не подвергалось и не несет никаких следов работы.

Топор украшен гравированным орнаментом (рис. 37), который состоит из широкого пояса, охватывающего наиболее суженную часть топора, с изображений: собаковидного существа на каждой стороне лопасти и рыбы на двух боковых гранях обуха. Поясок состоит из двух пар сетчато заштрихованных лент, идущих по его краям, и средней полосы, заполненной кружковым узором. Собаковидное существо представляет неоднократно уже упоминавшегося «гвера» дра-

Табл. XX.

коно-волка, значение и смысл которого выясняется: из языково-палеонтологической, как мы выше уже говорили, связи между грузинскими названиями волка и змеи (guegi 'змея', по мегрельски, и gweri 'волк', по чански), из этнического наименования мегрелов герами с эпонимным их героем Герия и из не менее тесной, указанной акад. И. И. Мещаниновым,¹ материальной связи изображений змеи и собаки на кобаньской бронзе.

Рис. 37. Топор из кувшинного оссуария с гравированным орнаментом.

В нашем случае, принадлежность изображенного существа к нижнему небу подчеркивается помещенными на обушной части того же топора изображениями рыб. Как это обычно для топоров из Кобани, рыба появляется здесь, как показатель природной стихии, к которой относится главное изображение. При этом, это последнее в нашем случае приобретает само черты, подчеркивающие его водную природу: мы имеем в виду трактовку лап, как плавников, совершенно подобных хвосту изображенных здесь же рыб.²

¹ Мещанинов И. И. Змея и собака на вещевых памятниках Кавказа. В: Зап. Колл. Востоковедов, т. 1, 1926, стр. 255.

² Мещанинов И. И. Цит. соч. стр. 244—247.

13. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

Сравнивая наши рисунки с серией аналогичных изображений на топорах Кобани (рис. 38), особенно легко видеть драконовидный характер, а не реалистическое происхождение этого основного персонажа. Замечательно, что такой излюбленный для кобаньской пластики сюжет, как горный баран, никогда не попадает в графические композиции кобаньских топоров. Только олень, оказывающийся в числе животных преисподни (сравни осетинскую сказку о змие Руймоне,

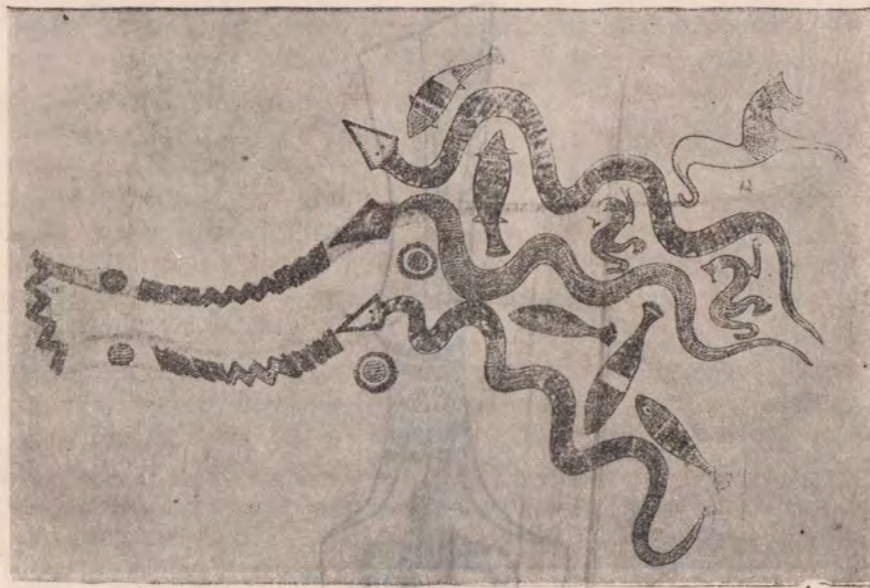

Рис. 38. Развертка гравированной композиции на кобаньском топоре из раскопок Антоновича (по Куфтину).*

порожденном оленем)¹ и имеющий, таким образом, особую связь со змеей, столь ярко отраженную, между прочим, в орнаментике (бордюр из оленьих голов и свернувшаяся змея в центре) замечательной серебряной чаши V века до нашей эры, с греческой надписью о принадлежности ее Аполлону Водителю в Фазисе,² находит, хотя и более редко, место в этих композициях. Но и то надо сказать, его по-

¹ Миллер В. Ф. Осетинские этюды том II, Москва, 1883, стр. 295.

Его же. Отголоски Кавказских верований на могильных памятниках В: Матер. по Арх. Кавказа, том III, 1893, стр. 119.

Мещанинов И. И. Закавказские поясные бляхи. Махач-Кала 1927, стр. 5.

² (Веселовский Н. И.). Раскопки кургана на Зубовском хуторе В: Изв. Арх. Ком. вып. 1, СПб, 1901 г., стр. 98—100, рис. 18.

Minns E. H. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 230.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, 1925, стр. 571.

* Экспозиция Гос. Музея Грузии. Искусство родового общества поздней бронзовой эпохи Кавказа.

явление на кобаньской бронзе связано уже с заметной натурализацией сюжета, как бы перемещающегося в земной мир.

Основным излюбленным мотивом изображения остаются тотемическо-космические представители нижнего неба, преисподней: змея и чудовищная собака-волк, которая, повидимому, была хорошо известна и в греческой мифологии под именем Кербера (лат. Цербера), столь же тесно, как и грузинский „гвер“ связанного иконографически и культово-мифологически со змеей, заместителем которой он собственно является. Достаточно вспомнить для этого слова Павсания, говорящего, что хотя «эллинские поэты пишут, что Геракл здесь вывел из аида известного пса... гораздо правдоподобнее, согласно Гекатею Милетскому, что на Тенаре вырос ужасный змей, от укушения которого человек должен умереть и потому названный псом Аида, и что этого то змея Геракл и принес к Эвристею. Гомер первый упоминает о псе аидовом, приведенном Гераклом, но не дает ему названия и не описывает даже его вида. Название „Кербер“ выдумали поздние поэты, уподобили собаке и приписали три головы».¹

Древние изображения Кербера часто одноголовы, хвост обычно снабжен змеей головой, и змеиные головы, кроме того, вылезают, как на известном скифосе из Аргоза,² из разных частей тела адской собаки, в частности из шеи и головы. Если сопоставить этот образ с установившимся образом трехголового Кербера, легко видеть, что последний мог легко выработаться из первоначального многосоставного Кербера: чудовищной собаки и многоголового змея. Мифологический образ Кербера собаки-змеи получил, таким образом, как показывает изобразительный материал, свое выявление и разработку уже в эпоху древнейших редакций сказания о подвигах Геракла, вошедших в готовосложившейся форме в Гомеровский эпос.

Однако, как это заметил уже Павсаний, составителю Гомеровского эпоса оставалось, видимо, неизвестным еще самое имя Кербера, впервые появившееся только в теогонии у Гесиода, который, однако, не имел еще об образе Кербера установившегося представления, изображая адского пса, то многоголовым (стих. 311), то одноголовым (стих. 769).³

Самое происхождение имени остается до сих пор неясным. Попытки найти индоевропейскую этимологию оказались безуспешными, и

¹ Павсаний. Описание Эллады, перевод Г. Янчевецкого, СПб, 1887 — 1889 г.г., стр. 371—372.

² Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IX, Paris, стр. 669 — 670.

³ Гесиод. Теогония, пер. В. В. Вересаева, В: Эллинские поэты, Москва, 1929, стр. 110 и 119—120.

сближения Max Müller'a с санскритским *śarvaras* 'губительный' и Kuhn'a с *śabala* 'пестрый' — названием сарамейской собаки, неубедительны и для индоевропеистов, как это показал в критике этих мнений О. Группе.¹

В то же время сделанные выше сближения наших изображений на кобанских топорах с древне-греческими представлениями о Кербере — собако-змее заставляют обратить внимание и на возможную связь имени Кербера с тотемом *'h'iber'ов, kimer'ов*, но не в одноэлементной форме *ger'a*, а уже в гибридной из обоих элементов А и В, как он до сих пор бытует у сванов с зубным *ʃ*, эквивалентом плавного *г*, вкладом шипящей группы, в значении 'бога' *ger-bedʃ* resp. *ger-meʃ*, у мегрелов и чанов *ger-moʃ* (с последовательным оканием доморфологических эпох) и у грузин *gmerʃ* со стяжением в первом элементе и возможным наращением элемента *С* в конце слова, имеющего своим архетипом термин *ker-ber*, абсолютно совпадающий с греческим названием адского пса *Kérberos*. Таким образом греческий *ker-ber-os* находит свою ближайшую и полную этимологию в наименовании народа кимеров, для которых, следовательно, образ адского пса-змеи, собаки нижнего, кимерского, неба является тотемом, подобно тому, как «гвер», также, собака-волк-змея, оказывается тотемом сперов-иберов *'h'iber'ов* то-есть тех же *kimer'ов*.

Интересно здесь отметить, что «немцы с исключительной ролью тотема *ker-m — ger-m* (|| *g-mer*)», как говорит Н. Я. Марр.² «продолжатели шумеров и иберов resp. кимеров» с тотемическим отложением их названия в космическом термине *Himmel*, 'небо' (верхнее) соответственно сванскому *gi-m* 'земля' (небо нижнее), также знают в древнейшем своем эпосе, исландско-скандинавской Эдде, чудовищную собаку-волка *Garmr'a*, стража подземного мира, которого S. Bugge³ считал, согласно отвергнутой теперь совершенно теории⁴ о зависимости Эдды от классических источников, простой передачей образа *serber'a* из Энеиды Вергилия. Полная невозможность предполагать в эпоху сложения Эдды каких либо путей для знакомства с греческими и латинскими авторами и в то же время органичность мифологических представлений, среди которых, имеется гигантский змей *Ormr*, воплощение океана, и исполинский орел, производящий крыльями бури

¹ Группе О. Die griechische Kulte und Mythen I, стр. 113.

² Марр Н. Я. Новый поворот в работе по яфетической теории (из результатов научной командировки в Германию. В: Изв. Акад. Наук, 1931, стр. 650.

³ Bugge Sophus. Studien über die Entstehung der nordischen Götter und Helden-Sagen. München 1881—1882.

⁴ Свириденко С. Эдда, скандинавский эпос. Памятники Мировой Литературы. Москва, 1917, стр. 21 — 28.

и верховный властелин моря *Himír* и целый ряд мотивов и ситуаций, встречающих более глубокие соответствия, скорее, в вавилонских, чем в греческих и римских космологических концепциях, заставляют искать здесь, независимо от библии, переживания первоначальных тотемических образов в их астрально-космической спецификации, исходя от того древнего яфетического слоя, внутри которого Fr. Braun¹ сделал уже попытку найти источник родового термина для обозначения в Эдде стихийных богов Азов, по готски *Ansis* (Jord. 13,78) путем сопоставления их с абхазским *anʃa* < **ans-va* < *ans-ba* (где второй член есть показатель множественности) в значении бог².

В таком случае и старая гипотеза Rawlinson'a³ о связи древних кимров, кимбров с киммерам получает некоторую опору. Но кимбрский-киммерийский этнический слой придется учесть, в таком случае, не только в кельтском, как думает Rawlinson, опираясь на свидетельство Посидония Анамейского (II в. до н. э.), сохраненное Диодором (V, 32) и, частью, Аппианом (De bello illyr. 768) вплоть до современных уэльсцев *sumry*, но и в германском, согласно утверждению Тацита (Germ. 37)⁴ с Страбона (VII, 426)⁵ о германизме кимров. Здесь не место останавливаться на всей этой специальной проблеме, но надо упомянуть об одном моменте, придвигающем ее и в разрезе литературных свидетельств к территории Кавказа: на сохраненное Страбоном (VII, 2, 2) свидетельство того же Посидония о том, «что кимбры, будучи разбойниками и кочевниками, совершали походы даже до Мэотиды и что от них получили название и Киммерийский Боспор, т. е. Кимбрский, ибо «эллыны называли кимбров киммерийцами»,⁶ как об этом говорит и Плутарх в жизнеописании Мария (XI).⁷ Хотя, конечно, в этом утверждении скорее следует усмотреть лишь домыслы поздних греческих историков, столкнувшихся с воинственным напором кимров и желавших объяснить топонимические и этнонимические совпадения, но они получают и иной еще смысл при сопоставлении с вышеука-

¹ Braun Friedrich. Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. Berlin, 1922, стр. 65.

² Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. СПб, 1912, стр. 3, (автор, давая иную этимологию, видел в слове также множественное число).

³ Rawlinson George, M. A. History of Herodotus, vol III. London, 1880, стр. 181 — 185.

⁴ Тацит Корнелий. Сочинения. Перевод В. И. Модестова, т. I. СПб, 1886, стр. 59.

⁵ Страбон. География. Перевод Ф. Т. Мищенко. Москва, 1879.

⁶ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, том I. СПб, 1893, стр. 108.

⁷ Латышев В. В. Цит. соч., стр. 488.

занным фактом распространения особенно интересующего нас иберо-кимерского тотема *gor-moð, gmerð* в германской Европе в значении адского пса-волка *gar-mg*, эквивалента древне-греческого *ker-ber'a*.

Что имя Кербер действительно каким то образом причастно имени киммерийцев знает опять таки сама древнегреческая литературная традиция. Так в древних схолиях к Одиссее¹ имеются замечательные указания на разночтения в названии страны и города Кимерии в Одиссее (IX, 14): «У Аристарха киммерийцы — народ живущий вокруг Океана; некоторые пишут *Χεμερίων* (т. е. зимние), а иные *Κέρβερον*, как Кратит». Такому же пониманию *χιμερίοι*, как *κέρβεροι* следовали Аристотель и Софокл (fr. 957 № 2).

Дело, конечно, идет здесь не об неумении тогда правильно прочитать текст Одиссеи, а о глубоко вкоренившемся представлении о том, что Кербер в какой то степени тождественен с Киммером и может его заменять, в данном случае, видимо, как название страны или города. Об этом же говорит и Плиний Секунд, пользовавшийся, как известно, в своих географических представлениях очень старыми до-геродотовскими ионийскими традициями. Перечисляя города, расположенные между Босфором Киммерийским и Меотийским озером, он упоминает в самом конце пролива город Кимерий, который раньше по его словам назывался Керберием.² Тоже имеем и в лексиконе Гезихия Александрийского (V в. н. э.): «называют и Киммерийцев Керберийцами *κέρβεροις*; и город одни называют Керберией, другие Киммерией...; есть в подземном царстве место *κέρβερος*»³. Следовательно, и разгадку греческого понятия Кербер закономерно искать в том древнейшем общественно-историческом пласте *spet'ov-kimer'ov-iber'ov*, которому мы уже приписали выше кобанскую бронзу с характерными для нее изобразительными мотивами, чудовищной собакой и змеей. — Из остальных найденных в погребальном оссуарии предметов столь же полное сходство с северо-осетинскими обнаруживает бронзовый кинжальный клинок (в 24,4 см. длины и 4,2 см. ширины), тождественный с вышеописанным из цела Приморского в коллекции А. Л. Лукина. Треугольный выступ основания клинка со срединным тупоконечным шипом и двумя отверстиями в перепонках для скрепления с рукоятью, является особенно типичным для этих кобанских форм.⁴ В отверстия были вставлены два бронзовых стерженька, проходящих сквозь

¹ Латышев В. В. Цит. соч., стр. 304.

² Plinius Secundus. Nat. Historia, lib. VI, 18. В: Латышев В. В. Цит. соч. т. II, стр. 180.

³ Hesychii Alexandrini. Lexicon. В: Латышев В. В. Цит. соч., т. I, стр. 853.

⁴ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК VIII, Москва, 1900, табл. XII₃.

деревянную, видимо, рукоять, от которой не сохранилось и следов; но по длине стерженьков можно судить о ее толщине. Самый клинок отличается от выше цитированного кобанского образца округло-выпуклым широким утолщением по средней продолговатой его оси без резко выраженного выступа или острого ребра. (табл. XX₂)

Что касается бронзовых втульчатых наконечников копий, то, как уже выше сказано, они вообще являются характерной чертой абхазской и западно-грузинской бронзы поздней ступени, в отличие от северо-осетинской, где они очень редки и в частности в кобанском могильнике даже неизвестны, как это отмечено уже Virchow'ым.¹ Интересно, что все три наконечника совершенно различны. Более короткий бронзовый наконечник (табл. XX₃) имеет в длину 17 см. и отличается толстой (до 2 см. в диаметре), с закованным расщепом, втулкой, уступающей по длине перу копья, обладающего широкими хорошо выраженными лопостями при наибольшей ширине пера в нижней его части (3,4 см) с массивным выступающим срединным стержнем, который представляет внешне, как бы, продолжение втулки, сужающейся к концу.

Второе бронзовое копье (табл. XX₄) более узкое и длинное (21 см. длиной) со втулкой, значительно превышающей половину всего наконечника и широко расщепленной, имеет лист с наибольшей шириной в нижней его трети (около 2,7 см.).

Третье копье железное (табл. XX₅), вследствие сильного разрушения ржавчиной, не дает возможности составить полного представления о своей форме. По длине оно значительно превышает оба предыдущих, достигает 28 см. и отличается узким и длинным лезвием до 15 см. длины, без явно выступающего стержня, и расщепленной втулкой около 2 см. в диаметре. Наличие этого длинного, безусловно наиболее сильного, в смысле оружия, копья свидетельствует о значительной уже роли, какую железо начинало играть в это время.

Оловянная гривна, (табл. XX), сохранившаяся в фрагментах, представляет собою разомкнутый овальный обруч из массивного четырехгранного прута, толщиной в 1,1 см., с несходящимися концами, расплюснутыми до 1,8 см. в ширину и свернутыми в завиток. Повторяя форму известных бронзовых шейных колец, эта оловянная гривна исключает высказывающиеся иногда предположения о возможности применения подобных предметов в качестве ручек от сосудов или щитов. Оно несомненно является украшением, одеваемым на шею и служащим в то же время известной ценностью, также как и найденное Belck'ом близ Калакента оловянное ножное кольцо, химический анализ

¹ Virchow Rud. Das Gräberfeld von Koban, Berlin, 1883, стр. 95.

которого опубликован Virchow'ым: ¹ Sn99,603 Sb0,126 Zn0,173 и следы Fe. В нашем анализе шейной гривны, произведенном в аналитической лаборатории ТИХИАН, пробы на Sb, Zn, Fe, а также Pb дали отрицательные результаты. Самый факт изготовления украшений из олова указывает на самостоятельную роль, какую играл на Южном Кавказе этот металл, необходимый в то же время для приготовления бронзового сплава, основного материала для оружия. Проведенный химический анализ найденного в той же урне топора показал, что бронза достигала в это время наилучшего состава, свидетельствующего о прекрасном учете качеств бронзы и о выработке практических методов ее получения на месте.

Загадочным и невыясненным остается вопрос, где олово добывалось. Связанная по своему происхождению с интрузивными кислыми породами оловянная руда (касситерит) казалось могла встречаться и в самой Грузии, но до сих пор, за исключением небольших следов в Марнеульском (бывш. Борчалинском) районе² при промывке золота и тоже в незначительном количестве в песках по реке Дзирула, обнаружена не была и, что особенно существенно, разработки олова никогда не были известны на Кавказе. Правда, есть указания³, что будто-бы в географии Грузии царевича Вахушти (XVIII века) сообщается о добыче олова³ и, действительно, в русском переводе этой географии, выполненном М. Г. Джанашвили⁴, упоминаются оловянные разработки в Тедзамском ущельи Тriaлетского хребта, близ монастыря Кркони, обычно теперь именуемого Ркони. Однако сверка этих мест с грузинским текстом показывает, что Вахушти в этом месте для названия металла пользуется вышедшим теперь из употребления архаичным термином „брпени“ (ბრპენი)⁵, который не означал обязательно олова, хотя в древнейшем, так называемом Ошском⁶, переводе библии, восходящем, можно полагать, к V веку, „брпени“ стоит (Иезек. XXII 18 и 20) на месте более позд-

¹ Virchow Rud. Ueber die kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. В: Abhandl. Pruss. Akad. der Wissenschaft, phys. math. Kl., Berlin, 1895, стр. 6—7.

² Бежанишвили Н. Олово. В: Минеральные ресурсы ССР Грузии. Тифлис, 1933, стр. 820.

³ Твалчрелидзе А. Редкие минералы. Там же, стр. 856.

⁴ Твалчрелидзе А. Редкие минералы. В: Минеральные ресурсы ССР Грузии, Тифлис, 1933, стр. 856-857. Габуния К. Свинец, серебро и цинк. Там же, стр. 918.

⁵ Вахушти. География Грузии. В: Зап. Кавк. Отд. Русск. Георг. О-ва. т. 54, вып. 5, Тифлис, 1904, стр. 62.

⁶ Wakhoucht. Description géographique de la Géorgie, publiée par Brosset, St. Pb, 1842, стр. 198.

⁷ Рукопись Госуд. Музея Грузии А 471: копия XVIII в. с хранящейся на Афоне рукописи 978-го года; см. Жордания Т. Описание рукописей Тифлисского Церковного Музея, кн. II, Тифлис, 1902, стр. 35, 41 и Блэйк Р. П. О древнейших грузинских версиях Ветхого Завета. В: Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., вып. VI, Тифлис, 1921, стр. 29-30, 38 и др.

него „кала“ (კალა), 'олово' печатной версии (по переводам XI-XII века), противопоставляясь свинцу ტყვო (т. е. ტყვო „тквиа“). В печатной же версии словом „брпени“ переводится (Исход. XV, 10) 'свинец'. ბრენი (ε^ορ^ενι).

Грузинский лексикограф XVIII века Сулхан-Саба Орбелиани¹ также отождествляет свинец ტყვო „тквиа“ с ბრპენი, „брпени“, хотя под последним в словаре указывается „свинец (и олово)“. То же мы находим и в словаре Д. Чубинова.² Для правильного понимания слова брпени очень важно, что у Вахушти специального термина для свинца „тквиа“ не встречается совсем, хотя свинцово-серебряные месторождения в Грузии ему известны и, упоминая их он свинец называет „брпени“³. Также последний термин понимает и Brosset во французском переводе Вахушти⁴. Во всяком случае двойственность значения брпени не дает никакого права переводить его как олово, в отношении к Тедзамской разработке, где и современные геологические данные свидетельствуют о свинце, а не об олове.

Что же касается рассеянной оловоносности некоторых полиметаллических руд Кавказа и Закавказья, например по реке Сангутидону⁵ в Северной Осетии, в Алавердском районе, в Ахтальском и Тамлукском месторождениях (до 0,72%)⁶ и пр.,⁷ то изучение ее может лишь послужить для обнаружения источников незначительных примесей олова и других металлов в целом ряде случаев в медных изделиях более ранней стадии, но не имеет никакого отношения к вопросу о происхождении искусственных бронзовых сплавов, предполагающих знакомство с чистым оловом и его лигатурными свойствами.

Двукратная находка оловянного изделия в Эшерском могильнике, вышеуказанная находка W. Belck'a в древнем металлургическом районе Центрального Закавказья, в Калакенте, при частых случаях

¹ ბრპენი სულხან-საბა, ქართული ლექსიკონი. Тифлис, 1928, стр. 337 и 44.

² Чубинов Дав. Грузино-русский словарь. СПб, 1887, стр. 119.

³ Wakhoucht. Цит. соч., стр. 444.

⁴ Wakhoucht. Цит. соч., стр. 199 и 445.

⁵ Сердюченко Д. П. Редкие и благородные металлы на Северном Кавказе и пути изыскания их новых месторождений. В: Северный Кавказ — мощная минеральная, сырьевая база СССР. Ростов на Дону, 1932, стр. 188.

Артемов Б. П. Перспективные оловоносные районы СССР и пути к расширению сырьевой базы по олову В: Тр. IV Всесоюзной геологич. конференции по цветным металлам, в. V. Малые и редкие металлы, 1932, стр. 11-12.

⁶ Калужный В. К вопросу о направлении геологоразведывательных работ по олову. В: Разведка недр, 1933, № 11, стр. 16.

⁷ Справочник по полезным ископаемым Сев. Кавк. края. Ростов на Дону, 1933, стр. 384—385.

Варданянц Л. А. О Джимаринском медно-мышьяковистом месторождении. В: Извест. геологич. К-та, т. 47, № 9-10, 1928, стр. 1101, 1110.

захоронения вместе с бронзовыми предметами слитков, состоящих, как показывают анализы, обыкновенно из чистой меди, несомненно доказывают, что бронзовый сплав приготавливался на месте.

Тем более существенным является выяснить источник, откуда почерпалось олово, своим присутствием указывающее на существование регулярных торговых сношений Южного Кавказа с дальними странами в сравнительно очень раннее время. Но прежде чем подойти к рассмотрению этого вопроса, связанного с уяснением общей исторической ситуации Кавказа в бронзовую эпоху, следует более прочно установить невозможность видеть здесь в олове продукт местной его древней добычи. Но, как известно, утвердить отрицательные факты всегда очень рискованно и трудно. Однако, проведенная в последнее время, в связи с расширением общесоюзной минерально-сырьевой базы, интенсивная геологическая разведка, в частности и по обнаружению оловянных местных ресурсов, заставила столкнуться с фактами чрезвычайно капризного распространения оловянных месторождений и отсутствия олова в целом ряде районов, где были, казалось, все основания его предполагать¹. Это явление, естественно, потребовало объяснения, но в этом отношении работа не является законченной.

С достаточной уверенностью удастся пока только констатировать существование двух, с этой точки зрения, различных сортов гранита,—оловоносного и неоловоносного, в зависимости от возраста щелочности и соотношения с древними интрузиями. Как показывают исследования гранитов других мест, например, Монголо-Охотского пояса, а также хорошо изученных гранитов Финляндии, оловоносными оказываются только граниты с повышенным содержанием щелочей² (грано-диориты), именно принадлежащие более поздней интрузии, обогащенной в апикальных частях, именно в зоне контакта с древними гранитами, легкоплавкими соединениями. Этим объясняется, что, согласно исследованиям Л. А. Варданянца в Северной Осетии, оруднение вообще связано с альпийским третичным орогеном и совпадает с незатронутыми эрозией апикальными частями молодой гранитной интрузии, выступающей нешироким поясом в малодоступных ледниковых областях центрального Кавказа³. Но нас, собственно,

¹ Артемьев Б. Н. Олово. Москва—Ленинград, 1930.

Берлин Н. И. Проблема олова в СССР на фоне мирового состояния оловянной промышленности. В: Тр. 1-го Всесоюз. совещания по цветным металлам Москва, 1925.

² Чураков. Прения по докладам об олове. Тр. IV Всесоюз. геолог. конферен. по цветным металлам, вып. V. Малые и редкие металлы, 1932, стр. 42, 43.

³ Сердюченко Д. П. Редкие и благородные металлы на Северном Кавказе и пути изыскания их новых месторождений. В: Северный Кавказ—мощная минерально-сырьевая база СССР. Ростов на Дону, 1932, стр. 188.

но, интересует сейчас не принципиальная сторона дела о трудности найти олово на Кавказе и даже не возможность его обнаружения, где либо, сколько факт полного отсутствия каких либо следов его древней добычи здесь и каких либо исторических указаний на то, чтобы Кавказ пользовался когда либо своим собственным оловом. Этому последнему обстоятельству нельзя не придавать значения даже и в случае, если-бы в будущем оловянные месторождения, где либо и оказались открытыми, так как, по правильному замечанию J. de Morgan'a⁴ невероятно, чтобы разрабатываемые в эпоху бронзы прииски „столь нужного металла, как олово, могли быть позднее забыты“.

Действительно ни ассирийские, ни халдские, ни античные или византийские, а также армянские, грузинские памятники ничего о кавказском олове не говорят, хотя, как известно, вся древнейшая металлургия Месопотамии (также как и Древнего Египта), а значительно позднее, и Ванского царства основывалась исключительно на привозном материале не только олова, но и меди, поскольку районы нижнего Двуречья совершенно лишены собственного металла, а ближайшие к Ванскому царству медные руды имеются только, как показывает сводка F. Oswald'a⁵, лишь в Бирди-Зерде около озера Урмии⁶, с одной стороны, и в истоках Тигра, с другой,—в древнейшем известном еще Ассирии IX века до н. э. медном прииске в горах „Аркианя“⁷, современном Аргана Маден⁸, и соседнем Палу.

Но если бы на Кавказе олово действительно добывалось, особенно странным было бы умолчание о нем здесь таких авторов, как Страбон и Плиний, внимательно, видимо, следившими за путями его распространения. От античного времени, напротив, сохранилось одно любопытное свидетельство (ложно приписывавшееся Аристотелю) говорящее об отсутствии олова у Моссиников и об употреблении ими вместо него какого то суррогата, который давал особый светлый сплав отличного качества⁹. „Рассказывают, что моссиникская медь отличается ярким блеском и чрезвычайной белизною; к ней примешивается не олово, но особый сорт тамошней земли, которая пла-

⁴ Morgan J. (de). Mission scientifique au Caucase. t. I. Paris, 1889, стр. 35.

⁵ Oswald F. Armenien. Handbuch d. regional. Geologie, Bd. V, Heidelberg, 1912 карта.

⁶ Morgan J. (de). La préhistoire orientale, t. III. Paris, 1927, стр. 189, примеч.

⁷ Unger Eckhard. Argana Maden. В: Eberts Reallexikon für Vorgeschichte Bd. стр. 216.

⁸ Ainsworth William F. Researches in Assyria, Babylonia and Chaldaea. London, 1838, стр. 270-273.

Oswald F. Цит. соч., стр. 33.

⁹ Morgan J. (de). Mission scientifique au Caucase. Том I, стр. 35-36.

вится вместе с медью¹. Какого рода этот сплав, возможно будет решить лишь путем систематически проведенной серии анализов различных находок с этой территории. Сейчас можно лишь высказать подозрение на сурьму, которая обнаружилась в некоторых образцах древнего медного инвентаря из дольменов Абхазии, в качестве примеси в неожиданно больших количествах.

Все эти обстоятельства делают совершенно непонятной и неожиданной появившуюся в середине прошлого столетия убежденность ряда историков Древнего Востока в том, что именно Кавказ и, в частности, древняя Иберия являлись источником олова для металлургии передне-азиатских стран и даже Египта². Д. Бэр³, подвергший критическому рассмотрению взгляды Ленормана об иберийском кавказском олове и о финикийском посредничестве в его распространении по Средиземноморью, говорит, что ему не удалось отыскать первоначального источника этих сведений. Но за год перед этим в Известиях Кавказского Отделения Географического Общества появились замечания Е. Вейденбаума⁴ на необоснованность этой же теории, легшей в основу цитируемого F. Lenormant'ом специального труда о древней бронзе Fr. Rougemont'a⁵, который в свою очередь ссылается по вопросу о существовании в Грузии оловянных приисков на статью Fournet⁶ „О влиянии рудокопного дела на прогресс культуры“. К сожалению последней статьи мне не удалось видеть, но весьма вероятно, что источником недоразумения послужила вышеупомянутая двойственность грузинского термина „брпени“, который мог через какое либо осведомляющее лицо попасть в неточном переводе к французскому автору.

Появившееся несколько позднее в печати сообщение Fr. Bayer-p'a⁷ о находке им кристаллов оловянного камня на свинцовой горе между р. Шебш и Неберчай было плодом недоразумения, с чем, по

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, том I, стр. 380.

² Lenormant François. Les premières civilisations. Etudes d'histoire et d'anthropologie. t. I, Paris, 1874, стр. 128, 145.

Maspéro G. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, t. II, Paris, 1897 стр. 204.

³ Бэр Д. Откуда добывалось олово, входящее в состав древнейшей бронзы. В: Древности, том VII, Москва, 1878, стр. 234-235.

⁴ Вейденбаум Е. Г. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. В: Известия Кавказского Отделения Русск. Географич. Общест., т. IV, Тифлис, 1875—1877, стр. 122.

⁵ Rougemont Fr. Die Bronzezeit oder die Semiten im Occident. Verbesserte deutsche Ausgabe. Gütersloh, 1869, стр. 83, 85, 95, 167-170.

⁶ Fournet. De l'influence du mineur sur les progrès de la civilisation. В: Mémoires de l'Académie de Lyon, 1861.

⁷ Bayern F. Bemerkungen und Ansichten über den Kaukasus und seine vorhistorischen Verhältnisse seiner Völker und deren Industrie. В: Zeitschr. für Ethnologie, Verhandlungen, 1882, том XIV, стр. (348).

словам Arzruni¹, Байэрн сам принужден был согласиться. Косвенным указанием на то, что действительно в 19-ом и 18-ом столетии никаких оловянных приисков в Грузии не было, является сведение Peyssonel'я² об импорте олова в XVIII-ом столетии Черным морем в восточно-черноморские порты и, с другой стороны, что соседняя Персия, по словам Шардена³ и Тавернье, получала олово в это время из Индии.

Где же находятся ближайшие источники, откуда олово попадало в древние кавказские металлургические центры? Из числа восточных стран добыча олова была засвидетельствована Страбоном (XV, 2, 10) в стране дрангов между Парфией и Бактрией⁴, то есть или в Афганистане, где близ Бамияна об олове упоминает Burns⁵ или, как полагает J. de Morgan⁶, в Хорасане, где на богатые залежи олова и оловянные рудники близ Мешхета указывает Д. Бэр⁷ (со слов Огородникова) и Мельгунов⁸ в районе Астеребада. Это делает вполне вероятным предположение Е. Reyer'a⁹ ссылавшегося на Бэра, что именно отсюда шло олово для бронзовой индустрии Вавилона.

Действительно, очень раннее появление бронзового литья¹⁰ по утериваемой модели в древнем Сумере, начиная с ранне-династической эпохи, то есть в начале III-го тысячелетия до н. э. предполагает существование сравнительно недалекого источника олова, который в саргоновский период оказался отрезанным от Вавилона, как показывает появление в это время топоров кованых из медных пластин, имитирующих исчезнувшие литые формы¹¹. Вместе с тем не-

¹ Arzruni. Ueber das Vorkommen von Zinnstein und die Bronzeindustrie des Kaukasus. В: Zeitschr. f. Ethn., Verhandl., 1884. Т. XVI, стр. (59).

² Peyssonel. Traité sur le commerce de la mer Noire. T. I. Paris, 1787, стр. 277.

³ Chardin, Voyages en Perse et autres lieux de l'Orient, t. III. Amsterdam, 1735, стр. 30.

⁴ Страбон. География. Перевод Ф. Г. Мищенко. Москва, 1879, стр. 740—741.

⁵ Burns A. Travels into Bokhara containing an account of a Journey from India to Cabul, Tartary and Persia 1831—1833. Сп. русск. перевод: Борнс Александр. Путешествие в Бухару, часть третья, Москва, 1850, стр. 340.

⁶ Morgan J. (de). La préhistoire orientale. Tome III. Paris, 1927, стр. 167, пр. 4.

⁷ Бэр Д. Откуда добывалось олово, входящее в состав древнейшей бронзы. В: Древности, том VII, Москва, 1878, стр. 237.

⁸ Мельгунов Г. О южном берегу Каспийского моря. СПб. 1863, стр. 92—94.

⁹ Reyer E. Zinn. Eine geologisch-montanisch-historische Monographie. Berlin, 1881 стр. 202.

¹⁰ Illustrated London News, 1932, 13/II.

Peake H. The copper mountain of Magan. В: Antiquity. II, 1928, стр. 452.

¹¹ Childe G. Die Bedeutung der altsumerischen Metalltypen für die Chronologie der europäischen Bronzezeit. В: Mitteil. d. Anthropol. Gesellschaft in Wien, LXIII, 1933, стр. 218.

сомненно, что натолкнуть на искусственное получение бронзы могло то обстоятельство, что Сумер пользовался различными медными рудами, и литейные мастера имели возможность наблюдать преимущества в литье одних руд перед другими, установив в дальнейшем полезную примесь олова в некоторых из них. Астерабад же, находившийся, как свидетельствует известный астерабадский клад (не сохранившийся, но известный по схематическим рисункам) ¹ в очень древних сношениях с Сумером, ² обладает, если доверять данным Мельгунова, целым рядом расположенных в его районе полиметаллических месторождений меди и олова. О существовании подобных руд на территории Ирана говорит и анализ древних медных изделий из Тепе-Гисара ³ в Дамгане, то есть районе соседнем с Астерабадом. Там олово оказалось до 1,72% уже в изделиях древнейшей эпохи (Hissar I), т. е. с самого начала III тысячелетия. Процент олова, колеблющийся в разное время, достигал порой до 8%, нигде не заставляя предполагать искусственной присадки, но регулировку и отбор соответствующей руды. Вполне определенно сказать, откуда эта руда бралась, пока не удастся, но, по словам исследователя, источником не являлся ближайший район Дамгана, где оловоносной руды нет.

Из других мест Ирана олово указывалось еще около Тавриза ⁴ но Stahl ⁵ в своем геологическом обзоре Персии 1897 года не отмечает, почему-то, совсем этих пунктов, не рассматривает вышеприведенных сведений и вообще об олове не говорит ни слова, так что вопрос об оловянных месторождениях Ирана все еще приходится считать открытым.

Наконец, в вопросе о происхождении переднеазиатской бронзы следует учесть еще горы Дуджик-Даг ⁶ (в Турецкой Армении) в юго-западной части которых, в Дерсиме, имеются старые медные разра-

¹ Bode C. A. (de). On a recently opened tumulus in the neighbourhood of Asterabad forming part of ancient Hyrcania and the country of the Parthians. B: Archaeologia XXX, 1844, pl. XVI.

² Rostovtzeff M. The Sumerian treasure of Asterabad. B: Journal of Egypt. Arch. v. VI., 1920, стр. 4-27.

³ Schmidt E. F. Tepe Hissar excavations 1931. B: The Museum Journal, v. XXIII., Philadelphia, 1933, стр. 355.

⁴ Murray. On some minerals from Persia. B: Quart. Journ. Geol. Soc. London. 1859 стр. 605.

⁵ Stahl A. F. Zur Geologie von Persien. Geognostische Beschreibung von Nord- und Zentral-Persien. Из: Petermanns Mittheilung, Gotha. 1897.

⁶ Oswald F. Armenien. Handbuch d. regional. Geologie, Bd. V., Heidelberg, 1912, стр. 34.

Morgan J. (de). La préhistoire orientale, Tome III. Paris. 1927, стр. 168, прим.

ботки у Тиллака¹. Богатая медная руда содержит здесь также и олово, повышавшее в глазах древних металлургов литейные качества этих руд. Что же касается остальных областей Передней Азии, то несмотря на многочисленность рудных разработок, олово нигде не обнаружено. Указание Fischer'a на нахождение его в Кастамури в Пафлагонии не подтвердилось специальными поисками Leonhard'a². Таким образом источник олова для бронзового производства Кавказа и Передней Азии можно искать только в вышеупомянутых областях на Востоке или же, наоборот, предполагать другой путь доставки олова с Запада.

Главным западным источником олова, как известно, являются Касситеритские острова, хорошо знакомые в этом отношении еще античным авторам (ср. Геродот III 115) и получившие свое имя *Kassiterides* от греч. названия олова *Kassiteros*. Однако, последнее название не имеет протогреческой основы, неизвестно в других европейских языках ³ и само, повидимому, проникает в греческий с Востока. В этом отношении показательно санскритское *kastira*, в котором легко узнается, по Hüsing'y ⁴, эламское слово *kassi-ti-ra*, то есть „принадлежащее стране кассев“. Повидимому именно кассеи или касситы были посредниками в первоначальной доставке олова в западные страны.

Действительно, прежде чем отдаленные от древнего культурного мира оловянные месторождения Касситеритских островов могли стать известными, необходимо было пройти предшествующую стадию ознакомления со свойствами олова и бронзы на основе существующего уже бронзового производства. Согласно Arth. Evans'y ⁵ сознательная присадка олова к меди, первоначально, видимо, только с целью уменьшить точку плавления, началась на Крите около первой ступени Средне-Минойской эпохи, когда появились уже сплавы, содержащие до 9% олова при сильных, однако, колебаниях в их составе. Уже к концу Средне-Минойской эпохи устанавливается стандартный сплав 10 частей на 100, характерный для большинства брон-

¹ Taylor J. G. Journal of a tour in Armenia. B: Journ. R. Geogr. Soc., XXXVIII. London, 1868, цит. по Oswald F. Armenien, стр. 34.

² Helzheimer Max. Metallvorkommen in Vorderasien. B: Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. XIV, 1929, стр. 184.

³ Кельтскую этимологию, которую предложил Julius Pokorny (B: Zeitschr. für Celt. Phil. IX, стр. 164 и XII, стр. 505), Robert Bleichsteiner (Ueberblick über Kaukasische Völker und Sprachen. B: Berichte des Forschungs-Institutes für Osten und Orient, Bd. 2, Wien, 1918, стр. 78) считает ошибочной и склоняется к мнению Hüsing'a об эламском происхождении слова.

⁴ Hüsing Georg. Orient. Literaturzeitung, 1907, стр. 23.

⁵ Evans Arthur. The Palace of Minos, v. I. Oxford, 1921, стр. 195.

зовых очагов Старого Света, в противоположность Южно-Американским, где господствуют сплавы с резкими колебаниями в соотношении меди и олова. Правда Г. Childe¹, исходя из находок особых четковидных синепастовых бус типа М М III в Британии, не исключает возможности ранних связей последней с Эгейским миром. Однако он полагает более вероятным получение олова из Испании и даже, может быть, из Этрурии, ранее вступивших на путь интенсивного развития металлического производства. Действительно в Этрурии, где оловянные руды известны в небольшом, правда, количестве в Monte Valerio, был найден в одном оссуарии на Monte Bradoni кинжал древне-минойского типа совместно с двумя оловянными кнопками. Что же касается Испании, то в северо-западной части Пиренеев, в Галисии, по Ф. Rougemont'u,² согласно официальным данным, местное население занимались кустарной промывкой олова из россыпей. Jolland³ полагает, что эти залежи последовательно разрабатывались сарацинами, римлянами, финикийцами и, быть может, еще ранее в эпоху эгейской и египетской культуры. В последнем случае подтвердилось бы и мнение Sayce'a,⁴ что клинописное обозначение Ана-ки-ки, то есть „земля олова“, в древнем торгово-географическом атласе на глиняных табличках эпохи Саргона I, то есть начала 3-го тысячелетия до нашей эры, относится к Испании, откуда, следовательно, олово шло через Эгейский мир в Месопотамию.

Кроме этих возможны еще менее значительные пункты добычи олова на территории самой Греции⁵, например в Фессалии на берегу Богасейского залива, в медных копях, и на Хризейской равнине под Дельфами, где по словам Davies'a⁶, обнаружены в нескольких местах древние оловянные разработки, датируемые черепками древне-и средне-минойской глиняной посуды.

Наконец распространение древне-тройских форм бронзового инвентаря в долине Дуная делает вероятным использование, в это время, также и Средне-Европейских источников олова, именно олова из Богемии⁷.

¹ Childe G. The dawn of Europ. civilisation, London, 1927, стр. 33.

² Rougemont Fr. Die Bronzezeit oder die Semiten im Occident. Gütersloh, 1869, стр. 84.

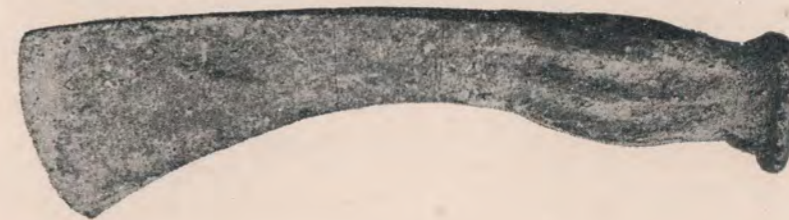
³ Jolland. De l'ancienneté de l'exploitation de l'étain dans le nord ouest de l'Espagne B: L'Anthropologie, 1929, № 1—2, стр. 134—136.

⁴ Sayce A. H. Atlas of the empire of Sargon of Akkad. B. Ancient Egypt, 1924, стр. 13.

⁵ Богаевский Б. Л. Из новейшей литературы по истории техники доклассового и ранне-классового общества. Олово в Средиземноморьи. В: Архив истории, науки и техники, вып. I, Тр. Инст. истории науки и техники, серия I. Ленинград, 1933, стр. 205—210.

⁶ Davies T. Two north greek miningtown. B: The Journal of Hell. Study, 1924, стр. 89—93.

⁷ Childe G. The dawn of european civilization. London, 1927, стр. 57.

Деталь орнаментовки сосуда, служившего оссуарием в Эшери, и два бронзовых топора из Пицунды и из Сухумского музея.

В связи с обрисовавшейся, таким образом, картиной распространения и использования оловянных месторождений в Средиземноморье и Передней Азии, вопрос об источниках кавказского олова должен быть пересмотрен. Вообще вполне очевидный факт несовпадения целого ряда древних металлургических областей и древнейших центров бронзовой индустрии с районами добычи олова неопровержимо указывает на широчайшее значение, какое имела переброска этого металла в родовых обществах на значительные пространства, как путем мирной торговли, так и в форме различных типов военной добычи. От правильного уяснения этой хозяйственной основы зависит освобождение от частого ныне предрассудка искать обязательно объяснение каждого факта, внутри искусственно изолированных отдельных географических областей, игнорируя общение, даже в эпоху вполне развитых стадий родовой общественности, хотя, как известно, ранние формы обмена, возникнув на границах первобытных общин „в тех немногих пунктах, где они соприкасались с другими общинами“¹ „в зародышевом виде случайной мены хаотической массы вещей на какую нибудь другую вещь“ превратились, при выделении пастушеских племен, „в регулярный обмен“².

Установления для Южного Кавказа факта пользования привозным оловом создает, таким образом, прочную базу для понимания условий возникновения здесь несомненных хозяйственных взаимоотношений и исторических связей с удаленными территориями. К сожалению для точной картины путей движения олова не достает нам пока необходимого количества химических анализов древних памятников бронзовой эпохи Южного Кавказа и сопредельных стран.

Опубликованные материалы, лишенные часто нужных указаний для соотнесения их с анализируемыми объектами, не дают возможности их сколько нибудь точно хронологизировать. Такова например одна из наиболее крупных серий анализов, приведенная Chantre'ом для Кобани³. Даже для единственного до последнего времени проанализированного кобаньского топора отсутствует описание его формы, в то время как бронзовый состав его резко отличается от почти всех других предметов списка низким процентом олова (4,2%) сильно отступающим от стандарта бронзы с отношением олова к меди, как 10 на 100, что мы видим на примере кобаньского топора на

¹ Маркс Карл. К критике политической экономии. Партиздат, 1935, стр. 61.

² Энгельс Фридрих. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, Москва, 1932, стр. 161.

³ Chantre Ernest. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. II, Paris-Lyon, 1886, стр. 97. прим. 1.

территории Грузии из Квемо Сасирети ¹. Топор Chantre'-а по своему составу резко отличается и от недавно приведенного Fr. Nançar'ом ² подробного анализа фрагмента орнаментированного кобаньского топора Венского Музея; Cu 79,13 Sn 14,74 Zn 5,74 и следы Al, Pb, As, Sb и Bi, а также от нашего, по проценту олова 13,39, стоящего близко к венскому, но не содержащего цинка, столь поразительно присутствующего в венском экземпляре, который в этом отношении стоит совершенно особняком, тем более, что в только что опубликованном анализе типичного кобаньского боевого топора из Орду ³ (Понтийское побережье Малой Азии) кроме меди не оказалось вообще никаких намеренных примесей.

Кроме этих приведенных трех мы не имеем более анализов „кобаньских топоров“ и лишены возможности сравнить их по территории их распространения, в то время как по внешнему облику можно полагать, что в разных районных мастерских они отливались в одних случаях из прекрасной по составу бронзы, в других из чистой меди без олова, что указывает, повидимому, на перерывы в получении олова и на пользование, при отсутствии бронзы, медными орудиями той же формы. Имеющиеся в моем распоряжении анализы обнаруживают также и другой факт, что некоторые типы орудий отливались преимущественно из бронзы, тогда как другие одновременно из чистой меди. Так проанализированные топоры-секиры „амазонского“ типа Грузии из Бакурцихе, Квемо Сасирети и Бежуатубани содержат около 97% меди. ⁴

Чисто медными ⁵ изготавливались также мотыги Западной Грузии, находимые в одних-кладах с кобаньскими топорами, и секировидные „планстинчатые заготовки“, типа сечек, найденных в Артвине ⁶. Наконец обращает внимание еще одно интересное явление, что в

¹ Твалчрелидзе А. Редкие металлы и минералы. В: Минеральные ресурсы ССР Грузии. Тифлис, 1933, стр. 856.

Nioradze G. Der Verwahrfund von Kvemo-Sasirethi. В: Eurasia Septentr. Antiqua VII, Helsinki, 1932, стр. 96 и 84, рис. 1.

² Nançar Franz. Die Beile aus Koban in der Wiener Sammlung Kaukasischer Altertümer. В: Wiener Prähistorische Zeitschrift, XXI, 1934, стр. 16.

³ Przeworski St. Der Grottenfund von Ordu. В: Archiv Orientalni, VII, 1935.

⁴ По любезно переданным нам И. А. Джавахишвили анализам двух топоров секир, за что пользуемся случаем выразить нашу благодарность, топор из Бакурцихе (инв. 6363) имеет состав: Cu 95,50 Pb 0,69 Fe 0,87 Sn 0,78 и топор из Бежуатубани (инв. 27—29: %) Cu 97,05 Pb 0,59 Fe 0,80 Sn 0,38.

⁵ Скиндер В. А. Химическое исследование медных археологических объектов из Закавказья. В: Известия Академии Наук, 1909, стр. 75—78.

⁶ Bittel Kurt. Artvinde bulunan tunstan mamul asari atica В: Turk Tarih, Arkeologiya ve Etnografia dergisi. № 1, Istanbul. 1933, рис. на стр. 154.

некоторых производственных районах в послекобаньское и скифское время появляется присадка к богатой оловом бронзе еще свинца в больших количествах, иногда даже близких к олову, как это можно видеть по многочисленным анализам предметов казбегского клада ¹ и некоторых скифских курганов ². Эта присадка 10 частей свинца была известна позднее Плинию (Nat. Hist. 34,8,20) и обнаруживается в составе римских монет и бронзовых статуй ³.

Эти факты делают особенно необходимым производство планомерных анализов для тщательно подобранных серий однородных предметов по территории их распространения и разнородных предметов внутри отдельных комплексных находок, что встречается препятствие в дороговизне этой работы.

При настоящем состоянии химического исследования древних бронз Кавказа, во всяком случае, можно констатировать, во первых появление настоящих бронзовых сплавов на Кавказе вместе с распространением здесь характерного комплекса кобаньских форм орудий и украшений (до этого примесь олова очень мала и редко достигает одного процента), во вторых, более устойчивое пользование бронзой для орудий в производственных областях Восточного Черноморья Центрального хребта и левобережья Куры, сравнительно с южной частью Южного Кавказа и районом краевых хребтов Мало-го Кавказа и правобережья Куры, что можно видеть из сравнения, вышеприведенного химического состава топоров-секир, так называемого „амазонского“ типа, с кобаньскими и, особенно, чисто медных меча кинжала и стрелы с реки Арпачая ⁴ (Ленинakanский район) с кинжальными клинками Осетии и Грузии и с имеющимся в моем распоряжении анализом тупоконечного меча из Кахетии (муз. Гр. инв. 21—26:3) из сплава с отношением олова к меди около 10 частей на 100, (Cu 84,86 Sn 8,53 без следов свинца, но со следами цинка и железа 0,46%).

Оба эти момента, в связи со сказанным ниже о тяготении фибул и некоторых других типов бронзового инвентаря Западной Грузии к южно-европейским районам, заставляют предполагать скорее не восточные иранские, а средиземноморские источники олова, подтверждая в свою очередь тесные экономические связи, в это время населения разных частей Черноморского бассейна между собой.

¹ Архипов И. П. Анализы доисторических бронзовых вещей. В: Извест. Общ. Люб. Ест. Антр. Этн., том XXXV=Труды Антр. Отд., том 5, стр. 169, 203, 302.

² Лаппо-Данилевский А. С. Древности кургана Карагодеуашх. В: Матер. по арх. России, № 13, СПб. 1894, стр. 20.

³ Скиндер В. А. Бронза, ее природа и история. СПб. 1908, стр. 91.

⁴ Филимонов Г. Закавказские древности. В: Вестник Общества Древнерусского Искусства, Москва, 1876, № 10—12, IV, Смесь, стр. 100—101.

— В то же время, сравнивая теперь инвентарь нашего погребения в глиняном оссурии с могилами верхней Кобани, мы видим, что полная тождественность топора и кинжала с северо-осетинскими формами заставляет признать и полную синхроничность обоих могильников и вместе с тем тесные производственные связи населения по обеим сторонам хребта. Мы уже говорили выше и об идеологической близости и о возможной этнической общности всего населения, носителя „кобаньской культуры“. Но признавая все это, нельзя игнорировать и черты значительного несходства, указывающие на крупные территориальные расхождения хозяйственных типов в разных географических районах. При этом, повидимому, наряду с различиями между северным и южным склонами, наблюдаются значительные особенности, в этом отношении, приморской полосы, сравнительно с более глубокими материковыми частями Западной Грузии.

Для верхней Кобани является показательным не только отсутствие в могилах наконечников стрел, черта общая для всей территории кобаньской бронзы, но и отсутствие дротиков и копий, — характерного, как мы говорили, инвентаря абхазских мужских погребений этой эпохи. В последнем случае мы имеем, видимо, результаты влияния более южного, соседящего с кобаньской территорией, производственного центра. Но копы не являются здесь просто привозными, а несомненными продуктами местных мастерских. Об этом свидетельствует нередко полная однородность в характере бронзового сплава у предметов отдельной комплексной находки и общность технических приемов выработки, как они сказываются на последующей отделке отлитого в форме предмета. Особенно в этом смысле красноречиво говорит орнамент, если он оказывается нанесенным на копы, как например на одном копы из находок в Приморском (табл. X₂).

Само уже это стремление орнаментировать оружие гравировкой характерно для кобаньского инвентаря. В указанном же случае орнамент на втулке из пересекающихся крестообразно лент чрезвычайно близок украшению многих кобаньских топоров, в частности и топора из Аагста. Замечательной в этом отношении находкой является бронзовое копы, приобретенное экспедицией в Эшери (табл. XIV₂). Это копы, найденное в районе исследованного нами могильника, долго служило находчику наконечником посоха, благодаря чему оказался, к сожалению, испорченным конец лезвия этого прекрасного образца. Копы имело тонко полированную поверхность. Длинная расщепленная с одной стороны втулка покрыта характерной гравировкой, состоящей из двух бегущих в разные стороны животных, очень остроумно расположенных спинами друг к другу на узкой, цилиндрической поверхности втулки между двумя поясками с

зубчатым орнаментом (рис. 39). Животные даны в полном профиле с одной парой конечностей, но с двумя ушами в характерно стилизованном рисунке, в котором сразу узнаются приемы кобаньских мастеров, хотя и в необычном для Кобани изображении лошадей(?). Совершенно подобным же рисунком обладает упомянутое выше копы Музея Грузии (83—14) из сел. Джомаг Горийского района.

Оба эти копы с несомненностью доказывают умелое применение в грузинской бронзе характерного орнаментального стиля на предме-

Рис. 39. Развернутый рисунок двух „копьев“ вдоль втулки бронзового копы из с. Эшери, в 1/2 нат. вел.

тах, совершенно отсутствующих в аналогичной культуре по северному склону хребта. Вполне очевидно, что втульчатое копы органически живет в производстве и быту населения Западной Грузии, именно в кобаньскую эпоху. Поэтому особенно странным и трудно объяснимым является факт, что оно почти не проникает в северо-осетинскую бронзу.

Гораздо понятнее отсутствие в Кобани бронзовой мотыги, типичного предмета большинства бронзовых кладов района распространения типичного кобаньского инвентаря на территории Грузии (рис. 23). Наличие бронзовой мотыги (табл. XXII₆) свидетельствует о довольно интенсивном земледелии, вероятно садоводческого типа в Западном Закавказье в эпоху кобаньской бронзы. Аналогичное значение имеет и бронзовый цалди — особый секировидный топор с крючковатым верхним концом, до сих пор в железном материале являющийся обязательным орудием в западно-грузинском крестьянском хозяйстве и служащий там для прочистки поля от кустов и лиановых зарослей в лесу или для рубки хвороста.

Район распространения (рис. 23) бронзового цалди прослеживается, по находкам его вдоль Черноморского побережья на север пока до долины Риони (сел. Даблагоми,¹ по материалу Музея Грузии). Наибольшее количество образцов цалди найдено в окрестностях Батума (Табл. XXII_{1,2}). Юго-западная граница, благодаря появив-

¹ Куфтин Б. А. Археологические разведки и наблюдения в Рионской низменности и на Черноморском побережье. Тбилиси, 1949, стр. 116, 117, табл. 11.

шейся сейчас публикации вещей из Орду, приобретенных в 1910-м году Стокгольмским Музеем может быть уведена далеко на Понтийское побережье Малой Азии. St. Przeworski¹ при описании этого замечательно-го, по месту его нахождения, комплекса бронзового инвентаря кобаньского типа (топоров с отверстием и плоского топора с боковыми выступами) не смог узнать крючковатый топор цалди, принял выемку за повреждение лезвия и описал его как „не вполне цельный предмет,“ подобно тому, как это сделал ранее Нансар² в отношении булавки, миниатюрно воспроизводящей подобное же цалди. Однако сравнение этого топора с западно-грузинскими находками обнаруживает их полную тождественность. Таким образом, район древнейшего распространения цалди оказывается связанным с влажным субтропическим побережьем с быстро растущей лесной растительностью, с которой приходилось бороться древнему земледельцу.

В противовес этому в северо-осетинском районе кобаньской бронзы, повидимому, более ведущую роль в хозяйстве играет охота и в связи с ней господствует культ горного барана, оленя и козла, что проявляется в характерных для Верхней Кобани скульптурных изображениях этих животных, особенно их головок в форме амулетов, до сих пор не найденных совсем в приморской полосе. Обнаруживаются значительные различия и в костюме: отсутствуют в Абхазии крупные лопатообразные головные булавки, бронзовые височные завитки со спиральными концами, плоские продольно-ребристые браслеты с завитками на концах, вертикально вытянутые, инкрустированные железом бронзовые пряжки для широких поясов, кольчатые цепочки и пр. Зато не проникают на северный склон огромные ножные бронзовые кольца с полой заполненной обожженной глиной, сердцевинной, колоколовидные конические украшения с петлей внутри и парными головками, или цельными фигурками животных на вершине, крупные биконические бронзовые бусы и прекрасно отшлифованные крупные шаровидные бусы из коричневого сердолика и пр.

Характерно, что большинство последних форм отсутствует пока и в более глубоких материковых частях Западной Грузии, являясь местной особенностью, присущей абхазской бронзе. Повидимому, исключительно местным является и обряд погребения в урнах, в то время, как в Северной Осетии почти исключительно господствовали погребения в земле с подогнутыми ногами, в лучших случаях, обстав-

¹ Przeworski Stef. Der Grottenfund von Ordu. Ein Beitrag zu den kleinasiatisch-kaukasischen Beziehungen am Ende der II Jh. v. Chr. B: Archiv Orientalni, v. VII, 1935, стр. 408.

² Nančar Franz. Die Nadelformen des prähistorischen Kaukasusgebietes, B: Eur. Sept. Ant., VII, Helsinki, 1932, стр. 174, рис. 39 а.

ленные булыжниками до 12—18 см. толщины¹. Большой интерес представляет и местная керамика погребальных урн.

Для северо-осетинских могильников с кобаньским инвентарем характерны, большей частью, мелкие глиняные изделия, горшочки, мисочки и кружки, лепленные от руки из глиняного теста, с примесью мелкого песка или мелко толченых раковин и покрытые резным орнаментом из заштрихованных треугольников-ромбов, елочковидных косых полос и пр., заполненных часто белой краской, заставляющей перекликаться эту керамику с особой керамической группой Южного Кавказа, так называемой „инкрустированной белым керамикой“² Азербайджана. Показательно в этом отношении наличие меандровых узоров, характерных для керамики обеих этих, ныне не соприкасающихся культурных областей.

Сосудов более или менее крупных размеров в комплексах кобаньских бронз не было обнаружено. Напротив, мелкие сосуды не были встречены в эшерских могилах, и продукты гончарного производства выступают там пока исключительно в виде крупных урн или оссуариев.

Являются ли эти сосуды специально изготовленными для погребения костей, или для этой цели используются сосуды и других назначений, в настоящее время, сказать трудно. Наш сосуд (табл. XIX), служивший оссуарием, отличается, как мы видели, крупной величиной, имеет сильно раздутый в середине корпус, который довольно резко суживается, с одной стороны, вниз к днищу, с другой, вверх к довольно узкому горлу, с тонким отогнутым наружу венчиком. На расстоянии двух третей высоты сосуда от дна проходит наклепной пояс, отделяющий довольно крутые покрытые орнаментом плечики от остального гладкого корпуса. Сосуд вылеплен от руки из достаточно хорошо отмученной глины с примесью очень мелких зернышек кварцевой дресвы и имеет светло желтоватый серый цвет. Внутренняя поверхность сосуда сглажена, видимо, с помощью деревянной зубчатой лопаточки, или гребня, от которого остаются горизонтальные и несколько косые параллельные бороздки, покрывающие изнутри весь сосуд. Обжиг глины слабый и не вполне ровный; розоватые тона заметны лишь пятнами с одного бока, вся остальная часть поверхности сосуда имеет светлые желтовато-сероватые оттенки.

Внутренняя поверхность значительно более темная, местами достигает почти черного цвета. Характерным является сравнительно очень малая для такого большого сосуда толщина стенок, не более 8 мм. Только дно, особенно у края, имеет значительно большую толщину. Наружная поверхность сосуда ниже валика, также подверглась особой об-

¹ Chantre Ernest. Цит. соч., том. I, стр. 17, 21 сл.

² На рис. 23 область ее распространения обозначена сплошным пунктиром.

работке гребенкой в косом направлении, затем сглаживанию в вертикальном направлении, оставившему узкие желобчатые полосы, сверху вниз, отделенные друг от друга узкими валиками, сохраняющими на себе следы, предшествующей сглаживанию косой штриховки.

Верхняя часть сосуда, именно, плечики, хотя и несут также остатки гребенчатого сглаживания, но эта предварительная обработка целиком закрыта орнаментом, состоящим из трех широких поясов, ограниченных двумя резными линиями и заполненных вдоль елочным узором, по верхнему пояску из двух рядов и по двум нижним пояскам из трех рядов косо наложенных гребенчатых штампов (табл. XXI а). Гребенчатый штамп, наложенный также в косом направлении вдоль всего накладного пояска, придает этому последнему как-бы вид широкого витого шнура. Аналогичных сосудов мне неизвестно среди древностей Кавказа.

Что же касается архаичного, типичного и для древней колхидской керамики, приема украшения по глине, путем штемпелевания гребенчатой печаткой, а не проведением непрерывных линий, то он заставляет вспомнить подобный способ украшения, широко распространенный к северу от Черного моря в степной керамике эпохи раннего появления металла. В Восточной Грузии, Азербайджане и Армении, напротив, декорировка керамики поздне-бронзовой эпохи помощью гребенчатого штампа явление чрезвычайно не характерное, почти отсутствующее.

Собранный нами в пахатном слое на месте могильника подъемный керамический материал (рис. 4а) в большей своей части является осколками несколько более крупных по размеру сосудов, отличающихся от вышеописанного отделкой поверхности, но аналогичных урне с двойным погребением, опубликованной М. М. Ивашенко. Эти осколки характеризуются также сравнительно небольшой толщиной, не превышающей, большей частью 9 см., имеют тот же состав глины, но видимо несколько лучшего обжига, и обнаруживают черную, довольно гладкую наружную поверхность, резко отличающую эти сосуды от вышеописанного. Наиболее типичной их особенностью является валикообразные украшения не только в виде горизонтальных поясков, но и вертикальных и косых тяжей, полученных не столько путем налепа, сколько зажима глины пальцами. Эти рельефно выступающие тяжи также сплошь пересечены косым гребенчатым штампом, большей частью с грубо и неглубоко вырезанными зубцами (табл. XVI₁).

Об общей композиции узора дает представление реконструкция урны в работе М. М. Ивашенко,¹ однако форма сосуда вос-

¹ Ivaščenko M. M. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens. B: Euras. Septentr. Antiqua, VII, Helsinki, 1932, стр. 105. рис. 20.

становлена неверно, как это легко видеть, сравнивая рисунок с приведенными им обмерами¹: диаметр дна (25 см) составляет четверть предполагаемой высоты сосуда (100 см.), а на рисунке только около трети. При этом высота сосуда на рисунке меньше, чем наибольшая ширина его, что также не соответствует действительности. Вообще форма сосуда на рисунке реконструирована, сообразно современным широкогорлым репчатой формы горшкам, на самом же деле, как показывает осмотренный нами фрагментированный материал этого сосуда, он по форме приближается к вновь раскопанному экспедицией погребальному сосуду, отличаясь от него все-таки более пологими плечиками и более широким горлом. Судя уже отчасти по погребальному инвентарю, оба сосуда, хотя хроно-

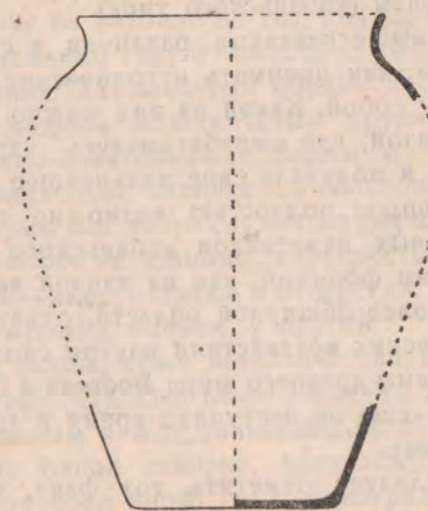

Рис. 40. Профильная реконструкция тонкостенной глиняной ситы с кладом бронзовых орудий из с. Зенита (Батумский музей).

логически приблизительно одновременны, различаются, однако, друг от друга по своему возрасту настолько, что вышеописанные технические особенности черных сосудов приобретают новые прогрессивные черты, которые, хотя и в измененном виде, продолжают дальнейшее свое развитие в местной керамике значительно более позднего времени, вплоть до пифосов, служивших для захоронений покойников в Даблагоми и Кутаисе, середины I тысячелетия до нашей эры.

¹ Цит. соч., стр. 108.

Сосуд, раскопанный нашей экспедицией является явно более архаичным. Его тонкостенность при слабом сравнительно обжиге принадлежит, по видимому, не к случайным особенностям именно этой урны, а находит повторение в ситилообразном глиняном сосуде, (рис. 40), в котором находился клад бронзовых топоров и других предметов кобаньского типа, найденных в с. Зенита к востоку от Кобулет. От этого сосуда сохранились в Батумском музее лишь черепки землисто бурого цвета с неорнаментованной обработанной мокрым сглаживанием трещеноватой поверхностью поразительно малой толщины (3-3,5 мм.) для сосуда подобного размера (около 26 см. высоты.)

К сожалению черепки зенитского сосуда являются пока единственными, хранящимися в музеях образцами керамики западно-грузинской поздней бронзы (кобаньского типа).

Учитывая все вышесказанные различия и сходства, остается задать вопрос о том, как понимать исторические взаимоотношения этих районов между собой. Какой из них можно считать основной производственной базой, где вырабатывались характерные формы бытового инвентаря и получали свое дальнейшее распространение. Ответить на этот вопрос полностью возможно только изучив детально генезис вещевых памятников кобаньского типа и связь их с предшествующими им формами, как на данной хозяйственной территории, так и в более обширной области, охватывавшей всю совокупность экономических воздействий внутри сложной хозяйственно-исторической системы древнего мира, Востока и Средиземноморья. Но для этой работы еще не наступило время и трудно говорить о ней в настоящем отчете.

Однако и сейчас следует отметить тот факт, что прямые свидетельства о местном производстве кобаньских бронз связаны уже не с кобаньским могильником в Северной Осетии, а с территорией Грузии, откуда происходят единственные известные нам пока литейные формы для настоящих кобаньских топоров. Опубликованная П. С. Уваровой каменная литейная форма с Северного Кавказа служила, по видимому, для отливки топора атипичной для Кобани формы и скорее относится к предшествующему слою. Литейные формы для топоров из Грузии являются металлическими, отлитыми из медного сплава. Такие формы могли служить, или для получения в них восковых моделей, по которым и происходило уже изготовление орудия в глине способом отливки по утрачиваемой модели, или же для непосредственного литья в них. В последнем случае необходимо, чтобы состав и температура плавления металлов, из которых сделана сама форма и изготавливаемые орудия, были бы весьма различны, так как при быстром охлаждении сплава в металлической форме перегрев

расплавленной массы должен быть значительным. Это условие достижимо при изготовлении топоров из богатой оловом бронзы в формах, отлитых из чистой меди или, во всяком случае, из бронзы, бедной оловом. До определения химического состава сплавов, из которых изготовлены найденные формы, трудно сказать что-нибудь более определенное о способе отливки в них.

Две известные нам двустворчатые литейные формы для кобаньских топоров второго типа (с клиновидным обухом и симметричным полукруглым лезвием), одна совершенно целая и другая в виде двух фрагментов от обухных концов обеих створок, хранятся в Зугдидском музее. Они происходят с территории Абхазии из селения Тагилони, лежащем на правом берегу реки Ингура, где были найдены случайно в 1922 году на глубине 55 см. (3/4 аршина) в истлевшем бронзовом сосуде (видимо сителе) вместе с бронзовым кобаньским топором первого типа (с головчатым обухом и опущенным лезвием), медным прутом и медным пластинчатым орудием неясного назначения, сегментовидно-лопатовидной формы с черешком. Друг от друга эти формы несколько отличаются способом скрепления половинок: у целой формы для этого служат по два шипа и по два отверстия в каждой створке во взаимно перекрестном расположении; у фрагментированной, — вместо шипов и отверстия, легкие закраинки, у одной, и соответствующие выемки, у другой.

Третья литейная форма, тоже металлическая, происходит из Боржомского района (рис. 41). Она была найдена в 1906 году цагверским крестьянином Ивановым между селениями М. Митарби и Тхилвани. Эту форму, в виде одной створки, прекрасно сохранившейся под черной патиной, приобрел проф. П. З. Виноградов-Никитин, у которого она и хранилась вместе с топором из села М. Митарби, плотно, хотя, может быть, и не вполне точно укладываемым в эту форму¹. Для скрепления с другой половинкой у этой створки имеются по краям четыре довольно высоких выступа. В отличие от абхазских, форма боржомская служила для отливки кобаньских топоров первого типа. Таким образом, мы имеем несомненные доказательства, что на территории Грузии изготавливались топоры обеих главных кобаньских типов, объединяющих между собой северный и южный районы кобаньской бронзы.

¹ Перед смертью П. З. Виноградова-Никитина, коллекция его поступила в Боржомский музей, где ныне и находится упомянутая литейная форма.

Как боржомская, так и зугдидские формы опубликованы нами в работе "О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии", в Вестнике Гос. Муз. Грузии, том XII в Тбилиси, 1944, табл. IV и V. Здесь же стр. 336-338, предложен и способ отливки путем изготовления в этих формах восковых моделей.

Четвертая литейная форма, тоже медная, может быть зарегистрирована только со слов проф. П. З. Виноградова-Никитина, который видел одну створку ее в 1898 году у заведующего охотой в Боржоме, чеха Э. Югнера и слышал от него, что он собирается отправить эту форму вместе с другими находками в Венский Музей. Где в настоящее время находится эта форма—неизвестно.

Не менее, чем наличие литейных форм в Грузии, заставляет нас учитывать значение южных производственных очагов кобаньской культуры и все большее продвижение на юг и юго-запад в области древнего Спера (современный Испир) и Понтийского побережья Малой Азии границы находок кобаньских бронз, вполне совпадающих, как

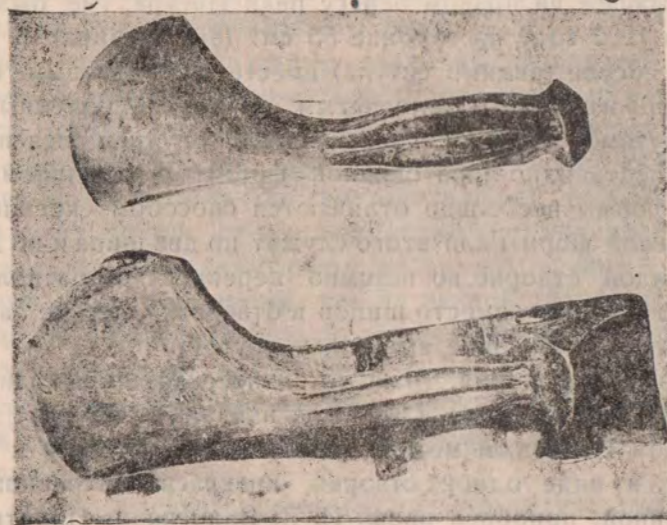

Рис. 41. Бронзовая литейная форма для топора и топор соответствующий ей из Боржомского района.

это мы видим по упомянутой выше (210 стр.) публикации вещей из Орду и находок в пещере близ Артвина, и по составу предметов и типам их, с многочисленными кладами кобаньского инвентаря в Западной Грузии. Kurt Bittel¹, описавший клад из Артвина, рассматривает его как собственность горняка, так как, наряду с орудиями, там находился фрагмент обычного для Западной Грузии дисковидного слитка меди в 13,7 см диаметром. В составе орудий имеются два типичных кобаньских топора с клиновидным обухом и полукругом отточенной лопастью, типа близкого нашему эшерскому

¹ Bittel Kurt. Artvinde bulunan tuncian mamul asari atika (Древнебронзовые вещи, найденные в Артвине). В: Türk Tarih, Arkeologya ve Etnografya dergisi, N. 1. Istanbul, 1934, стр. 150—156.

из погребения в урне, но без орнамента, бронзовая мотыга, обычной формы, распространенной в западно-грузинских колхидских комплексах кобаньского типа, два также характерных для восточного Черноморского побережья пластинчатых прокованных медных орудия („сечки“), сегментовидной формы с черешком, о которых мы выше упоминали и которые К. Bittel неправильно принял за распавшиеся „половинки двойной секиры“, указывая в то же время на чрезвычайно важный факт нахождения в 1930 году в городище Али

Рис. 42. Медная лопатообразной формы „сечка“ с горы Чернявского в г. Сухуми, в 1/2 н. в.

шар, к сожалению без указания слоя, такой же „половинки“¹. Это последнее свидетельство позволяет доводить район распространения и вероятного производства однородных форм кобаньской эпохи до самого сердца хетской культуры.

Подобные „сечки“ Музея Абхазии, найденные в Сухуме на участке Какуба в глиняном сосуде, отличаются большей массивностью, чем батумские и артвинские экземпляры и имеют несколько лопатообразную форму, (рис. 42),² как и образцы Зугдидского музея, приближаясь рядом переходных форм к бронзовым заступам Боржомского района из коллекции проф. П. З. Виноградова-Никитина³. Однако,

¹ Bittel Kurt. Цит. соч., стр. 156.

² Представленная на рисунке сечка из Сухуми хранилась у акад. С. Н. Джанашиа, которому приношу благодарность за предоставленную мне возможность ее опубликовать.

³ Куфтин Б. А. Цит. соч., стр. 318 сл., рис. 16, таб. VI.

крайние звенья указанной типологической цепи настолько отличаются друг от друга своей величиной и отделкой, что вряд ли в мелких формах можно предполагать ту же функцию, что в крупных и, может быть, первые следует рассматривать как подражающие заступам медные модели однородного веса, игравшие роль меновой единицы, как

Рис. 43. Медные орудия из „клада литейщика“ в Цихисдзири (инв. Муз. Груз. 93—07). 1—3 прокованные пластинчатые медные орудия; 4—пяточная часть литого тесла с боковыми выступами; 5—фрагмент медного серпа; 6—8 мотыги; 8—11 полулунной формы „сечки“. В $\frac{1}{8}$ н. в.

это предполагал Е. А. Пахомов, относительно подобных сечек из района Цихисдзири, поступивших от него в 1907 году в Кавказский Музей (рис. 43). Об этой их роли отчасти свидетельствует обычное нахождение таких сечек в бронзовых кладах вместе с медными слитками.

Не исключена, однако, возможность видеть в небольшого размера сечках полулунной формы и какой-либо ремесленный инструмент, как например, укрепляемый, по способу примитивной шумерской аллебарды¹, в деревянную изогнутую или прямую скалку скребок для обработки кожи или же, может быть, даже и полулунное лезвие ножа кожевника с вертикальной рукояткой судя по изображениям в древнем Египте², в древней Греции (рис. 44, на полке), и в Риме подобной формы инструмента (*периториз*) в руках сапожников³, сог-

Рис. 44. Кройка обуви сапожным ножом полулунной формы на древне-греческой чернофигурной вазе из Орвието.

ласно чему автором и были экспонированы в 1935 году некоторые из этих предметов в археологическом зале Музея Грузии. Однако, против этой последней функции колхидских находок может говорить односторонняя их отливка и отточка, как будто, исключающие возможность употребления этих сечек для точного вертикального резания.

¹ Маскав Е. А. Sumerian palace and the „A“ cemetery at Kish. B: Field Mus. of Nat. Hist. Anthr. Mem., vol. I, Chicago, 1929, Pl. XVIIa.
² Woolley C. L. The royal cemetery (Ur excavations, vol II). New York, 1934, табл. 234.

³ Лурье И. М. Обработка кожи в древнем Египте. В: Изв. ГАИМК, вып. VII, Ленинград, 1931, стр. 10—11, рис. 16 а, д.

Авдиев В. М. Производства и художественные ремесла в древнем Египте, Москва 1930, стр. 38. (Его же) Ремесла древнего Египта. Краткое объяснение выставки Гос. Музея Изящных искусств, Москва 1928, стр. 21 (рис.)

⁴ Павлукский Г. О жанровых сюжетах в греческом искусстве до эпохи эллинизма, Киев. 1897 г. рис. 80 и 81.

Blümmner, Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste der Griechen und Römer. Leipzig, 1872: Bd. I, рис. 31; Bd. II, рис. 8.

Только единственный предмет артвинского клада не зарегистрирован пока ни разу на Кавказе, это особое бронзовое кельтообразное орудие с узкой втулкой и расширенной полукруглой несколько асимметричной лопастью (рис. 45), подобно той, какая побудила W. Osborne'a¹ выводить форму кобаньского топора непосредственно от кельта, путем замены продольного углубления для рукояти поперечным сквозным отверстием. В некоторой мере аналогичные орудия были известны до сих пор только в Центральной Европе, как можно судить по некоторым находкам (Англия², Венгрия³) бронзовой эпохи. Однако по типу длинной слегка раструбно расширенной втулки с рантовым утолщением, по слегка вогнутому сечению края, артвинское орудие примыкает к группе долотовидных инстру-

Рис. 45. Бронзовое кельтообразное орудие с узкой втулкой из Артвина (по Биттелю).

ментов из кобаньских же комплексов Лечхуми и других мест Западной Грузии, предназначенных для долбления. Орудие же из Артвина выполняло иную функцию: будучи укрепляемо, подобно кельту, на коленчатой рукоятке, но лезвием не поперек, а в ее плоскости, оно действовало по типу топора секущими ударами.

Следовательно, артвинский клад в целом разделяет с другими западно-грузинскими находками связи и отступления их от кобаньских типов Северной Осетии, где нет ни одной из форм сопровождающих в этом кладе два бронзовых топора кобаньского типа.

То же самое приходится сказать и относительно бронзового клада: из Орду на северном побережье Малой Азии, где пять входящих в его состав топоров, представленных различными вариантами кобаньских типов, сопровождалась чуждыми Северной Осетии орудиями

¹ Osborne W. Das Beil und seine typischen Formen in vorhistorischen Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des Beiles. Dresden, 1887, стр. 55, табл. XVI.

² British Museum. A guide to the Antiquities of the bronze age. London, 1904 стр. 80—81.

³ Pulsky Franz (von). Die Kupfer-Zeit in Ungarn. Budapest, 1884, стр. 86—88, рис. 8а, в.

Бронзовые орудия и булавка Батумского музея.

чисто колхидским серповидным топором цалди и теслом с боковыми выступами, южно-кавказским и мало-азиатским по своему распространению ¹.

Определившаяся таким образом территория распространения кобанских топоров (рис. 23) не дает основания обращаться к Северному Кавказу в поисках места их происхождения, как это делал некогда W. Osborne ², странным образом, пытавшийся вывести, как упомянуто выше, форму кобанского топора от восточно-европейского кельта, и как недавно вновь предложил Fr. Hančar ³, усмотревший прямую генетическую зависимость топора кобанского типа, с шестигранно молотковидным обухом, от каменного прототипа, — топора-молота Северо-Черноморско-Кавказской генетической группы („пятигорский тип“), по классификации Europeans'a ⁴. Этому последнему предположению полностью противоречит прежде всего поздне-бронзовый возраст кобанских топоров, с явно далеко ушедшей специализацией формы, сравнительно со многими различными сериями медно-бронзовых топоров предшествующих эпох соседних территорий, яснее сохранивших свою связь с каменными сверленными образцами, хотя бы в круглой форме отверстия, никогда не наблюдавшейся ни на одном экземпляре кобанского топора, за исключением топора, найденного в Пицунде уклоняющегося типа (рис. 49, и табл. XXI₂).

Совершенно очевидно, что переход от круглой формы к предотвращающему вращению рукояти овальному проуху мог осуществляться только в предшествующих кобанскому топору более древних, но уже металлических формах, среди которых, а не непосредственно в каменных моделях, и следует искать прародителей кобанского топора, хотя бы каменные образцы и доживали в быту до столь позднего времени ⁵. Повидимому, также еще в прототипах намечалась и тенденция к шестигранному строению тулова, столь типичному признаку всех разновидностей кобанского топора, при четко выкристаллизовавшихся в нем типах, почти не выдающих генетически переходных форм, если не считать явно вторичных гибридов.

¹ Przeworski Stef. Der Grottenfund von Ordu. B: Archiv Orientalny, Bd. VII, Praga. 1935, стр. 408—412.

² Osborne W. Das Beil und seine typischen Formen in vorhistorischer Zeit, Dresden, 1887, стр. 55.

³ Hančar Franz. Die Beille aus Koban in der Wiener Sammlung Kaukasischer Altertümer. B: Wiener Prähistorische Zeitschrift, XXII Jahrg., 1934, I, стр. 19—20, 39.

⁴ Ауграпää А. Ueber die Streitaxtkulturen in Russland. B: Eur. Sept. Ant., VIII, Helsinki, 1933, стр. 59, рис. 50, 53.

⁵ Ср. инвентарь с нефритовым топором в 3-ем Пятигорском погребении из раскопок А. С. Уварова и Д. Я. Самоквасова: Каталог собрания древностей А. С. Уварова, IV—VI, Москва, 1907, стр. 9, №№ 30—41, рис. 4—7.

Действительно одного из таких прототипов можно видеть в исходной, видимо, восточно-средиземноморской праформе, породившей, с одной стороны, албанский бронзовый топор из Castel Lastua¹ с шестигранно оформленным туловом (сопоставленный с кобаньским — еще Шантром) и с другой стороны палестинский топор из Бет-сана (Скифополиса)² XV—XIV века до н. э. Пережиточно сохранившаяся, после редукции присущих последнему шипов на обухе, продольная ребристость проушной части тулова на кобаньских то-

Рис. 46. Два бронзовых топора из Месхети и Кларджети (Артанудж).

порах первого типа, столь для них характерная, в противоположность второму типу, никак не объяснима, если выводить первый тип, приняв его за исходный, прямо от каменного топора-молота. Замечательно, что все четыре кобаньских топора из Орду, противопо-

¹ Chantre Ernest. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I, Paris-Lion, 1885, стр. 44—45, рис. 12.

² Dussaud René. Haches à douille de type asiatique. B: Syria, t. XII, Paris, 1930, стр. 245, рис. 1.

ставленные там настоящему боевому топору второго типа, отличаются, несмотря на явную генетическую связь с первым кобаньским типом, при большей их примитивности, как раз полным отсутствием обычного в Кобани пестиковидного нароста на обухе¹, что мы видим также, например, на одном ахалцхском топоре (рис. 46₁) Музея Грузии (инв. 9—27 : 2).

Что касается прямого обреза лезвия, присущего топору из Бет-сана, также, как и албанскому, то эта особенность формы не является вовсе чуждой кобаньским топорам и встречается в особой более грубой разновидности первого типа, представленной одним топором в Орду и несколькими из Северной Осетии, как, например, опубликованными П. С. Уваровой² под типом Д, топором из Кобани, ее собрания (214), и топором из Чми (без нароста на обухе), в точности повторяющими в своем контуре характерный изгиб палестинского топора, и также топором из Кобани Музея Грузии с опущенной молоточной частью (инв. Ув. 5) или, наконец, топором из Пицунды (21,5 см длины), с гвоздевидно оформленным обухом и круглым проухом (табл. XXI₂ и рис. 49₆, нижний в левом ряду).

Если действительно признать, таким образом, возможным намеченные генетические связи для первого типа кобаньского топора, то молотковидное оформление его обуха придется объяснить вторичным для этих топоров явлением, порожденным, видимо, уже на почве Кавказа, именно, использованием литейного бугра, который образуется при отливке этих топоров со стороны обухного их конца. Действительно четыре вышеупомянутых рабочих топора из Орду по своим признакам (рельефным тягам поперек стенок проуха), явно относящиеся к первому типу, лишены, как выше упомянуто, молотковидного завершения обуха, который остается здесь клиновидным, но не оформлен способом, типичным для боевых кобаньских топоров, то есть несколько скошенно поставленной и слегка вогнутой линией ребра, как это и присуще пятому топору из Орду, второго кобаньского типа³. Побуждение усилить обух использованием литейного бугра легко могло появиться при употреблении рабочего топора для тупых ударов, приводивших к появлению расплюсченной площадки и на клиновидном обухе, что видно, например, на особом симметричной формы топоре (рис. 46₂) из Тандзотской крепости на р. Артанудж-Чае (по Вахушти древн. Артануджис-мдинаре) (Муз. Груз.

¹ Przeworski Stef. Цит. соч., табл. XLVI a, b и табл. XLVII c, d.

² Уварова П. С. Цит. соч., Могильники Северного Кавказа, табл. VI, стр. 16 и табл. LXIII, стр. 114.

Virchow Rud. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1895, табл. II, рис. 2.

³ Przeworski Stef. Цит. соч., табл. XLVI c.

инв. 2—10:1) или на типичном во всех остальных отношениях рабочем топоре первого типа (вес 603 гм) из одного клада в Лечхуми (инв. 11—32:14), где между прочим имеется детский топорик (инв. 11—32:17) первого же типа с хорошо выраженным литейным бугром на месте обычного шестигранного завершения конца топора¹.

Не исключена, однако, возможность, что появлению молотковидного обуха содействовало ассимилирование кобаньским топором (указанного генетического ряда) некоей другой древней формы топора-молота, типа медного топора (рис. 47) станицы Воздвиженской².

Рис. 47. Медный топор из кургана станицы Воздвиженской, в $\frac{1}{3}$ н. в.

или иной удлиненной формы, представленной, напр., медным ладьевидным топором с овальным проухом из восточной России³. Вообще нет основания считать кобаньский топор даже первого типа генетически монолитной группой и рассматривать, например, рабочую и парадную его разновидности только в качестве новообразований внутри основной группы. Скорее, напротив, мы имеем здесь отражение существовавших задолго еще до образования кобаньского общества более древних функциональных традиций, связанных с различными генерациями формы топора, схождение и взаимодействие которых обусловлено последующим единством их стилистического оформления. Только в этом разрезе возможно учитывать, например, некоторую преемственную связь тонкой изогнутой разновидности кобаньского топора и изящно обработанных каменных топоров-молотов из Трои II или из Бородина (Бессарабия).

Тем более отсутствует необходимость выводить, согласно Ф. Ганчару, второй боевой тип кобаньского топора из первого, как дальнейшее его развитие под влиянием „амазонского топора“ (бронзовой секиры) восточного Закавказья. Более убедительным было бы предполагать в качестве прототипа для симметрично-полулунно-лезвий-

¹ Изображения указанных топоров из Лечхуми можно видеть теперь в Вест. Гос. Муз. Грузии, т. XII В, рис. 11₆ и т. XIII В, табл. 3 и 6.

² Веселовский Н. И. Раскопки. Кубанская обл. В: Отч. Арх. Ком., за 1899 г. СПб. 1902, стр. 47, рис. 80.

³ Ailio Julius. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Findland. Bd. I. Helsinki, 1909, стр. 37.

Рис. 48а. Хронологически разнородные находки из разных мест Абхазии (Абхазский музей 1935 г.) в $\frac{1}{6}$ н. в. 1—2 очковидная и якоревидная бронзовые пряжки из с. В. Яштух; 3—топор из с. Пиленкова; 4—три медных полутороспиральных завитка из с. В. Яштух; 5—инкрустированная треугольниками (из сурьмяного сплава) бронзовая пряжка, оттуда же; 6—бронзовая скульптура быка из с. Абгархук.

Рис. 48б. Топор из с. Пиленково, Новороссийского музея (теперь в музее г. Сочи), в $\frac{1}{2}$ н. в.

ного кобаньского топора параллельную вышеприведенному бейсанскому хеттскую форму боевого топора XIV века до нашей эры (известную пока только по изображению его в руках Тешуба на воротах Богазкея), с которой „амазанский топор“ явно генетически связан, как показывают ганджинские его образцы с шипами на обухе.¹ Но в этом случае требовало бы объяснения полное отсутствие на щеках проушной части кобаньских боевых топоров следов той укрепительной ребристости от редуцированных шипов, которая является обязательным признаком топоров первого типа.

Но, особенно, не следует игнорировать, в вопросе о генетическом происхождении типа кобаньского топора, существования на юго-восточном побережье Черного моря в эпоху, предшествующую появлению кобаньской культуры, своеобразной формы топора, который известен в двух разновидностях, с круглым (рис. 48а, 48б) и овальным отверстием (рис. 49, четвертый в правом вертикальном ряду и табл. XXII), и обладает рядом присущих кобаньскому боевому топору признаков: шестигранным оформлением тулова, полулунным лезвием и клиновидным обухом. Именно этот топор, по другим деталям, как например, характерному треугольному утонченному выступу сверху перед проухом, примыкающий к месопотамским широколопастным топорам (рис. 49, второй в правом вертикальном ряду) III тысячелетия до н. э. (Billa V, Assur E), которые обладают и овальным проухом,² может рассматриваться, в качестве прототипа кобаньского топора 2-го типа и в частности дать объяснение присущей некоторым из этих топоров³ декоративной детали, именно загибу обратно от свисающего обуха шнуровидной петли, которая проходит по нижней грани боковой плоскости топора и ограничивает, таким образом, маскирующую первоначальную вислообушность прототипа перепонку в нижнем вырезе топора. Иначе, если выводить боевой кобаньский топор от первого типа, указанная деталь совсем необъяснима, поскольку там нижняя грань щеки топорного клинка соответствует всегда не среднему, а нижнему ребристому выступу, достигающему вдоль проушной части топора до его обушного конца.

В ином несколько направлении следует искать объяснения своеобразному полукруглому дугообразно-ребристому оформлению обушного конца у одной гибридной разновидности топора 2-го типа, представленной единственно известным прекрасным экземпляром (с

¹ (Реслер Э. А.) Археологические исследования в Елизаветпольской губернии в 1901 г. В: Изв. Арх. Ком. вып. 12. СПб, 1904, стр. 52, рис. 14. Hummel Jacob. Zur Archäologie Azerbeidzans. В: Eur. Sept. Ant. VIII, Helsinki 1933, стр. 224, рис. 17.

² Dussaud René. Haches à douille de type asiatique. В: Syria, XI, Paris, 1930, стр. 264, рис. 26.

³ Уварова П. С. Цит. соч., табл. VIII.

блестящей черной латиной) парадного топора в Абхазском Музее (инв. 541₈). Здесь, при классически четком соблюдении всех стили-

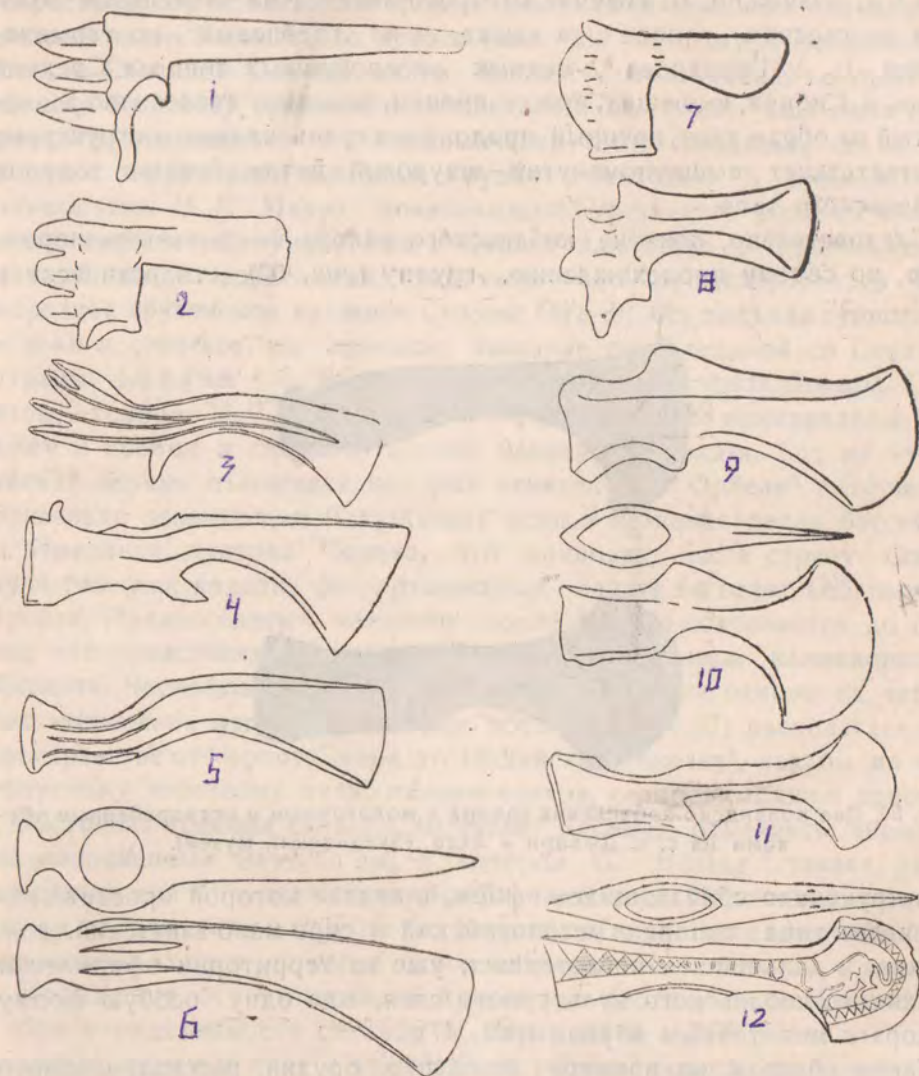

Рис. 49. Два генетическо-типологических ряда медно-бронзовых топоров. Левый ряд: 1—клевец из Ура, аккадской эпохи; 2—топор из Ассура (слой E); 3—топор из Бетсана; 4—топор из Албании (по Шантру); 5—топор из Кобани (по Уварову); 6—топор из Пицунды (1935 г.).

Правый ряд: 7—топор из Ура аккадской эпохи; 8—топор из Ассура (слой E); 9—топор из Абхазии (с. Пиленково); 10—топор из Аджарии (Батумский музей); 11—топор из Сурами (инв. муз. Гр. 11—32: 21); 12—топор из с. Зекари (Кутаисский музей).

стических особенностей кобаньского топора, мы видим любопытное переживание в форме обуха одной своеобразной детали, полу-

круглого гребня (табл. XXI₃), в который превращались шипы в нигавендской (западно-иранской) филиации трубчатообушных топоров,¹ и, возможно, отражение которого имеется на знаменитом золотом венгерском топоре², а также и на „гребневых“, по терминологии В. А. Городцова³, медных вислообушных топорах Средней Азии и Сибири, имеющих, между прочим, нередко, петлевидно завернутый на обухе кант, который продолжает грань клинка и структурно соответствует вышеупомянутой шнуровой петле боевых топоров кобаньского типа.

Следовательно, понятие кобаньского топора покрывает разнородную, по своему происхождению, группу (рис. 50) стилистически и

Рис. 50. Два колхидско-кобаньских топора с молоточным и острореберным обухами из с. с. Джвари и Хета (Зугдидский музей).

конструктивно сблизившихся форм, в основе которой прослеживаются два типа топора, месопотамский и сиро-мало-азиатский, возможно, в дальнейшем поглотивших, уже на территории оформления колхидско-кобаньского культурного слоя, еще одну особую форму топора с молоточным обухом (рис. 47).

Таким образом, на примере основного орудия, рассматриваемого нами культурного слоя, мы видим, что процесс оформления руководящих форм хозяйственно-бытового инвентаря кобаньского типа, как

¹ Dussaud René. Цит. соч., стр. 249, рис. 6.

² Roska M. Die Vorgeschichte des Sekler-Landes. Cluj-Kolozvar, 1929, стр. 36, рис. 45.

Морган Жак (де) Доисторическое человечество. М.-Л. 1926, рис. 63.

³ Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Москва, 1916, стр. 35—36.

продукта новой общественности, проходил несомненно в условиях тесного взаимодействия между собой двух основных территорий распространения кобаньской бронзы: Колхиды и северных склонов западной части Кавказского хребта (рис. 23). Поэтому и Верхняя Кобань в Северной Осетии, место древнего могильника, который по своему богатству бронзовым инвентарем не имеет еще пока себе равного, оказывается и топонимически тесно связанной, как и Кубань с территорией западной Грузии и Абхазии. Я имею в виду этимологию Н. Я. Марра, позволяющую установить родство абхазского названия Сухума А-кwa с Kwaan или Kaban¹, причем сибилатный, скорее архетипный, эквивалент s̥qo/ʃqo спирантного kwa образует грузинское название Сухума ოჭო-თ, без подъема губного т в р→b и сванское, по природе, название сопредельной со Сванией страны Le-ʃqum² с богатыми находками кобаньской бронзы. При этом, — говорит Н. Я. Марр, термин ოჭო-თ ниюдь не прикреплен к Сухуму и вообще к северной полосе Западного Кавказа. Тот же этнический термин отложился, как уже отметил И. А. Орбели³ в ოჭო-თ, буквально означая «Цхум(ская) вода», в названии речки бассейна р. Имерхеви, притока Чороха, что приводит нас в страну Спер, куда (мы уже видели по артемовскому кладу) тяготеет кобаньская бронза. Именно здесь в названии города Испира сохраняется до сих пор непосредственная память о древнем племенном наименовании «Еспертаи» Ксенофонта и Σαπυρῆς, Σαπυρῆς Геродота, одного из четырех этнических массивов, которые последний (IV, 37) располагает на пространстве от Черного моря до Индийского океана⁴, как бы по сухопутному торговому пути, именно: колхов, сапиров, мидян и персов.

Восточная граница сапиров достигает Каспия, отмечаясь, вероятно, современным Sawolan'ом, в котором G. Hüsing⁵ узнает, упоминаемую еще в Ригведе страну Sprdha или Saparda Персепольской надписи в то время, как в Tabriz'e (г. Тавриз) он видит соседних tubaг'ов, передвинув их сюда, согласно своим миграционным взглядам, с запада — в область к югу от нижнего Аракса и к востоку от оз. Урмии.

При отождествимости сапиров с Сапардой и с субарами мы становимся лицом к лицу с крупнейшей родоплеменной группировкой

¹ Марр Н. Я. Термин „скиф“. В: Яфетический сборник, I, Петербург, 1922, стр. 120.

² Марр Н. Я. Цит. соч., стр. 120, 116 — 117; Егоров Е. Абхазоведение и Абхазы. В: Восточный Сборник, Ленинград, 1926, стр. 148—149.

³ Орбели И. А. Город близнецов Διοσκουριάς и племя возниц 'Hv[ar]on, В: Журн. Мин. Народного Просв., 1908, май, стр. 204.

⁴ Геродот. История в девяти книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко, том I. Москва, 1888, стр. 319—320.

⁵ Hüsing G. Vorgeschichte und Wanderungen der Parsawa. В: Mitteil. der Anthropolog. Gesellschaft in Wien, Bd. LX, 1930, стр. 258.

Закавказья, связанной по времени своего господства, согласно палеонтологическому анализу Н. Я. Марра¹ с периодом меди и бронзы, т. е. не только до эпохи выделения хозяйственно-общественного слоя Колхов градостроителей, но и до образования Ванского государства, существование которого кончилось раньше дальнейшей трансформации этого первичного этнического субстрата. Принадлежность сапирам-субарам и всего восточного Черноморского бассейна подтверждается наличием вышеупомянутой топонимики, поскольку полная форма от $\Theta\dot{q}um \leftarrow \Theta\dot{q}umig$ представляет собой, в первичном яфетическом произношении, этническое имя subar||tubar при закреплении его в ряде местных названий, как например, в Гурийском районе Sur+e-b-². Спирантную разновидность $\Theta\dot{q}umag$ мы находим в столь же прочно принадлежащих восточному Черноморью и южному Кавказу этнических терминах ki-meg и 'h'iber со свойственным этим формам эканьем³. Таким образом получает опору в яфетическом языкознании старое мнение G. Rawlinson'a⁴, в его замечательном исследовании по истории Геродота, что сапиры Геродота, сабиры Стефана Византийского, сабиры и абиры Менандра соответствуют иберам позднейших писателей (Страбона, Птолемея и др.), у которых древняя территория геродотовских сапиров поделена между иберами и албанами, впервые упоминаемыми лишь после Геродота в эпоху Александра (Agrian, Exr. Alex. III,8).

Таким образом, этнонимическая номенклатура, связанная с районами богатых находок кобаньской бронзы, приводит нас к той социально-этнической среде, к которой мы уже пришли на основании анализа изобразительных мотивов на топорах. К этому анализу следует прибавить, что сделанное нами выше объяснение изображения рыб, как показателей водной resp. потусторонней природы главного изображения—драконо-волка, будучи верным по существу, предполагает не вполне, может быть, свойственную первобытному мышлению склон-

¹ Марр Н. Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры. Лейпциг, 1920. Цит. по: Этапы развития яфетической теории. Москва, 1926, стр. 79, 99—100, прим. 15.

Марр Н. Я. Рецензия на книгу И. И. Мещанинова, Халдоведение. В: Яфетич. сб. VII, Ленинград 1932, стр. 207—208.

² Марр Н. Я. Из Пиренейской Гурии, отт. из невышедшего тома V, Изв. Кавк. Ист. Арх. Инст., Тифлис, 1927, стр. 57, 58, 3, 44.

Марр Н. Я. Термины из абхазо-русских этнических связей. „лошадь“ и „тризна“. Ленинград, 1924, стр. 16.

³ Марр Н. Я. Сухум и Туапсе. В: Изв. Акад. Ист. Мат. Культ. IV, 1925, стр. 309.

Марр Н. Я. Чуваши яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, стр. 49, 61—63.

⁴ Rawlinson George M. A. History of Herodotus, vol. IV, London, 1880, стр. 223—225.

ностью к рационализации, тогда как, на самом деле, в основе этого сочетания образов лежит более древняя ассоциация между частями когда-то не расчлененного еще единства. В данном случае, вскрываемая речевой палеонтологией космическая связь собака-змея-рыба, возможно сохраняется в том, что до сих пор по мегрельски рыба обозначается тем же кимерским термином в шипящей и усеченной форме $\dot{q}um \rightarrow \dot{q}im$, который лежит, по мнению Н. Я. Марра, в основе названия Лечхум¹, как одного из центров особого племени или входящего в указанную сперо-кимерскую resp. субарскую среду хозяйственно-племенного слоя с тотемом рыба, наряду с более общим тотемом змея ($gvel \setminus spel || sper$)² волк-собака, $gwer \rightarrow (gur ||) gor$, иберским ger' ом, откуда впоследствии названия Georgia и Георгия змееборца (Дондуа К. Д.)³.

Здесь отражается, таким образом, не только первоначальный характерный для ранней космической стадии мышления семантический пучек понятий, но и последующее идеологическое приспособление их друг к другу, благодаря схождению разнородных групп населения, у каждой со своим в производственном общении использованием слова, в новый территориально-хозяйственный, а впоследствии, и этнический коллектив. Поскольку дело идет о территории распространения кобаньской бронзы и об этногенезе ее общественного производителя, указанное вторичное схождение чистых и скрещенных модификаций $sper'$ ских, $'h'iber'$ ских, $\dot{q}umer'$ ских и $koban'$ ских одной тотемической производственной системы приводит нас к необходимости учесть не только общие, но и разнородные корни, вызвавшие в результате появление столь монолитного образования, каким предстает перед нами „Кобаньская культура“.

Мы присутствуем, повидимому, здесь перед закладкой древнейшего первичного иберского именно сберского, сперского племенного массива в эпоху предшествующую, как авазго (afs)—овсо (ovs)—сванско ($eps \rightarrow uebze$)—хевсурскому ($qevs$) племенному объединению⁴, так и колхосарматскому скрещению, приведшим, наконец, к образованию четырехжды сложной абхазской народности⁵.

Речь здесь, как видим, не об историческом событии рождения иберской государственности в начале нашей эры, но о значи-

¹ Марр Н. Я. В тупике ли история материальной культуры? В: Изв. ГАИМК. вып. 67, 1933, стр. 96.

² Марр Н. Я. Об яфетической теории. В: Новый Восток, Москва, 1924, № 5, стр. 318.

³ Цит. соч., стр. 324.

⁴ Марр Н. Я. Балкаро-сванское скрещение. В: Докл. Акад. Наук, 1929, № 3, стр. 46.

Марр Н. Я. В тупике ли история материальной культуры? Цит. соч., стр. 38.

⁵ Марр Н. Я. Термин „скиф“. Цит. соч. стр. 110

тельно более древнем процессе гео-этнического оформления юго-восточного побережья Черного моря, по Вахушти, Сперского моря¹, на основе чего возникает, уже в дальнейшем, тот господствующий колхский слой (аналог в Предкавказье скифскому — скелотскому), который приводит к образованию древнейшего на территории Грузии государства.

4. После-кобаньский инвентарь эпохи образования Колхского этнического слоя.

Процесс оформления колхского этнического слоя исторически совпадает с ранней, предшествующей эллинизации, ионийской экспансией на Кавказское побережье, которая, как известно, оставила глубокий след на древне-греческих народных сказаниях и литературе и ознаменовалась появлением в археологических памятниках почти неизвестного в могильниках кобаньского типа золота и вытеснением бронзы, как материала для орудий, железом, ионийским, по названию его у яфетидов, и халибским, по широкому его использованию в это время.

Действительно, появление золота в после-кобаньских памятниках совпадает с полным исчезновением бронзового топора кобаньского типа и другого бронзового оружия, как мы видим это, например, в известном казбегском кладе. В Абхазии к этому времени относится интересный клад, найденный в 1910 году на Бомборской поляне, а также некоторые находки в Абгархуке. Большая часть вещей клада, хранящаяся у А. Л. Лукина, была осмотрена экспедицией. Условия находки и подробное ее описание предполагает сделать А. Л. Лукин в специальном приложении и отчету экспедиции². Я же позволю себе поэтому остановиться здесь только на некоторых предметах клада и общих соображениях о его датировке.

Основу клада составляют фигурные бронзовые привески, с помощью колечка подвешенные к ажурной ленте, состоящей из длинной сжатой проволочной петли с припаянными к ней по краям двумя продольными змеевидно свернутыми из проволоки бордюрами (табл. XXII₃). Возможно, что эти ажурные ленты, имеющие длину 12,4 см и ширину 1,5 см являются лишь отдельными звеньями более длинной их цепи, скрепленной помощью колечек. Сами фигурки представ-

¹ Wakhoucht, Description géographique de la Géorgie, publiée par Brosset, St. Pétersbourg, 1842, стр. 70—71.

² К сожалению А. Л. Лукин не представил к отчету обещанного описания, которое, как я выяснил летом 1937 года лично у А. Л. Лукина, он предполагает сделать теперь для Эрмитажа, куда поступила его коллекция.

В настоящее время это описание под названием „Материалы по археологии Бзыбской Абхазии“ напечатано в Трудах отдела Истории Первобытной Культуры I, Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1941, стр. 17—97, табл. 1—XXVIII.

ляют животных с узкой мордой и стоячими ушами. У одного вида хвост спирально закручен кверху, разрез рта подчеркнут и рот немного приоткрыт (табл. XXIII₄), все животное трактовано в виде круглой скульптуры с четырьмя ногами, законченными как бы лапами, — это, повидимому, собака; у другого вида длинный хвост опущен и достигает почти основания ног, животное трактовано полуобъемно, ноги слиты попарно в две, длина 6,8 см, высота 5,8 см (табл. XXIII₃).

Этот вариант можно было бы принять за фигурку лошади, но она лишена каких-либо намеков на характерные для лошади детали гривы и челку, обыкновенно намеченные у большинства изображений

Рис. 51. Древне-греческий фигурный терракотовый сосуд, изображающий силена с гигантским питьевым рогом.

лошади в бронзовых изделиях Кавказа. Незаметно также и попыток показать копыта. Поэтому здесь скорее можно видеть лишь иное воплощение опять-таки образа собаки, но с прямым длинным хвостом.

Кроме этого различается еще два варианта изображений: одно несомненно длиннохвостого барана с закрученными спирально рогами (табл. XXIV₁₀), и другое, вероятно, овцы с коротким хвостом, но без рогов, лишь с расставленным в стороны ушами (таб. XXIV₉).

Все эти изделия по своему характеру очень близко примыкают к группе животных, изображенных на колоколовидных бляшках из Аагсты (табл. XXII), рассмотренных выше. Своим составом (собака, вероятно, пастушеская и мелкий рогатый скот) этот комплекс имеет отношение к овцеводческому хозяйству и к соответствующему производственному культу, пережиточно живущему и до сих пор у

абхазов¹ в почитании aləŋkintʁ'a—собачьего божества и dabɾən—богини (прародительницы) коз и овец (как у черкес² ʃəʃəp, этимологический эквивалент абхазского покровителя лошадей aʃəʃaɪp), главнейших долевых представителей „великого бога обновления природы, размножения и, особенно, скотоводства“, абхазского эквивалента мужскому паредру Иштари, семитическому Geshdar'u³, так называемой „бородатой Иштари“ в Вавилонии, именно А-уџаг'у, при молении которому у абхазов в первый день после масляницы приготавливались соответствующие им фигурки из теста⁴.

К числу подобных же привесок на ажурной ленте относится и фигурка (табл. XXIII₁) „винопийца“. Она представляет собою скульптурное изображение человека, сидящего, спустив ноги, в особом кресле и обнявшего руками, как на глиняном древнегреческом фигурном сосуде (рис. 51) Британского Музея (E785)⁵ огромный ритон (питьевой рог), приложенный верхним краем к лицу. Вся фигурка имеет около 5,5 см высоты и покрыта темно-зеленой благородной патиной, такой же, как и на фигурках животных. Специально отлитой, вместе с фигурой петли, в данном случае, не имеется, но на шее персонаж для скрепления с ажурной лентой одета кольцевая обойма с неспаянными концами (рис. 52). Тело человека трактовано примитивно: ноги свисают с кресла беспомощно, голова имеет характерную форму с острым затылком и таким же конусовидно вытянутым лицом, без всякой дальнейшей моделировки носа, рта и глаз. Половые признаки резко выражены. Кресло, как его передает бронзовая скульптура, видимо, в оригинале представлялось деревянным долбленным из цельного ствола. Сиденье в форме наискось поставленного корыта покоится на ножке, расширяющейся книзу двумя гранями со сводообразной выемкой между ними. Питьевой рог имеет на кончике завиток, типичный для современных местных ритонов.

По словам А. Л. Лукина, в пару к этой, имелась еще вторая фигурка—женская с ребенком на руках. Ее увезла, по его словам, с собой П. С. Уварова, и где она находится, ему тогда не было известно. Эту фигурку (табл. XXIII₂) мне удалось обнаружить в Отчете Исто-

рического Музея за 1913 г.¹, где она опубликована, как поступившая в Музей из Археологического Общества, без точного указания на ее местоприобретение в „Черноморской губернии“, но в сопро-

Рис. 52. Бронзовая фигура „винопийца“ из культовогоклада Бомборской поляны (Гураутский район).

вождении фигурок животных, тождественных с вышеописанными и не оставляющими сомнения в принадлежности всей группы, именно, к данному кладу с Бомборской поляны, восстанавливаемому, таким образом, в его полном виде.

Кроме женской статуэтки в Отчете указаны: 1) „привеска в виде барана“ (с воспроизведением ее на фотографии), 2) „привеска в виде какого то животного“, судя по приложенной фотографии, собаки, вышеописанного второго варианта с длинным хвостом и попарно слитыми ногами (табл. XXIV₁₁), 3) „обломок привески в виде конька“ (за отсутствием рисунка тип ее неизвестен), 4) „обломки трех браслетов“ (также к сожалению без рисунка) и 5) „пр. предметы“.

Что касается фигурки матери, она представляет собой, судя по фотографии, снятой спереди, грубое изображение, около 9 см высоты, обнаженной женщины в стоячей позе с расставленными ногами, держащей ребенка на левой руке. Лицо совсем не вылеплено, голова, мало дифференцированная от шеи, как бы покрыта венцеобразной головной повязкой, выраженной в виде пестиковидного расширения шейно-головной части статуэтки. Груды помещены в районе ключиц.

¹ Отчет Гос. Исторического Музея в Москве за 1913 год. Москва, 1914, стр. 9, рис¹) 4—6.

¹ Джанашия Н. С. Религиозные верования абхазов. В: Христианский Восток, том IV, Петербург, 1915, стр. 77, 81.

² Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей. В: Зап. Колл. Востоковедов, Ленинград, том V, 1930, стр. 742, прим. 1.

³ Марр Н. Я. Иштари (от богини матриархальной Афреэзии до героини любви феодальной Европы). В: Яфетический Сборник, том V, 1927, стр. 114, 122. Цит. по Избр. Раб. том III, стр. 308, 310, 320.

⁴ Изображения подобного рода жертвенных фигурок из теста в Мегрелии см. у J. Mourier, La Mingrélie (Ancienne Colchide). Odessa, 1883 табл. между стр. 188—189 (обряд „Тердоба“).

⁵ Smith C. Catalog. of Vases v. III; инв. Брит. Муз. E. 785; цит. по Jahrbuch des Deutsch. Arch. Inst. Bd. 51, Berlin, 1936, Arch. Anz, стр. 63.

К этому же кладу кроме того принадлежит довольно крупная в 6—7 см длины бронзовая (голубовато-зеленой патины) фигура летящей птицы, в форме бумажного голубя с пеликано-образно трактованной головой и сильно выступающими вниз ногами (рис. 53). Сверху, — туловище, крылья и хвост покрыты кружковым выбитым узором (табл. XXIII₅).

Из других предметов особый интерес представляет пара (сохранилась только одна) крупных до 9 см длины узко-лопастных золотых трилистников, как бы вырезанных из тонкой пластины и выкованных

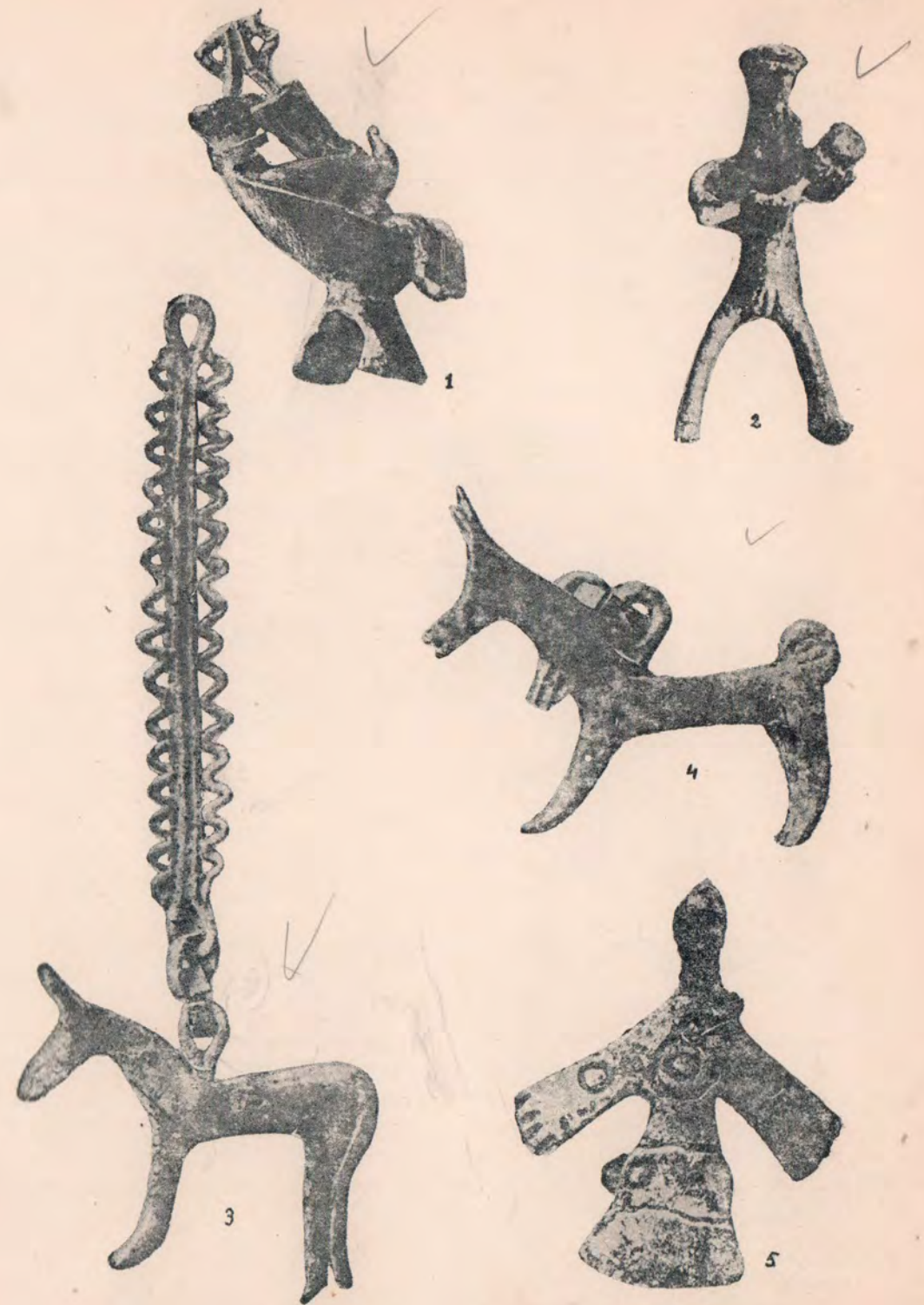

Рис. 53. Бронзовая подвеска, в виде летящей птицы на ажурной ленте из культового клада Бомборской поляны (Гудаутский р-н).

так, что узкие кривые лопасти получают желобообразную форму выпуклую снаружи и вогнутую с изнанки (табл. XXIV₂). Назначение их и способ украшения ими не ясен. Возможно, что они являются частями венца или иного убора для волос.

Наконец имеются здесь же: бронзовые массивные трехлучевые розетки размером до 2 1/2 см в диаметре с петлей внизу для нашивки (табл. XXIV₃); бронзовые колокольчики двух типов, один с большой дужкой (табл. XXIV₇) и другие с маленькой кольцевидной петлей; две шаровидные бусы из прозрачного белого и голубоватого стекла с сохранившимся у одной бусы проволоочным колечком (табл. XXIV₄), намекающим на возможное назначение этих бус в качестве пары серег; два различных по форме браслета, целого из круглого прута с листовидно откованными головками и, другого, в фрагментах (табл. XXIV_{1,6}).

Через „серьги“ из прозрачно-стеклянных бус и браслеты клад, обнаруженный на Бомборской поляне, объединяется еще с группой характерных вещей, найденных в разное время в Бзыбской Абхазии в условиях, заставляющих подозревать там ряд могильников этой эпохи. Так обломки сильно губчато-патинизированного широко-ленточного, до 1,6 см, бронзового браслета (рис. 54₂), отлитого вместе с характерным обрамлением его с двух сторон рядами крупной зерни, с расширенными пластинками у незамкнутых концов (табл. XXIV₆),

Бронзовые фигурки из культового клада Бомборской поляны, близ Гудаут.

находят достаточно близкую аналогию, по характеру металла и приемам декорировки крупной зернью в литье, в паре также насквозь губчато-патинизированных браслетов (рис. 54₁), из Абгархука, в том же собрании, лишь более сложно украшенных по расширенным концам рельефным спиральным орнаментом в литье. Полную аналогию «серьгам» клада из стеклянных бус можно видеть в инвентаре одного из разрушенных погребений близ Гудауты, где, вместе с двумя точно такими же бусами на проволочках, было найдено три браслета согнутых из простых лентовидных широких пластинок с насеченным елочным орнаментом (рис. 54₃) и обломок одночленной дугообразной

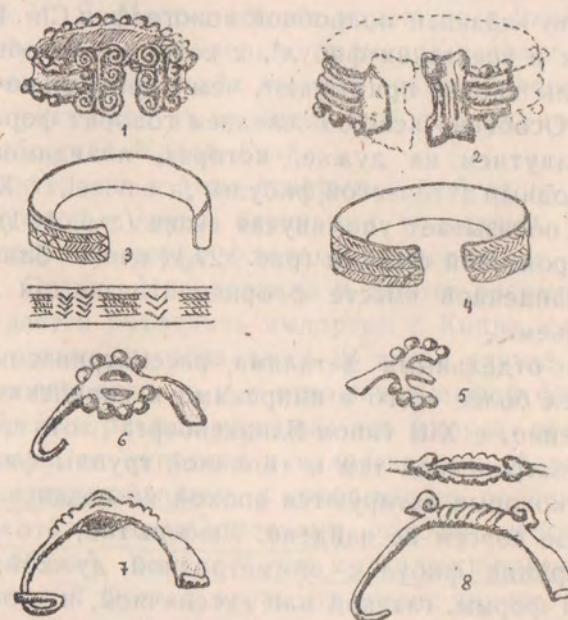

Рис. 54. Бронзовые браслеты и фибулы из Бзыбской Абхазии: 1—находка в с. Абгархук; 2—из культового клада Бомборской поляны; 3—из погребения в Гудаутах; 4—5 из другого погребения в Гудаутах; 6—8 находка в с. Мыцары. Около 1/2 н. в.

бронзовой фибулы со следами своеобразной разделки дужки, в виде круглой прорезной розетки, обрамленной первоначально, опять таки, крупными шариками зерни, как это видно по другому более полному фрагменту (рис. 54₅), найденному при другом погребении, там же, с такими же браслетами (рис. 54₄).

Этот особый вид дугообразной одночленной фибулы, с ажурным расширением на дужке и крупной зернью в литье (рис. 54₆), представлен в собрании А. Л. Лукина еще третьей находкой в составе четырех также совсем необычного вида фибул (рис. 54₇₋₈), собран-

ных крестьянином при обработке поля в местности Мыцары на р. Баклановке. Все эти фибулы своим одночленным строением и слегка вытянутой неширокой пластинкой приемника примыкают к кобаньским дугообразным фибулам, характеризующимся однако совершенно особыми декоративными расширениями и украшениями дужки, в виде розеток, скорлупчато-полых вздутий, рубцов и пр. На одной из этих фибул в середине имеется сверху сквозная продольная расщелина, украшенная у концов двумя скульптурными бараньими головками, обращенными в противоположные стороны (рис. 54₈).

Эти особенности связаны, повидимому, с длительной местной культурой фибулы на Кавказе, так как в полном виде они не имеют себе аналогий, судя по недавней подробной монографии Chr. Blinkenberg'a, среди восточных и греческих фибул¹, к которым по общему строению наши фибулы скорее примыкают, чем к центрально-европейским и итальянским. Особенно ясно о последнем говорит форма фибулы со скорлупчатым вздутием на дужке, которая, повидимому, является местным производным аттической фибулы „a navicella“ X—IX века до нашей эры, как показывает упомянутая выше (стр. 161) находка на Новом Афоне бронзовой фибулы (рис. 29₃) — очень близкой именно этому типу и найденной вместе с орнаментированными кобаньскими топорами и копьем.

Вместе с тем отдельными деталями рассматриваемые абхазские фибулы роднятся более всего с кипрскими и сирийскими филиациями фибулы, именно, с XIII типом Блинкенберга², хотя представителей особенно распространенной там и типичной группы фибул с коленчатой дужкой, которые датируются эпохой не позднее VII века до н. э.³, на Кавказе совсем не найдено. Любопытно, что и другая характернейшая группа фибул с симметричной дужкой, правильной полуциркульной формы, гладкой или гусеничной, и с особым развитым способом укрепления иглы, которую можно считать чисто малоазийской (сравн. ее изображение на фигуре хеттского царя-священнослужителя на скальном рельефе в Изризе)⁴, неизвестной на Кипре⁵, также оказывается абсолютно чуждой древностям Кавказа и Закавказья, несмотря на то, что по словам авторов⁶ последних раскопок в Богазкее, эта фибула, датируемая в холме Гордиона и в Анкаре

¹ Blinkenberg Chr. Fibules grecques et orientales. B: Historisk-filologiske Meddelelser, Bd. XIII, København, 1926.

² Цит. соч., стр. 231—233, 235—242.

³ Myres, J. L. B: Liverpool Annals of Arch. and Anthropol. III, 1910, 138—144, табл. 32. Цит. по Blinkenberg'y стр. 248.

⁴ Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. VI, Berlin, 1926, табл. 40, стр. 122.

⁵ Blinkenberg Chr. Цит. соч., стр. 206.

⁶ Bittel Kurt und Güterbock Hans Gustav. Vorläufiger Bericht über die dritte Grabung in Bogazköy. B: Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin, 1933, Dez., N. 72, стр. 35—36.

VIII веком, многочисленна в после-хеттских пластах в Богазкее, заходя по находкам в Галатии даже за начало I тысячелетия до н. э.

Это явление возможно пока интерпретировать только в том смысле, что самостоятельное развитие восточно-черноморской фибулы в прибрежных областях, в эпоху, непосредственно предшествующую появлению греческих колоний, когда дугообразная фибула уже совсем исчезла, стимулировалось морской торговлей и происходило во взаимодействии с более древними народами мореходами, уступившими затем свою гегемонию грекам. Это был особый хозяйственно-общественный слой, оформлявшийся в прибрежных районах Малой Азии, связанный на севере с именем ионов, на юге финикийян, т. е., согласно конценции Н. Я. Марра, тех же ионов, но в ином историко-языковом облике¹. К сожалению приморская полоса южного берега Черного моря слишком слабо изучена археологически, но то что известно пока указывает на значительную независимость ее от более внутренних областей Малой Азии.

Особенно интересна в этом отношении фибула из Мыцары с расщепленной дужкой и двумя бараньими головками, обращенными в противоположные стороны, у концов расщепления (рис. 54₈). Найденные в Луристане, Сирии, Месопотамии и Египте расщепленные фибулы Т. J. Арне² удается объяснить импортом с Кипра, где подобная фибула, по его словам, изготовлялась. В таком случае, казалось, можно было бы тоже заподозрить и в отношении нашей фибулы, но очертаниями дужки и игольной пружины эта фибула резко отличается, как мы говорили, от кипрских и малоазийских форм и полностью тяготеет к местным образцам, с которыми ее особенно роднит украшение дужки бараньими головками, подобно некоторым фибулам из Верхней Кобани³. Вместе с тем мотив расщепленной дужки доживает в Северной Осетии вплоть до поздне-римского времени, переходя на фибулы совсем иного двучленного арбалетного строения, как показывают находки в Камунте⁴. Таким образом и эта особенная по типу фибула подтверждает самостоятельные пути в развитии отдельных форм местной бронзовой индустрии, но в условиях тесного контакта восточно-черноморского побережья с „народами моря“.

Еще одна интересная находка в Абгархуке из коллекции А. Л. Лукина может быть отнесена к этой же группе: это особый предмет ритуального назначения, представляющий собой длинную около 11 см длины слегка изогнутую, с крючком на конце для подвешивания,

¹ Marr N. Quelques termes d'architecture désignant „voûte“ ou „arc“. B: Яфетич. Сборник, II, Петроград, 1923, стр. 1-6.

² Arne T. J. Luristan and the West. Отт. из Eurasia Septentr. Antiqua, IX, стр. 3.

³ Chantre Ernest. Recherches Anthropologiques dans le Caucase, t. II. Paris-Lyon 1886, стр. 69.

⁴ Уварова П. С. Цит. соч., Могильники Северного Кавказа, табл. CXXII 718.

бронзовую ажурную лопаточку, со стоящей на ней фигуркой всадника, в 6×3 см размером, и украшенную по боковым краям шестью бараньими головками в кольцевых ошейниках, к которым подвешены на петлях довольно крупные бронзовые колокольчики (рис. 55). Этот

Рис. 55. Бронзовый ритуальный предмет с фигурой божества-всадника на платформе с головками баранов и колокольчиками из с. Абгархук, 1/2 н. в.

предмет не имеет себе аналогий¹. Литая из бронзы по утериваемой модели культовая лопатка из Гамадана (в северной Персии), украшенная фигурами козлов, бараньими и оленьими головками² и датированная Herzfeld'ом вторым тысячелетием до нашей эры³, имеет лишь некоторое внешнее сходство с предметом из Абгархука. Идейно к нему ближе, по отношению к богу солнца, бронзовая фигурка всадника на платформе, украшенной колокольчиками, из Мерида (Испания)⁴.

Для нашего предмета характерна комбинированная обработка литьем, ковкой и спайкой. Ручка состоит из трех четырехгранных, украшенных сверху косыми, как бы имитирующими шнур, рубцами стержней, соединенных двумя перекладинами и сходящихся у

* ¹ Совершенно аналогичный предмет, найденный на Кавказе, но с двумя всадниками, поступил в 1912 году в Киевский Музей и ныне опубликован А. Л. Лукиным (Материалы по археологии Бзыбской Абхазии). В: Тр. отд. ист. первооб. культ. т. I, Гос. Эрмитаж, Ленинград, 1941, стр. 71-72, табл. XXIII.
² Przeworski St. Dzieje i kultura starożytnej Persji. B: Wielka historia Powszechna, t. I, Warszawa, 1932, стр. 730.
³ Forrer R. Chars cultuels et leur survivants. B, Préhistoire, I, Paris 1932, стр. 19 сл.

конца в крючок. Поверхность лопатки несет на себе узор в виде трех парных рельефных спиралей, в промежутке между которыми поставлены ноги коня, грубо моделированного и грубо отлитого вместе со всадником. Последний представлен голым, с подчеркнутыми, также как конь, половыми признаками, слегка откинувшимся назад и двумя руками держащим поводья. Голова всадника клиновидная, вытянутая вверх, с отмеченными лишь на лице глазами и круглым ртом, отделяющим подбородок от носа. Морда лошади непомерно вытянута в виде длинного слегка изогнутого хобота, за который удобно брать и поднимать весь предмет, чем может быть и обусловлена эта странная форма лошадиной головы. В коллекции Лукина этот предмет объединен, совместно с ним найденным доньшком древне-греческой котилы с прекрасным густым черным лаком и тепло-оранжевого оттенка черепком, позволяющими датировать всю находку, если доверять этой совместности, не ранее конца V-го века до н. э., что вполне очевидно при сопоставлении всадника, особенно моделировки его головы, со всадниками из Ахалгорийского клада¹. Во всяком случае, всю эту группу можно синхронизовать с Казбегским кладом.

Правда, отсутствие в это время каких-либо прямых связей между Черноморьем и Казбегским районом, кладет отпечаток полной самостоятельности в направлении разработки кобаньского наследия, причем, как нам кажется, на предметах, найденных в Абгархуке заметны следы как-бы возрождения, заглушенных в кобаньское время еще более старых приемов обработки металла, как например, шнуровая техника украшения предметов, существовавшая здесь в предшествующую Кобани эпоху. Это последнее явление, на котором придется еще остановиться несколько ниже, свидетельствует, возможно, о том, что в это время вновь получают значение какие-то общественно-хозяйственные группы, оттесненные на второй план в кобаньское время. Здесь поразительным является вторичное появление золотых и серебряных изделий, известных в больших кубанских курганах, предшествующей Кобани эпохи.

Более всего о близости клада Бомборской поляны с Казбегским говорит существование в том и другом жанровых кругло-моделированных скульптурных групп. Женщина с ребенком из Бомборского клада по сюжету совпадает с фигуркой из Эрмитажа, считающейся кобаньского происхождения², хотя быть уверенным в этой датировке нет основания, так как из других фигурок, приписываемых Кобани, некоторые, как например, мужская фигурка с руками на животе, типа поздних дагестанских, явно туда не принадлежит. Но особый, в этом отношении, интерес представляет вышеупомянутая фигурка

¹ Смирнов Я. И. Ахалгорийский клад, Тифлис, 1934, стр. 60, 61.

² Уварова П. С. Цит. соч., Могильники Северного Кавказа, стр. 64, рис. 59.

сидящего в кресле „винопийца“ из Бомборского клада. Хотя в Казбеге нет аналогичной сцены, но за то там многочисленны вообще мужские итифаллические фигурки-привески, держащие питьевой рог у губ. В них возможно видеть изображения божеств плодородия и плодоносящей силы вообще, как это делает Tallgren, сопоставляющий эти изделия с малоазийскими бронзовыми фигурками, так называемого, азиано-сирийского архаического стиля 1400—1200 лет до н. э.¹, и видящий в них выражение передне-азиатской идеи мужского божества плодородия вообще², хотя в Передней Азии мы не знаем примеров итифаллических изображений с питьевым рогом в руках.

Статуэтка „винопийцы“ в кресле еще более подчеркивает своеобразный характер бронзовых антропоморфных изображений Кавказа и независимый самостоятельный путь их развития уже в то время, когда малоазийские формы претерпели полное вырождение. Особенно любопытным является жанровый характер скульптурных композиций со свободной и жизненной передачей движения при примитивной трактовке форм и пропорций. В этом отношении скульптурные группы Казбегского клада обнаруживают некоторую аналогию с доэллиническими погребальными терракотами Кипра и Кикладских островов, где жанровые сюжеты воспроизводят, видимо, сцены хозяйственной жизни, необходимые покойнику на том свете³.

Разница в материале может быть и не так существенна для вопроса об источниках происхождения подобного стиля, так как бронзовое литье предполагает необходимые для него лепные восковые модели, что требует совершенно тех же навыков лепки скульптурного образа, как работа по глине. Если бронзовое литье по восковой модели вообще уже известно, переход к изготовлению бронзовых фигурок вместо терракотовых технически несложен. Здесь гораздо существеннее разница самой потребности и традиции, в одном случае ограничиваться терракотой, в другом случае переходить к металлическому изделию. Но в еще большей степени независимость кавказских скульптурных изображений сказывается в выборе сюжетов, большей частью героических по содержанию, в то время, как в кипрских изделиях преобладают изображения сцен домашнего хозяйства.

¹ Tallgren A. M. The Kazbek treasure. B: Eurasia Septentr. Antiqua, V. Helsinki, 1930, стр. 161.

² Tallgren A. M. Kaukasische anthropomorphe Figuren und des vorderasiatische Kulturkreis. B: JPEK, Jahrbuch für Prähistorische, Ethnographische Kunst. 1930, стр. 54.

³ Tallgren A. M. Цит. соч., The Kazbek treasure. стр. 163.
⁴ Pottier Edm. Les sujets de genres dans les figurines archaïques de terre cuite, B: Bull. de Correspondance Hellénique, 1900, стр. 510—523.

Dussaud R. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris. 1910, стр. 259—260.

Только фигурка играющего на лире из Казбегского клада соответствует в известной мере мраморной фигурке музыканта на арфе с острова Кероса близ Амаргоса¹. Эта последняя фигурка интересна в данном случае еще и в том отношении, что изображает мужчину сидящего в кресле. Кресло хотя и представляет совершенно иной тип деревянного изделия, чем долбленное сидение на статуэтке из находки на Бомборской поляне, но по принципу опоры, на расходящиеся двумя ветвями от одного ствола ножки, оно в некоторой степени соответствует ему. Значительно больше дает при сравнении строение головы, посадка ее на шее и характер соотношения с шеей профиля лица и уходящего назад острого затылка на обеих статуэтках. Сравнивая голову мраморной статуэтки с головой бронзовой фигурки, не трудно уловить одну тенденцию, восходящую видимо к общему первоисточнику, на который может указать хотя бы архаическая терракота из Сидона с той же формы головой².

Клиновидные лица на многих кипрских терракотах обусловлены также принадлежностью их к некоторому общему стилистическому кругу, не имеющему в этом отношении никаких точек соприкосновения с восточными передне-азиатскими образцами, месопотамскими и иранскими. Среди последних вообще не известно в это время скульптурных форм человека со свободными руками и живыми движениями, за исключением, может быть двух фигур в ритуальных позах на бронзовой плите, изображающей храмовую площадь с архитектурными сооружениями, но появление их позднее могло быть связано с влиянием египетских моделей, через финикийское посредство, так как известные бронзовые статуэтки Сирии и частью Малой Азии конца II-го и начала I-го тысячелетия до нашей эры, заключают в своем составе, наряду с несомненно местными изделиями хеттского стиля, явно египто-финикийские, причем величина, общие пропорции и, особенно движения свободных от корпуса рук, сближают между собой обе группы.

В этом отношении получает большое значение принадлежность к описываемому кладу женской фигурки матери, которая несомненно представляет собой местную реплику мало-азиатской богини Матери, культ которой пользовался особенно широким распространением по всему Переднему Востоку. Нас, в данном случае, особенно должен интересовать ее образ с ребенком, сравнительно очень редкий в азиатском и европейском Средиземноморье. Изображение женского

¹ Dussaud R. Цит. соч., стр. 223, рис. 167.

Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1923, стр. 370.

² Contenau G. Manuel d'archéologie orientale, t. I. Paris, 1924, стр. 111.

божества, как известно восходит к палеолитической древности, но в значительно более позднюю эпоху в конце неолита и энеолита, с началом земледелия культ, женской богини получил вновь мощное выражение в изготовлении обнаженных фигурок, главным образом из обожженной глины, почти одновременно в различных местах: в Месопотамии, в Закаспии¹, Египте, в Эгейском море и Придунайских странах. Среди уже наиболее ранних (IV-го тысячелетия до н. э.) штампованных терракотовых женских фигурок Месопотамии, которые J. de Morgan² относит к нижним слоям древних некрополей, известно изображение богини любви и жизнеподательницы, покровительницы материнства³, Нана-Иштари с ребенком у груди. Такова например глиняная фигурка Луврского музея, найденная в Телло⁴.

Эгейские стеатопигические изображения⁵ частью, повидимому, зависят от сумерских и египетских, хотя имеется и местная традиция женских изображений, облаченных в костюм, лишь позднее, под влиянием требования подчеркивать пол, исчезнувший, как это можно видеть на примере кипрских статуэток⁶, особенно в эпоху египетского ренессанса. Очень часто фигурки богини помещались на миниатюрных терракотовых тронах⁷, совместно или отдельно изготовлявшихся, что наблюдается также в энеолитических домикенских культурах, — Трипольской, Нижне-Дунайской, во Фракии⁸, Фессалии и в некоторых других⁹. При этом фигурка самой богини лепилась часто специально в сидячей позе¹⁰. Сидячие терракото-

¹ Pumpelly Raphael. Ancient Anau and the Oasis-World, and general discussion of results. B: Explorations in Turkestan, Washington, 1908, стр. 46—47, табл. 46, рис. 10, 13, 14.

² Morgan J. (de). La préhistoire orientale, t. II, Paris, 1926, стр. 277—278.

³ Тураев Б. Н. Классический Восток, том I, Ленинград, 1924, стр. 222.

⁴ Perrot et Chipiez. Цит. соч. II, стр. 606, рис. 297.

⁵ Evans Arthur. The Palace of Minos. Vol. I. Oxford, 1921, стр. 45—42. Рис. 12—14. Childe G. The Dawn of European Civilization, London, 1927, стр. 24—26, рис. 10. Xanthoudidis S. The Vaulted Tombs of the Messara, Liverpool, 1924, цит. по Marinatos S. Les origines de l'art Minoen. B: Cahiers d'art, Paris, 1931, № 3, стр. 186—189.

⁶ Dussaud René. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris, 1910, стр. 280.

⁷ Лихтенберг Р. (фон). Доисторическая Греция. Перевод под ред. Б. В. Фармаковского, СПб, 1913, стр. 136.

⁸ Hoernes Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 312, рис. стр. 319.

⁹ Childe Gordon. The Dawn of European civilization. London, 1927, стр. 67, 167 и 179.

¹⁰ Скриленко А. Глиняные статуэтки домикенской культуры, открытой в Среднем Приднепровьи. В: Труды XII Арх. Съезда в Харькове в 1902 г., т. I: Москва, 1905, стр. 148—149; рис. см. табл. XXII в Труд. XI Арх. Съезда в Киеве в 1899, т. I. Москва, 1901—к статье Хвойко В. В. Каменный век Среднего Приднепровья.

Cehak Helen a. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce. B: Swiatowit, t. XIV, 1930/1931. Warszawa, 1933, стр. 172, табл. III 3—7.

вые женские фигурки встречались в соответствующее время, именно в додинастическую эпоху, и в Египте¹. Однако мотив материнства или же „деотохос“, если не совершенно чужд трипольской, нижедунайской и другим этого типа энеолитическим культурам, как это можно видеть хотя бы по недавней сводке Marian Himner'a², то, несомненно, очень редок.

Известны всего лишь одна фигурка матери с младенцем на руках из Триполья, опубликованная Н. Макаренко³, одна из синхроничной культуры в Сербии, опубликованная Vassits'ом⁴, и, наконец, одна подобная же найденная в Фессалии в Херонеях⁵. Среди эгейских статуэток можно видеть только то, что ребенок обозначается иногда символически знаком креста или свастики на животе, как этот знак, позднее стершийся, существовал на известной свинцовой фигурке женщины, державшей руками груди из Трои II⁶, или же изображается в крайне схематических формах в виде второй головы на плечах женского торса⁷. Реального же выражения мотив материнства здесь почти не получает и можно указать только на единственную версию минойской богини-матери, представленную найденным недавно в 1927 г. терракотовым идольчиком (торс на цилиндрической подставке) конца средне-минойской эпохи⁸. Только позднее к концу II-го и началу I-го тысячелетия изображение матери с ребенком на руках проникает в кипрскую терракотовую скульптуру без посредничества финикийцев, которым Геродот (I, 105) вообще приписывает основоположение знаменитого кипрского культа женской богини Афродиты Урании⁹, хотя в полной мере с последним, вряд ли можно согласиться, если учесть древнейшие критские традиции и особенности греческого культа женского божества, которые показал еще Alex. Enmann¹⁰ чисто филологическим анализом.

¹ Ross Denison E. The art of Egypt through the ages, London, 1931. Цит. по Cahiers d'art, Paris, 1931, № 4, рис. на стр. 222.

² Himner Marian. Etude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la Mer Noire. B: Swiatowit, t. XIV, 1930/1931. Warszawa, 1933, стр. 26—163.

³ Макаренко М. Этюды з обсягу Трипільської культури. В: Сб. Трипільська культура на Україні. в. I. Київ, 1926, табл. 3.

⁴ Vassits M. South-eastern elements in the prehistoric civilization of Servia. B: The Annual of the British School of Athens, XIV, 1907/8, стр. 328, рис. 6.

⁵ Ephemeris archaeologica, Athen, 1908, стр. 63, табл. A₁. Цит. по Childe G. The Dawn of European Civilization. London, 1927, стр. 67.

⁶ Dussaud René. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris, 1910, стр. 224—225.

⁷ Лихтенберг Р. Цит. соч., Доисторическая Греция, стр. 105.

⁸ Evans A. The Palace of Minos, vol. II. London, 1928, стр. 556—557, табл. XXI.

⁹ Геродот. История в девяти книгах перевод Ф. Г. Мищенко, том I-й. Москва, 1888, стр. 57.

¹⁰ Enmann A. I. Kypros und der Ursprung des Aphroditekultus. B: Mémoires de l'Acad. imp. des Sciences, t. XXXIV, N. 13, St. Pt., 1886, стр. 17—18, 82—85.

Судя по нью-йоркской статуэтке из известняка¹, кипрская богиня мать в, так называемую, финикийскую эпоху изображалась на троне в головном уборе, монистах и в длинном одеянии с ребенком на коленях или на левой руке, что по словам Б. Н. Тураева, роднит ее с египетской Изидой, с атрибутами которой она вообще представляется нередко в Сирии, а, в качестве „Владычицы Библа“, имеет вид Исиды—Хатор², получая, таким образом, в новом религиозном синкретизме восстановление первоначального единства, которое выражено в этимологической связи египетского „ḥtḥr“, Аѳар с *sa-shor* || I-shar³.

В хеттской скульптуре и глиптике мотив матери, *Ḫetḫos*, напротив, еще пока не обнаружен. Поэтому получает для нас особый интерес недавно опубликованная бронзовая статуэтка Берлинского Археологического Музея, изображающая богиню с ребенком на руках⁴. Она в точности повторяет и проясняет ранее известную, но хуже сохранившуюся ливерпульскую статуэтку, купленную в Каире и относимую к митанийской культуре⁵. Обнаженная женская фигура в браслетах, колье и в высокой башнеобразной тиаре на голове стоит на льве. На руках у нее ребенок, которого она кормит грудью. М. И. Ростовцев⁶, не зная о ливерпульской и сопоставляя берлинскую статуэтку с луврской мужской бронзовой статуэткой, стоящего на льве в близком по форме головном уборе, из Ливана, и с фигуркой сирийской богини с двумя львами в подножьи, усматривает здесь сходство с типом обнаженной богини на митанийских печатях, хотя аспекта матери там нет, и считает ее также митанийской (в частности даже „арийского“ их слоя), однако, с большим основанием, можно видеть в ней именно яфетическую хуррийскую, сирийскую богиню-мать, владычицу зверей, египетскую *ḫtḥr*, возможную древнюю женскую ипостась⁷ Ванского бога *ḫaldi*, может быть *ḫat-te-piḫi*-ш, протохеттского пантеона. Это та великая богиня земли, которая шествует на

львице или пантере, сопровождаемая юным богом растительности и плодородия, также стоящем на пантере, на знаменитых хеттских скальных рельефах в Язили-Кая. В качестве сирийской богини, уже в римскую эпоху, ее описывает Лукиан¹, то под именем Геры, то Реи: „Богиню несут львы, в руках у нее тимпан, на голове башня“. Как известно, тимпан часто чередуется с ребенком в руках богини на Кипрских и вообще финикийских статуэтках² и составляет, по мнению S. Reinach'a³ характерную их черту, в отличие от Иштари, месопотамской традиции.

Кульτ хуррийской матери богов, называемой греками, также, фригийской, получил широкое распространение, с греко-ионийской колонизацией, в северном Черноморье, хотя по рассказу Геродота (IV, 76) скифы умертвили своего философа Анахарсиса именно за то, что он принес с собой впервые из Кизикии культ Матери богов⁴. Но Гезихий (V н. э.) в своем лексиконе называет последнюю киммерийской: *κίμμερίς θεὰ ἡ μήτηρ τῶν θεῶν*⁵. О культе ее в Колхиде говорит Арриан⁶, называя ее фазиянской богиней по местоположению ее скульптурного изображения, которое он видел в устье Риона-Фазиса на левом берегу реки: „Судя по внешнему виду эта богиня, говорит он, скорее всего Рея: в руках она держит кимбал, у подножья ее сиделища львы, и сидит она, также, как Фидиева Рея в Афинах в храме матери“. Мраморная небольшая статуя Кибелы из Керчи (в Историческом Музее) на львином троне в калафе на голове, эллинистической эпохи, свидетельствует, что описанный Аррианом образ богини матери был распространен и в Босфоре Киммерийском⁷.

Малоазийское имя ее *Κοτβελ-η* продолжает, быть может, жить до сих пор у грузин в названии пшаво-хевсурского божества *Κοτ*

¹ Лукиан. О Сирийской богине. В: Сочин. том I-й (Памятники Мировой Литературы). Москва, 1915, стр. 297, 306—307.

² Тураев Б. Н. Цит. соч., стр. 19.

³ Reinach S. Les Déeses nues dans l'art oriental et dans l'art grec. В: Chroniques d'Orient, t. II, стр. 566—584. Цит. по Dussaud, R. Les civilisations préhelléniques, Paris, 1910, стр. 230.

⁴ Геродот. История в девяти книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко, том I-й. Москва, 1888, стр. 337.

⁵ Латышев, В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I-й. СПб, 1900, стр. 853.

⁶ Arrianus Fl. Peripl. Pont. Eux. В: Латышев, В. В. Цит. соч. т. I, 1893, стр. 220.

⁷ Škorpič Vladislav. Kybelin kult v rísi Bosporské. В: Sborník prací filologických dvornímu radovi prof. Josefu Královi, v Praze, 1913, стр. 199, рис. 5.

¹ Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. III. по публикации Vidal Labbach. Statuettes Cypriotes du Musée d'Athènes. В: Rev. Arch., t. XIX стр. 341.

² Тураев Б. Н. История древнего Востока, ч. II. СПб, 1912, стр. 19.

³ Марр Н. Я. Цит. соч., Иштари. Стр. 139, 137 и 141.

⁴ Moorgat A. Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen, 51, Berlin, 1930, стр. 56 сл. Цит. по нижеприводимой работе М. И. Ростовцева.

⁵ Offord J. A. Hittite bronze statuette. В: Liverp. Annals of Arch. and Anthropol., v. IV, 1911, стр. 88—89, табл. XX.

⁶ Rostovtzeff M. Dieux et chevaux. A propos de quelques bronzes d'Anatolie, de Syrie et d'Arménie. В: Syria, XII, Paris, 1931, стр. 52, табл. XXII.

⁷ Hommel Fritz. Ethnologie und Geographie des Alten Orients. München, 1926, стр. 51.

pal-a, Ko+bal-a¹, не только утерявшего свой первоначальный облик женщины, но даже удержавшего в себе следы пережитой борьбы с ней в „ненависти“ к женщинам, согласно одному сказанию об Атенском его святилище². Но, повидимому, великая богиня и, именно, в материнском аспекте держалась на Кавказе в значительно более раннюю эпоху.) О крайне интересном бронзовом изображении ее, найденном в Дагестане в Гунибском округе, сообщает Д. Н. Анучин³. Статуэтка высотой около 3½ вершков представляет собою „нагую женщину с младенцем, сидящую на стуле. Стул о четырех ножках с низкой спинкой, вроде тех, какие и теперь встречаются в горах; женщина сделана не пропорционально стулу, с оригинальным убором головы. Убор этот состоит из особого рода шапки (шлыка) с небольшим рогом наперед (вверх) и с выступом взад, от которого вдоль по спине спускается какая то лента (или коса). На шее еще заметно ожерелье или обруч, остальное же тело голое. Левою рукою женщина придерживает на коленях ребенка, а правой дает ему грудь. Возможно, что эта статуэтка, прибавляет Д. Н. Анучин, представляет Астарту, культ которой был, как известно, значительно распространен в древности“.

Эта статуэтка не приобретенная тогда, за отсутствием хозяина, была куплена позднее, (по сведению, полученному Д. Н. Анучиным) фотографом А. С. Роиновым, однако ее не оказывается в печатном каталоге его коллекции⁴, но существует указание Ж. Мурье⁵, что в числе археологических предметов из Дагестана, поступивших (в частности от Роилова) в коллекцию вел. князя Георгия Михайловича находится бронзовая фигурка, сидящей в кресле, „Астарты“ из Гуниба.

К сожалению мне не удалось пока выяснить дальнейшую судьбу этой находки, которая, судя по приведенному описанию,

¹ ჯავახიშვილი ივ. ა. ქართული ენის ისტორია. (Джавахишвили И. А. История грузинского народа). Тифлиси, 1913, Том I, стр. 143.

Март Н. Я. Цит. соч., В тупике ли история материальной культуры? стр. 131.

² გორგელის დავით. ხანძრის ჯვარი. В: ივერია (Горели Давид. Хахматис джвароба. В: Иверия) 1889, № 271, цит. по Джавахишвили И. А. История грузинского народа, стр. 144.

³ Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Из: Известий Русского Географического Общества, том, 20, СПб. 1884, стр. 87.

⁴ Роинов А. С. Краткий каталог передвижного Кавказского Музея. Саратов, 1887, стр. 1—23. Коллекция Роилова, приобретенная „Груз. обществом распространения грамотности“ вошла в дальнейшем в Музей Общ. Ист. и Этногр. в Тифлисе и, наконец, археологической своей частью в Гос. Музей Грузии.

⁵ Mourier J. L'archéologie au Caucase. Paris, 1887, стр. 42.

близко примыкает к кладу Бомборской поляны с сидящей там также в кресле мужской обнаженной фигурой, очевидно, супругом принадлежащей к кладу богини матери, то есть по соответствию Аттисом-Сандоном, малоазийским аграрным божеством (San-don ↔ Sar-don || 'h'ar-din), урартским Ардини, месопотамским Таммузом, идеограмма которого AN-TUR-ZI, по принадлежности к богу Ану, созвучна мегрельскому двойнику абхазского Аудаг'a, божеству плодородия (способствующему размножению скота) верховному Ап-даг-и (jini apdagi)¹, хевсурскому Ана-тог-и, в имени которых проф. И. А. Джавахишвили² выделил, именно, шумерский детерминатив бога Ану.

Таким образом, вместе с упомянутой эрмитажной женской фигуркой, относимой к Кобани, эти два изображения показывают, что мотив богини матери вовсе не был чужд, как иногда считают, родовым обществам горного Кавказа, даже в эпоху их значительного разложения, хотя мужской аспект божества плодородия и кажется здесь более обычным. О том же свидетельствует, между прочим, и приведенная П. Чарая³ этимология абхазского слова „бог“ апџа, буквально являющегося мн. числом от „мать“.

Самый состав предметов Бомборского клада, по возрасту примыкающего к казбегскому и включающего в себя изображение мужского божества плодородия (которое оказывается здесь в сочетании с богиней матерью) ритуальные фигурные подвески и золотые изделия, дает указание на определенные социальные черты: на господствующий в это время институт патриархальной семьи, жречество с богатым ритуальным инвентарем, на имущественное расслоение. при возрастающей роли золота, на основе широких торговых сношений прибрежного населения в эпоху, непосредственно предшествующую древней эллинской колонизации Колхиды.

Но и позднее, в последующий период раннего государственного строительства, оказывается возможным видеть дальнейшее переживание на территории восточного Черноморья культа великой женской богини в изображении женской головы, с распущенными волосами, с венчиком на лбу, на местной серебряной колхидской монете V—IV

¹ Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. Материалы по яфетическому языкознанию, VII, СПб. 1914, стр. 194—195.

² Джавахишвили И. А. Цит. соч. (по грузински), История грузинского народа. Том I, стр. 132—133.

³ Чарая И. Об отношении абхазского языка к яфетическим. В: Материалы по яфетическому языкознанию, IV, СПб. 1912, стр. 32—33.

столетия до н. э.¹. Уже самое сочетание этого изображения на колхидке с головой быка или коровы, на ее реверсе, заставляет вспомнить тесную связь целого ряда аспектов женской богини, подобно Изиде-Хатор, Иштари, Деметре Таврополе, наконец Артемиде Таврополе², с коровой, вытесняющей нередко, всецело, на стадии плужного земледелия, более ранние атрибуты у охотничьей богини, которая сама превращается, подобно сванской златоволосой владычицы зверей Dal³, в божество плодородия у грузин⁴, в виде обращения к ней, в потерявшем смысл припеве (в земледельческих и свадебных песнях)—del-io deli, созвучном греко-ионийскому $\delta\epsilon\lambda\lambda\iota\alpha$, от $\delta\epsilon\lambda\lambda\omega$ „цвети“, „проростать“, „изобиловать“, и имени хеттских (КВ^{IV}₁₃)⁵ низших „божеств Telipī“ (откуда и ?elebi в значении „бога“)⁶, а также и хеттского бога растительности Tel + e-pīn + u-š (где pīn по хаттийски, „дитя“, „сын“), сына быка—бога погоды и супруга Иштари (хеттск. Ишхари)⁷, в то время как сближаемое R. Ellis'ом⁸ с этрусским именем Юноны—Θαι-па (этимологически сопоставляемое с тем же $\delta\epsilon\lambda\lambda\omega$)⁹, цова-тушинское и ингушское Dal¹⁰, сохраняет значение высшего божества.

¹ Bartholomaei J. Lettres numismatiques et archéologiques relatives à la Transcaucasie. St. Pt., 1859, стр. 63.

Пахомов Е. Монеты Грузии. В: Зап. Нумизм. Отд. Русс. Арх. Общ., том I, вып. 4, СПб. 1910, стр. 6—8.

Орешников А. В. Обзор Зап. Нум. Отд. И. Р. А. О., т. I. В: Нумизматический Сборник, том I, Москва, 1911, стр. 665.

² Толстой И. В. Остров Белый и Таврика на Евксинском Почте. СПб. 1918 стр. 135.

³ გაბლიანი ვახტანგ. ძველი და ახალი სვანეთი. გაბლიანი Игн. Старая и новая Сванети. Тбилиси, 1925, стр. 40. Цит. по Гулия Д. Божества охоты и охотничий язык у абхазов, Сухуми, 1929, стр. 13.

⁴ Тихая-Церетели М. Г. Женский образ mzedupaqav грузинских сказок. В: Труды Института Языка и Мышления, II; Тристан и Изольда, Ленинград, 1932, стр. 142, прим. 1.

⁵ Kretschmer Paul. Der Name der Lykier und andere Kleinasiatische Völkernamen. В: Kleinasiatische Forschungen, Bd. I. Weimar, 1927, стр. 13.

⁶ Марр Н. Я. и Смирнов Я. И. Вишапы. Ленинград, 1921, стр. 21, с ссылкой на работу Н. Я. Марра. Еще о слове „челеби“. К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии (В: Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., т. XX, стр. 99—150).

⁷ Kretschmer P. Цит. соч., стр. 14.

⁸ Марр Н. Я. Из поездки к европейским яфетидам. Яфетич. сборн., III. М.—Л. 1925, стр. 22, с ссылкой на Ellis'a (см. Ellis R. The Armenian Origin of the Etruscans. London, 1861).

⁹ Kretschmer Paul. Die protoindogermanische Schicht. В: Glotta, Bd. XIV, Göttingen, 1925, стр. 300—319.

Yrseu G. Bibliographie, III. В: Indogerman. Jahrbuch., Bd. XI, 1927, стр. 87—88 автор пытается сблизить Θαιпа также с $\delta\epsilon\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ „море“.

¹⁰ Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей. В: Зап. Коллегии Востоков., т. V, 1920, стр. 746, 745, прим. 4.

Действительно в абхазском пантеоне до последнего времени имелось, наряду с вышеупомянутым собачьим божеством и богиней коз и овец, представление о „матери коров“ ?abgān ,¹ как перевоплощении божества А-удаг (также близко созвучного этрусскому $\alpha\iota\alpha\rho$ —„бог“, по свидетельству Дионисия Галикарнасского), абхазского мужского паредра Иштари (ср. у грузин Esder→Едер в значении сказочной красавицы) Atargatis, то есть ?adag-?ade , Иштарь Аттис². К коровьей богине обращаются с молитвой: „Ты ?abgān , великая доля Ау ?ag'a “. Вместе с тем и абхазская страшная богиня урожая ?ada , согласно яфетической палеонтологии, является одним из аспектов Иштари³. С другой стороны бык или вол, как основной производственный фактор на стадии плужного земледелия, в свою очередь, как известно, занимает особое место в абхазо-сваногрузинском культовом и сказочном фольклоре с древних времен. Достаточно для этого сопоставить, хотя бы, мотив вспахивания Язоном поля на огнедышащих быках в Аргонавтике и в карталинской сказке ?a?o?o?b ?r?o?o?b (Потусторонний мир)⁴, где подобное же задание вспахать тысячедневное поле в один день, с целью погубить героя, выполняется последним, благодаря чудесной помощи красавицы (resp. плодоносящей лунной богини,—Гекаты у Апполона Родосского), на космических быках, ударом хвоста останавливающих солнце. И самый культ священного быка сванского ?ainška qan ,⁵ грузинского „никора“⁶ с ежегодным чудом его появления в храмовые праздники, в качестве жертвы, был еще недавно широко распространен в целом ряде мест Черноморского побережья,—в Черкессии⁷, в Абхазии⁸ и в Западной Грузии. Это все делает вполне вероятным, что чеканные изображения на колхидках закрепляют в себе тот же самый образ местной богини матери, владычицы зверей, ко-

¹ Джанашия Н. С. Религиозные верования абхазов. В: Христ. Восток, том IV, Петроград 1915, стр. 80.

² Smieszek A. und Winiewicz F. Die Kabiren und die chettischen Felsreliefs von Jazyly-Kaya. В: Rocznik Orjentalistyczny, VI, Lwow, стр. 46—47.

³ Марр Н. Я. Иштарь. В: Яфетич. сб., V, Ленинград 1927, стр. 42, 144.

⁴ Разикашвили Ф. Народные сказки, собранные в Карталинии (на груз. яз.), Тбилиси, 1909, стр. 135.

Тихая-Церетели М. Г. Женский образ mzedupaqav грузинских сказок В: Тр. Инст. Яз. и Мышл II, Тристан и Изольда, 1932, стр. 157—158.

⁵ Марр Н. Я. Из поездок в Сванию. Христианский Восток, том II, СПб. 1913, стр. 7.

⁶ Джавахишвили И. А. Цит. соч. (по грузински), История грузинского народа. Том I, стр. 141.

⁷ Люлье Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927, стр. 27.

⁸ Гулия Д. История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925, стр. 160.

торый мы находим в бронзовых изображениях, лишь на более поздней стадии общественного развития, уже в качестве покровительницы города-государства и городской торговли.

Не утерянные еще вполне вышеупомянутые связи этой группы предметов с сирийско-хеттским искусством, естественно ставят вопрос об историко-общественной среде, которая могла обусловить, как развитие, так и территориальные пределы распространения этих форм. Но вскрыть непосредственно саму производственную сущность данного историко-художественного факта, было бы непомерно трудной задачей уже потому, что слишком недостаточно еще установлены во всем конкретном разнообразии хозяйственно-общественные типы в их стадияльных движениях для первобытно-коммунистических обществ Средиземноморья и Переднего Востока. Значительно более можно сказать, хотя-бы в смысле территориальных границ, об исторически оформившихся на их основе этнических единицах с запечатленными в языковых отложениях экономическими связями и идеологическим содержанием.

Мы уже говорили выше, что появление золота и железа в послекобаньских памятниках Грузии совпадает с до-эллино-ионийской экспансией восточного побережья Черного моря, эпохи древнейшего сложения мифов об аргонавтах, гениохах, Прометее, Кабирах и пр. Еще недавно существовавшая реакция против „финикийского миража“ при объяснении многих фактов Средиземноморского и Малоазиатского искусства, вновь сменяется признанием особой роли „финикийских“ художественных форм для истории, как ранне-греческого, так и хеттского искусства. Это влияние обусловлено отнюдь не своеобразием художественного выражения, а, напротив, способностью искусства, объединенного под именем „финикийского“, впитывать и претворять разнородные течения, сохраняя особенно характерную египетскую основу, и широко разносить и прививать эти формы на огромной территории, охваченной торговыми интересами народа-мореплавателя, посредника между Востоком и Западом. Замечательный серебряный сосуд с финикийско-арамейской надписью, в которой читается (в родительном падеже) слово кабир — ‘великий’, вряд ли просто собственное имя¹ в Казбегском кладе, с итифалическими фигурками, не „Кабилов“² ли (?), указывает, что даже Северный Кавказ не остается в стороне от этих культурных течений.

¹ Schlottmann K. Zur semitischen Epigraphik, VII. Persisch-aramäische Inschrift auf der Silberschale von Moskau. B: Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. 33, Leipzig, 1879, стр. 292—293.

² Smieszek A. und Winiewicz K. Die Kabiren und die chettitischen Felsreliefs. B: Rocznik Orientalistyczny, T. VI, Lwow, 1929, стр. 57, 52.

Золотой и бронзовый инвентарь из культового клада Бомборской поляны, близ Гудаут.

Не раз цитированная нами работа Poulsen'a набрасывает картину лишь простого распространения предметов финикийского искусства (металлических сосудов с изображениями, резной слоновой кости, фигурных щитов и пр.) и воздействия его на греческое искусство героической эпохи, т. е. времени сложения Гомеровского эпоса. Но появившаяся недавно книга М. С. Autran'a¹ вскрывает крито-егейскую природу древнего Ханаана, причем Кипру, несомненно более связанному с минойским миром, захватившим по мнению L. Woolley'a² в сферу своего как бы вторичного влияния, если судить по археологическим памятникам (особенно по раскопкам Cl. Schaeffer'a в Угарите) с середины II тысячелетия, Финикию и Сирию, принадлежит в этом искусстве одна из первенствующих ролей. Позднее художественные формы, создавшиеся в условиях широкого обмена азиатических и эгейских течений, продолжали переживать себя в ориентализирующем греко-ионском искусстве, которое, повидимому, является непосредственным заместителем «финикийского» в его исторической роли на территории Восточного Средиземноморья.

В самом этническом названии хананеян-финикиан уже заключена, по мнению Н. Я. Марра, эта тесная связь, так как название финикиян *Ḫan-ik—Rip-ik*³ лишь, вариант, термина *uop*⁴ первоначально *Ḫa Foue*⁴, который узнается также в греческом осмысляющем имени древнейшего населения Колхиды гениохов и продолжает жить в этнических названиях сванов (шонов), чанов, а также удинов древних этиунов и даже *hay*'ев, первоначально (согласно звуковому соответствию *hair—Vater, hing—fünf, hart*—*παλλαξ*), *rai*'ев в яфетическом слове армян.⁵

Видимо в этом историческом пласте, входящем также в гибридное образование колхов, надо искать хозяйственно-общественную среду для образования после-кобаньской культуры, характеризующейся преобладанием железных орудий и оружия, появлением золота и культовыми антропоморфными фигурками парного божества плодородия, типа Астарты-Аттиса, в виде ритуальных привесок, как в кладе Бомборской поляны, в Казбекском кладе, и в синхроничных с ними находках.

¹ Autran M. S. Phéniciens. Essai de contribution à l'histoire antique de la Méditerranée. Paris, 1920. Цит. по Weill Raymond. Phéniciens, égéens, et hellènes dans la Méditerranée primitive B. Syria, t. II, 1921, стр. 120, 123.

² Woolley Leonard. La Phénicie et les peuples égéens. B: Syria, t. II, 1921, стр. 177—194.

³ Марр Н. Я. Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении. В: Изв. ГАИМК, т. II, стр. 264—265.

⁴ Marr N. Quelques termes d'architecture désignant 'voute' ou 'arc'. В: Яфетический сборник. II, Петроград, 1923, стр. 166.

⁵ Hommel Fritz. Ethnologie und Geographie des Alten Orients. München, 1926, стр. 31.

⁶ Марр Н. Я. Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян. В: Зап. Вост. Огд. Русск. Арх. Общ., т. XXV, Петербург, 1921, стр. 237 сл. 17. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

III. ДОЛЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА АБХАЗИИ

1. Некоторые замечания в связи с открытием дольменов в Абхазии

Третьим объектом работы экспедиции были дольмены в поселке Кюр-Дере, принадлежащем к обширному и разбросанному селению Верхнее Эшери, километрах в 5—6 от местонахождения рассмотренных нами памятников античной и колхидско-кобаньской эпохи. Именно территориальная близость этих двух районов особенно благоприятствовала поставленной нами задаче получить материал, который был бы способен осветить различные моменты одного исторического процесса, минуя территориальные вариации. В этом случае не только облегчалось установление относительного возраста могильных памятников, но и самый вопрос генезиса отдельных форм получал более прочную основу, особенно если учесть природно-исторические черты Кавказа с его крайне сложными условиями изоляции и консервирования хозяйственных реликтов, при общей его роли быть не только барьером, но и проводником культурных течений между Европой и Передней Азией.

Группа эшерских дольменов является последней из открытых на территории Абхазии, которая вообще, всего лишь недавно оказалась включенной в область распространения этого своеобразного исторического памятника. П. С. Уварова¹ писала, что в Абхазии о дольменах не слыхали и народ не имеет о них никаких представлений. Еще в 1927 г. А. А. Спицын² проводил южную границу распространения дольменов по Черноморскому побережью там, где она была отмечена А. А. Миллером в 1909 г. близ Гагр³; но уже в это время и несколько раньше на Кавказе появились новые данные об абхазских дольменах⁴.

¹ Уварова П. С. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах. В: Мат. по Арх. Кавказа, вып. IX, Москва, 1904, стр. 175.

² Спицын А. А. Дольмены на Кавказе. Доклад в ГАИМК 12/XI 1927 г. (не напечатан).

³ Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. В: Изв. Арх. Ком., вып. 33, СПб. 1904, стр. 83. Его же. Записка о дольменах. В: Bull du Musée de Géorgie, t. II. Tiflis, 1925, стр. 22-27.

⁴ Лунин В. В. Археологические исследования на Черноморском побережье. В: Бюллетень Сев. Кав. Бюро Краеведения, в Ростов на Дону, 1926, № 3-4, май-июнь стр. 37.

Фасад дольмена у Амткельского озера в Цебельдинском районе.

Первым таким открытием была вышедшая в 1926 г. статья В. И. Стражева¹ „К Азантскому дольмену“. Один из трех азантских дольменов, расположенных глубоко в горах в долине реки Амтел, притока Кодора, километрах в 30 от берега моря по прямому пути, наилучше внешне сохранившийся, оказался принадлежащим к самым высоким дольменам Черноморья (табл. XXV). Эта группа дольменов до сих пор еще не раскопана². В том же году была обнаружена и вторая группа абхазских дольменов в селении Ачандара на участке крестьянина Ивана Чомогуа километрах в 10 от морского берега. Все пять дольменов, осмотренные В. И. Стражевым, сохранились лишь в полуразрушенном виде и также еще до настоящего времени не исследованы. Наконец в 1930 году была обнаружена и обследована М. М. Иващенко и Г. П. Барачем замечательная группа дольменов в Верхнем Эшери в поселке Кюр-Дере. Отсюда был получен и первый значительный бронзовый инвентарь³.

Открытие абхазских дольменов значительно изменяет представление о территории распространения дольменов в Восточном Черноморьи, тем более, что абхазские дольмены не только не уступают по величине Кубанским, но, как и другие, расположенные ближе к берегу Черного моря, превышают их по своим размерам. Картина распространения западно-кавказских дольменов рисуется в настоящее время в следующем виде. Дольмены занимают оба склона главного водораздельного хребта в его западной трети, не доходя до Нахарского перевала. Они располагаются, с одной стороны, по верхним долинам левых притоков Кубани, образуя здесь два главные района: а) между рекой Абина и рекой Афипса⁴ и б) между реками Фарсом и Лабой; с другой стороны, по Черноморскому побережью⁵ вдоль Новороссийско-Сухумского шоссе, с особенно густым расположением их в районе р. Пшады, большею частью на возвышенных террасах,

¹ Стражев В. И. К Азантскому дольмену. В: Изв. Абх. Науч. О-ва, вып. IV, Сухум, 1926, стр. 125—127.

² Только в 1946 году мы произвели раскопку двух амтелских дольменов (материал еще не издан).

³ Ivaščenko M. M. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens. В: Eur. Sept. Antiqua VII, Helsinki, 1932, стр. 98-103, рис. 1—19.

⁴ Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены. В: Мат. по Арх. Кавказа т. IX, 1904, стр. 127.

⁵ Уварова П. С. Цит. соч., МАК IX, стр. 170—175.

Сорохтин Г. Дольмены Черноморской губ. и Кубанской области. В: Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного Клуба, Одесса, 1915 (с. двумя табл. фотографий) стр. 90—104.

Лунин Борис. Дольмены Черноморья. Ростов на Дону, 1924 (перефразировка части предыдущей статьи; обмер и новая фотография геленджикского дольмена)

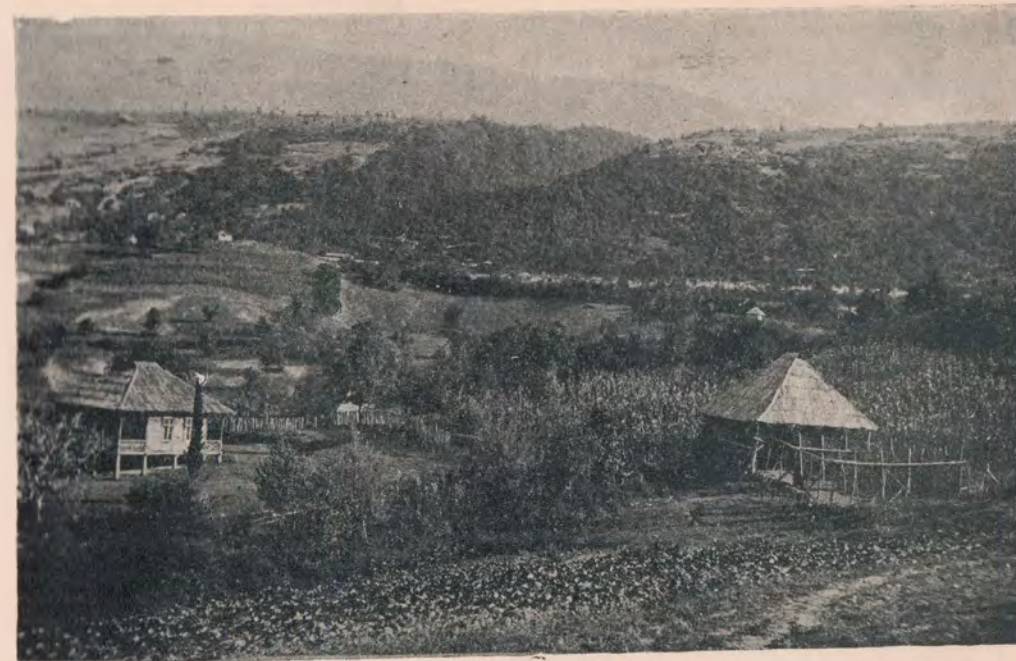
на склонах и гребнях небольших водораздельных хребтов, образованных размытыми третичными и частью верхне-меловыми отложениями, почти всегда не ближе 2—5 километров от берега моря. Восточной границей распространения дольменов на северном склоне является р. Большая Лаба, а по черноморскому склону,—река Кодор, хотя не исключена возможность, что в этой части дольмены будут еще обнаружены и несколько далее на юго-восток. В частности имеется непроверенное пока указание, что один дольмен находится в селении Бедия, выше Бедийского храма к северо-востоку от Очемчир.

Черноморские дольмены менее многочисленные, чем кубанские, отличаются зато, как выше сказано, наиболее крупными размерами. Напротив самыми мелкими, в общем, являются дольмены в районе р. Большой Лабы, т. е. в области наиболее густого их скопления¹. На территории Гагр и далее в Абхазии число известных дольменов не велико. Эшерская группа оказывается наиболее многочисленной из абхазских. Расположена она у верховьев речки Шиц-Квара на одной из южных террас водораздельного отрога бокового хребта, (табл. XXVIa) образованного эрозионной работой этой речки и правого притока р. Западной Гумисты, в основной своей части на участке крестьянина Карапета Акопяна.

Осмотр этой группы дольменов обнаружил, что большая часть дольменов, в сущности, все наиболее хорошо сохранившиеся—расположены по одной горизонтальной прямой на протяжении около 100 метров поперек склона террасы, имеющей направление с ЗСЗ на ВЮВ. У одного конца этого ряда имеется еще два разрушенных дольмена (рис. 56). Возможно, что это начало другого не сохранившегося ряда; в таком случае в конце усадьбы к нему можно было бы отнести еще два совсем разрушенных дольмена. Но скорее здесь надо видеть искривление линии расположения дольменов в зависимости от рельефа местности, которая вообще нередко определяет расположение дольменов. Самый западный дольмен всей группы замечен вне усадьбы Акопяна по дороге, подводящей к ней слева. Он разрушен и плиты его едва выступают из под земли. От него на расстоянии около 10 метров к ВЮВ находится второй дольмен этого ряда. От этого дольмена сохранились только две выступающие из под земли боковые плиты, ребра которых находятся на расстоянии 2,8 метра друг от друга, что свидетельствует о крупном размере этого дольмена. Отсюда прямо на восток в 60 метрах выступает третий дольмен, с которого начинается указанный поворот на ВЮВ прямого ряда из пяти более или менее сохра-

¹ Фелицын Е. Д. Цит. соч. стр. 18

Сысоев В. М. Археологическая экспедиция по Закубанью, там же, стр. 140

Общий вид на террасу, где расположена группа дольменов поселка Кюр-Дере, и освобожденная от земли покровная плита дольмена I.

нившихся дольменов. Все эти пять дольменов, вследствие расположения по склону террасы, покрыты с тыльной стороны, обращенной к склону, делювиальным наносом, не только закрывающим совсем задние стечки дольменов, но и покрывающие сверху покровный камень и боковые стены, так что открытым остается, собственно, только передний фасад и то обыкновенно заваленный землей выше дольменного отверстия (табл. XXVIб). В одном случае дольмен да-

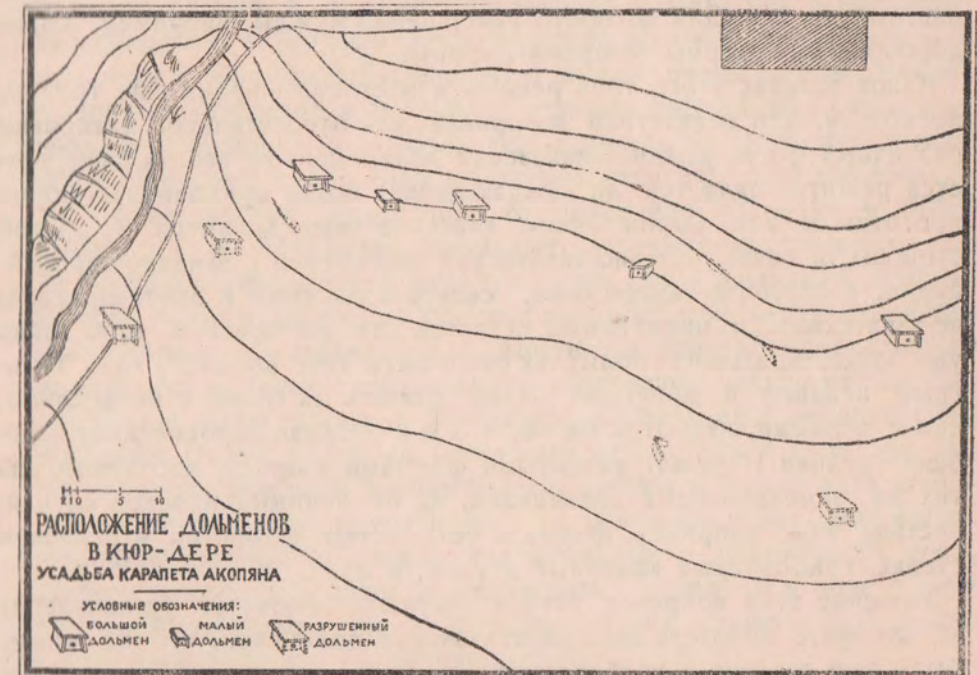

Рис. 56. План расположения дольменов по склону в Кюр-Дере.

же оказался целиком скрытым под землей. Этим и объясняется невозможность, впредь до наружной расчистки, дать сколько нибудь выразительную фотографию этих дольменов, несмотря на крупные их размеры.

Все эти дольмены принадлежат к одному основному типу дольменов, составленных из пяти целых каменных плит, хорошо пригнанных друг к другу. В одном случае, повидимому, имеется еще шестая плита служащая полом дольмена, как это можно утверждать и в отношении большого азантского дольмена.

Характерным являются: трапецевидный план с широкой передней и более узкой задней стенкой, сравнительно тщательная обработка поверхности и краев плит, искусственные пазы в обеих боковых

плитах для укрепления передней и задней стенок, покатость передней плиты спереди назад, обусловленная большей высотой передней стенки дольмена, сравнительно с задней, наконец, обязательное круглое, слегка овальной формы, отверстие по средней линии передней плиты в нижней ее части, закладывавшееся первоначально особой каменной втулкой. Все эти хорошо выраженные здесь особенности, вообще, характеризуют главную массу западно-кавказских дольменов-цист, представляя, повидимому, наиболее установившийся местный их тип, для которого совершенно чужды, например, коридорообразные формы северной Европы.

Каков генезис этого типа решить в настоящее время еще трудно, поскольку, при отсутствии материала для относительной датировки различных форм западно-кавказских дольменов, не всегда даже удается решить, является ли каждая данная более примитивная форма прототипом или вырождением классического дольмена. С другой стороны, и связь западно-кавказских дольменов с западно-европейскими, и восточно-кавказскими, северо-иранскими и другими передне-азиатскими и индийскими остается так же неясной (при давно уже существовавших попытках разрешить этот вопрос)¹, хотя Тальгрэн² недавно и пробовал снова связать их более с последними, чем с первыми, несмотря на то, что и с западно-европейскими (особенно района Парижа) развитыми формами имеется, несомненно, ряд тех же замечательных совпадений, не объяснимых простой случайностью, как, например, форма и устройство отверстия в передней стенке, грибовидные каменные втулки³ и пр.

Решение этих вопросов зависит, прежде всего, от установления абсолютного возраста западно-кавказских дольменов, что не может быть еще сделано с необходимой для этого точностью, т. к. абхазские дольмены являются пока еще почти единственными, если не считать двух двойных погребенных в курганах дольменов станицы Новосвободной (бывшей Царской), дающими более или менее определенный для этого погребальный инвентарь. Вместе с тем еще более неясными, в смысле возраста, остаются дольмены передне-азиатские, а также индийские и северно-африканские. Иранские дольмены, наименее изученные, заходят, повидимому, в юго-восточное За-

¹ Уваров А. С. Мегалитические памятники в России. В: Древности т. VII, Москва, 1878, стр. 249—255.

² Tallgren A. M. Dolmens of North Caucasia. B: Antiquity. A Quaterly Review, of Archaeology, vol. VII, N 26, London, 1933, стр. 200.

³ Mortillet (de). Gabr. et Adr. Musée Préhistorique. Paris, 1881, tabl. LVII, рис. 554.

Déchelette Joseph. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine. Vol. I, Paris, 1908, стр. 421—424, 389.

кавказье, где в Ленкоранском районе они зарегистрированы в виде сооружений из пяти камней с круглым отверстием в передней стенке. J. de Morgan считает их, как например дольмен в Джонни¹, вторичной фазой развития прикаспийских дольменов². В Ленкоране встречены и двухэтажные дольмены из 10 огромных плит³.

Лучше изученные, хотя бы в смысле внешней регистрации, сирийские дольмены, как-будто сильно отличаются от западно-кавказских. Они, или сложены из грубых совершенно непригнанных друг к другу обломков скал и не имеют правильной формы, как и большинство алжирских, датируемых неолитической эпохой⁴, или же, как напр., дольмены в Алла-Сафат (Палестина) имеют очень малые размеры⁵, квадратное отверстие в передних северных стенках, или наконец как⁶ напр., в Коссейре (Сирия) получают характер дольменообразных галлерей с круглым отверстием в боковых стенках⁶. Что касается возраста палестинских дольменов, то последние раскопки в Teleilat Ghassul в 1929—1932 годах позволяют, повидимому, установить сходство местной „дольменной культуры“, по типам керамики, каменных топоров и меднобронзовых плоских топоров⁷ с мегалитической культурой Европы, настолько, что А. Mallon высказывает предположение: не являются ли кавказские дольмены связующим членом между европейскими и палестинскими. Но вопрос, видимо, еще сложнее. Среди дольменов Индии, дольмены с круглым отверстием в передних стенках являются наиболее характерными; притом и форма этих дольменов, с далеко выдающимися вперед за переднюю стенку, под навесом покровной плиты, боковыми стенками, часто оказывается весьма близкой кавказскому типу. К сожалению исследованы они с недостаточной тщательностью: не отделены в них вторичные погребения с железным оружием от первичных⁸.

Это все лишает возможности устанавливать преемственность в развитии дольменных типов на обширной территории их распрост-

¹ Morgan Jacques (de) Mission scientifique en Perse, t. IV, Paris, 1896, рис. 48.
² Morgan Jacques (de). Le préhistoire orientale, t. III. Paris, 1927, стр. 191.

³ Азимбеков И. (Meddah). Древности Ленкоранского края (Археол. путевой дневник). В: Изв. Азербейдж. Арх. Комитета, вып. 2, Баку, 1926, стр. 75, 76.

⁴ Montelius, O. Orient und Europa. Stockholm, 1899, стр. 14.

⁵ Mortillet, Gabr. et Adr. Musée préhistorique, Paris, 1884, tabl. LVII, рис. 556.

Уваров А. С. Мегалитические памятники в России. В: Древности Моск. Арх. О-ва т. VII, Москва, 1878, стр. 280.

⁶ Montelius, O. Цит. соч., стр. 156.

⁷ Mallon Alex. Koeppe Rob., Neuville René. Teleilat Ghassul, I. Compte rendu des fouilles de l'institut biblique pontifical 1929 — 1933. Rome, 1934, pl. 34 a, b, стр. 155 сл.

⁸ Déchelette Joseph. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, vol. I, Paris, 1908, стр. 413.

ранения. Если возникновение дольменов, как сложенных из камней суррогатов пещерных гробниц¹, могло быть независимым в различных местах, то несомненным оказывается и широкий процесс скрепления, захватывающий отдаленные районы, втянутые в общий процесс хозяйственного развития, хотя бы на основе торговли и обмена металлом. В данном случае характерным является тяготение всех районов распространения дольменов к приморским областям (южная Скандинавия, Ирландия, Западная Британия, Голландия, Северная Германия, Западная Франция, Португалия, Алжир), за исключением может быть Греции, и отсутствие их во внутренних частях материка, безразлично горных, предгорных, или равнинных. Это последнее обстоятельство особенно резко подчеркивает невозможность ограничиваться в суждениях о происхождении дольменов только моментами стациональной психологии, как это отчасти делал Mortillet.

Но еще более спорной приходится считать теорию об африканском происхождении дольменов, вновь остроумно разработанную Elliot Smith², который доказывает, что источниками европейских и азиатских дольменов являются древне-египетские кирпичные погребальные камеры, четырехугольного плана с плоской крышей, наклонными стенами и склепом над колодезным погребением, так называемые мастабы, идея которых была вынесена и распространена искателями драгоценных металлов. Действительно порой некоторые детали строения и использования дольменов сблизняют усмотреть подобное родство, даже и на материале кавказских дольменов, где помимо двухэтажных дольменов (в Азербайджане), мы имеем среди кубанских дольменов случаи выделения, например, наряду с погребальной, еще особой камеры, не предназначенной для погребения, как в курганных дольменах станицы Нововосвободной (б. Царской)³, или же использования самой дольменной постройки в качестве надгробного сооружения с помещением самого погребения под полом дольмена⁴. Из внешне-формальных признаков мастабы возможно также указать некоторые, присущие дольменам, например, наличие среди обычных вертикального положения стеновых плит, случаев, хорошо выраженных в западно-кавказских дольменах, и наклонно внутрь поставленных боковых стен (подобно знаменитому гигантскому дольмену Баньо

близ Сомюра во Франции)¹, опирающихся на трапецевидно оформленные (узкой стороной вверх) передние и задние плиты дольмена, как в ряде пшадских дольменов у станицы Береговой² и пр.

Однако, несмотря на это, теория Элиота Смита об египетском происхождении дольменов в предложенном им виде совсем неприемлема. Она не только вносит одностороннее миграционное объяснение в сложный вопрос идеологического и расового оформления, но и не согласуется в достаточной мере с хронологией европейских дольменов и их действительных аналогов в Верхнем Египте, единично сохранившихся дольменов близ Эдфу, в долине Нила³, во всяком случае свидетельствующих своим наличием, что, если и вести европейские дольмены из Африки, собственно мастаба остается в стороне.

Надо сказать, что основной ошибкой большинства теорий о происхождении дольменов, тем более мегалитических сооружений, вообще, является, мне кажется, недостаточно ясное расчленение самого объекта исследования, в который включаются совершенно различные представления или отвлеченно-технологического, или отвлеченно-идеологического порядка, в то время, как вопрос требует конкретного исторического разрешения, исходя из определенных, прежде всего, хронологически и стадийно выявленных типов, чего в сущности, за исключением европейских, главным образом, северно-европейских и пиренейских дольменообразных погребений, еще совершенно не сделано, так, что, например, северно-африканские дольмены, также как индийские, да и кубанские часто продолжают относить, судя по вторичным в них погребениям, к железному веку. Поэтому нашей

¹ Déchelette Joseph. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, I, Paris, 1908, стр. 397, рис. 140.

² Материалы по Археологии Кавказа, вып. IX, Москва, 1904, табл. VII₁₆; IX₁₇, XII₂₆. Изображение большого пшадского дольмена с наклонными стенами при прямоугольной передней плите, и с образующимся, таким образом, просветом в камеру дольмена, которое приводит по гравюре Джамса Бэлла Ф. Байэрн (О древних сооружениях на Кавказе. В: Сборник сведений о Кавказе, т. II. Тифлис, 1871, стр. 303), видимо плод некоторого недоразумения, выванного тем, что при оформлении гравюры с рисунка Бэлла (Bell James Stanis. Journal of a Residence in Circassia during the years 1837 — 1839, vol. I, London, 1840, стр. 154) за боковые стены дольмена были, видимо, приняты подпорные камни, характерные для некоторых крупных Черноморских дольменов (ср. напр. дольмен в 6 км. от Геледжика на фотографии у Б. Лунина в популярной книжечке: Дольмены Черноморья. Ростов на Дону, 1924), а вертикальные стены опущены.

³ Morgan J (de). Recherches sur les origines de l'Egypte. L'âge de la pierre et les métaux. Paris, 1896, стр. 239, рис. 59.

⁴ Capart Jean. On the "Libyan Notes" of Messrs. Raudall-Mac Iver and Wilkin. B: Man, London, 1901, стр. 86—88.

¹ Обермайер Г. Доисторический человек. Петроград, 1914, стр. 583—584.

² Smith Elliot. The evolution of the rock cut tomb and dolmen. B: Essays and studies, presented to Sir William Ridgeway. Изд. по Child G. The dawn of European civilisation. London 1927, стр. 131—132.

³ Отчет арх. ком. за 1898 г., СПб, 1901, стр. 3—18, рис. 48, 53—55.

⁴ Фелицын Е. ... Западно-Кавказские дольмены. В: Материалы по Археологии Кавказа, вып. IX, Москва, 1904, стр. 26.

Задачей сейчас, при изучении западно-кавказских дольменов, и должно быть прежде всего установление погребального инвентаря, современного постройке различных типов дольменов; и уже, исходя отсюда, их хронологическая классификация. Только это позволит решить вопрос о направлениях культурных воздействий, вовсе не оставшихся во все времена идущими с одной стороны, но в длительном ходе истории могущих менять свой знак и на противоположный, в зависимости от расцвета одних и угасания других культурных центров.

При общем типе эшерских дольменов в них замечаются все-таки различия, как в величине, так и в тщательности постройки, а также, повидимому, и в характере погребального инвентаря. Кроме того и ориентировка этих дольменов одного ряда не была целиком однородной: один из дольменов № IV оказался обращенным передней стороной, т. е. плитой с отверстием на юго-запад в то время, как все остальные направлены фасадом почти точно на юго-восток. Это явление остается пока совершенно необъяснимым, т. к. не диктуется стратиграфией местности, не связано с особенностями дольменного инвентаря и строением самого дольмена, ни в чем принципиально не отступающего от остальных.

Первый из сохранившихся дольменов, с которого начинается, после поворота, прямой их ряд, отличается наибольшей величиной и тщательностью обработки плит. Вследствии того, что дольмен снаружи наполовину скрыт в земле (табл. XXVIб), он обмерен, пока лишь, главным образом, в его внутренней полости, куда возможно теперь проникнуть через имеющуюся в западном углу передней стенки вертикальную пробоину, судя по краям вылома, достаточно древнюю. Передняя плита, измеренная в верхней ее части, имеет ширину в 2,93 метра. Она тонка (всего около 20—21 см) и хорошо сравнительно обтесана. Наибольший (горизонтальный) диаметр овального отверстия достигает 42 см. Обе боковые плиты более чем вдвое толще передней. Они также хорошо обтесаны по внутренней своей поверхности, которая представляет собою совершенно правильную плоскость у обеих плит (табл. XXVIIa). Стоят плиты совершенно вертикально. Внутренние пазы на них, для укрепления передней и задней плиты, сделаны весьма тщательно и представляют собою прямолинейные желоба в 11 см. ширины с округлым, как бы зашлифованным дном (табл. XXVIIб). Вертикальные края передней и задней плиты соответственно обработаны, чтобы плотно войти в пазы. Передние пазы находятся на расстоянии 40 см от края, так что с фасада обе боковые плиты образуют соответственные выступы за переднюю плиту. Так как длина боковых плит, измеренная изнутри, между передними и задними пазами равна 2,9 метра, то, если пола-

гать, что и задние пазы находятся на таком же расстоянии от края, как и передние, можно предположительно считать полную длину плит $2,9 + (0,4 \times 2)$, т. е. 3,7 м. Форма боковых плит не является прямоугольной. Верхний их край имеет наклон назад, достигающий 8°. Это дает разницу в высоте переднего и заднего их края около 50 см. Передняя же плита, имеющая 2,1 метра высоты выше задней на 40 см.

Таким образом, покровная плита, плотно положенная сверху имеет резко выраженный наклон назад. Точный ее размер без раскопки получить не удалось, но судя по тому, что она выступает над боковыми стенками сантиметров на 70, а над передней сантиметров на 40, можно приблизительно определить ее ширину около $2,93 + 2(0,46 + 0,7) = 5,25$ метра, а сзади $2,53 + 2(0,46 + 0,7) = 4,85$ метра. Длину же плиты спереди назад в соответствии с длиной боковых плит можно считать равной 3,7 метра. Это дает площадь 18,685 кв. м и объем при средней ее толщине 0,5 метра—около 9,342 кубометра, что позволяет определить и ее вес, поскольку взятый образчик известняка дает удельный вес 2,4, в 22420 килограмм т. е. около 22 с половиной тонн. Необходимы особые механические приспособления и умело организованный коллективный труд для того, чтобы доставить и наложить сверху на стены подобный камень, т. к., если считать при поднятии на человека даже по 10 пудов, требовалось бы около 150 человек, которых невозможно разместить непосредственно у камня с периметром 17,5 метра. Надо предполагать, что главнейшими приемами и орудиями этой работы должны были быть подобные тем, какие употреблялись в Египте при установке и переноске обелисков: рычаги, катки из круглых бревен и, возможно, еще система ступенчатых откосов¹. Во всяком случае количество труда для установки одного такого дольмена требовалось огромное и поскольку общество в эту пору дольменных могил могло быть только безклассовым, надо предполагать существование крепкой коллективной сплоченности, несколько еще не поколебленной. Повидимому каждый дольмен надо рассматривать, как семейно-родовую гробницу, воздвигаемую представителям отдельных родовых единиц, входящих в состав более крупного объединения. В таком случае возможно, что крупный размер и совершенство работы отдельных дольменов придется отнести за счет более богатого и влиятельного рода, может быть выделяющегося уже в особую родовую аристократию.

Описываемый дольмен является вообще одним из самых крупных дольменов всего Западного Кавказа. Сравнивая его величину с наи-

¹ Déchelette J. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, vol. I. Paris, 1908 стр. 387—388.

Шуази О. История архитектуры. Том I. Москва, 1910, стр. 6.

более крупными известными колоссами, мы увидим, что он не только не уступает, но и превосходит их в некоторых отношениях своими размерами. К сожалению мы не имеем полных обмеров крупнейших кавказских дольменов, но и имеющиеся в нашем распоряжении цифры в достаточной мере иллюстрируют этот факт. Так, по ширине фасада дольмена, именно передней плиты, на первом месте стоит эшерский дольмен,—293 см., за ним следует дольмен с Зацепиной Поляны, Баговской станицы,—288 см.¹, затем Джубгский—284 см. (около 4-х аршин)² и Шабсугский—266 см. (3 арш. 12 вершков)³. Последний, зато, отличается наибольшей длиной: его левая боковая плита имела 460 см. длины; за ним следует Джубгский в 390 см. и, наконец, 1-ый эшерский в 370 см. По площади дна первое место занимает эшерский дольмен с площадью 7,7 кв. метров. Площадь Джубгского дольмена только 6,75 кв. метров. По величине покровной плиты, достигающей у 1-го эшерского дольмена, как мы видели, площади 18,68 кв. метров, он занимает опять-таки первое место.

К сожалению этот дольмен незадолго до его открытия был раскопан хозяином участка, искавшим в нем клад. Поэтому восстановить вполне находившийся в нем погребальный инвентарь и картину коллективного погребения является уже невозможным. Однако и те предметы из этого дольмена, которые удалось собрать в 1930 г. М. М. Иващенко у крестьян, дают совершенно новый в своем роде материал. Характерным является состав инвентаря, заключающего в себе исключительно предметы украшения: фрагменты булавок особого типа, прекрасным образцом которого является булавка (рис. 57) из сел. Ачандара (вероятно из разрушенного дольмена) в коллекции А. Л. Лукина, именно, с крупными куполообразными головками, массивными и треугольно прорезными полами, с простой иглой или же украшенной крестовидными выступами в середине; крупные скарабеевидные, полые, но с массивными стенками пронизки, с 2—4-мя треугольными прорезами на нижней основной плоскости; овально свернутые спирально в полтора оборота височные кольца с утолщенными концами; трубочки пронизки из спирально

¹ Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены. В: Матер. по Археол. Кавказа, вып. IX. Москва, 1904, стр. 18 (ср. стр. 61 дольмены № 17 и 9).

² Сизов В. Восточное побережье Черного моря. В: Матер. по Арх. Кавказа вып. II. Москва, 1889, стр. 4, рис. 1, табл. 1 (масштабный план дольмена)

Уварова П. С. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах. В: Матер. по Арх. Кавказа, вып. IX. Москва 1904, стр. 171—172.

³ Сысоев В. М. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г. Там же, стр. 92—93 и 30.

Детали внутренней камеры дольмена I: угол потолка и желобчатый паз в боковой плите.

свернутых лентообразных полосок; крупные до 2 см. и мелкие медные бусы, боченкообразные, биконические и округло-массивно-кольцевидные; наконец пара птицеобразных застёжек с широкими треугольными хвостиками, круглыми большими поперечными отверстиями в

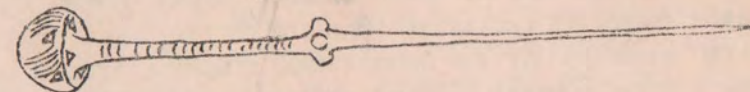

Рис. 57. Бронзовая булавка с куполообразной прорезной головкой из сел. Ачандара.

туловище и головками с двумя ушками, явно одного типа с так называемыми кобаньскими уточками¹, которые, по наблюдению Антоновича², служили якобы частями браслета.

Никаких орудий или оружия в представленном инвентаре из этого дольмена не оказалось, но зато мы его имеем из другого эшерского дольмена, заключающего в себе инвентарь, в целом ряде случаев совпадающий с выше указанным. Этот материал дает крайний пятый из целых дольменов этого ряда. По своим размерам и тщательности постройки он близко подходит к первому дольмену и явно принадлежит, как показывает, следовательно, и инвентарь, к тому же времени и типу. Он также сзади, сверху и с боков занесен землей. Покровная плита его разбита и провалилась внутрь дольмена, затрудняя вход в него (табл. XXIXa). Поэтому измерить удалось только его фасад, собственно только переднюю плиту, которая достигает в верхней части 3 метра ширины, 1,5 метра высоты, считая от верхнего края отверстия, что превышает на несколько сантиметров соответствующее расстояние в первом дольмене и вообще является наибольшим из всех известных западно-кавказских дольменов.

В правом переднем т. е. восточном углу этого дольмена М. М. Иващенко прорыл в 1930 году яму до дна. Среди беспорядочного скопления костей ему удалось различить несколько фрагментированных черепов, при одном из которых в самом углу был найден узкий, слегка расширяющийся к лезвию, медный топор с круглым отверстием в самом конце обуха (табл. XXX₁). Топор имеет

¹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. В: Матер. Археол. Кавк., т. VIII. Москва, 1900, табл. XXXV₂, стр. 58.

² Антонович В. Б. Дневник раскопок веденных на Кавказе осенью 1879 года. В: Протоколы Предварительного Комитета. Пятый Археолог. Съезд в Тифлисе. Москва, 1879, стр. 243.

14,5 см. длины и 2,8 см. ширины в средней и задней части и 4 см. у лезвия. Диаметр отверстия достигает 2,4 см. Здесь же поблизости находились два листовидных медных клинка: один больший с длинным, узким шипом, другой—меньший с недифференцированным шипом в виде плоского, суженного и оттянутого основания лезвия, получающего в целом, как бы ромбовидную форму (табл. XXX₂₋₃). Первый клинок имеет 18 см. длины (вместе со стержнем, который достигает 5 см. длины) и 3,2 см. наибольшей ширины, второй имеет 13 см. длины и 2 см. ширины. Кроме этого здесь же были найдены две тонкие медные пластинки от фрагментированных медных клинков и длинный брусочек с отверстием для ношения при себе. Из украшений здесь оказались три колечка-обоймочки овальной формы (табл. XXX₆) (подобные были найдены и в первом дольмене), одно с круглым и два с овальным сечением обода, длиной 1,5 см., шириной 1,2 см.; две скарабеевидные пронизи, тождественные найденным в первом дольмене, пара таких же, как там, в полтора оборота спирально свернутых височных кольца (табл. XXX_{4, 7}); боченкообразные, крупные, медные бусы (табл. XXX₉); наконец, птицеобразная застежка с широким поперек растянутым хвостиком, совершенно такого же типа, как в первом дольмене, только увенчанная в данном случае бараньей головкой с закрученными рожками (табл. XXX₈). Совершенно новым предметом здесь является небольшое медное навершие, в виде втулки с круглым отверстием в 0,8 см. в диаметре, снабженное тремя бараньими головками (табл. XXX₅), очень близкое по форме найденному в Северной Осетии в ауле Нижняя Рутха¹.

Весь этот инвентарь обоих дольменов при явной глубокой архаичности, особенно, в форме клинков и топоров с круглыми отверстиями для насадки, обнаруживает загадочное соприкосновение по целому ряду составляющих его предметов со значительно более молодой кобаньской культурой и, как выше мной указывалось, даже с ее еще более поздними дериватами. Сюда можно отнести спиральные бронзовые трубчатые пронизки, овальные кольца (см. Казбек) и булавки со сферическими головками, также закавказского типа, отсутствующие на Северном Кавказе, спирально свернутые височные подвески, птицеобразные застежки с поперечными отверстиями, наконец навершие с бараньими головками. Это же можно сказать и относительно боченкообразных и биконических медных бус, хотя последние имеют на Кавказе древнюю традицию, восходящую к очень

¹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. В: Мат. Арх. Кавк. т. VIII, табл. LXXXIV, стр. 251.

близким нашим образцам из Ульского большого кургана¹ со статуэтками древнекиклядского типа. Все эти предметы, являясь прототипами кобаньских, указывают на несомненно тесную преемственную связь между строителями дольменов и тем населением, которое позднее развивало кобаньскую культуру, видимо уходящую, во всяком случае одним из своих корней, на северо-восточное Черноморское побережье. Для решения вопроса о зависимости кобаньской культуры от дольменной, конечно, еще слишком мало имеется материала, тем более, что еще совершенно остается неуясненным насколько весь рассмотренный нами дольменный инвентарь одинаково тесно связан со строительством дольменов и насколько этот последний обычай, практикуемый на определенной территории, так погребать покойника, отражает в себе хозяйственно-общественное или племенное единство даже в пределах Западного Кавказа.

Скорее можно уже теперь с уверенностью утверждать, что инвентарь абхазских дольменов, собственно не представляет собою ничего существенно нового и почти во всем своем комплексе хорошо известен, как могильный инвентарь, с территории, где дольмены никогда не были зафиксированы. Я имею в виду характерную культуру отличную от Кобани, из аулов Кумбулта, Рутха, Архон и др. в Северной Осетии, а также в Сачхере в Имеретии, которую самым непонятным образом, по какому то недоразумению, с легкой руки Е. Шантра и П. С. Уваровой относят чуть ли не к византийскому и в лучшем случае к послекобаньскому времени. Находки в абхазских дольменах дают м. б. впервые до известной степени твердую опору для выделения докобаньского нижнего слоя из безнадежно спутанного старыми исследователями инвентаря древнейших и позднейших (с византийскими монетами) погребений в этих классических могильниках Северного Кавказа. Только полный пересмотр этой общепринятой и до сих пор еще никем не отвергнутой хронологии, позволит подойти к правильному пониманию генезиса бронзовой культуры Кавказа. В этом отношении изучение Абхазских и прочих Закавказских дольменов, а также и других могильников с указанного типа инвентарем, не только должно восполнить существующий пробел и выявить до сих пор потерянный и отрицавшийся для Кавказа древнейший период в истории развития местной металлической индустрии, но и разъяснить источники ее образования. Но пока остается еще недостаточно выявленной относительная хронология

¹ Веселовский Н. И. Алебастровые и глиняные статуэтки до-микенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. В: Изв. Арх. Ком., вып. 35, СПб, 1910, стр. 3, рис. 2.

самых дольменных типов с заключающимся в них погребальным инвентарем и генезис этого инвентаря, трудно что либо сказать и об отношении дольменов к территории распространения соответствующих продуктов металлического производства за границами нахождения самих дольменных сооружений; имеем ли мы здесь дело с дальнейшей экспансией навыков металлического производства, развившегося на территории Кавказа, вместе с обычаем строить дольмены, которые в Западной Европе часто приписывались народам-металлургам несмотря на то, что и северо-французские и тем более скандинавские дольмены связаны с местными стадиями неолита, или м. б. постройка дольменов появилась совершенно независимо от распространения навыков обработки меди и из других источников, в связи с выделением какого то нового общественного слоя, хотя и неизбежно принимавшего в родовом обществе форму рода, но по общественным функциям получившего там особое положение. Существование на Кубани в этот период таких исключительно богатых погребений, как майкопский курган и курган станицы Новосвободной (бывш. Царской), достаточно говорит о древности здесь подобного процесса. Гораздо труднее объяснить дальнейшее его замирание, происходившее видимо в связи с переключением описываемой территории из одной хозяйственно-исторической системы в другую, вследствие каких либо неблагоприятных исторических условий, разрушивших прежние связи. Выяснить эти явления возможно только при накоплении соответствующего материала, пока еще крайне отрывочного.

2. Раскопка двух дольменов в Кюр-Дере и сравнительная характеристика погребального инвентаря

Работа экспедиции в Эшерах при всей ее кратковременности была планирована так, чтобы получить материал, освещающий различные типы дольменного инвентаря. Поэтому были пока оставлены и не расследовались, как оба вышеописанных больших дольмена, так и третий несколько меньший, обозначенный у нас № III, стоящий в том же ряду и не тронутый до сих пор исследованием. Он также был потревожен искавшими клад местными жителями, которые пробили в верхнем углу верхней плиты отверстие для проникновения внутрь дольмена. По опросным сведениям там были найдены кости человека и одно медное лезвие, которое не сохранилось. Этот дольмен был обмерен внутри и дал следующие цифры: передняя плита имеет ширину 2,55 метра, правая боковая достигает в длину 2,65 метра и левая 2,55 метра, задняя 1,98 метра, что дает в

плане не совсем правильную трапецию. Покровная плита около 30 см. толщиной имеет значительный наклон назад и лишь слегка выдается спереди. Выступы боковых плит достигают $1\frac{1}{2}$ метра. Отверстие в передней стене находится от верхнего края плиты на расстоянии 1,16 метра.

Решено было исследовать два наиболее маленьких дольмена в том же ряду: дольмен обозначенный у нас № IV, частично в передней части исследованный М. Ивашенко, и дольмен № II, недавно только обнаружившийся из-под земли, которая его засыпала почти целиком. К сожалению, хозяева участка, найдя этот дольмен, пробили в него вход в верхней плите и раскопали наполнявшую его на $\frac{2}{3}$ землю в переднем углу до дна. По словам Карапета Акопяна было найдено 5 человеческих черепов, кости и черепки глиняных сосудов.

Одной из основных задач, при раскопке обоих этих дольменов, было разрешить вопрос о способе захоронения в них покойников и об их числе. Вновь открытый дольмен, несмотря на сделанное повреждение представлял для этого большие удобства. Раскопку было решено производить без дальнейшего разрушения самого памятника. Это было вполне достижимым, т. к. вход в дольмен был вполне достаточной величины. Необходимо было произвести послойную выемку заполнявшей его земли, которая представляла собой красную глину, довольно вязкую видимо просочившуюся с водой в щели дольмена и отложившуюся там слоем в 1,17 метра мощностью (рис. 58).

Останавливали внимание только находившиеся в слое в довольно большом количестве, вместе с человеческими костями, кремневые конкреции с естественно-оббитыми краями. Так как проникнуть в замкнутый со всех сторон плотно пригнанными плитами дольмен они не могли, приходится предполагать их искусственное помещение туда вместе с погребением. При послойной расчистке выяснилось, что кости и черепа, (положение которых записывалось тремя координатами от северной и западной стены и потолка), находились в толще земли на различных уровнях, начиная с 55—41 см. от дна дольмена, (где зарегистрировано 5 черепов) т. е. уровня, соответствующего центру отверстия. Но наибольшее количество черепов и костей оказалось сосредоточенным в толще глины между дном дольмена и уровнем в 20 см. Всего было обнаружено, не считая выбранных крестьянами, около 25 черепов, часть которых была сильно фрагментирована, чем затруднялся подсчет, т. к. можно было принять за различные черепа части одного, находившиеся иногда на значительном расстоянии друг от друга, тогда как, правда, в одном случае был встречен череп лежавший вместе с принадлежавшей ему нижней челюстью. Это обстоятельство, должно повидимому свиде-

✓ тельствовать о неодновременности погребений, которые тревожились последующими вкладами.

Как производились эти вклады новых покойников, к сожалению, не удалось вполне достоверно установить, т. к. плохая сохранность костей, погруженных в очень плотную, вязкую, сырую глину крайне затрудняла препарировку, несмотря на тщательность, проявленную в этом направлении с А. Л. Лукиным, производившим главную работу по расчистке этого дольмена. Во всяком случае, специально произведенные нами наблюдения не дали возможности

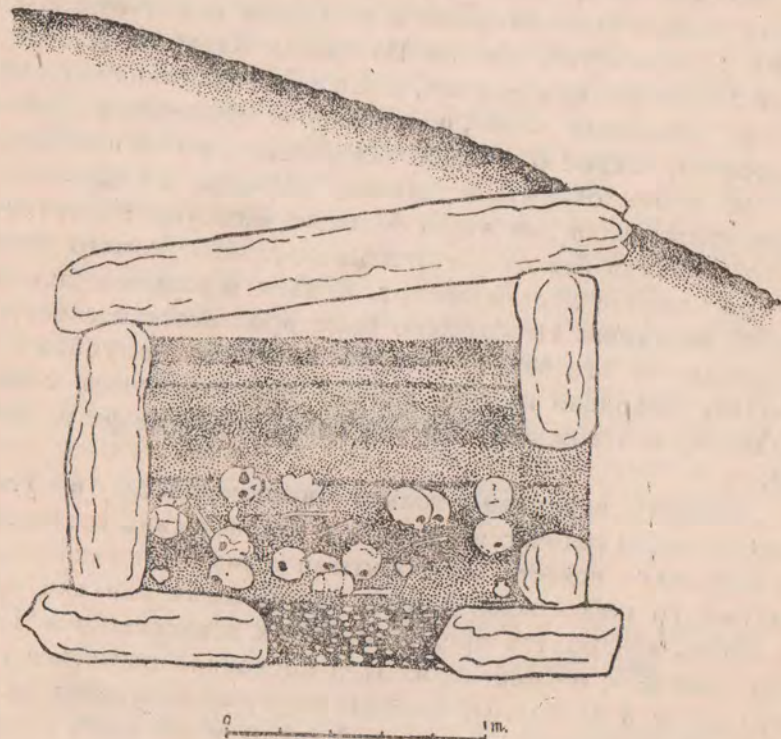

Рис. 58. Поперечный разрез затянутого землей дольмена II (в $\frac{1}{80}$ нат. вел.)

✓ зарегистрировать ни одного несомненного случая нахождения двух или нескольких костей в положении их естественного сочленения друг с другом. Это обстоятельство заставило нас предполагать, что дольмены могли быть оссуариями, куда помещались только декарнированные кости от первичных погребений, как это нередко наблюдалось и в европейских дольменных погребениях, напр. во Франции с характерным и там количественно малым, в отношении к числу

костей, инвентарем¹. Это в значительной степени облегчало разрешение вопроса о последовательных вкладах, т. к. кости могли легко вноситься внутрь дольмена через отверстие в передней стенке, не требуя сложной работы поднятия верхней плиты, хотя размер отверстия, 43 на 38 см. в диаметрах, допускал внесение туда и трупа.

К тому же заключению приводят нас раскопки другого дольмена IV-го. Правда и там тоже было обстоятельство, мешавшее получить вполне отчетливую картину. В этом дольмене задняя плита, выйдя из пазов под давлением налегавшей на нее земли, глубоко наклонилась внутрь дольмена, сильно сжав находившуюся в полости дольмена наносную землю и деформировав содержащийся в ней костный материал, в котором также не удалось установить случаев естественных сочетаний во взаимном расположении отдельных костей, друг с другом (табл. XXIXб). К сожалению в обоих дольменах потревоженными оказались передние части камер, где всего естественнее было ожидать захоронения целых покойников, если таковые помещались в дольмен. В этом последнем случае кости ранее положенных погребений могли отодвигаться в кучу в задние углы, как это нередко наблюдается в некоторых каменных ящиках и особенно в поздне-осетинских склепах, точно бы сохраняющих во многих отношениях, несмотря на весь огромный хронологический разрыв, какие то традиции дольменных захоронений.

✓ Не исключена поэтому возможность предположения, что при постройке дольмена могли быть захороненными один или несколько покойников в сидячем положении по углам камеры. В дальнейшем же новыми вкладами разрушалось расположение костей первых погребений. Однако установить это предположение нашими раскопками не удалось. Единственно, что можно было видеть—это сосредоточение погребального инвентаря главным образом по углам дольмена, хотя отдельные предметы заходили и в центральные части камеры.

✓ Погребальный инвентарь II-го дольмена, несмотря на большое количество заключавшихся в нем погребений, не менее 30-ти оказался очень скудным (табл. XXXI). Главная часть находилась в передней стороне в правом, т. е. юго-западном углу дольмена (рис. 58-59). Отсюда были взяты следующие вещи: медный крюк (К. 120) в самом углу, а рядом с ним на дне горшочек с короткой шейкой (К. 124); на расстоянии 35 см. от них по диагонали—кучка рассыпанных бус (К. 123), еще дальше—медное лезвие ножичка (К. 121) и два других миниатюрных сосудика: скорлупчатая чашечка (К. 125) на высоте

¹ Déchelette J. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine t. I, Paris 1910, стр. 399.

16 см. от дна и чашечка с коническими стенками (К. 127). Вторая группа вещей, состоящая всего из одного сосудика и ножичка находилась в левом заднем углу дольмена: так в расстоянии 25 см. от угла стоял миниатюрный горшочек (К. 126) и в метре от него к центру ножичек на высоте 15 см. от дна и на расстоянии $\frac{1}{2}$ метра от первого ножичка, так что оба найденные здесь ножичка находились близ центра камеры.

Расчистка другого дольмена—IV дала следующие результаты. На глубине 51 см. от потолка, т. е. на высоте около 1 м. от пола, в земле, находилась сползшая со своего места и наклонившаяся белесоватая прослойка с фрагментами плохо обожженного сосуда и оскол-

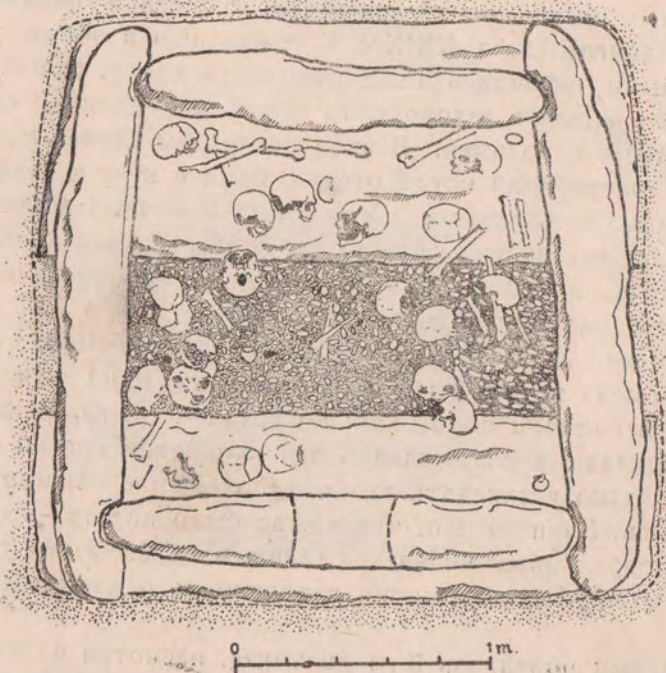
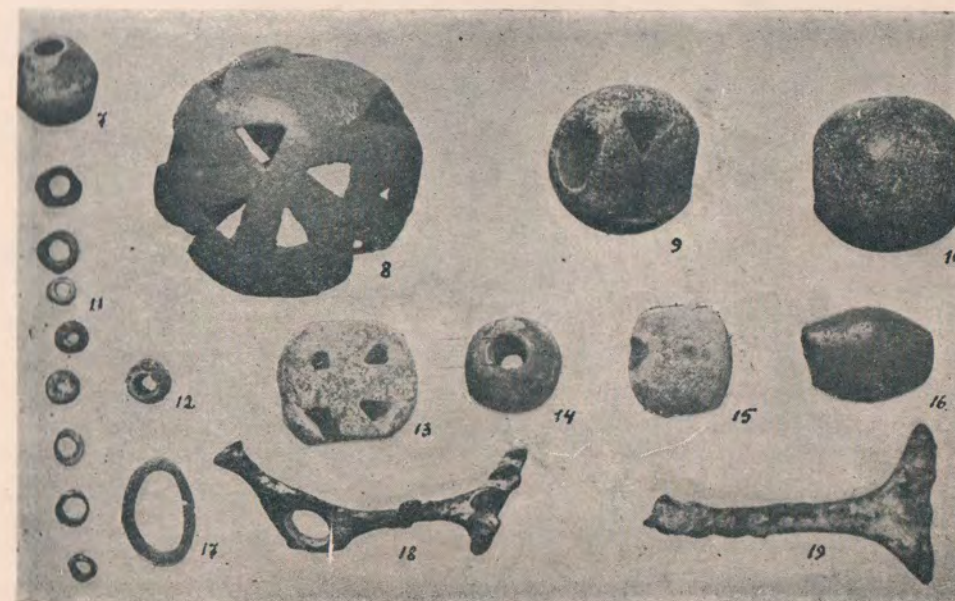

Рис. 59. План раскопанного дольмена II (в $\frac{1}{30}$ нат. вел.).

ками каких то мелких костей, возможно выбросы от первой частичной раскопки (рис. 60). Далее земля ничего не содержала до самого пола, где на расстоянии сантим. 10 от дна обнаружился слой сильно спрессованной земли, наполненной человеческими костями в очень разрушенном состоянии. Несмотря на тщательную препарировку костей, ничего нельзя было обнаружить в их расположении, кроме простого их беспорядочного скопления (табл. XXIX₂). Кости (приблизительно от десяти человек) таза, верхнего пояса, длинных

Табл. XXVIII.

Бронзовый инвентарь из дольмена I.

костей рук и ног и черепа в фрагментированном виде, ориентированные во всевозможных направлениях, занимали равномерно все пространство в задней половине дольмена на площади около 2-х кв/м. Земля, содержащая эти кости была перемешана с галькой, которой был застлан пол дольмена, и заключала в себе небольшие угольные частички, видимо попавшие в дольмен вместе с погребенными в нем костями. Погребальный инвентарь (табл. XXXII) сосредоточивался около задней стенки и особенно в северо-западном углу дольмена (рис. 61). Здесь находился также крюк, но трехзубый, и узкий вислообушный топор (табл. XXXII₁), лежавшие в углу, затем треугольное копьевидное лезвие ножа (табл. XXXII₅), близ середины задней стенки, вместе с миниатюрной чашечкой (табл. XXXII₂₋₃). Несколько отдельно у западной стенки в расстоянии 30 см. к югу от

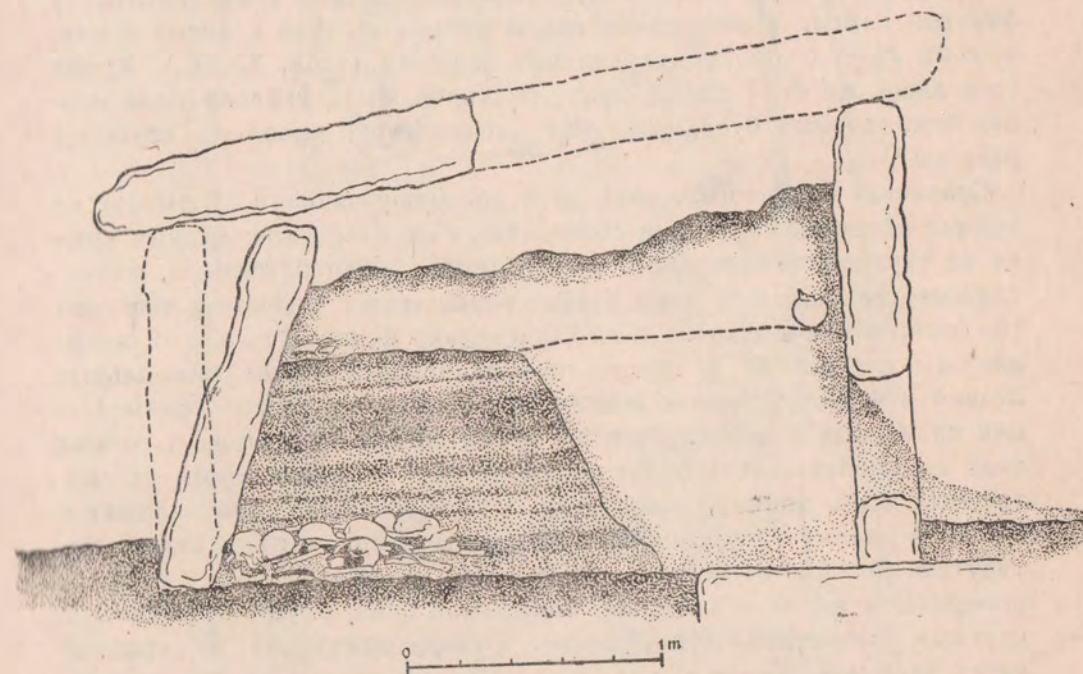

Рис. 60. Поперечный разрез дольмена IV (в $\frac{1}{30}$ нат. вел.).

топора, находился второй миниатюрный горшок (К. 115) с узким горлышком (табл. XXXIII₁).

По данным М. М. Иващенко в передней части этого дольмена им было найдено на глубине 70—80 см от покровной плиты, т. е., принимая во внимание наклонное назад положение этой плиты, на том же уровне от дна, на котором проходит у задней стенки белесова-

тая прослойка с черепками, т. е. на высоте одного метра, два сосуда в фрагментах (табл. XXXIII_{4,5}). На дне дольмена у передней стенки и в углах дольмена находились еще пять раздавленных глиняных сосудов и другой погребальный инвентарь в следующем расположении (рис. 61)¹: в юго-восточном углу по сторонам груды костей, повидному от одного человека, два сосуда, небольшой камень и несколько мелких бронзовых бус; в середине передней плиты под отверстием дольмена еще один сосуд и такое же копьевидное лезвие, несколько меньшей величины, чем у задней стенки. В другом переднем углу, западном, находился второй такой же комплекс вещей, как в соответствующем углу у задней стенки: бронзовый узкий вислобушный медный топор (табл. XXXII₂), большое копьевидное медное лезвие (табл. XXXII₆), у самой передней плиты, ближе к отверстию, другое такое же лезвие, меньшее размером (табл. XXXII₇), у боковой плиты, в расстоянии около метра от угла и рядом с ним, медный крюк с орнаментированной втулкой (табл. XXXII₈). Кроме того здесь же судя по таблице рисунков, была найдена одна медная биконическая буса, названная „подвеской“, довольно крупного размера².

Сравнивая содержимое этих двух раскопанных нами дольменов, не трудно заметить некоторое совпадение в их инвентаре: медные крюки со втулкой, тонкие листовидные лезвия малого размера, миниатюрные глиняные сосудики в виде горшочков с шейкой и чашечек. Но содержимое дольмена II-го значительно беднее IV-го, что сказывается в отсутствии в первом топоров, и листовидных кинжальных лезвий и в присутствии в последнем образцов шнуровой орнаментации на медных крюках. В то же время состав инвентаря в обоих этих дольменах заметно отличается от двух больших выше рассмотренных. Оба топора, найденные в IV-м дольмене принадлежат в общем к одному типу узких вислобушных топоров: они имеют вытянутую, как бы несколько серповидно изогнутую форму с узким поперечным лезвием и сильно опущенной вниз обушной частью с круглым отверстием для рукояти. Топор, найденный в передней части дольмена, имеет длину 18 см., ширину лезвия 4,5 см. и ширину шейки в наиболее узкой ее части 1,8 см. Второй топор несколько меньшего размера имеет длину 16 см., ширину лезвия 4 см., шейки 2 см. и отличается от первого, кроме величины, характерным

¹ Заштрихованными кругами на плане обозначено приблизительное расположение керамических фрагментов, треугольниками, — бронзового инвентаря: под цифрой I — топор, II — крюк, III — копьевидные лезвия, IV — бисер.

² По материалам Абхазского музея эта буса принадлежит инвентарю не IV-го, а V-го дольмена.

более резким горбовидным изгибом шейки близ втулки, которая кажется здесь слишком узкой и субтильной, сравнительно с размером самого топора. Отличаясь некоторой вычурностью формы от простого более массивного, хотя тоже узкого и длинного, топора из V дольмена, этот топор находит себе значительную аналогию среди ряда топоров Северной Осетии из могильников Фаскау и Кумбулты и вполне совпадает по типу с топорами из Сачхере. Харак-

Рис. 61. План раскопанного дольмена IV (в $\frac{1}{30}$ нат. вел.).

терным является и полное совпадение копьевидных кованых, а не литых клинков, с плоским слегка расширяющимся к концу стержнем для рукояти, с подобными клинками из тех же могильников¹. Нап-

¹ Уварова П. С. Могильники Сев. Кавказа. В: Мат. по Арх. Кавказа. VIII, Москва, 1900, табл. XCV₁₀.

большой из найденных в IV-м дольмене медных, видимо кинжальных, клинков, длиной 20 см. (со стержнем) и наибольшей шириной 6 см. имеет именно такой шип в 5,5 см. длины и плоское листовидное лезвие с характерным утолщением, по средней оси, подчеркнутым двумя продольными легкими желобками по его сторонам. Последняя особенность очевидна и грубо выражена на двух других меньших клинках, возможно наконечниках копий в 13,5 см. и 10,5 см. длины, где ясно видно, что эти желобки являются результатом специальной проковки. На обоих клинках из большого V-го дольмена указанные черты совершенно отсутствуют и клинки имеют иной характер, совпадающий с клинками из замечательного многогранного дольмена-башни на реке Фарсе близ станицы Новосвободной (бывшей Царской)¹.

Назначение иного рода, миниатюрных клиночков, в виде совершенно плоских, тонких медных пластинок (табл. XXXII₄), неясно. Скорее всего они являются ножичками, возможно даже, особого votивного характера, подобно распространенным здесь и миниатюрным сосудам. Менее всего их можно считать наконечниками стрел, с которыми они ни генетически ни по целесообразности их формы не связаны. Е. Д. Фелицын и А. С. Уваров склонны были считать их малого размера бронзовыми булавами веслообразной формы². Наибольшим из них по величине является ножичек (К 121), найденный в дольмене II-м (табл. XXXI₆). Он имеет форму удлинённой, суживающейся к концу, обоюдоострой, тонкой, видимо прокованной пластинки, длиной 10,4 см. и наибольшей шириной 1,6 см. (стержень для рукояти наверно отломан). Вследствии тонкости эти ножички вообще находятся в сильно разрушенном состоянии. Другой такой же ножичек из того же дольмена представляет листовидную пластинку с неровными краями, суженную к обоим концам, длиной в 4,8 см. Остальные сохранились лишь в виде фрагментов.

Наиболее характерными предметами погребального инвентаря этих дольменов можно считать медные крючья с полыми втулками для насадки их на древко. Назначение их не вполне ясно. По своей форме они напоминают до сих пор бытующие у местных горцев железные крючки для вынимания горячего мяса из котла, употребляемые особенно во время общественных праздников³.

¹ Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены. В: Мат. по Арх. Кавказа в. IX, Москва, 1904, стр. 24. Museum Caucasicum V, Тифлис, 1902, стр. 145, № 3058-3059.

² Фелицын Е. Д. Цит. соч., стр. 51, рис. 27.

Уваров А. С. Каталог собрания древностей I. Москва 1887, стр. 77 № 713.

³ Миллер А. А. — Из поездки по Абхазии в 1907 г. В: Материалы по этнографии России, I, СПб, 1910, стр. 78, рис. 24.

В этом последнем случае подобные крючья отличаются большой величиной, тщательностью работы и хранятся при святилищах. Возможно, что их положение в могилу связано с каким либо представлением о странствованиях души покойника, которая, нуждаясь в пище, может ее достать только при помощи подобной вилки. Среди находок в абхазских дольменах наиболее простым из этих крюков является найденный в дольмене II-м. Он имеет кованый четырехгранный заостренный стержень и прокованную, свернутую в трубку втулку. Два отверстия в ней служат для закрепления крюка на рукоятке, однако металлических гвоздей найдено не было вместе с нею. Поэтому не исключена возможность, что отверстия служат для продевания в них ремешка. Длина всего крюка в выпрямленном виде достигает около 18 см., в согнутом же 13 см. Близок к нему по форме крюк из передней части дольмена IV-го, но он значительно богаче и отличается совершенно иным изготовлением втулки, которая сделана путем отливки по утрачиваемой восковой модели в глиняной форме, а не ковкой. Поверхность втулки украшена шнуровым рельефным кантом вокруг обоих отверстий по краю втулки и вдоль четырех ее сторон; между продольными кантами размещены зигзаги в форме змеек. Втулка имеет длину в 10 см., а всего крюк — 18 см. в изогнутом виде и около 23 см. в разогнутом. Наибольший интерес представляет третий крюк, найденный у заднего угла того же дольмена. Он представляет собою большую трехзубую вилку с крючкообразными зубьями на полой втулке, украшенной шнуровым орнаментом, который наложен сплошными продольными рядами (табл. XXXII₃). Как и для предыдущего однозубого крюка, мы здесь, повидимому, имеем дело с отливкой по утрачиваемой форме. Восковая модель в обоих случаях украшалась может быть даже натуральным плетеным шнурком, который сгорал при первом обжиге глиняной формы.

Этот трехзубый крюк, найденный в Эшерском дольмене, наряду с простыми однозубыми является очень веским показателем значительной общности в инвентаре наружных дольменов и дольменов в курганах станицы Новосвободной (бывш. Царской), где также имеются одновременно оба эти типа, с той разницей, что у трехзубого крюка из Новосвободной ответвление двух крайних зубцов идет под прямым углом к среднему.

Несомненно, культовое назначение имеет известный трехзубый крюк с полой втулкой из первого дольмена в кургане станицы Новосвободной (бывш. Царской), поскольку этот крюк украшен стоящими на тыловой стороне обоих крайних зубьев скульптурными антропоморфными изображениями (рис. 62). Другие два крюка, найденные в этой могиле, более тяжеловесной и грубой работы, имеют

по два зуба, как на большинстве современных подобных крючьев. Совершенно такого же характера двухзубый крюк, принятый исследователем за „кирку с загнутыми концами“¹, происходит из грунтового погребения, с родственными станице Новосвободной инвентарем, в большом кургане станицы Псебайской. В дольмене второго кургана станицы Новосвободной также находим медный крюк, но одинарный без втулки, но со стержнем и сохранившимися на нем частями древка и обвязки. Малого размера медный крюк со втулкой изве-

Рис. 62. Медный крюк с человеческими фигурками из первого дольмена станицы Новосвободной, бывш. Царской (Моск. Ист. Музей).

стен также из старых находок Н. Л. Каменева² 1870 г. в одном из разрушенных дольменов Абадзехской станицы в комплексе, состоявшем из миниатюрных вислообушного топорика, и плоского тесла вытянутой формы, о чем ниже (рис. 65₁).

Все это несомненно указывает на особое значение, какое могли придаваться подобным крюкам, находимым в дольменных погребениях. Судя по тому, что в большом дольмене ст. Новосвободной (бывш. Царской) был найден, наряду с крюками, медный ковш с длинной ручкой, можно думать, что эти предметы клались в погребения как культовая кухонная утварь.

Из других мест, где бронзовые и медные крюки были находимы в могилах, мне известно еще катакомбное погребение в 16-ом кургане близ Каменки бывш. Екатеринославской губернии, раскопанное В. А. Городцовым и содержащее кроме бронзового или медного крюка два кованых листовидных ножа, шило, медные бусы, 7 кремневых сердцевидных стрел и типичный глиняный сосуд с богатым

шнуровидным орнаментом¹. В Закавказьи подобный крюк известен из раскопок Д. Г. Шульца в 1898 году в Еленендорфе Гянджинского района².

Отличают наши формы от крюков бывш. Царской и Псебайской станиц вышеописанный прием украшения эшерских образцов шнуровым орнаментом, т. е. приемом, который не наблюдается совсем на изделиях, найденных в древних больших курганах Кубани. В то же время, именно этот способ украшения чрезвычайно типичен для целой группы других древних курганов Северного Кавказа, характеризующихся между прочим, присутствием в них местного варианта („пятигорского“ по Европеусу) древнейшей серии³ каменных шлифованных топоров с пестиковидным обухом, также чуждого инвентарю Майкопской группы курганов, в частности курганных дольменов бывш. Царской, хотя последние и заключали в себе богатый ассортимент глиняной посуды (крупные шаровидные амфоры) того самого типа (лишь с плоским дном), какой характеризует так называемую „Фатьяновскую культуру“ лесной полосы Восточной Европы с каменным „ладьевидным“ топором-молотом, иного более молодого генетического ряда, и медными вислообушными топорами, родственными по происхождению с найденными в Эшерских дольменах.

Шнуровое украшение отпечатывалось, как известно, не только на глиняных формах для литья, но и на глиняной посуде, так называемой катакомбной степной культуры, синхроничной, видимо, концу Фатьяновской на Севере и расцвету Северно-Кавказской культуры курганных погребений с молотовидными булавками, станиц типа Андрюковской, Псебайской, Константиновской и пр. на юге. Соприкосновение с этими последними Эшерских дольменов сказывается кроме употребления шнуровой орнаментовки на предметах литых по утрачиваемой форме, также и общий тип пластинчатых ножей с плоским стерженьком, расширяющимся у самого конца, столь характерных для погребений степной катакомбной культуры. Совпадают при этом не только техника шнуровой орнаментовки, но также композиция и детали орнамента. Так характерное украшение втулки крюка из IV го Эшерского дольмена четырьмя рельефными змеевидными продольными линиями в промежутках между четырьмя продольными кантами, можно видеть, например, на бронзовых цилинд-

¹ Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. в 1903 г. В: Труды XIII арх. Съезда т. I, стр. 300—301.

² Museum Caucasicum V, Тифлис, 1902, № 2785, Ср. Дело И. Археол. Комиссии от 3/II 1901, за № 232.

³ Ägypten und die Streitaxtkulturen in Russland. В: Eur. Sept. Ant. VIII Helsinki, 1933, стр. 13 сл., 56.

¹ Отчет Арх. Ком. за 1895 г. СПб, 1897, стр. 134, Коллекция в Эрмитаже.

² Фелицын Е. Д. Западно-кавказские дольмены. В: Мат. по Арх. Кавказа т. IX, Москва, 1904, стр. 36 и 38. (автор ошибочно относит сюда еще наконечники „вислообразной“ стрелы и „копья шилообразной формы“).

Каменев Н. Попытка археолог. разведок в Кубанск. обл. В: Кубан. Войсковые Ведомости, 1870, № 47.

рах из раскопок Фелицына в Кисловодске¹, или на рукояти ножа из раскопок Апухтина близ станицы Константиновской². Биконические и боченкообразные медные бусы, полутора спиральные подвески также являются общими в этих памятниках.

При этом, повидимому, далеко на север идет и узкий проушный топор, подобный найденному в большом Эшерском долмене V. Его можно узнать, например, в топоре из „Восточной России“ в коллекции Зайсуловича, к сожаленю без более точного обозначения его происхождения³. Что же касается топоров из меньших Эшерских долменов, они входят, как особый тип, в обширную группу вислобушных топоров, получивших широкое распространение от Венгрии до Средней Азии, заходя на Север в Верхнее Поволжье и имея своим древнейшим прототипом топоры из Сумера и Муссиана с трубчатыми втулками⁴. Отсутствие этого типа топоров в Малой Азии и на Балканском полуострове, как это было давно уже отмечено В. А. Городцовым⁵, указывает на Кавказ, как на главный посредник в их распространении. Однако, слишком низкая хронологическая расценка, как выше было сказано, всей оригинальной серии топоров с опущенными трубчатыми втулками и связанного с ними инвентаря из могильников Северной Осетии препятствовало возможности выделить в целом этот древнейший слой. С тем же самым мы встречаемся и по южную сторону Кавказского хребта, где аналогичный памятник в Сачхере был к сожалению извлечен из земли в отсутствии археолога⁶. Однако, несмотря на это, уже самый комплекс вещей с большим разнообразием форм топора в пределах одного типа, заключающего в себе и формы, найденные в Эшерских долменах, дает возможность связать этот культурный пласт как с древними памятниками Месопотамии и Ирана, так и с западными его аналогами. Из последних я имею в виду клад, найденный в 1927 г. в селении Стубло в Волини и описанный Antoniewicz'em⁷.

¹ Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекций древностей. Варшава, 1892, стр. 13, № 450—451.
Tallgren, A. M. La Pontide préscythique. В: Eurasia Sept. Antiqua, II, Helsinki стр. 96, рис. 64.

² Tallgren, A. M. Zu der nordkaukasischen Bronzezeit. Там же, VI, Helsinki 1931.
³ Tallgren, A. M. Kupfer und Bronzezeit in Nord-und Ostrussland. В: Finska, Forum Iidskrift XXV, Helsingfors, рис. 49, стр. 170.

⁴ Childe, C. G. Die Bedeutung der alsumerischen Metalltypen für die Chronologie der europäischen Bronzezeit. В: Mitteil. d. Anthr. Gesell. in Wien. Bd LXIII—4, 1933, стр. 217, 220—221.

Maskay, Ernest. A sumerian palace and the „A“ cemetery at Kish, Mesopotamia, part II, Chicago, 1929, стр. 158—159, Pl. XXXIX и LXII.

⁵ Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи в средней России. Москва 1916, стр. 27—29.

⁶ Известия Кавказского Общества Археологии, в. III, Тифлис, 1913, стр. 167.

⁷ Antoniewicz Wl. Der in Stublo in Wolhynien aufgefundene Bronzeschatz. В: Euras. Septentr. Antiqua IV, Helsinki, 1929, стр. 135, 142.

Фасад долмена V с разрушенной покровной плитой и дно долмена IV с отпрепарированными костями в углу.

В этом кладе, который содержит в себе украшения первого периода венгерской и унетичской бронзы, имеются одновременно два трубчато-вислобушных топора из бедной оловом бронзы двух типов, характеризующих грузинские и северо-осетинские находки. Несмотря на существование в Венгрии литейных форм¹ для обоих этих типов, выводить кавказские топоры из Венгрии (Семиградья), как делают это Antoniewicz и Tallgren, вряд ли правильно, если учесть несомненную зависимость венгерских типов от значительно более древних и долго там существовавших юго-западно иранских, как с округлой лопастью, так и с прямым лезвием. Один из наиболее древних в Европе топоров с трубчатым проухом, найденный в районе Нижнего Дуная в Кукутенах в слое, относящемся к энеолитическому времени², может датироваться не ранее 2-ой половины третьего тысячелетия, тогда как топоры из Мусиана относятся к первой половине того же тысячелетия и даже, возможно, и к предшествующему.

Труднее решить вопрос о взаимоотношении вислобушных типов топора с типами, где обух не выходит за пределы главной оси топора. Большая примитивность последнего типа и более раннее его появление в Сумере (судя по глиняным моделям, например из Джемдет Насра)³, однако не говорят еще сами по себе за его большую древность на других территориях. Узкий простой топор из большого дольмена V в Кюр Деро несомненно является более целесообразным орудием, чем топор из дольмена IV. Еще более удобным для работы надо считать широкие тяжелые топоры из больших курганов станиц Андрюковской, Псебайской, Костромской, Майкопа и из двойных дольменов в курганах бывш. Царской. Всего скорее, что эти топоры, более дорогие по количеству меди, возникли, в связи с потребностью обрабатывать дерево, под влиянием средиземноморских моделей позднее, чем получили сюда распространение иранские и месопотамские трубчато-обушные топоры вероятно военного образца, проникшие отсюда далее с одной стороны в Поволжье, с другой в Дунайские страны и в свою очередь повлиявшие на образование высоко развитых каменных ладьевидных топоров, с выступающей вниз лопастью, а также и кавказского варианта пестиковидных топоров со свисающим лезвием, древнейший образец которых можно видеть в прекрасном крупного размера топоре-молоте из кургана станицы Летнической, тяготеющей еще по медному инвентарю к курганам древ-

¹ Marton L (von) Dolchstäbe aus Ungarn. B: Prehistorische Zeitschrift, Bd. XXII, 1931, стр. 35, рис. 13.

² Schmidt Hubert. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen 1909/10 in Cucuteni bei Jassy (Rumänien). B: Zeitschr. für Ethnol., Berlin, 1911, стр. 595—596, рис. 15.

³ Mackay Ernest. Report on excavation at Jemdet Nasr, Iraq. B: Anthr. Memoirs, vol I. Field Mus. of Nat. Hist., Chicago, 1931, стр. 226, табл. LXXV.

ней кубанской группы. В таком случае спорным кажется нам мнение А. В. Шмидта¹, считавшего второй Костромской курган, с ложноводчатой каменной камерой, моложе кургана станицы бывшей Царской, на том только основании, что тесло там, как и в Майкопе, имеет более растянутую форму, и отделявшего в то же время, всю группу в целом промежутком времени в 1200—300 лет от остальных, по его мнению, более молодых средне-кубанских курганов „катакомбной“ ступени, характеризующихся каменными сверленными топорами-молотковидными булавками, медными вислообушными топорами, пластинчатыми ножами, употреблением шнурового орнамента.

К сожалению мы лишены возможности в вопросе о Костромском кургане получить опору в изучении керамического материала, так как последнего, в том числе и сосуда со следами желтой красочной росписи (олень со стилизованными, по скифски, рогами)² не оказывается совсем в Историческом Музее, куда поступил прочий инвентарь из второго Костромского кургана. Доверять же, без специальной проработки, данным Отчета, в который сосуды помещены, очевидно, после продолжительного пребывания в реставрационных мастерских, у нас нет достаточных оснований, поскольку, например, тут же, типичный „катакомбный“ сосуд со шнуровым орнаментом³ (видимо найденный в группе „Межевых“ курганов) попадает, взамен какого то другого, в центральное чисто скифское погребение У—ІУ века первого кургана группы „Разменных“, где ему быть совсем не место.

Не имея здесь возможности вообще входить в разбор этих положений, я только укажу, что, напротив, если принять за основу датировки не столько керамику кургана станицы бывш. Царской, сколько остальной инвентарь, особую форму кинжальных клинков, кинжалы отлитые вместе с рукояткой (правда известные уже на заре металла в Сумере)⁴, украшения крюков скульптурными фигурками человека, скорее имеется основание предполагать их большую близость к последующим этапам, напр., кобаньской бронзе, чем инвентаря осталь-

ных древних кубанских курганов. Причиной, получившегося у А. В. Шмидта хронологического разрыва было применение для датировки двух различных ориентаций: Восточной для курганов станицы бывш. Царской и Майкопа и Западной для другой группы, без учета того, что если связать также вислообушные топоры с восточными прототипами, возраст последней придется тоже повысить.

На самом деле связь кургана быв. Царской станицы с одной стороны с Ульским курганом (булавки с согнутой головкой в форме пастушьего посоха), с другой, — Эшерскими дольменами (крюки с цилиндрической втулкой), приводит двумя различными путями к одной приблизительно хронологической дате: рубежу III и II тысячелетия. Так курган станицы Ульской датируется Веселовским¹, на основании найденных там алебастровых женских статуэток древне-Кикладского типа, первой половиной 2-го тысячелетия, т. е. средне-Минойской эпохой, хотя возможно говорить и о конце древне-Минойской эпохи. Инвентарь же эшерских малых дольменов, сближающийся широким пользованием шнуровой орнаментацией, а также на основании формы плоских клинков и присутствия вислообушных топоров, со степной „катакомбной“ культурой, доходящей в своем распространении на Запад до Волыни, входит в круг ранне-металлических культур востока Средней Европы, что особенно подтверждается вышеупомянутым кладом из Стубло, унетичкой ступени Богемии, одновременным, именно, средне-Минойской эпохе, и датируется началом второго тысячелетия. Синхроничность унетичкой ступени, в которой соответствие с древне-сумерскими формами наблюдается и помимо зависимости топора из Стубло от Мессопотамских прототипов, как это показывает Gordon Childe в одной из своих новейших публикаций в 1933 г.², открывает широкую перспективу для целого ряда сближений, объединяющих Кавказ с Придунайскими странами в отношении значительно более древней эпохи, чем та, к которой относятся суммарные, хронологически не достаточно дифференцированные, а потому не всегда реальные, сопоставления George Wilke³, опирающиеся, кроме того, на фантастические расовые миграции, переселение целого народа-металлурга с Дуная на Кавказ.

¹ Веселовский Н. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России на Кавказе. В: Изв. Археол. Комиссии, вып. 35, СПб. 1910 г., стр. 7.

Tallgren. Etud. s sur le Caucase du nord. В: Eurasia Septentr. Antiqua IV, Helsinki, 1929, стр. 25.

² Childe, C. G. Die Bedeutung der altsumerischen Metalltypen für die Chronologie der europäischen Bronzezeit. В: Mitteil. der Anthrop. Gesellschaft in Wien. Bd LXIII, 1933 стр. 220.

³ Wilke, G. Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und dem unteren Donaugebiet. В: Zeitschr. f. Ethnologie, Berlin, 1904, стр. 98—100.

¹ Schmidt A. V. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. В: Eurasia Septentr. Ant., IV, Helsinki, 1929, стр. 19.

² Отчет Археологической Комиссии за 1897 г. СПб, 1900, стр. 16, рис. 53.

³ Цит. соч., стр. 13, рис. 47.

⁴ Maskay E. A sumerian palace and the „A“ cemetery at Kish. В: Field Mus. of Nat. Hist. Anthr., Mem. vol. I, стр. 162, табл. XII, 16.

Langdon S. and Watelin Ch. Excavations at Kish, vol. IV, Paris, 1934, табл. XVIII, 1.

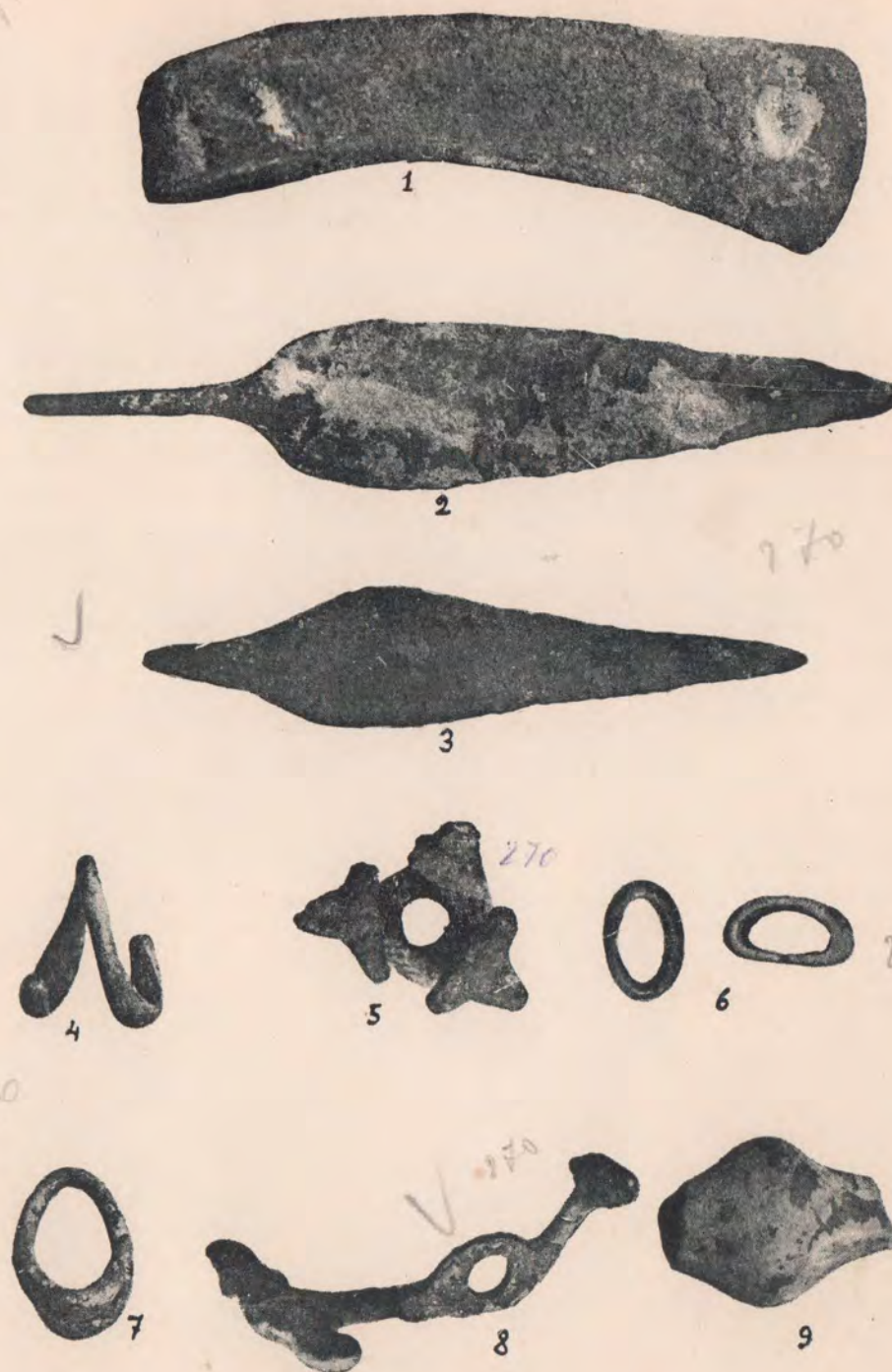
Ограничиваясь пока указанием на наличие весьма древних культурно-исторических связей, идущих, повидимому, не столько по южному малоазиатскому, сколько северному побережью Черного моря, как это детально показал на материале каменных топоров-молотов и синхроничной им керамике А. Европеус¹, мы не станем пока подробно касаться вопроса о существовании этих связей и спорить о направлении культурных воздействий с Запада на Восток или с Востока на Запад, т. к. это не может быть решено без широкого привлечения закавказского археологического материала в той же мере, как это сделано для европейского, а состояние его разработанности еще слишком недостаточно и не мало можно ожидать от него неожиданностей. И именно вопрос о происхождении культуры западно-кавказских дольменов и об отношении их к азиатским и европейским вариантам, в том числе и отмеченным Tallgren'ом каменным гробницам² Тюрингии, упирается в это обстоятельство, хотя сама возможность говорить уже о наличии достаточно тесных культурных отношений между Западным Кавказом и Средней Европой в древнейшую пору палеометаллической эпохи значительно продвигает вопрос в сторону прояснения конкретно-исторических путей широкого взаимодействия экономического и идеологического обмена на всей территории Причерноморья в достаточно уже сложной хозяйственной системе поздне-родовых обществ этой эпохи.

Отвлеченным анализом форм установленная хронология не может еще руководить историческими построениями, так как сама нуждается в коррективах на основе учета реальных двигателей исторического процесса и соотнесения их с географией природных сил в меру усвоения последних хозяйственной деятельностью человека. Поэтому, для правильной датировки фактов необходимо уже иметь достаточно выработанные представления о типах и направлениях хозяйственного обмена и о географическом распределении стадийных состояний, при чем эти представления отнюдь не должны диктоваться, как это часто бывает, степенью изученности территорий, с выдвижением исторической роли лучше изученных участков, а иногда и наоборот с отнесением этой роли в районы, представляющие собою полную terra incognita.

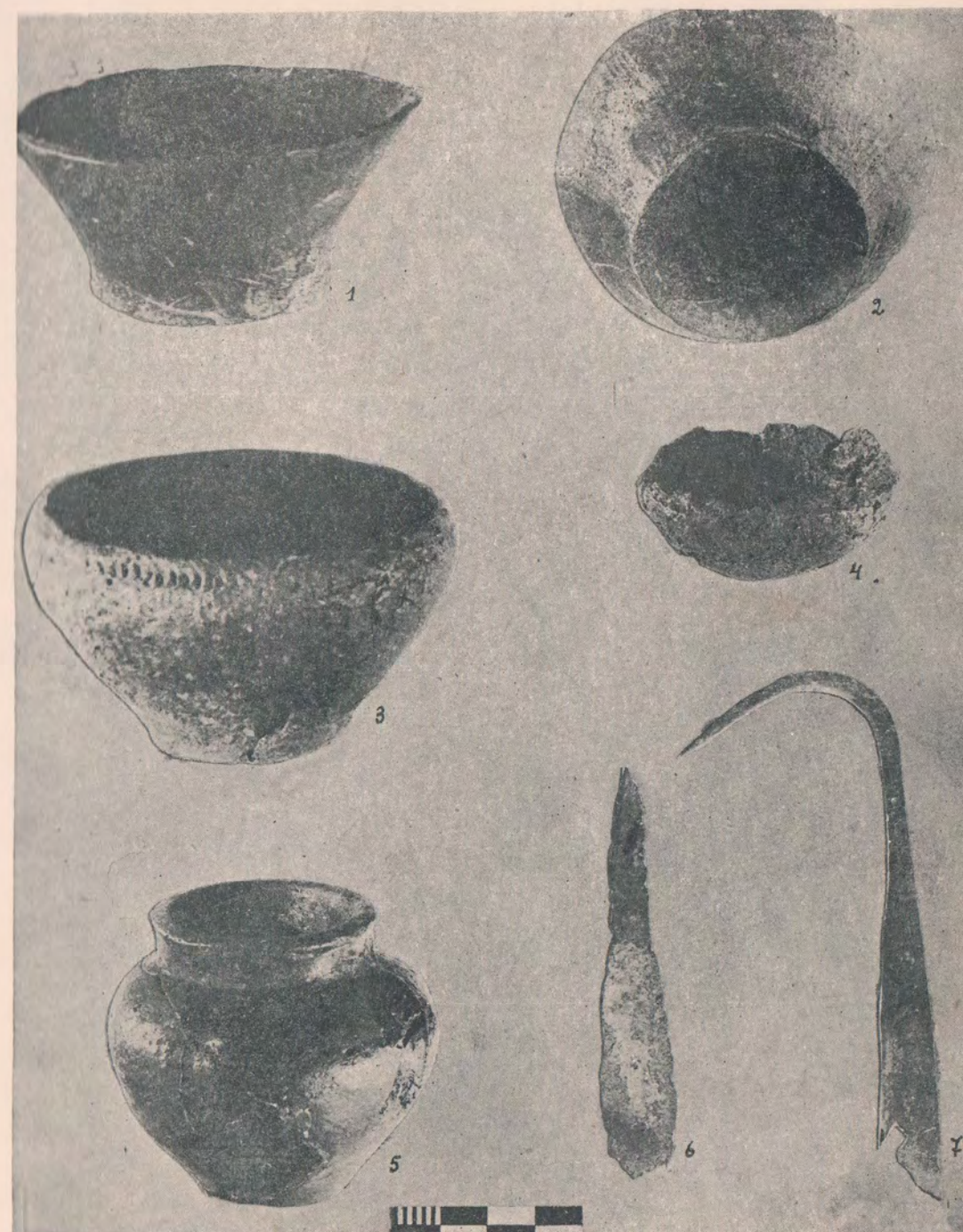
Уже самый факт долго длящегося параллелизма в развитии целого ряда форм от начала до конца палеометаллической эпохи в придунайских странах и на Кавказе скорее указывает на наличие культурного

¹ А. Европеус А. Ueber die Streitaxtkulturen in Russland. В: Euras. Septentr. Antiqua, VIII, Helsinki, 1933.

² Tallgren A. M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental. Там же, IX, 1934, стр. 38.

Меднобронзовый инвентарь из дольмена V.

Инвентарь из дольмена II.

единства по обоим концам Черного моря, втянутым надолго в общую хозяйственную систему, дифференцированную по производственным центрам, чем на существование приоритета одной из сторон, якобы посылавшей от себя миграционные волны в виде, например, „Киммерийских“ и „Фракийских“ племен, наводнявших своими передвижениями Причерноморье до Кавказа на рубеже II-го и I-го тысячелетия.

Для рассматриваемой нами эпохи и территории не только трудно, но вряд ли даже правомерно говорить об этническом составе населения, в котором еще преобладают сложенные в крупные геоэтнические массивы отдельные производственные коллективы с пережиточно-тогемическим мышлением над оформляющимися на дальнейших лишь стадиях хозяйственного развития племенными союзами. Поэтому, в большинстве случаев, исключена всякая возможность искать соответствия этого древнего населения с последующими исторически действовавшими и в настоящее время живущими племенами и народами, оформленными в процессе всей последующей истории. И в строителях дольменов надо, как выше мы уже отмечали, видеть не единую расу или племя, передвигавшееся или распространявшееся по колоссальной территории от Индии до Скандинавии и не результат спонтанно возникающей и материально оформляющейся идеи в стадияльно однородных условиях, а явление конкретно исторического процесса древнего мира Афреватрии, которое раз появившись и приняв определенную форму, получило последовательное территориальное распространение вместе с хозяйственным развитием и общественным ростом. Здесь мы имеем дело с выделением соответствующей культурно-производственной группы, тесно связанной с приморским, полуостровным, не уходящим далеко вглубь материка населением по Северному, Восточному и Южному Средиземноморью, Атлантическому побережью Европы, а также полуострову Индостану и Южному Прикаспию,—населением, очевидно, выполнявшим в своих различных частях одну общественную функцию посредников в широком торговом обмене металлом и в навыках его обработки, поскольку металл в это время начинает играть первенствующую роль в древне-восточном рабовладельческом и первобытно-родовом хозяйстве Старого Света. Только подробное изучение инвентаря и установление реальных типов дольменов разных стран и их взаимоотношения друг с другом, поможет разрешить вопрос о направлении и последовательности этого процесса.

В вопросе о взаимоотношении Северо-Кавказских дольменов и Кубанской культуры меди с Западной Европой, значительную эвристическую роль вероятно сможет сыграть изучение типов керамики, поскольку этот предмет производства, почти никогда не встреча-

ющий недостаток в местном сыром материале—глине, не допускающий в то же время на более ранних стадиях развития, по своей хрупкости, продолжительного транспорта и, наконец, благодаря сравнительной дешевизне, являющийся массовым, способен быть отразителем характерных сторон именно изучаемой культурной группы. Так в частности вопрос о датировке кургана бывшей станицы Царской и др. кубанских древнейших курганов опирается, с одной стороны, на типы глиняных сосудов из дольменных курганов станицы Новосвободной, поскольку их удастся сблизить с энеолитической керамикой Бернбурга и, с другой стороны, на шнуровую керамику катакомбных погребений со скорченными костями степной полосы, соответствующей в свою очередь и западно-европейской шнуровой керамике, хотя и синхроничной с бернбургской, но относимой Тальгреном в восточных ее вариантах к несколько более позднему времени, чем керамика Новосвободной станицы, ибо последняя, как бы оторвана от своего ближайшего аналога, верхне-волжской фатьяновской керамики, широкой степной полосой распространения именно этого шнурового варианта. Однако, мне не кажутся вполне убедительными эти соображения, поскольку, во-первых, имеется ряд несомненных показателей одновременности фатьяновской культуры и катакомбной, во-вторых, черты даже большей архаичности степных могил с каменными топорами-молотами и булавами с молотовидной головкой, допускающими датировку эпохой несколько более древней, чем унетицкая ступень в Западной Европе, именно рубежом III-го и II-го тысячелетия, как это вытекает из сравнения подобных булавок, с одной стороны, с костяной булавкой, недавно найденной в нижнем слое дольмена с корридором в Дании¹, с другой с булавами из Сачхере в Грузии и с серебряной булавкой из скорченных окрашенных погребений энеолитического некрополя в Ремеделло близ Брешии в Северной Италии², по форме, особенно близкой сачхерским.

Эта датировка подтверждается и тем, что подобные булавы в восьмом кургане Андрюковской станицы³ были найдены в сопровождении крупного медного клинка, редкой у нас формы, сходной мо-

¹ Rosenberg G. Nouvelles trouvailles de „Chambres de Géants“. B: Mémoires de la Société R. des Antiquaires du Nord. Copenhague, 1932—1933, стр. 433, рис. 12.

² Montelius O. Die Vorklassische Chronologie Italiens. Stockholm, 1912, табл. XII 24-25. Гёрнес М. Культура доисторического прошлого т. II, Москва, 1914, стр. 75.

Городцов В. А.—Культура бронзовой эпохи в Средней России, Москва, 1916, стр. 57.

Tallgren A. M. La Pontide préseythique. B: Euras. Septentr. Antiqua, II, Helsinki, 1926, стр. 100.

³ Отчет Арх. Ком. за 1897 г. СПб. 1900 г. стр. 22, рис. 82.

жет быть, по мнению А. В. Шмидта¹, с так называемыми кипрскими кинжалами древней Кикладской эпохи², т. е. около 2400—2100 лет до н. э. Только в таком случае становится понятной и значительно большая примитивность гончарных изделий, находимых в подобных погребениях, сравнительно с глиняными сосудами из кургана станицы Новосвободной, которые явно подражают и по форме и орнаментации „полотенцами“ и шишками найденным там медным тонкокованным котлам (рис. 63₂) и кувшинам с цилиндрическими шейка-

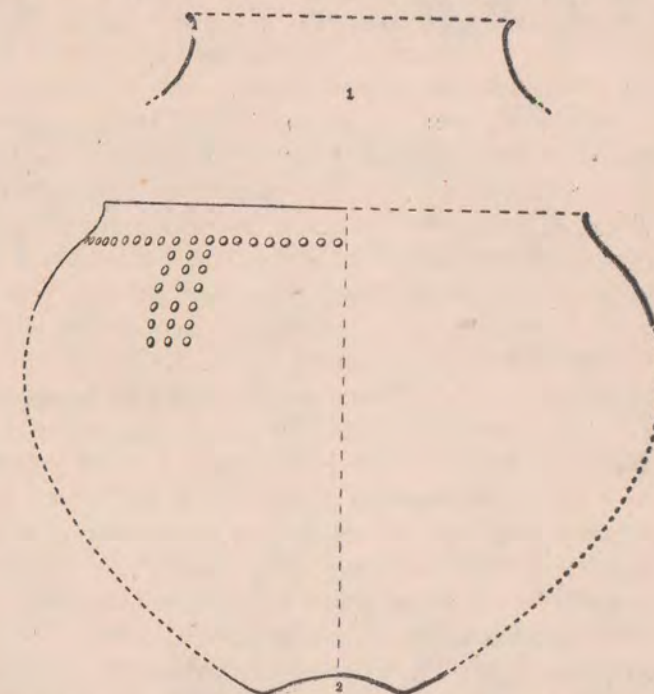

Рис. 63. Профильная реконструкция медных сосудов из курганных дольменов станицы Новосвободной (бывш. Царской): 1—горловая часть сосуда из второго дольмена и 2—котел из первого дольмена.

ми, а также аналогичным серебряным сосудам Майкопа с цилиндрическим горлом и шаровидным кузовом.

К сожалению очень недостаточно изучена керамика Северо-Кавказских погребений с каменными топорами-молотами, но еще менее керамика Кубанских дольменов, исследованная только Фелицыным, после которого не сохранилось, видимо, ни одного из многочисленных упомянутых им глиняных сосудов и их фрагментов, за исклю-

¹ Schmidt A. V. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. Там же IV, Helsinki, 1929, стр. 19.

² Childs G. The dawn of european civilisation, London, 1927, стр. 46—48.

чением тех 3-х миниатюрных горшочков, которые описаны в каталоге Уварова¹ и приведены в рисунках у Фелицына². Как показывает наше исследование Эшерских дольменов, это, вероятно, объясняется очень плохой сохранностью, большей частью, плохо обожженной дольменной посуды. Почти все найденные нами исключительно мелкие сосудики мало отличались по цвету от окружающей глины и разваливались при извлечении из земли на мелкие фрагменты, растрескиваясь в пальцах. Только после просушки и пропитывания черепков желатином удавалось их восстановить. Из дольмена IV-го, богатого бронзовыми орудиями, происходят следующие сосуды: а) миниатюрный горшочек (К. 115) из красновато-серой плохо обожженной глины, найденный в северо-западном углу дольмена. Сосуд имеет 8,2 см. высоты, довольно широкий кузов с крутыми плечиками, цилиндрическую до 3 см. длины шейку, слегка расширяющуюся к горлу, где достигает до 6 см. в диаметре; плоское доньшко имеет поперечник около 5 см.; сосуд леплен от руки шнуровой техникой; швы на месте соединения жгутов хорошо заметны и при распаде сосуда на фрагменты, дают возможность различить способ прилепа верхнего жгута к косому наружу краю нижнего (табл. XXXIII₁).

Миниатюрная чашечка (К. 114) из очень плохо обожженной глины серой в изломе и кирпично-красноватой на наружной и внутренней поверхности, была найдена у середины задней стенки дольмена. Чашечка, лепленная от руки налепом легко распадается на фрагменты по швам между жгутами, благодаря чему удается легко и здесь проследить технику ее изготовления (табл. XXXIII_{2,3}): первоначально вылепливалось доньшко в виде диска с вогнутой верхней поверхностью и слегка блоковидно вдавленным краем; к нему наклепывалась стенка из сплюсненного и кольцеобразно сворачиваемого глиняного жгутика; сверх этого наклепывались таким же образом следующие три жгута, из которых последний образовывал венчик сосуда. После этого стенки слегка выравнивались и зачищались горизонтально и вкось деревянной лопаточкой с рубчиками на конце (3 бороздки на 4 мм). Видимо ребром этой лопаточки наносился, наконец, примитивный орнамент в форме косых зубчиков по самому краю чашки. Глина пориста, вероятно от содержащихся в ней органических включений и имеет кроме того примесь мелких кварцевых зерен. Среди фрагментов этого сосуда находилась лентообразная трапецевидной формы ручка, место которой не удалось точно установить, была ли

¹ Уваров А. С. Каталог собрания древностей, Москва, 1887, стр. 76, №№ 705, 707.

² Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены. В: Матер. по Арх. Кавказа, вып. IX, Москва, 1904, рис. 7, 8 и 20 стр. 27—35.

Медный инвентарь из дольмена IV.

она быковым выступом стенки сосуда или выступом его края вверх. Высота чашечки—3,10 см., диаметр венчика—8,4 см., дна—4,3 см., толщина стенок около 0,7 см.

Кроме этих 2-х сосудинок, имеется в Музее два более крупных сосуда в виде широкогорлых горшков с округлым, суженным к плоскому доньшку, кузовом (табл. XXXIII_{1,5}). Оба эти сосуда, как выше было сказано, были найдены М. М. Иващенко у передней стенки дольмена на более высоком уровне. Они также плохо обожжены и имеют темно-бурый цвет. Глина содержит примесь крупного песка. Один из этих сосудов, достигающий 12,5 см. высоты, 12 см. диаметра горла и 8 см. диам. дна, имеет дугообразную ручку, прикрепленную к верхней части корпуса сосуда при помощи выступа на ней входящего в соответствующее углубление стенки, т. е. по способу описываемому Фелицыным¹ в отношении найденных им сосудов в Кубанских дольменах. Ручка покрыта сверху елочко расположенными грубыми бороздками².

Второй сосуд, той же приблизительно формы и размера—из красно-бурой глины, имеет ручки в виде 2-х конических слегка уплощенных выступов на уровне верхней трети сосуда. В этом дольмене были найдены при первом исследовании, кроме этих двух, еще три сосуда, которые не удалось восстановить и фрагменты которых не сохранились. Во время вторичного исследования этого дольмена на уровне 1 метра от его дна близ верхнего края задней наклонившейся внутрь стенки оказались грубой лепки отдельные осколки (К.116) двух еще более крупных сосудов, возможно именно от тех самых, которые ранее были взяты М. М. Иващенко. Один из них имел красновато-бурый цвет и отличался глиной с значительной песчаной примесью. Наружная его поверхность была обработана характерным штриховым сглаживанием лопаточкой в 6—7 бороздок на 10 мм в чередующемся вертикальном и горизонтальном направлениях в виде паркета. Сосуд имел плоское дно с полого отходящими от него стенками под углом около 120°. Толщина дна сосуда достигала 1 см., а стенок до 0,9 см. Такой же массивностью стенок и дна отличался и другой сосуд, о размерах которого удалось составить более ясное представление, путем измерения кривизны фрагментов. Сосуд имел также плоское дно в диаметре 10,8 см. и полого отходящие под углом 130° стенки, кривизна которых в средней части указывала на диаметр кузова около 17 см. Сосуд имел, повидимому, форму широкого

¹ Фелицын Е. Д. Цит. соч., стр. 36, рис. 21 и 22.

² Tallgren. Dolmens of North Caucasia B. Antiquity, 1933, London, vol. VII, № 26, рис. 4 (этот сосуд опубликован по рисунку O. G. S. Growford, сделанному в Сухумском Музее).

горшка. Поверхность его также была обработана паркетобразным сглаживанием помощью лопаточек с 5 зубцами на 1 см. Насколько эти сосуды связаны с древнейшим инвентарем дольмена трудно сказать.

В дольмене II имелось всего 4 миниатюрных сосудика. В юго-западном углу находился маленький горшочек (К 124) красно-бурого цвета, сравнительно лучше других вылепленный и лучше обожженный. Он отличается высотой всего 5,7 см., диаметром горла 3,5 см. (внутри) и 4,4 (снаружи), диаметром дна 1,8 см. Цилиндрическая шейка в 1 см. длины имеет слегка утолщенный и согнутый кнаружи венчик. Плечики украшены спускающимися с 4-х сторон по кузову до нижней трети сосуда налепными валиками (табл. XXXI₅).

Второй сосуд (К 127) представляет собою чашку также миниатюрную в 4 см. высоты со стенками воронковидно расширяющимися от доньшка, в 4,5 см. диаметром, до венчика, с диаметром в 8 см. Край венчика с одной стороны слегка приподнят в виде легкого мысика (табл. XXXI₄). Цвет сосудика бурый с серыми и светлыми пятнами. Вылеплена чашечка была, видимо, выжимом из целого куска довольно плотной глины без налеса. Толщина доньшка достигает 8 мм., стенок около 4 мм. Снаружи стенки несут следы штрихового сглаживания в вертикальном направлении, снаружи (таблица XXXI₂), и в горизонтальном, внутри, лопаточкой с тупыми зубьями, ширина которых превышает промежутки между ними, всего от 7 до 5 штрихов на сантиметр.

Третий сосуд является тоже чашечкой, но иной формы и чуть большего (около 5 см. высоты) размера. Доньшко его имеет 4,7 см. в диаметре; стенки в верхней части не отгибаются кнаружи, а наоборот, слегка суживают устье (в 8,2 см. в диаметре) сгибом внутрь. Глиняное тесто имеет много включений в виде мелких каменных зернышек. Благодаря слабому обжигу с поверхностей, наружной и внутренней, цвет глины красно-бурый, в изломе — серый. Следов налепной техники незаметно. Весь сосудик отличается рябчатой поверхностью от специально нанесенных по всей наружной поверхности наискось палочкой легких углублений вертикальными рядами (табл. XXXI₃). По краю венчика снаружи проходит, кроме того, поясок из густо следующих друг за другом ногтевых вдавлений.

Четвертый сосудик (К 125) самого меньшего размера представляет собою крошечную скорлупчатой формы чашечку в 3 см. высоты и 5,5 см. в наибольшем диаметре. Обожжена чашечка очень слабо, глина имеет буроватый цвет, очень пориста и чешуйчато-слоистого строения. Несмотря на то, что чашечка сделана на скорую руку, она не вылеплена просто из одного комочка глины, а сделана налепом подобно тому, как изготавливаются большие сосуды. Благодаря отпа-

дению по шву верхнего налепленного края сосуда, легко видеть характерный для техники этого рода косой кнаружи скат, к которому притискивается последовательно каждый новый верхний жгут (табл. XXXI₄). Доньшко чашечки представляет собою легкое вдавление пальцем снизу, в диаметре 1,8 см.

Этот последний сосудик с полной несомненностью доказывает специальное, с погребально-культовой целью, изготовление посуды, которая не может иметь никакого практического применения.

При изготовлении этой посуды пользуются однако техническим приемом налеса жгутов, характерным, как выше говорили, при лепке крупных сосудов, требующих наращивания глиняной массы¹. По видимому вся эта миниатюрная погребальная керамика должна именно имитировать крупные сосуды, которые по каким-то соображениям как бы избегали класть в подлинных образцах. Возможно что это явление находится в связи со вторичным обрядом погребения, когда в дольмены клались только освобожденные от мяса кости покойника, уже настолько оторванные от окружающей жизни, что для них казалось достаточным оставлять питание в этой полусимволической форме, особенно при нередко наблюдаемом у первобытных племен представлении об очень малых размерах главной души. Подобного рода представления, характерные для первобытно родового сознания, нам лично приходилось наблюдать, например у гилаков, стадиально близких строителям дольменов. Так гилаки пользуются для приношений пищи пеплу своих сожженных покойников специально изготавливаемой из дерева миниатюрной имитацией деревянной бытовой посуды, которую оставляют в особых маленьких домиках „раф“, предназначенных для души покойника, близ места его сожжения. От миниатюрной главной души, наследующей вечность, „хання омаро“, другое ранне-родовое дальневосточное племя удэһэ отличает еще иные виды души — „тени“, живущие с покойником пока не отделится мясо от костей, эти души-тени достигают, напротив, часто гигантских размеров. Именно в направлении подобных представлений придется искать разгадку нашего наблюдения об употреблении миниатюрной глиняной посуды строителями дольменов, а не в возникающем на более поздних стадиальных ступенях стремлении, под давлением экономических соображений, переходить от реальной жертвы к символической ее замене. Дольменное население несомненно находится на более ранней стадии родового быта, чем выше рассмотренная нами кобаньская общественность.

¹ Ср. описание и фотографии десяти последовательных стадий работы жгутовой техникой налепом, пережиточно сохранившейся в Московском районе, в статье: Куфтин Б. А. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии. Москва, 1928, стр. 10—15.

Итак, возвращаясь к характеристике формальных и технических особенностей керамики меньших эшерских дольменов, мы можем в следующих чертах резюмировать ее отличительные свойства: плохой обжиг, грубое глиняное тесто, жгутовая техника лепки, наличие широкогорлых горшков с ручкой в виде простых выступов, а также, может быть, и душек, скрепляемых с сосудом с помощью лепных стерженьков, вставляемых в соответствующее гнездо в его стенках; преобладание миниатюрных форм горшечков и чашечек; полное отсутствие орнамента шнурового, гребенчато-штампованного и резного линейного; обработка поверхности сосудов штриховым сглаживанием и отсутствие приемов лощения. Все эти особенности, конечно, не могущие считаться вполне установленными, вследствие скудости материала, все-таки достаточны, чтобы выделить эту керамику в особый тип, являющийся не столько архаическим по существу, сколько технически примитивным, что отчасти может объясняться особым не бытовым, а погребальным характером этой посуды.

Отсутствие соответствующих комплексов посуды среди археологических находок из последующих хозяйственных стадий, в частности из культурного типа Кобани, давшей нам пока только крупные сосуды-оссуарии, не позволяет установить приемственности в приемах обработки и в типах форм посуды, за исключением может быть штрихового сглаживания поверхности сосудов, которое держалось здесь следовательно в близких формах в продолжении более 15 веков, доказывая непрерывную традицию гончарного мастерства, начиная с III тысячелетия и во всяком случае до эллинистической эпохи. Для уточнения этих вопросов необходимо в даль-

Рис. 64. Коричнево-красный и голубой пастовый бисер и каменные голубовато-серые бусы из дольмена II в, нат. вел.

нейшем тщательное собирание керамического материала, целиком, а не только орнаментированного, особенно в связи с постановкой изучения местных памятников с культурными слоями этой эпохи.

Нам остается теперь из всего инвентаря, происходящего из меньших дольменов, сказать еще несколько слов о типе бус, найденных в дольмене II.

Бусы (рис. 64) все очень небольших размеров, большей частью коротко, реже удлинено цилиндрической формы, принадле-

жат трем различным видам: а) бусы из глиняной желтовато-кирпичной пасты коротко цилиндрические 3-х мм длины и 3—4 мм в диаметре и колечковидные в 3 мм диаметром, хрупкие, окрашивающие пальцы; б) бусы из голубоватой пасты узко-цилиндрические в 4 мм длины и 2,5 мм в диаметре, тоже хрупкие и с) цилиндрические наиболее крупные в 7 мм длины и 9 мм диаметром из голубовато-серого твердого минерала. Сердоликовых бус, а также бронзовых в этом составе найдено не было, хотя последние, именно бронзовые характерны для инвентаря двух больших дольменов, а также для кубанских курганов и степных катакомбных ранне бронзовой эпохи. Сердоликовые же бусы в это время, повидимому, были редкими, хотя и характерны для богатой Майкопской группы курганов¹. Пастовые бусы желтые и голубые встречаются в древних северокавказских курганах, например, станицы Константиновской² близ Пятигорска (3 кургана с булавами Ульского типа). Что касается бус из голубоватого камня (м. б. бирюзы), то они так же известны в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе, например, в большом Майкопском кургане в виде плоских цилиндрических пронизок около 10 мм в диаметре.

Таким образом инвентарь обоих малых эшерских дольменов оказался существенно иным, чем двух крупных, но это еще пока не дает оснований делать какие либо выводы о взаимоотношении этих дольменов между собой, тем более, что нам не удалось самим затронуть исследование последних, чтобы убедиться в действительной принадлежности найденного там инвентаря строителям этих дольменов.

Мы говорили уже выше о целом ряде точек соприкосновения инвентаря больших дольменов с более поздней Кобаньской культурой, но можно ли поэтому считать большие дольмены моложе по возрасту двух меньших, не заключающих в себе подобных вещей. Правда, характер клинков-копий или ножей из дольмена V-го также отличается, как видели, от клинков дольмена IV-го более совершенными техническими приемами их изготовления, т. к. они (особенно больший) скорее литые, тогда как клинки меньших дольменов имеют характер кованых, но ввиду того, что литые топоров из этих дольменов и крюков, украшенных шнуровым орнаментом, показывают значительную высоту литейной техники, конечно и этому факту нельзя еще придавать значения до получения дополнительных материалов после исследования I и V дольмена до конца. Пока мы мо-

¹ Отчет Археолог. комиссии за 1897, СПб, 1900, стр. 4, рис. 7; за 1895, стр. 30, рис. 63.

² Tallgren A. M. Zur nordkaukasische Bronzezeit. B: Eurasia Septentrionalis Antiqua, VI. Helsinki, 1931, стр. 126.

жем только констатировать факт, что разница в инвентаре эшерских дольменов совпадает, как с различиями в величине, так и с некоторыми деталями их устройства.

Оба меньших дольмена после расчистки их дна обнаружили существование на дне особых плит подстилающих переднюю и заднюю стенки дольменов II и только переднюю дольмена IV-го. Эти плиты выдаются внутри камеры дольмена, образуя как бы порог шириной 50 см., в дольмене IV-м, и 55 см. впереди и 32 см., сзади, в дольмене II-м. Остальной пол дольмена как бы забутован осколками известняка и морской галькой.

Обмер этих двух дольменов произведенный после их расчистки внутри дал следующие результаты: дольмен II имеет ширину передней стены в 192 см., высоту ее 150 см., положение верхнего края отверстия на расстоянии 85 см.; от верха и размер самого отверстия, имеющего слегка овальную форму в горизонтальном диаметре 43 см. и в вертикальном 38 см.; длина левой стенки камеры изнутри достигает 196 см., задней 172 см. при высоте ее 120 см. т. е. на 30 см. ниже передней, что обуславливает наклон крыши назад и соответственную трапецевидную форму боковых плит. Покровная плита в длину измерена не была т. к. расчистки дольмена от земли снаружи не было. В ширину же она достигает 275 см. при 38 см., в среднем, толщины.

Дольмен IV-й имеет ширину передней плиты 231 см., высоту ее 167 см., толщину 20—25 см., расстояние отверстия от верхнего края 110 см. при его диаметре 47 см., длину боковых плит целиком с выступающими концами в 350 см.,—задней плиты 181 см., при высоте 138 см. и толщине 27 см. Покровная плита могла быть измеренной только в толщину (28—30 см.) т. к. от нее сохранился лишь фрагмент.

Как показывает обмер оба эти дольмена имеют характерный трапецевидный план и наклон покровной плиты назад, как это отмечается почти для всех крупных дольменов Западного Кавказа. Типичным также является и наличие двух вертикальных пазов около 10 см. ширины, на каждой боковой плите для укрепления передней и задней плит, края которых специально заточены, чтобы вместить их в пазы.

3. О характере инвентаря северо-кавказских дольменов.

Таким образом, несомненным оказывается, что все характерные черты развитого типа дольменного строительства, наблюдавшиеся ранее в западно-кавказских дольменах были уже полностью вырабатаны в эпоху раннего медно-бронзового производства на Кавказе, к

которой относится, как мы видим, инвентарь обоих нами полностью раскопанных меньших дольменов в Кюр-Дере. Это обстоятельство заставляет по новому подойти и к известному до сих пор материалу кубанских и черноморских дольменов, сооружение которых пытались часто относить к значительно более позднему времени, полагая возможным даже датировать их первыми веками нашей эры¹ только потому, что внутри этих дольменов обнаруживались предметы римского времени: (бронзовая фибула с подвесным приемником +—н. э., железный меч с кольцевидным завершением рукоятки, эллинистической, судя по находке Г. Д. Филимонова в Кобани, эпохи², босфорская золотая монета Рискупорида IV,³ глиняная посуда, выделанная на гончарном кругу и пр.). Однако в целом ряде случаев отмечался и совершенно иной инвентарь, который мы можем теперь сопоставить с нашим и утвердительно установить, во всяком случае, двуслойность погребений в западно-кавказских дольменах. Двуслойность эта хотя и подозревалась еще Н. Л. Каменевым, впервые в 1869 году произведшим раскопки дольменов, не была в дальнейшем достаточно выявлена ни ходом раскопки, ни анализом находимого инвентаря, который заключал в себе наряду с поздними вложениями и предметы значительно более древнего слоя, если и не современного может быть еще строителям дольменов, то, во всяком случае, свидетельствующего об использовании последних для погребений в эпоху средней и даже древней бронзы (меди) на Кавказе.

Несмотря на исключительную скудность известного нам до сих пор подобного дольменного инвентаря, полученного в результате исследований Н. Л. Каменева и затем раскопки более сотни кубанских дольменов Е. Д. Фелицыным, этот инвентарь достаточно характерен, чтобы сопоставить его с нашим и отделить от несоответствующих ему поздних предметов.

В этом отношении типична, прежде всего, керамика. По свидетельству Е. Д. Фелицына он находил глиняную посуду двух ти-

¹ Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности, вып. III. Древности времен переселения народов, СПб, 1890, стр. 104.

Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены. В: Материалы по Археологии Кавказа, вып. IX, Москва, 1904, стр. 36 и 38.

Сысоев В. М. Там же, стр. IV.

² Филимонов Г. Д. О доисторической культуре Осетии. В: Приложение к XXXI тому Изв. Общ. Люб. Ест., Москва, 1878, стр. 28—29, № 29.

Анучин Д. Н. О некоторых формах древнейших русских мечей. В: Тр. VI Арх. Съезда в Одессе т. I, Одесса, 1886, стр. 239, табл. I₃.

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. В: Мат. по Арх. Кавк. VIII, Москва, 1900, стр. 85—86 (датировка погребения).

³ Фелицын Е. Д. Цит. соч. стр. 61; рис. 29 (фибула) 28 (меч железный).

пов: сделанную более искусно и тщательно на гончарном кругу и другую примитивной ручной лепки из глины с примесью кварцевых зерен. К этой последней группе принадлежит серия миниатюрных чашечек и горшочков 5—6 см. высоты и 6 см. диаметром, которые, как мы видели, характерны и для абхазских дольменов. Большинство этих сосудиков было найдено Фелицыным в совершенно разрушенном состоянии, свидетельствующем о слабом их обжиге; только несколько штук сохранилось в собрании А. С. Уварова, куда поступили материалы от Е. Д. Фелицына из его раскопок кубанских дольменов в 1884 и 1885 гг. Таковы два сосудика из дольмена Абадзехской станицы несомненно относящиеся к древнейшему слою, поскольку, согласно свидетельства Фелицына, они были добыты местными жителями из под каменной плиты подстилавшей дольмен, который следовательно сам как бы служил в данном случае надгробной камерой, подобно египетской мастабе. Под плитой находились человеческие кости и десять маленьких глиняных сосудов¹. Один из этих сосудов представляет собою, по описанию каталога А. С. Уварова² и фотографии в статье Е. Д. Фелицына,³ узкодонный горшочек из светло-желтоватой глины с двумя маленькими ручками, отходящими от венчика к самому широкому поясу сосуда у края плечика; вокруг шейки проходит трехрядный орнаментированный пояс из неправильного ямочного пунктира и от него вниз по плечикам и выпуклой части корпуса шесть прямоугольных шевронов каждый из пяти вертикальных борозд, грубо нанесенных, видимо, ребром того же острия, которым наколоты ямки. Другой сосудик высотой всего 5 см., в виде широкодонного горшочка, с подобным же образом поставленной, но одиночной, ручкой грубо слеплен из черноватой глины.

Оба сосудика, хотя и отличаются присутствием ручек от наших, однако своей миниатюрной величиной и склонностью, заметной на одном из них, к орнаментации ямочными углублениями, сближаются с керамикой, добытой в эшерских дольменах.

К этой же древнейшей группе, судя по величине и ручной лепке, может быть следует отнести и фрагментированную чашечку высотой около 3,4 см. и диаметром 9,5 см. со спиралевидным орнаментом по внешнему краю венчика, найденную в дольмене № 2 близ пос. Каменноостского.

Что касается металлического инвентаря, синхроничного, может быть, построению дольменов, то он ограничивается в раскопках

¹ Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены. В: Материалы по Археологии Кавказа, вып. IX, Москва, 1904, стр. 26.

² Уваров А. С. Каталог собрания древности. Москва, 1887, стр. 76.

³ Цит. соч. рис. 7.

Керамика из дольмена IV.

Фелицына всего несколькими бедными предметами: ¹ четырехгранными шильцами и плоскими ножичками часто веслообразной формы, принимавшимися Фелицыным за наконечники стрелок или за „булавки“, но повидимому близкими, по характеру, вышеописанным находкам из эшерских дольменов (стр. 279—280).

Более выразителен инвентарь Н. Л. Каменева, относящийся к двум кубанским дольменам одного в станице Абадзехской и другого в ст. Царской (теперь Новосвободной) на р. Фарсе. Несмотря на то, что обе эти находки (рис. 65) находятся в Музее Грузии и значатся в каталоге П. С. Уваровой ², правда без указания на отношение их

Рис. 65. Две группы предметов из дольменных погребений. 1—3, из станицы Абадзехской (в $\frac{2}{3}$ нат. вел.); 4—6, из многогранного дольмена станицы Новосвободной (бывш. Царской), в $\frac{2}{5}$ нат. вел.

к дольменам и к раскопкам Каменева, они оставались до сих пор вне поля внимания археологов, хотя являются, по существу, единственным материалом, если не считать ³ знаменитый инвентарь двух

¹ Фелицын Е. Д. Цит. соч., стр. 40.

² Цит. соч., стр. 43, рис. 25; стр. 51, рис. 27 (возможно № 713 по каталогу Уварова А. С.) стр. 54, 64, 75.

Уварова П. С. Museum Caucasicum V, Тифлис, 1902 г., стр. 144—145.

двойных дольменов в курганах станицы Царской (теперь Новосвободной), способным бросить некоторый свет на культуру кубанских дольменов. Я имею в виду предметы, отмеченные №№ 3052—3054 и 3057—3059. Принадлежность их к дольменному инвентарю легко устанавливается путем сличения каталога П. С. Уваровой со схематическими рисунками, приводимыми Е. Д. Фелицыным в его монографии о дольменах. При этом противоречивость и неточность сведений Фелицына полностью корректируются записью П. С. Уваровой и статьей Н. Л. Каменева в „Кубанских Войсковых Ведомостях“ 1870 г. об этих находках. Так под Абадзехской станицей у П. С. Уваровой за №№ 3052—3054 перечисляются следующие три предмета: медный тонкий клин, медный топорик и крюк. Все эти три предмета отличаются миниатюрными размерами. Е. Д. Фелицын на стр. 30—34 своего описания говорит с ссылкой на „Кубанские Ведомости“, что Каменев обнаружил в одном из дольменов в Абадзехской станице: „боевой топор с покатою задней частью, круглой втулкой и узким лезвием, топор плоский в виде стамески, наконечник стрелы в виде весла и наконечник копья шилообразной формы со втулкой“.

Из этого перечня, сопровождающегося схематичными рисунками¹, два первые предмета полностью совпадают с указанными П. С. Уваровой в Музее Грузии. Первый предмет этого комплекса в Музее Грузии, медный крюк (рис. 65), не перечисленный Фелицыным в данном месте, упомянут им, почему то отдельно, дополнительно, на стр. 36, как происходящий из того же дольмена. Согласно же Н. Л. Каменеву² им был найден в станице Абадзехской в одном разрушенном дольмене, не заключавшем поздних погребений, инвентарь, „состоящий из топорика, долота-плитки (род рубанка) и крючка с трубкой для вкладывания рукоятки“. Следовательно данные Уваровой и Каменева точно совпадают, тогда как у Фелицына в первом его списке оказываются два несоответствующих свидетельству Каменева предмета: шилообразное копье со втулкой и наконечник стрелы в виде весла. Что касается первого, то, судя по приложенному рисунку, это есть ничто иное, как тот же крюк со втулкой, но первоначально понятый как прямое острие, лишь вторично погнутое. Поэтому крюка и не оказывается в этом списке Фелицына и упомянут он отдельно в другом месте. В „стреле“ же „в виде весла“ не трудно узнать, несмотря на грубость рисунка, ошибочно сюда попавший предмет (рис. 65₄) из второго комплекса, происходящего из станицы Царской с реки Фарс, где по записи П. С. Ува-

ровой значатся под №№ 3057—3059: два особых „наконечника стрел из меди“, один в форме довольно длинного кинжальчика, второй же „листообразный с закругленной оконечностью“. Этот последний и изображен у Фелицына, на рис. 18 как „стрела в виде весла“ в то время как предмет изображенный на его рис. 23 служит ему для иллюстрации двух бронзовых стрел, отмеченных в этой находке самим Каменевым и за ним Фелицыным (стр. 36), называющим их же, в другом месте (стр. 24), двумя „бронзовыми копьями“. Тальгрэн¹, воспользовавшийся в вышедшей сводке данными Фелицына, повторяет его ошибки.

В другую группу предметов с реки Фарс П. С. Уварова включает еще бронзовое литое кольцо и „мраморный“ сероватого цвета шар (рис. 65₆), гладко отполированный, что несомненно соответствует данным Каменева о предметах, найденных им в особом многогранном дольмене, раскопанном в 1869 г. в одном из больших курганов у станицы Царской, где наряду с двумя вышеупомянутыми стрелами Каменев называет „каменный шар из кавказской яшмы величиной в яблоко“ и обломок золотого колечка.

Список, опубликованный Каменевым цитирует и Фелицын на стр. 36, где также упоминает об обломке золотого колечка, уже не существовавшего в числе предметов из Фарса в Кавказском Музее ко времени его описания П. С. Уваровой в 1901 г., как отсутствовали уже тогда там и многие другие золотые предметы из курганных раскопок Каменева, повидимому, в связи с большой кражей происшедшей в Музее в 1882 г.² Что же касается бронзового литого кольца, указанного в каталоге Уваровой, то, хотя мне и не удалось установить его идентичность с предметами Музея, оно на самом деле может происходить из того же комплекса предметов найденных Каменевым в многогранном дольмене, хотя он сам о нем не говорит. Действительно у Фелицына в другом списке на стр. 24, независимом от статьи Каменева и содержащем некоторые дополнительные детали о раскопке упомянутого дольмена, упоминаются два бронзовых кольца.

Оба установленные, таким образом, инвентарные комплекса, связанные с кубанскими дольменами, несмотря на их малосоставность, представляют значительный для нас интерес. Содержимое Абадзехского дольмена, несмотря на то, что он был разрушен, сохранилось, повидимому, достаточно полно. Весь комплекс состоит из трех раз-

¹ Фелицын Е. Д. Цит. соч., рис. 16—19.

² Каменев Н. Попытка археологических разведок в Кубанской области. В: „Кубанские Войсковые Ведомости“, 1870, № 47.

¹ Tallgren A. M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidentale, B: Eur. Sept. Ant., IX, Helsinki, 1934, стр. 18, 19, рис. 18₁₋₅.

² Радде. Краткий очерк истории развития Кавказского Музея за 25 лет, Тифлис, 1891, стр. 32.

ных медно-бронзовых орудий, объединенных одной общей чертой — миниатюрностью. Если бы не кости взрослого человека („осколки толстого черепа“, бедро), найденные в этом дольмене можно было бы подозревать здесь детское погребение с игрушечным ассортиментом орудий. Однако, повидимому, скорее эти миниатюрные формы связаны с тем же отмеченным нами выше, при анализе керамики абхазских дольменов, стремлением к миниатюрным размерам посуды, в связи с развивавшимся в то время особым представлением о малом размере души покойника и о соответственно символическом ее оснащении. Позднее это обстоятельство отразилось в народном черкесском названии дольменов „с'сыпп-уна“ (с'сыпп — „пигмей“, „гном“) т. е. „дом гномов“ (в противоположность мегрельскому и русскому названию дольменов „демеша куде“ = груз. მდევრის სახლი дом дэвов — „богатырская хата“) и их предании, что дольмены построены исполинами для пигмеев или даже самими пигмеями¹, которые у абхазов известны под именем цанов (абх. а-цан, мегр.-самурзак. цани) и которым в Абхазии приписываются еще особые ограды из камней высоко в горах, именно, „цанигвари“ (ацангуары) — „ограды гномов“².

Что касается состава предметов, то он заметно отличается от того, что видели мы в обоих нами раскопанных абхазских дольменах. Сходными являются узкий топор со свисающим обухом и крюк со втулкой. Последний несмотря на малую величину, всего 5 см. длины, очень близок, по форме (свернутой, а не литой) трубки для древка, крюку из дольмена II в Кюр-Дере. Топор, длиной 10 см. и весом 102 грамма, отличается от абхазских менее согнутой формой клинка и прямым, не скошенным, срезом нижнего края втулки, которая кроме того характеризуется грубоватой вертикальной ребристостью поверхности, не наблюдаемой у абхазских топоров. Третий предмет, узкое трапецевидное плоское тесло (7,5 см. длиной и 2,2 см. шириной лезвия), совсем не имеет аналогий в абхазских дольменах и предоставлено в Грузии всего лишь одной находкой в Сачхере, где в том же могильнике найдено было также массивное полукруглое долото с четырехгранно-призматическим основанием, совершенно подобное долотам из главного дольменного погребения в первом

¹ Уварова П. С. Кавказ, т. I, Москва, 1887, стр. 75.

² Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. В: Живая старина. 1893, вып. 3, стр. 326—327.

Иващенко М. М. Исследование археологических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 79—83, рис. XXI.

кургане станицы Царской (Новосвободной)¹ и долотам из курганов станицы Воздвиженской² и Летницкой (Ставроп.)³. Однако, вытянутыми пропорциями, тесла из Абадзехского дольмена и из Сачхере, если и тяготеют к древнейшим сумерским прототипам IV—III тысячелетия⁴, в Кавказской культурной зоне занимают скорее промежуточное положение между теслами из кургана ст. Летницкой и из кладов сел. Привольного⁵ (Ставроп. г.) и стан. Костромской⁶ с вислообушными топорами и долотами, уже более позднего типа, с незамкнутыми втулками, образованными загибом краев.

Второй комплекс, с р. Фарса, к сожалению очень неполный, из оставленных, по словам Н. Л. Каменева, кладоискателями предметов, представляет совершенно особый интерес, по связи его с единственным в своем роде памятником: башнеобразным многогранным дольменом, находившимся под земляной насыпью огромного кургана, одетого каменным голышом и обложенного по окружности большими плитами. Курган расположен в пяти верстах от станицы б. Царской (Новосвободной) вверх по р. Фарсу, на краю возвышенности, перпендикулярной реке, на левом ее берегу.

Когда было приступлено в ноябре 1869 г. к раскопке этого кургана на нем, по свидетельству Н. Л. Каменева, были видны следы давней раскопки в центре кургана и с юго-восточной его стороны. По сведениям, собранным Е. Д. Фелицыным⁷, здесь за 20 лет перед тем пытался произвести раскопку какой то приезжий иностранец („франк“ по словам местных черкесов), наткнувшись на слой жженого кирпича, но принужденный раскопку прекратить, так как горцы в силу страха отказались работать⁸. Новая раскопка была проведена в расстоянии четырех саженей от этого места в южной части кургана, где была замечена выступавшая каменная коническая

¹ Отчет Арх. Ком. за 1898, СПб, 1901, табл. I, рис. 12—14.

² Отчет Арх. Ком. за 1899, СПб, 1902, стр. 47, рис. 81.

³ Отчет Арх. Ком. за 1898, стр. 53—54 (без рисунков). Коллекция хранится в Эрмитаже.

⁴ Маскау Е. Report on excavations at Jemdet Nasr. B: Field Museum of Nat. Hist. Anthr. Mem, Vol. I, Chicago, 1931, табл. LXXI^{321, 329}.

Wooley C. L. The royal cemetery. New York, 1934, табл. 229, №№ U 9072 и U 8578.

⁵ Отчет Арх. Ком. за 1894, СПб, 1896, стр. 42.

⁶ Изв. Арх. Ком. вып. 65, Петроград, 1918, стр. 174, рис. 11.

⁷ Фелицын Е. Д. Западно-кавказские дольмены. В: Матер. по Арх. Кавказа, вып. IX, Москва, 1904, стр. 24.

⁸ О подобном случае происшедшем в 1837 г. рассказывает английский путешественник в Черкесию Джеймс Станислав Бэлл, но повидимому дело идет о другом кургане, расположенном где то в районе реки Псебебши: Bell James Stanislaus. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839, vol. I, London, 1840, стр. 282.

крыша, оказавшаяся составленным из 8 правильных треугольных плит пирамидальным покрытием башнеобразной постройки, которая была сложена, как установлено Фелицыным, через 15 лет после раскопки, из 11 продолговатых плит, толщиной до 20 см. и высотой 2,13 м. неодинаковой ширины, поставленных вертикально на круглом плоском камне в 3 м. диаметром и толщиной до 27 см. В восточной самой широкой (в 90 см.) стенной плите имелось закрытое снаружи каменной втулкой квадратное отверстие, в 37 см. шириной, являвшееся единственным входом в построенный, таким образом, башнеобразный дольмен (рис. 66). К этому входу в насыпи кургана имелся «корридорный ход».

По обеим сторонам квадратного отверстия внутри дольмена стояли два глиняных горшочка, совершенно разрушившихся, а в разных

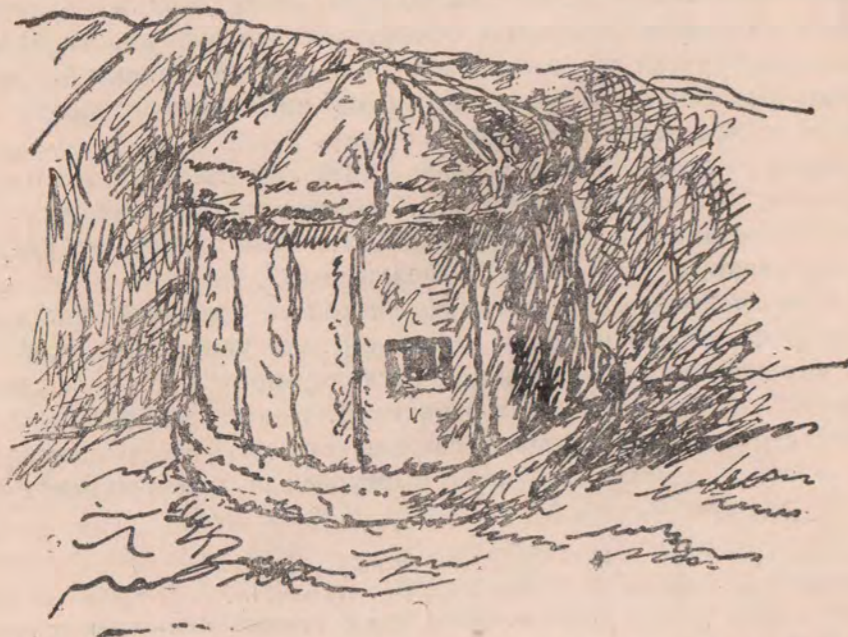

Рис. 66. Башнеобразный многогранный дольмен в курганной насыпи станицы Нововосвободной (по обмерам, описаниям и зарисовке Е. Фелцына и Н. Каменева).

местах на дне был собран остальной упомянутый нами выше инвентарь: прекрасно выточенный из зеленовато-серой твердой породы шар, медный тонкий кинжальчик с узким стержнем для насадки, другой подобный, (но веслообразной формы), клиночек, два бронзовых кольца и обломок золотого колечка. Что касается медных клинков, то о их первоначальном виде полностью судить трудно, так как в Кавказский Музей они поступили в сильно преобразованном

виде, пройдя тщательную обработку со всех сторон на точильном колесе. Однако, несмотря на это, удается усмотреть значительную аналогию для обеих этих форм в клинках из знаменитых дольменных погребений, раскопанных Н. И. Веселовским в 1898 г. в том же месте на р. Фарсе у станицы б. Царской, где находился и описываемый нами многогранный дольмен. Именно кинжальчик 18 см. длины, с узким уплощенным шипом и тонким лезвием (рис. 65₃), повидимому, принадлежал по типу к трем кинжальным клинкам из первого дольмена¹, а веслообразный клинок 12,5 см. длины (рис. 65₄), расши-

Рис. 67. Округлоконечный медный клинок («бритва»), шило, золотое височное кольцо и белый бисер из кургана станицы Костромской (в $\frac{2}{3}$ нат. велич.).

ряющийся к концу (до 3,2 см.) и с таким же уплощенным шипом, отвечает найденным там же двум пластинчатым также расширяющимся от основания лезвиям², концы которых хотя и разрушены, но по аналогии с подобного же характера (рис. 67) медным клинком (8,7 см. длины и 2,5 см. ширины) из соответствующего по возрасту курганного погребения Костромской станицы³, могли иметь совершенно тождественное с описываемым правильное полукруглое очертание, являясь репликами сумерских «бритв», известных из погребений IV тысячелетия до н. э. в Кише⁴.

¹ Отчет Арх. Ком. за 1898 г., СПб, 1901, табл. II, рис. 24—26.

² Там же, табл. II, рис. 27—28.

³ Отчет Арх. Ком. за 1897, СПб, 1900, стр. 15—16. См. Коллекц. Моск. Инст. Музея.

⁴ Маскау Ernest. A sumerian palace and the «A» cemetery at Kish, part. 2. B: Field Mus. of Nat. Hist., Anthropol. Mem., vol. 12, Chicago, 1929, стр. 165, табл. LXII, 31, 14.

Но близость инвентаря многогранного дольмена с дольменными погребениями Н. И. Веселовского особенно подчеркивается наличием в тех и в других прекрасно выточенных из твердых кристаллических пород с мраморовидными узорами правильных шаров, неизвестного назначения. Шар из многогранного дольмена (рис. 65_в) отличается от трех различной окраски шаров, найденных Н. И. Веселовским во втором дольменном погребении, лишь более значительной величиной, вместо 3—3,5 см., около 5,5 см. в диаметре и зеленоватым цветом нефритоидного грюнштейна (не царапающегося иглой), из которого он сделан. Наличие фрагмента золотого колечка также указывает на первоначально богатый характер рассматриваемого погребения.

Указанные обстоятельства позволяют синхронизовать и сами замечательные дольменные постройки в этих трех курганах станицы Царской (Новосвободной). Действительно легко заметить один и тот же технический прием тонкой обработки каменных плит (18—27 см. толщины) точных геометрических очертаний (треугольных, пятиугольных, прямоугольных и круглых), притыкаемых вплотную друг к другу и сдерживаемых в своем положении исключительно тяжестью земляной засыпки, по удалении которой форма постройки неизбежно должна рассыпаться, так как, в противоположность настоящим дольменам, не является архитектурной конструкцией. Поэтому и дольменные отверстия в плитах лишены здесь какого бы то ни было практического назначения, поскольку становятся доступными, с удалением земли, лишь после того, когда с постройки снята уже крыша и вход в погребальную камеру и без окна открыт. Особенно это явно в дольменах Н. И. Веселовского, где отверстием пронизаны лишь внутренние стенки, покрытые общей крышей с внешними.

Сходен многогранный дольмен с двускатнопокровным дольменом Веселовского и прямоугольной формой отверстия, одинаково, в обоих случаях, прикрытого специально пригнанной каменной плиткой.

Таким образом, все три раскопанные на реке Фарсе, в районе одной станицы Царской (Новосвободной), дольменообразные строения в курганных насыпях представляются скорее изощренными имитациями подлинных дольменов, в сторону приспособления их к более сложным формам погребальной камеры, в частности и подражающей, возможно, круглому плану средиземноморских ульеобразных гробниц, чем древними моделями для настоящих надземных дольменных построек с их конструктивной прочностью, даже при сложении из неотесанных каменных плит. Однако, это обстоятельство находится в противоречии с хронологическими соображениями в отношении погребального инвентаря, с одной стороны, так называе-

мых больших кубанских курганов, объединяющих в себе внутрикурганные дольмены станицы Царской (ср. также каменный ящик ст. Закап-Юрт¹ и иного типа могилы ямно-грунтовые, обложенные деревом (Майкоп, станицы Летницкая, Псебайская)², или включенные в курганный насыпь, сводовые (станицы Андриюковская³, Костромская), с другой стороны, надземных дольменов с выясняемым нами их первоначальным погребальным инвентарем, который хотя и соприкасается, как мы отмечали, по некоторым линиям, с блестящей культурой больших курганов, но отличается своими резко выраженными чертами: топорами вислообушного типа, шнуровой орнаментацией в литье, низкого качества керамикой. Если даже признать разницу в типе топоров, массивных прямолопастных и более тонких вислообушных, не чисто хронологической, а связанной с различным тяготением этих и социально различных памятников, то в сторону крито-микенского культурного мира, в первом случае, с характерным там еще в древнеминойскую эпоху сочетанием прямолопастного топора с топором-киркой⁴ (как в Майкопе, где округлоконечный пластинчатый нож также тяготеет к долго бытовавшим в Эгее формам)⁵, то непосредственно к Месопотамии и Сумеру с рано развившимся там типом узколопастных трубчатообушных топоров, все равно не удастся устранить указанного противоречия до дальнейших исследований в этом направлении и выяснения древнейшего инвентаря, с которым связано первое появление дольменов на Кавказе. Во всяком случае единственная пока находка В. Сизова⁶ в одной примитивной дольменообразной гробнице близ сел. Кабардинского инвентаря, в котором можно заподозрить отношение к предшествующему металлу культурному слою (керамика в виде кубышек с неоформленным дном, фрагмент орудия из просверленного оленьего рога, четырехгранное костяное шило и грюнштейновая полированная и биконически просверленная подвеска, в форме клино-

¹ Отчет Арх. Ком. за 1904 г. СПб, 1907, стр. 32—33.

² Отчет Арх. Ком. за 1895 г. СПб, 1897, стр. 134.

³ Отчет Арх. Ком. за 1896 г. СПб, 1898, стр. 54.

⁴ Childe, G. The Dawn of European Civilization. London, 1927, стр. 34.

⁵ Evans A. The prehistoric tombs of Knossos. B: Archaeologia, vol. LIX, London, 1906, стр. 50, 70, рис. 78.

Tallgren A. M. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit. B: Eur. Sept. Ant. VI, Helsinki, 1931, стр. 144.

Schmidt, A. V. Die Kurgane der stanica Konstantinovskaja. B: Eur. Sept. Ant., IV, Helsinki, 1929, стр. 18, с ссылкой на Seager R. B. Excavations on the island of Mochlos, 1912, стр. 48.

⁶ Сизов, В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. В: Мат. по Арх. Кавк. вып. II, Москва, 1889, стр. 59—62, табл. III, фототипия IX.

видного топорика-тесла), не позволяет полностью устранять возможность отыскания действительно реально более древнего, чем культура ложных дольменов реки Фарса, местного дольменного слоя.

4. Вопрос об этническом оформлении дольменной стадии Восточного Черноморья.

Таким образом, работа, проделанная Абхазской археологической экспедицией, поставившей целью исследовать памятники различных эпох, не выходя за пределы самого узкого района, дала возможность установить, на протяжении, приблизительно, полутора тысячелетий до эпохи эллинизации Черноморского побережья, наличие на территории одного Эшерского сельсовета крупных хозяйственно-общественных сдвигов в развитии туземного родового общества.

Хотя в настоящем очерке не было еще возможности достаточно акцентировать внимание непосредственно на уяснении стадияльного своеобразия хозяйственных форм, в отношении к добытому экспедицией вещевому материалу, это должно будет явиться дальнейшей задачей, требующей, кроме всего, продолжения археологических работ; но и простой уже обзор памятников непосредственно подвел нас к необходимости понять их как неразрывные части одного исторического процесса, законами которого формируются, на основе хозяйственно-общественных отношений, и сами этнические массивы, не могущие, поэтому, еще в процессе оформления стать самостоятельными источниками для объяснения исторических перемен, как их нередко рассматривают. Сами ранние исторические формы этноса зависят от характера хозяйственно-общественной замкнутости отдельных родов или наоборот, достаточно глубокого на значительной территории экономического объединения, которые, в результате, и приводят к обособлению более или менее крупных племен-народностей в догосударственный, „героический“, по Энгельсу, период развития человеческого общества.

Не отрицая здесь принципиальной возможности говорить об этнических передвижениях, как катастрофического характера, так и происходящих путем медленного просачивания населения на соседние территории, т. к. они несомненны в ряде исторических случаев, мы не можем придавать им исключительного значения и игнорировать более существенные для ранних стадий общественного развития автохтонные процессы, когда, на основе общих законов экономического развития, в условиях определенной географической обстановки и исторического окружения, вырастают самостоятельные культурно-хозяйственные коллективы, обособляющиеся затем, с течением вре-

мени, в племенные образования с присущими им для каждой ступени этнического оформления особенностями своих проявлений, подобно тому как на следующей диалектической ступени, в условиях государственной централизации и ликвидации феодальной раздробленности, снимая племенные противоречия, формируется высший тип национальных единств—нация¹.

Проследивая резко меняющийся характер могильного инвентаря трех хронологически различных слоев, начиная от исторически засвидетельствованной эпохи греческой колонизации, казалось бы, легче всего было понять его, как последовательную смену трех различных племен, включивших в орбиту своих территориальных передвижений исследованный нами пункт, Эшерское сельское общество. Но когда мы ближе присматриваемся к нашему материалу, мы видим общую местную традицию, связывающую хронологически разобщенные комплексы в одну общественную филиацию, хозяйственная база которой территориально далеко выходила в различные эпохи не только за пределы современной Абхазии и Западной Грузии, но и всего Закавказья и Черноморья, расширяясь порой до пределов крупной исторической системы. Не смены народов, а хозяйственно-общественные трансформации, переживавшиеся различными общественными коллективами, под влиянием хозяйственного развития, дифференциации производственной деятельности и включения в разное время то в те, то в другие производственные объединения Средиземноморья и Передней Азии, были основной причиной глубоких изменений изучаемого инвентаря на протяжении палеометаллической и неометаллической эпох.

Учитывая исторически сложившиеся положения яфетического языкознания о языковых и этнических взаимоотношениях на территории Западной Грузии, мы пытались в отдельных случаях установить возможную связь материальных объектов с этими этногоническими процессами, подводя под них вместе с тем определенную хронологическую сетку. Так мы отнесли обособление и появление здесь абхазской народности, образовавшей, по словам Н. Я. Марра, разрыв в первоначальном чане мегрельском населении (с языком шипящей группы) всего Восточного Черноморья², ко времени античного могильника эллинистической эпохи, когда на северном Черноморье вместо скифов господствовали уже сарматы, привнесшие совсем новые элементы свистящей речи ко второму древнейшему спирантному

¹ Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат ЦК ВКП (б) 1935, стр. 160, 158, 73, 6, 9.

² Марр Н. Я. Термин „Скиф“ В.: Яфетический сборник I, Петерб. 1922 г. стр. 104, 109—110.

компоненту языка абхазов¹, в то время, как комплекс послекобаньских памятников, с характерным для них золотом и бронзовыми фигурками с мужским и женским божествами плодородия, сопоставили с образованием колхского и скифо-сколотского² этнического конгломерата (западной манифестацией которого являются кельты с ранними ступенями латенской культуры) с действовавшим в них ионийским (чано-шонским) элементом, особенно полно проявившим себя в ранне-скифском искусстве; наконец кобаньскую культуру удалось связать с сперо-иберо-кимерской³ племенной средой в ее особом, именно иберо-мегрельском орономическом выражении, что косвенным образом подтверждается, историческими свидетельствами с одной стороны о предшествовавшем скифам, в северном Черноморье, сильном племенном объединении кимеров, которые охватили в своей завоевательной экспансии и южное побережье и более глубокие части М. Азии, с другой стороны, о крупной исторической роли в Малой Азии сибилантного двойника кимеров,—тиберов-тубалов, отложивших свое имя и в Абхазии (Tebel-da) и на северном Кавказе в Теберде (Кабарде)⁴.

Труднее всего конечно этнически охарактеризировать древнейшую из изученных нами стадий, именно культуру дольменов, несомненно задолго предшествовавшую образованию кобаньского хозяйственного типа с его резко выраженным материальным содержанием, высоко развитым бронзовым производством, появлением железных орудий, крупной хозяйственной ролью лошади, в то время как строители дольменов находились еще в самом начале бронзового периода и не только не знали железа, но и бронзовый сплав им не был еще знаком; так по данным химического анализа, орудия, найденные в дольменах, сделаны из чистой меди и содержат олова лишь около пол процента, что может объясняться скорее всего не сознательной присадкой, а просто составом медной руды. Лошадь также, судя по отсутствию ее изображений и каких либо костных остатков даже в богатых погребениях больших кубанских курганов, совершенно отсутствовала в их хозяйстве, подобно как и в хозяйстве прибли-

тельно синхроничной им степной южно русской и украинской каткомбной культуры.

При редкости олова на Кавказе и вообще при крупном значении, какое должна была иметь торговля этим металлом, в условиях крайне неравномерного распределения оловянных руд на земной поверхности, для развития широких форм торгового обмена еще в доклассовом обществе восточного полушария, появление высоко развитой бронзовой индустрии кобаньского типа на Кавказе знаменует собой процесс энергичного втягивания этих областей в тесные экономические связи с районами главных транзитных путей движения олова, Северным Средиземноморьем и Дунайскими странами. Заметное иногда стремление приуменьшать роль обмена за счет спонтанного роста замкнутых на своей территории хозяйств, не только противоречит фактическому состоянию наших знаний, но кроме того значительно искажает историческое понимание великой роли общественного разделения труда, основанного на различиях природных условий и разнообразии форм усвоения природных средств жизни, поведших за собой, по словам Энгельса¹, „правильный обмен продуктами“ на так называемой средней ступени варварства, т. е. именно в эпоху развития скотоводства и медно-бронзового производства. Если не учитывать широкого взаимообщения уже и в халколитический период на территории Переднего Востока и Средиземноморья и происходившего на этой почве обособления территориальных групп населения, берущих на себя роль коллективных посредников в общении по берегам морей и рек и по путям первоначального движения древнего товара-скота, металла, янтаря, обсидиана, позднее рабов, нельзя понять процесса образования целого ряда значительных племенных объединений, игравших крупную роль в хозяйственной системе древнего мира.

Чтобы судить нам теперь о резком сдвиге в характере металлического производства в условиях широко развившегося торгового обмена металлами, который ознаменовал кобаньскую эпоху с ее умением пользоваться оловом и составлять прекрасные бронзовые сплавы, рассмотрим здесь результаты анализов в процентах некоторых металлических изделий Западной Грузии и в частности могильника Эшери².

¹ Марр Н. Я. Абхазоведение и абхазы. В: Восточный сборник, Ленинград, 1926, стр. 144—146.

² Марр Н. Я. Цит. соч. стр. 147.

³ Марр Н. Я. Термины из абхазо-русских этнических связей „лошадь“ и „тризна“ (к вопросу о племенном происхождении Средиземноморского населения). Ленинград, 1924 г. ст. 16.

⁴ Марр Н. Я. Абхазоведение и абхазы. В: Восточный Сборник, Ленинград, 1926, стр. 125.

¹ Энгельс Фридрих. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1932, стр. 161.

² Публикуемые анализы переданных нами образцов произведены Аналитической лабораторией „ТИХИАН“ 10 января 1935 года под руководством зав. лабораторией инж. Г. М. Купермана.

	Cu	Sn	Pb	Fe	Zn	Sb
Бронзовый топор с изображением „гера“ из погребения в урне в Эшери	86,0	13,39	нет	нет	—	—
Оловянная шейная гривна из того же погребения	нет	96,5	нет	нет	нет	нет
Бронзовое копье орнаментированное (Э—13)	87,75	10,56	0,10	нет	—	нет
Пластинчатая бронза от шлема или лат из 1-го Эшерского погребения в урне	85,00	13,05	0,10	нет	—	—
Бронзовый браслет ножной (Э—17)	84,95	11,46	нет	нет	следы	—
Бронзовый колоколовидный репей Э—96	75,12	15,6	нет	нет	следы	—
Бронзовый браслет—ножной (К—101)	88,75	10,40	нет	нет	следы	—
Медный слиток из Носири Зугдидского района	95,82	сл.	0,10	1,54	—	—

Мы видим здесь во всех изделиях кроме слитка из Носири (рис. 34) датированного сопровождавшим его золотым инвентарем поздне-кобаньским временем, хорошую бронзу с оптимальным содержанием олова от 10% до 13%. Только в одном случае, где излишняя хрупкость металла не могла иметь большого значения, именно в колоколовидной бляшке, процент олова оказался доходящим до 15,60%. Правда надо здесь учесть, что вследствие сильной патинизации предметов процентное взаимоотношение металлов изменяется, т. к. олово быстрее переходит в патину чем медь, при этом общий недостаток металла приходится за счет кислорода окислов.

Если сопоставить эти данные с составом металла в предметах из дольменов, где анализ узких вислообушных топоров дает например, следующие два типа сплавов:

Cu97,2 Sn0,77 т. е. почти чистую медь и другой где олова нет, и следов Pb 0,2 Sb10,16 Fe0,69, т. е. исключительно своеобразный сплав с сурьмой более 10%,¹ можно легко видеть на террито-

¹ Анализ второго топора, найденного мною в 1937 году в дольмене Кюр-Дере, произведен аналитиком химического Института Грузфана Ш. Надарейшвили.

рии Кавказа и северного Черноморья во второй половине II-го тысячелетия вышеупомянутый резкий технический перелом в металлургическом производстве, обусловленный глубоким общением со странами добычи олова и озаменованный кроме того, как видели, другими крупными хозяйственными сдвигами, развитием коневодства, усилением вооружения (втульчатые копья, крупные кинжалы, латы), ростом торгового обмена (импорт олова), и образованием на этой хозяйственной основе, народов новой формации с выделением родовой аристократии, одновременно почти появившейся в до-гомеровской Греции, М. Азии, Иране и проч.

Очерченные нами выше границы распространения кобаньской культуры по обеим сторонам Кавказского хребта определили до известной меры область, в которой происходило древнейшее обособление сперо-иберской культуры, трансформировавшейся, повидимому, в дальнейшем непосредственно здесь же на месте в картло-имерскую народность феодальной эпохи. Насколько в образовании этого этнического типа принимали участие культурно-хозяйственные связи этого района с М. Азией, хотя бы с северо-восточными ее областями, сказать на основании археологического материала еще трудно, т. к. южная и юго-западная границы распространения кобаньского инвентаря за Чорох еще не прослежена, но находки в Орду и в Артвине, а также вышеуказанное соприкосновение последней с Алишар Гуюк позволяют предвидеть тесное взаимоотношение восточного и южного, во всяком случае, юго-восточного побережья Черного моря друг с другом, как это предполагал еще А. А. Спицын¹.

Территория распространения западно-кавказских дольменов, за исключением Абхазских, лежит вне границ распространения кобаньской бронзы, синхроничным заместителем которой в этом районе является, повидимому, не достаточно еще здесь выявленный особый культурный комплекс, который установил для северного Черноморья В. А. Городцов² под именем „Кимерийского“ и который характеризует присутствием бронзового кельта (Майкоп³, р. Урупа)⁴ (вместо проушного топора), бронзового серпа с крючком, широко-втульчатого копья и пр. т. е. предметов, большая часть которых отсутствует в кобаньском могильнике и характеризует степную зону. Зато древний слой, подстилающий кобаньскую бронзу в Сев. Осетии

¹ Спицын, А. А. Карта бронзового века Восточной Европы. В: Seminarium Kondakovianum II, Praga, 1928, стр. 77.

² Городцов, В. А. К вопросу о киммерийской культуре. В: Труды Секции Археологии, Института Археол. и Искусствознания, Москва, 1928, стр. 46—60.

³ Городцов, В. А. Культура бронзовой эпохи в Средней России, Москва, 1916, стр. 73.

⁴ Museum Caucasicum V, Тифлис, 1902, № 1023.

и в Грузии (Сачхере) в области ее распространения, как мы выяснили выше, близко соответствует дольменному инвентарю, хотя само строительство дольменов туда не заходит.

Таким образом, на место древнейшей бронзы с вислообушными и прямыми проушными топорами, на Западе Кавказа возникают две совершенно не зависящие друг от друга культуры с кобаньским топором и кельтом. Причем обе эти культуры обнаруживают некоторое независимое тяготение к материальным формам предшествующей стадии. Такими предметами является, напр., для северного Причерноморья бронзовый серп, находящий свой прототип в серпах клада станицы Костромской¹ на Кубани (с вислобушным топором и плоским теслом). Для западного же Закавказья и Сев. Осетии таким связывающим звеном являются зооморфные украшения больших Эшерских дольменов, которые имеют непосредственное продолжение в кобаньской бронзе, как на это было обращено внимание при описании найденного экспедицией дольменного инвентаря. Однако руководящие формы обоих поздне-бронзовых комплексов, — кельт и кобаньский топор, несколько не связаны генетически с типами топоров дольменов и древнейших кубанских курганов, заставляя предполагать существование иных областей их возникновения вне указанной территории. Для кельтов этот вопрос в достаточной степени можно считать освещенным: зародившись в Сибири они получили распространение до Западной Европы и в видоизмененном виде двинулись обратно на восток², захватив всю территорию от Алтая до Альп в эпоху предшествующую перевоплощению племени кельтов и их восточных двойников скелотов-скифов, с общим сал-ионским наименованием, в индоевропейские народы.

Что же касается кобаньского топора, то как мы отмечали выше, место его происхождения остается пока еще неясным, хотя и намечалась уже возможность искать его в юго-западном направлении, но во всяком случае не в северном, как это предполагал Напѣар,³ выводящий, несомненно, сильно специализированную форму кобаньского бронзового топора непосредственно от каменного топора-молота Северного Кавказа, хотя этому противоречит даже чисто формальная сторона, полное отсутствие у бронзовых топоров кобаньского типа круглых отверстий для рукояти, обязательных для каменных сверленных топоров и повторяющихся у медных вислообушных то-

¹ Известия Арх. Комиссии, вып. 65, Петроград, 1918, стр. 174, рис. 11.

² Городцов, В. А. Культура бронзовой эпохи в Средней России. Москва, 1916, стр. 73—74.

³ Напѣар Franz. Die Beile aus Koban in der Wiener Sammlung Kaukasischer Altertümer. В: Wiener Prähistorische Zeitschrift XXI Jahrgang, 1934, стр. 19—22.

поров предшествующей стадии, также уже достаточно специализированных в других направлениях и немогущих в свою очередь быть связанными непосредственно с каменными прототипами. Простое сопоставление кобаньских топоров с венгерскими в том виде как это сделано было еще Chantre'ом⁴ тоже ничего не объясняет, хотя несомненные совпадения несомненно и возможно зависят от воздействий, идущих из общего производственного центра, который в таком случае естественнее всего искать где то на южном побережье Черного моря, т. е. в Малой Азии.

В качестве одной из переходных к кобаньскому топору формы отметили особый топор, известный по ряду находок на восточном Черноморском побережье вне связи с кобаньским инвентарем и несомненно древнее его. Действительно топоры этого типа, имея отличные от кобаньских силуэтные очертания, обладают некоторыми общими приемами моделировки поверхности плоскими гранями, сходящиеся ребра которых вполне совпадают с таковыми кобаньских топоров и придают шестигранную форму тем и другим. Эти топоры более плоски и широки, чем кобаньские, отличаются широким полукруглым более или менее симметричным лезвием и суженной дугообразными двусторонними выемками шейкой, с треугольным выступом вверх у переднего борта проуха и клиновидно заостренным коротким обухом. Из сравнения батумского и сухумского топоров можно видеть, что топор указанного типа пережил на территории Западной Грузии определенную эволюцию, выраженную, прежде всего в изменении формы отверстия для рукояти от примитивного круглого (сухумский и новороссийский экземпляры), характерного для дольменных топоров, до заостренно-овального (батумский экземпляр), совпадающего вполне с формой проуха кобаньских топоров и имеющего большое рабочее значение, т. к. закрепляет топор на рукояти и не дает ему повертываться на ней, как в первом случае.

Таким образом указанные топоры до некоторой степени позволяют в дальнейшем надеяться подойти к выяснению вопроса о происхождении кобаньского топора, а пока устанавливают его формальную связь с типами, господствовавшими в восточном Черноморье в предыдущую стадию. Напротив у нас нет никаких оснований полагать, чтобы развитие кобаньского топора могло происходить от одного из типов дольменного топора, на территории Западного Закавказья.

Во всяком случае, позднейший разрыв Западно-Кавказской территории ранней бронзы с инвентарем дольменного типа был обусловлен включением уже ранее дифференцированных ее частей, — северо-

⁴ Chantre Ernest. Цит. соч., т. I, 1885, стр. 45 сл.

западной кубанско-черноморской, со строительством дольменов, и южной грузинской, не знавшей дольменов, в две различные хозяйственные системы: одну с тяготением к народам степей, другую в сторону закавказских производственных центров и торговых путей, причем именно сюда оказалась оторванной территория абхазских дольменов, а также через Рионо-Кубанский водораздел и территория Северной Осетии, почти не включавшая в себя в эту эпоху степных элементов.

Менее всего можно сказать об этническом субстрате, предшествовавшем указанному разделению. С одной стороны недостаточно еще понятые взаимоотношения друг с другом дольменных культур различных стран, с другой — также остающаяся еще неясной форма связи западно-кавказских дольменов с соседними районами, не знающими их, но сходными по типу металлического инвентаря, наконец еще не вполне разъясненный характер межплеменных хозяйственных отношений на этом раннем общественном этапе, не позволяющие включить строителей абхазских дольменов в ту или иную определенную геоэтническую среду. Помимо этого и глубоко уходящая за исторические даты эпоха абхазских дольменов делает совершенно отвлекающим, не имеющим иного конкретного содержания, кроме словесной формы, всякое этническое наименование, слишком оторванное, как от исторически известных, так и тем более живущих теперь племен.

В Западной Европе, как известно, одним из кандидатов на этническую принадлежность дольменов считают лигуров, засвидетельствованное античными авторами догальское население Франции и Северной Италии¹. Действительно имеются некоторые основания учитывать возможность оформления этого этнического образования на древнейших путях движения янтаря, который по Страбону (IV⁶²)², был в изобилии у лигуров, нося имя *λίγυρίον*, именно на Пиринейском полуострове, где янтарь обнаружен в стоянках еще энеолитической эпохи³, затем в Италии, где находки его сделаны в палафитах, правда, в верхних слоях⁴ и, наконец, на территории самой Франции, знающей янтарь в дольменном инвентаре. Однако уводить далеко вглубь металлической эпохи исторических лигуров, хотя и бывших, несомненно, посредниками в торговле янтарем в более позднее время, вряд ли возможно, если учесть, что топонимические данные заставляют предполагать еще более древний предшествовав-

ший лигурам языковой слой, который Н. Я. Марр вскрывает для территории Франции в своей работе „Сена, Сона, Лютеция и первые обитатели Галлии этруски и пеласги“. Действительно археологический материал, который удается приурочить к историческим лигурам, исключает возможность их отношения к дольменам. Déchelette достаточно убедительно доказал связь расселения лигуров с распространением поздно-бронзовых серпов, особенно многочисленных в коренной области их обитания в бассейне Роны и в Ломбардии¹ и редких или отсутствующих в районе распространения дольменов, тем более, что латинское название серпа *sicula* (нем. *Sichel*, англ. *sickle*) однозвучно с именем эпонимного героя *Sikèles* и *Siculus*, родоначальника древних сицилиан-сикулов, являвшихся, по сообщению Сицилийского историка IV в. до н. э. Филиста Сиракузского (Dionys. I₂₂), лигурами².

Нельзя не обратить внимания на то, что подобного же типа серп с крючком у основания появляется, как мы говорили выше, в синхроничной Кобани северо-черноморской культуре, которую В. А. Городцов выделил в качестве „киммерийской“. Это тем более имеет значение, что известное античным авторам родство лигуров с иберами оправдываемое между прочим лингвистически участием гурского, т. е., берского элемента в их имени, позволяет установить известное соответствие в преемственном взаимоотношении между лигурами-иберами, с одной стороны, и кельтами, также, италями (в Галлии и Италии), с другой, и аналогичным процессом смены киммерской геср. иберской хозяйственно-общественной стадии более молодой (скифской), т. е. по существу тоже кельтской или италской по ее племенному наименованию в сибилантном произношении. Для Западной Грузии тоже явление уже наблюдалось нами как выдвижение колхской общественной группировки на место предшествующей ей древней субарской, сперской, иберской. Само это явление широких соответствий в этногоническом процессе на территории Средиземноморья, собственно всей Евразии, которое надо отличать от первичной рассеянности элементов, акцентировалось неоднократно Н. Я. Марром и, в данном случае, указывает на возможность предполагать за иберами-лигурами еще более древнюю стадию племенного оформления в раннюю эпоху меди. Поэтому, выдвинутая еще Нибуrom и одним из основоположников первобытной археологии в Италии Gaetano Chierici³, исследовавшим энеолитический могиль-

¹ Jullian C. Histoire de la Gaule, vol. I, Les invasions gauloises et la colonisation grecque, Paris, 1908.

² Страбон. География. Москва, 1879, стр. 205.

³ Siret L. L'Anthropologie, 1909, стр. 138.

⁴ Модестов В. И. Введение в римскую историю. Т. I, СПб, 1902, стр. 133.

¹ Déchelette J. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, II Paris, 1910, стр. 14—15.

² Déchelette J. Цит. соч., стр. 17.

Модестов В. И. Введение в римскую историю, т. I, СПб, 1902, стр. 91.

³ Chierici G. I sepolcri di Remedello nel Bresciano e i Pelasgi in Italia. В: Bullettino di paleontol. Ital., X, 1884, стр. 133—164.

ник в Ремеделло, гипотеза о принадлежности энеолитической культуры Италии пелазгам, строителям мегалитических сооружений, получает в настоящее время, несмотря на существовавшую когда то оппозицию, совершенно новое значение, поскольку и материально удалось выше связать Ремедельский могильник с ранне бронзовой культурой Западной Грузии и Северного Черноморья. Будучи коренным слоем населения древне-греческой территории¹, отложившим свое тотемное имя в греческом языке в названии моря (πέλαγος) и журавля-аиста (πελαργός)², пелазги оказываются вообще одним из древнейших стадияльно-этнических оформлений Средиземноморья в эпоху первого распространения металлов³. Упоминаемые в египетских надписях в числе „народов моря“, входивших в коалицию против Рамзеса III, под именем Пуласати, они дали свое имя Палестине⁴ (стране филистимлян-пелазгов, *pilistu* ассирийских надписей), ознаменованной дольменным строительством, и, согласно многочисленным библейским сопоставлениям, являются не менее тесно связанными с территорией М. Азии, чем с Критом и Грецией⁵. Любопытно, что имя родственных пелазгам лелегов, подобно древне-греческому πελαργός служит также для обозначения аиста у новогреков λελέκ, также у албанцев и валахов⁶ λελέк. Под этим же именем lek-lek аист известен у арабов⁷.

Вскрытое яфетическим анализом тождество коренного слоя имени *pe-las-q* с *et-rus-k*, по самонаименованию *gas-ena*, подтверждая догадку С. Schuchard'a, ⁷ ссылающегося на Willamovitz'a, в разрез свидетельства Геродота, об автохтонности этрусского населения Италии, дает возможность еще более широко осветить на основе топонимического материала районы, входящие в эту древнюю хозяйственно-общественную систему. Так упомянутый во Франции этрусский и пеласгический более древний, чем лигуры, этнический слой находит продолжение на запад до Пиренейского полуострова, где

¹ Dussaud, R. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée, Paris, 1910, стр. 288—289.

Weill Raymond. Phéniciens, Egéens et Hellènes dans la Méditerranée primitive B: Syria t. II, 1921, стр. 139.

² Марр, Н. Я. Об яфетической теории. В: Новый Восток № 5, 1924, стр. 330.

³ Cara Cesare (de). Gli Etruschi-Pelasgi. Цит. по Hommel Fritz. Ethnologie und Geographie des Alten Orients. München, 1926, стр. 70.

⁴ Weill Raymond. Цит. соч. стр. 129—131.

⁵ Hommel Fritz. Ethnologie und Geographie des Alten Orients. München, 1926, стр. 59.

⁶ Benloew Louis. De la nationalité des Troyens. B: Acte du dixième Congrès International des Orientalistes. Session de Genève, 1894 Leiden, 1897, IV partie, section VII, стр. 13.

⁷ Schuchardt Carl. Alteuropa. Berlin, 1919, стр. 200.

Willamovitz-Möllendorff, U. (von). Staat und Gesellschaft der Griechen. Leipzig, 1910, стр. 11—12.

баски до сих пор именуют свой язык этрусским („eskuara“ по-баски)¹. Что же касается Востока, то Н. Я. Марр уже в 1921 г., не видя в то время иного еще объяснения открытым им фактам, чем народные переселения, нарисовал широкую картину распространения той матриархальной общности, которая оставила свой след в топонимике и этнонимике Кавказа в пелазго-этрасском оформлении. В названии Hommel'em² этого древнейшего населения от Элама до Греции и от Сев. Сирии до Кавказа алародийским т. е. урартийским используется именно восточный вариант расевского термина *et-rusk-i-tart* с характерным ротацизмом в его произношении. Хронологическим же показателем происшедшего в М. Азии общественного сдвига, приведшего к концу рассматриваемый древнейший слой, может служить борьба троянцев (τρῳᾶς) Т-гῶ-es (этрасского наименования) с ахейцами-эгейцами³, под именем Ακαίον, атаковавшими в 1250 г. до н. э. Египет, народом ионийского, по Н. Я. Марру, оформления, дальнейшими преемниками проторенных этрусками-пелазгами морских торговых путей.

Отголоском упомянутых древних этнических систем является до сих пор живущие на Кавказе многочисленные названия народов, реликтов этих ранних стадий племенного оформления, как ионского: чаны, сваны, сонмехи-хан, адигеи, удины (в прошлом этиуны), так и пелазго-лелегского (Leleg—*Lulug, вавилонские Lulubi)⁴: лезги, лаки, лазы (если они не ла-заны), обособляющие себя от чанов, рачинцы (*gaski*) и, наконец, двойники, по названию, этрусков-тушков тушины (туски по Птолемию).

О некогда имевшем место отношении лезгинских племен к Западному Кавказу и Закавказью отчасти говорит сохранившееся у грузин название водораздельного хребта между верхней Курой и Рионом „Лезгинскими горами“ Лихис мта⁵, ლიხის მთა, что может восходить к засвидетельствованной урартскими надписями в северном Закавказье стране Лики⁶, а также и упоминание античными поэтами в Колхиде страны Лигистийской, как у Ликофрона (III в. до н. э.) говорится о прибытии аргонавтов за руном в Лигистийскую Китэю (Κίτταιν τῆν Λιγιστίην)⁷. Вряд ли следует соглашаться видеть в этом названии про-

¹ Марр Н. Я. Об яфетической теории. В: Новый Восток, № 5, 1924, стр. 331.

² Hommel Fritz. Цит. соч. стр. 70.

³ Weill Raymond. Phéniciens, Egéens et Hellènes dans la Méditerranée primitive. B: Syria, tome II, Paris, 1921, стр. 134—138.

⁴ Hommel Fritz. Цит. соч. стр. 58, прим. 5.

⁵ Услар, Л. К. Древнейшие сказания о Кавказе, Тифлис, 1881, стр. 456.

⁶ Мещанинов, И. И. Халдоведение. Баку, 1927, стр. 30.

⁷ Ликофрон Александрийский. Александра. В: Латышев, В. В. Цит. Соч. т. I, стр. 399.

стое искажение, вместо Ливистийскую, относя название к ливийцам собственно ливистанам (Λιβυστῆναι), согласно толкованию Стефана Византийского¹. Скорее это может быть страной геродотовских (VII 72) лигиев (Λίγυες), соседних с каппадокийцами и пафлагонцами. В таком случае вероятнее обратное, что когда в древнем византийском житии св. Логина говорится, что он, доплыв от Зиганиса (река Ингур—Сингам у Арриана и Сигания у Плиния) до Ливики (Λιβύκη)², скончался на море и похоронен в Питнусе, надо предполагать замену знакомой Ливикой непонятой страны лигов.

Здесь кстати вспомнить и отмеченное академиком И. А. Орбели³ толкование Услара⁴ греческого племенного названия, в Колхиде, гениохов (Γενίοχοι), как осмысления туземного „ганноаче“, адыгейского наименования лезгин, тем более что и многие греческие авторы считали гениохов пелазгами.

Таким образом, последняя группа кавказских племен позволяет, хотя бы до известной степени, внести какие то относительно конкретные черты в местные модификации, как ионского, так и древнейшего пелазгического слоя, к которому мы, в вышеуказанном чисто условном понимании, пытались отнести докобаньскую, более древнюю стадию палеометаллической культуры Кавказа, в частности ее дольмено-строительную модификацию.

¹ Стефан Византийский. Из описания племен (сокращение). В: Латышев, В. В. Цит. соч., т. I, стр. 362.

² Юрченко, П. О. О топографических названиях урочищ В: Пятый Археол. Съезд в Тифлисе. Проток. Подгот. Комит. Москва, 1879, стр. 65.

³ Орбели И. А. Город близнецов Λισσοβρίας и племя возниц Γενίοχοι. В: Журн. Мин. Народ. Просв. 1911, май, стр. 210.

⁴ Услар П. К. Цит. соч. стр. 391.

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

1. Указатель предметный

- Агапетинское погребение—152, 153, 156, 167, 168.
 Абазехи—91.
 Abaza—91.
 Абазги-абхазы—90.
 Абазинцы—91.
 Абаски—90.
 Абасхи-мосхи—90.
 Абирь—234.
 Абиссинцы—137.
 Абразионный берег—120.
 Abrazax (Abrazax)—84.
 Абеллы—91.
 Абхазская бронза—140, 151, 153, 214.
 Абхазская народность—235.
 Абхазская страшная богиня—255.
 Абхазская фибула—242.
 Абхазский Краеведческий музей—3, 94, 107.
 Абхазские дольмены—281, 300, 304.
 Абхазский (древний) пантеон—255.
 Абхазский префикс—105.
 Абхазская сказка—75.
 Абхазский этнический слой—90.
 Абхазы—91, 101, 137, 186, 188, 192, 238, 304.
 Авазги—91.
 Авазго-овсо-свано-хевсурское племенное объединение—235.
 Аварская сказка—75.
 Аварский—87.
 Авеста—77.
 Автохтонное происхождение—188; процессы развития—310.
 Автохтонные слои—3.
 Агадская эпоха—153.
 Агат—175, 176.
 Агойский могильник—95.
 Аграрное божество—253.
 Адский пёс—195, 196, 198.
 Адыгей—321, 322.
 Ажур треугольно-выемчатый—136.
 Ажурная лента—236.
 Азиатский дольмен—259, 261.
 Азгское племя—123.
 Азиатские течения—257.
 Азиано-сирийский стиль—246.
 Азы—197.
 Аибга (аибу)—124.
 Аид—195.
 Аист—320.
 Акалон—321.
 Аккумуляционная зона—117.
 Акрополь—145.
 Алародии—144.
 Алародийское население—321.
 Албаны—234, 320.
 Албанский бронзовый топор—226, 227.
 Алебарда шумерская—223.
 Алебастровые женские статуэтки—287.
 Александрийско-пергамский локоть—114.
 Аллювий—117.
 Алмазный нож—84.
 „Амазонский топор“—152, 210, 211, 228, 230.
 Амиран—53, 69, 74, 79, 84.
 Амткельский дольмен—259.
 Аму-Дарьинский клад—37, 46, 49, 52, 62.
 Амулеты—214.
 Амфора остродонная—5, 10, 12—14, 22, 24—30, 93, 95, 99, 128, 129, 173, с двухствольными ручками—25, 27.
 Амфориски—13, 22, 31, 32, 96, 97.
 Анакити—208.
 Анализ химический—170, 206, 211.
 Аналитическая лаборатория ТИХИАИ—313.
 Анау III (слои)—39.
 „Антенная рукоять“—148, 158.
 Античная черепица—121; эпоха—258.
 Античные авторы—207, 319, 221; источники—203; могильники—128, 311; пласты—91, 128; селища—5, 7; традиции—93.
 AN-TUR-ZI—253.
 Ану—253.
 Антропоморфные изображения (фигурки)—246, 257, 281.
 Аникальные части гранитной интрузии—202.
 Аполлон—49, 66; Гиперборейский—50.
 Апотропеическое назначение—57, 86.
 Арабский—175, 182, 320; халифат—114, 115.

Agasni—114.
 Аргонавты—256, 321.
 Аргонавтика—187, 255.
 Ардины—253.
 Арийский слой—250.
 Ариман—78.
 Аристофанова комедия—62.
 Аркаско-ахейский герой—84.
 Армянская легенда—75.
 Армянский—86, 90, 169, 174, 203.
 Артинский клад—224, 233.
 Арханка греческая—173.
 Архаическая терракота—247; эпоха—96.
 Археологическая датировка—122; экспедиция—310; экспозиция—135.
 Археологический материал—315.
 Артемида Тавропола—254.
 Аск ионийский—174.
 Асмодей—75.
 Аспарез—114.
 Аспекты Иштари—255.
 Ассирийская глиптика—65; мина—168; надпись—120.
 Ассирийский барельеф—142, 144; источник—203; шлем—141, 142.
 Ассирийское искусство—61; слово—175.
 АссурЕ (AssurE) слой—230, 231.
 Астарта—252, 257.
 Астерабадский клад—206.
 Астрономия—113.
 Atargatis—255.
 Атенское святилище (храм)—83, 252.
 Атлас торгово-географический—270.
 Аттис—253, 255.
 Аттическая керамика—92, 106; фибула—160, 161.
 Аттический фут—114; шлем—129.
 Атрибуты охотничьей богини—254; мужских погребений—156.
 Афина—147.
 Африканский материал—163.
 Африканское происхождение дольменов—264.
 Афродита Урания—249.
 Ахалгорийский клад—45, 87, 173, 245.
 Ахейцы—105, 321.
 Ахеменидская эпоха—60, 87, 169.
 Ахеменидское искусство—88.
 Ахеменидские ткани—61.
 Апангуары—304.
 Ашвямкят—189.
 Базис эрозии—122, 127.
 Баран—154, 237, 239; горный—149, 194, 214.
 Баранчики (двойные)—155.
 Бараньи головы—243, 244, 270.
 Барельефные львы—171.
 Барс—147.
 Бары береговые—120.
 Баски—321.
 Баттаксские женщины—166, 167.
 Батумская газета—125.

Батумский музей—3, 217, 218.
 Батумский топор—317.
 Бахрама—146.
 Башнеобразный дольмен—305, 306.
 Башни—121, 122; дольмен—280; молчания—185.
 Бежан—75.
 Безклассовое общество—207.
 Безкрылый грифон—63; дракон—85, 140.
 Венажа—75.
 Берберы марроканские—162.
 Берега опускания—116, 120.
 Берег абразионный—120, морской—112, 313; речной—313.
 Береговая линия—112, 118, 120, 122, 123; терраса—118.
 Береговой бар—120; уступ—121.
 Берский элемент—319.
 Библийский—175.
 Библия—197, 200; афонская, мцхетская—69, 72.
 Billa V (слой)—230.
 Бинарная (квинарно) система—114.
 Бирюза—297.
 Бисер—278; белый—307; пастовый—296.
 Бифуркация—112.
 Близнецы—106.
 Бляха поясная—79, 82, 85, 90; колоколовидная (коническая)—149, 150, 152, 153, 168; скорлупчатая—152.
 Богатый род—267.
 „Богатырская хата“—304.
 Бог-жрец—84.
 Богиня: городская—109; коз—255; любви—248; мать—250, 253, 255.
 Божество грома—189, 190; обновления природы—238; плодородия—246, 251, 253, 254, 257, 312; погоды—254.
 Бомборский клад—246, 253.
 Борджомские находки—150.
 Бордюр из оленьих головок—194.
 Борийская фибула—80.
 Борийский могильник—39.
 Боспорская черепица—8.
 Браслеты—23, 94, 97, 134, 147, 214, 239, 240; ахеменидские—46; боченковидные—161; с вгибом—34, 35, 37, 38, 41, 44, 45, 47; с змеинными (зверинными) головками—36, 45, 47; ленточный—241; ломбардские—39; манжетные—163; ножные—153; с переплетенными концами—38, 95; спиральные—161; трубчатые—161; цилиндрические—161.
 Бритвы бронзовые—51; Сумерские—307.
 Бронза—204, 207, 210, 211, 214, 236, 285, 314; венгерская—285; европейская—159, 163; кобаньская—233; листовая—14.
 Бронзовая индустрия—244, 313; культура—1, 4, 133; металлургия—162; посуда—92; техника—162; эпоха—297.
 Бронзовое литье—161, 205; оружие—135; производство—207, 312.

Бронзовые заступы—221; зеркала—172; изображения—252, 256; крюки—282; листы—165; орудия—304; секеры—228; скульптуры—238; сосуды—172; сплавы—200, 202, 211, 212, 312, 313; статуи—211; статуэтки—247, 250; украшения—166; фигурки—312; цилиндры—283, 284.
 Бронзовые очаги культуры—207, 208.
 Бронзовый инвентарь—208, 211, 214, 233, 259.
 Бруни—200, 201, 204.
 Брунцвик король—78.
 Брусок каменный—140, 270.
 Бубенчики-бусы—26.
 Буддизм—77.
 Бундагеш—73.
 Булавки (бронзовые)—95, 134, 138, 147, 149, 152, 154, 155, 214, 268, 297, 311; веслообразные—280; двуспиральные—38, 39; кобаньские—136; лопатообразные—214; молоточковые—155, 283, 286, 290; с согнутыми головками—287.
 Булавки костяные—290; серебряные—290.
 Бурения—122.
 Бусы—181, 275; ажурные золотые—171; бронзовые—150, 180, 214, 278; бронзовые биконические—156, 168; гондубоватые пастовые—297; глазчатые—173; гишеровые—54; кирпичные пастовые—293, 297; медные—269, 270, 278, 282, 284; онисовые—134; перламутровые—55; сардинские—169, 170, 172, 173, 176; сердцевидные—53, 149, 156, 168, 174, 177, 296; стеклянные—55, 80, 94, 134, 176, 240, 241; четковидные синие—208; хрустальные—95; шаровидные—155, 173, 214; янтарные—94, 95.
 Быки—82, 86, 189, 254, 255; космические—255; крылатые—62, 68, 79, 82; морские—78, 84; огнелетящие—255.
 Бикоподобные существа—81.
 Бытие (библия)—175.
 Бычок (фигурка)—149; аму-дарьинский—63; двойной—155.
 Бычья головка—58.
 Вавилонская астрономия—113; космогония—197.
 Вавилонский—321; сард—174.
 Валахи—320.
 Vaneilus cristatus—76.
 Ванская эпоха—87, 92.
 Ванский бог—250.
 Варварства (средняя ступень)—313.
 Великая богиня (земли)—250, 252.
 Венетская эпоха—142.
 Венетский топор—317.
 Венетский музей—65.
 Верблюдо-птица—74.
 Верования парсийские—182.
 Верхне-кобаньский могильник—169, 170.

Верхние воды—87.
 Весенний миф—74.
 Веслообразная стрела—282.
 Веслообразный клинок—307.
 Вешая птица—87.
 Вещевой материал—310.
 Византийское время (эпоха)—99, 121, 127, 271.
 Византийские (источники)—203; памятники—77; монеты—271.
 Византийское строительство—126.
 Вилланова эпоха—141.
 Вино—96, 97.
 Височные завитки—214; кольца—268, 270; подвески—170, 172.
 Вислобушный топор—283, 284, 286, 287, 309.
 Витой шнур—216.
 Вишну—77.
 „Владычица Библиа“—250; зверей—250, 254, 255.
 Властелин моря—197.
 Вола—57.
 Водяная природа—193, 234; стихия—84.
 Водный хаос—67.
 Воды верхние, нижние—67.
 Воды грунтовые—117.
 Водопроводные трубы—10.
 Водораздельные хребты—259, 260.
 Военная добыча—209.
 Воздушные погребения—189.
 Воинский наряд—146.
 Воины—146.
 Войлочная одежда—138.
 Вол—255.
 Волго-финские племена—187.
 Волк—57, 86, 90, 193, 235.
 Волокна—145.
 Волновой орнамент (гребенкой)—33, 34, 43.
 Вооружение—146; оборонительное—146.
 Воплощение океана—196.
 Ворон—182.
 Воск—186.
 Восковые модели—150, 153, 161, 218, 219, 246, 281.
 Всадник—244, 245.
 Вторичные погребения—178, 180, 183, 188, 190, 295.
 Втулки дольменные—262; копыта полые—280, 283.
 Втульчатый кинжал—159.
 Выделение культурно-производственных групп—289.
 Вюрмская эпоха—119.
 Вюрмское оледенение—118.
 Гавриил (арх)—75.
 Гагринская терраса—121.
 Газель—73.
 Газеты: „Дрозда“—133; „Кубанские войсковые Ведомости“—302; „Черноморский Вестник“—125.
 Галлерей дольменообразные—263.
 Гальштадтская эпоха—.

Ганджа-Карабахская культура (тип)—
61, 84, 136.
Ганноаче—322.
Gaghr—136, 198.
Гарнизоны римские—103, 104, 125.
Гаруда (Garuda)—73, 76, 77.
Гвелешал—78, 83, 84.
„Гвер“—83, 85, 139, 140, 166, 192, 195,
196.
Геката—255.
Гемма—65, 176.
Геленс бронзовой культуры Кавказа—
271; вещевых памятников—218.
Генерации форм топора—228.
Генетические связи—227.
Генетическо-типологический ряд—231.
Гении-хранители—65.
Гениохи (Genioi)—105, 256, 257, 321, 322.
Генуэзский консулат—127.
Географическая обстановка—310.
Географические районы—212.
Географическое распределение стади-
альных состояний—288.
География природных сил—288.
Геологические исследования—117;
разведки—202.
Геологический обзор—206.
Геометрическая стилизация—161.
Геоморфологические проблемы—118.
Георгий эмсеборец—235.
Геосинклиналь Черноморская—119.
Геотетические массивы—289; среда—
318; оформление—236.
Гера—251.
Геракл—195.
Геральдическая трактовка—60.
„Гер“—314.
Герия (Gerie)—89, 90, 193.
Германский—197, 198.
Герой—255.
Героническая эпоха—257, 310.
Geshdar—238.
Гиалопанцырь—146.
Гибридное образование—257; форма—
196.
Гибриды—225.
Гигантский змей—196.
Гидрия—180.
Гидрометрический материал—122.
Гидротехнические работы—112.
Гизьяки—295.
Гиперборей—65.
Гипс—97.
Глаз-солнце—84.
„Глаз“ (имя)—84.
Глазкий (орнамент)—94.
Глина—292.
Глиняные сосуды—155, 163, 278, 283,
290; кувшины—177; урны—178; фор-
мы—28; изделия—215; модели (топо-
ра)—285; таблетики—208.
Глиптика—250.
Глоссохорон—184.
Глыбовые испучивания—118.

Голландский—186.
Голубь—51.
Голова быка—58, 153, 156.
Гомеровская эпоха—96; эпос—195, 257.
Гончарный круг—32, 83, 300; изделия—
291; техника—191.
Гончары—295.
Горлы—280.
Города Колхидские—107.
Городище—91, 99, 101.
Городская торговля—256.
Городской тип (поселения)—99.
Государственное строительство—253;
централизация—311.
Государство—236.
Готтентоты—162.
Готы, готский—123, 197.
Гностическое слово—84.
Гравировка—212.
Градоостроители—234.
Градус (земной)—114; Птолемея—124.
Гранат—169.
„Гранатовые“ бусы—173.
Гранильные мастерские—175.
Гранитная интрузия—202.
Граниты оловяносные—202.
Грано-диориты—202.
Грануляция—171.
„Гребенка“—33, 43, 44, 216.
Гребенчатые: орнамент—164; сглажива-
ние—216; штамп—216.
„Гребневой“ (тип топора)—232.
Греко-египетская продукция—173.
Греко-ионийское искусство—257; коло-
низация—251, 254.
Греко-эллинистический мир—115.
Греческие—175, 197, 207; архаика—173;
воины—144; искусство—60, 257; ис-
торики—197; колонизация—54, 243;
культура—91; мифология—195; над-
пись—194; погребальные обычаи—
96, 97; поселения—106; торговые
центры—91; фибулы—242.
Грибовидные втулки дольменов—262.
Грива—154, 237.
Гривны шейные (бронзовые)—95, 138,
140, 147, 156, 164, 180, 200, 314;
оловянные—199.
Грифо-кони—63.
Грифоны—59, 61—66, 70, 77, 83, 84, 86,
87, 92; безкрылые—59, 63; иранские
—60, 61; крылатые—58; львиноголо-
вые—60; орлиноголовые—59;
наскунджи—89.
Гриффы—72, 76—78.
Гробница Нимфея (Эль Тегень)—29.
Груды костей—275.
Грузила глиняные—5, 15, 29.
Грузинские—90, 109; источники—203;
сказки—75, 83.
Грузинское Общество распространения
грамотности—254.
Грузины—251, 254, 255.
Грузия—93.

Грунтовые воды—117.
Гудеа кубок—56.
Гуры—57.
Гурский элемент—319.
Гусь—51.
Dabran—238.
Dal—254.
Дальневосточные племена—295.
Дария дворец—60.
Датировка—287, 290.
Дахмы—185.
Двойные: баранчики—151; змеинный про-
том—165.
Двойственность образа—67.
Дворине—90.
Двухслойность погребений—299.
Двухэтажные дольмены—263, 264.
Декарнация—182, 185.
Delio deli—254.
Дельта—116.
Дельтовая низменность—120.
Дельвиальный нанос—261.
Деметра—Тавропола—254.
Демеша Куде—304.
Демотический папирус.
Денарий Антонина Пия—40.
Дерево—309; космическое—73; священ-
ное—66; Jad—besh—72; jamba—73.
Деревья—185, 186, 187.
Детерминатив шумерский—253.
Детские погребения—304.
Джемдет Наср (стиль)—175.
Джубетский дольмен—268.
Динилонский стиль—146.
Диргем („рубленный“)—116.
Дифференциация производственной де-
ятельности—311; хозяйственных ти-
пов—138.
Длинное одеяние—250.
Добыча древняя (олова)—202, 208.
Догальское население—318.
Догосударственный период—310.
Додинастический Египет—249.
Доклассовое общество—2.
Докобанский слой—271.
Документация—135.
Долбление—224.
Долбленные колоды—183.
Долота—304, 305.
Долотовидные инструменты—224.
Дольменообразные галереи—263.
Дольмены—191, 258, 259, 261, 267, 309,
319; Абдзехский—305; абхазские—
204, 259; азиатские—264, 288; алжир-
ские—263; амткельские—259; афри-
канские—262, 265; башнеобразный—
280, 305, 306; внутрикурганный—309;
двухэтажный—263; европейские—
262, 264, 288; индийские—262, 263,
269; иранские—262; кавказские—
268, 269, (восточно)—26, (западно)—
259, 262, 288, 315; кубанские—259,
260, 264, 265, 302; палестинские—

263; передне-азиатские—262; при-
каспийские—263; сирийские—263;
скандинавские—272; французские—
272; черноморские—260; эшерские—
297.
Дольмены—цисты—262.
Дольменные: инвентарь—155, 271, 272,
275, 299, 302, 308, 316; культура—
258, 263; погребения—282; посуда—
292; слой, стадия—310; строитель-
ство—320, 322; типы—272.
„Дом гномов“—304; „дэвов“—304.
Домашнее хозяйство—246.
Домикенская культура—248.
Дороги—98.
Дракон—80, 81, 83, 86, 88; безкрылый—
85; эшер—66.
Драконо-волк—57, 83, 86, 89, 193, 234.
Драконовидная собака—85, 86, 161.
Драконовидный—194.
Древне-восточное рабовладельческое хо-
зяйство—259.
Древне-греческие—164, 192, литератур-
ные традиции—198; народные ска-
зания—236; сосуды—238; террито-
рия—320.
Древне-египетские—27; погребальные
камеры—264.
Древне-минойский княжал—208; эпоха—
287.
Древне-русская письменность—169.
Древне-хеттское государство—190.
Древний Восток—204.
Дротик—152, 212.
„Дрозд“ (газета)—133.
Дуб—81.
Духи зла—84, 143.
„Душа покойника“—191, 192, 281, 304.
Души-тени—295.
Дюны песчаные—120.
Евреи—133; еврейский—106.
Европа—162; доисторическая—162.
Европейская бронза—142; дольменные
погребения—274.
Евстатические колебания моря—118.
Енаки—76.
Египет—249.
Египетские—88, 250, 256; астрономия—
113; женские изображения—248; из-
делия—247; культура—208; маста-
бы—264; надписи—320; погребаль-
ные цисты—191; ренессанс—248; фа-
раон—177; шпиферная палетка—58.
Единорог—63.
Единое племя—289; раса—289.
Единство идеологическое, технологи-
ческое—133; исторического процесса
—310.
Елисаветовское городище—11.
Елочный орнамент, узор—134, 140, 160,
216.
Eutapiastai—184.
Еретруйская базилика—7.
Eskuaga—321.

Жанровые сюжеты—245, 246.
 Жгуты глиняные—292, 295.
 Жгуты глиняные—292, 295, 296.
 Желатин—81.
 Железный век—265; кирки—26; меч—93, 299; наконечники копий—25; оружие—37, 257, 312; серповидный нож (предмет)—40; топор-секира—25.
 Железо—211, 236, 256.
 Женская: богиня—248, 254, 312; ипостась—250; костюм—153; погребение—156, 161, 190; статуэтка—287; фигурка—239, 247, 250, 253; торс—249.
 „Женственный сердолик“—169.
 Женщина—239, 252; с младенцем—282.
 Жертва—84, 255.
 Жертвенные фигурки—238.
 Животные изображения—214, 237.
 Жилы воловь, лошадиные—145.
 Жрецы—70, 84, 143, 179.
 Жречество—253.
 Журавль-аист—320.
 Заболачивание—117.
 Завитки (высочные)—172, 214.
 Завиток-хохол—60, 62, 63.
 Завоевательная экспансия—312.
 Закавказский археологический материал—288.
 Законы экономического развития—310.
 Западно-Дунайская (культура)—151.
 Застежки птицеобразные—269, 270.
 Заступы бронзовые—221.
 Затмение (солнца)—84.
 Захоронения вторичные—178; костей—182; лошадей—26; в пифосах—217.
 Звезда 7-ми лучевая—53; 9-ти лучевая—170.
 Звездочет—87.
 Зверей владычица—255.
 Зверинные головки—150.
 Зверинный стиль—174.
 Зверо-птица—89, 91.
 Зебу—83.
 Зеленый цвет—74.
 Земледелие—86, 213, 248.
 Земледельческие песни—254.
 Земли осквернение—189.
 Земля—196.
 Земной мир—195.
 Зенд-Авеста—77.
 Зеркало бронзовое—25, 27, 172, 174.
 Зернь—170, 171, 240, 241.
 Зирх-геран—182.
 Злой дух—68.
 Змееборец—235.
 Змеевидная линия—283.
 Змее-воле—57.
 Змей—48; многоголовый—195; Руймона—199.
 Змейные протоны—65.
 Змея—56, 57, 63, 81, 82, 156, 165, 166, 193, 195, 235.
 Золота промывка—200.
 Золото—65, 236, 256, 257, 312.
 Золотое руно—110.
 Золотые: ажурные украшения—170; вещи—170, 171; высочные подвески—172; зернь—19; изделия—253; инвентарь—314; клады (Дания)—163; колечки—303, 306—308; навершья—30; пинцет—153; трилистник—240; украшения—177; шаровидная промывка—170.
 Зооморфные изображения—166; мотивы—153; украшения—152, 316.
 Знаки—83, 85, 86, 137.
 Знамение—83, 86.
 Зугдидский музей—3.
 Зюмруд-гуш—75.
 Иаманис-ква—174.
 Иберия—10.
 Иберо-кимерский тотем—198.
 Иберская государственность—235; общественные группировки—319; племя—89; хозяйственно-общественная стадия—319; этнический слой—166.
 „Иберийско-кавказское слово“—204.
 Иберо-мегрельское оронимическое выражение—312.
 Иберы—57, 114, 196, 239, 319.
 Иберы-мегрельцы—57.
 „Иверия“ (газета)—252.
 Игрушечный ассортимент—304.
 Идеограмма—253.
 Идеологическое отражение—89; оформление—265; приспособление—235; совпадения—136; содержание—256; формы—178.
 Именский камень—174.
 Изиды—250, 254.
 Измерения путей—114.
 Изобразительные мотивы—234; символика—80.
 Изолированные (географически) области—209; сопоставления—163.
 Изоляция общественная—3.
 Илиада—145, 146, 147.
 Импорт олова—205, 315.
 Инвентарь дольменов—278, 287, 289, 294, 297, 298; погребальный—212.
 Ингушцы—22, 92, 96, 190.
 Ингуши—254.
 Индейцы—145.
 Индоевропейская этимология—195.
 Индустрия кобанского типа—158.
 Инвохи—105.
 Инкрустация—138.
 Инкрустирование железом—214.
 Инкрустированная белым керамикой—215.
 Инкрустирующая масса—153.
 Интрузивные породы—200.
 Интрузии—202.
 Ионийский аск—174.
 Ионийская география—105; оформление—321; традиция—198; экспансия—236; элементы—312.

Ионы—243.
 Иранский Восток—57.
 Иранская мифология—84.
 Иранские скульптурные формы—247; топоры—285.
 Искатели драгоценных металлов—264.
 Искусство ассирийское—59; греческое—58; кипрское—58; микенское—58, 59; скифское—62; шумерское—59; финикийское—58.
 Исландско-Скандинавский эпос—196.
 Исполнинский орел—196.
 Исполнины—76, 304.
 Исседоны—65.
 Исторический Московский музей—154.
 Историческое построение—288; процесс—258, 288; система—311; ситуация—202; историческая форма эпоса—310.
 Историко-общественная среда—256.
 Источники олова—202, 204, 205, 207, 209, 211.
 Италы—319.
 Итальянская фибула—242.
 Итальянцы—127.
 Итинерарии римские—104.
 Итифаллические фигурки—256.
 Иштарт—238, 248, 251, 254, 255.
 Ишбан—65.
 Кабаний клык—195.
 Кабардинский—91.
 Кабиры—256.
 Кавказский музей—93; языковой мир—187.
 Кавказское общество истории и археологии—133.
 Кавурка вещая—74.
 Казбекские бусы—134; клад—171—174, 211, 236, 245, 247, 256, 257; могильник—37, 172; серебряная чаша—51.
 „Кала“—201.
 Калакентские пояса—56, 81.
 Калаф—251.
 Каледонская охота—51.
 Калла и Димна—77.
 Калптеры—7.
 Каменный топор ладьевидный—163, 283, 285; топор-молот—225, 226, 263, 286, 288, 290, 291, 316, 317; шлифованный—283.
 Каменные гробницы—288; ящики—80, 92, 95, 190, 274, 309.
 „Камень сарданский“—169.
 Каменные могилы Микен—170.
 Камрушпа—74.
 Канфар—25, 26.
 Каппадокийские таблички—59.
 Каппадокийцы—322.
 Карангатский слой—120; фауна—119.
 „Картлис Цховреба“—127.
 Картло-имерская народность—315.
 Карты компасовые—126.
 Кассен—207.
 Касситерит—200.
 Касситы—207.
 Castellum—104.
 Катакомбная культура—283, 287, 290, 313; погребения—282, 290; сосуд—286; ступень—286.
 Катки—267.
 Католический епископ—127.
 Квиная система—114, 130.
 Кельты бронзовые—151, 224, 225, 312, 315, 316.
 Кельтский—197; этимология—207.
 Кенотафий—54.
 Керамика—33, 122, 215, 263, 286, 288, 289, 296; дольменная—299; западно-грузинской поздней бронзы—218; инкрустированная белым—215; колхидская—216; с не оформленным дном—309; погребальная—215; „сарматская“—34; чернолаковая—106, 128; шнуровая—290; эллинистическая—34; ямочно-гребенчатая—164.
 Керамический материал—286.
 Кербер (Kerber)—98, 195, 196, 198.
 Керуб (Kerub)—67, 70, 79, 86, 88.
 Керченские гробницы—26; музей—9.
 Кибела—251.
 Киборо-сперская этническая стадия—192.
 Кикладская (древн.) эпоха—287, 291.
 Кикнос—50.
 Килики—30, 173, 174.
 Кима-ий—25.
 Кимбры—197.
 Кимеры—116, 197, 312.
 Кимеры-тиберы-тубалы—312.
 Киммерский термин—235; хозяйственно-общественная стадия—319.
 Киммерийцы—197, 198.
 „Киммерийская культура“—319; культурный комплекс—315; материя богов—251; миграционные волны—289.
 Кинжал втульчатый—159; отлитый с рукоятью—286.
 Кинжалы—44, 147, 148, 156, 208, 211, 212, 315; бронзовые—134, 140, 153, 154, 158; железные—156.
 Кинжалный клинок—133, 136, 143, 156, 198, 211, 280, 286.
 Кинжальчик медный—306, 307.
 Кипрская богиня-мать—250.
 Кипрские—244; искусство—58; кинжалы—291; культура—249; статуэтки—248, 251; терракоты—247; филиппины фибул—242.
 Кирка—26, 282.
 Кирпич—115, 121, 264.
 Кислородные окислы—314.
 Китайская энциклопедия—185.
 „Клад литейщика“—177, 222.
 Клады бронзовые—172, 222, 305; топоры—218; армянский—220, 224; астербадский—206; ахалгорский—173; костромской—316; лехумский—228; из Орду—224; из Стубло—284.

Классические авторы—146; источники—196.
 Классовые отношения—85.
 Клевес—231.
 Клейма амфорные—12, 13, 25, 129; черепичные—7.
 Клейсодас—108.
 Клиники: бронзовые—155; веслообразные—306; кинжалные—136, 280; кованые—297; копьевидные—279; ластовидные—157; литые—297; медные—270, 290; миниатюрные—280; пламевидные—157; плоские—287.
 Глинописные обозначения—208.
 Клык кабана—145.
 Ключовидная челюсть—63.
 Кносский дворец—59.
 Кобанская бронзовая культура—19, 21, 87, 90, 133, 134, 136, 153, 178, 192, 193, 270, 297, 298, 212, 234, 235, 286, 312, 315, 316; инвентарь—213; могильник—172; топор—149, 196; эпоха—91, 313.
 Кованные клинки—279, 297; листовидные ножи—282.
 Ковка—244.
 Ковш медный—282.
 Козел—63, 149, 214; бронзовый погребок—51; козел-лев—60.
 Козлы фантастические—63.
 Кожевники—223.
 Козы—238, 255.
 Коленчатая дужка фибулы—242.
 Количество труда—267.
 Коллектив территориально-хозяйственный—235; этнический—235.
 Коллективные посредники—313; сплоченность—267; труд—267.
 Коллекция вел. кн. Георгия Мых.—251; Засуловича—284; Роинова—252.
 Колоды доленные—186.
 Колоколовидные бляхи—150, 153, 168, 237, 314; украшения—214.
 Колокольчики бронзовые—155, 240, 247.
 Колпак—143.
 Колумбарий—190.
 Колхи—144, 188, 233, 234, 257.
 Колхидки—253—255.
 Колхидские города—107; керамика—216; комплексы—221; серповидный топор—225.
 Колхидско-кобанский культурный слой—232; эпоха—258.
 Колхо-сарматское скрещение—235.
 Колхская общественная группировка—319.
 Колхский этнический конгломерат—312; слой—236.
 Колоще-режущее оружие—159; острие—157.
 Кольчуга—182.
 „Кольца богатырские“—168.
 Кольца ножные—130, 150, 151, 167; массивные—155; полые—151.

Кольца бронзовые, золотые—303, 306.
 Компасные карты—99, 126.
 Компенсационные опускания—135, 139.
 Конгломерат атычский—312.
 Коневодство—315.
 Коневодческое племя—145.
 Ковчешные бляшки—149.
 Конкретно-исторические: процесс—289, пути—288, разрешение вопроса—265.
 Конкуренция—176.
 „оинное божество солнца—244.
 Конские головки—154.
 Континентальные образования—117.
 Ковь—74, 80, 244; крылатый—83; конь-птица—74.
 Коньки фигурки—213, 239.
 Корала (Kobala)—252.
 Копи медные—208.
 Копье Мардука—166.
 Копьевидные головки змей—166.
 Копья втульчатые—136, 140, 144, 146, 155, 156, 159, 160, 179, 181, 199, 212, 213, 314, 315; железные—93, 94, 180, 199; кинжаловидные—160; „шилообразные“—282, 302.
 Копыта—28, 145, 237.
 Копытные животные—56.
 Коренной слой—330.
 Корова—254.
 Коровья богиня—255.
 Корнеол—169.
 Корridor (дольменный)—290.
 Корridorный ход—306.
 Корridorообразный дольмен—262.
 Коршун—68, 69, 73, 74, 182, 184.
 Космические быки—255.
 Космические: идея—83, представления—85, связи—235, мышление—235, термин—196.
 Кости—184, 269, 272, 275, 276, 278, 290, 304.
 Кострище—96, 97.
 Костюм—87, 138, 139, 136, 177, 214, 248, 290, 309.
 Котала чернолаковая—245.
 Котлы кованые—291.
 Красавица—255.
 Краска красная—31.
 Красочная роспись—286.
 Кремация—92, 93, 95, 96, 128, 190, 192.
 Кремневые: конкреции—273, нож—163, стрела—282, топор—163.
 Крепости—109—111, 115; римская—125; турецкая—112, 121.
 Кресло—238, 247, 253.
 Крест—249.
 Крито-микенская культура—176; культурный мир—309; природа—257.
 Крито-микенские племена—145.
 Критская традиция—249.
 Крокус цвет (crocei coloris)—169.
 Кромлехи—97.
 Круглые: план дома—308; скульптура—237.

Круговорот в природе—56.
 Круговой орнамент—134, 146, 147, 151, 240.
 Крылатые: бык—68; грифон—28, 63, 89, диск солнца—66, дракон—88, кес-руб—67, кони—83, львы—83, паскундж—86, 90, собака—69, 70, четвероногие—59, чудовища—79.
 Крылья—58, 59, 63; серповидные—61.
 Крымско-кавказский горный клуб—259.
 Крючки медные—275—283, 287, 292, 302, 304; железные—280.
 Крючок-пряжка со спиралями—177.
 Ксенофонтская ваза—65, 66.
 Кубанская культура меди—289.
 Кубанские большие (древние) курганы—245, 287, 290.
 Кубанские Войсковые Ведомости—282.
 Кубанские дольмены—191, 293, 299.
 Кубачины—182.
 Кубки двухручные—25.
 Кувшинные: осыурии—178, погребения—40.
 Кувшины медные—291.
 Кувшинчики узкогорлые—33, 43.
 Культ: быка—255, великой женской богини—249, 253, Геракла—168, горного барана (козла)—63, 214, деревьев—187, матери богов—251, тура—83.
 Культурные: антропоморфные фигурки—157, облачение—161, 164, предметы—244, клады—240, 241, утварь—281, 282.
 Культура: бронзовая, кобанского типа—1, 4, дольменная—302, 312, мегалитическая—1, меди—289.
 Культурные: воздействия—266, 288, единства—288, 289, переносы—162, слои—155, течения—256, 258, центры—266.
 Культурно-исторические: связи—288, этапы—135.
 Культурно-производственные области—14.
 Культы производственные—237.
 Курганы—55, 269, 282, 305: Александропольский—29; Б. и М. Вязницы—46; большие кубанские—283, 285; Воздвиженский—29, Галуценский—129, дольменные—283, Днепровские—29, у дороги в Знаменку—29; Карагадеуашх—46, катакомбы—297, Константиновские—55, Костромской—286, 306, Кубанский—26, 29, 297, Курджипский—129, Майкопский—272, 297, Межевые—286, Некрасовские—26, меж Прусой и Смелой—29, Разменные—286, Семибратный—29, скифские—62, Солоха—46, Средне-кубанские—286, Таманские—29, Ульский—271, 287, Усть-Лабинские—29, черкесские—187,

Чертомлыкский—29, Чигиринские—29.
 Курганные дольменные погребения—176, 264, 283, 307.
 Курдские—73, сваяки—75.
 Кустарная проковка олова—208.
 Кутаисский шлем—129.
 Кухонная утварь—282.
 Ладонь (измерит.)—114, 115.
 Ладьевидный топор: каменный—163, 283, 285; медный—228.
 Лакедемоняне—147.
 Лаки—321.
 Лазы—114, 321.
 Ламаизм—77.
 Lamassu—66.
 Латенская культура—312.
 Латинские: надпись—134, название—319.
 Латы—146, 314, 315.
 Лебединые: головки—36, 43—53; прото-мы—51.
 Лебедь—50, 69.
 Лев—46, 72, 134, 171, 250, см. львы.
 Лев-козел—60.
 Ледниковая область—202.
 Ледниковый трог—120.
 Лезвие: копьевидное—277, 278; листовидное—278; медное—272, 278; ножичка—275.
 Лезги—321.
 Лезгинские племена—32, 322.
 Лелеги—320.
 Ленточный орнамент—160.
 Ленты пересеченные узором—212.
 Лепка скульптурного образа—246.
 Лесная зона—163; полоса—283.
 Лесной „хозяин“—154.
 Летопись—127, 143.
 Лиановые заросли—213.
 Ливерпульская статуэтка—250.
 „Ливийцы—322.
 Ливистины—322.
 Лигатурные свойства—201.
 Лиги—22.
 Лигии—322.
 Лигистийская Китея—321.
 Лигурийский парь—50.
 Лигуры—318, 319.
 Ликвидация феодальной раздробленности—311.
 Лики—321.
 Ликийские мифы—60.
 Likut-takht—183.
 Livothorax—145.
 Лира—247.
 Лист бронзовый—155.
 Листовидные ножи—282.
 Литейный огул—227.
 Литейные: качества—207; мастера—206; техника—297; формы—151, 285, двусторчатые—219; каменные—218, металлические—218.
 Литейников клады—177.

Литье бронзовое—161, 163, 241, 244, 283, 297.
 Литые клинки—279, 297.
 Ловчие приспособления—136.
 Ложно-сводчатая камера—286.
 Локоны спиральные—58, 63.
 Локоть (измерит.)—113, 114, 115, 130, 131.
 Лопаточка деревянная (гончарная)—293, 294.
 Лопадиная упряжь—151.
 Лошадиные головки (орнамент)—134.
 Лошадь—81, 154, 160, 186, 213, 237, 238, 312.
 Лощение сосудов—34.
 Лувр—47.
 Лук (боевой)—34, 35, 37, 49, 136.
 Лунная богиня—255.
 Лучники—142.
 Львиноголовые: грифоны—66, чудовища—60.
 Львиный трон—251.
 Львица—251.
 Львы—143, 147, 251; крылатые—83.
 Магические: знаки—87; использование—84; культы—89; назначение—89, сила—143; функция—86.
 Магомет—74.
 Маздеизм—23, 182, 184, 187, 188.
 Майкопские: курган—272, 283; сосуд—51.
 Макроны—137.
 Малоазийские: аграрное божество—253; богиня мать—247; бронзовая фигурка—246; искусство—256; фибула—242.
 Малый размер души покойника—304.
 Манжетные браслеты—168.
 Мардук—60, 66.
 Мармидоняне—100.
 Марроканские берберы—162.
 Масло—96.
 Масляница—238.
 Мастаба—264, 265, 300.
 Мастерские местные—212; районные—210; гранильные—175.
 Материк—289.
 Материнство—248, 249.
 Матери культ—247.
 Матерь—239; богов—251; коров—255.
 Матриархальная общественность—321.
 Матриархально-родовое общество—56.
 „Мать“—253.
 Метр (измерит.)—114.
 Мездровые: грануляция—171; узор—215.
 Мегалитические: культура—1; сооружения—163, 191, 263, 220.
 Мегеры—90.
 Мегрелы—90, 193, 192, 196.
 Мегрельские—87, 90, 193, 304; сказки—76, 90; фольклор—89.
 Мегрело-чанский—106.
 Медь—169, 186.

Медно-бронзовая эпоха—1; производство—298, 313.
 Медный век—163.
 Медные: инвентарь—204; копья—208; пластины—20; пронизки—203; прут—219, разработки—206; руды—203, 206, 207, 312; слитки—177, 314; топоры—228, 286.
 Медь—204, 208, 285; чистая—202, 203, 210, 219, 277, 312, 314.
 Медовесцы—123.
 Медозюк—123, 124.
 Меланхлены—124.
 Мелкий рогатый скот—237.
 Мельгуновский клад—47.
 Мена случайная—209.
 Меновая единица—222.
 Меотийское племя—145.
 Меркурий—69.
 Меры линейные—114.
 Месопотамская традиция—251.
 Месопотамские топоры—232, 285.
 Месопотамский Восток—
 Местные: индустрия—271; культура фибулы на Кавказе—242; сырье—290; традиция—311.
 Месторождения сердолика—174, 176.
 Мехи-Мошохи—90.
 Месяц—92.
 Металл—264, 289, 313, 320; драгоценный—269.
 Металлические: индустрия—271; инвентарь—300; производства—208, 272, 313; сосуды—257.
 Металлография—155.
 Металлургия—204; древнейшая—203.
 Металлургические: области—209; районы—201; центры—205.
 Метрология—113.
 Механические приспособления—167.
 Мечи—145; бронзовые—152; железные—25, 93; медный—211; рубящий—136; русский—299; тугоконечный—211.
 Миграции расовые—287.
 Миграционные: взгляды—233; волны—289; объяснения—265.
 Мидо-персидская эпоха—32.
 Мидяне—23.
 Микенские: ваза—140; искусство—58, 59; культура—88.
 Милетяне—103.
 Миля—112, 114, 130; армянская—114; римская—104.
 Мина ассирийская—168.
 Минералогические исследования—176.
 Минерально-сырьевая база—202.
 Миниатюрность души покойника—295.
 Миниатюрная имитация бытовых посуды—295.
 Миниатюрные: бронзовые орудия—304; керамика погребальная—275, 277, 280, 292—295, 300; топорик, тесло—282; предметы—302.
 Минийский мир—257; эпоха—176, 309.

Митанийская культура—250.
 Митанийские печати—250.
 Митон—146.
 Мифический зверь—67.
 Мифологические: образы—89; представления—63.
 Мифология иранская—84.
 Мишна—183.
 Многогранный дольмен—280, 303, 307, 308.
 Многосоставность души—192.
 Могила царские—153.
 Могилиники—21, 91, 173, 178, 212, 233, 279, 304; античный—128; Борийский—39; византийской эпохи—23; кобаньского типа—286; римской эпохи—23; сачхерские—39; северо-осетинские—215; эшерские—313.
 Могилиные: инвентарь—311; памятники—258.
 Модели: восковые—150, 153, 161, 281; медные—222; утериваемые—205, 218, 244, 281.
 Мозг—183.
 Молоточковидная булава—155, 283, 286, 290.
 Монеты—98; Анастасия—94; византийские—271; колхидские—253; парфянские—49; Рискупорида IV—299; селевкидские—49; „треугольные“—116.
 Морена конечная—120.
 Морская галька—298.
 Морская торговля—243.
 Морские торговые пути—321.
 Морской: бык—78, 84; чудовище—56.
 Морские: берег, перемещения—117; опускание—120; террасы—122; трансгрессия—122.
 Моря властелин—197.
 Моря: колебания евстатические—118; наступание—117; эрозия—120.
 Мосиники—144, 203.
 Мосхи—144.
 Мотивы: богини матери—253; материнства—249, 250, вспахивания поля—255.
 Мотыги бронзовые—139, 213, 220; медные—210.
 Мотыжка бронзовая—136.
 Мошохи—90.
 Мраморная статуэтка—247.
 Мужские: божества плодородия—246, 253, 312; облаченные фигурки—245, 253.
 Мужские погребения—190, 212; украшения—156.
 Мужской: аспект божества—253; паредриштари—255.
 Музей: Абхазский (Сухумский)—23, 94, 107, 129, 134, 139, 140, 148, 149, 155, 221, 229, 231, 293; Батумский—217, 218, 231; Берлинский (Археолог)—250; Боржомский—81; Британский—141, 142, 238; Венский—210, 220;

Грузин—12, 26, 32, 38, 45, 135, 139, 140, 152, 153, 155, 158, 160, 170, 211, 213, 223, 227, 252, 301, 302; Зугдидский—219, 221, 232; Кавказский—222, 303, 306; в Карлсруе—97; Керченский—9; Киевский—244; Кутаисский—241, 234; Луврский—248; Московский Исторический—129, 154, 172, 239, 251, 286; Новороссийский—229; Общ. Ист. и Этногр. при Тифл. Универс.—252; Потийский—34, 40, 160; Сеп-Жерменский—153, 154; Стокгольмский—214; Церковный Тифлисский—200; Юго-Осетинский—79.
 Мумификация—191, 192.
 Мундштук (узды)—26.
 Мустьерские орудия—119.
 Мусульманский погребальный обряд—93.
 Мцхетская библия—69, 72.
 Мцхетский могильник—98.
 Набалдашник (посоха)—136.
 Навершье—149.
 (a) Navicella—160, 161, 212.
 Нага-птица—76.
 Нагуй-птица—73.
 Nagartura—75, 76.
 Надгробная камера—300.
 Надгробные сооружения—264.
 Наджахи—93.
 Надписи: латинская—124, 125; персидско-арамейская—61.
 Названия камня—174.
 Накопление богатства—177.
 Налешной пояс—215.
 Налоги (путевые)—114.
 Намайский язык—162.
 Нана Иштари—248.
 Наносы Риона—122.
 Наплетник бронзовый—165.
 Направление культурных воздействий—266, 288.
 Народные переселения—321.
 Народы—289; металлурги—272, 287; мореходы (мореплаватели)—243, 256; моря—244, 320; новой формации—315; реликты—321.
 Наследственное накопление богатства—177.
 Настил на столбах—189.
 Наступание моря—117.
 Натурализация сюжета—194.
 Натухажцы—93.
 Национальное единство—311.
 Национально-колониальный вопрос—311.
 Нация—311.
 Небо—74; верхнее—66, 69, 84, 196; нижнее—66, 69, 83, 85, 193, 195, 196.
 Небо вода—83.
 Негрские племена—161.
 Негры—162.

Некрополи: древние—248; вавилонской эпохи—92; баркемийский—92.
 Немцы—196.
 „Ненависть“ к женщинам—252.
 Неолит—248, 272.
 Неолитическая эпоха—263.
 Неометаллическая эпоха—311.
 Нерасчлененное единство—235.
 Нефритовый топор—225.
 Нигавендская филиация топора—232.
 Нижне-Дунайская культура—248, 249.
 Нижнее небо—193, 195, 196.
 Низшие божества—254.
 Никора—82, 83, 255.
 Нилотические элементы—162.
 Нимруда дворец—48, 60.
 Нин-Урта—60.
 Нитка бус—181.
 Ниша и Никора—83.
 Нога (измерит.)—114.
 Ногуй-птица—76.
 Нож: кожевника—223; серповидный железный—97.
 Ножи—134, 277, 283, 284, 286, 309.
 Ножичек—275, 276, 280; веслообразный—301.
 Ножные кольца—167, 168, 214.
 Нью-Йоркская статуэтка—250.
 Обелиск—267.
 Обжиг—281.
 Облавы организованные—136.
 Обмен—313; металлом—264; художественный—257.
 Обоймочка—270.
 Обол—98.
 Обособление: абхазской народности—311; племен-народностей—310; спиро-иберской культуры—315.
 Обработка каменных плит—308.
 Обруч шейный—22.
 Обрядовые пережитки—192.
 Обряды погребения—92.
 Обсидиан—313.
 Обычай вторичных погребений—182.
 Общественные: изоляция—3; праздники—280; разделение труда—313; сдвиг—321; слои—272; филиации—311; функции—272, 289.
 Общественно-исторический пласт—198.
 Общественно-хозяйственные группы—245.
 Общественно-языковое оформление—2.
 Общество: бесклассовое—267; доклассовое—2, 313; родоплеменное—2.
 Объединение родовых единиц—287.
 Овский этнический слой—90.
 Овчарка—55.
 Овцеводство—237.
 Овцы—238, 255.
 Огонь—192.
 „Ограды гномов“—304.
 Одиссея—166, 198.
 Ожерелья—156, 252.
 Океан—196, 198.

Окраска сердолика медом—169.
 Окрашенные погребения—290.
 Оледенения—117; вюрмское—118; рисское—119.
 Олени—56, 81, 149, 194, 214, 286.
 Олений рог—309.
 Оленьи головки (орнам.)—244.
 Оловя—156, 177, 180, 200—212, 219, 314, 315.
 Оловоносная руда—206.
 Оловоносность рассеянная—201.
 Оловянные: гривны—199, 314; изделия—201; кнопки—208; ножное кольцо—199; месторождения—203, 207, 209; прииски—204, 205; разработки—200; руды—200, 208, 313.
 Оловянный камень—204.
 Оникс—175.
 Ониксовая буса—134.
 Опускание берега (побережья)—116, 120, 121.
 Орби—76.
 Организованные облавы—136.
 Орел—69, 73, 75, 76, 196.
 Ориентализирующие: искусство—257; тенденции—57.
 Ориентация восточная, западная—287.
 Ориентировка погребения—98.
 Орлиноголовые грифоны—59, 62.
 Орлиные: головы—62; лапы—60.
 Ормуз—196.
 Ормузд—68.
 Орнамент—212: бороздчато-выемчатый—161; гравированный—192; гребенчатый—164, 296; елочный—134, 140, 215; животный—212; заштрихованный—164, 215; зубчатый—213; косовелетчатый—163; кружковый—147, 151; ленточный—160; насечный—147, 163; „положенцами“—164, 291; резной линейный—296; ромбиками—164, 215; пересекающимися лентами—48, 212; сетчатый—161; спиральный—129, 241; точками—155; треугольниками—215; шахматный—147; шевронный—300; шишками—291; шнуровой—278, 281, 283, 286, 287, 296, 297, 309; штампованный—296; ямочно-пунктирный—300.
 Орнаментальный стиль—213.
 Орфоэпическое выражение—312.
 Орошение—86.
 Орудия—220, 236, 269: бронзовые—211, 304; мусьевские—119; из оленьего рога—309; производства—176.
 Оружие—269.
 Освобождение костей от мяса—191.
 Осетины—137, 187.
 Осетинский (этнический слой)—90.
 Осетинские: предания—84; сказки—194; фольклор—72, 79.
 Осквернение земли—189.
 Основной производственный фактор—255.

Оссуарии—185, 198, 208, 215, 274: глиняные—184, 212; каменные—184; купшинные—178, 180, 190, 191.
 Осы—осетины—137.
 Отверстия: бус—176; дольменов—262, 263, 273, 275, 306.
 Отвесы глиняные—14, 15.
 Отвлеченно-идеологические представления—265.
 Отвлеченно-технологические представления—265.
 Отвлеченный анализ форм—288.
 Отдел охраны памятников культуры Грузии—107.
 Отливка по утрачиваемой модели—208.
 Ота (измерит.)—114.
 Отрицательные движения берега—121.
 Оформление племенного массива—137.
 Охота—147, 204.
 Охотничье-пастушеское скотоводство—86.
 Охотничьи: животные—92; сцены—56; хозяйство—56, 136.
 Охотничья богиня—254.
 Очажные цепи—190.
 Очистка костей от мяса—189, 188.
 Ошский перевод библии—200.
 Пашконди—78, 83.
 Палеолит—1.
 Палеолитические древности—248.
 Палеолитическая культура—322; эпоха—288, 311.
 Палеонтологический материал—118.
 Палеолит—86 (измерит.)—114.
 Пальметки—173.
 Памятники с культурными слоями—296.
 Пан—62.
 Пантера—251.
 Пантикапейские статыры—62.
 Пантипыри—144—146: льняные—146, 147, холщевые—144.
 Паньчатантра—77.
 Папирус—77.
 Пара: золотых трилистников—240; серег—240.
 Параллелизм—288.
 Парасанг—113, 115.
 Паредр—238, 255.
 Паркетообразное сглаживание—294.
 Парное божество плодородия—257.
 Парные головки—153, 154, 214.
 Парсийские: верования—182; космогония—73.
 Парфенон—113.
 Парфянские: монеты—49; эпоха—80, 95, 194.
 Паскудь—74.
 Паскундж—70, 72, 75, 78, 83—91.
 Паста голубая—297.
 Пастушеские племена—209.
 Пастуший посох—237.
 Пасха—81.
 Патица: черная—192; эмалевидная—140.

Патинизация—314.
 Патриархальная семья—253.
 Пафлагонские племена—144, 322.
 Пашгуд—75.
 Пашконди—78.
 Пегас—58.
 Пейтингерова карта—107.
 Пелазги—319—21.
 Пелазгический слой—320, 321.
 Пелазго-лелегское и пелазго-атруское племенное оформление—321.
 Пеликаноподобная птица—240.
 Пенка—147.
 Пенел: покойника—22, 142; в урнах—92, 93.
 Первичные: племенной массив—235; рассеянность элементов—319; этнический субстрат—24; афетическое произношение—234.
 Первобытные: мышление—234; общины—209.
 Первобытно-коммунистическое общество—256.
 Первобытно-родовые: отношения—91; связи—85; хозяйство—289.
 Пергамский локоть—114.
 Перевоплощение божества—255.
 Перевоплощение в индо-европейские народы—316.
 Передне-азиатские: культурный мир—134; прототипы—157.
 Передники кожаные—144.
 Пережиточно-тотемическое мышление—289.
 Перепел—51.
 Пересечение границ—135.
 Периплы: Арриана—100, 123, 124, 130; Безымянный—100, 106, 107, 109, 123, 130; псевдо-Скилака Карпандского—101, 107, 108, 111, 123; Эритрейский—175.
 Перитомис—223.
 Перламутр—55.
 Персепольский барельеф—48, 49, 60; надпись—233.
 Персидский—114.
 Персидско-арамейская надпись—61.
 Персы—114, 234.
 Перстень—25, 70, 85, 86, 96.
 Перстень-печатка—55, 57, 86—89.
 Пес Аида—195.
 Пестиковидные каменные топоры—285.
 Песочные дюны—120.
 Печатная версия грузинской библии—205.
 Печати—92, 175: бронзовые—55; вавилонского типа—48; каменные—59; халцедоновые—61.
 Печати-перстни—55, 57, 86.
 Печати-цилиндры—56.
 Печать Урдуна—76.
 Пещерные гробницы—264.
 Питмен—304.
 Пинцеты—148, 152, 153, 158.

Пиренейские дольменные погребения—265.
 Питьевой рог—237, 238, 246.
 Пифосы—217.
 Пивочные фибулы—138, 139.
 Пластика кобаньская—94.
 Пластинчатые заготовки сегментовидные, секировидные сечки—172, 210, 221, 222.
 Платформа—244.
 Племена—289.
 Племенные: единства—271; массивы—137; номенклатура—91; объединения—312, 313; образования—311; перформирование—91; союзы—239; субстрат—91. формообразование—138.
 Плита с надписью—124.
 Плодоносящие силы—246.
 Плужное земледелие—86, 254, 255.
 Пляж—121.
 Пляска—189, 190.
 Повышения: побережья—121; уровни моря—122.
 Погребальная урна—178.
 Погребальные: инвентарь—192, 262, 266, 268, 272; комплекс—139; терракоты—246.
 Погребения 34, 148, 274: античной эпохи—23; быка—189; воздушные—89; впускные—173; вторичные—180, 82; на деревьях—85, 187; детские—190; в дольменах—191; женские—156, 161; костей—183, 184; в кувшинах—190; курганные—176; мужские—156; мяса—183; в пифосах—190; позднекобанские—37; расчлененные—182; в урнах—21, 190, 214, 221; эллинистического времени—21.
 Подвески—278: бронзовые—173; грюнштейновые—309; петельчатые—173.
 Подземный мир—196.
 Пожирающие (копытное) хищники—56.
 Поздне-бронзовая культура—192.
 Поздне-родовые общества—288.
 Покровитель лошадей—238.
 Покровительница: города—256; материнства—248.
 Полим. таллические: месторождения—206; руды—201.
 Полиморфные (фантастические) звери—61.
 Полировка бус—169, 176.
 Половые признаки—238, 245.
 Положительные движения берега—121.
 Полуторо-спиральные подвески—284.
 Полуостровное население—289.
 Поножи—146.
 Порты коммерческие—117.
 Поручи бронзовые—155, 161.
 Посвящение—84, 85.
 Послекобанское время—271; инвентарь—236; культура—257; памятники—256, 312.
 Посредники—256.
 Посредничество финикийцев—249.
 Постиллоденные отложения—119.
 Потийский Музей—3.
 Потусторонний мир—255.
 Пояса—146: бронзовые—63, 150, 156, 168, 171; золоченый из Майкопа—62; калакентские—56, 81.
 Правильный обмен продуктами—313.
 Прародительница коз—238.
 Представления о душе—192, 295.
 Предшествующий металлу культурный слой—309, 195.
 Префикс—109.
 Привески—171, 239.
 Привозной материал—203.
 Приемы обработки—192.
 Приморские области—264.
 Приморское население—289.
 Припев в песнях—254.
 Природная стихия—193.
 Природные условия—138.
 Причерноморский комплекс—164.
 Производственно-магические: использование—86; представления—137.
 Производственные: коллективы—164, 289; культы—237; области—135, 136; объединения—311; общение—235; организм—89; очаги—220; районы—157, 211; системы—235; сущность—256; типы—135; тотем—89; фактор—255; центры—155, 158, 174, 212, 289, 317.
 Производство кобаньской бронзы—218.
 Прометей—256.
 Промывка золота—200.
 Промышленность художественная—57.
 Пронизки: дисковидные перламутровые—55; спиральные—140; стеклянные пирамидальные—176.
 Протокобаньский характер—144.
 Протипы—284; восточные, месопотамские—287.
 Протохеттский пантеон—250.
 Проух топора—225, 230.
 Профильная реконструкция—217.
 Прыгание на коней—103.
 Пряжки бронзовые—134, 138, 150, 153, 168, 214.
 Псаали—28, 29, 51.
 Псевдо-Калисфенова Александрия—77.
 Психология стадильная—264.
 Птеродуга—144.
 Птица—92: вестник—69; вещая—87; Гарауда—73; гигантская—76; гонец—75; „группа“—76; душа—69; зверь—70; Камрош—74; конь—52; Nagartara—75, 76; Sinamru—73; Хамрос—74; хохлатая—76.
 Птица летящая (фигурка)—240.
 Птицеобразные застевки—269, 270.
 Птицы хищные—189.
 Пуласати—320.
 Пофс (измерит.)—114.

Путевой стадий—115.
 Пути движения (распространения): олова—203, 209; антаря—318.
 Путь часовой—30.
 Пхойский (этич. слой)—90.
 Щелы—186.
 Пшаво-хевсурское божество—251.
 Пшавская сказка—75.
 Пшавы—90.
 Пшадские дольмены—265.
 „Пятигорский“ вариант (тип) каменного топора—225, 283.
 Рабовладельческие: государство—86; хозяйственный—289.
 Рабы—313.
 Радуга—78.
 Развитие туземного общества—310.
 Разлагающее воздействие западно-европейской цивилизации—162.
 Различия природных условий—313.
 Разложение первобытно-родовых отношений—91, 253.
 Размножение скота—253.
 Разнообразные формы усвоения природных средств жизни—313.
 Разрыв в чано-мегрельском населении—311.
 Раковина—30.
 Раковины толченые—215.
 Ракушники—18, 119.
 Рамауана—77.
 Ранне-греческое искусство—256.
 Расенский термин—321.
 Раскопка дольменов—274.
 Рассовое оформление—265.
 Распространение материалов—320.
 Расчленение объекта исследования—265.
 Расчлененные погребения—164.
 Расцвет культурного центра—266.
 Рачинцы—321.
 Рационализация (мотива)—245.
 Реальная и символическая жертва—295.
 Реальные: двигатели исторического процесса—288; исторические связи—163.
 Ребенок—238, 249, 245, 252.
 Регрессивная фаза—122.
 Регулярный обмен—209.
 Резец—152.
 Резная кость—257.
 Резьба: выемчатая—58; гемм—176; глубокая—57; печатей—175.
 Реконструкция форм сосудов—216, 217.
 Религиозный синкретизм—250.
 Реликты хозяйства—248.
 Рельеф местности—260.
 Ремесельский могильник—320.
 Ремень—75.
 Ремесленный инструмент—223, слой—99.
 Ремесло—176, 225.
 Ремонт укреплений—175.
 „Репей“—141.
 Реставрационная мастерская—286.

Речевая палеонтология—235.
 Рея—251.
 Ригведа—73, 233.
 Римляне—192, 208.
 Римские: время—112, 299; границы—103, 104; концепции—197; крепости—125, 126; монеты—211; скелеты—95; украшения—104, 125; эпоха—26, 57, 95, 171, 251.
 Рис-вюрмская эпоха—119.
 Рисское оледенение—119.
 Ристалище—114.
 Ритон—238.
 Ритуальные: инвентарь—253; погребки—254; позы—247; привески—257.
 Рог—60, 88: на голове—59, 60; питьевой—237, 268, 246; шляпка—252.
 Рога завитые—63; козлиные—62; одиночные—63.
 Род—272.
 Родовые: аристократия—267, 315; быт—295; единицы—267; общественность—209, 254, 272.
 Родоначальник—
 Родоплеменные: группировки—233; общества—2.
 Родосские вазы—65.
 Розетка—88.
 Роль: золота—253; обмена—319.
 Роспись красочная—286.
 Россель олова—208.
 Рост торгового обмена—315.
 Ротацизм—321.
 Рох—74, 76.
 Рудники оловянные—205.
 Рудные разработки—207.
 Руды: медные—203, 206, 207, 312; оловянные—206; оловянные—208; полиметаллические—201.
 Рука—86.
 Руководящие формы—135, 232.
 Рукоять топора—155, 178, 225.
 Румяна—31.
 Руно золотое—110.
 Руслы старые—112.
 Ручки дугообразные—293.
 Ручная лепка—300.
 Рух—72, 76.
 Рыба—56, 193, 284, 235.
 Рысь (?)—57.
 Рычаги—267.
 Сабирь—234.
 Савроматы—245.
 Σαρος—146.
 Самтаврский некрополь—54.
 Самурзаканский—304.
 (a) Sanguisuga—138.
 Сандон—253.
 Санскритский—143, 196, 207.
 Сапирь—243, 234.
 Сапожники—223.
 Сарамейская собака—196.
 Сарацины—208.

Сард—169, 172, 176.
 Сарданий камень—169.
 Сардовый камень—175.
 Sardon—253.
 Сардоникс—174, 176.
 Сардион—169, 173.
 Сарматы—311.
 Сасанидская Персия—186.
 Сасанидское искусство—73; эпоха—182.
 Сасиретский клад—51.
 Саспиры—144.
 Сатана—75.
 Sâtrupa 175.
 Сачхерский могильник—39.
 Сберский—235.
 Свадебные песни—254.
 Сванская владычица зверей—254.
 Сванский—87, 255.
 Сваны—90, 147, 196, 257, 321.
 Свастика—171, 249.
 Сверление: бус—176; топора—286.
 Свет+зрение—84.
 Светила небесные—56.
 Свиноц—201, 211.
 Свиноцвая фигурка женщины—249.
 Сводные вступления—118.
 Святница—21.
 Священный бык—255.
 Сдвиг: металлического производства—313; хозяйственно-общественный—310.
 Северо-осетинские—198: бронза—213, район—214; формы—212.
 Сегментовидные медные орудия—221.
 Седохезы (Sedochesi)—109.
 Сейсмические смещения—121.
 Сейсмоструктурная—119, 121.
 Сейсмоструктурные зоны—121.
 Секира двойная—221.
 Секиры—136: бронзовые—152; железные—144; медные—210.
 Сексагезимальная система—113.
 Селевкидские монеты—49.
 Селища античные—5, 7, 20.
 Сельское население—99.
 Семантика изображений—55.
 Семантические изменения—63.
 Семантический пучок—235.
 Семахот—183.
 Семейно-родовая гробница—267.
 Семиголовый—83.
 Семигрантность—114.
 Семилучевая звезда—153.
 Семитический—175, 238.
 Семья патриархальная—263.
 Сенимурв—83.
 Септенарный—114, 115.
 Сердолик—170, 174: „женственный“—169; коричневый—214.
 Сердоликовые бусы—149, 156, 168, 171, 177; залежи—175.
 Серебро—72.
 Серебряный сосуд—256, 241; чаша—51, 194.
 Серповидные крылья—61.
 Серповидный железный нож—97; предмет—40.
 Серпо-топор—136.
 Серпы—41, 241; бронзовые—315, 316, 319.
 Серьги—53, 171, 240.
 „Сечки“—172, 210, 221, 223.
 „Сибилитные двойники“—312.
 Сибирская золотая бляха—63.
 Сивка-бурка—74.
 Сидящие женские фигурки—248—249.
 Sicula—19.
 Силы природы—87.
 Символический знак—249.
 Симург—69, 73—75.
 Симвр—75.
 Синдское племя—109.
 Синды—104.
 Синева, синь—73.
 Синий цвет—74.
 Синхронизация—135.
 Сирена—69.
 Сирийская богиня—250, 251.
 Сирийская (традиция)—58; филиация фибулы—242.
 Сиро-Малоазиатский топор—232.
 Сиро-хеттское: искусство—256; цилиндры—143, 179.
 Сирияне—142.
 Система ступенчатых откосов—267.
 Ситула глиняная—27.
 Сипилиане-сикулы—319.
 Сказки—75, 76: грузинские—83, осетинские—194.
 Сказочные: красавицы—256; мотивы—77; пара быков—83; фольклор—255.
 Скальный рельеф—242.
 Скаль—171.
 Скарабеевидные пронизки—268, 270.
 Скарабей—173.
 Скелет (человека)—180.
 Скифос—195.
 „Скиф“—57.
 Скифо-сколотский этнический конгломерат—12.
 Скифское: время—211; искусство—62, 312; звериный стиль—174; курганы—40, 211; племя—185; погребения—286; пора—174; слой—236; термин—84; хозяйственно-общественная среда—319.
 Скифы—251, 311, 312.
 Склады поздне-осетинские—275; поздне-римские—95.
 Сколотский слой—236.
 Сколоты-скифы—316.
 Скорченные костяки, погребения—290.
 Скотоводство—238, 313.
 Скотоводческий тип—213.
 Скребок—223.
 Скрещенные модификация—235.
 Скульптурные: антропоморфные изображения—281; группы—246; изобра-

жения животных—214; композиции—246; фигуры (изображения) человека—238, 247, 286.
 Слитки: медные—170, 172, 177, 202, 220, 222, 314; серебрянные—172.
 Слюнная кость—58, 257.
 Смена племен (народов)—31.
 Снятие племенных противоречий—311.
 Собака—55, 57, 86, 88, 27, 239: волк—95, 196; драконовидная—85; змея—81, 195, 196, 23; крылатая—74; нижнего неба—85; птица—73, 74, 83.
 Собаки могильники—184; пастушеские—27.
 Собаководное существо—56, 122.
 Собачье божество—238, 255.
 Собачья трава—16.
 Собор св. Марка—77.
 Собственность горняка—220.
 Сожжение покойников—295.
 Сокол—73, 77.
 Солдаты-лучники—142.
 Солнечные: бог (божество)—77, 84; ладья—51; спираль—244; ступень посвящения—84.
 Солнце—65, 66, 83, 84, 244, 255.
 Солнце-глаз—34.
 Соломон—75.
 Сонмехи-наи—321.
 Сосуд: бронзовый—152, 160; глиняный, плохобожженный—276, четырехручный—97; электроновый—171.
 Социально-хозяйственная система—86.
 Социально-этнические перемены—90.
 Социальные группы—99.
 Спайка—244.
 Сперский—235, 319.
 Сперо-иберская культура—315.
 Сперо-(иберо)-кимерская племенная среда—235, 312.
 Сперы-иберы—196.
 Спираль—177: рельефные—244.
 Спираль коническая—134.
 Спиральные: завитки—59, 167, локоны—58; хохолки—59.
 Спиральный (спиралевидный) орнамент—129, 241, 300.
 Спиральный компонент—311, 312.
 Сплавы—204, 207, 208, 314.
 Спонтанно оформленная идея—289.
 Спонтанный рост замкнутых хозяйств—313.
 Средиземноморский культурный мир—134.
 Средиземноморские модели—285.
 Средиземноморское искусство—256.
 Средневековые—3.
 „Средне-кубанская культура“—286.
 Средне-минойская эпоха—207, 249, 287.
 Ссыл-уна—304.
 Стадиально-однородные условия—189.
 Стадиально-этническое оформление Средиземноморья—320.

Стадиальное своеобразие хозяйственных форм—310.
 Стадиальные: движения—251; психология—264; соответствия—163; состояния—283.
 Стадии—3: хозяйственного развития—289; племенного оформления—319, 321; родового общества—191.
 Стадий (измерит.)—112, 114, 130.
 Стадия: охотничье-пастушеского скотоводства—86; плужного земледелия—254, 255.
 Стандарт бронзы—203.
 Станции путевые—114.
 Статеры: Лизимаха—37; Мелькарта из Арады—36; пантикапейские—62.
 Статуэтка: берлинская—250; „винопица“—246.
 Статуя—104.
 Стеатопигические изображения—248.
 Стекло—176.
 Стекланные бусы—176, 241.
 Стекланный товар—176.
 Стена Келасурская—129.
 Стены крепости—121.
 Степная зона—315.
 Стилизация рисунка—171.
 Стилистическое оформление—228.
 Стиль звериный—174.
 Стихийные боги—197.
 Ступени этнического оформления—311.
 Ступень Джемдет-Нагр.—175.
 Странствования души—281.
 Страны добычи олова—315.
 Страшилище—87.
 Стрелы Адада—166.
 Стрелы—212, 280, 301: кремневые—282; медные—211; черенковые—136.
 Строители дольменов—271, 289, 297, 299, 312, 316; мегалитических сооружений—320.
 Субарская: общественная группировка—314; среда—235.
 Субмикенская керамика—139.
 Субтропическая область—138; побережье—214.
 Сумерская ваза—
 Сумерские женские изображения—248; кинжалы—59; прототипы—60, 157.
 Сумерский грифон—58.
 Сумерский детерминатив—253.
 Суррогат: олова—203; пещерных гробниц—264.
 Сурьма—204.
 „Сухумский топор“—317.
 Сфинксы—141.
 Схен (схен) египетский (измерит.)—113.
 Сенимурв—83.
 Таблетки—(глиняные): каппадокийские, кюльтепинские—59.
 Tabula Peutingeriana—107.
 Тавропола Артемиды, Деметры—254.
 Такмурупис (Takmo-urupa)—77, 78.

Талмуд—183.
Талмудический—75, 76.
Тамгуз—253.
Тара—99.
Твердый камень—176.
Телега—111.
Теогония—195.
Θεογονία—219, 250.
Telérion—84.
Telérion—254.
Τηλεφος—84.
Θεογονία—81.
Тепе Гиссар III (слой)—39.
Terra incognita—288.
Терракотовые: женские фигурки—248; идолички—249; троны—248.
Террасы—289: Абхазия—117, 120; морские—118, 120, 122; Тирренская—119; Черноморья—118; четвертичные—117.
Территориальная замкнутость—164.
Территориально-хозяйственный коллектив—2-5.
Территориальные: вариации—258; границы—256; передвижения—111; пределы—256; распространение—289; расхождения—212.
Территория оформления колхидско-кобанского культурного слоя—232.
Территория распространения—225.
Тёсла 282, 286, 304, 305, 316.
Тесло с боковыми выступами—225.
"Testaceus"—169.
Тетрадрахма Абдеры—61.
Тешуб—230.
Техника лепки (гончарн.)—292, 294.
Технические приемы выработки—212.
Технический перелом (в древней металлургии)—315.
Тяамат—60, 70.
Тяара 144, 250.
Тибарены—144.
Тигли глиняные—134.
Тимпаны—251.
Типологическая цепь—222.
Тирренская терраса—119.
Ткани ахеменидские (мидийские)—61.
Ткань—181.
Ткацкий стан—15, 16.
"Тква"—201.
Товар-скот 313.
Топонимика—234, 321.
Топонимические данные—318.
Топор—134, 136, 156, 194, 210, 212, 219, 234, 279, 297, 304, 316: "амавонский"—152; из Бетсана—227; с Кипра—309; из Муссиана—285; плоский с боковыми выступами—214; палестинский—226; секира—136, 210, 211; -цалди—136, 213, 214, 225.
Топор-молот—228, 2-8.
Топоры железные—25, 93.
Топоры каменные—263, 285; клиновидные—25, ладьевидные—63, 283; пестиковидные—285; нефритовый—225.
Топоры медные плоские—263, 302.
Топоры проушные (металлические)—284: боевые—230, 302; бронзовые—133, 140, 147—149, 152, 155, 178, 179, 192, 194, 200, 314; вислообушные—275, 278, 282—284, 303; кобанские—139, 209—212, 218, 219, 224, 225, 228, 229, 236, 242, 316; кованые—205; колхидских типов 143; ладьевидный и медный—228; трубчатобушные—235, 309.
Топорик детский—228.
Топорище—144, 179.
Торговля—209: металлом—264; морская—126; оловом—312.
Торгово-географический атлас—208.
Торговые: интересы—236; пути—318; сношения—202, 253; центры—91.
Торговый обмен металлом—289, 313.
Торфяные болота—118; отложения—117.
Тотем—83, 87, 89, 90, 144, 146, 198, 235.
Тотемическая производственная система—235.
Тотемические: образы—197; представления—137.
Тотемическо-космические представители—195.
Тотемная основа—57.
Тотемное имя—320.
Точильное колесо—307.
Точка плавления—207.
Травоядное животное—56.
Транзитные пути—319.
Трансгрессия морская—122: Черноморская—117, 118.
Транспорт—290.
Траур—183.
Третичный ороген—202.
Треугольно-прорезные—268.
Трехлучевые розетки—240.
Трипольская культура—248, 249.
Трон львиный—251.
Троны терракотовые—248.
Троя II (слой)—39.
Троянцы—321.
Трубка для сверления бус—176.
Трубы водопроводные—9.
Трубчатый чекан—140.
Трупосожжение—92, 93, 96, 143.
Туземное население—91.
Tou-kine—185.
Турецкая крепость—112.
Турки—127.
Turitella Turris Link—30.
Турьи головки—150.
Туски—321.
Тушины—321.
Убор для волос—240; головы—252.
Убитый молнией—189.
Убыхи—91.

Угасание культурных центров—266.
Угольные частицы—277.
Удила бронзовые; железные—26, 28.
Удинские сказки—75.
Удины—257.
Удочный набор—26.
Узор: волнообразный—33, 34, 43; гофрированный—159; гребенчатый—19; текстильный—33; штампованный—164.
Украшения бронзовые—211.
Ульбообразные гробницы—308.
Умбоны—144.
Умётская бронза—285; ступень—163, 210.
Упряжь лошадиная—151.
Угашапта кагры—63.
Урартские: колумбарий—92; надписи—321; население—321.
Урартский Ардини—253.
Урар—185.
Урны—180, 216: для пепла—22, 31, 92, 93, 96, 97; погребальные—22, 139, 178, 215.
Уровень моря—117, 118, 120, 122.
Урожай богиня—255.
Урцуна—76.
Усиление вооружения—315.
Услония: изоляции—4; консервации хозяйственных реликтов—258.
Уточка кобанские—269.
Утрачиваемые (утериваемые) модели (формы)—150, 161, 214, 269, 281, 283.
Уховертки—153.
Ушные украшения—167.
Уольцы—197.
Фавианская мать богов—251.
Фалары—129.
Фантастические: драконо-боек—166; животные—57, 58, 62, 83; звери—61, 63; козлы—63; существа—59; хищники—56, 153.
Фатьяновская: культура—283, 290; керамика—290.
Фатьяновский инвентарь—163.
Фауна—20; карантатская—113.
Феодалная: раздробленность—311; эпоха—315.
Фибулы—80, 87, 134, 140, 155, 160, 241, 242, 244: арбалетные—93; аттические—161; из Беотии—56; бронзовые—56, 133; восточно-черноморские—243; греческие—189; дугообразные—136, 138, 152, 172; золотые—171; крестовидные—93, 94; одночленные—138, 161, 172; "пиявочные"—138; с подвесным приемником—299; "протоарбалетные"—95.
Фигурки: богини—248; "виношица"—238, 246; всадника—244; игрока на лире—247; женщины—238, 245; животных—149, 153, 156, 214, 249; коз-

лов—244; летящей птицы—240; матери—239, 249; -привески—236; из теста—238; человека—286.
Фигурные: бляшки—133; плиты—257.
Физико-географические перемены—116.
Филистимляне—320.
Филологический анализ—219.
Философ Анахарсис—251.
"Финикийская эпоха"—250.
Финикийские: искусство—257; посредничество—204, 247; статуэтки—251; торговцы—175; (традиции)—38; художественные формы—256.
"Финикийский мирок"—256.
Финикийско-арамейская надпись—51, 256.
Финикийцы (финикияне)—208, 243, 249, 257.
Финиковая пальма—65.
Фольклор—89, 255.
Фонетические изменения—90.
Формации—3.
Формы литейные—151, 219, 220, 283; для восковых моделей—219.
Формы обмена—209, 138.
Фракийские племена—289.
"Франк"—305.
Французский—186.
Фригиец—146.
Фригийская мать богов—251.
Фригийская эпоха—32.
Функциональные традиции—228.
Фут—113, 115.
Халдская эпоха—63.
Халдские (источники)—203.
Халибское железо—236.
Халифат арабский—114, 115.
Халколитический период—313.
Халцедон—175.
Хамитические племена—162.
Хамрос—74.
Хаос—66, 67, 70.
Хананеяне—финикияне—257.
Харов—98.
Хатор—250, 251.
Хеттийский—254.
Хевсурский—137, 253.
Хеник (χηνικός)—50.
Хеттский—74, 84: барельеф—143; бог растительности—254; божества низшие—254; иероглиф—142; искусствово—171, 256; культура—221; скальные рельефы—251; скульптура—250; стиль—247; топор боевой—230; царь-священнослужитель—242.
Хетты—68.
Химические анализы—189, 200, 209, 312, 314; исследования—211.
Химический Институт Грузфана—314.
Хирургические инструменты—152.
Хитоны—144.
Хищные птицы—189.
Хищники—56, 154.

Хлопчатник—145.
 Хозяин стада—154.
 Хозяйственная роль лошади—312.
 Хозяйственно-историческая система—208, 272; Древнего мира—313.
 Хозяйственно-общественные: замкнутость—310; отношения—310; перегруппировки—90; развитие—134; сдвиги—63, 310; слой—343; среда—257; стадия—3; типы—256; трансформации—311.
 Хозяйственно-племенной слой—235.
 Хозяйственные: база—311; взаимоотношения—209; деятельность—288; обмен—288; основы—209; развитие—289; реликты—25; сдвиги—315; системы—3, 288, 289, 313, 18; стадия—319; типы—212; функции—86; экспансия—136.
 Хозяйство охотничье—136; полуохотничье—85.
 Хоры—189.
 Хохол на голове—60.
 Хохолок-завиток—63; спиральный—59.
 Храмовые праздники—255.
 Храмы Греции—147.
 Хронологическая сетка—311.
 Хронологические взаимоотношения—158; показатели—321.
 Хронологический разрыв—275, 287.
 Хронологическо-разобщенные комплексы—311.
 Хронология—271, 288; абсолютная—135; дольменов—265; относительная—135, 271.
 Хрусталь горный—176.
 Хрустальные бусы—95.
 Художественная промышленность—57; форма—257.
 Художники—146.
 Хуррийская богиня мать—250, 251.
 Цалди-топор—146, 213, 225.
 Цантвари—304.
 Цаны—304.
 „Царица земля“—189.
 „Царский“ локоть—113.
 Царь-птица—76.
 Цемент „греческий“—121.
 Центр европейской фибулы—242.
 Центры бронзовой индустрии—209.
 Цепи очажные—190.
 Цепочка бронзовая—214.
 Цербер (Cerber)—196.
 Цилиндры печати—56, 143; сиро-хетские—179.
 Цинк—211.
 Цово-тушинский—254.
 Чано-мегрельское население—311.
 Чано-шонский элемент—312.
 Чанский язык—87, 143.
 Чаны—90, 196, 257, 321.
 Час—113.
 „Чашки“ бронзовые—134.
 Чекал трубчатый—140.
 Чекалка—171.
 Чеканные изображения—255.
 Черепа—179, 180, 269, 273, 304.
 Черепица: кровельная—6-10, 18, 96, 99, 128; античная—121, боспорская—8, Гераклея Понтийской—8, камышбурнская—9; антикапей—9.
 Черкесские: абхазы—12; курганы—187.
 Черкесский—91, 101, 104.
 Черкесы—189, 238, 303; абазинды—91; натухажцы—93.
 Чернолаковая керамика—17, 23, 106; котила—245; кувшинчик—42; чашечка—23, 41; фрагменты—6, 128.
 Черноморская: геосинклиналь—119; терраса—118; трансгрессия—117, 118.
 Черноморский вестник—124, 125.
 Черноризцы—124.
 Чернофигурные килики—173; ваза—223.
 Черный цвет—74.
 Четвероногие—63; крылатые—59.
 Четвертичные отложения—116; террасы—117.
 Чешуя металлическая (панцыря)—144.
 Чотохилли—101.
 Чудовищная собака—57, 195, 198; хищник—56.
 Чудовище—60, 79; морское—56.
 Шаг (измерит.)—113; двойной—114.
 Шамот—115.
 Шапсугский дольмен—268.
 Шар „мраморный“—303, 306, 308.
 Шаровидные: бусы—77; сосуды—103.
 Шахматный орнамент (узор)—147, 156.
 Шах-Наме—73, 77, 78.
 Шевроны прямоугольные—300.
 „Шибласха“—189.
 Шильде четырехгранное—301.
 Шилья: костяные—309; медные—282, 307.
 Шиферная пластинка египетская—58.
 Шишак—142.
 Шлак—9.
 Шлем—146: ассирийский—141, 142; аттический—129; бронзовый—141, 145, 314; деревянный—144; кожаный—142; конический—141, 143; „кутанский“—129; крито-микенский—145; ольвийский—129; плетенный—142, 144.
 Шлифованные (каменные) топоры-тесла—119.
 Шлык—252.
 Шнуровая: керамика—290; техника—245.
 Шнуровой кант (рамка)—171, 281; орнамент—278, 281, 283, 286, 287, 297, 309.
 Шнурок плетенный—281.
 Шоны—90, 257.
 Шпага бронзовая—54.
 Штамп гребенчатый—19; трубчатый—151.

Штифт для сверления бус—176.
 Штриховое сглаживание керамики—292, 296.
 Шумеры—196.
 Щиты—144, 146, 193; кожаные—144, 146; плетенные—144.
 Эгейские: культура—153, 208; мпр—205; течения—257.
 Эгейские статуэтки—249; стеатопигийские—248.
 Эдда—196, 197.
 Экономические: воздействия—218; интересы—158; обмен—288; объединения—310; связи—211, 256, 313.
 Экспедиция—272.
 Эламский—207.
 Электрический сосуд—171; шар-пропильный—170.
 Элементы—90, 196; костюма—138; свистящей речи—311.
 Эллинизация—3, 57, 79, 91, 96, 236, 310.
 Эллинизм—96, 97.
 Эллинистические—110, 249; памятники—62; эпоха—57, 63, 79, 83, 96, 98, 171, 251, 296, 311.
 Эллинская колонизация—176, 253.
 Эллинико-ионийская экспансия—256.
 Эллинистические клейма—129.
 Эпоса—186, 196.
 Энеолит—248.
 Энеолитическая культура Италии—320.
 Энеолитическое время—285; керамика—290; культура—248, 279; могильник—290; некрополь—319.
 Энеолитогенетические движения—118.
 Эпический герой—193, 319.
 Энос—196.
 Эпоха: абхазских дольменов—303; ахеменидская—169, 172; вюрмская—119; греческой колонизации—311; древнего сложения мифов—256; кобаньская—172; медная—319; мидо-персидская—32; миндель-рисская—119; минойская—176, 207; парфянская—184; рис-вюрмская, рисская—119; сасанидская—182; урартская (халдская)—63, 173, 190; фригийская—32; эллинизма—63.
 Эрмитаж—236, 245.
 Эрози базис—122.
 Эрозия моря—120.
 Этимологическая связь—250.
 Этимологический материал—137.
 Этимология—253, 254.
 Этнуны—257, 321.
 Этнические: взаимоотношения—311; единицы—256; единства—2; коллек-

тивы—235; конгломерат—312; мас-сивы—310, наименования (названия)—123, 193, 234, 257, 318; общность—212; оформление—310; передвижения—310; системы—321; слой—90, 91; состав—89, 259; стадия—192; субстрат—236, 318.
 Этногенез—235.
 Этногонический процесс—311, 319; субстрат—3, 136.
 Этнографические параллели—191.
 Этнонимика Кавказа—321.
 Этнонимическая номенклатура—234.
 Этрусские: имя—254, 255; могилы—142; население—320; эпоха—155; язык—320.
 Этрусский—319.
 Эфиопский—68.
 Эшерские: дольмены—253, 284, 287, 292, 296, 316; комплексы погребальные—158, 167, 168; могильники—145, 201; погребения—150, 178.
 Эшерское сельское общество—311.
 Ювелирная техника—171.
 Юго-Осетинский Музей—79.
 Южно-Американские бронзовые очаги—208.
 Южно-Европейские (производственные) районы—211.
 Южно-Закавказские производственные районы—157.
 Южные производственные очаги—220; центры—212.
 Юнона—254.
 Язон—255.
 Язык: абхазов—312; шипящей группы—311.
 Языково-палеонтологические соответствия—193.
 Языковые взаимоотношения—311.
 Ямани—174.
 Ямно-грунтовые могилы—309.
 Ямочно-гребенчатая керамика—161.
 Ямочно-пунктирный (орнамент)—300.
 Ямочные углубления на керамике—300.
 Янтарные бусы—94.
 Янтарь—313, 318.
 Яфетидология—89.
 Яфетиды—236.
 Яфетическая богиня-мать—250.
 Яфетические: палеонтология—89, 255; отложения—256; происхождение—284; слой—197; стадия—88; языкованные—234, 311.
 Яхве—67.
 Яшма кавказская—303.

II. Указатель географический.

Агста—147, 150, 190, 212, 237.
 Абадзехская станица—282, 300—302, 305.
 Абаска р. (Abasca)—100, 127.
 Ἀβάσκα—100.
 Абгархук—38, 39, 148, 160, 229, 241, 244, 245.
 Абдера фракийская—61.
 Абжуйская Абхазия—189.
 Абина р.—259.
 Абхазия—2, 3, 39, 63, 94, 121, 127, 133, 137, 150, 172, 185, 189, 204, 214, 219, 229, 236, 241, 255, 257, 260, 280, 311, 312.
 Агудеры сел.—148, 153, 158.
 Адамуа—161.
 Аджария (Аджаристан)—120, 179, 231.
 Аджаро-Триалетское нагорье—119.
 Адлер—123.
 Адриатическое побережье—155.
 Азербайджан—215, 216, 264.
 Азовское море—118.
 Аюба сел.—124.
 Амбу сел.—124.
 Акампис—101, 111.
 Аква—105.
 Алавердский р-он—201.
 Албания—231.
 Александрегильф (Розенберг, ныне Молотово)—79.
 Александрия—77, 184.
 Алеппо—37.
 Алжир—264.
 Алишарский холм (Алишар-Гуюк)—32, 59, 221, 315.
 Алла Сафат—263.
 Альпийская (западная) область—162.
 Альпы—157, 316.
 Алтай—316.
 Аморгос остров—247.
 Амжасара—5, 6.
 Амис—104, 130.
 Амткел р.—29.
 Анаклиа мыс—103.
 Анакопия—99, 102, 104, 105, 126.
 Анау—39.
 Англия—224.
 Андриюковская станица—283, 285, 290.
 Ани—7.
 Анкара—242.
 Anthemunta—105, 108.
 Антиохия—183.
 Аныхцара оз.—124.
 Апсар—101, 102, 104, 111, 125.
 Ἀφάρος—101.
 Апсарунт—101.
 Ἀφάρδος—101.
 Ἀράβις—101.
 Арагна р.—136.
 Аракс—136, 157, 233.
 Арарат—48, 92, 190.
 Аргана Маден—203.
 Аргос—195.
 Арий р.—109.
 „Аркания“ горы—203.
 Армения—110, 169, 206, 216.
 Арпачай—211.
 Arretton Down—159.
 Артанудж—226.
 Артануджис-мдинаре (Артанудж-чай)—227.
 Артвин—210, 220, 224, 315.
 Архаве—101.
 Ἀρχαίος—101.
 Архон—271.
 Ассирия—61, 144, 203.
 Ассур—231.
 Астелеф р. (Astelephus)—103, 107, 108.
 Астерабад—205, 206.
 Астрахань—185.
 Атлантическое побережье—289.
 Атика—42, 96.
 Афганистан—205.
 Афины—251.
 Афины р.—259.
 Афон—200.
 Афревания—238, 289.
 Африка—161, 162, 265.
 Африканское побережье—162.
 Ахал-опели—51.
 Ахалкалакское плоскогорье—136.
 Ахалцихе—136.
 Ахат р.—175.
 Ахтала—173.
 Ахталское месторождение—201.
 Ачандара—258, 258, 269.
 AtKur—127.
 Баговская станица—268.
 Байдарская долина—95.

Бактриана—184.
 Бактрия—188, 205.
 Бакур, урочище—112.
 Бакурцихе—210.
 Балеарские о-ва—191.
 Балканский полуостров—284.
 Бальмонте-Пицце—155.
 Бамнан—205.
 Банза сел.—40.
 Баньо—264.
 Барод—175.
 Баригаена—175.
 Батуми—133, 213.
 Бедия сел.—260.
 Бежуат-Убани—210.
 Бенин—161.
 Беотия—56.
 Береговая станица—265.
 Березань о-в—173.
 Бернбург—290.
 Беслета р.—117, 121.
 Бессарабия—228.
 Бетсан (Бейсан)—225, 227, 231.
 Бамбская Абхазия—94, 161, 240, 241.
 Бамбь р.—124.
 Billa—20.
 Бирди-Зерде—203.
 Бисутунская скала—49.
 Битхар р.—120.
 Боас р.—110, 111.
 Богавкей—230, 242, 243.
 Богорони, урочище—112.
 Богасейский залив—207.
 Богемия—163, 173, 208.
 Бомборская поляна—39, 236, 239, 245, 247, 253, 257.
 Боржом—136, 220.
 Боржомский р-он—219, 221.
 Бори—57.
 Borgus—123.
 Бородино—228.
 Борчалинский р-он—200.
 Врешия—20.
 Британия—208, 264.
 Британские о-ва—159.
 Босния—94, 163.
 Босфор Киммерийский—9, 96, 100—102, 104, 129, 193, 251.
 Босфор Фракийский—16.
 Бухара—183.
 Вавилон—205.
 Ванское царство—203, 234.
 Венгрия—15, 224, 284, 285.
 Венеция—77.
 Верещагина дача (холм)—5, 18—22, 43, 55, 178.
 Верхне-Гвинейское побережье—161—162.
 Владикавказ—133.
 Владычино сел.—164.
 Воздвиженская станица—176, 228, 305.
 Волянь—284, 287.
 Воргий р.—123.
 „Восточная Россия“—228, 284.
 Восток—175, 207, 256, 288, 321.
 Восточно-черноморское побережье—256.
 Бурка р.—123, 124.
 Гагры—23, 93, 95, 121, 258, 260.
 Гализга р.—107.
 Галисия—208.
 Галлия—51, 319.
 Гальштадт—34, 155.
 Гальштадтская зона—151.
 Галушинский курган—129.
 Гамадан—244.
 Gvime сел.—80.
 Гвимев сел.—80.
 Гвинея Верхняя—162.
 Гёкча оз.—74.
 Геленджик—93, 95, 265.
 Georgia—235.
 Гераклея Понтийская—9, 11, 104.
 Германия—264.
 Гини (город)—106.
 Hissar—206.
 Гиссарлык—15.
 Голландия—264.
 Гония—111.
 Гордион—242.
 Горийский р-он—45, 135, 213.
 Goto (мыс)—126.
 Гочоура—134.
 Греция—81, 129, 146, 157, 174, 175, 208, 223, 234, 315, 320, 321.
 Греческий архипелаг—61.
 Гродненская губ.—151.
 Грузия—135, 200, 201, 210, 236, 256, 290, 304, 316; Восточная—216; Западная—138, 169, 171, 174, 177, 210, 213, 220, 224, 255, 311, 320.
 Гудауты—241.
 Гудаутский р-он—3, 39, 139, 177, 240.
 Гуен (город)—107.
 Гумиста р.—101, 105, 108, 117, 260.
 Гунибский округ—252.
 Гурия—117.
 Гурийский р-он—234.
 Гурджаани—37.
 Гянджинский р-он—92, 283.
 Даблагоми—98, 213, 217.
 Дагестан—176, 182, 252.
 Дагомыс—119.
 Дамган—206.
 Дания—163, 290.
 Дбеда р.—173.
 Деда-курда р.—112.
 Делос о-в—65.
 Дельфы—203.
 Дербент—152, 183.
 Дертим—206.
 Джалаурта сел.—80.
 Джаваншир—152.
 Джемдет-Наср—175, 285.
 Джимаринское месторождение—201.
 Джвари, сел.—139, 252.
 Джомат, сел.—169, 213.

Новороссийск—93, 119, 120.
 Новороссийско-Сухумское шоссе—259.
 Новороссия—120.
 Новосвободная станица (ныне Пролетарская)—262, 264, 272, 280—282, 290, 291, 01, 302, 305, 306, 308, 309.
 Новый Афон—23, 94, 95, 99, 100, 102, 126, 160, 212.
 Ногай-Кале, городище—24.
 Носири, сел.—170—172, 176, 177, 314.
 Одесса—125.
 Озена—175.
 Ольвия—9, 95—97.
 Ольгинская улица (Сухуми)—121, 128, 129.
 Ольгинский край—17.
 Опсано—141.
 Орвието—223.
 Орду—210, 214, 220, 224, 226, 227, 305.
 Оркино, сел.—185.
 Осетия Северная—136, 137, 140, 149, 153, 201, 202, 211, 214, 224, 227, 233, 244, 270, 271.
 Осетия (Юго)—160.
 «Острая могила»—173.
 «Остров»—111, 112, 115.
 Оф—102.
 Охуми—127.
 Очемчир—108, 119, 120, 260.
 Очемчирский портстрой—34, 106, 107.
 Пагры—124.
 Падуковская Калиновка—151.
 Палеостом оз.—108, 116, 118, 123.
 Палестина—183, 263, 320.
 Паду—203.
 Пантикалея—65, 95, 96, 98.
 Pagenza (Поречье)—141.
 Париж—60, 61, 212.
 Парфия—188, 205.
 Парцханаканеви—169, 171, 172, 176, 207.
 Пергам—10.
 Передний Восток—86, 183, 247, 256.
 Передняя Азия—114, 207, 209, 258, 311, 313.
 Персеполис—60, 63.
 Персия—144, 175, 188, 205, 244.
 Петра (крепость)—110.
 Петропавловское, сел.—139.
 Пиленково, сел.—229, 231.
 Пиреней—208.
 Пиренейская Иберия—191.
 Пиренейский п-ов—18, 320.
 Питиунт—100, 102, 130, 322.
 Пичера р.—111, 112.
 Пидунда—100, 102, 105, 123, 124, 127, 130, 141, 225, 227, 231.
 Поволжье—163, 164, 187, 284, 285.
 Полемоний (город)—104.
 Помпей—96.
 Понт (Евксинский)—100, 183.
 Понтийское побережье—210, 214, 220.
 Поречье (Pagenza)—141.
 Португалия—264.
 Потти (гор.)—108, 117.
 Потти (Малое)—112.
 Потийская низменность—5.
 Потийский маяк—108.
 Потийский порт—112, 122.
 Предкавказье—236.
 Привольное, сел.—305.
 Приднепровье—129.
 Придунайские страны—248, 287.
 Прикаспий—289.
 Приморское, сел. 139, 140, 147, 156, 160, 178, 198, 212.
 Приуралье—187.
 Причерноморье—62, 133, 288, 289, 316.
 Пруса—29.
 Псаханский р.—100, 101.
 Псебайская станица—282—285.
 Псебе р.—101.
 Псебебши р.—305.
 Псевуапсе р.—101.
 Г севуапсе р.—101.
 Псоу р.—124.
 Псырха—99, 101, 102.
 Пшада р.—259.
 Пьемонте—59.
 Пятигорск—55, 225, 247.
 Раевская, станица—23.
 Раджпутана—175.
 «Разменные» курганы—286.
 Рас Шамра—
 Рачинский уезд—51.
 Редут-Кале (Кулеви)—103, 109.
 Ремеделло—290, 320.
 Рим—10, 104.
 Рион р.—101, 110—116, 223, 251, 321.
 Рионская низменность—80, 116, 213.
 Рионо-Кубанский водораздел—318.
 Ris—113.
 Ркони—200.
 Родос о-в—147.
 Розенберг (ныне Молотово)—79.
 Рона р.—319.
 Рухта—270, 271.
 Рязанская губ.—164.
 Саберно, сел.—133.
 Sawolan—233.
 Сагурамо—54.
 Сакобиано—37.
 Самарканд—184, 185.
 Самурсакано—133, 139.
 Самтавро—152, 168.
 Самтредский р-он—38.
 Сангутидон р.—201.
 Сапарда (Saparda)—233.
 Саратовская губ.—185.
 Сарды (город)—174.
 Сардониксовы горы—172.
 Сасырхва—75.
 «Сатамашо» (Satamascia)—128.
 Сачхери—80, 155, 271, 279, 284, 290, 304, 305, 315.
 Свинцовые горы—204.
 Севанское озеро—136, 152, 157.

Севастополь—99, 102—106, 109, 123—127.
 Семиградье—15, 173, 255.
 Сена р.—319.
 Сербия—
 Сибирь—232, 316.
 Сигания р. (Sigania)—107, 322.
 Сидон—247.
 Sicanabis—107.
 Сикнион—93.
 Силевия—163.
 «Сильная крепость»—123.
 Симо о-в—38.
 Сингам—322.
 Singan—106.
 Синоп—11.
 Сирия—92, 214, 247, 250, 257, 263, 321.
 Сицилийская река—175.
 Скандинавия—11, 264, 289.
 Смелля, сел.—95.
 Скифия—65, 96, 100.
 Скифополис—225.
 Скурда, р.—112.
 Скурча р.—126.
 Скурчинская бухта—126.
 Скурчинский мыс—130.
 «мела»—29.
 Солоха (курган)—62.
 Сомюр—265.
 Сопа р.—319.
 Сотиринуоль, Сотирополю (город)—100, 127.
 Сохта, сел.—79.
 Сочи—117, 120, 229.
 Спарта—61, 63, 96.
 Спасо-Влениковский р-он—169.
 Спер—220, 213.
 Сперское море—236.
 Sprdha—213.
 Средняя Азия—187, 232, 284.
 Средиземное море—36.
 Средиземноморье—2, 86, 88, 118, 158, 162, 163, 183, 204, 209, 247, 256, 257, 259, 311, 313, 319, 320.
 Ставропольская губ.—305.
 Сталинград—79.
 Старый Свет—208, 289.
 Стемпло (Stemplo)—107, 108.
 «Стеннитика»—124.
 Стубло, сел.—234, 287.
 Судак (город)—119.
 Сузы—47, 60.
 Суматра о-в—166, 167.
 Сумер—205, 206, 284—286.
 Супса р.—117.
 Сурам—453, 231.
 Surebi—234.
 Сухуми—3, 4, 23, 103, 105, 106, 108, 117, 120, 121, 124, 126—129, 131, 148, 158, 221, 233.
 Сухумская бухта—99, 108, 122.
 Сюрмене—102.
 Тавриз—206, 233.
 Тагилони, сел.—219.

Талыш—88, 157.
 Тамгукское месторождение—201.
 Танаис—95.
 Тандзотская крепость—227.
 Тарсуп—106, 107.
 Tassiros—107.
 Тгуанас 17.
 Teleilat-Ghassul—263.
 Теберда (Tebelda)—312.
 Тедзамское ущелье—200, 201.
 Телавский р-он—37.
 Телло—248.
 Тенар—195.
 Тете-Гиссар—206.
 Терек—146.
 Thersos—103, 107.
 Техур р.—111, 113, 115, 116.
 Тибет—143.
 Тиллак—207.
 Тигр р.—203.
 Тореты—124.
 Трапезунд—101, 102, 104, 125, 130.
 Триапетский хребет—136, 200.
 Триглит—124.
 Триполь—104.
 Триполье—249.
 Трон—146, 157, 228, 249.
 Туапсе—93, 95, 117, 119, 120.
 Турецкая крепость—121.
 Тхилвани, сел.—219.
 Угарит—257.
 Ульское, сел.—271, 287, 297.
 Ур—133, 231.
 Урмия оз.—74, 203.
 Урупа р.—315.
 Усть-Лабинская станица—16.
 Уч-Гилиса—173.
 Фаазис (Фасид)—8, 11, 95, 101, 102, 104, 107—111, 115, 116, 122, 123, 125, 180, 194, 251.
 Фарангий—110.
 Фарнакия—104.
 Фарс р.—259, 280, 301—310.
 Фаскау—11, 172, 279.
 Фермодонт р.—105.
 Фессалия—207, 218, 249.
 Фессирый р.—124.
 Филокалия—104.
 Финляндия—202.
 Финикия—61, 257.
 Финикийский Кипр—61.
 Фракия—15, 248.
 Фракийская Абдера—61.
 Франция—159, 264, 265, 274, 318, 319.
 Ханаан—257.
 Хариен (Charien)—107, 111.
 Хариент—106, 109.
 Хариса—109.
 Харпуста р.—106, 109.
 Хатра (город)—79.
 Херонеп—249.
 Херсонес—9, 14, 15, 62, 95, 96.
 Хета, сел.—232.

Хива—185.
 Хидистави, сел.—45.
 Хиос о-в—11.
 Хоб р.—108, 109, 111.
 Chobus—107.
 Хов—103.
 Хопа р.—95, 108, 111.
 Хорасан—205.
 Хорга, сел.—109.
 Хоре р.—108.
 Хризейская равнина—208.
 Chysoagroa р.—108.
 Худубани—133.
 Цалкинский р-он—79.
 Царская станица (ныне Пролетарская)—
 262, 264, 272, 280, 281, 283, 285—
 287, 290, 291.
 Цебельда—93, 95.
 Цебельдинская морена—120.
 Суанес—107.
 Циви р.—111.
 Cicaba—126.
 Cichoba—126.
 Цихидзидри—132, 222.
 Цхенис-Цкали р.—106.
 Цхузамели р.—126.
 Цхуми 106, 127.
 Цхубин—126.
 Чаквис-Цкали р.—120.
 Чаудинский бассейн 112.
 Черкессия—91, 189, 255, 305.
 Черная речка—115, 116.
 Черное море—84, 127, 152, 186, 205, 216,
 230, 233, 246, 248, 259, 283, 284, 317.
 Черноморский бассейн—112, 211, 234.
 Черноморское побережье—39, 90, 103,
 118, 124, 145, 188, 213, 221, 239, 255,
 258, 259—271, 310.
 Черноморье—89.
 Черноморье Восточное—3, 104, 109, 110,
 120, 174, 211, 253, 259, 310, 311.
 Черноморье Северное—9, 40, 174, 251
 312, 320.
 Чернявского гора—221.
 Чертомлыкский курган—29, 62.
 Чватуры—80.
 Чигиринский уезд—129.
 Чми—172, 227.
 Чорох р.—101, 110, 111, 233, 315.
 Чубурихинджи сел.—172.
 Чурух-Су р.—133.
 Чхороцку сел.—40, 95.
 Шапеуская станица—263.
 Шахе р.—117, 120.
 Швеция—163.
 Шебш р.—204.
 Шиц-Квара р.—260.
 Шуминский р-он—92.
 Эвксинский бассейн—112.
 Эгея—142, 309.
 Эгейское море—248.
 Египет р.—124.
 Эдфу—26.
 Экбатаны—49.
 Элам—166, 321.
 Эллада—145, 146.
 Эль-Тегень—29.
 Энгур—106.
 Энкоми—84.
 Эриванская котловина—157.
 Эритрейское море—175.
 Этрурия—155, 171, 208.
 Эфиопия—65, 72.
 Эшерс—4, 6, 140, 153—156, 178, 191, 212
 258, 259, 272.
 Эшерский сельсовет—310.
 Юго-Осетия—160.
 Юнус сел.—92.
 Юрьевское сел.—93.
 Язили Кая—143, 251.
 Яштух Верхний—229.

III. Указатель именной.

Абдулаев Б.—75.
 Абу Хамид Андалузи—182.
 Авдиев В. И.—223.
 Аганий (Agathias Myrinaecis)—110—116,
 180.
 Адриан (Hadrian) имп.—103, 125.
 Alilo Julius—228.
 Alnoworth William—203.
 Алимбеков И.—263.
 Аюкян Карапет—260, 273.
 Аль Мамун—115.
 Александр Македонский—77, 184, 234.
 Альбов Н. М.—304.
 Амасис (фараон)—147.
 Amiranashvili A.—52.
 Амфей—146.
 Анахарсис—251.
 Андрей ап.—100, 102, 127.
 Ананий Ширакский—114.
 Андрусов Н. И. (N. Androussoff)—112,
 119.
 Антонин Пий—40.
 Antoniewicz Wl.—284, 285.
 Антонович В. Б.—37, 170, 172, 269.
 Анучин Д. Н.—35, 48, 133, 149, 176, 183,
 191, 252, 299.
 Аполлон Водитель—194.
 Аполлон Гиперборейский—65.
 Аполлоний Родосский (Apollonius)—110,
 128, 187, 190, 255.
 Аппиан—197.
 Аписирт—111.
 Апухтин—284.
 Аристарх—199.
 Аристотель—203.
 Аристофан—61, 198.
 Arne T. J.—16, 244.
 Арриан Флавий (Arrianus Fl.)—91, 100,
 104, 106, 108, 109, 111, 115, 116, 123—
 126, 170, 175, 234, 251, 322.
 Артемьев Б. П.—201, 202.
 Архангельский А. Д.—119, 120.
 Архипов И. П.—211.
 Arzruni—205.
 Асклепий—145.
 Ассурназирпал—142.
 Атены—30.
 Аттая М. О.—77.
 Autran M. C.—457.
 Афросимов—185.
 Ахилл—86.
 Ашик А. Б.—129.
 Аякс Локрский—146.
 Багрянородный Константин—100.
 Бадэр О. Н.—163.
 Банк А. В.—77.
 Байерн Ф. (Fr. Bayern)—54, 133, 135,
 152, 163, 204, 205, 265.
 Baglioni S.—156.
 Барач Г. П.—45, 148, 259.
 Барбаросса Фридрих—183.
 Bartholomaei J.—254.
 Бартольд Б. В.—182, 183.
 Bauer Max—175.
 Бахтадзе И. А.—81.
 Башкиров А. С.—121, 126, 129.
 Бежанишвили Н.—200.
 Бежанов М.—75.
 Belck W.—63, 152, 199, 201.
 Белов Г. А.—95.
 Benloew Louis—20.
 Бердзенишвили Н. А.—38.
 Берлин Н. И.—202.
 Бернштам В. Л.—14, 28, 30.
 Bertrand—141.
 Bittel Kurt—38, 61, 143, 157, 190, 210
 220, 221, 242.
 Блаватский В. П.—42.
 Блэйк Р. II. (P. Robert Blake)—174, 200.
 Bleichsteiner Robert—207.
 Blinkenberg Chr.—139, 161, 242.
 Blümner—243.
 Бобринский А. А.—29, 40, 100, 155.
 Богаевский Б. Л.—208.
 Bode C. A.—206.
 Борне Александр (A. Burns)—205.
 Бохарт 175.
 Boisacq E.—73.
 Brand C. P.—169.
 Braun Friedrich—197.
 Брауншвейгский Генрих—78.
 Броссе М. (M. Brosset)—83, 99, 101, 126,
 127, 201.
 Брун Ф.—99, 100, 108, 123, 126, 127, 186.
 Bugge Sophus—195.
 Buchner Max.—35.
 Buschan—162.

Бутова Е.—76.
Бэлл Джемс (J. Bell)—265, 305.
Бэр Д.—204, 205.
Бюс Е.—121.
Ваданянц Л. А.—119, 121, 201, 202.
Васильевский В. Г.—100, 125.
Vassits M.—249.
Вахушти (Wakhoucht)—83, 90, 186, 200, 21, 236.
Watelin Ch.—286.
Веденбаум Е.—204.
Weill Raymond—320, 321.
Вейсенгоф—79.
Велишский Ф. Ф.—97.
Вергилий—72, 196.
Веселовский А. Н.—75, 76.
Веселовский Н. И.—26, 184, 194, 228, 28, 307, 308.
West E. W.—73.
Willamovitz Möllendorf U.—50, 320.
Wilke Georg—287.
Windischmann Fr.—78.
Winiewicz K.—255, 256.
Винклер—80.
Винников И. Н. (J. N. Winnikow)—184.
Виноградов-Никитин П. З.—81, 150, 219—221.
Virhow Rudolf—51, 54, 63, 133, 149, 167, 183, 194, 200, 227.
Висконте П.—99.
Wissowa—50.
Воронов Ю. Н.—93, 95.
Бостряков В.—75.
Wroth W.—49.
Vullers J. A.—
Woolley Leonard—92, 223, 257, 305.
Вэй-Цве—185.

Габашвили—80.
Haberlandt Arthur—162.
Габлиани Иги.—254.
Гаген (B. Hagen)—166, 167.
Гайдукевич В. Ф.—7—9, 14.
Gamba—101.
Ган К. Ф.—91.
Hahn—10.
Hanka W.—78.
Hansen—102.
Ганчар Ф. (Franz Hančar)—40, 210, 214, 225, 228, 316.
Garstang J.—142.
Hatt G.—15.
Гатуев Дзахо—78.
Head V. Barclay—61, 64.
Heim Albert—120.

Гекатей Милетский—185.
Heizheimer Max—207.
Генко А. Н.—238, 254.
Георгий Михайлович вел. кн.—252.
Геракл.—163.
Гёрнес М.—94, 191, 290.
Hoernes-Menghin—143, 155, 247, 248,

352

Геродот—49, 65, 92, 113, 114, 142, 144, 145, 184, 186, 207, 233, 249, 251, 320, 322.
Herzfeld E.—244.
Gesenius W.—67.
Гезнод—50, 195.
Гезихий Александрийский—(Hesychius Alexandrinus)—198, 251.
Гетнон—96.
Гигин—50.
Gierstad Einar—23, 37.
Himner Marian—249.
Гиппократ (псевдо)—145.
Гнедич Н. И.—17.
Гоголишвили В. М.—40.
Hommel Fritz—250, 257, 320, 321.
Гомер—65, 145, 146, 175, 195.
Горели Давид—252.
Городнов В. А.—232, 282—294, 299, 315, 319.

Гомкевич В. И.—16.
Граков Б. Н.—9, 11—14, 30, 42, 173, 174.
Грен А.—94.
Григорович Березовский Н. А.—119.
Growford O. G. S.—293.
Gruppe O.—198.
Grünwedel Alb.—77.
Гулия Д.—81, 100, 107, 126, 154, 255.
Гюль Ахмед—133.
Hultsch F.—113.
Hummel Jacob—230.
Hunger John.—12.
Гуццига А. Ф.—155.
Hüsing P.—207, 233.
Güxtenbock Hans—242.

Давиташвили Л. Ш.—120.
Dalton O. M.—37, 48, 49, 52, 62.
Darmberg-Saglio—10, 129.
Дарий—49, 92.
Dav es T.—208.
Двадзиан Арутюн и Эшан—155.
Déchelette Joseph—51, 153, 157, 159, 161, 191, 262, 263, 265, 267, 275, 319.

Delitzsch Fr.—67, 68.
Depéret Ch.—118.
Дерезановы—78.
Дестунис С.—111.
Detlefsen 104, 105.
Джавахишвили И. А. (Джавахов)—61, 84, 101, 102, 127, 210, 252, 253, 265.
Джанашвили М. Г.—72, 174, 189, 200.
Джанашия Н. С.—189, 238, 255.
Джанашия С. Н.—221.
Диодор Сицилийский (Diodore de Sicile)—191, 197.

Дионисий (Периетет)—131.
Дионисий Галикарнасский—255.
Dirr A.—137.
Добрынин Б. Ф.—118, 120.
Доктуровский В. С.—118.
Dolbeschew W.—183.
Дондуа К. Д.—235.
Дорн Бернард (Bernard Dorn)—182.

Дюбуа де Монперре (Dubois de Montpè-reux)—80, 93, 100, 107, 109, 115, 121, 123, 128, 129.
Dussaud René—58, 60, 107, 191, 226, 230, 246, 249, 320.
Evans Arthur—207, 248, 249, 309.
Европеус А. (Aarme Ayğarai)—225, 283, 288.
Егнатаров С. А.—75.
Eichwald Eduard—80.
Ellis R.—254.
Еланицкий А. Б.—109.
Eismann Al—249.
Епифаний Кипрский (Epiphanius)—102, 174.
Епифаний (монах)—100, 102.
Ерипов А. Д.—173.
Ефрем Сирин—73.
Жаринцев—122.
Жордания Т.—127, 200.
Жамятин С. Н.—1, 119.
Засуйлович—284.
Званбай Соломон—189.
Zichy E.—187. (Posta Bela).
Зосима (Zosimus)—123.
Зунтуриди И. Г.—112, 117, 122.
Зюсс Э.—117.

Иби-Хардаблех—114.
Ивановский А. А.—51, 63, 152, 157.
Ивашенко М. М. (M. M. Ivašchenko)—1, 4, 6, 17, 21, 104, 124, 125, 153, 155, 156, 178, 216, 259, 268, 269, 273, 277, 293, 304.

Иезикиил—114.
Jeremias Alfr.—66.
Иессен А. А.—21, 172.
Ил-Гарна—182.
Ильин С. Н.—117.
Иов—72.
Jolland—208.
Iordannes—197.
Ipsen G.—254.
Исидор из Харакса—105.
Кавелин Леонтий—101.
Казвини—182.
Какуба—221.
Калюжный В.—201.
Каменев Н. Л.—282, 299, 301—303, 305.
Кананит Симон—100, 101.
Carpant Jean—265.
Caga Cesare—320.
Karnitsch Paul—151.
Casanova J. M.—76.
Cassarteli L. C.—77.
Касторий—107.
Кимакович-Виницкий М.—17.
Chierici Gaetana—319.
King B. N.—49.
Киперт (H. Kiepert)—102.
Кипшидзе И.—263.
Kiessling—109, 113.
Клавдий имп.—104.

23. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды.

Клапрот—126.
Clermont Genneau—184.
Klotz A.—104.
Книпович Т. Н.—11, 12, 17, 34, 43.
Кодин—100.
Козлов А. Л.—117, 122.
Коковцев П. К.—184.
Collignon—30.
Комаров А. В.—23, 93, 95, 133, 134.
Кондаков Н.—46, 62, 65, 299.
Константин Багрянородный—100.
Контено Г. (G. Contenau)—58, 60, 62, 66, 68, 143, 144, 153, 247.
Koeppel Rob—263.
Körte G.—142.
Косцюшко-Валюжнич К. К.—14, 15.
Кратит—198.
Kretschmer Pauli—254.
Cauissin Paul—143.
Xanthudidis S.—248.
Ксенофонт (худож.)—65.
Ксенофонт—144, 233.
Ксеркс—49, 144.
Ктезий—(Ctesias Cnidius)—174.
Кудрявцев К.—148, 158.
Кузнецов С. С.—118, 120.
Кулаковский Ю. А.—100.
Kuhn—106.
Куперман М. Г.—313.
Куфтин Б. А.—1, 48, 54, 77, 80, 107, 213, 295.

Labbach Vidal—250.
Лазаревский Я.—29.
Lajard Felix—84.
Лалаян Е.—51, 157.
Ламберти Арканджело—202, 207, 128, 186.
Langdon S.—286.
Лалло-Данилевский А. С.—46, 50, 211.
Лассен Христиан (Chr. Lassen)—175.
Латинни Б. А.—51, 157.
Латышев В. В.—10, 72, 100, 101, 104, 106, 109, 110, 111, 123, 145, 183, 197, 198, 251, 321.

Layard A. H.—47.
Lewy H.—68.
Lévi Sylvain—73, 77.
Ленорман (F. Lenormant)—67, 204.
Leonhard—207.
Леонидзе Давид—80.
Лизимах—37.
Ликофрон Александрийский—321.
Лихтенберг Р.—145, 148, 149.
Личков Б. Л.—119.
Логин св.—322.
Longpérier (le) A.—49.
Лопарев Хр.—73.
Лопатинский Л. Г.—76.
Luca Giovanni (Jan de)—185, 186.
Лукиан—65, 251.
Лукин А. Л.—1, 3, 39, 95, 147, 148, 150, 152, 160, 161, 198, 236, 238, 241, 244, 268, 274.

353

Луниин Б. В.—258, 259, 265.
 Лурье И. М.—223.
 Luschan Felix—162.
 Люлье Л. Я.—91, 189, 255.
 Макалатия С. М. (S. Makalathia)—98,
 40, 52, 99.
 Maskau Ernest—157, 159, 223, 284, 285,
 305, 307.
 Макаренко Н. (М.)—249.
 Мальмберг В. К.—15.
 Mallon Alex.—263.
 Мамун—115.
 Mahr A.—151.
 Марголин П.—78.
 Марий—197.
 Marinatos S.—248.
 Марко Поло—72, 76.
 Маркосян Хачик—152.
 Маркс Карл—209.
 Марр Н. Я.—7, 57, 58, 63—71, 74—76,
 84, 84, 86, 87, 89, 90, 101, 106, 108,
 127, 137, 162, 196, 233—235, 233, 243,
 250, 252, 254, 255, 257, 311, 312, 319,
 320, 321.
 Marton L.—285.
 Maspero G.—204.
 Масуди—183.
 Мачавариани К. Д.—100.
 Машурко М.—76.
 Мела Помпоний—91, 145.
 Меликсет Беков Л. М.—100.
 Мельгунов Г.—205, 206.
 Мелькарт из Арады—36.
 Менандр—234.
 Менелай—146.
 Мерион—145.
 Месхи С. С.—133.
 Мещанинов И. И.—1, 56, 57, 79, 76, 90,
 97, 166, 193, 194, 321.
 Микальян Гурген—155.
 Микальян Мухег—152.
 Milloué L.—77.
 Millet G.—77.
 Миллер А. А.—16, 17, 23, 29, 34, 58, 95,
 122, 189, 194, 258, 280.
 Миллер В. Ф.—74, 78.
 Miller Komad—102, 107.
 Minns E. H.—62, 194.
 Мирчинь Г. Ф.—117, 119, 120.
 Митридат—104.
 Михайловская О. Н.—117.
 Михайловский—С. И.—117, 122.
 Модестов Б. И.—318, 319.
 Montelius Oscar—141, 157, 163, 176, 263,
 240.
 Moorgat A.—250.
 Morgan Henri—88.
 Morgan Jacques—23, 35, 36, 40, 47, 51,
 88, 157, 163, 173, 191, 203, 205, 206,
 232, 248, 263, 265.
 Mortillet Gabr. et Adr.—38, 159, 162—
 164.
 Mourier J.—238, 252.
 Murray—206.
 Müller C.—100, 124.
 Müller Max.—196.
 Myres J.—242.
 Набухаднесар—92.
 Надарейшвили Ш.—314.
 Назаров Ф.—184.
 Накашидзе Р.—170.
 Nau Fr.—73.
 Нершахи—183.
 Neuville René—263.
 Нибулр—319.
 Нидерле Любор—15, 141.
 Нимфодор—187, 188, 190.
 Нюрадзе Г. К. (G. Nioradze)—51, 210,
 Nissen H.—103.
 Nicholson E.—113, 115.
 Нума Помпилий—96.
 Обермайер Г.—264.
 Ovidius—96.
 Огородников—205.
 Одиссей—145.
 Оленин А. Н.—147, 155.
 Онесикрит—184.
 Орбели И. А.—105, 114, 233, 322.
 Орбелиани Саба (Сулхан)—68, 72, 79,
 201.
 Орешников А. В.—46, 254.
 Osborne W.—93, 224, 225.
 Oswald F.—203, 206, 207.
 Osten (Van der)—32.
 Offord J. A.—250.
 Павлов А. П.—118.
 Павлуцкий Г.—233.
 Павсаний—49, 145, 146, 195.
 Parthey G.—100.
 Пассек Т. С.—51, 157.
 Патканов К. П.—174.
 Патрокл—96.
 Pauly-Wissowa—50, 100, 113.
 Пахомов Е. А.—222, 254.
 Peysonell—205.
 Perrot et Chipiez—47, 56, 60, 61, 65, 66,
 88, 142, 195, 248, 250.
 Petrie Flinders—113, 114, 157.
 Петров П. Ф.—49, 92, 190.
 Петровский М.—78.
 Петропавловский В. Н.—117, 118, 120.
 Pigorini—141.
 Peake H.—205.
 Pieper Max.—77.
 Пирогов В.—124.
 Плиний Секунд (Plinius Secundus)—65,
 72, 91, 96, 101, 103—111, 116, 169,
 174, 175, 198, 203, 211, 322.
 Плутарх—113, 197.
 Pokorny Julius—207.
 Полиглот—146.
 Поло Марко—72, 76.
 Помпоний Мела—91, 145.
 Pope Arthur U.—49.
 Посидоний Анаклийский—114, 197.
 Posta Bela—28.

Pottier Edm.—246.
 Poulsen Er.—51, 58, 61, 257.
 Православен П. А.—118.
 Prellwitz W.—73, 74.
 Praetorius Fr.—68.
 Прендель Р. А.—121.
 Przeworski Stef.—60, 210, 214, 225, 227,
 244.
 Тридник Е. М.—57.
 Printz W.—77.
 Прокопий Кессарийский (Procopius
 Caesariensis)—101, 110, 111, 127.
 Птоломей (Ptolemaeus Claudius)—102,
 113, 106—109, 111, 114, 123, 124, 127,
 175, 175, 234, 321.
 Pulszky Franz—224.
 Rimpelly Raphael—9, 248.
 Рачина Е. Г.—54, 79.
 Рачинцев В. Ф.—119.
 Радо Г. И.—308.
 Рашид-ад-Дин Ф.—75, 76, 255.
 Рамсес III—329.
 Rawlinson George—35, 79, 197, 234.
 Rayet—30.
 Reyer E.—205.
 Reinack S.—141, 251.
 Рейгард А. Л.—118, 120.
 Рейхель (Wolfgang Reichel)—146.
 Рейгартен В. П.—117, 118.
 Ренников И.—95.
 Ренанс—149, 156.
 Рёслер Э. А. (Emil Rössler)—92, 230.
 Richter Gisela—15.
 Ronnon A. C.—252.
 Rosenberg G.—290.
 Rosenberg Marc.—171.
 Росенберг Ф.—61, 64.
 Роска М.—232.
 Ross Denison—249.
 Ростовцев М. И. (M. Rostovzeff)—26, 29,
 48, 62, 96, 97, 103, 104, 125, 129, 173,
 194, 206, 250.
 Ротье (Rottiers)—126.
 Roucher W. H.—50.
 Rougemont Fr.—204, 208.
 Руммель В. Ю.—117.
 Рубинин М. В.—77.
 Саввантов Павел—169.
 Sayce A. H.—208.
 Salgey—114.
 Сальдау П. Я.—155.
 Saglio—10.
 Самоквасов Д. Я.—53, 173, 225, 284.
 Саргон—208.
 Саханцев В. В.—93, 95.
 Сахаров В. В.—112.
 Свириденко С.—196.
 Seager R. B.—309.
 Селлахерид—142.
 Сервий Грамматик (Servius Honoratus
 Maurus)—72, 186.
 Сердюченко Д. П.—201, 202.
 Sibirsky A.—65.

Сизов В. И.—15, 19, 23, 24, 93, 121, 128,
 187, 268, 309.
 Силий Италик (Silius Italicus)—183, 155.
 Симон Кананит—100, 101.
 Siret L.—318.
 Скилак (псевдо-) Карпандский—101,
 107—109, 111, 123.
 Скиндер В. А.—210, 211.
 Скриленко А.—248.
 Смекалов—133.
 Смирнов Я. И. (J. Smirnov)—51, 74, 84,
 88, 173, 254.
 Smieszek A.—255, 256.
 Смитс Эллиот (Smith Elliot)—264, 265.
 Smith C.—238.
 Соболевский А. И.—169.
 Соловьев Л. Н.—1.
 Сорохтин Г.—259.
 Софокл—198.
 Спицын А. А.—23, 93, 95, 129, 163, 258,
 315.
 Срезневский Н. И.—164.
 Stahl A. F.—206.
 Сталин И. В.—311.
 Стефан Византийский—107, 234, 322.
 Стефани Л.—28, 50, 65.
 Страбон—10, 74, 91, 102, 104, 110, 114,
 130, 184, 186, 188, 197, 203, 205, 233,
 318.
 Стражев В. И.—133, 138, 147, 156, 178,
 259.
 Страхов Н. М.—119, 120.
 Стрелков А. С.—19.
 Сфенел—50.
 Сысоев В. М.—260, 268, 269.
 Табари—183.
 Тавернье—205.
 Taylor J. G.—207.
 Taitbout de Marigny—93.
 Такайшвили Е. С.—80.
 Талльгрен А. М. (A. M. Tallgren)—21,
 53, 55, 172, 246, 262, 284, 285, 287,
 288, 290, 292, 297, 303, 309.
 Тацит Корнелий—109, 197.
 Твалчрелидзе А. А.—170, 200, 210.
 Теофраст (Theophrastus)—169.
 Tibull—96.
 Тиглат-Пилессар—142.
 Тидей—145.
 Тимофей—103, 105.
 Тихая-Церетели М. Г.—83, 254, 255.
 Токарский Н. М.—114.
 Толстой И. И.—46, 62, 65, 254, 299.
 Tomaschek W.—101, 109, 123, 124.
 Thompson Campbell—49.
 Тониев П.—75.
 Траян имп.—102.
 Тревер К. В.—73, 74, 83.
 Тугшад—83.
 Тудельский Вениамин—78.
 Тураев Б. Н.—173, 248, 250, 251.
 Thureau Dangin F.—66, 76.

Уваров А. С.—138, 148, 154, 183, 225, 262, 263, 280, 262.
 Уварова П. С.—12, 14, 23, 26, 28, 30, 37, 40, 56, 83, 126, 138, 141, 154, 156, 167—169, 172, 198, 218, 227, 230, 248, 245, 249, 253, 258, 259, 260—271, 279, 299, 300—304.
 Unger Eikhard—68, 142, 203.
 Undest Jngvald—139.
 Услар П. К.—104, 124, 126, 321, 322.
 Фадеев А.—126.
 Фармаковский Б. В. (B. Pharmakowsky)—7, 11, 46, 56, 95, 97, 126, 156.
 Faxon Harriet—15.
 Федоровский А.—11.
 Фелицын Е. Д.—259, 260, 264, 268, 280, 282, 284, 291—293, 299—303, 305.
 Фелькерзам А.—175.
 Ferrand Gabriel—77.
 Ферман А. Е.—175.
 Филимонов Г. Д.—37, 172, 173, 211, 299.
 Филист Сиракузский—319.
 Филострат—65, 72.
 Fischer—207.
 Форкид—146.
 Forrer B.—244.
 Frazer J. B.—191.
 Франк-Каменецкий И.—67.
 Френ Х. М. (Ch. Fraehn)—182.
 Friedrich J.—74.
 Fraenkel S.—68.
 Frobenius L.—162.
 Furtwaengler A.—58, 60, 61.
 Ханенко В. И. и В. И.—129.
 Хардаблех (Ибн)—114.
 Хаханов А. С.—78.
 Хашба А.—75.
 Хвойко В. В.—129, 248.
 Хонели Мосе—78.
 Хоштария Нина—40, 95.
 Цагарели А.—90.
 Cehak Helena—248.
 Childe G.—153, 157, 159, 205, 208, 248, 249, 264, 284, 287, 291, 309.
 Чарая П.—197, 253.

Чернявский В. И.—99, 100, 108, 121, 122, 125, 128.
 Чомогуа Иван—259.
 Чубинов Давид—69, 86, 201.
 Чураков—202.
 Chavannes E.—185.
 Шантр Е. (Ernest Chantre)—138, 154, 156, 167, 170, 209, 210, 226, 244, 271, 317.
 Шарден (Chardin)—126, 205.
 Charpentier Jarl.—73, 77.
 Шафранов Н. И.—115, 118, 122, 123.
 Schaeffer Cl.—257.
 Šimek E.—151.
 Ширакский Ананий—114.
 Шкорпил В. В. (Škorpil Vladislav)—9, 251.
 Schlottmann K.—51, 256.
 Шмидт А. В. (A. V. Schmidt)—286, 287, 291, 309.
 Schmidt Erich F.—32, 39, 59, 206.
 Schmidt Hubert—39, 170, 173, 285.
 Spiegel Fr.—73.
 Spiegelberg W.—77.
 Sprenger A.—114.
 Штерн Э. Р.—124.
 Шуази О.—267.
 Шульд Д.—79, 80, 283.
 Schuchhard Carl.—146, 320.
 Эберзин А. Г.—117.
 Эвлия Эфенди—186.
 Эвристей—195.
 Эйхвальд Эдуард (Eduard Eichwald)—80—82.
 Элезар Бен Садак—184.
 Энгельс Фридрих—209, 310, 313.
 Эристов Р. Д.—69.
 Эфор—187.
 Jullian C.—318.
 Юрченко П. О.—322.
 Юстиниан имп.—100, 127.
 Ютнер Э.—220.
 Язон—187.
 Яковлев Н. Ф.—91.

IV Указатель лингвистический

abade—91
 abazg—137
 ablat—91
 abra—84
 Abarskil—84
 abq az—137
 abar—255
 Aybar—181, 238, 255
 abad—175
 abnt—175
 abdah—18—175
 Alwa—233
 al-burak—74
 alomkintr—238
 amahaz—86
 Amiran—84
 Amiran—84
 amra—84
 amor—84
 Amora—84
 Amorskil—84
 Anak—76
 Anatori—253
 Anka—76
 ansba—197
 Ansa—197
 Anbari—253
 anda < ansba—197
 anda—253
 apō—137
 anpānō—137
 hapānā—137

aps—235
 Apswa—91, 101
 Afē—190
 aribu—76
 Abar—250
 Aūy—84
 Aḡəmaḡan—238
 āχāṭṭṭs—176
 amvamkāt—189
 aḡkod—175
 aḡar—255
 aḡe—255
 amtor—250
 bakur = masqur—70
 bask—90
 basxeḡ—91
 beḡed—87
 βḡμα—113
 βoeṛṇ—146
 varḡār—90
 hair—257
 hay—257
 *haps—137
 ḡhardm—253
 hatta—175
 Garmr—196, 198
 gvel—235
 gwer—89, 90, 235
 gweri—57, 59, 193
 *hengur—106
 ger, geri—57, 89, 90, 196, 235
 ḡerbeḡ—68, 196

ġermeð—196
 'h'iber—196, 234
 ġim—196
 Ĥimr—197
 Himmel—196
 ġmerð—196, 198
 *hovs—137
 ġormoð—70, 196, 198
 greifen—67
 ġribh—67
 γρύψ—67, 72
 ġueri—57, 193
 ġur—235
 ðsira—114
 qaḏa—255
 ekdu—175
 eḡs—235
 Esðer—255
 Eðer—255
 etrusk—320, 321
 jambu—73
 Ĥimr Andari—253
 'fabrān—255
 zairita—169
 zerd—169
 ziw—74
 ζῶμα—144, 146
 ζωστήρ—146
 'IðF oves—257
 iber—89
 yebze—235
 ἰκτινός—73, 74
 Ion—257
 Iintar—250
 *kawrom—74
 kaḏim—250
 qayl—114
 καμάρα—74
 kammar—74
 karakku—68
 karapet—69
 kâribu—68

carnerma—169
 karpi—68
 karubu—68
 κασσιτερος—207
 kasstira—207
 kwaban—233
 *kews—137
 *Qera-fkari—108
 κέρβερον—198
 Kérberos—196
 kerber—148
 كرب—67
 keremeð—68
 kerm-ġerm—196
 kerp, kerpi—68, 70
 kerub—67, 68
 kimer—196, 234
 κιμῆριοι—198
 Cymry—197
 kirûbu—68
 kobala—252
 Koban—233
 komor—74
 kopala—251
 korb—69
 corneolus—169
 κορυς—146
 kort—69
 krb || krm—68
 Κυανη—74
 Κυανος—73
 Κυβελη—251
 κύκνος λιγύς—50
 κυνέη—146
 kur—127
 kury—127
 kurbi—69
 kuribi—68
 kurabu—68
 kuruukku—68
 kurpi—68
 qurum—70

Kurte—69
 Kurma—69, 74
 Ια-ααηα—321
 Iaiomka qan—255
 λαλιέκ—320
 lek-lek—320
 λαλακ—320
 Leleg—321
 Leḡ ḡ um—233
 Λεβουκην—322
 Λεβουστίνιοι—322
 Λεγυούριον—318
 Λεγυος—322
 Λεγυστικῆν—321
 Lulubi—321
 *Lulug—321
 Μανκοραβα—68
 Μαι(ν)τιανη—74
 margarey—90
 markind—87
 mask—90
 maskur—69
 masqur—87
 matani—86
 malkind—87
 maðaz—87
 Mheri—84
 memarge—90
 Mdazoo—123
 mihrab—68
 Mihran—84
 Mithra—84
 mumhumu—66
 moeköd—87
 nâga—77
 niqâr—83
 nikor—83
 nokar—83
 ova—137, 235
 orb—69
 ôreb (eoreb)—76
 eperet—201

pai—257
 pask—90
 paskund—90
 paskut—69, 87
 πέλαγος—320
 πελαργός—320
 pelasq—320
 pilistu—320
 Punik—257
 p'urbu—143
 paqondr—69
 paskud—69, 71, 75
 paskund—69, 72, 89
 πασσαν—238
 pḡ oelnu—90
 rasena—320
 „rasin“—184
 raski—321
 ramu—76
 roḡ—76
 çabala—196
 saēno mərəyo—73
 çarvaras—196
 σαρδῖον, σαρδῖος—169
 σαρδονυχός—169
 sardoine—169
 Sevan—74
 Senmurv—73
 „сердоничный“—169
 çyāvah—74
 çiyāh—74
 syēnah—73
 simâr—76
 sm/tin—74
 Sinamru, Çinamru—73
 Sicile—319
 Sikêles—319
 Siculus—319
 Sichel—319
 ska→ski—84
 Sper—198
 Sfr—77

Srrf—74
Subar—234
ṭaw-am—106
ṭάλασσα—254
ṭάλα 254
ṭάλλω—254
Ṭalna—254
ṭet—87
Telepinu—84
Telepinum—254
Telipr—254
Τήλεφος—84
t-em—106
Trōes=321
Τρῶες—321
tubar—233, 234
ṭu-am—106
ṭu^c[a]mm—106

ἑωρηξ—146
ṭaq l—57
cyāneus—73
ṭm—73, 74
tkb—106
ṭq al—57
ṭkalr—57
Ṭq om—233
ṭq oum—235
*ṭkum—106
Ṭq umur—234
ṭelebr—254
Ṭotāq ieli—101
mārad—175
„šedu“—66
mered—175
mrt—175

